П. К. КОЗЛОВ

МОНГОЛИЯ и КАМ

ОГИЗ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА - 1947

LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF ILLINOIS
AT URBANA-CHAMPAIGN

915.17
K84mo
1947

The person charging this material is responsible for its return to the library from which it was withdrawn on or before the **Latest Date** stamped below.

Theft, mutilation, and underlining of books are reasons for disciplinary action and may result in dismissal from the University.

To renew call Telephone Center, 333-8400

UNIVERSITY OF ILLINOIS LIBRARY AT URBANA-CHAMPAIGN

AUG 05 1987

L161—O-1096

МОНГОЛІЯ И КАМЪ.

МОНГОЛІЯ и КАМЪ.

ТРУДЫ ЭКСПЕДИЦІИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

Русскаго Географическаго Общества,

совершенной въ 1899—1901 гг.

ПОДЪ РУКОВОДСТВОМЪ

П. К. Козлова.

Изданіе Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

ТОМЪ I.

Часть первая.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типо-Литографія „Герольдъ", Вознесенскій пр., 3.
1905.

P K KOZLOV

П. К. КОЗЛОВ

MONGOLIA I KAM

МОНГОЛИЯ И КАМ

ТРЕХЛЕТНЕЕ ПУТЕШЕСТВИЕ ПО МОНГОЛИИ И ТИБЕТУ (1899—1901 гг.)

ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ
(сокращенное)

ПОД РЕДАКЦИЕЙ И СО ВСТУПИТЕЛЬНОЙ СТАТЬЕЙ
В. П. КОЗЛОВА

ОГИЗ
Государственное издательство географической литературы
МОСКВА — 1947

П. К. Козлов в 1901 г.

415.17
K84mo
1947

Памяти незабвеннаго своего учителя,

перваго изслѣдователя

природы Центральной Азіи,

Николая Михайловича

Пржевальскаго

посвящаетъ труды экспедиціи

П. Козловъ

ОТ РЕДАКТОРА

Необходимость переиздания описаний далеких путешествий и крупных открытий назрела уже давно: такие книги невозможно достать в продаже и не везде найти в библиотеках. Между тем огромный опыт исследования неизвестных стран, покрытие маршрутами «белых мест» на картах имеет не только историческое значение, но может быть использован и при современных нам исследованиях. Одним из пунктов постановления СНК СССР по увековечиванию памяти П. К. Козлова[1] было поручение Академии наук СССР переиздать труды П. К. Козлова. К сожалению, однако, с тех пор прошло уже 11 лет, но это поручение остаётся невыполненным.

Следует приветствовать поэтому начинание вновь создавшегося Географического издательства, поставившего себе в план в первую очередь переиздать труды наших славных путешественников.

«Монголия и Кам» и «Монголия и Амдо и мертвый город Хара-хото»[2] являются основными печатными трудами П. К. Козлова, закрепившими для потомства его научные достижения и славу великого путешественника — исследователя Центральной Азии.

Труды Тибетской экспедиции Русского Географического общества под начальством П. К. Козлова в 1899—1901 годах должны были выйти в девяти томах под общим заголовком «Монголия и Кам» (вышло в свет шесть томов). Первый том — географическое описание П. К. Козлова (которое сейчас и переиздается) — вышел в 1905—1906 годах в двух частях на 734 страницах и снабжен 53 фототипическими

[1] См. «Известия ВЦИК СССР» № 233(5786) от 5 октября 1935 года.

[2] В ближайшее время второе произведение будет также переиздаваться Географическим издательством.

таблицами, 78 рисунками в тексте, 3 чертежами, картой съёмок на 4 листах и отчетной картой с нанесенными маршрутами. Второй том — труды спутников П. К. Козлова — А. Н. Казнакова и В. Ф. Ладыгина.

Третий том — результат обработки астрономических и метеорологических наблюдений. Остальные томы — результат работы специалистов-зоологов над материалами экспедиции.

В целях большей доступности и популяризации знаний П. К. Козлов в 1913 году выпустил в свет сильно сокращенное описание этого путешествия под заголовком: «Трехлетнее путешествие по Монголии и Тибету». Как он сам указывает в предисловии, объём сочинения сокращен за счёт «специальных страниц книги, отведенных под описание климата, флоры, фауны, геологического строения и т. д.» и оставлен целиком «живой рассказ о ходе самого путешествия и обрисовка номада».

Труд П. К. Козлова «Монголия и Кам» переиздается в несколько сокращенном виде. Сокращению подверглись отдельные места, не представляющие географического интереса.

Значительному сокращению подверглась первая глава — отъезд экспедиции и работа в пределах России. В следующих главах исключались беглые маршрутные заметки, изложение личных впечатлений и небольших эпизодов, обоснования предстоявших маршрутов, наконец, в редких случаях описание некоторых второстепенных монастырей и незначительных деталей в изложении быта населения. В результате новое издание сокращено менее чем на одну треть.

Считая, что это печатное произведение является ценным вкладом в географическую науку и до сих пор не утратило своего значения к познанию Центральной Азии, мы сохранили весь фактический материал, стараясь в то же время оставить нетронутым и живое, увлекательное описание картин природы.

Латинские названия растений и животных просмотрены специалистами соответствующих отраслей науки и приведены к современным. Карты съёмок изданы в уменьшенном виде без всякого изменения (как имеющие документальное значение), карты маршрутов даны на новой основе, причём нанесены маршруты и других экспедиций П. К. Козлова.

Все календарные числа оставлены в старом стиле. Однако в заметке Каминского, как в своем месте указано, числа — в новом стиле.

Приложен список Трудов П. К. Козлова и список знаменательных дат его жизни, а также перечень некоторых малоизвестных терминов.

В. П. Козлов.

ЖИЗНЬ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПЕТРА КУЗЬМИЧА КОЗЛОВА — ПУТЕШЕСТВЕННИКА, ИССЛЕДОВАТЕЛЯ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

В своем докладе на заседании Всесоюзного Географического общества 26 ноября 1935 года [1], посвященном памяти П. К. Козлова, академик Ю. М. Шокальский отнес время деятельности этого путешественника к эпохе больших путешествий и великих открытий, когда Центральная Азия была пересечена маршрутами известных исследователей: Пржевальского, Роборовского, Потанина, Грумм-Гржимайло, В. А. Обручева и других.

В 1944 году ту же мысль высказал на страницах Geographical journal Evert Barger. «Полстолетия исследования Центральной Азии, — пишет он, — которое только что истекло, было «золотым веком» открытий. На международном научном языке оно, может быть, будет названо периодом великих путешественников, каждый из которых собирал данные, относящиеся к различным отраслям знаний, касавшихся изучения климата, физической географии, народов и истории стран, куда проникали исследователи». И в первую очередь E. Barger называет русских исследователей — Пржевальского и Козлова. Несомненно, что еще и теперь в Центральной Азии осталось немало глухих уголков, неведомых для культурного мира, и крупные экспедиции в далекие страны, «научные рекогносцировки», как их называл Н. М. Пржевальский, не утратили своего значения, но характер их в дальнейшем, очевидно, будет изменен в связи с развитием техники, которая поможет сократить время пребывания в экспедициях, а следовательно, условия для работы исследователей значительно облегчатся.

[1] Ровно через два месяца после кончины П. К. Козлова.

Надо отметить однако, что длительное пребывание путешественников среди населения изучаемых стран и притом в условиях, мало отличающихся от бытовых условий местных жителей, способствовало сближению исследователей с населением, что помогало шире и глубже изучить человека и окружающую его природу, общественные отношения и взаимоотношения с соседями данного племени.

В период путешествий Пржевальского и Козлова (1870—1926 годы) условия для жизни и деятельности в экспедиции были весьма трудны, и участие в этих больших работах отражалось на всей жизни исследователя. Достаточно сказать, что участники таких экспедиций отрывались от семьи и родины на $2^1/_2$—3 года, жили среди народов, стоявших на очень низком уровне развития, переходили через мало доступные перевалы на высоте до 5 тыс. *м*, пересекали безводные пустыни, отражали нападения диких воинственных племен и прочее.

На начальнике экспедиции лежала огромная ответственность не только за выполнение плана, но и за жизнь каждого участника и сохранность экспедиционного имущества.

Начальник такой экспедиции должен быть хорошим организатором, учитывающим все необходимое до самых мелочей. Он должен установить связь с местным населением, что не всегда бывает легко сделать из-за недоверия к чужестранцам.

Так, француз Дютрейль де Ренс погиб в Тибете из-за допущенной им резкости в обращении с тибетцами, отсутствия военной подготовки у участников его экспедиции. Известно также, что геологи А. Шлагинтвейт и Хейорд были убиты во время экспедиции в Центральной Азии.

П. К. Козлов участвовал в шести больших экспедициях, причём был начальником в трёх из них и руководил экспедицией 1893—1895 годов после заболевания ее начальника В. И. Роборовского.

Из 52 лет научной деятельности, начиная с 20-летнего возраста, около 15 лет проведено им в экспедициях, то-есть на два года жизни в спокойной обстановке приходится около года странствований.

БИОГРАФИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ

Понятно, что каждый исследователь природы должен любить ее. Но для того, чтобы из года в год отправляться в дальние и притом длительные странствования, надо отрешиться от многого привычного в обыденной жизни, надо посвятить себя всецело великому делу познания природы. Из описаний путешествий, автобиографических заметок и высказываний о себе ясно видно, что всю свою жизнь и деятельность П. К. Козлов рассматривал в неразрывной связи с исследованием Центральной Азии, что он не мыслил для себя жизни с другими целями.

«Вся моя жизнь прошла под знаменем исследователя природы и человека Центральной Азии, — пишет П. К. Козлов в своей автобиографии [1]. — Сколько я себя помню, с отроческих лет мною владела одна мечта — о свободной страннической жизни в широких просторах пустынь и гор великого Азиатского материка».

П. К. Козлов был очень скуп на рассказы о своем детстве. Повидимому, оно проходило в тяжелых условиях. Город Духовщина Смоленской области, где он 15 октября (нового стиля) 1863 года родился, редко отмечался в его воспоминаниях.

Только исключительные природные способности и твердая воля вывели П. К. Козлова на широкий путь учёного — исследователя природы.

В своих воспоминаниях детства П. К. Козлов останавливается на тех моментах, которые имели отношение к его последующей деятельности. Мы знаем, что отец Петра Кузьмича, скромный прасол города Духовщины, в семейном кругу часто рассказывал о своих странствованиях по Украине (откуда он пригонял скот в центральные губернии), что маленький Петр и сам всегда с охотой ездил в ночное пасти лошадей. Двенадцати лет он поступил в только что открывшееся тогда духовщинское городское училище. Петр Кузьмич всегда с признательностью вспоминал известного педагога В. П. Вахтерова, возбудившего в нем жажду знаний и приучившего его к систематическому труду над самообразованием.

Уже тогда пытливый ум его привел к попытке обследовать курганы в соседнем Поречском уезде, в результате чего он заслужил от школьного начальства строгий выговор. Однако эти курганы действительно представляли собой интересный научный объект и вскоре после этого привлекли к себе внимание специалистов из города Смоленска.

Воспоминания П. К. Козлова сразу делаются полнее, красочнее с того момента, когда он встретился с знаменитым путешественником Н. М. Пржевальским.

Ввиду тяжелого материального положения семьи, по окончании городского училища Петр Кузьмич принужден был поступить на работу в частную контору в Слободе Поречского уезда Смоленской губернии и одновременно решил подготовиться для поступления в Виленский учительский институт.

«В этой дикой девственной местами природе, — пишет П. К. Козлов в своей биографии, составленной примерно в 1895 г. [2], — юношей развивался, не знал ни городских удовольствий, ни театра. Рос

[1] П. К. Козлов о себе, ж. «Огонек», 1927 г.

[2] Архив Всесоюзного Географического общества.

свободный в свободной природе. Тут ещё больше читал, но не романы, которых терпеть не мог [1], а попрежнему свои любимые книги по географии и естествознанию. Из поэтов любимыми были Некрасов, в особенности же Лермонтов, произведений которого много знал на память, а Кавказ и его герои тянули к себе. Ещё больше того горы и богатая, чудная дикая природа».

Вот здесь, в Слободе, и произошло событие, оставившее неизгладимый след на всю жизнь в памяти Петра Кузьмича, — встреча с Н. М. Пржевальским, прибывшим сюда с целью приобретения имения Слободы — этого живописного уголка дикой природы, где он собирался вдали от суеты городской жизни спокойно писать свой большой труд.

Петр Кузьмич еще раньше знал о великих открытиях, о крупных исследованиях Пржевальского, еще до встречи с ним в своем воображении представлял себе его сказочным, красивым, энергичным...

«Когда я впервые увидел Пржевальского, — пишет Петр Кузьмич, — то сразу узнал его могучую фигуру, его властное, полное несокрушимой энергии и воли, благородное красивое лицо». Встреча произошла следующим образом. «Однажды вечером, — пишет П. К. Козлов, — вскоре после приезда Пржевальского, я вышел в сад, как всегда, перенесся мыслью в Азию, сознавая при этом с затаённой радостью, что так близко около меня находится тот великий и чудесный, кого я уже всей душой любил. Меня оторвал от моих мыслей чей-то голос, спросивший меня:

— Что вы здесь делаете, молодой человек?

Я оглянулся. Передо мною в своем свободном широком экспедиционном костюме стоял Николай Михайлович. Получив ответ, что я здесь служу, а сейчас вышел подышать вечерней прохладой, Николай Михайлович вдруг спросил:

— А о чем вы сейчас так глубоко задумались, что даже не слышали, как я подошел к вам?

С едва сдерживаемым волнением я проговорил, не находя нужных слов:

— Я думал о том, что в далёком Тибете эти звезды должны казаться ещё гораздо ярче, чем здесь, и что мне никогда, никогда не придется любоваться ими с тех далёких пустынных хребтов.

Николай Михайлович помолчал, а потом тихо промолвил:

— Так вот о чем вы думали, юноша... Зайдите ко мне, я хочу поговорить с вами [2].

---

[1] Имеются в виду, конечно, романы легкого содержания; Лермонтова П. К. Козлов высоко ценил, и он оставался его любимым поэтом до конца его жизни.

[2] Личные воспоминания о Н. М. Пржевальском. Извест. Рус. Геогр. об-ва, 1929, т. 61, в. 2 (ред.).

Так совершилось первое знакомство, а за ним и сближение П. К. Козлова с Н. М. Пржевальским. Это сближение, как увидим ниже, скоро вылилось в самую тесную, искреннюю дружбу путешественников двух поколений.

«Осенью 1882 года, — вспоминает П. К. Козлов в 1929 году, — я уже перешел под кров Николая Михайловича и стал жить одной жизнью с ним. Н. М. Пржевальский явился моим великим отцом: он воспитывал, учил и руководил общей и частной подготовкой к путешествию».

В январе 1883 года П. К. Козлов успешно сдал в Смоленске экзамен за весь курс реального училища, затем поступил на военную службу в Москве в звании вольноопределяющегося. Военное обучение, как увидим ниже, было необходимо для участия в экспедициях Пржевальского, неоднократно подвергавшихся на территории Тибета нападениям вооруженных разбойников. Прослужив всего три месяца, П. К. Козлов уже в апреле был зачислен в состав четвёртой экспедиции Н. М. Пржевальского в Центральную Азию.

«Сбылось несбыточное [1], я уже официально состоял при начальнике экспедиции, путешественнике Н. М. Пржевальском, его спутником. Первой сознательной тихой радости моей не было конца. В мае, в лучший период весны, я уже был с Николаем Михайловичем снова в Слободе, и счастливый, бесконечно счастливый, переживал мою первую весну настоящей жизни...».

Очень характерно для Петра Кузьмича, что началом настоящей жизни он считает зачисление его в экспедицию. В дальнейшем он и не мыслил для себя жизнь помимо исследования величественной природы Азии.

В конце октября 1883 года началось путешествие Н. М. Пржевальского, направившегося на истоки Жёлтой реки вдоль северной окраины Тибета и по бассейну Тарима. В этой экспедиции в чине вольноопределяющегося принял впервые участие П. К. Козлов. Экспедиция пересекла обширную пустыню Гоби и, перейдя через горные хребты, проникла в долину реки Тэтунг (левый приток реки Хуан-хэ). «Здесь на Тэтунге, — пишет П. К. Козлов в 1929 году, — я познал собственное влечение к красотам дикой горной природы».

Дальнейший путь лежал в Северо-восточный Тибет, где экспедиции в течение лета удалось обследовать большой район в бассейнах Жёлтой реки и Янцзы-цзяна. На озёрах, близ истоков Хуан-хэ, Н. М. Пржевальский с отрядом дважды подвергся вооруженным нападениям воинственного племени яголоков, однако обе атаки эти были

---

[1] Личные воспоминания о Н. М. Пржевальском. Изв. Рус. Геогр. об-ва. 1929, т. 61, в. 2 (ред.).

блестяще отбиты. В этом испытании П. К. Козлов проявил большое мужество и хладнокровие. Участие в четвёртом путешествии Пржевальского явилось для П. К. Козлова высшей школой познания природы под руководством великого географа-естествоиспытателя.

Он научился производить глазомерную съёмку сильно пересечённой местности, определять высоты, а главное — уметь наблюдать природу и человека, отмечать основное, характерное и стройно записывать всё это в своем дневнике. Он на деле мог познакомиться также с организацией экспедиции в крайне трудных условиях работы.

Участие П. К. Козлова в экспедиции окончательно определило его жизненный путь. «С этого времени, — пишет П. К. Козлов в 1927 году, — исследование Центральной Азии стало для меня той путеводной нитью, которой определялся весь ход моей дальнейшей жизни».

П. К. Козлов учился и у других больших людей своего времени. «Годы оседлой жизни на родине, — пишет он, — я посвящал усовершенствованию в естественных науках, этнографии и астрономии. После Н. М. Пржевальского самое большое участие в моем дальнейшем развитии принимали географы П. П. Семенов-Тян-Шанский, А. В. Григорьев, М. В. Певцов, а по специальным отделам естествознания В. Л. Бианки и Е. Бихнер (зоологи)».

С глубокой признательностью и чувством удовлетворения П. К. Козлов вспоминает также об астрономе Ф. Ф. Витрам — руководителе его занятиями в Пулковской обсерватории.

Незадолго до отправления в свое второе путешествие, осенью 1887 года, П. К. Козлов оканчивает военное училище, так как участие в экспедициях Н. М. Пржевальского требовало продвижения и по этой линии.

П. К. Козлов в ту же осень едет к Н. М. Пржевальскому в Слободу, где встречает самый сердечный прием. В это время уже начинается подготовка к новой экспедиции Н. М. Пржевальского.

Как известно, преждевременная кончина Н. М. Пржевальского не дала ему возможности осуществить свои планы. П. К. Козлов глубоко переживал смерть своего учителя и друга, скончавшегося в экспедиционной обстановке на берегу озера Иссык-куль в окружении своих ближайших помощников В. И. Роборовского и П. К. Козлова. «Слезы, горькие слезы душили каждого из нас... Мне казалось, такое горе пережить нельзя... да оно и теперь еще не пережито, — писал П. К. Козлов в 1929 году, на склоне лет своих. — Однако эта боль не убила во мне воли к жизни; она содействовала моему духовному росту, ибо я сразу понял, что ныне остаюсь один и должен свято хранить заветы своего учителя» (1927 год).

Экспедиция 1889—1890 годов состоялась под руководством М. В. Певцова. В ней видную роль играли бывшие спутники

Н. М. Пржевальского В. И. Роборовский и П. К. Козлов. Экспедиция обследовала Северный Тибет, Туркестан и Джунгарию.

П. К. Козлову были поручены специальные наблюдения над животным миром и сборы зоологических коллекций. Кроме того П. К. Козлов на обратном пути экспедиции совершил две самостоятельные экскурсии: обследовал левый приток Тарима, реку Конче-дарью и северный берег озера Баграш-куль. Эти исследования им были обстоятельно изложены и напечатаны в виде отдельных глав в Трудах Тибетской экспедиции 1889—1890 годов.

П. К. Козлов дает самое широкое географическое описание пройденных местностей. Помимо характера рельефа, растительности и животного мира, он останавливается также и на описании населения, его быта, экономических отношений, истории заселения края калмыками. Чтобы получить нужные сведения, надо уметь подойти к местным жителям, надо завоевать их расположение к себе. Молодой Козлов справляется и с этой трудной задачей. Не всегда радушно встречали его представители кочевников, однако Козлов всегда умел расположить их к себе. «Мы расстались с ним по-приятельски, — пишет он в 1896 году про одного надменного вначале старшину, — как вообще всегда расставались с обитателями всех калмыцких улусов, в которых приходилось ночевать».

За выполнение первых самостоятельных работ в деле исследования Центральной Азии П. К. Козлов удостоился высокой и дорогой для него награды — медали Пржевальского.

В экспедицию 1893—1895 годов Петр Кузьмич мог проявить бо́льшую самостоятельность чем в предыдущую. Ввиду заболевания начальника экспедиции В. И. Роборовского, его старшего товарища, он на обратном пути берет на себя руководство экспедицией.

На этот раз его отчет выходит уже отдельным томом (291 стр.) как «Отчет помощника начальника экспедиции» (1899 год). В предисловии к нему начальник экспедиции В. И. Роборовский пишет: «Кроме съёмки П. К. Козлов по возможности принимал участие в ведении метеорологического дневника и пополнениях всякого рода коллекций, из коих маммологическая и орнитологическая составлены почти исключительно П. К. Козловым».

«Все самостоятельные, отдельные от каравана поездки иногда на тысячи верст, равно как и все прочие работы по экспедиции, П. К. Козлов делал с замечательным самоотвержением, рвением, весьма обдуманно и умело...». Здесь же Всеволод Иванович выражает своему помощнику — товарищу — дружескую благодарность.

Участие П. К. Козлова в трех упомянутых выше экспедициях, в которых П. К. Козлов проявил свои большие способности в деле исследования природы и организации крупных экспедиций и выказал

себя, таким образом, достойным преемником Н. М. Пржевальского, привели к тому, что Географическое общество, через которое проходила организация всех крупных экспедиций того времени, сочло возможным возложить на него руководство следующей экспедицией в Центральную Азию.

Описанию Тибетской экспедиции 1899—1900 годов посвящена данная книга «Монголия и Кам».

По оценке самого Петра Кузьмича «Тибетская экспедиция была особенно плодотворным исследованием богатой, оригинальной природы и малоизвестных или вовсе неизвестных восточно-тибетских племен» (лхадосцы, дзачюкавасцы и другие). «Дикие ущелья Кама и Восточного Тибета, — пишет П. К. Козлов, — останутся в моей памяти навсегда одним из лучших воспоминаний моей страннической жизни... Ни в одну мою экспедицию, пожалуй, не удалось привезти такой большой и разнообразной естественно-исторической коллекции, таких интересных этнографических сведений о диких племенах Тибета, как именно в это Камское путешествие» (1927 год).

Как увидим из этой книги, оно было очень опасным и трудным. Маршрут экспедиции пролегал по неисследованным, малодоступным пространствам Тибета; на 15 месяцев прерывалась связь экспедиции с родиной, и упорные слухи о гибели экспедиции проникли даже в газеты того времени. Однако экспедиция с честью выполнила возложенные на неё обязанности и вышла целой и невредимой из тяжелых испытаний.

Результаты Тибетского путешествия П. К. Козлова внесли очень много нового в познание Тибета. Исследования Н. М. Пржевальского происходили в северной и восточной частях Тибетского нагорья. П. К. Козлов проник в юго-восточную часть Тибета, резко отличную от всего остального Тибета, а следовательно, представляющую собой исключительный интерес. Здесь зарождаются великие реки Азии — Хуан-хэ, Янцзы-цзян, Меконг, здесь проходит водораздельная линия между областями стока Восточно-Китайского и Южно-Китайского морей. Скалистые горные хребты, вздымающиеся выше 5 000 *м*, расчленены глубокими долинами и ущельями. Поэтому вертикальная зональность представлена здесь особенно широко.

Ввиду малодоступности местности население отличается самобытностью а некоторые племена даже не признают над собой никакой власти. П. К. Козлов дал детальное описание этих племен.

Перевалив через водораздел Янцзы-цзян — Меконг, он проник в другой мир, где наряду с северо-тибетскими видами животных и растений встречаются представители более южных видов. Здесь встречаются как медведи и антилопы, так и леопарды, обезьяны, фазаны и другие. П. К. Козлов дал также геологическое описание этой местности и привез богатую коллекцию горных пород.

П. К. Козлов в 1882 г.

За Тибетское путешествие П. К. Козлов был награжден Государственным Географическим обществом Константиновской золотой медалью. Это путешествие создало ему мировую славу и поставило в ряды наиболее известных путешественников — исследователей Центральной Азии. Целый ряд обществ отечественных и зарубежных выбирает его в свои почетные члены (см. список).

Его славе и популярности не мало содействовали его блестящие способности лектора. Каждый раз по возвращении из экспедиции он прочитывал в переполненных аудиториях ряд лекций как в Москве, так и в Петербурге, а впоследствии в Ленинграде.

На этих лекциях П. К. Козлов, страстный любитель природы, с большой силой и увлекательностью раскрывал перед слушателями красоты величественной природы Азии и характерные особенности её диких и свободолюбивых обитателей и заражал энтузиазмом всю аудиторию. Неудивительно, что после лекции несколько юношей обычно обращались с просьбой включить их в состав следующей экспедиции.

Через несколько лет по окончании Тибетской экспедиции, а именно в 1904 году, в Тибете произошло событие большой политической важности. Духовный и светский глава Тибета далай-лама покинул свою столицу Лхасу и направился в Ургу (теперь Улан-Батор, столица Монголии). Как известно, до того времени тибетцы ревниво оберегали своего правителя от глаз иностранцев. Тщетно европейские путешественники, в том числе Пржевальский и Козлов, пытались пройти в Лхасу: им каждый раз преграждал путь отряд тибетцев с требованием повернуть обратно. Пржевальский и Козлов с уважением относились к тибетскому народу и считали недопустимым применение силы. В 1904 г. англичане, которые стремились утвердить свое влияние в Тибете, не постеснялись послать через Гималаи военный отряд под начальством полковника Иенхесбенда. Отряд этот силой пробился до Лхасы, однако не мог захватить самого правителя. Когда далай-лама переехал в Ургу, у П. К. Козлова появилась возможность познакомиться с ним. По поручению правительства и Русского Географического общества Козлов был направлен к далай-ламе для установления дипломатических и культурных связей России с Тибетом. К этому времени Козлов был уже широко известен в Тибете. Ознакомившиеся с содержанием этой книги увидят, насколько большое уважение заслужили Н. М. Пржевальский и П. К. Козлов среди племен Монголии и Тибета: их авторитетом пользовались даже мирные племена для защиты от разбойников.

П. К. Козлов умел подойти к отсталым, недоверчивым представителям народов Центральной Азии. Он никогда не позволял себе

насмешек над обычаями этих народов, как бы они ни казались странными на наш взгляд. Напротив того, он старался быть внимательным к их интересам, не оскорблять их чувств.

Кстати приведу такой случай. В числе вывезенных П. К. Козловым из Тибета предметов местного изделия находился небольшой коврик. Как-то раз представители тибетского посольства зашли к П. К. Козлову на квартиру в Петербурге. Случайно наступив на ковер, они быстро в смущении отскочили в сторону: оказалось, на ковре были изображения буддийского культа. Зайдя в другой раз к П. К. Козлову, тибетцы были приятно поражены тем, что ковер уже лежал на небольшом столике...

О путешествиях П. К. Козлова и его отношениях к населению Тибета знал и далай-лама. Свидание состоялось в Урге в мае 1905 года. П. К. Козлов несколько раз беседовал с далай-ламой в самых дружеских тонах и обменялся с ним официальными подарками. В результате переговоров далай-лама дал разрешение на свободный вход в Лхасу русским, направляющимся туда с научными или торговыми целями.

Таким образом, миссия была успешно завершена. Об этой поездке П. К. Козлова сказано в его статье «Тибетский далай-лама» (1907 год) и в книге «Тибет и далай-лама» (1920 год).

В 1907—1909 годах П. К. Козлов возглавляет Монголо-Сычуанскую экспедицию. Результаты работ этой экспедиции изложены им в богато иллюстрированной книге (1923 год) «Монголия и Амдо и мертвый город Хара-хото». Как показывает название книги, экспедиция работала в Монголии и области Амдо (Северо-восточный Тибет). Однако, поскольку удалось открыть погребенный песками город, представлявший огромный исторический интерес, в отчетной работе большое внимание было уделено раскопкам этого города. Хара-хото был засыпан песками около 700 лет тому назад. В нем были открыты следы исчезнувшего тангутского государства Си-ся, до раскопок почти неизвестного науке. Здесь было найдено до 2 тысяч томов древних книг, а также словарь языка си-ся, благодаря которому можно было прочесть книги и выяснить историю этого государства и города Хара-хото.

После этой экспедиции популярность П. К. Козлова еще более возрастает, а научные общества подтверждают признание его заслуг присуждением медалей и премий и избранием в почетные члены.

Так, Русское Географическое общество в 1910 году избирает его в свои почетные члены [1]. Английское и Итальянское Географические общества в 1911 году присуждают ему медали, а Французская Академия наук в 1913 году выдает премию Чихачёва.

[1] Действительным членом этого Общества П. К. Козлов состоял с 1891 года.

В 1910 году П. К. Козлов по приглашению Английского Географического общества посетил Лондон. Здесь он встретился с маститым географом и революционером П. А. Кропоткиным. Между двумя путешественниками установились самые дружеские отношения. Впоследствии Козлов посвятил П. А. Кропоткину содержательную статью, помещенную в 1927 г. в «Известиях ВЦИК».

Накануне первой мировой войны уже все было готово к отправлению в новую, шестую экспедицию в Центральную Азию. И хотя горсточка людей не сыграла бы роли в деле обороны России, царское правительство сочло нужным задержать отправку экспедиции. Петр Кузьмич тяжело переживал эту неудачу.

Царскому правительству того времени казалось целесообразным использовать авторитет П. К. Козлова и его связи в Монголии для закупки там скота на нужды армии. Петру Кузьмичу пришлось скрепя сердце возглавить это дело.

Через год ему дают другое поручение: быть комендантом в оккупированных городах Западной Украины (Яссах и Тарнополе). Наконец, после революции 1917 года, когда многие ученые опасались за сохранность интересного степного заповедника Аскания-Нова, где акклиматизировался целый ряд крупных животных, в том числе была и дикая лошадь Пржевальского, по инициативе Академии наук и Географического общества П. К. Козлов был командирован в этот зоопарк в качестве комиссара.

Решено было использовать авторитет П. К. Козлова для возможного в тех условиях сохранения результатов ценного научного опыта. П. К. Козлов и раньше бывал в этом заповеднике (см. его книгу «Аскания-Нова», 1914 год); привезенный им в последнюю экспедицию гриф был в свое время помещен в одну из вольер зоопарка. Однако возложенная на него миссия была очень сложна, и жизнь его не раз подвергалась опасности. Дело в том, что здесь тогда ещё не затихли бои гражданской войны, обширная территория парка подвергалась нападению и временным захватам банд «зеленых» и махновцев, а все возможности П. К. Козлова по охране питомцев парка заключались в его личном авторитете ученого...

Много животных тогда погибло. Об этом периоде деятельности П. К. Козлова описано в его статье (1928 год) в журнале «Научный работник»: «Около сорока снарядов, — писал П. К. Козлов, — трехдюймового орудия легло в области зоопарка... Всего погибло более трех четвертей населения зоопарка...».

Вскоре после окончания гражданской войны и возрождения научной деятельности в молодом советском государстве П. К. Козлов делает доклад в СНК о возможностях установления сношений Советской республики с Тибетом и в то же время выпускает в свет посвященную

этому вопросу книгу «Тибет и далай-лама» (1920 год), а через три года ему удается издать и Труды экспедиции 1907—1909 годов, о чем уже говорилось выше.

Но жизнь вне живой работы в глубине Азии была совершенно немыслима П. К. Козлову: «Душу номада даль зовет... Путешественнику оседлая жизнь — что вольной птице клетка», — пишет он в вступлении к книге «Монголия и Амдо» (1923 год). А в книге «Тибет и далай-лама» он заявляет: «Я очень истомился, проживая вне активной деятельности в родной для меня тибетской атмосфере».

16 июня 1922 года в письме ко мне он писал: «Я не оставляю мысли, едва напечатаю книгу («Монголия и Амдо»), как буду собираться в путешествие. Это мне обещано правительством и Академией наук с Географическим обществом...».

«Перед отъездом из деревни я три ночи напрасно просидел, карауля медведя на им убитой лошади. Проказник не пришёл, а мне так хотелось положить мишку! Ведь я давно не переживал сильных ощущений. Моя «душа номада» опять властно тянет меня в мою родную, мою милую Центральную Азию и Тибет. В Тибете есть уголок, который завещан мне в наследие по исследованию самим Н. М. Пржевальским».

Идя навстречу его стремлениям и уделяя должное внимание изучению малоизвестных сопредельных с нами стран (куда заглядывали также путешественники других стран), Советское правительство утвердило представленный через Географическое общество[1] план новой Монголо-Тибетской экспедиции П. К. Козлова. Экспедиция, как показывает само название, была рассчитана на проникновение вглубь Тибета, было уже получено и согласие далай-ламы на посещение запретного для европейцев города Лхасы, и только происки капиталистических стран помешали осуществить этот план: Китай не дал пропуска в Тибет и с большим трудом П. К. Козлову (после личной поездки в Пекин) удалось добиться разрешения на посещение Хара-хото, находящегося в пределах Внутренней (то-есть входящей в территорию Китая) Монголии, недалеко от границы с Внешней Монголией.

В своих отчетах П. К. Козлов после удачного выхода из трудного положения часто писал: «Счастье опять выручило». Твердая уверенность в благополучный исход предприятия являлась выражением его исследовательского энтузиазма, который приводил его к новым и новым открытиям. И на этот раз принужденный ограничиться изучением Монго-

---

[1] Председателем Географического общества был тогда Ю. М. Шокальский (впоследствии академик), а ученым секретарем В. Л. Комаров (потом президент Академии наук СССР).

лии, он делает открытия, пожалуй, не менее интересные, чем древности Хара-хото. В горах Кентей (Северная Монголия) П. К. Козлов обнаруживает курганы среди леса, которые, как выяснилось по найденным там предметам, имеют 2 000-летнюю давность. Благодаря вечной мерзлоте здесь сохранились куски художественной ткани, женские косы и предметы утвари того времени.

Академия истории материальной культуры после реставрации тканей выпустила специальную книгу, богато иллюстрированную в красках, где показаны эти исключительные коллекции, проливающие яркий свет на историческое прошлое Центральной Азии (К. Тревер. 1932 год, на англ. яз. См. спис. литер.).

Краткие сведения о работах экспедиции 1923—1926 годов П. К. Козлов изложил в предварительном (до окончания работ) кратком отчете (1925 год) и в более распространенном кратком отчете (1928 год), а также и в изданных научно-популярных лекциях (1927 год), где приложена и карта маршрутов.

Эта экспедиция имела в своем составе следующих специалистов: орнитолога Е. В. Козлову (жену Петра Кузьмича) [1], ботаника Н. В. Павлова [2] и географа С. А. Глаголева, композитора С. А. Кондратьева [3], который принимал также деятельное участие в раскопках ноинульских курганов.

Экспедицией покрыто маршрутно-глазомерной съёмкой около 3 500 *км* на участке между городом Улан-Батор (б. Урга) и мертвым городом Хара-хото, то-есть в районе Хангая и Монгольского Алтая. Здесь произведены широкие естественно-исторические и археологические изыскания. Отметим некоторые научные достижения экспедиции, помимо уже отмеченных ноинульских курганов в горах Кентей.

В Северной Гоби обнаружен район, весьма богатый ископаемыми остатками позвоночных.

В горах Бичиктэ-дулан-хада сфотографированы надписи на скалах, являющиеся, по свидетельству Б. Я. Владимирцева, ценнейшим памятником монгольской старины.

В верховьях Орхона открыт водопад, единственный в Монголии.

В Монгольском Алтае обнаружен древний мавзолей хана.

В горах Хангай открыты развалины китайского города Шюн-уйчжэн и в другой части этого хребта — усыпальница тринадцати поколений потомков Чингис-хана.

---

[1] Е. В. Козлова. Птицы юго-западного Забайкалья, Северной Монголии и Центральной Гоби, 1930.

[2] Н. В. Павлов. Введение в растительный покров Хангайской горной страны. Предварительный отчет Ботанической экскурсии в Северную Монголию 1929 года.

[3] С. А. Кондратьев. О работах по изучению монгольской музыки в октябре-декабре 1923 г. в Урге. Изв. Русск. Геогр. об-ва, 1924 г., т. 56, в. 1.

Наконец, были произведены дополнительные раскопки мертвого города Хара-хото.

Полное изложение трудов экспедиции он не успел написать. В данное время в Географическом обществе идет подготовка к изданию его дневников, относящихся к последней Монголо-Тибетской экспедиции.

Жизнь в большом городе его тяготила, и он предпочитал последнее время своей жизни проводить в глухой деревне Стречно, Залучского района, Ленинградской области, в 50 *км* от ближайшей железнодорожной станции Старая Русса.

Здесь имеются обширные леса, где и по сие время ещё водятся медведи, не говоря уже о мелкой дичи.

Петр Кузьмич жил здесь в маленьком охотничьем домике из одной комнаты и кухни; во дворе жила старушка, которая его обслуживала. Каждый день он вел фенологические и краткие метеорологические записи и принимал у себя различных посетителей.

Благодаря его общительному характеру он был известен широко вокруг. Наиболее частыми посетителями его были, конечно, охотники, с которыми он ходил на медведя, на тягу вальдшнепов и на другую дичь.

Кроме того целая группа деревенской молодежи обучалась у него препарировке животных, главным образом, птиц. В Залучском райсовете он прочел несколько лекций. Когда я в 1934 году посетил отца, у него в домике была уже целая зоологическая коллекция, аккуратно сложенная, этикетированная, с указанием латинского и русского названий.

Домик был обсажен молодыми деревцами, собственноручно им выкопанными в лесу и им же посаженными. В домике находилась небольшая библиотека; по стенам, в числе других, висели и оригинальные китайские картины.

После кончины отца я попытался организовать здесь краеведческий уголок, передав в ведение Залучского районного отдела народного образования домик, часть мебели, библиотечку научно-популярной литературы, несколько книг Петра Кузьмича, портреты его и Пржевальского, а также и коллекцию местных птиц. Повидимому, все это погибло, так как под Старой Руссой шли ожесточённые и упорные бои и немцы особенно свирепствовали.

Еще в 1927 году П. К. Козлов писал: «В настоящее время, уже на склоне лет, я все ещё не могу представить себе, что можно положить свой страннический посох. Путешественнику невозможно позабыть о своих странствованиях даже при самых лучших условиях существования. Всегда грезятся мне картины прошлого и неудержимо влекут к себе. И хочется вновь и вновь променять удобства и покой цивилизованной обстановки на трудовую, по временам неприветливую, но зато свободную и славную странническую жизнь» (1927 год).

Полной жизнью он жил только в экспедициях, жизнь в промежутках между экспедициями была только временным перерывом общего большого дела исследования природы Центральной Азии. И конечно и после Монголо-Тибетской экспедиции, несмотря на свой преклонный возраст (близкий к 70 годам), он намеревался отправиться в новую экспедицию.

В конце 1933 года Всеукраинская Академия наук просила его взять на себя руководство комплексной экспедицией в бассейн Иссык-куля и на Хан-тенгри. Однако зимой 1934/35 года он почувствовал себя плохо. Сердце не выдержало: сказались те моменты сильного напряжения, которые неоднократно приходилось испытывать в путешествиях. Характерно, что и в эту зиму он собирался отправиться на охоту в свои любимые места и самым большим огорчением его было известие о раннем половодье, так как при разливе река Ловать на некоторое время преграждала путь из Старой Руссы в Стречно. Он должен был остаться в Ленинграде; болезнь ухудшилась; летом его перевезли в санаторий в Старый Петергоф (Петродворец). Отсюда он писал мне следующее (9 июля 1935 года, Старый Петергоф, санаторий имени Кирова):

«Живу я с 17 мая по сей день великолепно благодаря исключительному вниманию председателя СНК Вячеслава Михайловича Молотова, которому я телеграфировал: «Глубоко тронут чутким вниманием правительства, оживившего путешественника своим скорым и теплым откликом».

Живу я в лучшем санатории, уход и еда превыше всех похвал.

20 июня Молотов еще раз спрашивал: не нуждаюсь ли я в чем-нибудь, не нужен ли консилиум? Соседи-учёные, по большей части знакомые, внимательно ко мне относятся».

В числе друзей-учёных находился тогда здесь и академик Ю. М. Шокальский, при содействии которого как председателя Географического общества состоялась последняя экспедиция П. К. Козлова. Помещаем здесь фотографию двух этих ученых в саду Петергофского санатория.

26 сентября последовала кончина П. К. Козлова. Он умер спокойно: вечером лег спать, а на утро его уже не добудились...

МЕТОДЫ РАБОТЫ П. К. КОЗЛОВА

Как уже показано выше, П. К. Козлов начал свою научную деятельность под руководством Н. М. Пржевальского, был участником его последней экспедиции, в промежутках между экспедициями подолгу жил вместе с Н. М. Пржевальским. Несомненно, Н. М. Пржевальский оказал огромное влияние на его жизнь и деятельность. П. К. Козлов

всегда сам это подтверждал и часто в своих трудах называет Н. М. Пржевальского своим незабвенным учителем.

Продолжая великое дело, начатое Н. М. Пржевальским по изучению неведомых дотоле районов Центральной Азии, П. К. Козлов, как увидим ниже, значительно углубил и расширил программу исследований. Все же, говоря о методах работы П. К. Козлова, следует начать с указания принципов, положенных в основу широких географических изысканий Н. М. Пржевальским. Эти принципы возникали на основании большого долголетнего опыта, изложены Н. М. Пржевальским в главе «Как путешествовать по Центральной Азии» («Четвертое путешествие») и несомненно в основном принимались и П. К. Козловым.

Чтобы проникнуть в глубь Тибета и произвести там научную работу, хотя бы рекогносцировочного характера, необходимо было провести 2—2,5 года в тяжелых условиях как бытовых, так и климатических, надо было совершенно оторваться от цивилизованного мира.

Вот почему Н. М. Пржевальский огромное значение придает личности путешественника и весьма детально останавливается на снаряжении.

Н. М. Пржевальский прежде всего подчеркивает, что его экспедиции следует рассматривать как научные рекогносцировки (по организации именно таких экспедиций он и дает советы), которые должны в дальнейшем смениться более детальными исследованиями на меньших площадях и стационарными наблюдениями.

Большое значение Н. М. Пржевальский придавал выбору и воспитанию своих спутников. Он рекомендовал привлекать в экспедицию людей физически крепких, неизбалованных комфортом городской жизни[1]. Под руководством Н. М. Пржевальского участники экспедиций приобретали навыки новой для них работы и становились ценными помощниками. Некоторые из них стали неизменными участниками экспедиций Пржевальского и Козлова. Так, препаратор — забайкальский казак Пантелей Телешов участвовал в шести экспедициях, а Г. И. Иванов в пяти. Иванову П. К. Козлов доверял всю укладку снаряжения. Он же был «нянькой» верблюдов: знал их повадки и умел лечить их болезни. Бурят Цокто Гармаевич Бадмажапов участвовал с П. К. Козловым в двух экспедициях и сыграл большую роль в открытии мертвого города Хара-хото.

Очень большое значение Николай Михайлович придает и личности путешественника. «Для путешественника, — пишет он, — в высоком значении этого слова, требуется сочетание многих незаурядных физи-

[1] Кроме переводчиков и проводников в состав экспедиции Н. М. Пржевальского входили только военные.

ческих и нравственных качеств, без чего крупный успех дела, даже при самой лучшей внешней обстановке, мало будет обеспечен. Откровенно говоря, путешественником нужно родиться, да и пускаться вдаль следует лишь в годы полной силы».

Эти слова нам интересны еще и потому, что Н. М. Пржевальский в лице П. К. Козлова сам выбрал себе помощника и, следовательно, П. К. Козлов, по мнению Пржевальского, обладал этими высокими качествами.

Что касается до снаряжения, то Н. М. Пржевальский дает самый подробный перечень необходимых предметов, однако указывает, что с предметами комфорта путешественник должен расстаться, чтобы облегчить экспедицию.

Так, например, походных коек в экспедиции Пржевальского не полагалось. «Чем более путешественник будет, так сказать, в «черной шкуре», — пишет Николай Михайлович, — тем лучше. Мы лично при всех путешествиях жили одинаково с казаками — в одних и тех же палатках, спали на одинаковых войлоках, ели из одной чаши». По мнению Пржевальского, личный пример начальника является «нравственной подкладкой дисциплины», а следовательно, и одним из важных элементов успеха экспедиции.

В то же время Пржевальский считал, что участие в экспедиции воспитывает, совершенствует человека. «Путешествие, — пишет он, — неминуемо окажет благодетельное влияние на своего деятеля: его здоровье и характер закалятся, выработается находчивость и навык к практической работе».

В своих работах Пржевальский очень часто указывал на лживость современного ему цивилизованного общества. В его высказываниях выявляется его миропонимание, неудовлетворённость средой, искание правды среди нетронутой чистой природы.

В своих исследовательских работах Н. М. Пржевальский утверждал, что в больших далеких экспедициях надо исполнить то, что «возможно», а не что «желательно», необходимо «всего более наблюдать, то-есть собирать голые факты», и тут же на свежую память записывать. Однако ежедневно эти записи систематизируются и переписываются в разные дневники (по специальностям). Наблюдения сопровождаются коллектированием.

Маршрутные описания всего виденного и слышанного сменяются в трудах Пржевальского и Козлова обобщающими главами для той или иной естественно-исторической области. Пржевальский считает, что на первом месте должны стоять чисто географические исследования, затем естественно-исторические и этнографические, и указывает, что по разным причинам последние (этнографические) он не мог вести с желаемой полнотой.

Вот здесь замечается разница в работах Пржевальского и Козлова, правильно подмеченная академиком Ольденбургом (1929 год) [1]. Если в трудах Н. М. Пржевальского находим лишь (по словам академика Ольденбурга) «ряд довольно случайных заметок этнографического характера и небольшое количество археологических указаний», то в трудах П. К. Козлова имеются специальные главы, посвященные этнографическому описанию, а описание раскопок Хара-хото имеет настолько большое значение, что название этого города входит даже в заголовок всей книги. Такое же большое значение имели и раскопки курганов в Ноин-Ула. Многочисленные ценные находки из этих раскопок дали материал для отдельных работ специалистов и еще до сих пор являются объектом изучения. Вполне естественно, что этнографические исследования шире развернулись в работах П. К. Козлова, путешествовавшего позже Н. М. Пржевальского: необходима была продолжительная работа, чтобы рассеять недружелюбное отношение отсталых диких племен Центральной Азии к чужеземным пришельцам. Н. М. Пржевальский отмечает, что лобнорцы оказались значительно более приветливыми и даже дружелюбными при вторичном посещении их.

Однако, несомненно, здесь имели значение и личные наклонности исследователей (см. также статью академика Ольденбурга) [1].

В книге «Монголия и Кам» можно указать целый ряд мест, где описываются хорошие отношения монголов и тибетцев к русской экспедиции, помощь, ими оказанная, и даже использование авторитета русских: настолько высоко он был поднят во время экспедиции П. К. Козлова. «С наступлением сравнительно ранних холодов в Алтае, — пишет П. К. Козлов, — монголы предупредительно выставляли юрты на пути следования отрядов, запасали топливо, а по ночам пасли наших лошадей. В проводниках мы никогда не чувствовали недостатка... Благодаря такой системе путешествия достигается не линейное, а скорее площадное исследование страны... получается большее знакомство с физическими явлениями природы, а также и самим обитателем страны — человеком» (стр. 44). Когда в другом случае П. К. Козлов обратился через своего посланного к местному правителю за караванными животными, тот, несмотря на бездорожье, ответил: «Охотно исполню все ваши требования только потому, что давно уже слышал от достоверных людей о вашем дружелюбном отношении к нашему монгольскому народу».

И даже с воинственными тибетцами П. К. Козлов умел завязывать хорошие отношения. Надо полагать, что именно такие отношения

---

[1] «Н. М. Пржевальский, как человек и деятель». Изв. Рус. Геогр. об-ва, 1929, т. 61, в. 2.

помогли П. К. Козлову во-время узнать о засаде тибетцев племени лин-гузэ и предпринять соответствующие меры обороны.

Интереснее всего то, что даже по отъезде экспедиции на родину местное население старалось использовать свои дружеские отношения с начальником экспедиции для защиты своих интересов перед китайскими чиновниками, о чем письменно уведомило П. К. Козлова.

И эти дружеские отношения не были у П. К. Козлова чем-то искусственным, они увязывались с его широкой общительной натурой.

Вполне понятно, что каждый исследователь среди диких племен, мало считающихся с пропусками, выданными вышестоящими органами власти или даже вовсе их не признающими, должен стараться наладить контакт с местными представителями власти. Дипломатические подарки и угощения здесь обязательны.

Однако то дружелюбное отношение к народам Центральной Азии, которое можно проследить при чтении Трудов Петра Кузьмича, наблюдается далеко не у всех путешественников. Так, Bower [1] считал ошибкой быть вежливым или проявлять дружбу в отношении тибетцев или китайцев, а презрительный тон Rock'a в сношениях с жителями Тибета уже отмечен редакцией Известий Географического общества [2].

Несомненно, доброжелательное отношение П. К. Козлова к местному населению имело большое значение и в установлении сношений с далай-ламой, который позволил П. К. Козлову сделать с него первый портрет, получить много интересных сведений от его свиты и, наконец, дал разрешение посетить Лхасу, запретную для европейцев.

Хорошие отношения к монголам и тибетцам помогли Козлову узнать много неведомого дотоле, помогли отыскать древний, засыпанный песком город и затерянные в лесу курганы.

«Мною было принято за правило держаться дружественных отношений с номадами...» — рассказывает П. К. Козлов.

В описаниях путешествий Козлова читатель найдет немало ярких эпизодов, показывающих, что это правило им выполнялось неуклонно.

НАПРАВЛЕНИЕ РАБОТ П. К. КОЗЛОВА И ЕГО НАУЧНЫЕ ДОСТИЖЕНИЯ

Познакомившись с предлагаемым произведением П. К. Козлова, читатель увидит, что исследования его имели прежде всего географический характер. Автор как бы ведёт читателя по своему маршруту, увлекательным, живым описанием окружающей местности даёт ясное представление о природе Монголии и Тибета. В его Трудах даются

[1] Bower. Diary of a journey across Tibet. 1894.

[2] «Известия Русского Географического общества», 1931, т. 63, вып. 4.

всесторонние описания рельефа, горных пород, животного мира, растительного покрова и обитателей страны.

И всё это в виде живого изложения личных наблюдений исследователя.

Читая работы П. К. Козлова, невольно вместе с ним переживаешь и радости и горести отряда, живее представляешь себе эти далекие страны.

При описании охоты на медведей П. К. Козлов указывает на повадки этого зверя; при описании вьюрков приводит наблюдения за жизнью этих птиц среди местной природы; дает также характерные штрихи из жизни обезьян. Крутизна подъёмов, каменистость пути чувствуется по утомленности вьючных животных и пр.

Но кроме описаний картин природы, даются и обобщающие главы, подытоживающие сказанное для определённого естественно-исторического района, как например, глава «Восточный Тибет и его обитатели».

Таким образом, П. К. Козлов даёт описания ландшафтов в самом широком смысле этого слова.

При всей увлекательности изложения П. К. Козлову не свойственно преувеличение трудностей ради большего эффекта изложения, чем страдают некоторые его иностранные коллеги. Так, например, американец Рокк [1] (1930 год) приводит массу курьёзов из быта тибетцев, чтобы позабавить читателя, что мешает правильному пониманию их быта.

Напротив того, хотя П. К. Козлов и отмечает отсталость и дикость этих отдаленных народов, невежественность их лам (натравлявших тибетцев на экспедицию), описание их быта вполне беспристрастно и чувствуется дружелюбное отношение путешественника к ним, особенно к монголам.

Трудные моменты в жизни экспедиции П. К. Козлов всегда описывал просто, без прикрас, но факты сами за себя говорили. Таково его описание опасности, которой он подвергался в горах Тянь-шаня, когда скользил по обледенелому склону к пропасти и только случайно попавшийся по пути камень помог ему задержаться. Этот случай, когда он был на волосок от смерти, он называет просто: «на волос от беды» [2].

Таково же всё его описание стычек с отрядами разбойнических племен в Тибете: спокойно, с знанием дела даются распоряжения по отряду, атаки во много раз превосходящего численностью противника отражаются, и экспедиция следует далее, вступая даже в сношения с бывшим неприятелем.

При разносторонности своих исследований П. К. Козлов выделял

---

[1] См. Изв. Русского Географического общества. 1931, т. 63, вып. 4.

[2] Отчет помощника начальника экспедиции П. К. Козлова, 1899, стр. 17.

отрасли, которыми он лично больше интересовался, а именно зоологию (особенно её отделы млекопитающих и птиц) и впоследствии, начиная с экспедиции 1907—1909 годов, археологию.

Любовь к зоологии передалась ему от Н. М. Пржевальского. В четвёртой экспедиции Пржевальского П. К. Козлову было поручено коллектирование позвоночных.

В экспедиции Певцова и Роборовского П. К. Козлов также ведал зоологическими сборами; наконец, во всех экспедициях, которыми он руководил, изучение млекопитающих и птиц он оставлял за собой, поручая другие исследования своим помощникам.

Археологические изыскания (мертвый город Хара-хото и могильники в горах Ноин-Ула) проводились под его личным руководством и только в конце раскопок в Ноин-Ула в его экспедицию были направлены специалисты.

После его кончины было написано несколько статей, где подведены итоги его деятельности в разных областях знаний.

Приведем некоторые отзывы.

А. П. Семенов-Тян-Шанский пишет следующее (1937 год):

«В течение всех экспедиций, в которых он участвовал, П. К. Козлов вел подробные орнитологические дневники, лишь отчасти использованные В. Л. Бианки в его научной обработке птиц, добытых Монголо-Камской экспедицией. По свидетельству Б. К. Штегмана дневники Козлова очень содержательны и могут быть ещё широко использованы в будущем. Обладая тонкой наблюдательностью, прекрасно разбираясь в голосах птиц и отлично зная их названия, П. К. Козлов собрал в своих дневниках высокоценный материал по экологии и биологии птиц Центральной Азии. При этом многим характерным представителям этой авифауны, как например, ушастым фазанам (Crossoptilon) и многим другим, он посвятил обстоятельные специальные очерки, как и многим млекопитающим». «Млекопитающих экспедициями П. К. Козлова доставлено несколько более 1 400 экземпляров». Имеется много редких или даже совершенно отсутствующих в других музеях животных. «Среди млекопитающих оказалось два новых рода тушканчиков: Cardiocranius satun и Salpingotus vinogradowi».

Птиц доставлено П. К. Козловым свыше 5 тыс. экземпляров. Среди птиц были совсем новые виды; некоторые из них носят теперь его имя: уллар — Tetraogallus kozlowi, Emberiza kozlowi, Acentor kozlowi, Janthocincla kozlowi [1]. Но наиболее замечательна птица, принадлежащая к новому роду и носящая теперь название Kozlovia roborovskii.

---

[1] Раньше птица Janthocincla koslowi выделялась в отдельный род Kaznakowia koslowi.

Согласно сводке Семенова-Тян-Шанского, пресмыкающихся и земноводных доставлено экспедициями Козлова 750 экземпляров, рыб около 300 экземпляров, насекомых, начиная с участия в четвёртой экспедиции, — не менее 80 тыс. экземпляров.

«Все материалы по зоологии, — пишет далее А. П. Семенов-Тян-Шанский, — доставленные экспедициями П. К. Козлова, были совершенно образцово законсервированы, заэтикетированы и упакованы. Материалы эти были так или иначе использованы в работах 102 специалистов».

По свидетельству А. П. Семенова-Тян-Шанского экспедиции, в которых П. К. Козлов ведал сбором зоологических коллекций, доставили единственный в мире по полноте и ценности материал по фауне Внутреннего Тибета.

Известный ботаник Б. А. Федченко в некрологе («Советская ботаника», 1936, № 1) пишет следующее:

«Насколько обильны и ценны были ботанические коллекции (П. К. Козлова), видно из следующего. Коллекция 1899—1901 годов состоит почти из 25 000 экземпляров, собранных так, что качество их в смысле сушки и сохранности не оставляет желать лучшего, особенно учитывая суровость климата и трудности походной обстановки. Растения собраны и засушены так полно и хорошо, что на сбор некоторых видов требовались не только часы, но и целые дни. К этому нужно еще прибавить, что при каждом экземпляре имеются точные указания об условиях его сбора. В научном отношении ценность коллекции 1899—1901 годов определяется тем, что из Северо-восточного Тибета в этой коллекции имеется свыше 1 000 видов цветковых растений, в то время как одновременно с тем появившаяся английская сводка всего известного до того времени из Тибета заключает всего 295 видов. Это объясняется тем, что Козлов не только умел сам работать, но и знал, как воодушевить своих сотрудников по экспедиции, как заставить их работать с полным энтузиазмом».

Не остались в стороне и другие отделы естествознания. П. К. Козлов производил краткие геологические описания и привозил большие коллекции горных пород, а в экспедиции 1907—1909 годов в числе его спутников был геолог А. А. Чернов. О ценности метеорологических наблюдений, умело организованных в трудных условиях, говорится в заметке Каминского (см. стр. 433).

Значение археологических изысканий П. К. Козлова трудно переоценить. Открытие им мертвого города Хара-хото дало в руки археологов 2 000 томов книг на неизвестном (древнетангутском) языке, причём среди этих книг оказался и тангутско-китайский словарь, который дал возможность разобраться в этих рукописях.

До раскопок П. К. Козлова был известен только факт введения

при Юаньской династии (1280—1368 годы) бумажных денег, но находка таких денег сделана впервые П. К. Козловым. Кроме того в Хара-хото были найдены статуэтки и рисунки буддийского культа и предметы быта.

Не менее ценны археологические находки экспедиции 1923—1926 годов, извлеченные из курганов Ноин-Ула [1], относящихся ко времени Ханьской династии, то-есть к III—IV веку до нашей эры.

Оказалось, что помимо предметов местного изготовления в этих усыпальницах знатных людей были обнаружены и произведения других культур, а именно греко-бактрийской, парфянской и китайской.

Весь этот огромный материал, требующий десятков лет на его обработку, прольет свет на малоизвестное прошлое народов Центральной Азии.

Наконец, следует отметить и огромный вклад П. К. Козлова в картографию Монголии и особенно Тибета. До экспедиции Пржевальского и его последователей приходилось пользоваться материалами китайскими, весьма неточными и далеко не полными. П. К. Козловым пройдено около 50 тыс. километров, причём путь его шел далеко вглубь Тибета, где приходилось заново наносить на карты целые горные хребты. О его топографической работе дают представление приложенные к этой книге листы маршрутной съёмки. Поскольку более детальных съёмок в Тибете до сих пор не производилось, эти данные и поныне не утратили своего значения.

Об общегеографических заслугах П. К. Козлова говорят опубликованные им Труды — отчеты экспедиции. Особенно обширны Труды Тибетской (1899—1901 годы) и Монголо-Сычуаньской (1907—1909 годы) экспедиций. Дневники третьей возглавлявшейся им экспедиции Монголо-Тибетской (1923—1926 годы) в настоящее время подготовляются к печати Всесоюзным Географическим обществом.

О признании его заслуг у нас и за рубежом говорят следующие факты: он состоял почетным членом 5 русских организаций и не менее 3 иностранных и имел пять наград (см. список); в 1928 г. был избран действительным членом Украинской Академии Наук.

Следует также отметить, что П. К. Козлов всегда живо реагировал на текущие события, не говоря уже о том, что он несколько раз отмечал небольшими статьями юбилейные даты своего незабвенного учителя Н. М. Пржевальского и своего старшего товарища В. И. Роборовского. Он выступал ещё в печати по следующим вопросам.

В 1897 году Петр Кузьмич выступил против утверждения известного географа Рихтгофена, считавшего, что описанное Н. М. Пржевальским озеро Лоб-нор нельзя отождествлять с древним Лоб-нором,

[1] Всего было отмечено 212 курганов.

так как его положение не соответствует нанесенному на китайских картах.

П. К. Козлов доказывал неточность китайских карт и подтверждал правильность определения, данного Пржевальским.

В последние годы своей жизни, на основании сообщения Шомберга (1929 год) о замеченном им перемещении вод реки Конче-дарьи и оживлении сухого русла Кум-дарьи, П. К. Козлов (1935 год) нашёл возможным примирить оба положения. Он указал, что несовпадение границ озера китайской карты и отмеченных Пржевальским происходило от фактического перемещения северной границы озера вследствие большего или меньшего поступления в него воды в связи с перемещением вод Конче-дарьи.

В 1903—1904 годах английский отряд под начальством полковника Jounghusband силой проник в Лхасу. П. К. Козлов реагировал на это статьей «Английская экспедиция в Тибет», в которой яркими красками обрисовал событие, осуждая насилие над слабым народом.

В статье «Правда о дикой лошади Пржевальского»[1] П. К. Козлов опровергает вздорное утверждение Вагенера об открытии лошади Пржевальского Гагенбеком — директором Гамбургского зоологического сада.

Наконец, следует отметить, что П. К. Козлов всегда охотно шёл на популяризацию знаний о Центральной Азии. Известны его статьи о Пржевальском (см. список Трудов П. К. Козлова), о Хара-хото, помещенные в разных журналах и газетах. Кроме того он выпустил в печать сокращенное (в целях удешевления, а следовательно и доступности) издание путешествия 1899—1901 годов.

Его увлекательные описания живой природы и человека, особенно в его личном изложении, заражали молодежь энтузиазмом и содействовали росту кадров новых путешественников.

Итак, мы видим, что основная цель крупных экспедиций, научных рекогносцировок, — как называл их Н. М. Пржевальский, — дать правильные научно-обоснованные и всесторонние описания пройденных местностей, умело и наиболее полно собрать естественно-исторические коллекции — П. К. Козловым выполнено с честью, несмотря на все трудности путешествий по Тибету.

Кроме того ему принадлежит заслуга открытия древнего города и могильников, что пролило свет и на историю Центральной Азии, которая до его работы была так мало известна.

В. П. Козлов.

---

[1] В книге «Н. М. Пржевальский и лошадь его имени», 1914 год.

ПО МОНГОЛИИ ДО ГРАНИЦ ТИБЕТА

ГЛАВА ПЕРВАЯ

НА ПУТИ В МОНГОЛЬСКИЙ АЛТАЙ

План экспедиции. — Снаряжение. — По родным пределам. — Богатый Алтай: красота гор, долин и рек. — Дальнейший путь экспедиции. — Русско-китайская граница. — Бассейн Кобдо, влияние соседней пустыни. — Город Кобдо.

Незабвенный мой учитель Н. М. Пржевальский придавал особенное значение исследованию природы Кама — крайнего востока Тибета. Кам был им поставлен целью пятого, увы! — неосуществившегося путешествия.

По смерти первого исследователя природы Центральной Азии продолжателю его М. В. Певцову намечены были иные, более скромные задачи, блестяще им и разрешённые. Следующая затем экспедиция, с В. И. Роборовским во главе, направилась было в Восточный Тибет, но у его порога руководителя экспедиции сразила жестокая болезнь... Не всегда в путешествии можно рассчитывать достигнуть желаемого, несмотря на энергию и богатый запас опыта, — горькое заключение, к которому пришел я, участник трех больших экспедиций — Н. М. Пржевальского, М. В. Певцова и В. И. Роборовского, превосходно обставленных и руководимых, в которых мне довелось принимать участие на началах всё большей и большей самостоятельности.

Мне посчастливилось достигнуть Кама и провести в нем некоторое время, но проникнуть в Средний Тибет не удалось...

В конце 1898 года я представил в Совет Географического общества вместе с отчетом о минувшей экспедиции план новой экспедиции в Центральную Азию и Тибет. Задачей этого путешествия ставилось исследование Южного, или Монгольского, Алтая, прилежащей к нему Центральной Гоби, а также, притом главным образом, исследование Восточного и Среднего Тибета.

Для производства астрономических, гипсометрических и метеорологических наблюдений экспедиция имела в своем распоряжении: небольшой универсальный инструмент Гильдебрандта с деклинатором для определения магнитных склонений, зрительную трубу Фраунгофера, три столовых хронометра, два барометра Паррота, гипсотермометр Бодена, анероид Naudet, часы Флеше, четыре буссоли Шмалькальдера и дюжину различных термометров. Все инструменты были тщательно выверены и снабжены должными поправками.

Благодаря хорошим материальным средствам мы могли обстоятельно снарядиться, придерживаясь в общем советов Н. М. Пржевальского [1].

Для плавания по озёрам и производства разного рода лимнологических исследований (сбора — впервые в Центральной Азии — планктона, то-есть микроскопической озёрной флоры и фауны, измерения глубин озёр и их температур и т. д.) была приобретена в Петербурге складная брезентно-пробковая лодка, приспособленная для перевозки вьюком. Лодка эта, поднимавшая двух человек, имела в длину семь футов (2 *м*) и весила всего около шести пудов (100 *кг*).

Запасный спирт хранился в плоских ведерной емкости жестянках, закупоренных резиновыми пробками и обшитых войлоком, которым вообще обшивались всякого рода жестянки и стклянки с коллекциями перед окончательной их укладкой в большие вьючные ящики.

Для хранения воды при движении экспедиции по безводной местности были заказаны резиновые мешки емкостью около трех ведер (30 *л*) каждый.

Взята была в путешествие и маленькая железная печь с топочною дверью и колосниками. Печь эта зимой давала возможность сравнительно скоро согреть наше походное жилище, а затем заниматься чем угодно.

Было приобретено все необходимое на повседневные расходы в путешествии серебро в слитках. Из общего количества серебра 10 пудов (160 *кг*) было в виде больших, средних и малых китайских ямб, а остальные 8 пудов (128 *кг*) — купленные в Гамбурге, представлялись в виде плиток серебра высокой пробы.

Покончив снаряжение экспедиции в Петербурге, я выехал в Москву, а в начале мая счастливой весны 1899 года я и мой молодой спутник А. Н. Казнаков сели в сибирский скорый поезд, чтобы отправиться дальше.

В Омске, где нас принял пароход «Ольга Карпова», мы были встречены моим вторым сотрудником В. Ф. Ладыгиным. 22 мая, лишь

---

[1] Н. М. Пржевальский. Четвертое путешествие в Центральной Азии, СПб., 1888, гл. 1.

только зардела весенняя заря, наш пароход тихо отчалил от берега и, приняв баржу, направился вверх по течению дремавшего Иртыша, поднимая высокие волны на тихой, зеркальной его поверхности.

Наше недельное плавание до Семипалатинска носило характер приятной прогулки. С неменьшим удовольствием покачивались мы и в тарантасе, везомом лихой почтовой тройкой от Семипалатинска до станции Алтайской — исходного пункта экспедиции. Тяжеловесный багаж следовал отдельными транспортами под наблюдением московских гренадер, зачисленных в состав экспедиционного конвоя.

Станица Алтайская расположена в открытой долине, ограниченной на юге хребтом Нарымским, на севере же красавицей Бухтармой. Ближайший склон гор покрыт сплошным лесом: лиственица, кедр, пихта и ель перемешаны между собою; там и сям стелется разнообразный кустарник. Пышные ковры цветов луговой растительности всюду расстилаются по опушкам леса. Животная жизнь также богата и представлена здесь типичными формами алтайской фауны. Глаз наблюдателя невольно останавливается на выдающихся вершинах, покрытых снегом, ослепительно блестевшим на солнце.

С приездом в станицу Алтайскую все отдались энергичному снаряжению каравана. Время за делом бежало быстро. Недели через две прикатили на почтовых тройках и забайкальские казаки.

Таким образом, личный состав экспедиционного отряда сформировался из 18 человек кроме меня, как начальника, и двух моих ближайших сотрудников, в него вошли: и. д. фельдфебеля старший унтер-офицер Гавриил Иванов, младший унтер-офицер Илья Волошин, ефрейтор Гавриил Киясов и рядовые: Егор Муравьев (впоследствии наблюдатель на метеорологической станции в Цайдаме), Иван Шадриков, Архип Войтенко, Александр Беляев, Александр Ванин и Хусайн Бадукшанов; забайкальские казаки: старшие урядники Пантелей Телешов (препаратор) и Семен Жаркой; фельдшер, кандидат на классную должность Александр Уарович Бохин и малолетки: Цокто-Гармаев Бадмажапов (переводчик монгольского языка), Арья Мадаев (препаратор) и Евгений Телешов.

Когда собрались все участники экспедиции, работа по снаряжению каравана пошла быстрее. По временам, разнообразя труд, мы уезжали или в горы, или на реку Бухтарму, и всякий раз возвращались с богатой научной добычей.

Среди самой разнообразной и кипучей деятельности в Алтайской незаметно прошел месяц. Накануне выступления в поход прибыли наши верблюды. Все было осмотрено и налажено. Наконец-то экспедиция дождалась лучшего и всегда памятного для нее дня, дня выступления собственного каравана в далекий путь. Таким днем для экспедиции было 14 июля (1899 года). С утра моросивший дождь

и густые облака, нависшие по горам, задержали выступление. К полдню немного прояснилось, и багаж, несмотря на неопытность молодых участников отряда, был скоро и спокойно завьючен. Караван представлял разделенную на семь эшелонов вереницу в 54 верблюда и 14 лошадей.

Каждый участник экспедиции, распрощавшись с присутствующими алтайцами, направился занять свое, заранее определенное место. Ещё несколько минут — и караван, извиваясь лентой, двинулся к востоку.

Первый переход, по обыкновению, был небольшой — семь вёрст. Бивуак экспедиции приютился на склоне того же Нарымского хребта, который с Большим Алтаем сопровождает в верхнем течении Бухтарму. Эта река то серебряной змеей блестела издали, то скрывалась в темном, глубоком ущелье.

Пройдя последних на своем пути по верхней Бухтарме жителей, мы круто уклонились к востоку. Бухтарма стала ещё яростнее прыгать и рассыпать свои пенистые брызги среди больших валунов. С крутых лесистых склонов, с их убранных мхом выступов, нередко красиво ниспадали серебряные каскады. По дну реки иногда располагались лесистые острова, у которых лежали великаны-деревья, продолжавшие бороться с неудержимым потоком вод. Стремительность последних вызывала сильное дрожание материка; рев реки не давал возможности ничего слышать.

С каждым днем становилось холоднее. Лес редел и приближался к своей верхней границе. А вот и плато Укок, где по ночам иней серебрил земную поверхность, а вода на болотах покрывалась ледяной корой. Массивные снеговые горы Табын-богдо, или Пять святых, в ясную погоду представлялись дивно прекрасными и невольно привлекали взор своею матовою белизною.

Миновав перевал Улан-дабан, где проходит русско-китайская граница, экспедиция вступила во внутренний, или монгольский, бассейн — в систему реки Кобдо. Как различны в климатическом отношении бассейны Бухтармы и Кобдо! В первом — влага, богатство атмосферных осадков, пышная флора, замечательная прозрачность воздуха; здесь же совсем обратное: по долине, почти лишённой растительности, кружат высокие, затейливые по своим очертаниям, пыльные вихри, свидетельствующие о крайней сухости почвы, а воздух во время ветра наполнен мельчайшей пылью, заволакивающей даль туманной дымкой.

3 августа караван вступил в долину реки Кобдо, которая несла свои прозрачные воды по каменистому ложу очень быстро, но плавно. Ширина ее в месте переправы простирается до 40—50 сажен (80—100 *м*), при глубине в одну сажень (2 *м*) и более, несмотря на то, что летний уровень стал уже понижаться. Долина реки и ее острова покрыты лесом из тополя и тальника (Populus et Salix), перемешанных

разным кустарником. Там и сям на более низких местах виднелись отличные мокрые луговины и болотистые площади с небольшими озерками, дающими приют пролётным плавающим и голенастым пернатым. Общее протяжение этой первостатейной реки Монголии доходит до 500 вёрст. Берёт она начало в горах Южного Алтая из многочисленных ледников. В верховье река образует два глубоких, живописных озера, лежащих близко одно от другого; немного ниже она принимает реки Цаган-гол, Суок, Саксай, и, обогатившись этими данниками, представляется в месте переправы огромной рекой. Описав в дальнейшем своем течении к северо-востоку и юго-востоку значительную излучину, в вершине которой вливаются воды из озера Ачит-нор, река Кобдо постепенно оставляет горы, долина ее расширяется, течение становится более спокойным до самого впадения в большое пресноводное озеро Хара-усу.

В день прихода на реку Кобдо нам удалось переправиться на правый её берег. Переправа здесь казенная, перевозчики — монголы. Багаж и люди помещаются на двух маленьких паромах, связанных из 4—5 утлых челноков. Животных, даже баранов, пускают вплавь. Через месяц, в сентябре, вода настолько спадает, что переправа на верблюдах и лошадях в то время свободно производится в брод.

В месте переправы долина реки вытравлена животными проходящих караванов и потому мы здесь не остановились: пройдя на 7 вёрст и встретив богатые пастбища, мы разбили наш бивуак между двух озерков. Это было лучшее место на всем пути от отечественной границы до города Кобдо. Наши белые палатки живописно выделялись на изумрудной зелени и укрывались тенью высоких тальников, окаймляющих берег Кобдо. Сидя в палатке, можно было любоваться общим видом местности. По реке временами свободно проплывали дикие гуси; с ветвей, осенявших палатку, неслись нежные трели голубой синицы (Parus cyanus); с соседних скал доносилось звонкое кэ-кэ-ди... кэ-кэ-ди... массы каменных куропаток (Alectoris graeca). На подобных стоянках мы всегда купались и ловили рыбу. Рыбы здесь много, но видов только два — хариус (Thymallus brevirostris) и ускучь, по крайней мере согласно нашим наблюдениям [1]. По вечерам в виду нашего бивуака происходил правильный перелёт диких гусей, а иногда и лебедей, мелодичные звуки самого полета которых невольно заставляли сосредоточивать на себе наше внимание. Воздух был тих и спокоен; по мере того как вечерние сумерки сгущались и переходили в ночь, в верхней части небесного свода загорались и довольно ярко блестели звезды, но чем ближе к горизонту, тем гуще и гуще окутывалось небо пыльной дымкой. До поздней ночи просидел я на берегу Кобдо,

[1] Вообще же в кобдоском бассейне нами добыты, кроме указанных рыб, еще голец (Nemachilus microphthalmus) и осман (Oreoleuciscus potanini).

прислушиваясь к слабому, мерному всплескиванию её вод; мысленно побывав на далеком севере и на далеком юге и, убаюканный лаской природы, ушел затем в палатку, чтобы скорее забыться крепким сном...

Оставив реку Кобдо, 5 августа мы вступили в более пересечённую местность, где приходилось чаще опускаться и подниматься на поперечные отроги, далеко убегавшие к северу. Между отрогами или увалами лежат долины речек с каменистыми, круто падающими ложами. Береговые обрывы этих речек слагаются главным образом из гранитов и глинистого сланца. По долинам местами стояли одинокие тополи и приветливо раскидывались зеленые поляны; что же касается до прилежащей к ним местности, то вся она казалась серовато-желтой, опаленной; там лишь кое-где торчали, заметные только вблизи, представители флоры пустыни, дающие впрочем зимою возможность кочевникам пасти свои стада. Теперь же там держались небольшие группы или одиночки монгольских дзеренов (Gazella gutturosa), да порою с обычным шумом пролетали больдуруки (Syrrhaptes paradoxus).

На четвертый день движения от реки Кобдо мы пришли в соседство вечноснеговой, отдельно стоящей группы гор Гурбан-цасату, то-есть «Три снежных вершины», и при небольшом озерке в урочище Алтын-чюгучу («Золотая жертвенная чаша») на плоской высоте, в 2 260 *м* над уровнем моря, расположились бивуаком. На берегу озерка, по всей вероятности искусственного, сложено «обо», над которым развевались различные матерчатые приношения и стучали от ветра подвешенные рядом бараньи лопатки, испещренные темными узорчатыми письменами.

Как здесь, в этой долине, так и во многих других местах по нашему пути от реки Кобдо нам приходилось нередко встречать каменные конической формы сооружения, сложенные наподобие «обо», но с тем различием, что означенные сопки были окружены кольцеобразным валиком, диаметр которого превышал диаметр «обо», или точнее внутренней сопки, и что подобные сооружения находились не только на перевалах, но и в глубине долин. Время возникновения, происхождение и значение этих сооружений монголы объяснить не умели, заметив однако, что это древние памятники и монголами называются «киргизин-ур», то-есть «киргизское гнездо». Г. Н. Потанину, в окрестности озера Орок-нор, монголы сообщили как предание, что «кэрэксуры» (древние могилы) сложил народ цаган-баргун; он хоронил в них своих покойников. По другому показанию в этих насыпях войсками Чингис-хана спрятано зерно.

На всем пути по нижней караванной дороге от русско-китайской границы до города Кобдо, приблизительно в 350 верст юго-восточного направления, страна имеет горный характер. На юге высится глав-

ная цепь Алтая, то выделяясь снеговыми вершинами, то темнея пониженными седловинами, откуда спускались богатейшие альпийские луга и где теперь благодушествовали кочевники и их стада. К северу сползают второстепенные отроги, оголенные знойными лучами солнца. Тепло и сухость воздуха увеличивались с каждым днем.

Дорога становилась каменистее и ногам наших животных доставалось порядком.

Последнюю ночь на пути в город Кобдо мы провели на берегу небольшого озерка Шара-нор, расположенного словно в провале. Вода этого бассейна солоноватая, прозрачная, переливавшая всевозможными цветами в зависимости от освещения солнцем. Берега песчаные, дно местами также песчаное, местами, илистое, с кочками, одетыми оригинальными водорослями. Из голубой поверхности озерка красиво выступает островок, высокий и густой камыш которого волновался и приятно шелестел своею мягкою зеленью. Рыбы в озере по всей вероятности нет. На мелких волнах Шара-нора качались полосатые гагары, турпаны, утки-кряквы; по берегам, у воды, бегали улиты-черныши, а над зеленой родниковой площадью, где приютился наш караван, витали ласточки (Delichon urbica et Biblis rupestris); в соседних скалах монотонно ворковали каменные голуби.

Утром 12 августа, поднявшись на последний горный увал, экспедиция увидела широкую долину речки Буянту и город Кобдо, располагавшийся у красноватых скалистых высот. Высокие городские тополи отрадно выделялись на сером безжизненном фоне. Узким зеленым ковром сопровождалась лишь Буянту, на которой мы удобно расположились бивуаком, поодаль от городской грязи и шума.

Кобдо с населением в три тысячи человек представляет одну большую улицу, соприкасающуюся на северной окраине с крепостью, на южной — с кумирнями. В крепости живут китайская администрация и войска, в улице и переулках — торговцы, частью китайцы, частью русские и даже кашгарцы.

Кобдоский гарнизон состоял из 300 солдат, китайцев и дунган, коими ведал офицер-дунганин.

Внутри крепости имеется тюрьма, где преступников приковывают на цепь в различных положениях. Тут же часто производят и пытки; наиболее распространенными приемами для вызывания признаний служит битьё по щекам подошвами или забивание камышовых клиньев под ногти рук. За уличение в убийстве полагается смертная казнь, производимая публично через отсечение головы; головы казнённых преступников вывешиваются в клетках в воротах крепости, а трупы выбрасываются на съедение собакам и крылатым хищникам.

В Кобдо имеются три больших китайских торговых фирмы и множество мелких торговцев — хурамыров, торгующих чаем, табаком и

далембой. Ежегодный ввоз товаров в Кобдо всеми китайскими фирмами приблизительно достигает суммы полмиллиона рублей, а вывоз внутрь отечества немного выше.

Русские же купцы, как в городе, так и в окрестностях его, занимаются меновой торговлей. Привозя в Монголию серебро, железо, юфть и в небольшом количестве мелкие изделия, всего круглым счетом на сумму до 3 млн. рублей, они получают в обмен на свои товары главным образом шерсть — баранью и верблюжью и шкурки сурка или тарабагана. Русская торговля в Монголии в общем выражается суммою до 7 млн. рублей.

Вокруг города разбросанно стоят юрты монголов бедняков, которые занимаются сбором топлива в соседней окрестности, а также промышляют и другими услугами у торговцев китайцев или русских. В тех же юртах имеют пристанище монгольские караваны; среди этого бедного люда встречаются изредка даже и тибетцы.

Земледелие у здешних китайцев развито внизу в долине Баянту, где обширные поля засеваются пшеницей, просом и ячменем. Обработкой полей заняты монголы под присмотром китайских солдат.

Благодаря присутствию русских торговцев в Кобдо, экспедиция обстоятельно запаслась продовольствием и многим другим по части снаряжения каравана. Здесь же, в Кобдо, в личный состав отряда вошел уроженец Бийского округа, 16-летний юноша, Яков Афутин, хорошо владевший монгольским языком.

ГЛАВА ВТОРАЯ

МОНГОЛЬСКИЙ АЛТАЙ

Общая характеристика Монгольского Алтая и план работ экспедиции в этих горах. — Озеро Хара-усу; баснословное обилие птиц. — Поездка В. Ф. Ладыгина. — Путь через Борджон к Хулму-нору. — Местные кочевники. — Бивуак экспедиции в долине означенного озера. — Возвращение В. Ф. Ладыгина; сведения о речном бобре. — Отъезд А. Н. Казнакова. — Дальнейший путь экспедиции через Тонкиль-нор, Шаргинцаганнорскую долину и озеро Бегер-нор; попутные монголы и их монастыри. — Осенний пролёт птиц.

Монгольский Алтай тянется от северо-запада к юго-востоку на протяжении 2 тыс. вёрст, или, другими словами, от русско-китайской границы к знаменитой реке Хуан-хэ, где последняя образует характерную излучину к северу. Меридиан города Кобдо делит Алтай на две неравные, но характерные части: западную, короткую, широко раскинувшуюся и богатую снеговыми, блестящими на солнце вершинами, привольными пастбищами, достаточно орошённую и выделяющую по сторонам бассейны — Кобдо на севере и Урунгу с Черным Иртышом на юге. Восточная же — в три раза бóльшая по протяжению — только в местах характерных массивов, залегающих в передовой цепи, переходит (вершины Батыр-хайр-хан и Мунку-цасато-богдо) или только касается (вершины Ихэ-богдо и Бага-богдо) линии вечного снега. Вот почему эта гобийская часть Алтая, уже и без того страдающая от крайней сухости прилежащей пустыни, бедна орошением и не дает сравнительного приволья номаду.

Цепь озёр, немного оживляющая северную окраину, поддерживается исключительно хребтом Хангаем, да и эти усыхающие водоёмы по большей части блестят лишь издали обманчивым солончаком. Наибольшим углублениям долин нередко соответствуют и наивысшие вершины в прилежащих горах.

По мере своего удаления на юго-восток описываемая часть гор расчленяется, суживается и, значительно понижаясь, прерывается. Широкие долины между главными цепями гор заполнены второстепенными их отрогами или отдельными грядами холмов. Водоносный горизонт, судя по измерению большинства попутных колодцев, проходит на глубине 4—7 (1—2 *м*) и редко 10 футов (3 *м*). На всем протяжении гор сохраняется общий профиль — к северу круче и короче, и наоборот, к югу положе и длиннее. В западной части хребта ютятся главным образом киргизы или калмыки-урянхайцы, в восточной — исключительно монголы, называющие Гобийский Алтай, его главный массив — Алтаин-нуру.

В области Монгольского Алтая экспедиция пробыла около трех месяцев, следуя своим главным караваном вдоль его северного подножья, в то время как у южной окраины гор располагались маршруты моих сотрудников А. Н. Казнакова и В. Ф. Ладыгина. Исключительно благодаря хорошим отношениям к экспедиции китайцев и монголов я мог здесь свободно дробить отряд, выделяя из главных сил легкие разъезды, которые периодически, в условных местах, примыкали снова ко мне. Подобные пункты — Хулму-нор, Далын-туру, Чацеринги-худук, Цзурахай-дацан — определены астрономически, чтобы точнее установить общую сеть съёмочных работ.

С наступлением сравнительно ранних холодов в Алтае монголы предупредительно выставляли юрты на пути следования отрядов, запасали топливо, а по ночам пасли наших лошадей, отпускаемых свободными. В проводниках мы никогда не чувствовали недостатка, в охотниках-монголах, знакомых с местным животным миром также. Благодаря такой системе путешествия достигается не линейное, а скорее площадное исследование страны. Одновременно охватывается более широкий район, полнее идет сбор коллекций, и получается большее знакомство с физическими явлениями природы, а также и с самим обитателем страны — человеком.

В последней трети августа тяжело нагруженный караван направился в юго-восточном направлении.

На другой день, по выступлении ранним утром с возвышенности окраинной гряды мы увидели по направлению к северо-востоку широко расстилавшуюся водную гладь озера Хара-усу. Поверхность его, блестевшая под утренними лучами солнца, скрывалась за горизонт. Южная же, ближайшая окраина озера, заросшая камышом, приятно гармонировала со множеством больших и малых водных площадок, серебристо сверкавших на фоне общей пожелтевшей зелени. В созерцании вод и открывавшихся за ними снеговых пятен Цзун-хайрхан, мы незаметно приблизились к самому озеру, на юго-западной окраине которого и разбили бивуак.

Озеро Хара-усу, что значит «Черная вода», представляет собою неправильную, вытянутую от севера к югу фигуру, простирающуюся в окружности до 160 верст (170 *км*); питается оно главным образом водами реки Кобдо и речками Буянту и Хара-усу, или Цинхир. По словам местных монголов наибольшая глубина озера приходится по середине, между устьем Кобдо и восточным каменистым берегом, а наименьшая в южном заливе озера, поросшем камышами. Немного севернее камышей мои сотрудники проехали в лодке на протяжении 8 вёрст (9 *км*) от западного берега к восточному, до одного небольшого островка; на означенном расстоянии максимальная глубина не превышала 5—6 футов (1,5—1,8 *м*). В этой части озера дно было песчано-илистое, а вода имела сероватую окраску. Этот пресноводный бассейн замерзает в ноябре, а в феврале уже освобождается от ледяного покрова.

Придя на описываемое озеро, мы все были поражены обилием пернатых. Глазам не верилось, что по соседству с нами в ста шагах беззаботно лежат, стоят, плавают, резвятся, перелетая с места на место, бесчисленные стаи гусей, уток, лебедей, пеликанов, бакланов, белых и серых цапель, чаек, крачек, различных куликов и многих других.

Берега озера Хара-усу изобилуют травянистыми зарослями, по которым пасутся стада монгольского скота, а также и стада богдоханских верблюдов; за последними присматривают специальные пастухи во главе с чиновником-монголом. При устье речки Буянту имеются кроме того значительные пашни, принадлежащие начальнику Кобдоского округа, почему и называются «амбаньскими». Среди обширных камышей южного залива озера проживают зимою многие монголы; на одном же из островов, как то уже было замечено выше, круглый год ютятся две-три юрты этих кочевников. По словам монголов зимою среди камышей несравненно теплее, нежели в степи или в горах. Большая караванная дорога из Кобдо проходит также по южной окраине озера, где путники-монголы живут нередко подолгу с целью откормить своих изнуренных далеким путем верблюдов.

Познакомившись с озером и пополнив нашу зоологическую коллекцию, мы 29 августа отправились в дальнейший путь и вскоре вступили на большую дорогу, которая пролегает по широкой долине Дзерге, изобилующей древесной (берёза), кустарниковой и камышовой зарослями, а в южной, более высокой части — и хорошими луговыми пастбищами, где бродили табуны лошадей. В вечерней и ночной тиши часто слышался вой волков, находящих себе отличный приют в болотистых дебрях.

На следующем переходе экспедиция оставила большую кукухотоскую дорогу и, взяв направление на юго-восток, начала подниматься по

покатости, чтобы вступить в горную область Алтая. У каменистой дороги местами виднелись монгольские дзерены, а из птиц замечена только пара дроф-стрепетов; впрочем вдали по сторонам от времени до времени быстро проносились стада больдуруков. В полдень мы достигли долины речки Тугюрюк и расположились бивуаком по соседству с кумирней того же названия. Небольшая, кристаллически прозрачная речонка, в которой мы поймали по нескольку штук хариусов и гольцов (Diplophysa microphtalmus), шумно струила свои воды по каменистому ложу. На её береговой террасе валялись обломки туфа, кварцевого порфира, а соседняя горная гряда слагалась из зелёно-серого биститового гнейса.

Теперь, когда мы вступили в межгорную долину, образуемую главным и второстепенным хребтами Алтая, и с каждым часом поднимались всё выше и выше, недавнее тепло нас скоро оставило. Днём стали донимать резкие ветры, ночью — низкая температура. Животные же, наоборот, больше благодушествовали, так как исчезли их кровопийцы комары и мошки. Туземцев со стадами скота здесь было повсюду достаточно, и ближайшие к источникам пастбища, уже вытравленные, отличались поэтому унылым видом. Для пастьбы многочисленных стад пастухи удалялись на день в безводные окрестности, где произрастал хороший корм, к вечеру лишь возвращаясь на источник, куда животные всегда стремительно бежали для утоления жажды.

Следуя пересечённою местностью — плоскогорьем, мы по временам видели обе цепи Алтая во всей красе. Южная имеет более однообразный характер нежели северная, показывающая то одну, то другую из своих снеговых вершин. Ближайшая гора Батыр-хайрхан менее величественна, нежели лежащая восточнее Мунку-цасато-богдо, поражающая своим поднятием и блеском снегов. Между указанных гор пониженные отроги образуют очень доступную седловину, через которую вьётся тропа от прохода в Алтаин-нуру, мимо Цицик-нора в долину Цзерге. На нашем же пути, среди главных цепей Алтая, приходилось часто пересекать северные отроги южных гор, которые в прорыве речки Ботогон-гол обнаруживают серо-зеленый глинисто-кварцевый сланец, а по некоторым логам и горным скатам различных видов тоналит и гранито-гнейс; на главных же седловинах у подножья гребня Алтаин-нуру поверхностный слой почвы состоит из щебня кварца, гранита, гнейса, порфирового туфа — обломков пород, характеризующих основу гор. Южная цепь гор, или хребет Алтаин-нуру, продолжает хранить, как и на меридиане Кобдо, вид грандиозного, массивного, хотя немного и пониженного, а потому и лишённого вечного снега, вала, по многим бедным водою руслам речек которого ведут дороги на перевалы, отмеченные на приложенных картах названиями.

Упомянутое озеро Цицик-нор, лежащее немного южнее нашего пути, представляет замкнутый, солёный, непривлекательный водоём, плоские и топкие берега которого затрудняют производство каких бы то ни было по нему экскурсий. Местные монголы в известное время года с успехом добывают из озера поваренную соль. Питается это озеро речкой Борджон, берущей начало в двух соседних ущельях из озеровидных бассейнов в горах Алтаин-нуру.

Долина речки Борджон довольно приветлива: ее сопровождают более или менее густые заросли караганы, хармыка и других кустарников, между которыми часто открываются луговые площадки. Прозрачная вода речки звонко струится по галечному ложу, местами дробящемуся на много рукавов. Из соседней равнины прибегали на водопой дзерены, за которыми, скрываясь в береговых зарослях, охотились и наши казаки, но, к сожалению, безуспешно, так как обстрелянные монголами звери, в особенности во время посещения источников, держат себя крайне осторожно. К югу, в горах, держатся аргали, горные козлы, а по межгорным долинкам, при источниках, окаймленных зеленью, — суслики, пищухи и зайцы. Из птиц в окрестности нашего бивуака замечены были: кулики-улиты и кулики-песочники, горихвостки, несколько пролётных стаек белых и желтых плисиц и одинокий чеккан, перемещавшийся с одной вершинки хармыка на другую; в местах тихого течения речки плавали утки и турпаны, а на утесах кое-где сидели орланы-белохвосты.

В верховье Борджона в последнее время открылся свинцовый прииск, эксплоатируемый под наблюдением монгола-чиновника. Рудокопы — китайцы и монголы, числом до 50 человек — разрабатывают невысокие обнажения хлоритово-кварцевого сланца (с дендритами); в глубоких шахтах добывают свинцовый блеск с охрой небольшими кусками. Работа производится круглый год, по истечении которого добытая руда, до 500 вьюков, препровождается в Урумчи, где, по очистке на заводе, поступает в распоряжение местного китайского губернатора в виде чистого металла.

По распоряжению управителя одного из хошунов Цзасактуханского аймака — Юмдун-цзасака, мы были встречены в долине Борджона монголами халха, так как здесь начинаются их владения и в то же время проходит восточная граница монголов цзахачинов. Последние имеют свои кочевья по обоим склонам Алтаин-нуру, от урочища Баин-булык или долины Цзерге на севере до гор Байтык-богдо на юге; на западе же их владения граничат с торгоутами, с которыми они имеют, повидимому, и общее наречие. Обитатели хошуна Цзахочин-дагин, ютящиеся по северному склону гор и прилежащей долине, имеют у себя начальником настоятеля своей кумирни — да-ламу, который по рангу в светском отношении сравнивается с цзасаком; в

помощь ему, как начальнику хошуна, придан штат чиновников: два цзалана, четыре цзангина и столько же хундэ.

Монголы-цзахочины, по представлению халхасцев, «простые люди»; их донельзя скромная и грязная обстановка поражала даже наших забайкальцев-бурят, несмотря на то, что цзахочины живут далеко не бедно. По отзыву тех же халхасцев и монголов соседних хошунов цзахочинам присущи хитрость и даже лукавство, хотя по первому впечатлению они скорее походят на добродушных простаков. Они занимаются главным образом скотоводством, разводя баранов, коз, лошадей, немного сарлыков, или домашних яков, и очень ограниченное количество верблюдов. Повинность или служба, налагаемая на описываемый хошун китайцами, сравнительно не тяжела; цзахочины обязаны содержать на своей земле пять уртэнов (станций) с должным числом лошадей и ямщиков. Обыкновенно при станции проживает состоятельная семья в 4—5 человек, глава которой в то же время и ответственный начальник уртэна, отличаемый чиновничьим на шляпе шариком, соответствующим званию цзанги.

Помимо скотоводства цзахочины занимаются охотою, преимущественно на сурка, которого ежегодно добывают около 40 тыс. экземпляров. В известное время и стар и мал, как говорится, все заняты добыванием этого зверька: одни стреляют его из ружей, другие подкарауливают у нор и травят собаками, третьи, проводя канавки с водою к жилищам сурков, заставляют их выходить из своих нор. При нашем следовании через район этих кочевников, мы всюду видели подобное энергичное истребление сурков монголами, делавшими запас мяса этого зверька на зиму и собиравшими шкурки для продажи русским и китайским торговцам. Эти торговцы живут здесь с монголами, ведут с ними кочевую жизнь и уезжают лишь на короткое время для того, чтобы сдать в Кобдо приобретенное у цзахочинов сырье и возобновить запасы товаров. Тут на месте подтвердилось мне показание русских торговцев о замеченном ими уменьшении сурка в Кобдоском округе и о том, что перестали попадаться старые экземпляры с более пушистым мехом. То же явление наблюдали и мои товарищи во время своих отдельных поездок по Алтаю.

В четыре последующих перехода экспедиция достигла высокой долины озера Хулму-нор. Пройденный путь характеризуется еще более высоким поднятием второстепенных гор или отрогов, уходящих от главного хребта к востоку. Высшая точка перевала — Хонгор-обонындабан, лежащая вблизи и немного ниже седловин гребня Алтаин-нуру, доходит до 8 810 футов (2 687 *м*) над уровнем моря.

Озеро Хулму-нор вытянуто — как и его долина — с северо-запада на юго-восток. Окружность озера по топким солончаковым берегам простирается до 15 вёрст. Вода соленая. Озеро повсюду мелко, о чем

свидетельствовала низкая даже во время сильного ветра волна. Цвет воды мутноватый, хотя в тихое время дня, в особенности по утрам, поверхность озера представлялась блестящей и красиво отливала разными тонами красок. Дно озера илистое; против ближайших скал залегают острова выпученной зеленоватой глины. Животной жизни в озере не замечено.

Питается этот замкнутый бассейн речкою Могойн, которая по выходе из высот в широкую долину дробится на много мелких рукавов, образующих болото, примыкающее к озеру с запада. Описываемое озеро заметно усыхает; на это отчасти указывает второе, небольшое, с версту в окружности, солёное озерко, залегающее к юго-востоку от главного бассейна, и несомненно бывшее когда-то частью Хулмунора, теперь отделенное от него довольно широким луговым перешейком. Высота этой местности 7 220 футов (2 202 *м*) над морским уровнем.

Травянистой растительностью, главным образом дэрэсуном (Lasiogrostis splendens), долина богата по всему прибрежью озера; на болоте, кроме того, замечены лютик, осоки, а немного повыше и хохлатки; к югу, в соседних горах, на северном склоне их очень обыкновенен стелющийся можжевельник. Кочевников в это время здесь не было, и для наших караванных животных открывался большой простор на лучших пастбищах. Окрестную тишину нарушали лишь пролётные пернатые: серые журавли, проносившиеся над долиной на страшной высоте и красиво мелькавшие своим характерным углом на голубом небе, затем белоснежные лебеди, турпаны, различные утки и реже других ржанки (Charadrius dominicus fulvus); из оседлых птиц замечены были гриф бурый, ягнятник бородатый, орел-беркут, сарыч, большой и малый соколы (Falco cherrug et Cerchneis tinnunculus), ворон, красноклювая клушица и жаворонки.

У самого бивуака экспедиции был добыт очень интересный новый вид суслика (Citellus pallidicauda); этот зверек показывался из своей норки крайне редко и всякий раз с большою осмотрительностью.

Владения Юмдун-цзасака граничат с южным берегом озера Хулму-нор. По численности и благосостоянию жителей хошун этот считается в аймаке средним — в нем всего 230 юрт. Жители с большим достатком проживают со своими стадами частью в долине Цицик-нора, частью по южному склону Мунку-цасато-богдо и на речке Борджон; бедняки же ютятся в ущельях Алтаин-нуру и кроме ухода за скотом, подобно цзахочинам, занимаются также охотою, главным образом на сурка, шкурки которого сбывают заезжим сюда китайским или русским торговцам, а мясо употребляют в пищу.

Местный управитель, по отзыву всех нами виденных однохошунцев, страшный деспот: за малейшее упущение на службе собственно-

ручно жестоко наказывает. При своей ставке он держит много даровых слуг и рабочих; его большие стада пасутся также под присмотром его же подчиненных; за каждое пропавшее животное пастухи платятся своим карманом. У многих из зажиточных монголов своего хошуна цзасак не стесняется отбирать серебро для пополнения собственной казны.

Старший сын Юмдун-цзасака стоит во главе местной кумирни, о которой упомянуто было выше. Постоянно живущих в этой кумирне лам немного — всего 25 человек, но, подобно тому как и в других кумирнях, в ней, во время отправления больших хуралов или монастырских служб, число монахов значительно увеличивается. Внутреннее убранство Цзасаргин-куре отличается некоторой роскошью и богатством: здесь имеются дорогие бурханы. Значительный доход монастырю ежегодно приносит между прочим собственное хозяйство, заключающееся в 12-тысячном стаде баранов, охраняемом монголами-однохошунцами за ничтожное вознаграждение — в виде молочных продуктов тех же баранов.

Во время пятидневной стоянки экспедиции на берегу озера Хулму-нор прибыл из своего разъезда В. Ф. Ладыгин, пройдя в две недели 440 верст (470 *км*) со съёмкою. Маршрут Ладыгина пересекает главную цепь Алтая на меридиане озера Хара-усу, затем сбегает вниз по верховью реки Урунгу — речке Булугун — до южной окраины гор и, следуя далее в восточном направлении, вступает на речку Барлык, а по этой последней вновь поднимается на тот же хребет по перевалу Олин-дабан, откуда и идет уже прямо к озеру Хулму-нор.

Этою поездкою выяснился между прочим и вопрос о существовании бобра в реке Урунгу. Бобр начинает встречаться в Урунгу после или ниже впадения в нее справа речек Чингиль- и Цаган-гол, там, где главная река глубока и где она течет среди густых зарослей ивы, сквозь которые трудно пробраться к реке и пешему. Старый охотник-торгоут передавал В. Ф. Ладыгину, что бобр живет не только по реке Урунгу, но водится и на озере Улюнгур, где его больше, но где вместе с тем берега менее доступны.

В половине сентября экспедиция оставила озеро Хулму-нор, опять разойдясь двумя отрядами. А. Н. Казнаков, чтобы не оставлять пробела, направился тем же перевалом Олин-дабаном, по которому прибыл наш сотоварищ. Сопутствовать А. Н. Казнакову был назначен испытанный старший урядник Жаркой, который сопровождал В. Ф. Ладыгина, и в минувшее путешествие совершал со мною многочисленные поездки по Нань-шаню. Условным пунктом схождения назначено было озеро Цаган-нор, в которое впадает речка Байдарик, а срок — половина октября месяца.

Путь главного каравана временно направлялся к северо-востоку, чтобы вновь пересечь тот самый поперечно протянувшийся горный отрог, который экспедиция перевалила в памятный для нее день, когда бушевал сильный юго-западный шторм при следовании экспедиции к Хулму-нору. Означенные горы в новом нашем пересечении также состояли из порфирового туфа, сильно разрушенного вероятно атмосферными деятелями; ущелья южного склона по большей части обставлены отвесными стенами, местами напоминающими собою фантастические замки или башни. Вершины некоторых столбчатых отдельностей стояли так непрочно, что каждую минуту могли упасть и разрушиться; на подобную мысль невольно наводили хаотические нагромождения обломков горных пород, скопившиеся у оснований характерных стен или боков ущелья. При следовании вверх по капризно извилистому ущелью, мы нигде не замечали источников, хотя травянистая растительность была довольно хорошая; по словам проводников монголы проживают здесь позднее — зимою, когда выпавший снег до некоторой степени заменяет собою воду.

С перевала Куйшин-дабан, абсолютная высота которого 7 820 футов (2 385 *м*), перед нами открылся широкий вид в обе стороны. На юге виднелся хребет Алтаин-нуру и та его седловина Ölин-дабан, куда теперь держал свой путь А. Н. Казнаков. Прямо на севере, в 40 верстах, великолепно блестела остроконечная вершина Мунку-цасато-богдо, а на северо-западе, в дали, слегка подернутой туманной дымкой, сравнительно слабо выделялся своею седою головою Батыр-хайрхан, отстоявший от нас на сотню верст.

16 сентября мы, вскоре по выступлении с ночлега, втянулись в поперечные высоты, обнажавшие кварцевый порфир, и, пересекши затем баркульскую дорогу, шедшую мимо кумирни и ставки Да-бэйсэ, достигли озера Тункуль или Тонкиль-нор, на северо-западном берегу которого и разбили наш бивуак. Таким образом от Хулму-нора до этого озера мы прошли, следуя кружным путем, расстояние в 30 вёрст, тогда как прямо, судя по съёмке, ближайшие окраины обоих озёр находятся всего лишь в 18 верстах. Подчеркиваю это обстоятельство потому, что на известной 100-верстной карте расстояние между означенными озёрами доходило до 50 вёрст, не говоря уже про несоответствовавшие действительности очертания фигур самих бассейнов.

Озеро Тонкиль-нор еще более нежели предыдущее стеснено близко подошедшими отрогами гор. Простирание его также другое, — почти северное. Размер несколько больший; высота над уровнем моря ниже — 6 610 футов (2 016 *м*). Цвет и вкус воды общий с таковыми Хулму-нора. С севера впадает речка Цзюйль, стоявшая в это время без воды; речка берет начало от снегов Мунку-цасато-богдо; главную же поддержку Тонкиль-нор получает от обильных ключей

и пресноводных бассейнов, простирающихся от одной до четырех верст в окружности и залегающих на болотистой покатости северного же берега, который вследствие этого богат хорошими пастбищами. Там везде бродили стада, принадлежавшие местным кочевникам, преимущественно же их управителю — Да-бэйсэ. Пролётные птицы здесь наблюдались те же, что и на Хулму-норе. Что же касается до зверей, то мы здесь наблюдали одних лишь цаган-дзере или монгольских антилоп (Gazella gutturosa), а из мелких зверьков чаще других напоминали о себе зайцы да пищухи; случайно попался также и большой тёмный хорёк, которого дежурный обнаружил ночью среди бивуака и при помощи собак добыл в коллекцию.

Кое-где по долине, а также и вблизи нашего лагеря, возвышались над поверхностью отдельные небольшие скалистые обнажения, сложенные из порфира, порфирового туфа и чёрного змеевика, подстилающей породой для которого был диорит; на вершине же обнажения выделялся известковистый натек.

Владения хошуна Да-бэйсэ, того же Цзасактуханского аймака, в котором мы теперь находились, граничат с одной стороны с озером Хулму-нор, с другой — урочищем Цзак-обо.

Хошун этот считается самым богатым и большим по числу жителей, которых в общей сложности насчитывается до 10 тыс. юрт. Население его занимается главным образом скотоводством и охотою и немного земледелием. Монголы описываемого хошуна кочуют в известных частях Алтаин-нуру и Дари-бень-ула, а также и в прилежащей к ним западной половине долины Шаргин-цаган-нор. Почти в каждой юрте этих монголов имеется по одному ружью, а в некоторых по два и по три.

Начальник хошуна, Да-бэйсэ, по своим нравственным качествам представляет полную противоположность своему западному соседу. Правильно понимая задачи общественного служения, он положительно как добрый отец заботится и печется о своих подчиненных — детях; Да-бэйсэ первый приходит на помощь беднякам или несчастным и этим самым подает лучший пример взаимопомощи среди однохошунцев. Ламам своего монастыря он, между прочим, ежегодно дарит около 300 бараньих овчин. Идеальные качества редкого начальника снискали Да-бэйсэ почетную службу в управлении самого аймака, где он занимает место ответственного чигулгана, или судьи.

Ставка местного управителя находится подле кумирни Дагинь или Да-бэйсэн-куре, расположенной на правом берегу речки Цзюйль.

В настоящее время семья Да-бэйсэ большая, он имеет двух жен и шесть человек детей; первые же 20 лет супружества он прожил с одной первой женой, подарившей ему только одну дочь. Для обеспечения своего рода и наследника по управлению хошуном Да-бэйсэ

принужден был взять другую жену и теперь, уже более счастливый, он растит от нее двух сыновей и трех дочерей. Жены Да-бэйсэ живут в отдельных юртах на равных правах ответственных хозяек.

Главный монастырь Да-бэйсэн-куре, когда-то, до дунганских восстаний, слыл за очень богатый и обширный, хотя и теперь еще насчитывает в своих кумирнях, в период известных хуралов, до 2 тыс. лам. Настоятелем монастыря является хубилган Эрдени-хамбо, при котором состоит порядочный штат ближайших помощников из старейших лам. При монастыре в собственных домах поселились китайские купцы, в числе шести торговых фирм, которые ведут отличную торговлю китайскими товарами в обмен на местное сырье. С этой же целью сюда по временам наезжают и те из русских торговцев, которые ведут свои дела у цзахочинов.

Обогнув озеро Тонкуль с севера, мы проследовали долиной, а потом и характерной тесниной меридионального хребта, отделяющего следующую уходящую к востоку долину озера Шаргин-цаган-нор. Означенный хребет служит непосредственной связью между главными массивами Мунку-цасато-богдо с одной стороны и Алтаин-нуру с другой. Поперечная теснина, по которой проходит дорога, дает основание местным кочевникам делить эти горы на две отдельные части: северную и южную, из которых первую, более низкую, они называют Цзуннуру, а последнюю, значительно возвышенную — Куку-морито. Ширина описываемых гор простирается до 10 вёрст; приблизительно в средине, у главной оси гор, теснина выражена наиболее типично; здесь вертикальные обрывы состоят из причудливо обточенных гранитов с заплатами кристаллического известняка и поднимаются на значительную высоту. В западной окраине или у подножья гор залегает кварцевый порфир, а по ребрам или вершинкам восточной — порфировая брекчия. В самой теснине дорога разветвляется на нижнюю и верхнюю; нижняя — прямая, безводная, верхняя же — кружная, но зато обеспеченная водою.

Для следования с караваном нами была избрана верхняя дорога, пролегающая по покатой от Алтаин-нуру полосе, на которой произрастала порядочная степная растительность и кое-где имелись или колодцы, или выбегающие на дневную поверхность родники, служившие пристанищем для кочевников. Однако, чтобы иметь остановки в подобных местах, нам приходилось делать большие и очень утомительные переходы; пуще всего нас удручало однообразие и монотонность обширной долины, где расстояние по виду страшно сокращается против действительности. Покатость, сбегавшая от гор на дно долины, местами пересекалась каменистыми руслами, ширина главнейшего из которых простиралась до 15 верст; подобное русло, конечно, было разбито в свою очередь на много узких и широких рукавов; берега этого

русла, сложенные из окатанной водою гальки; местами поднимались тремя последовательными террасами (до 60 футов) (20 *м*) высотою каждая.

Формы пустынной растительности этой части долины, как-то: карагана, белолозник, бударгана, полынка, перемешанные с луком, кипцом и немногими другими мелкими травами, мало оживляли в это осеннее время общий вид местности; но зато животная жизнь местами заставляла на себе сосредоточивать полное внимание: тут появились хуланы и три представительницы антилопы: дзерен, харасульта (Gasella subgutturosa) и сайга (Saiga tatarica); все эти быстроногие животные держались почти всегда отдельными небольшими табунками и не подпускали к себе охотников даже в меру маломальски рассчитанного на успех выстрела. Из птиц же, свойственных этой местности, были: сойки, больдуруки, жаворонки и большие дрофы.

В урочище Угумыр, где высота над морем спускается до 4 000 футов (1 200 *м*) мы встретили небольшие площади пашни; здесь проживали в десяти юртах монголы, занятые обработкой поля на 200 пудов (3,3 *т*) зерна. В этой местности приготовляют пашни и сеют в апреле, жнут же во второй половине сентября; сеют здесь пшеницу и голосемянный ячмень, дающие в среднем очень хороший, сам-15—25, урожай, чем и оправдывается название урочища Угумыр — «плодородный». Орошение полей в Угумыре искусственное. Превосходную родниковую воду монголы проводят на пашни посредством арыков или канав, раз в месяц. При достатке земли[1] монголы дают своим полям трёхгодовой отдых, располагая таким образом четырёхпольным хозяйством.

В вершине прекрасного источника имеется маленькая буддийская часовня, где в летнее время ламы молятся об изобилии влаги, от которой почти исключительно и зависит степень урожая. В гущине кустарников, окаймляющих источник, мы нынче впервые встретили саксаульных воробьев (Passer ammodendri), а также и светлых стренаток (Emberiza pyrrhuloides). В ближайшей окрестности держались кроме того большие соколы и орлы; эти два вида хищников успешно преследовали степных больдуруков, которых в этой долине было поразительное обилие. Чуть только блеснут на востоке первые лучи солнца, как больдуруки уже дают о себе знать либо своим характерным криком нэк-трооо... нэк-трооо... либо звучным, резким шумом крыльев во время их быстрого полета. Но вот выкатилось солнце из-за отдаленных холмов и медленно поднимается над ними, в воздухе прозрачно и тихо; посмотрите теперь внимательно в любую из сторон горизонта и везде вы непременно увидите интересные линейные движения больдуруков то ниже над землею и ближе к вам, то выше

[1] Почва — известковый суглинок.

и подальше от вас; в то же самое время раздаются знакомые шум и голоса этих оригинальных птиц. Словно порыв бури налетает на путника каждый раз, когда проносится над его головой развернутый строй этих характерных птиц пустыни, быстро затем исчезающий в широкой дали. Часам к 10 утра лёт пернатых странников прекращается, возобновляясь только вечером или следующим утром. Одни больдуруки перемещались без соблюдения определенного направления, другие же пролетали исключительно в восточно-юго-восточном направлении с целью вероятно эмигрировать в пески Ордоса.

Поручив В. Ф. Ладыгину налегке съездить в область солончаков и произвести детальную съёмку озёрной котловины, экспедиция направилась к восточной окраине озера Шаргин-цаган-нор, где решено было простоять два дня, в урочище Цзак-обо, среди пышной растительности нижнего течения речки, впадающей в озеро. Здесь уже высота местности выразилась в 3 180 футов (970 *м*) над уровнем моря.

Обширная шаргинцаганнорская котловина, самой природой предназначенная для хранения огромного бассейна, по всему вероятию была некогда заполнена большим озером, следы которого нагляднее всего выражаются солончаками и ближайшими к ним горизонтальными наслоениями известковатой глины. Характерную особенность представляют между прочим и пески, протянувшиеся по берегу озера в виде длинного, до шести верст невысокого закругленного вала, местами поросшего тамариксом.

В наше там пребывание озеро Шаргин-цаган-нор стояло совершенно сухое, без воды, открыв солончаки до 50 вёрст в окружности. Вся же вода, приносимая летом рекою Шаргин-гол, разбирается оросительными канавами для поливки полей, расположенных на юго-восточном, прилежащем к солончакам береговом пространстве, и только теперь, осенью, за ненадобностью, начинает скопляться в низовье русла и понемногу прикрывать оголенное дно озера, где зимою образуется ледяная толща.

По берегу озера, кроме двух-трех видов солянок, растительности не имеется; подальше тянутся сплошные заросли, свойственные общей приречной долине. Эта последняя, на протяжении 60 вёрст в длину и 3—5 вёрст в ширину, представляет превосходные пастбища, достаточно привольные для 200 юрт кочевников в течение круглого года. Извилистые берега речки местами сопровождаются кустарниковыми зарослями (Salix). Там и сям выбегают родниковые воды, окаймлённые злаками, осокой, касатиком, хохлаткой, а повыше и дэрэсуном. Камыш тянется участками по берегам речки, давая приют усатым синицам (Panurus biarmicus), производящим долго несмолкаемое трещанье, когда завидят поблизости что-либо подозрительное. По кустам тальника перелетали голубые синицы (Parus cyanus), которые

более мелодично ласкают слух, в особенности на некотором расстоянии, когда мягкая, нежная трель их голосов едва слышна. В травянистой заросли и по пашням, широко раскиданным в низовье долины, наблюдалось много серых куропаток. Среди же пролетных видов встречались прежние с добавлением, впрочем, утки-нырка, бекаса, полуночника и немногих других. Из мелких зверьков здесь встречены: ёж, песчанка и мышь.

Местные монголы в это время были заняты сбором сульхира (Agriophyllum gobicum), обильно произрастающего в пустынной части той же долины. Семена сульхира туземцы употребляют как суррогат хлеба; это второй случай подобного наблюдения; впервые я слышал об этом от незабвенного своего учителя, покойного Н. М. Пржевальского, наблюдавшего такое же занятие у алашаньских монголов.

Лиственичный лес на постройку кладовых добывается в южных и северных горах Тайшир-ула, где он растет широкими участками по северным склонам гор. Подобным лесом мы любовались из урочища Цзак-обо по направлению к юго-востоку, где северный склон Алтаин-нуру на расстоянии 60 вёрст был покрыт темной лентой древесной заросли. Для большего знакомства с лесным районом и для определения нижней его границы вновь был командирован В. Ф. Ладыгин вместе с препаратором Телешовым.

Урочище Халюн богато ключевыми источниками, напоминающими горную кристаллически-прозрачную воду. Тут долина значительно суживается и подножье Алтаин-нуру отстоит от вершины главных ключей всего лишь на три версты; земледелие здесь также развито. Почти до меридиана этого урочища простирается восточная окраина лиственичного леса, нижняя граница которого в среднем приподнята над морем на 6 650 футов (2 027 *м*). К лиственичному лесу примешивается в горах, по сообщению В. Ф. Ладыгина, прибывшего сюда из своей экскурсии одновременно с караваном, — жимолость, карагана, боярышник, крыжовник, тальник и осина. В лесу довольно обыкновенны сороки, черные вороны (Corvus corone), а у окраины гор и каменные воробьи; там и сям по лесным ущельям изредка высоко пролетали орлы-беркуты или грифы; при урочище же Халюн мне удалось обогатить орнитологическую коллекцию экспедиции великолепным экземпляром редкого сокола (Falco peregrinus babylonicus) [1].

Животная жизнь, в смысле диких млекопитающих, вообще очень бедна в горах. По всем трем посещенным ущельям живут кочевники с большими стадами баранов, находящими достаточно питательного корма. Источники — ключи и речки — также бедны и по выходе из гор

[1] Маммологическая также пополнилась интересным видом песчанки (Pallasiomys unguicolatus Koslowi).

во верстъ

ая 28. Зак. 6743. Тир. 15300 экз.

Л 9/IV-47 г.

1Обр.тип.Москва, Валовая 28. Зак.6743. Тир.15300 экз.

тотчас же иссякают. Горы эти, судя по образцам, привезенным В. Ф. Ладыгиным из ущелий обращенного к долине склона Алтаин-нуру, слагаются из известняка, диорита, сланца, змеевика, мелафирового туфа, порфирита, порфиритовой брекчии, песчаника, гранита и глинисто-кварцевой плотной зелёно-серой породы с вкрапленностями эпидота. Самые ущелья дики, узки, извилисты, с высокими, отвесно ниспадающими боками и с каменистыми крутыми ложами; и в этой части хребта, подобно тому как и на пройденном пространстве Алтаин-нуру, существуют проходы на полуденную сторону гор.

Оставив Халюн, мы двумя переходами прибыли в следующую лежащую к востоку долину Бегер-нор.

Наш лагерь расположился при вершине одного из многочисленных родников, сливающих свою воду в общую котловину озера. Здесь я также установил астрономический пункт, произведя наблюдения у характерного обо Изугин-будл.

По средине чашеобразной долины покоит свои солёные воды небольшое, до 15 вёрст в окружности, мелководное озеро Бегер-нор, абсолютная высота которого 4 100 футов (1 249 *м*). По берегам и прилежащим котловинам, называемым Борбон-дабасу, отлагается небольшими кристаллами соль, составляющая предмет эксплоатации не только местных, но даже и отдаленных монголов. За солончаками тянутся травянистые заросли, а среди последних там и сям виднеются на лессовидном суглинке пашни, засеваемые, как и раньше попадавшиеся, ячменём и пшеницей. В этой долине в 20 верстах к юго-востоку, пройдя другую меньшую кумирню, мы ночевали.

На прилежащих болотах держалось много ржанок (Charadrius dominicus fulvus), среди большой стайки которых пролетал с пискливым криком чибис (Vanellus vanellus); птицы доверчиво держались подле нашего бивуака, изредка перелетая на новые места, и только появление луня, сокола или сарыча серьёзно беспокоило голенастых, выражавших неудовольствие быстрым перемещением в другое, более безопасное болото.

Последнее время, около двух недель, экспедиция провела в пределах собственно хошуна Цзасакту-хана, западная граница которого проходит в урочище Цзак-обо, а восточная при Курин-тологойн-дурулчжи. Прямым начальником над двумя тысячами юрт жителей этого хошуна считается сам хан, имеющий при себе штат до десяти чиновников. Фактически всеми делами по управлению хошуном ведают старшие или ближайшие сотрудники хана, так как нынешний хан еще молодой человек; к тому же он веселого нрава, не любитель административных занятий, а главное — не способный да вдобавок еще и приверженный к горячительным напиткам.

Район кочёвок этого хошуна громадный и не представляет

богатых пастбищ для верблюдов, которых, помимо прочего скота, главным образом и разводят местные монголы в целях транспортирования кладей по линии Куку-хото — Кобдо. Собственно извозом занимается беднейшая часть населения, арендуя у своих богатых однохошунцев верблюдов на следующих условиях: уплатить за один рейс Куко-хото-Кобдо хозяину по 7—8 лан серебра за одного верблюда. Вьюк не должен превышать 9 пудов (150 *кг*). Если верблюд околеет по какой бы то ни было причине, арендатор уплачивает хозяину верблюда полную его стоимость. Арендатор обязан сам пасти и присматривать за верблюдами. Такие условия чрезвычайно выгодны, если только не случится повального падежа скота; арендатор берет за провоз одного вьюка от Кобдо до Куку-хото и обратно 14—16 лан серебра.

Кроме извоза население занимается и охотою на сурка, шкурки которого сбывают либо китайцам, либо случайным русским торговцам или их приказчикам из монголов. Проезжая этим хошуном, мы встретили одного монгола, который явился сюда с русским товаром из города Улясутая. Русский купец в Улясутае отпустил этому монголу на 600 рублей разных товаров по его выбору и предоставил ему продать их с тем, чтобы купцу было доставлено шкурок сурка и шерсти — верблюжьей и бараньей — по местной покупной цене на стоимость товара, отпущенного монголу. Помимо скотоводства, извоза, охоты местные жители занимаются еще и земледелием.

В хошуне Цзасакту-хана имеется три монастыря или кумирни, из которых две расположены в долине Бегер-нор, а третья в ближайшей окрестности Халюна. Последняя и западная из первых двух, или Цзасакту-ханэн-куре, принадлежат непосредственно местному хошуну; что же касается до третьей, то она вполне самостоятельна и нисколько не зависит от Цзасакту-хана.

Кумирня, носящая название управителя аймака и хошуна Цзасакту-ханэн-куре, имеет приличное помещение, в котором постоянно проживают и молятся до 500 человек лам. Непосредственно при ханской кумирне расположена и ханская ставка, а следовательно, и главное управление.

Здесь же в монастыре постоянно проживают два китайца-торговца преимущественно товарами первой необходимости в обиходе кочевого населения.

Следующий монастырь этого же хошуна, расположенный у южного подножья гор Тайшир-ула — Хамба-хутухтэн-куре, имеет небольшой участок прилежащей земли, отведенной и подаренной ему Цзасакту-ханом без ведома и утверждения китайского правительства.

Последний и старейший монастырь Бегерин-номун-ханэн-ламэн-куре основан, как поведали нам ламы, Номун-хан-ламой свыше 100 лет тому назад. Монастырь долгое время состоял в ведении местных упра-

вителей хошуном, но лет 30 тому назад, наконец, получил полную самостоятельность и вот по какому случаю. В 1870 году, во время сильного дунганского восстания в Китае, Номун-хан-лама, имевший тогда третье перерождение, был приглашен в город Улясутай — в Улясутайский Сайд, где служил хурал, или молебен. Признательный Сайд ходатайствовал перед богдоханом о пожаловании Номун-хан-ламе почетной награды. Китайский император внял ходатайству Сайда и наградил святителя значительным участком земли, известным числом данников — шабинаров, пожаловал ему также казенную печать и в заключение пожертвовал монастырю 500 голов скота (быков). Прибывшие в монастырь китайские чиновники, по распоряжению своего высшего правительства, выделили из общих цзасактуханских владений долину Бегер-нор — площадь, простирающуюся по краевым очертаниям до 450 вёрст (480 *км*). Таким образом, Номун-хан-лама стал вне зависимости от Цзасакту-хана и для управления подчиненными и сношения с соседними хошунами завел у себя при монастыре управление на правах хошунного начальника.

Жители шабинского ведомства, или иначе шабинары, обитающие в долине Бегер-нор, численностью около 100 юрт, ведут тот же образ жизни и имеют тот род занятий, какой свойственен и их ближайшим соседям; по словам последних и монастырь и шабинары его до дунганского восстания отличались завидным состоянием; ныне же они всё еще не могут залечить своих ран, нанесенных магометанским погромом, и справедливо считают себя бедняками.

Об осеннем пролёте птиц, который начал обнаруживаться более или менее наглядно с последней трети августа и прошел через сентябрь и октябрь месяцы, к сожалению, можно сказать очень немного. Главные массовые перелёты плавающих и голенастых птиц проходят по линии значительных озерных бассейнов — Хара-усу, Баграш-куль, Лоб-нор и других. Вот почему на первом из этих озер, лежавшем на нашем пути, мы встретили замечательное обилие пернатых, из которых одни уже направлялись к югу, другие еще только собирались к отлёту туда, и наконец, третьи, только что прилетевшие с далекого севера, должны были набраться сил прежде, нежели пуститься на чужбину.

Сведем в одно целое наши отрывочные заметки о пролёте птиц.

27 августа при озере Хара-усу наблюдались отлётными: гуси серые (Anser cinereus), гуси индийские (A. indicus) и гуси-гумённики (A. fabalis), утки, бакланы, кроншнепы (Numenius arquatus); на другой же день зуйки и некоторые из улитов (Tringa). А по долине в это время периодически уносились стайками стрижи и земляные ласточки (Riparia riparia); 30 августа летели к югу ласточки деревенские (Hirundo rustica).

2 сентября почти одновременно были замечены: кулички-песочники (Erolia temminckii), улит-черныш (Tringa ochropus) и небольшое общество бекасов; 4-го летели одиночками чекканы; 5-го в долине речки Борджон наблюдались парами или небольшими стайками улиты большие (Tringa nebularia), белые и желтые плисицы; 7-го — маленькие изящные пеночки; 9-го при озере Хулму-нор по временам летели высоко в небе огромные стаи серых журавлей (Grus grus), 10-го — коршун черноухий (Milvus migrans).

11 сентября наблюдались на Хулму-норе скворцы (Sturnus vulgaris), утки-чирки (Querquedula crecca), турпаны (Casarca ferruginea), черногорлые дрозды (Turdus atrigularis); 13-го — ржанки (Chardrius fulvus) и опять белые плисицы; 14-го в последний день пребывания на Хулму-норе, — петушок-камнешарка (Arenaria interspres); 17-го—вновь черногорлые дрозды, но большими нежели прежде стайками.

22 сентября летели сорокопуты, луговые коньки, утки-полухи (Anas strepera) и опять в значительных стайках гуси и утки-нырки (Fuligula), но не останавливаясь в долине, а пролетая прямо к югу. 23-го в долине Шаргин-цаган-нор наблюдались утки-кряквы (Anas platyrhyncha), галки (Coloeus monedula), грачи-полуночники (Caprimulgus), утки-свиязи (Mareca penelope), пустынные славки (Sylvia nana) и краснохвостки краснобрюхие (Phoeniocurus erythrogastra); 25-го — утки-широконоски (Anas clypeata); 29-го — бекасы маленькие; 30-го — вновь утки-кряквы и степные больдуруки (Syrrhaptes paradoxus). Последние, впрочем, начали летать уже несколько дней тому назад и летели ежедневно по утрам и вечерам всё в одном и том же — восточно-юго-восточном направлении.

В следующем месяце во множестве продолжали лететь все те же копытки, или больдуруки, и кое-когда попадались на глаза другие, почему-либо запоздавшие, пролетные птицы.

3 октября днем, около полудня значительными стайками отдыхали на болоте Бегер-нора большие ржанки (Charadrius fulvus), а среди них с пискливом криком проносился из стороны в сторону чибис (Vanellus cristatus); под вечер вся эта компания направилась в отлет к югу; 6-го по временам тянулись длинными вереницами, красиво мелькая на солнце, белые цапли (Ardea alba); в тот же день замечены и водяные коньки.

Во второй трети октября, кроме больших и малых стад больдуруков, попрежнему уносившихся к востоку-юго-востоку, вдоль гор, мы ничего не наблюдали, а в следующей и последней трети того же месяца — 22 октября — при озере Орок-нор закончили собой список пролётных птиц в этом году — черноголовая чайка, запоздалые утки-кряквы, прежняя одиночка-ржанка и небольшая стайка серых гусей.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

МОНГОЛЬСКИЙ АЛТАЙ

(Продолжение)

Снова ближайшее соседство главных гор. — Ламы, паломники в Тибет. — Неожиданная встреча с А. Н. Казнаковым на озере Хутук-нор. — Бивуак при ключе Далын-туру. — Знакомство с озером Боун-цаган-нор. — Жители юго-восточных хошунов Цзасактуханского аймака. — Поездка В. Ф. Ладыгина поперек Гоби. — Массивы Ихэ- и Бага-богдо. — Озеро Орок-нор и дальнейший путь экспедиции вдоль северо-восточной окраины гор Арца-богдо. — Трёхнедельная стоянка при колодце Чацеринги-худук. — Возвращение Казнакова. — Совместное следование до кумирни Узурахай-дацан. — Попутные монголы Сайннойонского аймака.

Познакомившись с интересной долиной Бегер-нор, экспедиция вновь направилась к горам главного хребта и, следуя среди узкой и высокой долины, преграждающейся на севере второстепенной горной цепью, составляющей непосредственное западное продолжение массива Ихэ-богдо, незаметно приблизилась к восточной окраине Алтаин-нуру, носящей у монголов название Гычигин-ула. Близость гор и высокое поднятие снова сопровождалось низкой температурой. В долине же Бегер-нор было почти так же тепло, как и в памятной долине Шаргин-цаган-нор. И там, и здесь солнце пригревало по-летнему и мы могли любоваться полевыми жаворонками, поднимавшимися в голубую высь и разносившими по сторонам свое звонкое пение. В близком же соседстве гор, в известное время, чаще слышно завывание ветра или бури, этих усердных агентов-разрушителей горных пород.

Тотчас за травянистым покровом дна Бегернорской долины начинается щебне-галечник, который тянется до подошвы гор. На нашем пути, у ключа Аро-сучжи, горы слагались из мелафира и были сильно разрушены и обточены, представляя у основания ниши, пещеры, а по вершинам всклокоченные гривы. На юге главный хребет был засыпан снегом и от него подувало холодом, в особенности по ночам. Монголы в это время проживали в ущельях пройденных нами передовых гор.

На третий день мы достигли урочища Шара-бурдун, где имеются два маленьких пресных озерка, большее из которых выпускает речонку, теряющуюся в соседней, к юго-востоку пониженной части долины. Абсолютное поднятие этой местности — 6 990 футов (2 130 *м*). Отсюда, ближе к югу выступает от главного хребта гора Чандэман, сложенная из сланца, тогда как прилежащие к ней невысокие грядки состоят из порфира и белого кварца; на юго-востоке виднеется западная окраина Баин-цаган-ула, еще ближе высылающая от себя гору Унигэтэ («Лисья»), между которой и ранее указанной Чандэман находится свободный проход к югу-востоку — в долину озера Хутук-нор (озеро «Счастья»). На севере тянулся безымянный пониженный кряж, добегающий своими восточными отпрысками до горы Унигэтэ. За этим кряжем выступали высокие, острые гребни разрозненных гор: Сырхэ, Уха и Самдын-дампа — тех самых, которые были нам видны еще с долины озера Бегер-нор и горы Хара-аргалэнтэ, составляющие лишь западную часть общей плоской возвышенности, добегающей под названием Нарын-хара до меридиана снегового массива Ихэ-богдо.

Достигнув следующим переходом озера Хуту-нор, мы неожиданно встретили А. Н. Казнакова, обогнувшего Гычигин-ула с востока и введенного картами в заблуждение о месте нашего надлежащего схождения.

Маршрут следующей поездки А. Н. Казнакова, начавшего её отсюда, представлялся таковым: по пересечении, к югу от озера Хутук-нор, гор Гычигин-ула и своего только что пройденного пути, взять направление к юго-востоку, или близкое к таковому, для движения у южной подошвы расчленённого Алтая до связи на востоке с гобийскими рейсами Н. М. Пржевальского, а затем, выйдя к северному подножью тех же гор, следовать ко мне навстречу в окрестностях озера Улан-нор.

Пресное озеро Хутук-нор, обойденное кругом, расположено в приветливой долине, ограниченной с юга горами Гычигин-ула, с востока — Чандэман, с севера — обнажающими розоватый выветрелый гранит сопками передовых холмов гор Унигэтэ и Баин-цаган-ула, а к востоку-юго-востоку — волнистыми увалами. Будучи затейливо изрезано в северо-западной части высокими обрывистыми берегами, Хутук-нор имеет низкие берега на юго-восточной своей окраине. Окружность озера простирается до 30 вёрст, представляя фигуру, вытянутую согласно направлению гор с северо-запада на юго-восток.

В наше пребывание на озере последнее было покрыто льдом, сквозь блестящую поверхность которого виднелось мелкое илистое дно, поросшее водорослями, где усмотрены во множестве Gammarus'ы. В юго-восточной части озера выступает из-под его вод обрывистый остров, состоящий из зеленоватого ила. Близко примыкая к полуостро-

ву, он как бы разделяет водную гладь на две части, принимаемые издали за отдельные озёра. К востоку же, в трёх верстах, действительно имеется обособленное озерко, называемое Бага-нор. Наш бивуак был расположен на южной окраине Хутук-нора, поблизости от обильно выступающих по берегам ключевых родников, питающих озеро.

Прилежащая долина была покрыта хорошей степной растительностью, по которой паслись стада местных кочевников. Рядом с домашними животными нередко можно было видеть небольшие общества монгольских дзеренов и хара-сульт. Из птиц мы видели лишь пару лебедей, которые, немного отдохнув на обманчивой ледяной поверхности озера, полетели дальше к югу, оглашая воздух тревожным криком. В соседних горах держались аргали, горные козлы, волки, лисицы и зайцы.

Обогнув озеро с юга-востока, при дальнейшем следовании наш караван опять вступил на большую кобдо-кукухотоскую дорогу и по ней следующим переходом достиг урочища Далын-туру, лежащего в открытой долине, но ближе к окраине гор Баин-цаган-ула. На половине нашего первого перехода от озера мы увидели и пересекли ту большую дорогу из Улясутая в Су-чжоу, по которой в скором времени должен был следовать В. Ф. Ладыгин. Общее направление этой интересной гобийской дороги шло от северо-северо-запада на юго-юго-восток. На севере дорога пересекала западную окраину Баин-цаган-ула, а на юге серию хребтиков, кряжей и поперечных долин той системы гор, которая составляет дальнейшее на юго-восток продолжение Алтая — его южной цепи, теряющейся в пустыне, а не связывающейся, как изображалось на картах [1], с передовыми на севере горами в массиве Ихэ-богдо, порою открывающемся нам в синеющей дали своей могучей плоской вершиной.

На отличном ключевом урочище Далын-туру мы расположились на несколько дней. Здесь я дал поручение В. Ф. Ладыгину съездить к северу от Далын-туру, на озеро Цаган-нор, или, как оно точнее называется, Боун-цаган-нор. Посещенная моим сотрудником местность представляется так: тотчас за хребтом Баин-цаган-ула, пересечённым Ладыгиным в понижении, залегающем западнее горы Цицин-хайрхан, лежащей в общей оси с Баин-цаган-ула, расположена долина, преграждаемая с севера длинным плоским поднятием. На этом поднятии насажены вершины: по средине Дунду-аргалэнтэ, к востоку Улан-аргалэнтэ и на западе Хара-аргалэнтэ, — те самые, о которых я уже раньше упоминал и которые были видны с озера Бегер-нор и из урочища Шара-бурдун. Миновав общую возвышенность, Ладыгин

[1] В действительности же в той стороне находится широкая долина, по которой тянется большая караванная дорога в Куку-хото.

спустился в обширную долину, разделяющую Алтай и Хангай, и через 10 вёрст движения по ней в том же северном направлении вступил на юго-восточный берег озера.

Горы Баин-цаган-ула, судя по образцам, взятым с южного склона этого хребта, слагаются главным образом из сланца; кроме того при устье одного из средних ущелий того же полуденного склона замечены габбро и кварцитовая брекчия, а у ключа Харын-шанда брекчия гобийская. В восточной пониженной окраине описываемых гор, на границе с скалистым, крутым Цицин-хайрханом, на пути В. Ф. Ладыгина обнаружен стекловатый базальт — местами с собственной брекчией, покоящийся на базальтовой лаве, а в некотором отдалении к югу и северу, по предгорьям, к преобладающему сланцу примешивается и известняк. Далее к северу, перед долиной Боун-цаган-нора залегает окраинная гряда, обнаруживающая на обоих склонах, при пересечении Дунду-аргалэнтэ, порфировый туф с незначительным добавлением тоналита, известняка, мезозойских песчаника и глины и кремния; последний монголы добывают для собственной надобности.

Озеро Боун-цаган-нор довольно обширное, — до 60 вёрст в окружности — было обойдено кругом. Общая фигура этого соленого озера, стоявшего открытым в половине октября, напоминает закругленный треугольник, северо-западная и юго-западная стороны которого прихотливо изрезаны. Вода настолько солона, что её не пьют даже животные; кроме того она обильно выделяет сероводород. Низкий берег — солончаки, возвышенный — пески, обсыпающие котловину озера со всех сторон; с восточной стороны, кроме того, расположены правильные поперечные гряды, состоящие из конгломератового щебня. В северо-восточный угол озера впадает речка Байдарик [1], незадолго перед тем принявшая справа Цаган-гол. Отсюда же на северо-запад, вдали, среди предгорий Хангая, виднелась гора Гурбан-хара-магнай.

На озере ютилось много пролетных птиц, — всё те же, которые мной были указаны и раньше. С севера и запада, со стороны пустыни, порой приходили хуланы и антилопы (Gazella subgutturosa), которых манили прибрежные заросли камыша, тамарикса и саксаула.

С гор Баин-цаган-ула в ясную погоду открывается широкий вид к югу. Южная цепь гор Гычигин-ула резко обрывается: её непосредственным продолжением на юго-востоке служит ряд холмов, вытянутых параллельно между собою. Ближайшую невысокую и короткую гряду монголы нам назвали Хуца, отдаленную же, значительно поднятую над общими высотами и теряющуюся в пустыне, — Чжинсытэ-нуру. Непо-

[1] В устье своем эта речка разбита на три рукава, достигающих по ширине в общей сложности 6—7 сажен (12—14 *м*), а в глубину около одного фута (30 *см*).

далеку резко выступает обособленная гора Бурла-хайрхан. На восточном крае горизонта в передовой цепи виднелась могучая гора Ихэ-богдо. Большая караванная кобдо-кукухотоская дорога проходит долиною между указанными цепями гор.

Население трех последних хошунов Цзасактуханского аймака — Гомбу-сурун-гуна, Риндо-цзасака и Юм-бэй-сэ — соприкасается своими кочевьями у берегов озера Хутук-нор. Район первого хошуна простирается к северо-западу от озера, район второго — на северо-восток, и район третьего — к юго-востоку. Хошун Гомбу-сурун-гун — самый бедный на всем пройденном нами до сего времени пространстве: он с трудом насчитывает у себя 30 юрт. Его князь не богаче любого своего подданного; все его имущество состоит из одной юрты, лошади, трех коров и двадцати баранов. Долгу же за хошуном одному пекинскому купцу-китайцу значится свыше 50 тыс. рублей, считая на наши деньги. Приплод от скота, шерсть и шкуры зверей идут на покрытие процентов на капитал, которого хошун никогда и не выплатит. Поэтому сюда уже больше не заглядывают торговцы; кумирен здесь тоже нет. За недостатком животных перекочёвки местного князя представляют печальную картину: его жалкий скарб большею частью переносится на спинах бедняков однохошунцев.

Следующие два хошуна многолюднее и богаче; в первом из них около 400 юрт, во втором свыше 450. Население того и другого занимается главным образом скотоводством и немного охотою. В обоих хошунах имеются кумирни, носящие имена своих хошунных начальников. Кумирня Юм-бэйсэн-куре гордится своим Эрдэни-хубилганом, считающимся первым учёным среди лам всего Цзасактуханского аймака. На обоих моих сотрудников, посетивших эту кумирню, Эрдэни-хубилган произвел впечатление очень толкового человека, довольно обстоятельно расспрашивавшего об их путях и целях путешествия. Хубилган, как и все прочие ламы, числом около 400 человек, жил в юрте, отличающейся лишь размерами и чистотой.

Как при этой кумирне, так равно и при кумирне Риндо-цзасагин-куре, почти постоянно проживают торговцы-китайцы, ведущие с местными кочевниками меновую торговлю.

Отсюда монголы уже и сами ежегодно поздней осенью и зимой отправляются на своих верблюдах к югу, через Гоби, в города Ань-си, Юй-мынь, Су-чжоу и Гань-чжоу, где приобретают хлеб, бумажные и шелковые ткани, а также чай, водку и прочее. Ездят, впрочем, они и в Ургу, особенно летом, когда проезд по южной части Гоби бывает невозможен.

Таким образом, экспедиция проследовала шесть хошунов Цзасактуханского аймака, западная граница которого проходит, как то и замечено выше, долиною реки Борджон, а восточная при озере Ногон-

нор, в урочище Унта («Проспавший»). Последнее, согласно преданию, так названо потому, что здесь когда-то какой-то военачальник потерпел полное поражение в борьбе с неприятелем, прокравшимся в лагерь первого в то время, когда он спал крепким сном. У монголов же существует пословица: «Просыпайся ранее восхода солнца, иначе вражья стрела найдет тебя».

Обитатели Цзасактуханского аймака три года тому назад сильно пострадали: их благосостоянию нанес громадный ущерб падёж рогатого скота от болезни «милан» — чумы, этого неумолимого бича скотовода. Почти одновременно с этим бедствием страну посетила и смертельно поражавшая самих монголов — красная сыпь (краснуха), или, как ее называют монголы, улан-бурхан. Интересно, что кочевники при появлении этой болезни проникаются неописуемым ужасом, веруя, что тяжкие болезни или кары ниспосылаются на землю исключительно богом, откуда произошло и само название болезни улан-бурхан.

Четыре-пять дней, проведенные при урочище Далын-туру, мелькнули для нас незаметно. Ранним утром, 15 октября, мы его оставили, расставшись с Ладыгиным на три с лишком месяца.

Наш дальнейший путь шел на пространстве 50 вёрст на юго-восток до небольшого соленого озера Ногон-нор, залегающего в широкой солончаковой долине. Отсюда он склонился к востоку-северо-востоку на пересечение передовой и теперь уже главной самостоятельной цепи Алтая, из которой гордо выступал массив Ихэ-богдо. Между этой снеговой горой и оставленным Баин-цаган-ула, расположены в той же цепи вначале, как уже и говорено выше, Цицин-хайрхан, восточные отпрыски которого доходят до плоских валообразных и широких гор Тарята, затем эти последние и примыкающие к ним горы Нойон.

Продолжая рассматривать топографический рельеф одиночной цепи Алтая, видим массив Ихэ-богдо, за ним к востоку другой — Бага-богдо, сходящиеся между собою опущенными крыльями, причём так, что восточное крыло Ихэ-богдо проходит южнее западного крыла Бага-богдо, образуя плоский проход из северной долины в южную. К юго-востоку от Бага-богдо имеется значительное, до 10 вёрст, расчленение с следующими за ними горами Арца-богдо, лежащими юго-восточнее снегового массива. Затем между горами Арца-богдо и Гурбан-сайхан усмотрен также проход, но еще более широкий нежели только что указанный и с той ещё разницей, что ближайшие крылья гор лежат на общей линии, а не заходят друг за друга, как это мы видели у обоих снеговых массивов и у западной окраины Арца-богдо. Далее, по мере удаления к юго-востоку, горы значительно понижаются и в окрестностях северной извилины Хуан-хэ исчезают, расплываясь плоскими, низкими волнами в виде отдельно стоящих параллельных гряд и грядок.

Теперь скажем несколько подробнее о самом маршруте в области указанных гор.

От ключа Далын-туру, по направлению к Ногон-нору, куда направляются сухие каменистые русла, идет общее понижение местности; поверхностный слой прилежащей долины состоит из гальки и щебня, которые в самой котловине озера сменяются рыхлым глинистым лёссом, высоко взметаемым порывами ветра. У кустов хармыка и бударганы лёсс образовывал невысокие холмы, по которым ютились проворные песчанки (Rhombomys opimus), издававшие тонкий свист. Густые заросли дэрэсуна привлекали из окрестной пустыни стада хуланов и антилоп хара-сульт; по ночам в долине раздавался неприятный вой волков, которым усердно вторили собаки окрестных кочевников. На ключ Цзадагай-усу, при котором мы стояли бивуаком, днем то и дело прилетали вьюрки и большие и малые жаворонки. Первые забавляли наблюдателя своим интересным купаньем и оригинальной просушкой плотных перьев при помощи лёссовой пыли, в которую птички глубоко погружались, по временам поднимая в воздух тонкую пыль хлопаньем своих крылышек. Над равниной изредка проносились стада больдуруков, а над окрестными горами кружились одиночками или парами крупные хищники — орлы и грифы, зорко высматривавшие добычу.

Само озеро Ногон-нор осталось немного в стороне от нашего пути. По словам местных монголов в нынешний год, сравнительно обильный дождями, озеро достаточно наполнено водой; обыкновенно же его солончаковое дно стоит по нескольку лет кряду совершенно открытым, так как воды речки Нарин-гол, равно как и воды других речушек, направляющихся в котловину, её дна не достигают. Высота этой местности поднята на 5 840 футов (1 780 *м*) над морским уровнем. С юга озёрная котловина замыкается высотами Кэптэ.

За урочищем Унта наша дорога вновь начала втягиваться в горы, сначала невысокие, представлявшиеся в виде мелкопесочника, в котором обнажались диорит, филлит и жильный кварц, а при переходе в предгорья главных гор — сланец и сланцеватый известняк с фораминиферами и каменноугольными кораллами. Далее дорога поднялась на высокий юго-восточный отрог гор Тарята по перевалу в 7 510 футов (2 290 *м*) над морем. Ядро гор Тарята слагается из тоналита, гранита и сланца, с присоединением у окраин кварцевого известняка и известняковой брекчии.

С вершины безымянного перевала открылся вид к северу на ближайшую валообразную гору Нойон и к северо-востоку на главный и могучий массив Ихэ-богдо, сурово глядевший на нас из-под мрачных снеговых туч, часто скоплявшихся у этой горной громады. Между горами, лежащими впереди, и теми, на которых мы стояли, вклинивается долина с хорошей травянистой растительностью, в особенности в северо-

западном углу, при ключе Мухур-булык, куда мы и направились. В этой долине стояли две-три юрты монголов, вокруг которых бродила масса скота чуть не совместно с большим, до 200 голов, стадом монгольских дзеренов (Gazella gutturosa). Из птиц же здесь были замечены темный сарыч, паривший над дэрэсуном, сокол-пустельга, преследовавший жаворонков, красноклювая клушица и серые куропатки.

Погода последнюю неделю стояла отличная — ясная или полуясная с преобладающим затишьем; днем на солнце было тепло, ночи же отличались значительной свежестью; воздух был довольно прозрачен,— короче, стояла самая типичная осенняя погода не только для этой части Монголии, но даже и для всей вообще Центральной Азии. Ночью, с 18 на 19 октября, разразился сильный снежный буран с юга, бушевавший почти целые сутки и покрывший соседнюю окрестность толстым, до полуаршина (35 *см*), слоем снега, местами сбившегося в большие сугробы. О выступлении в путь нечего было и думать. По прекращении бурана небо совершенно прояснилось, и на его тёмном фоне зажглись дивным блеском яркие звезды и планеты. Шаги прогуливавшегося по бивуаку ночного часового отдавались в тиши знакомым хрустением снега. Ночной минимум выразился в —24°. Словом, получилась настоящая зимняя картина. Монголы не преминули заметить, что буран произошел по воле духов, живущих на вершине знаменитой горы Ихэ-богдо, которая этим самым давала понять пришельцу-человеку о своем величии.

Освободив багаж из-под снега и завьючив караван, мы направились мимо южной окраины горы Нойон, сложенной из тоналита, к перевалу Хухэн-дабан [1], лежащему на 6 660 футов (2 030 *м*) над морем, на западном опущенном крыле Ихэ-богдо. Дороги, конечно, не было никакой, и передовым животным приходилось делать особые усилия при движении по глубокому снегу. В таких случаях мы иногда посылали вперед верховых спутников-проводников, которые на своих свежих лошадях прокладывали тропу для верблюжьего каравана. К счастью, подъём на перевал был довольно пологий, по крутому же спуску его мы прошли без особенного труда, так как здесь снега было значительно меньше.

С вершины перевала массив Ихэ-богдо открывает наблюдателю свою юго-западную, круто обрывающуюся к югу, головную часть, от которой к подошве общего массива несколько положе спускается обширная покатость, или бэль, как называет её Г. Н. Потанин [2]. К северу, через щелевое отверстие, открывался вид на высоты Нарын-хара и на

[1] На этом перевале обнажался песчаник, переходящий в пуддинг.

[2] Г. Н. Потанин. Тангутско-Тибетская окраина Китая и Центральная Монголия, СПб., т. I, 1893, стр. 486.

прилежащую глубокую долину. Дальнейший наш путь, таким образом, приходился в непосредственной близости сначала западного, а потом и северного подножья Ихэ-богдо. Первое сложено из гранита и конгломерата, сочетающихся в дикие, фантастические формы; наиболее интересными казались второстепенные пики или столбчатые отдельности, местами увенчанные гигантскими округлыми гранитами, готовыми упасть ежеминутно. По дну ущелья струился красновато-бурый ручеек — Гашиун-булык, теряющийся при выходе из гор. Растительность здесь крайне бедная, невзрачная, выражалась преимущественно кустарниками: саксаулом, бударганой и немногими другими. Наш бивуак приходился недалеко от отдельно стоящей горки, обнаруживающей щебень, гальку и мезозойские конгломерат и песчаник.

На северо-западе даль ограничивалась высотами Аргалэнтэ, на плоской спине которых выступали отдельные горы. Вправо, в сторону нашего дальнейшего пути, уходила открытая долина.

Обилие выпавшего снега послужило препятствием для измерения высоты Ихэ-богдо. Летом, мне кажется, всего удобнее осилить трудности поднятия на вершину этого массива, чтобы затем иметь возможность определенно сказать, как велика его абсолютная высота. В настоящее же время я мог выполнить только незначительную поездку с колодца Куку-сайрэн-худук, поднятого над морским уровнем на 4 080 футов (1 243 *м*) к устью главнейшего ущелья — Улястэ-ама, отстоявшего в 12 верстах к югу от нашего бивуака. Погода стояла отличная — ясная, тихая, и я с Бадмажаповым и двумя проводниками-монголами в полдень оставил бивуак и по покатости, круто ниспадавшей в равнину, направился вверх. Сытые лошаденки несли нас то легкой рысью, где почва была помягче, то шагом, где залегали каменья. С каждой верстой движения к югу мы значительно поднимались, и нашим глазам представлялись новые и лучшие виды по сторонам, в особенности на востоке-юго-востоке горизонта, где возвышался следующий массив — Бага-богдо, сплошь укрытый чистобелым снегом, ослепительно блестевшим под яркими лучами солнца. В высшей степени характерной представлялась его шапкообразная вершина, высоко поднимающаяся к небу. Вся прилежащая равнина также белела от снега. На северо-западе резко выделялись вершины высот Аргалэнте, а на западе — гребни скалистых гор Баин-цаган-ула и Цицин-хайрхан. По дну глубокой впадины густыми клубами стлался туман, закрывавший вид на озеро Орок-нор.

У устья Улястэ-ама мы спустились в глубоко врезанную балку, по дну которой, заваленному огромными гранитными валунами, протекал небольшой, прозрачный ручей. С трудом поднявшись на правый крутой берег балки и немного продвинувшись вверх по последовательно расположенным террасам, мы достигли, наконец, каменных

ворот ущелья, у которых стояла одинокая монгольская юрта. Монголы сообщили нам, что в данное время не имеется дороги вверх по дикому каменистому и глубокому ущелью; летом же, хотя и с большим трудом, возможно пробраться до головы источника, употребив на подъём туда половину дня и столько же на обратную дорогу; словом, на путешествие в 8—10 вёрст внутрь гор требуется большой летний день, причём само путешествие можно выполнить только пешим порядком, двигаться же на лошади нет возможности.

Там, в глубине ущелья, у священного источника, по словам тех же монголов, всегда и у всех болит голова, тяжело дышать, сильнее бьется сердце, а у некоторых даже идет горлом кровь... Попытались было мы продвинуться вверх, но убедились в правдивости местных обитателей: огромные обледенелые каменные глыбы и замерзшие каскады положительно не давали возможности, как говорится, ступить шагу.

Монголы были очень удивлены нашим приездом и долго не могли отдать себе отчет в настоящей цели посещения их русскими; их также не мало смущало и обстоятельство — зачем мы берем образчики камней [1] и смотрим на барометр. Абсолютная высота Улястэ-ама определилась в 6 530 футов (1 990 *м*). Старец-лама внимательно следил за всем, что мы делали, не переставая в то же время быть очень сосредоточенным и, перебирая четки, довольно громко повторять известную мистическую формулу: «ом-ма-ни пад-мэ-хум». Одарив монголов и приветливо распрощавшись с ними, мы стали собираться в дорогу. Лама расчувствовался и подарил мне в свою очередь на память чашечку из мыльного камня, вывезенную им когда-то из Лхасы. Камень, из которого сделана чашечка, темнобурого цвета, с редкими светлосерыми и розовато-коричневыми крапинами. Снаружи чашечка отшлифована, внутри же обделана сравнительно грубо.

Этот скромный дар старика мне был тем более приятен, что чашечку он видимо ценил, так как она стояла перед бурханами и в ней он возжигал перед ними масло, а также воскуривал и фимиам из измельченных веточек можжевельника.

Спустившись в глубину долины, мы почувствовали на себе влажную свежесть, обусловленную густым туманом, медленно надвигавшимся со стороны Орок-нора.

Туман сопровождал нас и весь следующий переход к означенному озеру, в юго-западном углу которого, при урочище Далын-туру, мы имели двухдневную стоянку. Зима, повидимому, надвигалась, и

---

[1] Массив Ихэ-богдо слагается из гранита, гранитовой брекчии, аплита, сланца, кварцита, конгломерата и, судя по образцу, добытому в одном из ущелий правого крыла массива, риолита.

ночная температура воздуха давала себя чувствовать, спускаясь до —26°.

Озеро Орок-нор пресное и вытянуто от запада к востоку на 26 вёрст, простираясь в окружности до 60. С севера в озеро впадает речка Туин-гол, берущая начало в горах Хангай; с юга же оно граничит с подножьем правого крыла массива Ихэ-богдо. Глядя на Орок-нор с его большею частью возвышенных берегов, получается впечатление глубокого провала, некогда, вероятно, наполнявшегося водою значительно выше; ныне же, по словам монголов, не всегда полностью прикрывается даже его дно. Наибольшая глубина озера приходится у северного берега, хотя значительные омуты, согласно показаниям тех же монголов, имеются во многих местах этого бассейна. Периодически, приблизительно через десятилетний промежуток, речка Туин-гол приносит очень мало воды, и озеро мелеет настолько, что по нему свободно бродят лошади и коровы; многочисленная же рыба частью скопляется в омутах, частью погибает в грязи, становясь добычей крылатых хищников.

Описываемое озеро, как замечено выше, пресное, хотя и не имеет истока. Это обстоятельство заслуживает особенного внимания ввиду того, что внутренние центрально-азиатские бассейны, находящиеся в таком же положении, заключают соленую воду.

В наше здесь пребывание озеро стояло подо льдом, занесенным снегом.

В этот год оно замерзло 15 октября, — на две недели раньше среднего срока замерзания. По ночам от времени до времени раздавался на озере треск льда, гулко отдававшийся в соседних горах. К весне толщина льда достигает 5—7 футов (1,5—2 *м*); иногда значительные льдины держатся на озере до начала мая.

В западной и южной частях озеро богато ключами, поздно или даже совсем не замерзающими. Высокий камыш окаймляет воды озера то широкими, то узкими полосами.

В летнее время, а еще больше на осенних и весенних перелётах птиц, на озере Орок-нор скопляются большие стада плавающих и голенастых пернатых, которые наполняют воздух своими голосами. Теперь же присутствие их на озере почти не замечалось; только изредка пролетали над незамерзшими ключами одинокая чайка, утки-кряквы или раздавался голос запоздавших серых гусей. Из оседлых же птиц в окрестностях озера мы чаще всего наблюдали черных воронов, сарычей, луней, подорожников и жаворонков. Что же касается зверей, то среди последних, как и прежде, попадались хара-сульты, волки, лисицы и зайцы.

На восточном берегу Орок-нора образовалась дюна мелкого сыпучего песка, за которою на некотором расстоянии в том же восточном

направлении тянется по дну общей долины ещё больший вал такого же песка, доходящий до места расположения следующих, меньших по размерам озерков. Несомненно, что в сравнительно недавнее прошлое углубленная часть долины покоила воды одного обширного бассейна, от которого к нашему времени уцелели лишь небольшие разрозненные остатки. Там и сям по равнине поверхностный каменистый слой почвы прикрывался массою красиво обточенных самою природою сердоликов, агатов и халцедонов всевозможных оттенков и размеров. На севере долина Орок-нора преграждалась невысокими холмами, сложенными из гобийских песчаника и мергеля.

Дальнейший наш путь шел по южному берегу Орок-нора.

К северу, через озеро и синевшую за ним даль, открывался вид на Хангай. С востока с каждым днем заметно приближался массив Бага-богдо, тогда как Ихэ-богдо понемногу удалялся к западу, изредка показывая нам из-за второстепенных ближайших отрогов свою могучую плоскую вершину. К югу, на постепенно опускавшемся правом или восточном крыле этого главного массива мы отметили, согласно указаниям монголов, несколько перевалов, против одного из которых и вблизи урочища Хара-добо, нам опять попались на глаза древние могилы или кэрэксуры некогда живших здесь номадов. Оставив озеро, мы вступили в саксауловую заросль, сменившуюся затем пыльными солянками, за которыми вскоре начались сыпучие пески, круто обрывавшиеся к юго-западу и полого, но плотно залегавшие навстречу господствующему северо-восточному ветру. За песчаными барханами, как раз против оставленного нами Орок-нора, при колодце Сэй-рэнхая-худук, нам удалось произвести ряд удачных астрономических наблюдений для определения географических координат.

Отовсюду — и с берегов Орок-нора и еще больше с нашего астрономического пункта — можно было любоваться величием двух массивов, лежащих по сторонам. Ихэ-богдо имеет около 70 вёрст (75 *км*), Бага-богдо — 35 вёрст (километров 37) восточного простирания; первый, представляя плоскую кровлю, много уступает по общему виду второму, поднимающему свой одинокий купол в глубокую высь. На восточном продолжении Ихэ-богдо имеется три прохода, не считая четвёртого, общего между рассматриваемыми массивами. Бага-богдо почти не проходим. Ущелья обоих массивов, как и общий характер этих гор, весьма схожи. Обильных источников ни в том ни в другом не обнаружено. Что же касается древесной растительности, то в этом отношении Бага-богдо богаче. В посещенных мною ущельях, на протяжении 6—7 вёрст, обильно растет тополь и три-четыре вида кустарников, спорадически примешивающихся к большим деревьям первого; это в меньшем массиве. В ущельях же большего, да и то только в главном, кроме небольшого участка лозы или тальника, других полу-

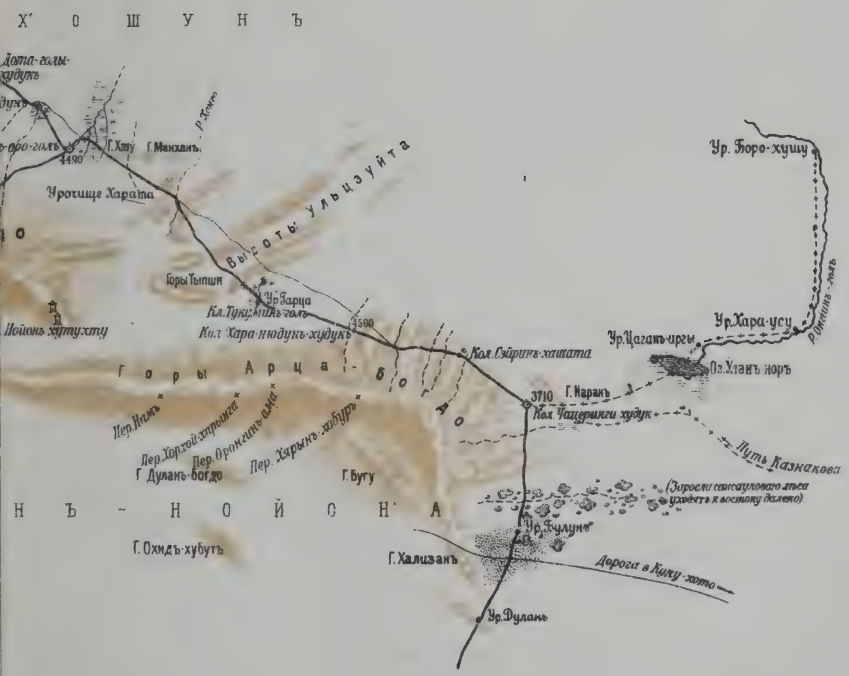
МОНГОЛЬСКІЙ АЛТАЙ

ПО СЪЁМКѢ П.К.КОЗЛОВА

Октябрь-Ноябрь 1899 г.

Высоты въ футахъ.

✤ Астрономическіе пункты.



1-ая Обр. тип. Москва. Валовая, 28. Зак. 6743. Тир. 15300 экз.

Л 9/IV-47 г.

1-Обр. тип. Москва. Валовая, 28. Зак. 6743. Тир. 15300 экз.

древесных или древесных пород не встречается. Из крупных зверей — горный козел (Capra sibirica) является характерным представителем не только обоих помянутых массивов, но и всей вообще системы гор Монгольского Алтая.

Между этим и следующим астрономическим пунктом экспедиции — Хункурегин-аро-гол — маршрут наш описал дугу, вершина которой проходит по северному берегу озера Тацин-цаган-нор, лежащего в общей долине с только что оставленным Орок-нором. Несмотря на свою горькосоленую воду, озеро это также стояло подо льдом, сквозь который почти везде усматривалось мелкое дно и только местами встречались незначительные, до сажени (2 *м*) глубины, омуты. Берега озера, за исключением возвышенного северного, в котором обнажается гобийский известняк, низменны, отчего размеры самого озера с прибылью воды значительно увеличиваются. Питается Тацин-цаган-нор речкою Таца, впадающею с северо-запада и берущею начало в Хангае. В настоящее время русло этой речки, окаймленное с обеих сторон густым, высоким, скрывающим всадника с лошадью, дэрэсуном, стояло сухим. Кочевников-монголов тут было немного, и свежие здешние пастбища побудили нас устроить дневку.

Мы расположились бивуаком западнее озера среди особенно густых зарослей дэрэсуна, защищавших нас от сильного юго-западного ветра, дувшего весь следующий день и производившего своеобразный шум метелками этого оригинального травянистого растения. Подобные богатые заросли дэрэсуна тянутся до самого озера, где к ним сначала примешиваются, а затем и совсем их вытесняют камыши и солянки; выше же — подальше от озера и ближе к пескам Ундур-цаган-илису — растет тамарикс.

Упомянутые пески протянулись длинным, широким и высоким рукавом, образуя типичные барханы, поднимающиеся иногда до 100—150 футов (30—45 *м*) в высоту и имеющие наветренную северо-восточную сторону пологую и плотную, а подветренную, наоборот, — крутую и рыхлую.

К югу от озера во всем своем величии стоит массив Бага-богдо, который уже столько раз привлекал наш взор своими колоссальными размерами. Отсюда хорошо различались его четыре главных ущелья, открытых на север. С западным, ближайшим к нам ущельем — Ярагайту — познакомился препаратор Телешов, сообщивший, что при входе в это ущелье растет порядочный тополевый лес, на высоких деревьях которого виднелась масса гнезд сорок; немного подальше, по круто падающему каменистому ложу, встречаются жимолость, тальник и другие низкорослые кустарники; в более приветливых местах заметны следы пребывания кочевников, где по разрыхленной животными почве росли крапива, лебеда и кое-какие другие мелкие травы.

Из зверей были замечены в Ярагайту горные козлы, волки, лисицы и зайцы, а из птиц добыта была одна интересная завирушка (Laiscopus collaris), державшаяся по скалам обособленной парочкой. Воды в ущелье было очень немного, и она иссякала у окраины гор. Характер самого ущелья дикий, пустынный; повсюду красиво громоздились одна над другой отвесные скалы, местами образуя мрачные корридоры. Ходьба в горах, по причине обилия острых камней, крайне утомительна.

Подобное же впечатление о горах вынес и я при посещении восточного ущелья этого массива, куда я специально уезжал с ключа Хункурегин-аро-гол, имея по дороге ночлег у гостеприимного монгола, проживавшего у подножья Бага-богдо. С большим трудом, по камням и обледенелому ручью, вначале верхом на лошади, а затем пешком, мне удалось углубиться в ущелье до 8 050 футов (2 455 *м*) над морским уровнем, но сама вершина Бага-богдо все еще отстояла очень далеко и очень высоко. Везде в горах лежал значительный слой снега.

На основании всего геологического материала, собранного в описываемых горах, можно заключить, что они слагаются из гранитов, порфира, порфировой брекчии, порфирита, сиенита, диорита, диабаза, аплита, фельзита, базальта, известняков, гнейса, кварца, сланцев, сланцевой брекчии, пегматита и гобийского мергеля.

2 ноября, ранним и очень холодным утром, мы двинулись вниз по направлению к главной дороге. Глубокий, плотный снег громко хрустел под ногами; караванные животные были покрыты серебристым инеем и, дрожа от стужи, бодрее шагали, извергая из своих ноздрей клубы пара. Дневное светило всё ещё купалось в собственном пурпуре, постепенно разливая его нежный блеск по небосклону; между тем звезда за звездой тонули в утреннем свете, золотисто-красные полосы неба бледнели, лучи солнца прорывались сильнее, и наконец само оно величаво всплыло над горизонтом.

На востоке начали показываться отдельные высоты — Хату, Манхан, Тыпши и общие, далеко ушедшие к северо-востоку — Ульцзуйта; на юге резче и резче выступали горы Арца-богдо; показалась наконец и их западная окраина, долгое время скрывавшаяся за крылом соседнего массива. Попутные плоские высоты слагались или из порфирита и туфа, или из базальта, лимбургита, гобийского песчаника и волокнистого гипса, или из базальтовой лавы, залегавшей между общими высотами с одной стороны и ближайшими окраинами гор Арца-богдо — с другой; на восточной окраине Ульцзуйта замечен между прочим брекчиевидный известняк. Соседнюю равнину там и сям покрывала галька агата и сердолика, а по вершинам плоских холмов красивыми узорами пестрели миндалины кварца, сердолика, агата и халцедона.

По мере нашего приближения к горам Арца-богдо снеговая толща стала значительно уменьшаться и вместе с тем уменьшился и дневной холод; по ночам же попрежнему температура спускалась до —20° и ниже. Топливом нам служил незаменимый саксаул, а воду мы брали в попутных колодцах, часто искусно выложенных или каменными плитами, или толстыми ветвями того же саксаула. Наши верблюды и лошади паслись по зарослям дэрэсуна и кипца. Из зверей у дороги стали чаще встречаться монгольские дзерены (Gazella gutturosa), а из птиц — сойки, больдуруки, вороны, жаворонки и каменные воробьи; последние остроумно скрывались от ночной стужи в колодцах, размещаясь в боковых углублениях свободных от воды стенок.

Горы Арца-богдо стоят обособленно, имея общее простирание от запада к востоку; восточная окраина характерно закруглена к югу и значительно расширена сравнительно с узкой и прямой западной окраиной. Гребень гор ровный, без выдающихся вершин; профиль строго согласуется с таковым Монгольского Алтая вообще, то-есть северный склон крут и короток, южный, наоборот, — полог и длинен. На южном скате западной окраины поднимается усечённым конусом гора Бугу с воронкообразной вершиной.

Описываемый хребет слагается из различных известняков и известняковистых брекчий, а также и из порфирита; предгорье кроме того богато базальтовой лавой, а у подошвы или по прилежащей низковолнистой поверхности, где местами стоят сланцевые отдельности, во множестве залегают небольшие и совсем маленькие затейливо обточенные куски роговика, яшмы, сердолика, агата, опала и их конкреции и натеки; среди самых разнообразных и причудливых камешков, имеющихся в нашей геологической коллекции, два образчика яшмы обделаны в виде наконечников копья, вероятно человеком каменного века. Холмы, удаленные к северу и северо-востоку, содержат большею частью гобийский песчаник, а между холмами кое-где встречаются плоские, низкие, часто не превышающие уровень общей равнины, обнажения гранитов.

Общий вид этого хребта так же пустынен, как пустынны виды и предыдущих и последующих гор; тем не менее кочевники находят здесь для своих стад достаточное количества корма, перекочёвывая без особенного труда с одного склона на другой по четырём, отмеченным нами перевалам. В горах довольно обыкновенен низкорослый можжевельник, или, как называют его монголы, арца, откуда произошло и само название гор — Арца-богдо («Можжевеловые горы»). На своем пути в области этих гор мы встречали большие табуны лошадей, пасшихся у предгорий, по мягкому, нежному кипцу.

По мере нашего приближения к восточной окраине Арца-богдо, нам открывались три вершины следующей к юго-востоку обособленной

группы Монгольского Алтая — Гурбан-сайхан, завершающие общее закругленное, валообразное вздутие. В указанном направлении порою играл мираж, строя из высот и горок всевозможные фантастические здания. В оставленной нами западной части горизонта, сохраняя прежнее величие, все еще напоминал о себе массив Бага-богдо, резко выделяясь своей вершиной на ясном небе.

В наблюдениях всякого рода при хорошей погоде раннего утра, 7 ноября, экспедиция незаметно прибыла на колодец Чацеринги-худук, который Бадмажаповым был высмотрен заранее как наиболее пригодный пункт для трёхнедельной остановки каравана.

Заботливые монгольские власти предупредительно выставили нам здесь юрты; топливом мы были также обеспечены; верблюды и лошади паслись в трёх-четырёх верстах к юго-востоку; питьем им служила колодезная, слегка солоноватая и затхлая вода. Сами же мы довольствовались снегом, державшимся по углублениям долины значительными толщами. Местные кочевники жили вдали от нас, по ущельям, угоняя свои стада на пастьбу в открытую долину за 5—7 вёрст от своих стойбищ.

С приходом в Чацеринги-худук я тотчас же командировал Бадмажапова в Хангай, в ставку Тушету-хана, с просьбою оказать нам содействие; сам же приступил к астрономическому определению географических координат этого важного пункта и к писанию отчетов и писем.

Местность на пути Бадмажапова носила также бедный характер: в 36 верстах (40 *км*) к северо-востоку от Чацеринги-худука залегает озеро Улан-нор, стоявшее, равно как и впадающая в него речка Онгиин-гол, без воды. Окружность этого озера простирается до 40 вёрст (43 *км*); само дно и берега состоят из красновато-бурого известковистого суглинка. Тушету-хан принял моего посланного дружелюбно и позаботился исполнить все просьбы, с которыми к нему обратился от моего имени Бадмажапов.

По сдаче монголам посылок с коллекциями и пакетов Бадмажапов был вновь командирован мною, на этот раз к Балдын-цзасаку, кочевавшему у южной подошвы гор Гурбан-сайхан. Балдын-цзасак не стал отговариваться бездорожьем или иною невозможностью пройти в желаемом нами направлении, но в то же время не преминул предупредить нас, что путь в этой части пустыни действительно тяжел и надо быть подготовленным ко всякого рода неприятным или тяжелым случайностям; «и все-таки, — заключил Балдын-цзасак, — охотно исполняю все ваши требования только потому, что давно уже слышал от достоверных людей о вашем дружелюбном отношении к нашему монгольскому народу».

Таким образом, благополучно закончив исследование Монгольского Алтая и в общих чертах наметив себе не менее широкую дея-

тельность в прилежащей к нему пустыне Гоби, мы начали понемногу верить в счастье как в надежного спутника и при дальнейшем более трудном, но зато и более интересном пути. Подобные этим счастливые минуты отрадно действовали на всех участников экспедиции, пробуждая в них свежие силы для борьбы с своеобразными условиями природы Центральной Азии.

Теперь несколько слов об осенней погоде Монгольского Алтая. Осень — лучшее время года не только для этой местности или страны, но и для всей вообще Центральной Азии. В общем погода за истекшие три месяца характеризовалась следующими особенностями: преобладающею ясностью, в особенности по ночам, и крайнею сухостью, за исключением мест, соседних с снеговыми массивами, где кроме того обнаруживалась и более низкая температура. Вообще наибольшее колебание температуры происходило не столько от надвигавшегося более позднего времени года, сколько, главным образом, от степени той абсолютной высоты, на которой мы в известное время находились.

Вторую половину рассматриваемого нами периода местные жители считали относительно суровой и обильной снегом, который заявил о себе в этом году на две недели раньше среднего переходного к зиме времени.

Максимальная и минимальная [1] температуры для каждого отдельного месяца выразились следующими цифрами: для сентября: 25,1 и —15°; для октября 15,1 и —26°; для ноября 4,2° [2] и —25°.

Ветры дули нередко и преимущественно от южной части горизонта, притом чаще днем нежели ночью. Бурь было три, по разу в месяц, и они также приходили от юга, постоянно принося с собой снег, за исключением последней, ноябрьской бури, наполнившей воздух тучами пыли и дувшей два дня с промежутком полного затишья во время ночи. В сентябре и октябре месяцах в открытых равнинах порою кружились и пробегали высокие столбы вихрей. По утрам наблюдался иней, который, как и снеговой покров, ложился более пышно в окрестностях снеговых массивов.

Воздух в большинстве случаев отличался удивительною прозрачностью; вечерние и утренние зори были нередко очень эффектны. Полная луна светила так ярко, что без труда можно было читать; в

---

[1] Максимальным показаниям в данном случае соответствует наивысший единичный отсчет термометра в 1 час дня, а минимальным, наоборот, наинизший отсчет или показание термометра — минимум ночного воздуха, и также не средний месячный, а единичный. Более подробно о метеорологии изложено в специальном труде, который войдет в состав первого тома «Научных результатов» нашей экспедиции.

[2] 22 ноября.

другое же время небо красиво блестело массою больших и малых звезд, среди которых там и сям по небосклону проносились болиды, оставляя за собою золотые или радужные хвосты.

Последние три недели метеорологические наблюдения производились исключительно на одном месте — при колодце Чацеринги-худуке, поднятом на 3 710 футов (1 131 *м*) над уровнем моря; из этих наблюдений видно, как постепенно надвигалась зима: полдневные или, точнее, в час дня показания термометра становились более и более низкими, равно понижались и показания минимального термометра, хотя бывали и интересные исключения; так например, 22 ноября воздух вдруг нагрелся к часу дня до 4,2°, тогда как в те же часы накануне (—6°) или на следующий день (—4,8°) показания термометра выражали обыкновенную или нормальную температуру. Необычно теплый и приятный день всегда случался или вслед за бурным днём или служил ему предвестником.

В общем же, погода в окрестности Чацеринги-худука, благодаря почти полному отсутствию снега, была очень хорошая и давала возможность заниматься чем угодно. Заранее намеченные астрономические наблюдения были все удачно выполнены, корреспонденция приготовлена, коллекции упакованы, походные принадлежности ремонтированы.

Только однажды мирное течение нашей жизни здесь было нарушено временным волнением за участь одного из наших товарищей — фельдшера Бохина, неожиданно, в виду бивуака экспедиции, исчезнувшего на несколько часов.

Вот как случилось это памятное для всех нас событие. Под вечер 23 ноября почти вслед за необычайно теплым днем, температура стала быстро понижаться, и с запада от гор подул сильный, по временам достигавший напряжения бури, ветер. Возвратившиеся с пастьбы караванные животные привязывались к местам своего ночного отдыха; по обыкновению люди отряда сначала заняты были более покойными верблюдами, а затем уже приступили и к излавливанию не всегда покорных лошадей. Последние в этот вечер незаметно скрылись за один из ближайших холмов, вероятно спасаясь от леденящего ветра. Покончив с уборкой верблюдов, люди принялись за розыски лошадей в полной уверенности, что они находятся где-нибудь поблизости, как в действительности и оказалось; в числе разыскивавших был и Бохин, который, как потом выяснилось, взбежав на соседний холм, продвинулся сначала в одну сторону, потом в другую, немного спустя повернул назад и таким образом, незаметно для самого себя, лишился должной ориентировки, или, выражаясь проще, заблудился. Между тем наступила темная ночь, ветер и мороз усиливались; положение нашего бедного товарища, одетого в тужурку, было незавидное. Сознавая свою

ошибку, он был несколько в возбужденном состоянии, а потому с легкостью перемещался с одного холма на другой, не ощущая ни усталости ни холода. Однако время брало свое, и Бохин начал уже приискивать подходящее местечко для укрытия от непогоды. Пробовал было он также и кричать, но его голос — в прямом смысле «голос вопиющего в пустыне» — заглушался порывами ветра; звезды же, по которым заблудившийся мог бы до некоторой степени ориентироваться, скрывались облаками и густою пылью.

Что же происходило в это время на бивуаке? По окончании уборки животных люди приступили к вечернему чаепитию, когда и было обнаружено отсутствие Бохина. Я стал не на шутку беспокоиться и как последнее средство пустил одну из лучших и сильных ракет, которая, великолепно взвившись на значительную высоту, сделала свое дело. Бохин был избавлен от дальнейших неприятностей. В момент поднятия ракеты он был в 5—6 верстах к западу от бивуака, стоя спиною к ветру и негодуя на свою судьбу; ракета вывела его из тяжелых дум, указав и место бивуака и степень нашего беспокойства. Быстро побежал он на сигнал, часто спотыкаясь и падая по неровной каменистой поверхности, и когда его мысли после известного радостного промежутка стали было опять омрачаться, он уже заметил мерцание сигнального костра, а немного позднее услышал и громкие голоса людей. Еще минута — и Бохин был среди своих сотоварищей, которые на радости не преминули посмеяться над добродушным простаком, отсутствовавшим до полуночи.

На утро, 29 ноября, караван потянулся к югу, пересекая на пути сначала волнистую поверхность, позднее же настоящую равнину, покрытую саксаулом, хармыком, караганой и немногими другими кустарниками.

Следующими двумя переходами экспедиция пересекла восточную окраину горы Баин-боро-нуру по довольно плоскому перевалу Ölин-дабану, поднятому над морским уровнем на 7 000 футов (2 133 *м*), и прибыла в соседство кумирни Цзурахай-дацан. На вершине перевала, с которого не открывается далеких видов, красовалось большое обо, сложенное из обломков местных горных пород, а также и кустов саксаула, некоторые экземпляры которого были унизаны цилиндрическими конкрециями; в довершение всего, среди обычных приношений буддистов, обо украшала и отслужившая китайская соломенная шляпа. Ядро рассматриваемых гор состоит из известняка и различных туфов с бóльшим или меньшим включением сланцев, порфирита, диорита и мезозойских песчаника и конгломерата; там и сям в горах встречаются различные конкреции.

Монастырь Цзурахай-дацан приютился под защитою окраинных гор, сдерживающих напор юго-западного ветра, нередко бущующего

в прилежащей долине. Основанный лет 80 тому назад, монастырь этот, по словам монашествующей братии, сильно пострадал от дунган в их последнее восстание. Наш бивуак стоял в полутора верстах к юго-востоку от монастыря, у южного подножья холма, известного монголам под названием Шара-хацар. По утрам и вечерам звуки молитвенных бубнов и раковин давали знать нашим монголам-спутникам о службе в монастыре. Место здешней стоянки мы увековечили устройством обо для удобного разыскания будущему географу астрономической точки нашей экспедиции.

Окрестные колодцы имели горьковато-солоноватую воду, употребляемую местными кочевниками; мы же предпочитали пользоваться чистым снегом, в достаточном количестве лежавшем по оврагам и ущельям гор.

С конца октября до половины декабря месяца, считая по времени, или от озера Ногон-нор до горы Куку-морито — по пространству, экспедиция своим главным караваном проследовала через владения трех хошунов, лежащих в юго-западном углу Халхи и входящих в состав Сайннойонского аймака. Обитатели первых двух хошунов, занимающиеся, главным образом, скотоводством и извозом и отчасти охотою, вправе считаться самыми богатыми во всей Халхе. Здесь не редкость встретить группы богатых юрт, в окрестностях которых бродят многочисленные стада баранов, коров и табуны лошадей. Владельцы последних стараются перещеголять друг друга резвыми иноходцами и убранством сёдел. Золото, серебро, цветные камни, шерстяные и шёлковые ткани играют большую роль в нарядах кочевников этих зажиточных хошунов. От стойбища к стойбищу — везде скачут монголы то в одиночку, то большими или меньшими партиями. Иногда несется огромная кавалькада богато и пестро одетых чиновников или лам.

Первый из этих хошунов — хошун Ламэн-гэгэна — занимал район, с одной стороны граничащий с озером Орок-нор, с другой же — с низовьем Эцзин-гола и находился в ведении Эрдэни-Мергэн-бандид-хутухты. Встреченные нами монголы не могли определить общей численности жителей шабинского ведомства; о лучшем же и богатом монастыре в Хангае — Ламэн-гэгэн-цит — говорили все при каждом удобном и неудобном случае. Глава хошуна Ламэн-гэгэна, сам хутухта, располагает двумя помощниками и 23 младшими сотрудниками, составляющими в общей сложности штат управления, или «чжасана».

О численности населения еще более обширного хошуна самого Сайн-нойона, богатые обитатели которого проживают в области Хангая, бедняки же ютятся на востоке и западе общих владений, мы также не можем сказать, так как на своем пути мы никого из сведущих в этом отношении людей не встречали. В этом хошуне, в горах

Бага-богдо, имеется кумирня Эрдэни-Мергэн-нойон-хутухтэн-куре, во главе которой стоял десятилетний лама, имевший седьмое перерождение. В пятом перерождении, 60 лет тому назад, он был братом Сайн-нойон-хана, который с разрешения богдо-хана построил Нойон-хутухте очень богатую и красиво отделанную кумирню и отвел ей участок земли, достаточный для 100 юрт кочевников-скотоводов. Одновременно с этим настоятель получил и казенную печать на светское управление своим имением. В кумирне насчитывается до 200 лам, живущих в ней постоянно.

Третий и последний хошун, во владения которого мы только что вступили, состоит в ведении Балдын-цзасака. На севере хошун этот граничит с горами Гурбан-сайхан, на юге соприкасается, приблизительно в середине пустыни, с владениями Алаша-цин-вана. Полвека тому назад счастливый предок нынешнего правителя считал свой хошун третьим во всем аймаке по богатству и по числу его населения, которое к нашему времени сократилось до одной трети. Причиной тому послужили все те же грозные дунгане, 19 раз нещадно разорявшие владения Балдын-цзасака; особенно тяжел был погром в 1880-х годах, когда многие из жителей были убиты.

Население этого хошуна занимается исключительно скотоводством, располагая лучшими кочевьями в горах Гурбан-сайхан и Нойон-богдо. Небольших кумирен в хошуне насчитывается до семи. По отзыву всех здешних монголов этому хошуну трудно отбывать повинности, которые взимаются в том же размере, в каком это производилось при лучшем его состоянии, когда все причитающееся с хошуна распределялось не на тысячу, а на три тысячи жителей, и не на таких бедняков, как теперь, а на действительно зажиточных обитателей. Только Балдын-цзасак своею честностью, бескорыстием и может улаживать вопрос о казенных повинностях сравнительно удовлетворительно и безобидно, почему и хошун его заметно поправляется с каждым последующим годом.

В хошуне Балдын-цзасака, по южному скату гор Цаган-ула, вот уже сто лет проживают гуннские монголы, или, как их чаще называют, — уроты. Лет 50 тому назад они построили в честь китайского императора кумирню, назвав ее Цаган-улайн-сумэ. До постройки кумирни правители хошуна пытались много раз выжить «непрошенных гостей», но это им не удавалось сделать; с основанием же Цаган-улайн-сумэ Балдын-цзасак опасается за возможность отвода китайцами монголам-уротам ещё большего участка земли в ущерб благосостоянию коренных обитателей хошуна.

Старейших лам в уротской кумирне четыре, из коих Да-лама считается главою ее; штатных же лам 75 человек; число это удваивается во время больших хуралов, происходящих в летнее время.

Общий вид монастыря довольно скромный, хотя, по словам монголов, он располагает порядочными денежными средствами; кроме того монастырь имеет и своих домашних животных — верблюдов и баранов; в наше время тех и других насчитывалось до 600 голов.

Общим начальником над монастырем и 80 юртами простого населения состоит Урот-дунда-гун. Уроты живут в достатке, занимаясь, подобно своим ближайшим соседям, только скотоводством. Характерной чертой этого народа служит честность и, как результат последней, отсутствие воровства; монголы-уроты спокойно уезжают из дома на неделю, месяц и более, оставляя свои походные жилища не запертыми на замок, а просто завязанными ремешками во избежание напора ветра или бродячих лисиц и собак.

Серая, однообразная природа Монгольского Алтая кладет известный отпечаток и на своих обитателей — монголов [1], раскидывающих свои походные жилища то в области гор, то выносящих их в прилежащие открытые долины, в зависимости от времени года. На одном месте монголы не засиживаются; их не может удержать несложный скарб, который кочевники перевозят и просто и легко. Подле небольших групп юрт пасутся стада, охраняемые по большей части конными пастухами и собаками.

К вечеру стада возвращаются к стойбищу, располагаясь вокруг юрт. Монгольский скот содержится под открытым небом и на свободе, за исключением баранов и коз, для которых иногда складываются каменные или навозные ограды, и только ягнят и козлят монголы воспитывают в юртах, привязывая их к стенкам жилищ. Монгольские женщины почти все время проводят за хозяйством — то по уходу за скотом, то приготовляя молочные продукты, а в свободные минуты сидят за шитьем одежды.

Глава же семьи или сидит сложа руки дома или навещает праздных соседей, часто не расставаясь с лошадью по целым дням. Подле монгольских юрт всегда стоят наготове оседланные лошади для того, чтобы хозяин мог, как только пожелает, скакать куда угодно. Присутствие около юрт чужих лошадей — верный признак, что в юрте гости, а это для монгола повод лишний раз завернуть к соседу. Какая компания собралась тут — видно по лошадям: монголы отлично распознают не только своих животных, но и животных соседей; монгол с успехом разыщет своего барана, заблудившегося в большом стаде другого владельца.

Пешая ходьба во всеобщем презрении; поэтому, как бы мало ни было расстояние до соседнего стойбища, монгол все-таки сядет на

---

[1] О монголах см. у М. В. Певцова. Очерк путешествия по Монголии т. I, стр. 66.

лошадь и проскачет его. И где бы и куда бы ни ехал монгол, всегда он скачет с такою быстротою и спешностью, что с первого взгляда может казаться, что этот кочевник ценит время и не в такой мере предается праздности, как привыкли думать европейцы; в действительности же монгол может проводить дома по нескольку дней подряд и сидит или лежит, переваливаясь с боку на бок, объедаясь жирной бараниной. Если же он сел на коня, хотя бы только после того, как бездействие окончательно надоело, то уже катит во весь мах среди необозримой равнины. Но лишь где-либо на краю горизонта показался верблюжий караван, монгол тотчас же останавливает лошадь, устремляет свой острый взгляд в эту движущуюся точку и, пустив коня опять в карьер, несется к каравану, спеша узнать, откуда, куда и зачем или с чем он следует, а потом, сообразив, кому сообщить только что добытую им новость, уже скачет в этом новом направлении. Так, очень часто, отправляясь от своего стойбища к соседнему, за 5—7 вёрст, монгол не может поручиться, что он действительно приедет в намеченное место.

Монголы довольно гостеприимны вообще, по отношению же к своим близким собратьям в особенности; они свободно могут не брать с собою в недалекую дорогу еды и денег, будучи твердо уверены, что в любой юрте их с удовольствием накормят и напоят. Большою вежливостью считается также встретить гостя перед входом в юрту, равно и проводить его до лошади.

При встрече не только друг с другом, но даже и с нами монгол вместе с приветствием вручает и табакерку. Вежливость или монгольский обычай требует, взяв щепотку предложенного табаку, передать табакерку соседу; тот в свою очередь передает её следующему, пока табакерка не обойдет всех присутствующих и не возвратится к владельцу. Таким образом в своих руках я передержал много монгольских табакерок и одну из них — наиболее интересную по отделке, приобрел в собственность. Верх этой табакерки с винтовою пробкой оканчивается маленькой металлической ложечкой, которой, открывая пробку, захватывают табак.

Осенью чаще всего монголы устраивают свадебные торжества. Свадьбы обыкновенно производятся следующим образом: прежде всего родители спрашивают своего сына [1], на ком он желает жениться, и если мнение разделяют и они сами, то отправляют двух-трех человек в качестве сватов в дом избранницы просить ее руки (хухэн-гойхой). Посланные привозят с собою угощение, состоящее из обычных в этом

[1] У зажиточных монголов помолвка жениха и невесты может быть произведена заранее, равно отпразднована и самая свадьба, когда молодым исполнится — жениху 14, а невесте 15 лет.

случае ланхона [1] водки, куска монгольского сыра и трех «хадаков» [2], из коих один предназначается бурханам, остальные же родителям девицы. Если отец и мать последней согласны принять предложение, то они принимают и привезенные сватами дары; если же дары не приняты, то в этом сваты должны видеть неуспех своей миссии.

Получив согласие родителей невесты, отец и мать жениха через известное время снова отправляют к ним в дом посыльных с просьбой повторить им свое решение; на этот раз дары не посылаются, второй удовлетворительный ответ дает основание родителям жениха считать свадебный вопрос успешно оконченным; в противном же случае вместе с несогласием было бы возвращено и приношение, принятое родителями невесты в начале переговоров.

По достижении женихом и невестой определенного возраста [3] родители их объявляют свое согласие открыто всем, и отец с матерью жениха обращаются к ламам с просьбою сказать им — хорошо ли в этом году их сыну вступить в брак или, другими словами, будут ли молодые счастливы. Если ламы находят год свадьбы или женитьбы по их понятиям подходящим, то вместе с положительным ответом назначают и день самого торжества. После этого сваты приглашают на свадьбу родных и близких знакомых; всех гостей с той и другой стороны собирается до 50 человек и более. Жених старается до свадьбы, вместе со своим отцом и другими близкими родными, отвезти в дом невесты в виде общего приданого молодым «суй» — известное количество серебра (денег), несколько хадаков, лучшую лошадь, а также мяса, водки и прочего; обыкновенно хадаки служат для раздачи родным невесты, а мясо и водка идут на угощение. В этот день родители невесты со своей стороны приготовляются принять будущих родственников возможно лучше и также одаривают их хадаками. Гости помещаются по правую сторону юрты, то-есть занимают почетные места, родные же невесты усаживаются по левую.

Вслед затем дом жениха прикочёвывает в соседство дома невесты, где во всё это время идут деятельные приготовления к свадьбе. Родители невесты, смотря по достатку, должны дать ей два сундука или ящика для установки бурханов, затем постель, состоящую из четырех войлоков и двух вышитых подушек (дэрэ), один прошитый войлок (ширдэк) для разостлания перед постелью; кроме того, известные кухонные принадлежности, как-то: чугунную чашу или котел, ведро, ковш и прочее. Родители же жениха сооружают для молодых новую юрту.

---

[1] Деревянная посуда для хранения и перевозки жидкостей.

[2] Шелковый шарф. См. Позднеев. Очерки, 1887, стр. 100. **Хадак по-тибетски** значит «платок счастья».

[3] Для первого приблизительно 20 лет, для второй же около 17.

Накануне свадьбы в доме невесты собираются гости будущих молодых; сама же невеста здесь не присутствует, она на это время уходит к родным или знакомым соседям, возвращаясь домой только поздно вечером, когда разъедутся гости; жених на это собрание также не является, оставаясь сидеть дома.

В день свадебного торжества родители невесты наряжают свою дочь в платье замужней женщины, затем, усадив её верхом на белую лошадь и набросив на неё цветное покрывало, в сообществе родных, отводят в новую юрту жениха. Войдя в юрту, невеста садится на свою новую постель и тотчас же присутствующие здесь женщины закрывают её занавесом (кушугун); спустя некоторое время большинство женщин оставляют юрту и присоединяются к гостям, две же или три женщины остаются при невесте. Вечером, по окончании праздника, после того как гости разъедутся по домам, оставшиеся при невесте женщины отправляются за женихом, бывшим все время на народе, и приводят его к невесте. Здесь те же женщины помогают молодым раздеваться, энергично требуя отбросить стыдливость, если они таковую склонны проявить, затем укладывают молодых спать. Если молодые друг друга не дичатся, то их оставляют в юрте одних; в противном же случае ночуют вместе с новобрачными. Обычая подслушивать «как ведут себя первую ночь молодые» здесь не существует.

Спустя два дня, на третий, опять собираются родные молодых и снимают занавес (кушугун-тайлаха); после этого молодые, поклонившись своим отцам и матерям, а также и остальным родным, приступают к угощению мясом и вином всех собравшихся гостей. На этом общий свадебный праздник и оканчивается.

Монголы вообще хорошие семьянины и с сильной любовью относятся к детям; смерть ребёнка повергает родителей в большое горе. Во избежание болезни или навождения злого духа монголы стараются уберечь ребенка различными способами. Для этой цели новорожденным в некоторых случаях, при посредстве лам, надевают на шею железную цепочку, запираемую по концам замочком; другие родители умышленно скрывают действительный пол ребенка; многие же монголы своих новорожденных мажут сажей или чернилами.

Муж с женой, несошедшиеся характерами, часто расходятся, соблюдая, однако, известные правила: если разлад в семье произошел по вине мужа, то последний обязан возвратить жене все то, что она привезла с собою в приданое; если же, наоборот, жена должна оставить мужа по собственной вине, то в таком случае она лишается права на получение своего имущества.

Вдова с детьми после смерти мужа наследует его имущество и в большинстве случаев вторично замуж не выходит; чаще выходят замуж вдовы бездетные и молодые. Для большего порядка в доме

вдовы, в особенности если она осталась с малолетними детьми, место покойного хозяина дома нередко заступает его родной брат или другой ближайший родственник. По достижении детьми известного возраста мать женит их или выдает замуж. Дружные, миролюбивые братья живут одной общей семьей, братья же неуживчивого характера при первом удобном случае выделяются в особые семьи; при этом всё состояние или делится поровну, если делящиеся обязуются в равной степени выплачивать общественные повинности, или же, уступив старшему из братьев половину отцовского состояния, остальные братья делят промеж себя другую половину поровну и вместе с тем освобождаются от всяких повинностей; обязанность отбывать эти последние переходит в таком случае на старшего брата. Братья-ламы в счет не идут; им добровольно помогают их братья-миряне как при нахождении их в монастыре, так и при совершении паломничества; равным образом братья-ламы пользуются гостеприимством при своих посещениях родного крова хотя бы в течение продолжительного времени.

Во всех тех немногих случаях, когда монголы сами лично не могут решить вопросов общежитейского характера, они прибегают или к помощи старейших и уважаемых соседей, или же к защите своего местного хошуна, но никогда, или почти никогда, не ищут правосудия у китайского начальства, зная по горькому опыту, каким тяжелым материальным бременем ляжет на хошун приезд китайцев-судей, командированных даже по самому простому и ничтожному делу. К тому же монголы вообще, при своем крайне миролюбивом характере, далеки от серьезных или уголовных преступлений; в посещенной нами части Монголии, в истекший двухлетний промежуток, известно только три случая убийства, происшедшие или совершенно нечаянным образом или в пылу мгновенного сильнейшего раздражения [1].

---

[1] М. В. Певцов. Об отношениях монголов к китайцам, см. Очерк путешествия по Монголии, 1883, стр. 92—93.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ЦЕНТРАЛЬНАЯ ГОБИ

Общая характеристика Гоби и путешествия по ней. — Отъезд А. Н. Казнакова. — Путь главного каравана: хребет Цзолин и горы Эргу-хара. — Эффектное „halo" вокруг солнца. — Алашаньские монголы. — По пескам Бадан-чжарэнг. — Озеро Куку-бурду. — Дальнейший путь через горы Ябарай и город Сого-хого и Ляччжоу до монастыря Чортэнтан. — Описание этого последнего и свидание с товарищами.

Особенною дикостью, безводием и бесплодием на пути главного каравана пустыня Гоби поражала в своей середине, на протяжении 350 вёрст (375 *км*) от урочища Боро-хацапча до озера Куку-бурду, где она наиболее понижена и выровнена и где произрастают только кустарниковые формы растительности, довольствующие лишь «корабля пустыни», но не лошадей. Последние здесь не встречаются вовсе, чему лучшим доказательством служила сильная боязнь, выказываемая верблюдами местных кочевников по отношению к лошадям при встрече с нашим караваном. Естественно, что наши кони один за другим падали, верблюды же шли хорошо.

Животная жизнь этой части пустыни бедна до крайности; целыми неделями мы не видели даже антилопы хара-сульты, и только лисицы, зайцы и мелкие грызуны неизменно напоминали о себе; из птиц изредка встречались саксаульные сойки, жаворонки; кроме того местами наблюдалось массовое передвижение бóльших или меньших стад больдуруков, вытесняемых отсюда к юго-востоку, вероятно, снегом и холодами, доводившими ртуть до замерзания. Долгое время неотвязно следовала за караваном пара черных воронов, промышлявших на счет кухонных отбросов.

Достигнув озера Куку-бурду и переплыв по песчаному морю Бадан-чжарэнг, путешественник может вздохнуть свободнее при мысли

о своем караване. Отсюда к югу условия постепенно улучшаются. Более месяца тащились мы поперек этой части пустыни, делая в среднем около 20 вёрст ежедневно, за исключением дневок, устраиваемых дней через пять или через неделю.

5 декабря экспедиция вступила в долину, по средине которой тянется рукав песчаных полулунных барханов, обращенных своим вогнутым краем к востоку; с юга эту долину ограничивает хребет Цзолин, имеющий в общем характер, свойственный многим подобным ему в Монгольском Алтае. Означенный хребет слагается из сланцев, обнажающихся у подножья, а также из зелено-серого протеробаза, порфиритового туфа и кварцевого диорита, залегающих по вершине и ближайшим к ней частям скатов [1]. Массивные туфы стоят в хаотическом беспорядке; вверху тянутся затейливые по очертаниям карнизы, внизу и по бокам отвесные кручи с массою трещин. При следовании здесь ранним утром, когда небосклон уже редеет розовато-золотистой зарей, а звезды еще продолжают мерцать и когда в то же время теневые стороны очень мрачны — фигурные скалы и их выступы представляются наблюдателю фантастическими зданиями: тут и замки, и башни, и балконы, и гигантские лестницы со всевозможными статуями, до человеческих фигур включительно. В пустыне атмосфера, как уже говорено выше, поражает своею прозрачностью, а зори — красками.

Слабо выраженный перевал Тыпсэгин-дабан поднимается над морем на 6 810 футов (2 077 *м*).

С южной окраины Цзолина открывается вид на другую, лежащую впереди широкую долину, а также на расположенные от запада к востоку горы Нойон-богдо, Сэвэрэ, Дэнг, который сложен из туфа, порфира и сланца, и Цзурумтай. Мы прошли между двумя последними, за которыми горная область временно прекращается. К югу пустыня уходит в необозримую даль однообразной равниной, покрытой щебнем и галькой кварца, халцедона, агата, яшмы; во многих местах, кроме того, заметны обнажения лессовидного суглинка, а немного повыше — гобийских песчаника, глины и конгломератов, а также известняка и известковых натёков.

На этой равнине лишь изредка виднеются или плоский увал сыпучего песка или крутой гребень того же щебня и галечника. Томительно однообразны переходы в этой местности. Животной жизни почти нет: украдкою пробежит боро-цзере или испуганно вскочит и стрелою пронесется заяц до первой заросли саксаула, где тотчас же и скроется от взора. В подобной удручающей обстановке мы радовались даже старому следу, оставленному телегой некоего ламы, проехавшего из Алаша-ямыня в Да-куре.

[1] Соседние к югу горы (Куку-нуру) состоят также из сланцев, мелафирового туфа и мелафиров.

Вскоре затем экспедиция прибыла к горам Эргухара, к их северной окраине Хонгорчжэ [1], где проходит граница владений Сайн-нойона и Алаша-цин-вана и где нас оставили отличные проводники-монголы Сайннойонского аймака. Сама граница отмечена барьером в виде каменного вала и башен по горам и рва с насыпью в равнине, уходящего, по словам монголов, к западу до Эцзин-гола, а к востоку до меридиана Урги и устроенного в очень отдалённые времена.

Дальнейшими нашими спутниками по Гоби были монголы Алашаня, отличавшиеся более красивыми чертами лица.

В три следующих дня, 16—18 декабря, идя большими переходами, мы перерезали поперек горную часть центральной пустыни, поднимающуюся до 4 000 футов (1 220 *м*) над морским уровнем. В общем это слабо выраженное поднятие, усаженное множеством гор, грядами холмов, тянущихся в восточно-западном направлении, с большим или меньшим отклонением к северу и югу, известно туземцам под названием Эргу-хара; оно идет на значительном расстоянии к западу и к востоку. Впрочем туземцы чаще подразделяют горную область по высоким горам, резко выделяющимся из всей группы, как, например, Куку-морито, Ханас, Цаган-ула, Ихэ- и Бага-Цзерде, Хайрхан и многие другие. Наш караван долгое время следовал, точно к маяку, к горе Куку-морито. Обратные засечки приходилось делать также на эту гору, реже на другие, лежащие по соседству с дорогой. Туземцы, определяя протяжение гор в длину более чем на 200 вёрст, считают самым высоким пиком остробокую гору Ханас, которая немного выше горы Куку-морито, оцениваемой мной в 350 футов (110 *м*) относительной высоты. Общая же относительная высота вершин поднятия, занимающего в поперечнике до 60 вёрст (65 *км*), колеблется от 30 до 100 футов (от 10 до 30 *м*), реже до 45 *м*. Называя эти горы бестолковыми, туземцы правы: в их лабиринте легко запутаться, если бы только вышеуказанные горы-маяки не служили руководящими метками. Цвет гор темный, мрачный; таковы же по окраске и долины, заключенные между ними. Описываемые горы слагаются из известняков, сланца, гранитов, тоналита, порфира, порфировых туфа и брекчий, протеробаза, филлита, конгломерата и песчаника.

На север и на юг от горы Куку-морито, обозначающей собою водораздел, находятся две впадины — северная на высоте 3 530 футов (1 075 *м*) и южная — 2 514 футов (776 *м*) над уровнем моря, по которым проходят дороги эцзингольских торгоутов на Борцзон и Алаша ямынь. В обе означенные котловины направляются песчано-галечные русла, по которым стремится вода периодических летних дождей.

---

[1] Минуя на пути обособленную группу Илигэн, содержащую в себе сланцы, известняки, диорит и фельзитовый туф.

Теперь в них лежало очень много снега, который здесь начинает падать с ноября и окончательно исчезает к началу февраля месяца. Гобийские номады боятся сколько-нибудь обильного снега: не любит глаз пустынника созерцать родную пустыню в белом, траурном наряде!

Флора пустыни не разнообразна: по песчаным холмам встречается саксаул, по руслам речек — тамарикс, карагана и немногие другие кустарники; все эти виды составляют особенно лакомый корм для верблюдов. Дэрэсуна и камыша не было видно. Лошади каравана худели с каждым днем и одна за другой стали устилать своими трупами эту дикую часть пустыни, где, кроме отсутствия конского корма, есть у них еще другой враг — бушующие на просторе леденящие штормы. Колодцы в горной стране плохи и по количеству и по качеству воды. Мы довольствовались большею частью снегом. Топливо же было всюду, что облегчало наши дневные труды и помогало легче переносить невзгоды по вечерам, в особенности когда температура спускалась до замерзания ртути; даже в час дня термометр в тени редко показывал выше —20°, чаще же ниже.

Животной жизни на пройденном пути в этой горной стране вовсе не было замечено. Как приятно нам было увидеть несколько джейраков (Gazella subgutturosa), после того, как в течение недели мы не встречали даже и этого обитателя пустыни.

С приходом в долину Гойцзо, к северной окраине обширнейших песков Бадан-чжарэнг, мы были порадованы травянистой растительностью (камыш), скрывавшейся в замкнутых барханами котловинках. Здесь раздавалось трещанье сойки, доносился голос жаворонка[1] и даже на наш бивуак прилетела пара черных ворон (Corvus corone), карканье которых, неприятное в другое время, теперь мы слушали с удовольствием.

Затем в течение нескольких дней часто наблюдали, в особенности по утрам, пролет больдуруков (Syrrhaptes paradoxus) стайками по 20—50 особей, направляющихся к юго-востоку; вероятно, обилие снега угоняло этих пернатых пустыни в теплые пески Ордоса.

18 декабря в 11 часов утра местного времени мы неожиданно заметили на ясном нежноголубом своде неба очаровательное зрелище: дневное светило было окружено правильным поясом тонкоперистых облаков одинаковой бледноголубой окраски. Диаметр этого пояса равнялся приблизительно двадцати диаметрам солнца. В то же время в зените великолепно играл радужный световой серп или полумесяц, обращенный рогами к северу. Последовательность цветов в полумесяце, считая от севера к югу, была такая: голубой, зеленый, желтый,

[1] В пройденной местности часто наблюдали погибших птиц.

оранжевый, красный, фиолетовый, сочетавшиеся дивно гармонично. Более слабые и значительно меньшие серпы, или, правильнее, побочные солнца, в которых преобладали красный и желтый цвета, с малым вогнутием дуги, располагались в линию с солнцем, в его изящном поясе. Общую картину дополнял круг, центром которого был располагавшийся в зените радужный серп. Величина окружности этого круга определялась тем, что часть её на юге проходила через солнце и его два боковых побочных солнца, отражая последние на своей северной части строго симметрично. Интенсивность окраски большого пояса, охватывавшего две трети небесного свода, была выражена слабее таковой солнечного круга.

Общее состояние неба было ясное, только на южной части горизонта, над песчаными барханами, медленно двигалось небольшое перистое облако. Ветер дул с запада. Даль на севере, в сторону понижения, открывалась прекрасно. К югу вздымалась гряда обширных песков Бадан-чжарэнг. Сами пески и котловина[1] Гойцзо были свободны от снегового покрова, за исключением впадин между барханами. Температура воздуха в тени была —22,8°. Зрелище приковывало внимание даже номадов. Ровно в полдень чудная картина постепенно, но быстро исчезла; затем через четверть часа снова появилась в прежнем не поддающемся описанию роскошном величии, но ненадолго.

Здесь же, при колодце Дэнгин-худук, двенадцатом астрономическом пункте экспедиции, мы были встречены монголами центрального Ала-шаня, заботливо приготовившими место для нашей стоянки.

Два дня мы простояли на отличном сравнительно месте, подкармливая наших усталых животных, но, видно, особенно слабым требовалось значительно больше отдыха, так как не успел караван втянуться в область сыпучих песков, как мы уже принуждены были бросить сначала верблюда, а затем четвертую по счету лошадь — точно в жертву вечно голодной и вечно безмолвной пустыне.

Пески Бадан-чжарэнг тянутся полосою, шириною более 200 вёрст от Эцзин-гола на западе до Алашаньского хребта на востоке, где впрочем они известны под названием «Сырхэ». По словам местных монголов и согласно нашим личным наблюдениям пески лежат не сплошною массою, а бóльшими или меньшими участками барханов, протянувшимися иногда на 40—50 вёрст; между такими участками находится не мало оголенных площадей, причём более высокие покрыты гравием, более низкие — солончаком, где в свою очередь часто

[1] Надо заметить, что котловина Гойцзо приподнята над уровнем моря всего лишь на 2 500 футов (760 *м*), то-есть представляет самую низкую часть на всем этом пересечении пустыни Гоби.

встречаются камышовые и другие, свойственные этой пустыне, заросли. Главная масса песков покоится на общей покатости, или, точнее, волнистой местности, идущей от северного подножья Нань-шаня.

Во многих местах, в особенности к югу, пески громоздятся по каменистым высотам, которые или погребены ими совершенно или до половины и даже более обнажены.

На свободных от песка пространствах, а нередко и среди самих песков, на нашем пути залегали обнажения сланцев, гнейсов, гранитов, кварцев, порфира, порфирита, аплита, тоналита, кварцита, кварцевых брекчий, песчаников и кое-где, по вершинам самих песков, встречались очень интересные песчаные трубчатые конкреции, сцементованные известью, образовавшиеся в барханных песках вокруг корней пустынных растений (камыш).

Среди же песков, приблизительно на меридиане (но значительно южнее места, указываемого на прежних картах) озера Юй-хай, мы встретили озеро Куку-бурду, к югу от которого, подобно тому как и со стороны долины Гойцзо, пески представляют собою целые горы, протянувшиеся за восточный и западный горизонты.

Во многих местах среди барханов, у их подошв, произрастают пышные кустарники и полукустарники; нередко попадается травянистая растительность, и там путник непременно встречает номадов со стадами баранов. Кочевники, устраивая в песках колодцы, скрепляют их бока ветвями саксаулового дерева; водоносный горизонт проходит здесь на глубине свыше сажени (2 *м*); водяной слой мощностью около одного — двух футов (30—60 *см*); вода большинства колодцев по пескам пресная.

Более двух недель мы провели в области гобийских песков Бадан-чжарэнг. В общем пески тихи, монотонны, безжизненны. Целыми днями идешь среди бесконечного песчаного моря: бархан за барханом, словно гигантские волны, встают перед глазами усталого путника, открывая короткие, желтые горизонты. Даже поднявшись на более высокую вершину, ничего не видишь — все песок, песок и песок. Животной жизни также не видно и не слышно; слышится только тяжелое, учащенное дыхание верблюдов да шорох их широких лап. Красивой гигантской змеей извивается по пескам верблюжий караван, то поднимаясь на гребни барханов, то погружаясь между их капризных скатов. На всем пространстве песков мы никого не встречали; дороги или тропинки также не было видно; казалось, что мы находимся совершенно отрезанными от какого бы то ни было признака существования человека.

Это песчаное море несколько оживлялось в сильный ветер, когда песок, взвеваемый с верхушек гребней барханов, придавал им вид как бы маленьких дымящихся вулканов, или когда в ясное, морозное

утро испарявшийся ночной иней образовывал тонкие клубы пара, картинно стлавшиеся по скатам барханов.

Особенно трудными для движения на нашем пути были барханы, соседние озеру Куку-бурду, которые имели футов до 300 (метров до 90) высоты и отличались наибольшей крутизной скатов. Чтобы сделать барханы более доступными, нам нередко приходилось вступать с ними в настоящую борьбу. После того, как мы в числе нескольких человек взбегали на известный бархан, на нашем пути образовывалось значительное расширение — выступ, по которому верблюды с усилиями кое-как взбирались наверх. Никогда не забуду одного бархана, который отнял у нас три часа и который мы брали положительно приступом, пуская в ход весь наличный шанцевый инструмент. Монголы-проводники были правы, настаивая на том, чтобы мы, в подкрепление нашим усталым верблюдам, наняли у кочевников из окрестностей озера Куку-бурду десять свежих верблюдов; не сделай мы этого, наша борьба с знаменитым барханом не могла бы увенчаться сравнительно скорой победой.

Озеро Куку-бурду расположено среди песчаных барханов, на 4 840 футов (1 475 *м*) над уровнем моря, и представляет фигуру, вытянутую от запада к востоку до четырех вёрст в длину, при наибольшей ширине в полторы версты. Современные берега озера низменны. С южной стороны невысоко поднятая терраса, богатая растительностью. У этого же берега, в озере, бьют отличные родники, опресняя водоём, в особенности его ближайшую к ним часть; порядочная полоска воды была обнажена от льда и давала возможность не только видеть ракообразных, но и собрать коллекцию их. Общий вид озера представлялся белым от тонкого слоя снега, прикрывавшего лед. Глубина озера, на основании произведенных промеров, 5,5—9,5 футов (170—290 *см*); наибольшее углубление найдено у северного берега, где круто ниспадают песчаные барханы. Дно озера илистое или песчаное. Толщина льда колебалась от одного до двух футов (от 30 до 60 *см*).

На восточной окраине водоёма отделяется луговым перешейком маленькая, до одной версты в окружности, его часть, стоявшая свободной от льда. У северо-восточного берега этого обособленного бассейна выступает из воды островок, состоящий исключительно из белых и светлобурых известковых натеков. Вода умирающего озерка, пресыщенная солью, красиво переливалась на солнце своими темноголубыми волнами.

На восток от описанного бассейна покоятся воды другого соляного озера — Коболигин-гол [1], названного так нашими монголами-

[1] Или Кабэлин-хацзы.

проводниками, которые с удивительною точностью определили и направление и расстояние до него, в чем я убедился при свидании с А. Н. Казнаковым, при сличении моих и его гобийских съёмок.

Во время нашего пребывания на берегу Куку-бурду на водопой к озеру прибегал свободно пасшийся табун хороших лошадей, заботливо охраняемый красивым жеребцом, гордо бежавшим впереди или сзади своего косяка. Это были первые лошади после урочища Боро-обо.

Осилив затем последний рукав сплошных барханов, мы увидели на юге горизонта высоты, составляющие северный пологий склон гор Ябарай.

Пройдя северный склон гор и спустившись немного по южному, мы расположились бивуаком, приютившись подле высоких скал.

Теперь настало время праздника и для нас. Ввиду напряженного труда по пересечению Гоби некоторые из людей отряда, почти исключительно гренадеры, были мной произведены в унтер-офицеры.

Горы Ябарай сложены из гранитов с включениями тоналита, аплита и реже порфирового туфа, сильно разрушены, местами даже продырявлены всё теми же атмосферными деятелями; они имеют в длину около 100 вёрст; пониженными холмами окраины их сливаются на западе с равнинными, а на востоке с барханными песками. Ось гор, в более мощной средней части, имеет крутое юго-юго-западное — северо-северо-восточное простирание; на окраинах же приближается скорее к юго-западному и северо-восточному. Ширина рассматриваемых гор около 15 вёрст. Абсолютная высота перевала Оботодабан определилась барометром в 5 710 футов (1 740 *м*).

Самый перевал отмечен грандиозным, красивым обо, на котором между прочим лежало несколько китайских медных монет; раньше, на пути к перевалу по ущелью, мы встретили каменное сооружение наподобие юрты, в котором кочевники периодически собираются для молитвы. Северный склон гор пологий; с полуденной же стороны Ябарай своей высокой, круто обрывающейся стеной производит впечатление порядочных гор. При входе в ущелье с юга, на гладком утесе красуется мастерски высеченное крупными иероглифами известное буддийское изречение «ом-ма-ни-пад-мэ-хум».

По всему заметно, что сюда атмосферных осадков приносится весьма немного; зной и крайняя сухость соседней пустыни бесследно уничтожают облака, случайно пригнанные от обильного влагой восточного Нань-шаня.

В узких ущельях южного склона гор имеются ключевые источники, окаймлённые небогатой древесной, кустарниковой и травянистой растительностью. В одном месте оторвавшаяся глыба послужила оригинальным украшением дикого тесного ущелья: могучий ильм висит

в воздухе в опрокинутом положении, удерживаясь на скале разветвлениями корней. В верхнем поясе гор, а также и в среднем, где выбегают родники, приходилось наблюдать красиво ниспадавшие каскады и каменистые углубления, наполненные прозрачной темноголубой водой, местами блестевшей зеркальной поверхностью; пониже такие каскады и резервуары были скованы льдом.

Характерным представителем животного мира, в обособленных горах Ябарай, является добытый нами, но еще не описанный интересный каменный баран, или аргали. Рост, окраска зверя, а также размер и форма его рогов дают основание предполагать, по четырем добытым отличным экземплярам, что это может быть новый вид. Среди пернатого царства замечены следующие представители: высоко в синеве неба кружили бурые грифы (Aegypius monachus), в соседних скалах ворковали каменные голуби (Columba rupestris), громко кричали скалистые куропатки (Alectoris graeca); в нижнем поясе гор, по кустарникам, ютились завирушки (Prunella fulvescens), тихое, приятное пение которых в теплые дни разносилось по сторонам.

У южного крутого подножья описываемых гор находятся развалины некогда богатой кумирни Нагайн-дарэйн, свидетельствующие об ужасах дунганского разгрома. В разбитых котлах сохранились кости заживо сваренных дунганами лам. По общему хаосу можно было видеть, что мятежники застали служителей монастыря врасплох и не пощадили никого и ничего. В одной из темных комнат в углу висела парадная ламская шляпа — прежнее достояние настоятеля, которая взята мною в общую сокровищницу экспедиционных коллекций.

Эта шляпа состоит из полукруглой правильной формы тульи и чуть-чуть загнутых вверх полей. Цвет бумажной материи, покрывающей снаружи соломенную основу шляпы, — желтый, внутренняя же подбивка полей — из красного шелка; ко внутренности тульи прикреплена серая волосяная сетка, ниже которой, по основанию тульи, проходит кожаный околыш, шириною около дюйма (25 *мм*); при надевании шляпы околыш непосредственно соприкасается с головой, и сама шляпа, во избежание срывания ветром, прикрепляется шнурками, завязываемыми под подбородком. Поля шляпы, равно и основание тульи, оторочены узкими шерстяными тесемками, числом до шести. Верхушку шляпы украшает плетеная из шелкового красного шнурка шишечка, которую монголы называют чжинсэ; самым же важным отличием шляпы считается звездообразная фигура, вышитая на верхней половине тульи. Изображенная в каждом из пяти концов этой фигуры гексаграмма долгоденствия «хор-тад» ламаистов представляет видоизмененный китайский символ «то», имеющий одинаковое значение.

Непосредственным продолжением этих Ябарай на северо-востоке служит гряда разрозненных или расчленённых, то понижающихся, то

повышающихся, высот и горок, примыкающих значительно повышенною группою Хан-ула к маршруту покойного Н. М. Пржевальского.

Вблизи гор, у их южной подошвы, проходит большая караванная дорога из Гань-чжоу, севернее Алаша-ямыня, в Пекин.

Подобные две большие дороги, направляющиеся от города Сучжоу и от среднего течения реки Эцзин-гол к Алаша-ямыню, экспедиция пересекла в северной половине песков Бадан-чжарэнг; по последней дороге прошёл А. Н. Казнаков; таким образом наши маршруты пересекаются при колодце Кудӧ-худук. По словам монголов, нас сопровождавших, эти дороги доступны для движения караванов с осени до весны; в недавнее еще время сучжоу-алашаньский путь имел станции и по нему часто скакали курьеры в обе стороны.

От гор Ябарай до Лян-чжоу тянется слабо пересеченная местность [1], которую в середине оживляет река Шуй-хо, берущая начало в Нань-шане и стремительно пробегающая вдоль нашего пути среди плоских и низких берегов. Китайцы-земледельцы выводят из Шуй-хо множество арыков для поливки тщательно возделываемых полей. Водами восточных рукавов пользуется и город Сого-хото, или, как называют его китайцы, Чжэнь-фань, отстоящий от Лян-чжоу к северо-востоку в 100 верстах.

Несмотря на большой расход воды для орошения полей, река Шуй-хо уносит значительный остаток её вглубь песков, где образует озеро до 30 вёрст в окружности, называемое монголами Хара-нор. Мы устроили дневку на западных рукавах Шуй-хо; здесь людьми отряда было убито девять антилоп боро-дзере. Лучшие шкуры зверей взяты в коллекцию, мясо же пошло целиком для продовольствия, так как баранов у нас уже не было.

Город Сого-хото, как и все китайские города, обнесён стеной, в данном случае глиняной. Внутри её сосредоточены управление, базар и вообще собственно городское население. Вне города, вблизи стен, красуются кумирни, а вокруг тянется оазис, на котором помещаются отдельные фермы земледельцев. На пройденной экспедицией части оазиса всюду сновали китайцы верховые, пешие и на высоких двухколесных арбах; среди этого занятого люда толкались в качестве зрителей подростки с корзинами в руках, тщательно подбиравшие отбросы или помет животных. Китайчата всегда с нетерпением, дрожа от утреннего холода, ожидали ухода нашего каравана и, как только он трогался, стремительно, словно стая голодных собак, набрасывались на аргал, поспешно наполняя им свои корзины; конечно, в таких случаях между длиннокосыми мальчуганами нередко являлись

[1] Высоты и кряжи слагаются тут из гнейсо-гранитов или гранито-гнейсов, диорита, фельзитового порфира и, в незначительном количестве, из кварцев.

недоразумения, кончавшиеся обыкновенно смехом или легкой перебранкой.

Проходя возле китайских домов-ферм, мы развлекались картинами из жизни их желтолицых обитателей. У каждой фанзы копошились куры с гордо расхаживающим красивым, выхоленным петухом; там и сям бродили свиньи, собаки; на крышах домов ворковали голуби, на которых лукаво посматривали кошки, греясь на солнце и вытягивая свои коготки.

Вдоль нашего пути собирались зеваки; иногда буквально все придорожное население выходило на улицу и с любопытством разглядывало «заморских дьяволов» (ян-гуйцза).

Среди ферм и полей по всему оазису попадалось на глаза множество могил. Часто гробы стояли на поверхности земли, а ближайшие к дороге даже бесцеремонно задевались мимо проезжавшими арбами. Тяжелое впечатление произвел на нас валявшийся в колее большой дороги труп ребенка, значительно поглоданный собаками.

С сожалением мы расстались теперь с последними монголами, так усердно посменно служившими нам на всем протяжении пути по Гоби. Пустыня и её обитатели номады сменялись китайской культурой.

18 января, накануне китайского нового года, экспедиция прибыла в город Лян-чжоу. Более чем полтора месяца мы пробыли в движении через величественную пустыню Гоби, пройдя съёмкой около 900 *км* пути.

Весь этот день мимо нашего бивуака, расположенного у северной окраины города, двигались китайцы в город или обратно, запасаясь необходимым к празднику. На могилах предков сжигались всевозможные фигуры, вырезанные из бумаги, и разбрасывался мелкими кусочками хлеб — приношение покойникам. В сумерки взвился над крепостной стеной красный фонарь и открылась учащённая пальба из пушек, прерываемая дробью множества ракет и хлопушек. Всю долгую ночь непрерывно шла канонада.

Ранним утром на второй день показалась из города огромная толпа народа, среди которой пестрели парадный зонт, трезубцы, красные костюмы и прочее. Это был кортеж дао-тая (губернатора), ехавшего на носилках. Последний жаловал ко мне с визитом. Симпатичный старик, украшенный генеральским шариком, бодро вошел в юрту, где оставался около получаса, беседуя главным образом на обычную в подобных случаях тему. Особенно интересовался даотай пустынной дорогой, по которой я только что прошел с караваном, и ужасался гобийским холодам и невзгодам. На мою просьбу об оказании содействия по найму подвод для багажа экспедиции губернатор ответил, что «об этом уже сделаны все распоряжения и завтра,

несмотря на праздники, на ваш бивуак явятся требуемые телеги». Слова почтенного дао-тая оправдались.

Чтобы ещё больше закрепить хорошие отношения с губернатором, я, через час по отъезде дао-тая, послал ему и его помощнику приличные подарки, с вручением первому и моей визитной китайского образца и по-китайски написанной карточки, уведомлявшей о моём скором к нему приезде. В полдень было готово и наше шествие к губернатору. Впереди шел переводчик Бадмажапов в нарядном шелковом халате, затем верхом на серой лошади ехал я, имея за собой парадный конвой из пяти человек гренадер с фельдфебелем во главе. Гренадеры были в новых мундирах с ружьями «на плечо». В общем шествие было красивое. Китайцы не замедлили составить длинный хвост; некоторые забегали вперед, встречные останавливались, толпились вокруг и созерцали стройное движение видных гренадеров. Мы проследовали по главной улице, состоявшей из запертых, по случаю праздников, магазинов, переполненной разодетыми китайцами. Вблизи губернаторского дома шли всевозможные представления, вроде наших балаганов, и раздавались звуки заунывной, свистящей музыки; тут же открыто читались публичные лекции. Во дворе дао-тая не смолкала трескотня хлопушек, а при нашем въезде раздалась и встречная пальба. У себя дома дао-тай был еще любезнее и предупредительнее. Мой визит продолжался столько же времени, сколько и губернаторский у меня. Обратно мы пошли в прежнем порядке, сопровождаемые, как и по пути к губернатору, многолюдной толпой.

Вступив в провинцию Гань-су и следуя по большой принаньшанской магистрали, мы часто любовались на исторический памятник Китая — Великую китайскую стену, гигантскою змеею извивавшуюся по гребням гор. Здесь мы вступили в область, порядочно изученную русскими путешественниками, а потому при дальнейшем изложении очерка путешествия до Восточного Цайдама я буду более краток.

Перевалив крайнюю на севере гряду Нань-шаня и спустившись в долину речки Чагрын-гол, мы ненадолго остановились в одном ближайшем ущелье с целью устроить временный склад части багажа экспедиции и дать отдых на хорошем пастбище наиболее усталым верблюдам. С остальным, же, главным и всегда необходимым имуществом, на лучших верблюдах, я направился в Чортэнтан, который теперь был отделен от нас только стеною Северо-Тэтунгского хребта. Наш путь вниз по Чагрын-голу шел до впадения в него справа Ярлын-гола. Живописным, частью лесным, частью альпийско-луговым ущельем этого последнего мы, без особенного труда, поднялись на перевал У-да-лин (11 350 футов (3 469 *м*) над морским уровнем) и у его южного подножья имели приятную стоянку.

Везде на нашем пути двигались люди: китайцы, дунгане, тангуты; но теперь нас занимала главным образом грандиозная природа Нань-шаня: перед нами вставали могучие хребты и глубочайшие ущелья, наполненные шумом пенящихся вод; в соседних лесах и кустарниках не смолкали голоса массы разнообразных птиц. Богатая горная жизнь пробуждала в нас стремление к естественно-историческим исследованиям.

На последнем ночлеге к Чортэнтану прибыл к нам навстречу В. Ф. Ладыгин, привезший полученную в Синине небольшую почту — первую со дня выступления экспедиции из Алтайской станицы.

Познакомившись с хребтом Куку-тӧмэрты на протяжении свыше 200 вёрст и убедившись в том, что эти горы составляют непосредственное западное продолжение Нойон-богдо, Ладыгин взял курс к юго-востоку и достиг Су-чжоу. Весь маршрут моего сотрудника вышел в 1 020 вёрст (1 090 *км*), пройденных съёмкою. За исключением жаркого лета по описанному пути следуют караваны из Западной Монголии в Су-чжоу и обратно. Туда монголы отправляются за хлебом, — китайцы везут в Монголию предметы первой необходимости в жизни кочевников, а также и водку. Из Су-чжоу В. Ф. Ладыгин на наёмных подводах проехал по большой принаньшанской дороге до условного пункта — Чортэнтана.

На следующий день после тяжелых крутых подъёмов и скользких от выпавшего снега спусков мы увидели, наконец, с ближайших к Тэтунгу высот давно ожидаемый Чортэнтан. Обойдя скалистую, круто обрывающуюся к реке, гору, где тропинка капризно извивается на головокружительной высоте, караван благополучно спустился в ту часть долины, которая приютила монастырь. Вдали, на правом берегу реки, виднелась приветливая когда-то луговая площадь, теперь же темная, взъерошенная — та самая, которая служила несколько раз местом для бивуака экспедициям покойного Н. М. Пржевальского, а выше по горам тянулись густые леса, в которых столько раз охотился великий путешественник. Тэтунг, еще не успевший вполне сбросить с себя ледяного покрова, глухо рокотал, показывая впрочем кое-где свои дивнопрозрачные, голубые воды и каменистую постель. Еще час, и мы успели устроиться своим бивуаком у нижней зоны лесов.

С первых дней пребывания в Чортэнтане, мы стали, по заявлению старейших лам этого монастыря, приветливо встретивших экспедицию, их «дорогими гостями». Как прежде, так и теперь нам были разрешены охотничьи экскурсии везде в окрестностях, за исключением лишь одной горы, расположенной недалеко от храмов.

Устроившись в Чортэнтане на продолжительное время, я командировал, успевшего отдохнуть В. Ф. Ладыгина и фельдфебеля

Иванова за оставшимся в долине Чагрын-гол багажом и верблюдами. В половине февраля экспедиция собралась воедино: прибыл и А. Н. Казнаков, блестяще доведя до конца принятую на себя программу разъезда. Вот в общих чертах отчёт о его гобийской поездке.

Оставив главный караван в кумирне Цзурахай-дацан, Казнаков двинулся 4 декабря к юго-западу поперек северной части пустыни, до озера Эцзин-гол. Здесь мой сотрудник прошел съёмкой вокруг озер Сохо-нор и Гашиун-нор; далее он направился вверх по долине к ставке торгоутского бэйле. Пройденное низовье долины простирается от 20 до 30 вёрст шириной, где река Эцзин-гол имеет два главных — на западе Морин-гол, на востоке Ихэ-гол — и несколько второстепенных рукавов. Следует заметить, что река Эцзин-гол только в своей средней трети течёт одним руслом и именуется Эцзин-гол; по разделении же её на большие и малые ветви это название не сохраняется. Западная ветвь — Морин-гол — направляется в озеро Гашиун-нор, восточная же — Ихэ-гол — делится вблизи озера Сохо-нор в свою очередь на два рукава, из которых правый впадает непосредственно в Сохо-нор, имеющее до 40 вёрст в окружности и обильное рыбой; излишек вод этого рукава сливается с правым рукавом речки Нарын-гол, соединяющей Сохо-нор с озером Гашиун-нор. Первое из озёр, будучи проточным, содержит пресную воду; второе же, имеющее вдвое большую замкнутую окружность, солёное. Берега озёр, равно как и низовье долины, густо поросли камышом, в котором скрываются волки, рыси, лисицы и другие более мелкие зверьки. Вверх по долине замечены древесные заросли (Populus).

Торгоутский бэйле принял моего сотрудника радушно и дал ему возможность организовать караван из свежих верблюдов с целью пройти пустыню от Эцзин-гола до Алаша-ямыня, т. е. положить на карту вторую, юго-восточную диагональ. Последнюю, бо́льшую часть пути по пустыне А. Н. Казнаков прошел равнинною частью Гоби, обильной сыпучими песками — Бадан-чжарэнг, среди которых нередко встречались большие и малые солончаковые котловины, поросшие камышом, гребенщиком, хармыком, караганой и другими формами пустынной растительности. В области озёр Эцзин-гол товарища и его спутников донимали морозы, доходившие до —45°.

Во избежание большой дороги А. Н. Казнаков направился из Алаша-ямыня вновь пустыней по направлению к Лян-чжоу. Последний путь носит характер, подходящий к таковому центральной пустыни: беден водою, обилен песками, между которыми спорадически залегают лёссово-глинистые площадки с выпотами соли. Общий маршрут положительной поездки товарища простирается до 1 400 вёрст (1 500 *км*), пройденных съёмкою десятивёрстного масштаба.

Таким образом последний, почти совершенно неисследованный до нас угол Гобийской пустыни наконец открылся для науки. Съёмка покрывала собой горную и равнинную части пустыни, представляя в общем линию свыше 3 тыс. вёрст длиною.

Монастырь Чортэнтан, или Тен-тан-сы, как его называют китайцы, впервые был посещен Н. М. Пржевальским, о котором старейшие ламы до сих пор хранят самое лучшее воспоминание и берегут портрет моего учителя как драгоценность. Надо заметить, что и покойный путешественник, пребывая даже у себя на родине, нередко вспоминал этот богатый природою уголок, памятный ему, как натуралисту, по лучшим охотам на птиц, среди которых было добыто до десятка новых форм. Еще не будучи путешественником, а только готовясь в таковые, я так много слышал о горах провинции Гань-су вообще, о Чортэнтане же в особенности, что потом многое узнавал сам, экскурсируя в этих местах. После Чортэнтана естественника может удовлетворить только Кам.

Сам монастырь, прижатый к скалистому подножью священной горы, расположен на левом берегу многоводного и шумного Тэтунга, в некотором отдалении от края террасы, круто обрывающейся в его прозрачные, пенящиеся воды. Северные склоны противоположного берега сверху донизу укрыты густым хвойным лесом, к которому во многих местах примешивается и лиственный. Там же, на правом берегу, на прибрежных террасах, в летнее время волнуются поля ячменя и пшеницы и кое-где разбросанно стоят небольшие домики или фанзы местных тангутов и пришельцев-китайцев. Из окон монашеских келий можно любоваться самыми красивыми видами.

Монастырь Чортэнтан основан около 450 лет тому назад при Минской династии. Основание ему положили трое лам: Моко-Цорчжи, Дургу-лама и Моко-Сыргань; в течение первых 250 лет община была незначительная, затем, при Ндань-ма-лама, ставшем впоследствии её настоятелем, она стала быстро разрастаться. Ндань-ма-лама отдал монастырь под покровительство гэгэна Донкор-Манжушри, даровавшего ему средства на постройку главного храма Мдогун, сохранившего приличный вид еще и до сего времени. Главное божество храма, стоящее внутри, слева от входа, называется Цэг-ваг-мед; направо же от входа находится статуя знаменитого реформатора ламаизма Цзонхавы. Второй храм построен лет 75 тому назад подвижником Ксеркынламой. Этот последний удалился перед смертью в горы Амноэмачин — Северо-восточный Тибет и поселился в пещере подле кумирни Ариграрчжа-гомба; там он и умер, завещав не искать ему перерожденца.

По штату в монастыре Чортэнтане полагается 800 лам, но налицо имеется лишь половина. Настоятелями монастыря являются чередующиеся по старшинству гэгэны; каждый может занимать

кафедру неопределенное число лет, по желанию, но совершенно отказаться не может. Следующим за настоятелем лицом является ши-чжун, юрисконсульт, назначаемый китайцами. Его обязанность — сноситься со светскими и духовными властями по всяким монастырским и мирским делам: он же и опекун, и смотритель, и казначей, и эконом монастыря; в наше пребывание в Чортэнтане эту должность отправлял Цорчжи-лама.

Тэтунгские тангуты Чортэнтанского района состоят в прямом подчинении ламе Цорчжи или бэй-ху, как он называется в светском отношении, и кроме того имеют в городке Пинь-фань китайского начальника, которому ежегодно вносят через указанного бей-ху повинность, заключающуюся в хлебе и деньгах. Обыкновенно главными плательщиками являются более зажиточные семьи, вносящие до 30 лан серебра ежегодно; бедняки же или совершенно избавлены от повинностей, или же платят их в очень ограниченном размере. Всех тангутов в рассматриваемом районе до 200 семейств.

Занятие чортэнтанских тангутов состоит в скотоводстве и земледелии. Из скота местные жители разводят лошадей, яков, баранов, коз и так называемый рогатый скот; поля же засевают ячменём и пшеницей.

Население ютится частью по долине самого Тэтунга, частью по его боковым ущельям. Помимо глинобитных фанз здесь обыкновенны бревенчатые домики, устраиваемые исключительно тангутами, нередко на высоких, живописных скатах.

Домашняя обстановка тангута сильно напоминает таковую же китайца, располагающего свои фанзы среди построек коренных обитателей. Осевшие на постоянное жительство китайцы платят собственникам-ламам за право пользования землей своим половинным трудом.

В двух небольших переходах от Чортэнтана вниз по Тэтунгу, в расширенной части долины левого берега, расположен небольшой городок Лянь-чен, населенный окитаившимися далдами. Управляется он, как и все земледельческое население этого округа, наследственным князем лоту-сын. Ляньченцы живут в опрятных домиках-фанзах, окружённых тенистыми садами и парками.

За два года до нашего прихода в Чортэнтан, следовательно в 1898 году, в июле месяце, от длившегося целые сутки ливня Тэтунг, по словам лам, необычно поднялся и выступил из своих крутых берегов, нанеся таким образом прилежащим селениям громадное опустошение. Вода лилась всюду; маленькие ручьи превратились в грозные потоки, сам же Тэтунг явил свою ужасную мощь, яростно набрасываясь на все лежавшее на его расширенном пути. Рёв расходившегося Тэтунга заглушал всё в окрестности: «казалось, — говорили ламы, —

он в страшном гневе решил поглотить всё живущее по его берегам человечество». Следы разрушений, учиненных рекою, заметны были еще и теперь. В наше пребывание в Чортэнтане раннею весною Тэтунг спокойно, хотя в то же время величественно, катил свои голубые волны. Бивуак экспедиции более чем на месяц расположился на луговой террасе правого берега, вблизи той разрушенной наводнением площади, где под тополями укрывались шатры экспедиции Н. М. Пржевальского.

В течение всего проведенного здесь времени мы ежедневно экскурсировали в окрестных лесах, охотясь за зверями и птицами. Ближайших же нашему бивуаку пернатых, в особенности красивых фазанов (Phasianus c. Strauchi), которые частенько в виду наших палаток разгуливали подобно домашним птицам, мы старались охранять и не беспокоить. Из соседнего леса доносились голоса ушастых фазанов (Crossoptilon auritum), реже — зеленых сэрмунов или франколинов (Ithaginis sinensis); пение же мелких птичек ласкало наш слух почти ежедневно, в особенности в ясное, тихое утро или вечер. То же пение манило скорее под лесную сень, где бывало, усевшись на мху, с удовольствием, даже больше — с наслаждением проводишь несколько часов в наблюдении над их интересным образом жизни. Тут, вблизи, по стволу могучей ели, скользят пищуха-сверчок и поползень (Certhia et Sitta), рядом с ними монотонно стучит черный дятел (Dryocopus martius). Там, цепляясь за веточки, с дерева на дерево перелетают синицы — Leptopoecile sophia, Lophobasileus elegans, Parus dichrous dichroides, Parus rufonuchalis Beawani, повыше гималайские клесты (Loxia curvirostra himalayna); в гущине ягодных кустарников спрятались Carpodacus dubius, по соседству с которыми невидимкой прыгает по земле или нижним веточкам крапивник (Troglodytes pallidus). Одновременно из глухого леса слышится свист местного рябчика (Tetrastes sewertzowi), которому порою вторят голубой и зеленый фазаны. Там и сям над лесом и скалами гордо проносятся орлан-беркут или бородатый ягнятник.

Наша орнитологическая коллекция скоро пополнилась лучшими обитателями здешних лесов, кустарников и альпийских лугов. Маммологическая — также обогатилась шкурами оленей, кабарги и летяг; последние, в теплые февральские вечера, оригинально перемещались по ветвям высоких вековых тополей. Ганьсуйская летяга оказалась новой; ее описал К. А. Сатунин, как Sciuropterus buechneri. Здесь же добыты и новый вид мыши (Microtus limnophilus flaviventris) и новый подвид полевки (Microtus flaviventris), описанные тем же зоологом.

Наше пребывание на берегах красивого Тэтунга на этот раз приходило к концу. Целый месяц мы ежедневно засыпали, убаюкиваемые

монотонным гулом реки. Много, много раз манили нас к себе грандиозные прибрежные ее скалы, в особенности по вечерам, когда ничто не нарушало окрестную тишину, кроме рокота стремительных, прозрачных вод, и когда мысль, под обаянием дикой, величественной природы, воскрешала в воображении образ покойного первого исследователя, который сравнительно недавно любовался теми же прелестными видами и прислушивался к мягкому всплескиванию волн того же красавца Тэтунга.

ГЛАВА ПЯТАЯ

ОТ МОНАСТЫРЯ ЧОРТЭНТАНА ДО ВОСТОЧНОГО ЦАЙДАМА

В области гор, прилежащих к Тэтунгу. — Трудность пути по высоким карнизам. — Богатство первого цирсна; оживление дороги местными обитателями. — Монастырь Чоибзэн. — Погода ранней весной в горах. — Встреча с Казнаковым и Ладыгиным. — Стоянка в окрестности города Донгэра. — Путь по северо-западному берегу Куку-нора. — Местные кочевники. — Хребет Южно-Кукунорский и мумирня Дулан-хит. — Вид на хребет Бурхан-Будда. — Пребывание в Цайдаме и весенний пролёт птиц.

С началом марта мы стали собираться в дальнейший путь, а 5-го числа, ранним утром, и двинулись.

На прощанье почтенные ламы благословили нас двумя металлическими (довольно грубой работы) и одним писанным на полотне золоченым бурханами.

Гору Ртак-цан, в системе Северно-Тэтунгского хребта, лежавшую на севере от нашего бивуака при Чортэнтане, предстояло обойти чуть не кругом. Переправившись в брод через шумный и прозрачный Тэтунг, экспедиция пошла сперва ущельем Мэтор, а затем другим, безымянным, впадавшим в предыдущее справа, и вскоре достигла вершины «Можжевелового» перевала Шуг-лам, абсолютная высота которого приближается к 2 500 футам (760 *м*). Дикий, хаотический вид открылся на южном скате Шуг-лама: высокие вершины, круто ниспадающие обрывы и мрачные ущелья — всё сливалось в одно величественное целое, производя своеобразное впечатление. Дорога, то широкая, то узкая, или лепилась красивым бордюром вверху гор, или змеей извивалась по дну долин. У ног расстилались чудные картины по обеим сторонам перевала, изобилующего богатой растительностью, дающей приют животному миру. В можжевеловых зарослях

держалось много ушастых фазанов (Crossoptilon auritum) [1]. Изящные птицы спокойно расхаживали и по луговым скатам и на опушках леса, иногда показывались даже на деревьях, но при виде человека тотчас слетали с них; порою отдельные пары даже тихо переступали через нашу дорогу. Во всех случаях гордая осанка и великолепный наряд этих пернатых приковывали внимание путника-наблюдателя. Громкие, резкие крики голубых фазанов неслись отовсюду; изредка к ним присоединялись тонко свистящие звуки зеленых франколинов (Ithaginis sinensis), вперемежку с особенно приятным голосом «хэйла-по» (Janthocincla davidi и Janthocincla ellioti); в верхнем поясе гор в бинокль наблюдались куку-яманы (Pseudois nahoor), которые паслись по соседству с домашними яками; пониже, на выступах скал, показывалась на мгновение стройная кабарга.

Жителей-тангутов на нашем пути встречалось также много; их глинобитные или бревенчатые постройки ютились в лучших и защищенных от ветров и зимних холодов местах, нередко красиво располагаясь не только по дну долины, но и по её боковым скатам, до второстепенных вершин включительно.

Спустившись вниз, в долину Тэтунга, мы были обласканы весенним теплом и сухостью. Наш бивуак был расположен на левом, возвышенном берегу реки, с шумом катившей свои темноголубые волны. Невдалеке, пока еще на сухом пути, стоял вчерне будущий мост, к установке которого, по словам тангутов, мастера-китайцы должны были приступить ближайшим летом; но когда он будет открыт для движения — неизвестно. Отсюда вверх и вниз Тэтунг сдавливается угрюмо нависшими скалами, а его круто падающее ложе загромождено гигантскими валунами. Соседняя гора Шахэр смело возносит свою острую вершину в мягкую синеву неба; бока этой горы точно отшлифованы, и можно с уверенностью сказать, что они с трех виденных нами сторон не доступны человеку, хотя можжевельник ухитряется цепляться тут своими корнями и расти довольно успешно. Многое в диком, величественном создании природы здесь недосягаемо.

Разыскав удобный брод [2], экспедиция благополучно переправилась и на другой день двинулась дальше, держа курс к юго-западу. Пройдя около 10 вёрст, мы были принуждены остановиться у подножья первого из пяти перевалов, предстоявших нам в системе Южно-Тэтунгских гор.

На следующее утро, по свежевыпавшему снегу, наш караван потащился вверх и вскоре благополучно поднялся на вершину Цэрика.

[1] Голубые фазаны охотно питаются семенами древовидного можжевельника.

[2] Ширина Тэтунга от 40 до 50 сажен (80—100 *м*) при глубине в это время 3—4 фута (1—1,2 *м*); течение реки очень стремительное.

Прихотливо извивавшееся ущелье открывало все лучшие и лучшие виды. Вступив в верхний пояс гор, мы его почти не покидали до двух часов дня. Дорога тянулась волнистой лентой, последовательно пересекая высокие отроги гор, шедшие от главного гребня.

Между тем проглядывавшее по временам солнце сильно пригревало; снег таял, в падях зажурчали ручьи, смывавшие узенькую тропинку; в липкой, грязной почве скользили и копыта коней и лапы верблюдов. Много мест пришлось миновать с содроганием и боязнью за участь каравана. И, действительно, опасения были не напрасны: один верблюд, завьюченный патронами, сделал неверный шаг и полетел с 40—50-саженной (80—100-метровой) высоты в пропасть, где вскоре и издох; вьюк не пострадал. Отыскать мало-мальски подходящую площадку для размещения нашего большого каравана не удалось до самого спуска с главного хребта по перевалу Тэ-па, поднятому над морским уровнем на 11 300 футов (3 453 *м*). Соседние вершины уносились вверх еще на тысячу футов (300 *м*), если не более; с ближайших скал доносились голоса тибетских улларов (Tetraogallus thibetanus); там же большими стайками перелетали вьюрки (Montifringilla adamsi et Leucosticte haematopygia), и порою гордым плавным полетом, зорко высматривая добычу, проносились царственные хищники — орел-беркут (Aquila chrysaëtos), ягнятник бородатый (Gypaëtus harbatus) и гриф снежный (Gyps himalayensis).

На пятый день от Чортэнтана мы достигли кумирни или монастыря Чойбзэн-кит, в ближайшем соседстве которого и расположились бивуаком.

Означенная кумирня большая, богатая, счастливо уцелевшая от всесокрушающих и грозных дунган, пользуется высоким уважением. Храм этот сооружён из кирпича и имеет форму, общую всем буддийским кумирням; его щедро золочёная кровля великолепно блестит на ярком солнце, а соседние зелёные скаты холмов приятно гармонируют с общим видом монастыря.

В средине храма, как главное божество, восседает Шакья-муни, в виде золоченого бурхана сажени в две (метра в четыре) вышиною. Перед этим кумиром горит неугасимый светильник и стоят большие томпаковые сосуды с водой, водкой, рисом и ячменной мукой. По сторонам, в ряд с Буддою, размещены другие меньших размеров бурханы, перед которыми также поставлены сосуды с едою, но светильники горят не постоянно. Вокруг трех стен кумирни помещается в шкафах тысяча более мелких медных бурханов, величиною один-два фута (30—60 *см*); каждый из них имеет особенную позу и аттрибуты, между которыми есть, с нашей точки зрения, до безобразия циничные.

Нынешний святитель, мой старый знакомый, к сожалению, отсутствовал, находясь в это время на Юлдусе у торгоутов, где я его

видел в минувшее путешествие. Нирва гэгэна оказал нам большое внимание. Этот лама — также давнишний знакомый: он сопровождал Н. М. Пржевальского в его первое путешествие по Нагорной Азии от Пекина до сих мест и прекрасно помнил обыденную жизнь и занятия в дороге покойного путешественника; из памяти ламы не исчезли и имена первых спутников Н. М. Пржевальского.

Обойдя вновь возведенные постройки кумирни, я невольно остановился на последней, ещё не вполне законченной, где гэгэн проживает летом. Небольшие уютные и прилично обставленные комнаты были оригинально освещены красным, фиолетовым и голубым светом, падавшим через большие выходящие в сад цветные окна. Это помещение уже носит следы знакомства гэгэна с городами внутреннего Китая и некоторой роскошью. Молодой сад-цветник, которым может любоваться святитель кроме того с террасы, разбит толково и со вкусом. Здесь можно видеть искусственную горку, грот, бассейн с рыбами, остов беседки, летом укрываемый ползучими растениями, и прочее. Вместе с тем это уединенное жилище полно глубокой тишины, необходимой буддисту, когда он погружается в созерцание.

Дальнейший путь экспедиции шёл южнее дороги Н. М. Пржевальского, в районе густого китайского населения, где красиво распланированные поля трудолюбивых земледельцев заполняли собою всё видимое по сторонам пространство. По многочисленным траншееобразным дорогам сновали китайцы и тангуты. Попутные селения были сильно разорены последним дунганским погромом, и многие из них все еще находились в совершенном запустении, наводя путешественника на грустные размышления.

На первой стоянке за Чойбзэном мы встретились с Казнаковым и Ладыгиным, покончившими дела в Синине и Донгэре, куда они были командированы мною для переговоров с сининским цин-цаем об экскурсии и снаряжении продовольственного транспорта на целый год, и следовавшими теперь к условному пункту — в Чойбзэн. Отсюда мы направились вместе по знакомой моим сотрудникам дороге прямо к Донгэр-тину, оставляя более людный город Синин южнее.

Местность попрежнему имела волнистый характер, постепенно падая от севера к югу. В поперечных долинах журчали и рокотали ручьи и речки; жителей теснилось еще больше и потому было очень нелегко отыскать свободное место для нашего обширного бивуака.

По словам моих сотрудников, они были приняты сининским цинцаем очень любезно. Амбань на все просьбы экспедиции старался ответить полной готовностью и действительно сдержал свое слово. Благодаря его распоряжениям заготовка продовольственного транспорта в Донгэре была значительно облегчена, хотя местный начальник,

повидимому, относился к моим товарищам скорее холодно нежели дружелюбно. Точно так же и переводчика тангутского языка мы получили из Сининского ямыня (управление), откуда амбань снабдил экспедицию дополнительным открытым листом на предстоящий наш путь по Каму — внутри Тибета; кроме того любезность амбаня простерлась дальше наших просьб, а именно: выступавшему одновременно с нами в означенную местность китайскому посольству было вменено в обязанность оказывать экспедиции всякое содействие. В заключение синийский цин-цай прислал мне обычное официальное вежливое известие, в котором предупреждал о могущей встретиться неприятности среди непокоренного племени н'голоков на Желтой реке, и если бы я все-таки не изменил намеченного маршрута экспедиции, в чем он и не сомневался, то он, цин-цай, слагал в таком случае с себя нравственную ответственность.

Города Синин и Донгэр лежат в общей долине, обставленной мягкими лёссовыми увалами и орошаемой речками общих с городами названий, которые составляют близ Синина одну реку, вливающуюся справа в Тэтунг, приток Хуан-хэ. Синин — складочный пункт товаров и хлеба, рассылаемых в мелкие города, ведущие меновую торговлю с кочевниками, живущими на обширном Амдоском плато.

К юго-западу, верстах в 25 от Синина, находится большой монастырь Гумбум или Ркун-бын, как его называют тангуты, насчитывающий в своих стенах до 3 тыс. лам. Раньше, до первого дунганского восстания, число служителей монастыря простиралось до 7 тыс. Номады, приезжая в города Синин и Донгэр по торговым делам, почти всегда посещают и монастырь, оставляя последнему щедрые жертвы. Вообще же в Синийском округе больших или главных монастырей, которым подчинено множество мелких кумирен, семь, считая в том числе и указанный Гумбум, за которым следуют: Лабран, Шачюн, Алтын-сумэ (Сэр-куг), Чейбзэн, Хулун (Эр-гу-лунсы) и Донгэр. Во главе последнего монастыря стоит, пожалованный княжескими шариком и печатью, шанцзотба, одновременно ведающий и подчиненными этому монастырю тангутами или, как их называют другие, соседние народы, донгэр-ва. Общее число донгэр ва простирается до 500 палаток, ютящихся в окрестных городу Донгэру горах. Донгэр-ва в значительной степени окитаились: язык и одежда их также китайские, но еще сохранились тангутские обычаи и строгое, сравнительно конечно, исповедание буддизма.

Подобно тому, как в городах Синин и Донгэр номады запасаются продовольствием, пришлось и нам организовать таковой же транспорт, конечно более сложный, с включением всевозможных предметов, необходимых при коллектировании зверей и птиц. Годовой запас экспедиции был поднят на 25 наемных верблюдах и в общей

сложности с другими отделами снаряжения обошелся около двух пудов (32 *кг*) серебра.

Покинув Дацан-сумэ, мы вместе с тем простились надолго и с китайской культурой. Впереди лежало занятое кочующими племенами Амдоское нагорье, откуда в теплые долины Китая часто проникают сильные холодные ветры, в особенности ранней весной.

Проследовав вверх по долине Донгэр-хэ, имеющей юго-восточное — северо-западное направление, мы вскоре уклонились к западу, где пролегала большая кукунорская дорога, пересекавшая интересные остатки древнего китайского города, называемого монголами Бар-хото. Предание гласит, что во времена очень отдаленные, в долине Цункугин-гола, на месте Бар-хото жил предок Алаша-цин-вана со своими монголами-торгоутами. Часто враждуя с соседними номадами, монголы долго не могли тут прочно основаться и наконец вынуждены были бросить крепость и перебраться в Алаша. Хотя там эти кочевники и пустили глубокие корни, но много раз пытались просить богдохана о предоставлении им возможности переселиться в Илийский край. Ныне, среди слабо сохранившихся признаков города, прекрасно уцелели лишь два каменных пьедестала, на одном из которых сложено «обо», а на другом покоится каменное же изображение зверя, олицетворяющее собою тигра (бар), откуда и название города Бар-хото.

Следующими тремя переходами экспедиция прибыла на речку Ихэ-улан-гол. Пройденная местность отливала желтым цветом прошлогодней растительности, который был одинаков и по дну широких долин и по вершинам и бокам увалов. К северу стояли более грандиозные горы Нань-шань. К югу залегал лишь одиночный кряж той же системы, однако поднимающийся до 11 530 футов (3 523 *м*) над морским уровнем. Непосредственно же за этим кряжем расстилалась степная равнина высокого и в это время года холодного Куку-нора. На более приветливых местах скученно жили тангуты со своими большими стадами. По соседству с этими номадами кочевали и монголы, имеющие также тибетские черные палатки. Близость тангутов и совместное житье с ними кладут известный отпечаток на монголов: все они говорят по-тангутски, одеваются также одинаково с ними, и я с товарищами много раз ошибался, думая, что имею дело с тангутом, тогда как зачастую перед нами стоял добродушный и гостеприимный монгол; ошибка свободно вкрадывалась ещё и потому, что физиономии кукунорских монголов много напоминают собою таковые их близких соседей.

Озеро Куку-нор, называемое тангутами Цок-гумбум, а китайцами Цин-цай, представляет собою величественный, до 350 вёрст (375 *км*) в окружности, грушевидной формы водоем. Абсолютная высота этого озера определяется в 10 530 футов (3 219 *м*). С соседних

гор несутся к нему большие и малые реки, главною из которых справедливо считается Бухайн-гол, впадающая в северо-западный угол Куку-нора.

Из темносиних волн этого озера красиво выступает его сердце — остров. Там живут пять-семь человек лам-отшельников, отрезанных от всего окружающего на семь-восемь месяцев, — период, в течение которого поверхность озера бывает открытой и сообщение с островом, за неимением лодок, прекращается. Ламы острова живут приношениями паломников, а зимою и сами отправляются за сбором подаяний. У отшельников имеются козы, молоко которых, смешанное с соленой водой Куку-нора, утоляет и жажду и голод монахов. Относительно этого острова существует следующая легенда. Бог, приняв вид огромной птицы, принес сюда в когтях эту скалу, заткнул ею отверстие, через которое изливалась вода, устремившаяся сюда из Лхасы по подземному ходу, и только этим путем спас страну от окончательного потопления.

Куку-нор обилен рыбой, которую ловят местные монголы, сбывая ее в ближайшие города — Синин и Донгэр.

Прибрежная степь Куку-нора богата зверями и птицами. Среди первых преобладают стада хуланов (Equus hemionus kiang) и антилоп Пржевальского (Gazella przewalskii); нередки также волки, кярсы и зайцы, а пищухи (Ochotona ladacensis) даже многочисленны; миллионы этих зверьков покрывают своими норами не только равнину, но и горную область. Местами луговой покров совершенно исчезает, заменяясь пыльной, разрыхленной почвой, переработанной колонией пищух, где лошадь на каждом шагу проваливается своими копытами и где поэтому ехать рысью весьма затруднительно. Обилием пищух обусловливается богатство хищных пернатых; там и сям проносятся или сидят по холмам орлы (Aquila nipalensis), сарычи (Buteo), соколы Гендерсона и другие. В голубой или серой, подернутой облаками, выси кружатся грифы — все три представителя Нагорной Азии. Из куриных порою показывались стаями или табунами тибетские больдуруки (Syrrhaptes thibetanus), перепелы (Coturnix coturnix) и серые куропатки (Perdix barbata). В хорошую погоду в воздухе не смолкало пение больших и монгольских жаворонков (Melanocorypha maxima et M. mongolica). Подле нор пищух держались вьюрки (Onychospiza taczanowskii, Pyrgilauda ruficollis) и сойки (Podoces humilis).

В наше пребывание на озере Куку-нор поверхность его была свободна от льда, хотя у берегов, равно как и по низовьям речек, питающих этот огромный замкнутый бассейн, держались значительные скопления ледяных масс.

Погода в долине Куку-нора стояла преимущественно холодная

и ветренная. Атмосфера затуманивалась то пылью, то облаками, приходившими от северо-запада. Днем по временам падала снежная крупа, по ночам бывали порядочные морозы. Словом, весна развивалась крайне медленно. В день же прихода на Куку-нор случилась страшная буря, омрачившая окрестность такими тучами пыли, что буквально в трех-пяти шагах ничего нельзя было рассмотреть и за четверть часа перед тем ярко блестевший ледяной покров речки Балем стал неотличим от общего вида местности, — столько лёссовой пыли нанесло на него. Обыкновенно следующий после бури день отличался хорошей погодой — сравнительным затишьем, повышенною температурою, но не всегда прозрачностью атмосферы, так как пыль, поднятая штормом, иногда долгое время висела в воздухе и солнце представлялось мутным диском.

Привольные кукунорские степи весьма выгодны для скотоводства своим высоким положением над морем, обусловливающим отсутствие летом жаров и докучливых насекомых в связи с довольно сухим вообще климатом, богатством кормовых трав, отсутствием зимою снега, наконец сравнительно ничтожным здесь уходом за скотом. Все это еще с отдаленных времен манило кочевников искать в этой стране удовлетворение своих неприхотливых стремлений. Много раз Кукунор был свидетелем жестоких войн у номадов, оспаривавших право на его владение. Монголы с севера, тангуты с юга, подобно могучим рекам, устремлялись с окрестных гор в равнину Куку-нора и сшибались между собою. Только сравнительно в недавнее время китайцы своим многочисленным войском, и то лишь после целого ряда неудач, положили конец жестоким распрям у кочевых народов, хотя и теперь, уже на памяти европейцев, пассивная борьба кочевников не прекращается. Более сильные духом и телом южные пришельцы незаметно, постепенно теснят северян и становятся, по меткому выражению Н. М. Пржевальского, все бóльшими и бóльшими хозяевами этой страны. Только в одно последнее, да и то не полное столетие, цифра монголов Кукунорской области с 20 тыс. юрт сократилась до 2 тыс., тогда как число тангутских банагов или палаток возросло по приблизительному подсчету до 15 тыс.

Все кукунорские тангуты, подчиненные сининскому баньшидаченю, разделены на восемь аймаков, или па-цзюй. Каждый аймак, кроме того, делится на несколько мелких аймаков и сумунов (сотен). Главные аймаки управляются поставленными сининским цин-цаем и утвержденными в наследственности цянь-ху и бэй-ху (монголы называют чин-ху и бэй-ху). Мелкие части аймаков управляются старшинами, назначаемыми по усмотрению начальников аймаков.

Кроме восьми аймаков тангутов существует в Сининском округе еще шесть аймаков смешанного населения тангутов и монголов, вы-

ходцев из Кукунорской области, подчиненных цзасак-ламе, известному также под названием Цаган-номун-хана и проживающему в монастыре Шини-хит. Цзасак-лама имеет княжеское достоинство и княжескую печать. Все шесть аймаков расположены между городами Донгэр-тин и Синь-чен, а также в окрестностях монастырей и города Му-байшин.

Один из этих шести аймаков, в котором больше монголов, делится на четыре сумуна и известен под названием «Ариг-дабчжи».

Цаган-номун-хан, или Шабран-гарба, как его зовут тангуты, — хубилган седьмого перерождения, в прежние времена жил в одном из монастырей верхней долины Желтой реки — Шабран-гарбаин-хит, откуда на четвертом перерождении за свою строго подвижническую жизнь, благодаря настоятельной просьбе кукунорских тангутов и монголов перед богдоханом, был переведен в долину Донгэр-хэ. Здесь святитель первое время служил в походном храме — юрте, но лет пятнадцать тому назад перешел в монастырь Шини-хит, или Халха-лавран, названный так в честь основателя этого монастыря, ламы, выходца из Халхи, Цзасактуханского аймака. Святитель этот в настоящем седьмом перерождении состоит родным братом чойбзэнского гэгэна.

По долине Донгэр-хэ проживают также монголы хошуна Бичихан-гуна, прикочевавшие сюда с Бухайн-гола лет около 50 тому назад. К настоящему времени когда-то многочисленное и богатое население Бичихан-гуна снизошло до 60 небогатых юрт, да и то на половину принадлежащих дунганам. Последние пришли сюда из Восточного Туркестана в числе 20 семейств одновременно с монголами-олöтами, покинувшими Илийский край, добровольно подчинились Бичихан-гуну и обзавелись подобно монголам юртами; одевались дунгане, как и продолжают одеваться теперь, также по-монгольски, усвоив себе в то же время и монгольский язык; веру же удержали магометанскую, как равно и обычай жениться или выдавать замуж ограничиваясь кругом своих собратьев.

Самые отдаленные на севере тангуты того же Сининского округа кочуют на верховье Тэтунга, вблизи Юн-нань-е-фаня, в числе, судя по сведениям из ямыня, 650 палаток. Начальником над этими тангутами считается Арык-цянь-ху, пожалованый китайским правительством красным шариком.

Из приведенных данных о кочевниках Куку-нора нельзя не притти к заключению, что озеро Цок-гумбум, или Куку-нор, фактически перешло во власть тангутов, образовавших на его привольных берегах тесно сплоченное кольцо.

На наш большой, прекрасно вооруженный караван тангуты всегда смотрели с завистью, а на нас лично с какой-то затаенной злобой.

Тангут далеко не похож на остальных обитателей Центральной Азии, привыкших в большей или меньшей степени слепо повиноваться своим завоевателям; в тангуте резко обнаруживаются гордость, заносчивость и сознание своего превосходства. Вскормленный и выросший среди свободной, привольной и дикой обстановки, всегда на коне и в боевой готовности, он рано привыкает смотреть в глаза смерти, усваивая привычку одерживать победы.

При появлении нашего каравана тангуты выражали опасения и старались держаться незамеченными в стороне; с своей стороны и мы, не видя в тангутах добродушных, открытых и гостеприимных кочевников, относились к ним крайне недоверчиво, хотя при случайных близких встречах с кукунорскими тангутами у нас с ними завязывались хорошие отношения.

До сего времени у меня хорошо сохранилась в памяти общая ночёвка с тангутами на северном берегу Куку-нора, когда несколько человек этих кочевников, исключительно мужчин, явились к нам на бивуак, притащив с собою в подарок нам барана. В ответ тангутам на их любезность мы приняли их также по-человечески, одарили деньгами, а немного позднее, по уходе их к себе домой, посетили и их стойбище, где уже хлопотали с приготовлением чая две тангутских женщины. Из разговора с тангутами я узнал, что одна из этих женщин год тому назад совершила романический побег с молодым тангутом, теперь же, прощенная родителями, беглянка с честью направлялась в дом своего мужа. Чтобы еще закрепить хорошие отношения, я по возвращении к себе на бивуак послал молодой тангутке кое-какие подарки. Как оказалось потом, такое наше обхождение с тангутами произвело среди этих своенравных обитателей Куку-нора хорошее впечатление.

Свадьбы у кукунорских тангутов устраиваются следующим образом: родители, имеющие сына, хотя бы даже не старше 16 лет, задумав его женить, отправляются в сопровождении одного почтенного старика в дом облюбованной ими девушки, везя её родителям тушу свежеубитого барана, от пяти до десяти посудин китайской водки и несколько хадаков. Если отец и мать девушки выразят свое согласие, то приезжие одаривают и угощают их, в противном случае родители молодого человека возвращаются домой обиженными, увозя с собою все привезённые ими предметы.

Получив же согласие, родители жениха посылают того же старика справиться о размере выкупа невесты. Надо заметить, что в обычае кукунорских тангутов — вносить за невесту калым, или выкуп, представляющий три степени или разряда. Выкуп первого разряда состоит из 50 голов рогатого скота и лошадей, 500 баранов и трех больших, около 50 лан весом (стоимостью на наши деньги до 100 руб-

лей), китайских ямб серебра; выкуп второго разряда представляет половину означенного имущества и денег, а выкуп низшего разряда — одну треть.

Порешив относительно размера выкупа, родители жениха, через определенный срок, обращаются к ближайшему ламе с просьбой указать им счастливый день для доставления самого выкупа и, согласно ламскому ответу, предупреждают, через того же старика, родителей невесты о своем приезде к ним. Оповещенные об этом отец и мать невесты заблаговременно приглашают на празднество своих родных и друзей, которых собирается, смотря по достатку домов жениха и невесты, 50—200 и более человек.

В назначенный ламою день жених со своими родителями, в сопровождении 7—40 человек ближайших родственников и знакомых, среди которых должно находиться не менее четырех женщин, приезжает своим караваном в дом невесты; последняя однако в этот день находится вне родительского дома, у кого-либо из родных. С приездом жениха праздник открывается во всю ширь; привезенное им угощение, примерно 5—15 бараньих туш, 30—100 трехфунтовых посудин китайской водки и несколько кусков сыру поступает на стол собравшихся гостей, которых жених со своими родителями одаривает вдобавок хадаками.

После пиршества родители жениха и невесты уже совместно обращаются к ламам с целью узнать день, в который невеста могла бы счастливо приехать в дом жениха. Согласно второму пророчеству лам отец и мать со своею дочерью-невестой отправляются в дом зятя, имея при себе компанию родных и знакомых, состоящую преимущественно из женщин. В доме зятя собравшимся гостям предлагается угощение, попрежнему обеим сторонам. Этим свадебный праздник и оканчивается.

Спустя несколько дней после свадьбы новожёны приезжают в дом отца молодой, привозя с собою также угощение. Теперь уже тесть со своей стороны дает за дочерью приданое, в большинстве случаев превышающее раза в два выкуп, доставленный зятем, что вызывает со стороны народа похвалу и одобрение. Другое дело, если тесть одарит зятя в равной мере, — последний остается очень недоволен и считает себя в праве упрекнуть своего нового родственника в чрезмерной скупости.

Говоря вообще, тангутская свадьба, совершаемая со всеми указанными церемониями, крайне тяжела для родителей той и другой стороны, в особенности для людей с малым достатком. Вот эта-то причина главным образом и вынуждает бедняков прибегать к воровству, или умыканию, невест, как мы имели случай видеть у встреченных нами тангутов. У кукунорских тангутов, подобно тому как и у их

тибетских собратьев, практикуется полиандрия: жена старшего брата одинаково распределяет свои ласки и между его младшими братьями, деля ложе со всеми.

Вернемся снова к прерванному рассказу о самом путешествии. Оставив Куку-нор 29 марта, экспедиция направилась маршрутом более приближенным к подножью Нань-шаня, по той части долины, где ровная степь переходит в волнистую, не изменяя своего растительного покрова; изменяется лишь ровный колорит степи, нарушаемый чуть черными пятнами выжженных степным пожаром участков. При подъёме на вершины увалов частенько открывалась обширная голубая гладь Куку-нора, на которой резко выделялись не только главный, но и второстепенные острова. Порою вдали к югу виднелся Южно-Кукунорский хребет. Река Бухайн-гол, через которую мы благополучно переправились на четвертый день по оставлении Куку-нора, несла очень немного воды, вмещающейся в одном каменистом русле; в летнее же время здесь образуется сеть рукавов, настолько переполненных водою, что переправа не всегда бывает возможной. Общий вид местности оставался прежним; на дальнейшем пути по левому берегу Бухайн-гола мы встретили в некотором от него расстоянии умирающее озеро Тэгин-нор.

Тотчас за Бухайном поднимается Южно-Кукунорский хребет, который может считаться диагональной связью гор Нань-шаня с Куэнь-лунем. Общее направление этого хребта тянется от северо-запада к юго-востоку; местами горы широко расплываются, дробясь на несколько цепей, разделенных долинами. Северный склон гор уже, южный, наоборот, — шире. Скалистый гребень хребта поднимается выше, до 14 тыс. футов (4 267 *м*) абсолютной высоты. Верхний пояс его богат альпийскими лугами, средний изобилует кустарниками, а нижний — степной травянистой растительностью. В горах много больших и малых пещер; одними пользуются пастухи, другими медведи-пищухоеды, в особенности в период зимней спячки.

Оставив урочище Кундулюц, экспедиция двумя переходами прибыла в кумирню Дулан-хит. Хребет Южно-Кукунорский мы перевалили в его пониженной — до 12 630 футов (3 850 *м*) над уровнем моря — седловине. Место прохода называется тангутами Ганчжурнеха, а монголами Нукиту-дабан. Означенный перевал, по обыкновению, имеет сопкообразное обо. Спуск и подъём отличные. Южнее перевала среди долины стоит отдельная скалистая горка, которая чтится номадами как большая святыня и известна им под названием Ганчжурчулу [1]. С западной стороны, скрытно от дороги, устроен вход, сложен-

[1] Об этой горке, находящейся в ней пещере и связанных с нею преданиях и суевериях см. переведенное А. М. Позднеевым «Сказание о хождении в Тибетскую страну Мало-дорбётского База-бакши», СПб., 1897, стр. 174.

ный из мастерски обтесанных плит, форма которых напоминает книги, откуда и название Ганчжур (сочинения, состоящего из 108 томов). Этим входом можно проникнуть в огромную пещеру, где голос человека звучит, как в опустелом храме. По словам сопровождавших нас тангутов и монголов этот религиозный памятник очень древний. Предание гласит, что некий царь Гэсур-богдо, теперь святой, лет около тысячи тому назад, срезал у перевала его восточную вершину и перенес сюда отрезок. По устройстве пещеры святой в ней поселился. В плосковершинной горе номады до сих пор усматривают скалу, с которой была срезана Ганчжур-чулу, а в разбросанных по сторонам осколках камней — щебень, образовавшийся при работе Гэсур-богдо.

Проследовав вниз по ущелью около 15 вёрст среди массивных гор, убранных древесной растительностью (Juniperus pseudosabina), экспедиция достигла озера Цаган-нор. Последнее мелководное, узкое, вытянуто от северо-запада к юго-востоку и представляет соленый водоём, окружностью до 12 вёрст; наибольшая ширина его около версты [1]. Озеро питается речками соседних гор, которые лишь в летнее время несут большее или меньшее количество воды. У северного берега имеется кроме того отличный родник, сильно бьющий прозрачной водой. В эту пору года — 4 апреля — посредине озера лежала толща льда; вокруг нее волновались открытые воды, на которых виднелись многочисленные стаи плавающих пернатых. Тут были замечены: индийские и серые гуси, турпаны, несколько видов уток, а вечером, при косых лучах погасавшего солнца, дивно освещающих зеркальную гладь Цаган-нора, красиво колыхались на его темноголубых волнах белоснежные лебеди. Всю весеннюю ночь доносились с озера крики прилётных гостей; особенно шумным нарушителем тишины в горах был турпан (Casarca ferruginea).

Оставив Цаган-нор и пройдя у скал, ниспадавших к его северному берегу, мы вскоре затем миновали слабо выраженный водораздел Цаган-нора и впереди лежавшего озера Сэрхэ-нор. Ущелье, ведущее в Дулан-хит, имеет большое падение. Рощи ели и можжевелового дерева попадались всё чаще и чаще. Открылось наконец и то, лучшее в этом районе ущелье Усу-экын-карагайту, в котором я в предыдущее путешествие провел более недели, знакомясь с животным миром Южно-Кукунорского хребта. Здесь же поблизости мы вышли на нижнюю кукунорскую дорогу и вскоре достигли Дулан-хита.

Эта монгольская кумирня, покровительствуемая цин-хай-ваном, проживающим в данное время на берегу Куку-нора, выглядела всегда бедной, а после разорения её в 1895 году дунганами представляет

[1] Абсолютная высота Цаган-нора определилась барометром в 10 790 футов (3 290 *м*).

развалины. По словам местных лам бунтовщики убирали седла своих лошадей лучшими бурханами, писанными на шелку; старые же, как ненужные, попирали ногами.

Теперь нам предстоял уже знакомый путь до Восточного Цайдама, вид на который загораживается впереди лежащими горами Сарлык- и Тымэртын-ула, замыкающими с юга глубокую солончаковую долину Сэрхэ-нора. В этой долине, занятой когда-то одним большим водоёмом, ныне покоится ряд солёных озёр, заканчивающихся на западе Тосоном, в хошуне Курлык. Мы прошли между восточными озёрами — Дулан- и Сэрхэ-нор, связанными между собою речкой — горлом — Нурин-хол[1]. Последняя небольшая, — до 8 сажен (16 *м*) ширины, при глубине в 2—3 фута (от 0,5 до 1 *м*), но имевшая топкое, илистое дно, — доставила нам порядочное затруднение при переправе. Почти каждого верблюда приходилось проводить отдельно и перед выходом его на противоположный берег дружно хватать за вьюк и вытаскивать животное из грязи. Однако в течение одного часа мы благополучно закончили переправу и продолжали путь к ключу Дам-намыку, отстоявшему в восьми верстах от Нурин-хола. Отсюда, с высоты, пройденная долина открывалась во всю ширину, но ещё полнее картина получилась на следующий день, когда мы поднялись к подножью Сарлык-ула, откуда виднелись ближайшие к нам выступы Нань-шаня, красиво отражавшего свои вершины на лоне зеркальной поверхности оставленных озёр.

Проследовав тесным ущельем в горах Сарлык-ула, в верхнем поясе убеленных снегом, и поднявшись на глинистые высоты, образуемые южными второстепенными холмами, мы увидели на юге в туманной дали хребет Бурхан-Будда, протянувшийся длинным величественным валом с востока на запад. В тонкой пыльной дымке мутновато виднелись снега, ещё плотно укрывавшие верхний пояс гор.

Отсюда же открывался вид и на равнину Цайдама. Сделав в этот памятный день 9 апреля очень утомительный переход в 40 вёрст, мы добрались до начала обширных болот Далын-тургын и среди песчаных холмов, одетых камышом и приютивших небольшую площадку воды, имели продолжительную стоянку.

Дальнейший путь поперек Восточного Цайдама был крайне затруднителен по причине растворившихся болот этой солончаковой страны; в то же время он и удлинялся, так как часто приходилось делать круговые обходы. Не только долина Баян-гола, но и все прилежащие котловинки выделяли красноватую соленую влагу. По таким местам, в особенности же по озеркам, окаймленным камышом, держалось много плавающих и голенастых птиц, из которых порядочное количество остается здесь на брачный период и гнездовье.

---

[1] Холэ в переводе значит горло.

Наиболее приветливым местечком на пути к ставке Барун-цзасака было урочище Цзуха, где мы добыли новый вид гольца; среди же прочих рыб — как здесь, так и в ближайшей и более далекой окрестности — чаще других попадались гольцы, карповые или маринки.

Весенний пригрев солнца в Цайдаме ощутителен: появилась свежая зелень, в тихое время дня в воздухе летали комары, по земле бегали пауки, и проснувшиеся ящерицы показывались из своих норок. В камышах от зари до зари слышалось оригинальное токование местного фазана (Phasianus c. vlangalii), и не смолкали голоса гусей, уток, черношейных журавлей, лысух и множества куликов-улитов.

Лучший человек отряда экспедиции, Муравьёв, в течение почти годового срока по дороге в Цайдам, обучался мной метеорологическим наблюдениям, обхождению с инструментами и отсчетам их показаний. Полюбивши это занятие с первого дня моих с ним упражнений и глубоко ценя оказанное ему доверие, Муравьев всею душою отдался метеорологии и сумел добросовестно выполнить не только обычные ежедневные периодические (в 7 часов утра, в 1 час дня и в 9 часов вечера) наблюдения, но даже справиться, в течение четырех, удачно расположенных месяцев, с часовыми наблюдениями, производившимися от 7 часов утра до 8 часов вечера [1].

При складе в Цайдаме мной были оставлены, кроме Муравьёва, ещё три человека, на одного из которых — старого, неизменного моего спутника по четырем путешествиям в Центральной Азии, и. д. фельдфебеля отряда экспедиции, Гавриила Иванова — было возложено главенство. Иванов постоянно жил, подобно кочевникам-монголам, с экспедиционным скотом — верблюдами, лошадьми и баранами, перенося свой лагерь то по равнине, то по ущельям соседних гор и только по временам приезжал в хырму «понаведаться». Остальные двое — малолетки Евгений Телешов и Яков Афутин — говорившие по-монгольски, чередовались в пребывании в укреплении и при пастьбе животных; обыкновенно они перемещались из одного места в другое через месяц; случалось однако и так, что оба малолетка жили неделями с Ивановым; тогда наблюдатель Муравьёв был совершенно одиноким, если не считать монголов.

Местный правитель жил во время пребывания всей экспедиции в Цайдаме, в Хату — одном из ущелий хребта Бурхан-Будда, откуда по временам приезжал к нам для переговоров о предстоящем снаряжении каравана из хайныков или быков. Не знаю почему, но при этом

[1] В ведении Муравьева были: в метеорологической будке — термометр сухой и мокрый, волосной гигрометр, термометр минимальный и максимальный, в почве в деревянном футляре — почвенный термометр и на особом столбе дождемер. В занимаемой Муравьевым фанзе находились: барометр ртутный, анероид, часы обыкновенные, часы Флеше и журнал для записей.

важном для нас вопросе, Барун-цзасак начал было кривить душою, на что я ему тотчас же ответил полною холодностью отношений, став на официальную ногу; в заключение же строго напомнил о Н. М. Пржевальском, о времени снаряжения покойного путешественника в Тибет, а также и о том, что по возвращении в Синин не премину доложить о нем цин-цаю. После моего вразумления Барун-цзасак долгое время совещался с своими приближенными; в конце концов мы пришли дипломатическим путем к мирному соглашению, но чисто дружеских чувств к местному управлению я уже больше не питал.

Перед отправлением в Тибет я послал отчет и письма на родину через Российскую миссию в Пекине и одновременно просил посланника заготовить для экспедиции известное количество китайского серебра с переводом такового в Синии ко времени нашего обратного туда следования. Всё же наличное на складе серебро, по обеспечению нужд экспедиции более нежели на годовой срок, я взял с собою в Тибет, так как по опыту знал, насколько будет велик предстоящий расход в стране далай-ламы.

Бедный отрывочный пролёт птиц этой весны мы наблюдали частью в Нань-шане и на Куку-норе, частью в Восточном Цайдаме.

Первым вестником весны в 1900 году был для нас коршун-черноухий (Milvus migrans), показавшийся одиночкой 9 февраля в долине Тэтунга. Затем в течение двух следующих недель мы ничего не наблюдали; 24-го опять показался тот же коршун и высоко над бивуаком пролетела небольшая стая серых гусей (Anser cinereus); 26-го пронеслись первые утки-кряквы (Anas platyrhyncha) и крохали (Mergus serrator); 28-го над Чортэнтаном кружилось небольшое общество Milvus migrans; 29-го огромная стая грачей (Corvus frugilegus pastinator) отдыхала на луговых прибрежных террасах; к вечеру грачи снялись и полетели дальше на север.

Первые дни марта были сильно омрачены ненастьем: солнце не показывалось совсем, снег падал хлопьями и голоса птиц замолкли. 4-го показалась белая цапля (Ardea alba), подвергнувшаяся со стороны местных черных ворон жестокому преследованию [1]. 8-го начался ток ушастых и красных фазанов (Crossoptilon auritum et Phasianus c. strauchi); 9-го над монастырским храмом Чойбзэна кружилась пара черных аистов (Ciconia nigra).

12 марта по речкам Чойбзэнской долины замечены одновременно утки-чирки (Querquedula) и серые журавли (Grus grus); в этот же день, чередуясь с большими стаями журавлей, массами неслись к северу и серые гуси (Anser cinereus); сороки (Pica) стали обновлять ста-

[1] 7 марта впервые услышали голос проснувшегося в альпийском поясе сурка (Arctomys); одновременно с этим было замечено и рытье слепыша.

рые гнезда. 13-го опять показалась белая цапля, а немного позднее и её серая сестрица (Ardea cinerea). 14-го [1] долина речки Донгэр-хэ оживилась весенними голосами мелких птичек, в особенности пением полевого жаворонка (Alauda). 16-го в довольно ясный день коршуны начали спариваться, серая цапля также хлопотала у старого гнезда; 17-го появились щеврицы (Anthus), 20-го белые плисицы (Motacilla alba baicalensis) и удоды (Upupa epops) [2].

22 марта стайка за стайкой следовали вниз по Донгэр-хэ и прямо к северу только что указанные белые плисицы [3]; 23-го появились чекканы (Oenanthe isabellina) и каменные ласточки (Biblis rupestris); последние вились у скал, щебеча свой однообразный мотив; 24-го в окрестностях озера Куку-нор показались горные гуси (Anser indicus), уже разбившиеся на пары; 25-го утки-шилохвосты (Anas acuta) [4]; 27-го, в долине и по самому озеру Куку-нор, замечены кроншнепы (Numenius arquatus), бакланы (Phalacrorax carbo), турпаны (Casarca ferruginea), чайки (Larus ichthyaëtus, L. brunneicephalus) и прежние утки-кряквы, крохали и белые красавицы-цапли.

3 апреля [5], в нижнем поясе Южно-Кукунорского хребта, по зарослям кустарника, обнаружены: снегиревидная стренатка (Urocynchramus pylzowi), сорокопуты (Lanius isabellinus) и краснохвостка алашаньская (Phoenicurus alashanicus); на следующий день, 4 апреля, при озере Цаган-нор, среди массы всевозможных уток, показались лебеди (Cygnus); в то же время у прибрежных скал добыт в коллекцию чеккан (Oenanthe deserti). 7-го по речке Дулан-гол найдена красивая краснохвостка (Phoenicurus frontalis), а 8-го в долине Сэрхэ-нора — улит-красноножка (Tringa totanus) и черношейный журавль (Grus nigricollis); 9-го, в северо-восточной окраине Цайдама, при болоте Далым-тургын, встречены зуйки (Charadrius alexandrius) [6]. 10-го на болоте Иргицик, или, как его нам назвали цайдамские монголы, Иргицюль, были частью уже указанные раньше — кроншнепы, улиты, черношейные и серые журавли, зуйки, утки-кряквы, частью же и вновь замеченные — пиголица-чибис (Vanellus vanellus), лысуха (Fulica atra), белоглазый нырок (Fuligula cristata), желтая плисица (Budytes citreola), хохлатая гагара (Podiceps cristatus), крачка-ласточка (Sterna

[1] 14-го же по южным склонам гор зазеленела травка.

[2] Одновременно в окрестности Дацан-сумэ взяты в гербарий Potentilla fruticosa, Gentiana, Astragalus и крестоцветное.

[3] В тот же день показались чуть не первые в этом — 1900-м — году бабочки.

[4] Тогда же проснулись и ящерицы (Phryhocephalus); озеро Куку-нор в большей своей части освободилось от льда.

[5] 1 апреля проснулись и начали бродить медведи-пищухоеды (Ursus pruinosus).

[6] Жаворонки приступили к кладке яиц. Глинисто-песчаная поверхность почвы нагревалась солнцем до 41,3°.

hirundo), ходулочник (Himantopus himantopus), водяная курочка (Rallus aquaticus), бекас (Scolopax), утка-широконоска (Anas clypeata) и орлан-долгохвост (Haliaëtus leucoryphus).

12 апреля, при реке Баян-гол, появились нырки красноносые (Fuligula rufina); 13-го, среди отмеченных уже уток-шилохвостей, показались утки-свиязи (Mareca penelope); 18-го в окрестностях хырмы Барун-цзасака запел скворец (Sturnus), а через день — 20-го — пронеслась к северу одиночка-ласточка (Delichon urbica).

27 апреля [1] коршун черноухий закончил кладку яиц [2]. 28-го прилетели каменный дрозд (Monticola saxatilis) и славка-пересмешка (Sylvia minuscula).

3 мая отмечена впервые показавшаяся здесь, в Цайдаме, в эту весну стайка куличков-песчаников (Erolia temminckii), 4-го — полуночник (Caprimulgus).

15 мая [3] закончили собою список весенних прилетных птиц ласточка деревенская (Hirundo rustica) и стриж башенный (Apus apus). Эти неутомимые в полете птички отрадно действовали на наблюдателя, внося с собою в монотонные равнины Цайдама наибольшее оживление; приятное, мелодичное щебетание первой и звучный, рассекающий воздух полет второго вместе с тем напоминали и наш далекий север.

---

[1] 25-го вечером над хырмой кружились летучие мыши.

[2] В этот же день начали распускаться Tamarix и Myricaria.

[3] 5 мая поверхность песка нагрелась на солнце до 50,5°. Кустарники и кое-какие травы зацвели и наполнили окрестный воздух ароматом.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ЦАЙДАМ

Географическое положение. — История цайдамских монголов. — Гэгэн Гуши-хан. — Покорение шарайголов китайцами. — Добавление об историческом прошлом монголов Цайдама; Цокто-хан и Гуши-хан. — Административное разделение покорённых шарайголов. — Как монголы начали отангутиваться. — Табун-Цайдам. — Курлык; население, его занятия и благосостояние. — Тайчжинэр. Цзунн. Барун. Племенной состав, администрация, скотоводство.

«Цайдам» слово не монгольское, а тибетское, вошедшее однако в монгольский язык для обозначения вообще солончаковых болот, долин и степей; оно составлено из двух тибетских слов: «ца» — соль и «дам» — грязи, болота. В частности под этим словом известна обширная долина, заключенная между первостатейными горами Нань-шань и их западным продолжением на севере и тибетским окраинным хребтом Куэнь-лунь на юге. Протянувшись в длину от восточного узла этих гор до западного их сближения на 800 вёрст (850 *км*), Цайдам, несмотря на свою значительную абсолютную величину [1], представляет котловину, простирающуюся в ширину, по середине, вёрст на 150 (километров на 160), но постепенно суживающуюся, по мере удаления к западной и восточной окраинам.

Вся эта замкнутая страна, бывшая, по всему вероятию, в сравнительно недавнюю геологическую эпоху дном моря, состоит из двух, довольно резко различающихся между собой частей: «южной — более низменной, совершенно ровной, изобилующей ключевыми болотами, почти сплошь покрытой солончаками, и северной — более возвышенной, состоящей из местностей гористых или из бесплодных глинистых,

[1] В восточной части около 9 300 футов (2 830 *м*), в средней — 9 000 футов (2 743 *м*) и в западной снова 9 300 футов (2 830 *м*).

галечных и частью солончаковых пространств, изборожденных невысокими горами» [1].

С юга, со стороны Тибетского нагорья, текут в Цайдам воды многих речек, которые в совокупности с главной и самой лучшей рекой в Цайдаме — Баян-гол, вытекающей из озера Тосо-нор, образуют большие и малые горько-соленые озерки.

Глинисто-соленая почва этой страны, конечно, не способна производить разнообразной растительности. И только «берега Баян-гола довольно густо поросли кустарниками, среди которых решительно преобладают хармык (Nitraria Schoberi) и тамарикс (Tamarix Pallasi); в меньшем гораздо числе встречается сугак (Lycium ruthenicum, реже L. turcomanicum) и кое-где кендырь; на более влажных местах изобилен тростник (Phragmites communis). Из других же трав, кроме нескольких злаков, здесь обыкновенны касатик (Iris) и Sphaerophyza salsola» [2].

Из зверей свойственны Цайдаму: антилопа хара-сульта, хулан, или дикий осел; кроме того волки, лисицы, зайцы и другие более мелкие грызуны. Осенью, когда созреют ягоды хармыка, с тибетских гор спускаются медведи и лакомятся этими красивыми и густо нанизанными на ветви сладко-солеными ягодами. «Пища эта, вероятно от неумеренного её употребления, действует расслабляющим образом на желудок медведя, который нередко оставляет на своих следах характерные признаки собственного обжорства». Малое количество зверей обусловливается, помимо непригодности страны, ещё и тем обстоятельством, что летом болота Цайдама кишат мириадами комаров, мошек и оводов, так что даже местные жители откочёвывают на это время в горы со своими стадами.

Что касается до пернатого царства Цайдама, то летом, или в периоды весенних и осенних перелетов, а также и гнездовья, оно имеет здесь довольно много представителей, в особенности в отрядах водяных и голенастых; но зато зимою тишину и однообразие местного грустного ландшафта изредка нарушают лишь его немногие коренные обитатели: цайдамский фазан (Phasianus c. Vlangalii), Rhopophilus pekinensis albosuperciliaris), биармийская синица (Panurus biarmicus), жаворонки (Eremophila et Alauda), пустынная сойка (Podoces hendersoni), красный вьюрок (Carpodacus rubicilloides), полевой воробей (Passer montanus), горный или каменный голубь (Columba rupestris) да изредка залетающие из гор в поисках добычи белые или бурые грифы и ягнятник бородатый.

Цайдамские речки и ключи изобилуют рыбой, принадлежащей к

---

[1] Н. М. Пржевальский. Третье путешествие в Центральной Азии. СПб., 1883, стр. 146—147.

[2] Там же, стр. 169—170.

родам маринок Schizopygopsis, губачей (Diplophysa) и гольцов (Nemachilus).

В административном отношении весь Цайдам делится на пять хошунов и известен как у монголов, так и у китайцев, под названием «Цзаха-табун-цайдам», т. е. крайние пять цайдамов, или просто «Табун-Цайдам», т. е. пять цайдамов [1]. Слово Цзаха — крайний — прибавляется для того только, чтобы выделить эти пять цайдамов от хошунов монголов, кочующих в окрестностях озера Куку-нор и в бассейне Хуан-хэ.

О весьма интересной истории заселения Цайдама монголами, о их ещё более интересном прошлом мы вынуждены, к сожалению, ограничиться лишь передачей преданий, записанных нами со слов стариков, отцов нынешних цзасаков Баруна и Цзуна, и со слов старых людей как в этих хошунах, так и в хошуне Тайчжинэрском.

Никаких письменных документов о прошлом здешних монголов не сохранилось [2]. Покорив монголов Цайдама и Кукунорской области, китайцы под угрозою смерти потребовали уничтожения всех древнемонгольских исторических книг, записей и документов, относившихся ко времени, предшествовавшему покорению. Затем, в течение более 200 лет, китайцы от времени до времени повторяли требование и сделали это в последний раз лет 50 тому назад. Но с покорением монголов и утверждением для них особых княжеских домов им было строго приказано вести истории этих новых князей, что и было исполнено, причём в эти новые истории однако не входили древние предания. И эти записи, которые велись в продолжение более 200 лет, были все уничтожены 53 года тому назад (в 1848 году) тангутами во время первого страшного их набега на Цайдам и Куку-нор. Особенно пострадали при этом кукунорские монголы как более богатые. На Куку-норе же и к югу от него до Хуан-хэ кочевали со своими огромными хошунами самые старые монгольские князья, у которых еще можно было бы найти что-либо из остатков древних записей и документов. Тангуты не только разграбили имущество монголов, но и уничтожили все книги, записи, документы — старые и новые. Таким образом нам не на что сослаться для подтверждения преданий, слышанных нами от монголов.

Предания эти, передающиеся из поколения в поколение, гласят вот что: весь бассейн Желтой реки, от верховьев её до Ордоса, известный у древних монголов под названием Шарай-гол, и область Кукунора были заселены монголами-шарайголами. Очень давно, быть может тысячу лет тому назад, шарайголы делились на пять огромных ханств,

---

[1] Объяснение происхождения этого названия дает и База-бакша. См. его Сказание (спис. лит. Позднеев, 1897, стр. 174—175).

[2] Здесь мы подразумеваем лишь цайдамских монголов.

названий которых предание не сохранило. С течением времени из пяти ханств образовалось на том же месте три ханства. В этот период времени шарайголов начали вытеснять с востока китайцы, а с юга тибетцы. Шарайголы должны были шаг за шагом уступать свои кочевья к югу от Хуан-хэ и наконец перешли Желтую реку и, образовавши одно ханство, расселились по левому её берегу, в Нань-шане до Тэтунга и в долине Цайдама. Места эти были заняты однако большей частью шарайголами пяти древних ханств и только меньшая их часть отчасти была покорена китайцами и тибетцами, отчасти разбрелась неизвестно куда. Как долго существовало это ханство до покорения его более 250 лет тому назад Китаем, монголы не помнят, как не помнят и того, сколько сменилось ханов со времени перехода шарайголов с южного на северный берег Желтой реки и в Цайдам.

Больше подробностей в этих преданиях мы находим лишь со времени последнего шарайгольского хана и со времени покорения его ханства Китаем.

Последним ханом шарайголов около 300 лет тому назад был гэгэн Гуши-хан [1]. Ставка его находилась на правом берегу речки Дулангол, впадающей в озеро Дулан-нор, в северо-восточном углу Цайдама, Развалины его ставки существуют и доныне.

Как сам он, так и все его подданные тогда еще не знали буддизма и исповедывали какую-то другую веру. Покойников своих они зарывали в землю.

Население жило в глиняных и каменных постройках, сооружавшихся так же, как и теперешние юрты, то есть куполообразно.

Некоторые постройки этого типа имели до 10 *м* в диаметре. Развалины их ещё сохраняются и по сие время в Цайдаме, по речке Номохун-гол, выше развалин китайской крепости Номохун-хото.

Кроме этого всюду по ущельям северного склона Бурхан-Будда существуют много древних оросительных канав, или арыков, которые одни считают принадлежавшими шарайголам, также жившим земледелием, а другие — китайцам.

Гэгэн Гуши-хан — первый шарайгол, принявший буддизм. Он вместе с ламою Данцзын-хутухту, перерождающимся и по сие время в кумирне Дулан-хите, стал распространять буддизм среди шарайголов. «Как приняли наши предки буддизм, какие меры принимал при этом гэгэн Гуши-хан, рассказывают монголы, преданий не сохранилось». Говорят только, что с переменой религии изменились и нравы

---

[1] В 1640 году Гуши-хан покорил Тибет и подарил его затем тогдашнему настоятелю Брайбунского монастыря Агван-Лобсану (1617—1682), которому вместе с тем пожаловал титул «далай-лама». Агван «великий» был таким образом первым тибетским иерархом этого звания.

и обычаи их предков. Ко времени смерти гэгэна Гуши-хана все его подданные шарайголы были уже буддистами.

После смерти гэгэна Гуши-хана ханом шарайголов должен был стать его сын Галдан-Данчжин-хун-тайчжи. Но половина шарайголов не захотела иметь его ханом и выставила против него своего кандидата. Произошла междоусобная война. Моментом этим воспользовался Китай и отправил во владения шарайголов сильную армию, которая начала быстро покорять ослабленных войной шарайголов.

Тогда Галдан-Данчжин-хун-тайчжи оставил вместе со своими приверженцами Кукунорскую область и ушел к северу. Оставшиеся шарайголы стали с тех пор называть ушедших своих единоплеменников олöтами, то есть беглецами (олöт, или ойлöт в переводе значит беглец). Нынешние же монголы Цайдама и Куку-нора олöтами себя не считают и упорно говорят, что они не пришельцы с севера, а коренные здешние жители, потомки шарайголов гэгэна Гуши-хана и древних пяти ханов. Олöтами же называют именно тех шарайголов, которые отделились и ушли к северу с Галдан-Данчжин-хун-тайчжи, сыном последнего хана их гэгэна Гуши-хана.

Во время междоусобицы китайцы начали успешно завоевывать владения шарайголов, а после бегства Галдан-Данчжин-хун-тайчжи дела их пошли все лучше. Сначала шарайголы оказали китайцам серьезный отпор, но непрекращавшиеся смуты и наконец бегство половины шарайголов во главе с Хуэ-тайчжи, как чаще называют монголы сына гэгэна Гуши-хана, заставили их искать спасения в бегстве к северу. Китайцы же заняли все проходы в Нань-шане и заставили вернуться шарайголов на берега Куку-нора и в Цайдам. Там они произвели страшную резню, причём по преданиям погибла половина всего оставшегося населения шарайголов. Говорят, что резня на пространстве между двух речек Бага-улан и Ихэ-улан была такая, что эти две речки текли кровью шарайголов полными руслами. С тех пор поэтому за ними и сохранились названия улан, то есть красный (от крови). Но не всегда китайцам доставались победы легко. Так в Цайдаме на западе хошуна Курлык-бэйсэ одно небольшое озеро носит название Шахай-нор, то есть озеро китайских башмаков шай-хай, которыми оно было покрыто после поражения китайцев на берегах его. Впрочем шарайголы сопротивлялись не долго и после нескольких страшных погромов, в которых погибла бóльшая половина всего населения, были покорены Китаем.

Для удержания за собою покоренного народа китайцы построили в Цайдаме на Номохун-голе и в других местах более или менее значительные крепости, в которых оставили сильные гарнизоны. Самой большой крепостью считалась — Номохун-хото, которая просуществовала однако не долго, но её развалины существуют и поныне.

Однако китайцы — войска и земледельцы — не долго жили в Цайдаме, так как китайские верховные власти получили известие о том, что начальник гарнизонов в землях шарайголов, которому была поручена постройка города Номохун-хото, выстроил его в бóльших чем указано было размерах. Вследствие такого проступка он был отозван и казнен. Вскоре после этого были отозваны и гарнизоны, а с ними ушли обратно и колонисты, которые уже успели разработать большое пространство земли и провести оросительные канавы. Землями этими пользуются теперь монголы. В крепости Номохун-хото долгое время сохранялись и поддерживались постройки китайцев — ямынь, дома, конюшни, в которых монголы хранили свои пожитки. Ворота, окованные железом, и глинобитные стены сохранялись ещё дольше, и во время набега тангутов, 53 года тому назад, в крепости спаслось не мало монголов со своим имуществом. Но затем ворота были сломаны, а стены, в двух-трех местах подмытые водою, стали рушиться. Теперь и сами монголы очень жалеют и пеняют на себя, что во-время не поддержали укрепления Номохун-хото, которое защитило бы их от тангутов лучше китайцев.

Вскоре после завоевания шарайголов богдохан послал в Синин своего чиновника цин-цая, которому вверено было устройство покоренного народа и наблюдение за порядком среди хошунов.

Первый цин-цай остается известным монголам и до сей поры под именем Далай-да-жень-амбань (далай — монгольское слово — великое море, океан; да-жень — китайское — большой человек, генерал; амбань — маньчжурское — генерал, сановник). Этот Далай-да-жень сам лично разделил земли шарайголов, указал каждому хошуну границы его земель, дал новые китайские законы и прочее, словом, устроил их так, что они были довольны новым управлением.

Около 200 лет, со времени покорения китайцами, монголы не имели ни малейшего повода жаловаться на новое управление, так как китайские власти взяток не брали, народ не обирали, судили и разбирали тяжбы со всею справедливостью. Подарки двора князьям выдавались всегда исправно и полностью. Кроме того китайцы поставили по границам монгольских земель, там, откуда можно было ожидать нападений со стороны тангутов, караулы, благодаря которым население областей Куку-нора и Цайдама жило совершенно спокойно, не нося, как теперь, оружия, и сильно богатело.

Однако спокойствию и процветанию монголов пришел конец.

Лет 60 тому назад, с 1840 года, китайцы круто переменились к монголам. Власти перестали быть справедливыми, начали брать взятки, пустили в ход вымогательства, обирание народа и даже насилие. Единственный важный караул Цаган-яньпин на Желтой реке, выше Гуйдэ-тина, сдерживавший напор тангутов, был снят. После

этого, в 1847 году, тангуты, не сдерживаемые более силою, в течение года наводнили не только всю Кукунорскую область, но даже и Цайдам, причём не только совершенно ограбили всё имущество беззащитных монголов, но и истребили почти половину населения. А тогда население Куку-нора превышало теперешнее раз в тридцать, а цайдамское было против теперешнего более раз в десять.

Множество монголов было уведено в плен и не вернулось, а население некоторых хошунов разбежалось в разные стороны и лишь в последующие пять-шесть лет хошуны эти снова возобновились благодаря беглецам, возвращавшимся на старые свои земли. После этого первого набега тангуты вернулись за Желтую реку, но с того же года они начали уже селиться не только по левому берегу Желтой реки, вытесняя и даже истребляя монгольское население, но начали постепенно проникать и селиться по долине Куку-нора. Соседей своих монголов, тогда безоружных, они не только грабили, но и истребляли десятками и сотнями семейств. Жалобы монголов китайским властям в Синине не имели и не имеют успеха, так как тангуты успевают каждый раз хорошо задарить китайцев. Волей-неволей монголы сами вооружились и уже без помощи китайцев отбивались, как могли, от тангутов. Но и это не помогло, и теперь монголы почти совершенно вытеснены не только из гор, окружающих Куку-нор, но даже и с долины этого озера. Там остаются пока лишь жалкие остатки когда-то огромных хошунов Цин-хай-вана, Харги-бэйсэ, Бухайн-гуна и некоторых других.

Так как китайцы не принимали никаких мер к ограждению беззащитных монголов от тангутских набегов и захватов, то коренное население этих областей, вынужденное жить вместе или рядом с тангутами, стало очень скоро терять свою самобытность. Кукунорские монголы прежде всех остальных своих соплеменников переменили образ жизни и начали жить по-тангутски, отчасти для того, чтобы меньше отличаться от тангутов и тем спасать и себя и свое имущество от грабителей. Монголы эти начали заводить оружие, с которым не расставались, выходя из дома, как и тангуты. Затем оставили прежний свой монгольский покрой платья — шуб, штанов, рубах и шапок, заменив всё это платьем тангутского покроя. В этом отношении за мужчинами последовали женщины и девушки, начавшие одеваться так же, как и тангутки. Только пожилые женщины и старухи ещё продолжают упорствовать в ношении двух кос в чехлах по старинному монгольскому обычаю.

Чтобы еще больше походить на тангутов, население Куку-нора начало оставлять свой родной язык и говорит теперь главным образом по-тангутски. Дома родители и дети между собою говорят чаще также по-тангутски. Молодые люди — парни и девушки — поют

тангутские песни, разговаривают между собою всегда по-тангутски, не говоря уже о том, что стараются походить не только платьем, украшениями, но даже и манерами на тангутскую молодежь.

Мягкость характера, приятные манеры, гостеприимство, свойственные монголу, уступили место грубости и негостеприимству тангутов. Словом теперь отличить кукунорского монгола от его соседа тангута почти или даже совершенно невозможно.

Та же участь ожидает и монголов, живущих в Цайдаме. Еще лет 20 тому назад в Цайдаме половина населения жила чисто по-монгольски; но с той поры и цайдамцы переменили покрой платья на тангутский, и хотя нравы их пока ещё сохраняют свой прежний характер, но и это, по словам старика Цзуна, продержится вероятно не долго: много-много два-три десятка лет, «а через сотню лет, — говорит этот старик, — приезжий не найдет у нас и признака монгольского происхождения».

Разительным примером постепенного отангутивания может теперь служить хошун Тайчжинэр. 53 года тому назад этот хошун избежал тангутского набега вследствие удаленности его кочевий. Население восточной части этого хошуна, соприкасаясь с кочевьями Цзуна, лет 20 тому назад приняло тангутский покрой платья, хотя во всем остальном тайчжинэрцы остаются еще монголами. Язык пока также остался неприкосновенным, хотя молодежь вместо монгольского «чжа» или «цзэ», употребляемого стариками, говорит уже «лаксу», что одинаково означает: хорошо-хорошо, да-да и прочее. Средняя часть этого хошуна приняла тангутский покрой платья всего лишь пять-шесть лет тому назад, да и то лишь мужчины и девушки. Женщины же пока держатся монгольских образцов как в покрое платья, так и в прическе. Зато западная часть этого хошуна остается еще совершенно не тронутой; здесь сразу же глаз поражается отсутствием тангутских шапок, оружия, мешков на спине и женских украшений и причесок. Изредка лишь можно встретить молодого монгола в рубашке с широким воротником тангутского покроя. Манеры, мягкий характер, гостеприимство, доверчивость, отсутствие корысти и жадности, свойственных отангутившимся монголам, не отличают западно-тайчжинэрских монголов от монголов Халхи.

Что же касается монгольской грамоты, то она с каждым годом все более и более забывается. Дело дошло даже до того, что многие буквы монгольского алфавита совершенно забыты, а очень многие исковерканы почти до неузнаваемости. Монголы, живущие далеко один от другого, в случае необходимости переписываются уже не по-монгольски, а по-тибетски.

Китайцы в Синине, по установленным законам, сносятся с цайдамскими и кукунорскими монголами на монгольском языке. Для этого

в Сининском ямыне постоянно держат нескольких человек монголов — писцов-переводчиков. Казенные бумаги из ямыня князьям Куку-нора и Цайдама, написанные по-монгольски, почти всегда остаются наполовину непонятыми. Точно так же и в ямыне монголы-писцы не всегда точно понимают смысл бумаги, написанной монголом этих областей, так как многие слова пишутся сокращенно, с опущением слогов и нескольких букв.

Добровольно монголы и не учатся писать на родном языке. Обучение монгольской грамоте, к стыду монголов, введено лишь как повинность для того только, чтобы в хошуне иметь своего писаря для сношений с Синином. Таких грамотеев на хошун приходится не более двух-трех человек, за исключением лишь хошуна Тайчжинэр, где их много, и Курлыка, где их больше чем в других хошунах отангутившихся монголов [1].

Перейдем к описанию административного устройства по хошунам, но, прежде чем приступить к этому, мы должны в общих чертах сказать о том, как китайцы для удобства и облегчения сношений с монголами подразделили последних на два отдела и указали каждому из их представителей обязанности и порядок сношений каждого с Синином. Для этого китайцы разделили все хошуны монголов Куку-нора и Цайдама на два отдела — эдегэт: Барун-эдегэт и Цзун-эдегэт, в каждом по 12 хошунов. Ариг-дабчжи в это деление не входит. По положению, представителем эдегэта назначается по очереди один из старших князей на три года; но так как звание представителя эдегэта [2] оказывается выгодным в материальном отношении (взятки, подарки), то такой представитель эдегэта обыкновенно старается, по возможности, продлить срок этот, задаривая сининских властей, от которых зависит назначение и смещение чигулгана. Поэтому неудивительно, если некоторые князья остаются чигулганом эдегэта пожизненно.

Ясное дело, что подобные издержки на взятки китайцам князья тусулакчи и цзахиракчи стараются возместить поборами с своих подчиненных, что, вместе с уменьшением населения и его обеднением от постоянных набегов тангутов, ложится тяжелым бременем на монголов. Поэтому-то князья стараются в последнее время возможно более ограничивать штат хошунной администрации, назначая себе помощников по своему усмотрению, без ведома китайских властей и не испрашивая их утверждения. Таким образом тусулакчи теперь имеются лишь в двух хошунах Цайдама — Тайчжинэр и Курлык, а в остальных нет этих помощников главных управителей, но есть только

[1] Общая численность обитателей Цайдама выражается цифрой в 10 тыс. душ обоего пола, или в 2 тыс. семейств.

[2] Монголы именуют это звание чигулган-да.

цзахиракчи; этих последних, впрочем, нет лишь у Курлык-цзасака, Тайчжинэр и некоторых кукунорских князей. Взяточничество китайцев распространяется главным образом на хошуны богатые и многочисленные по населению; хотя нередко китайцы не брезгуют брать взятки, даже в виде худой лошаденки или барана, и от таких кукунорских князей, в хошунах которых считается всего только две семьи или немногим более.

Для характеристики нынешнего китайского управления в Синине следует упомянуть и о том, как монгольские князья получают установленное для них жалованье от богдоханского двора. Так для цзасака полагалось из Пекина сто лан серебра и несколько кусков шелковой материи. Прежде всё это получалось в Синине и выдавалось полностью цзасаку, теперь же делается иначе. Являясь за получением богдоханского жалованья, цзасак почти всегда выслушивает следующее: «вот получено ваше серебро из Пекина; за доставку его мы должны вычесть из него такую-то сумму, за продовольствие животных в пути столько-то, за прокорм их здесь, в Синине, где корм нынче особенно вздорожал, — столько-то, за сбережение его в течение такого-то времени — столько-то, — на уплату расходов по такому-то делу вашего хошуна — столько-то; наконец «дэчжи» нашему амбаню — столько-то» [1]. Или же: «мы получили предназначенное вам серебро полностью, но у нас случилась нужда в нем и мы его истратили; поэтому не откажите взять от нас на эту потраченную сумму серебра что хотите — материй или чаю, или что-либо другое». В первом случае, за вычетом всех расходов, которые тщательно в таких случаях выписываются в реестр, князю достается получить за сто лан или половину, или треть, одну пятую, или даже всего только одну десятую часть всей суммы, да и то чаще товарами, которые ставятся ему гораздо дороже, чем он сам мог бы их купить на рынке. Во втором случае он получает в действительности не какую-нибудь одну пятую всей суммы ненужных для него товаров, которые оцениваются китайцем во всю столанную сумму серебра. Что же касается материй, то таковые выдаются князьям сполна, но не тех уже качеств, как прежде, и не те материи, которые присланы из Пекина для раздачи князьям, а материи худшего качества, купленные тут же в Синине. Если ко всему этому прибавить и неизбежные расходы на подарки состоящим при князьях, во время их проживания в городе, переводчикам и полицейским, то из всех богдоханских щедрот, называемых жалованьем, останется одно лишь жалкое воспоминание.

[1] Дэчжи — монгольское пригубить, попробовать, — обычай предлагать почетному гостю или старшему из вежливости пригубить вино, прежде чем самому его выпить.

Трудно допустить, чтобы все эти безобразия производились с ведома самих цин-цаев; вероятнее всего, что вследствие замкнутости крупных китайских сановников, вследствие огромного штата мелких чиновников, состоящих при них на службе «за стол и подачки», эти последние творят сообща именем своего патрона все, что угодно, тщательно скрывая грязь от него. Монголы же вообще в загоне и почти совсем не имеют доступа к самому цин-цаю, а сносятся с ним в Синине через посредство «сюмбу», советников (ши-е) и переводчиков (тун-ши), которым это правило открывает широкое поле для мошенничества и вымогательств.

Хошун Курлык управляется князем пятой степени — бэйсэ. Издавна для обозначения размера кочевий хошуна, численности его населения говорят: «Курлык — гурбан-сумун, долон-отук», то есть Курлык в три сотни, кочующих на семи участках.

Прежде население Курлыка кочевало по долинам озера Курлык-нор, реки Баин-гол (Алихани-гол) и по ущельям южных склонов окраины Нань-шаня или Курлык-ула. На правом берегу Баин-гола были выстроены хырмы и управление бэйсэ, где хранилась и его печать. Но после 1896 года в Курлык нагрянули толпы повстанцев-дунган и разорили эти укрепления, а население хошуна вынуждено было бежать на запад в Махай, Сыртын, Бага- и Ихе-Цайдамы и Шарголчжин. Только небольшая часть населения вновь вернулась на родину в Курлык-нор, где имеются у них поля и хорошие пастбища в камышовых зарослях. Бэйсэ уже сюда более не возвращается, так как решил кочевать только по долинам озер Бага- и Ихэ-Цайдамин-нор и по долине Шарголчжина. Хырмы и управление его строятся ныне в долине Ихэ-цайдамин-нора.

Пока, до окончания постройки его управления, таковое помещается в юрте, подле помещения бэйсэ. В этой юрте хранится его княжеская печать, при которой постоянно, в качестве охраны и судей, состоят один или двое чиновников, следующих за цзахиракчи. Весь штат управления бэйсэ, кроме тусулакчи — родного брата бэйсэ, состоит из 25 человек чиновников, назначенных большею частью самим бэйсэ без утверждения китайцами. Утвержденных этими последними имеется только 11. Как уже сказано было выше, в этом хошуне, благодаря алчности китайцев, нет утвержденного ими цзахиракчи; но сам бэйсэ награждает своих чиновников этим званием.

Бэйсэ, как человек умный, справедливый и добрый, очень любим своими хошунами. В этом я вижу подтверждение собственного убеждения, вынесенного мною почти за десятилетний период времени, в который я знаком с этим монгольским чиновником и его народом. Что касается до отношений бэйсэ к нам, русским путешественникам, то в этом не остается желать ничего лучшего. Никогда не забуду, как

в минувшее путешествие наша экспедиция совершенно спокойно располагала своими отдельными поездками по землям Курлык-бэйсэ и как этот чиновник первый пришел к нам на помощь во время обострившейся болезни горла В. И. Роборовского и отыскал тибетского ламу-знахаря, который скоро угадал болезнь и успешно её вылечил.

Относительно же честности бэйсэ могу сказать следующее. Узнав о приходе моей экспедиции в Цайдам, в хошун Барун-цзасака, Курлык-бэйсэ тотчас же командировал ко мне несколько человек чиновников с приветственным письмом, подарками и небольшой, в шестнадцать лан китайского серебра, суммой денег. Последняя препровождалась мне как члену минувшей экспедиции за розысканную и проданную русскую лошадь, убежавшую из табуна бэйсэ. Признаться, я только тогда вспомнил, что одна из наших неважных лошадёнок действительно затерялась в Курлыке на пастбище и до нашего отхода в Са-чжоу не была найдена. Разыскали же её тогда, когда доставить в наш лагерь не было никакой возможности, так как экспедиция уже находилась в Сачжоухамийской пустыне. Огорченный Курлык-бэйсэ продал эту лошадь одному из своих монголов и вырученное за нее серебро решил хранить до известного времени. Курьезнее всего то, что, продав лошадь, бэйсэ в кругу своих приближенных заметил: «русские скоро опять придут, тогда мы им и отдадим серебро по принадлежности, а пока запечатаем и будем его беречь в общей казне». По возвращении моем в Петербург я вместе с поклоном бэйсэ передал моему товарищу В. И. Роборовскому, как бывшему начальнику экспедиции, эти деньги и подтвердил тем самым справедливость моего взгляда по отношению к монголам Курлыка вообще, а к их управителю в особенности. Наследник престарелого бэйсэ уже и теперь пользуется у народа большою любовью за справедливость, строгость и энергичное отстаивание интересов собственного хошуна.

Население хошуна Курлык-бэйсэ в настоящее время довольно смешанное. Благодаря обширности удобных для земледелия и пастбищ мест сюда приходят и остаются на постоянное жительство, в подчинении бэйсэ, халхасцы; остаются здесь и монголы других родов, ходившие на богомолье в Лхасу. Среди населения Курлыка довольно много омонголившихся китайцев и даже дунган. Последние живут по-монгольски — в юртах или с женами дунганками, или же женятся на монголках, но при этом сохраняют свою религию. Омонголившиеся тангуты также встречаются, хотя и очень редко. Вообще в Курлыке остаются монголы с севера ещё и потому, что в этом хошуне, по сравнению с прочими цайдамскими хошунами, особенно много девушек, на которых можно жениться.

Население, кроме скотоводства, занимается земледелием в бо́льших, чем прочие цайдамцы, размерах, засевая поля исключительно

ячменём, которого оказывается не только достаточно для довольствия населения хошуна, но ещё и остается порядочное количество для продажи монголам соседних хошунов Цайдама — Цзун и Тайчжинэр. Курлык не без основания считается монголами самым богатым. Действительно, здесь редко можно встретить такую нищету, какую часто приходится видеть в особенности в хошунах Цзун- и Барун-цзасаков, не говоря уже о монголах кукунорских. Самым богатым человеком считается в Курлыке его князь, бэйсэ; он имеет около тысячи голов рогатого скота, свыше 300 верблюдов, более 500 лошадей и свыше тысячи баранов. Стада баранов в Курлыке вследствие падежа, продолжавшегося в течение четырех последних лет, сильно поубавились.

Люди, считающиеся состоятельными, а таких в Курлыке, говорят, довольно много, имеют до 80 верблюдов, около 100 голов рогатого скота, 300 голов лошадей и 500—600 баранов.

До 1896 года курлыкцы два раза в течение года очень большими партиями ездили в Донгэр-тин и Синин с продуктами своего скотоводческого хозяйства: шерстью верблюжьей, бараньей, шкурами и маслом; сырье это они продавали на серебро или меняли на предметы домашнего обихода, чай, материи и обувь. Туда же они ежегодно увозили большое количество нашатыря и свинца, которые они добывают в горах Цапчимыл-уса и в предгорьях Нань-шаня. Свинца же они обязаны были представлять ежегодно известное количество в Синин взамен податей и повинностей. Ныне же курлыкцы, окончательно поселившиеся на западе своего кочевого района, ездят за покупками не в Синин, а в Са-чжоу, который гораздо ближе.

В объяснение названия хошуна Цзун следует сказать, что слова цзун и барун здесь, в Цайдаме, понимаются совершенно иначе. В Халхе и у других северных монголов под словом цзун подразумевается восток, а под словом барун — запад. Там почетной стороной считается юг, и потому все монголы ставят там свои юрты дверями на юг. В Цайдаме же слово цзун служит для обозначения севера, а барун — юга; передней, почетной стороной считается восток, и здесь монголы ставят свои юрты дверями на восток. Поэтому-то и два хошуна, расположенные один от другого на северо-северо-запад — юго-юго-восток, названы Цзун и Барун — северным и южным хошунами.

Хошун Цзун-цзасака, расположенный на северо-северо-запад от кочевий Барун-цзасака, кочует зимой по общим берегам реки Баян-гол и к западу от своей хырмы, до речки Номохун-гол. Летом большею частью монголы этого хошуна скучиваются между укреплениями Барун- и Цзун-цзасака и кочуют здесь вместе с населением хошуна Барун-цзасака, укрываясь, благодаря обилию вязких болот и песчаных бугров, от нападений тангутов, ежегодно являющихся летом на грабёж в Цайдам. В годы, особенно обильные комарами и оводами,

или во время повальных болезней монголы этого хошуна отправляют стада верблюдов в ущелья северного склона Бурхан-Будда, сами же кочуют по долине.

Население описываемого хошуна значительно беднее населения первых двух хошунов. Достаточным, богатым монголом здесь считается такой, который имеет 30 голов верблюдов, столько же лошадей, около 60 штук рогатого скота и 300—400 баранов. Население Цзун-хошуна наполовину бедняки, имеющие всего лишь 1—2 лошади, с десяток коров и десятка $1^1/_2$—2 баранов. Есть не мало и таких, которые не имеют ни одной лошади и коровы и живут только молоком от домашних коз.

Западная часть хошуна по речке Номохун-гол имеет удобные для земледелия земли и эксплоатирует их. Бóльшая же часть монголов хошуна ездит за хлебом или в Шан, или в Курлык.

Ранее цзунцы хранили свою рухлядь или в Номохун-хото, или же закапывали её в песчаные бугры, но после тангутского погрома, в 1847 году, они выстроили хырму и управление и теперь уже не прячут своего имущества в песках.

Управление[1] находится в хырме. Там же хранится и княжеская печать цзасака, которую постоянно охраняют два чиновника с 16 воинами. Один чиновник приставлен исключительно к печати и кроме того обязан принимать монголов по их делам и докладывать о них цзасаку или его цзахиракчи; другой чиновник является начальником конвоя. Чиновники сменяются через каждые три месяца, а воины через 15 дней. В ставке цзасака постоянно, чередуясь через полмесяца, также находится по пяти воинов, обязанных охранять цзасака. Эти конвойцы дежурят и по ночам, чтобы тангуты не могли застать спящих врасплох. Кроме того на их обязанности лежит собирание топлива, ношение воды, присмотр за животными и прислуживание приезжающим к цзасаку чиновникам и гостям. Хошун Барун-цзасака, расположенный ближе к окраине хребта Бурхан-Будда, несколько менее соседнего по числу населения, но по благосостоянию своему равняется ему. Барунцы, как и их соседи, занимаются главным образом скотоводством и немного земледелием.

Племенной состав как хошуна Барун-цзасака, так и хошуна Цзун-цзасака почти одинаков: население смешанное — монгольское и тангутское; разница только в числе омонголившихся тангутов, проживающих в этих хошунах, и в отношениях цзасаков к пришельцам. У Цзуна их меньше, так как он принимает тангутов осторожно и с раз-

---

[1] Хырмы и управления известны у монголов под названием кан-сар (тангутское): «кан» — постройка, «сар» — новый), или «хэрме» (монгольское — крепость), или наконец «хуре» (монастырь лам или двор чиновников, ставка).

бором и держит их у себя в хошуне строго. Другое дело в Барун-хошуне: здесь беглые тангуты и тибетцы, омонголившиеся и поженившиеся на монголках, составляют четверть всего населения хошуна. Вследствие этого нередко такие пришельцы, хорошо ознакомившись с местностью, угоняют монгольский скот, а в придачу ещё прихватывают с собой и красивых девушек. Две сестры Барун-цзасака выданы замуж за беглых тибетцев, а старшая дочь его, молодая девушка, вскоре будет выдана замуж за беглого же тангута, который уже в течение года состоит её самым близким другом.

Как и у Цзун-, у Барун-цзасака не имеется тусулакчи; все же прочие чины, начиная с цзахиракчи и кончая хундэ, в хошуне утверждены китайцами. Но здесь отношение населения к своим властям и цзасаку уже имеет совершенно противоположный характер. Всё население с ненавистью говорит о своем цзасаке, который является первым в хошуне бесчестным человеком и, благодаря своей глупости, распустил окончательно всех чиновников, которые беззастенчиво обирают его именем народ, посредством вымогательств и даже грабежей. Монголы с сожалением вспоминают об управлении хошуном отцом теперешнего цзасака. Старик этот ослеп и в настоящее время не вмешивается в дела, предоставив их всецело своему сыну.

Продукты своего скотоводческого хозяйства как барунцы, так и цзунцы, составляя смешанные партии, увозят на продажу в Синин, где променивают их на чай, чаши, котлы, материи и другие товары, необходимые в обиходе монголов.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

ЦАЙДАМСКИЕ МОНГОЛЫ

Наружный тип, одежда, жилище, домашняя утварь, пища и занятия. — Приём и угощение гостя. — Отношения полов. — Выбор невесты. — Сватовство. Свадьба: перемена прически, подарки невесте и посещение её дома женихом; прибытие невесты, поклонение небу, солнцу и луне — клятва в верности. — Посещение родителей новой юрты. — Роженица и новорождённый; острижение волос. — Похороны. — Юридические обычаи. — Перебежчики. — Приметы и пословицы. — Новый год, праздник печати и хуралы. — Военные смотры. — Хамбо-лама.

По своему наружному типу обитатели Цайдама представляют пеструю смесь физиономий: монголы хошунов Барун и Цзун трудно отличимы от тибетцев, кочующих в северо-восточном углу этой обширной страны, тогда как монголы хошуна Тайчжинэр нередко напоминают собою тюркский тип, и только обитатели Курлыка стоят ближе к чистокровным монголам.

Одеваются монголы также различно, хотя само различие происходит не столько от разнообразия одежды, сколько от способов их одевания и подпоясывания. Один и тот же монгол в одно и то же время своим костюмом может походить и на тангута и на монгола. При поездках на Тибетское нагорье он принимает обличье тибетца, когда же направляется в китайские города Донгэр и Синин или в Тайчжинэрский хошун или в хошуны Курлыкские, он едет туда монголом.

Вот список одежд цайдамских монголов.

«Лабашиг» — летний тонкий халат из бумажной или шёлковой ткани с подкладом или без подклада. Носится иногда и зимою поверх меховой шубы, чтобы прикрыть ее безобразие или сберечь нарядную покрышку.

«Цува» — летний халат из тибетского или европейского сукна без подклада.

И тот и другой — лабашиг и цува — тибетского покроя.

«Кулуг» — короткая, до талии, матерчатая, распашная рубашка тангутского покроя с длинными, широкими рукавами, имеющими широкий обшлаг, отороченный узкой полосой выдры; воротник широкий, откинутый назад, квадратной формы, вышит шелками и оторочен выдрой. Застегивается у шеи медной английской пуговицей или завязывается тесьмою. Шьётся из английской бумазеи или далембы и китайского шёлка — красного, синего и других цветов, кроме черного и желтого.

«Учи» — меховая шуба, крытая какой-либо бумажной или шёлковой материей.

«Дэвэль» — баранья шуба, не покрытая материей.

«Кэмэлэк», или «кэмлэк» — широкий обыкновенно плащ, служит для защиты от дождя и снега.

«Малахай», или «малхай», — шапка вообще. Обыкновенно носят шапку тангутского покроя, с острым верхом, покрытым синей материей и спускающейся с его вершины красной шелковой кистью (цзала); узкие поля покрыты красной материей. Шьётся из белой мерлушки. Носят оба пола и летом и зимою. Иногда носят «торцык» — меховые шапочки китайского покроя, которые приобретаются в Синине (носят чаще тайчжинэрцы и курлыкцы).

Цзунцы часто носят китайские войлочные шляпы, барунцы — тангутскую шапку; чиновники же этого последнего хошуна «шика ради» носят и островерхие войлочные шляпы, покрытые белой материей, с большими полями.

«Гудусу» — обувь. Все носят и зимою и летом исключительно сапоги китайского покроя (сё-цзы).

«Ömуду» — штаны. Носят все; шьются для лета из бумажной материи; подвязывают какой-нибудь верёвкой. Зимою носят штаны из бараньих овчин, мехом внутрь, или из грубой шерстяной материи, а иногда и из войлока.

«Тэрлэг» — женский халат из бумажной материи или из сукна. Воротник тангутский, квадратный, широкий, как у рубашки; застегивается у ворота; от ворота запахивается к правому плечу, где пуговицы. От плеча идет вниз через правую грудь, ниже сосца застегивается опять пуговицею, а затем запахивается позади к спине, где снова застегивается на пуговицу.

«Цэгэдэк» — чисто монгольская женская безрукавка.

«Усуни-гэрь» — чехлы на женские косы, шьются исключительно из черной материи.

«Гаву», или «гау», — ладанки из серебра или красной меди, иногда с камнями; носятся на груди. В них заключаются бурханы, молитвы и лекарства (рилу).

«Хутуга» — нож с ножнами и костяными палочками, заменяющими вилку.

«Сэлэмэ» — сабля с широким, тонким, прямым клинком, которая носится сбоку привешенной к поясу.

«Чжибсак» — сабля короче первой, прямая; носится за поясом. Ножны и той и другой украшаются белой мёдью, серебром, реже золотом и камнями. Рукоятка обвивается серебряной или медной проволокой; темляк — свитый из тонких ремней.

«Бу» — фитильное ружье на сошках.

«Хабтага» — кожаная сумка для пороха, пуль и ружейных принадлежностей. Термин «хабтага» служит также для обозначения футляра для чайной чашки.

«Чжада», или «чжида», — тангутская железная пика с древком, нередко обвитым у основания железным прутом или проволокой, для лучшего сопротивления сабельным ударам.

«Суйкэ» — сережка из серебра, с камнями. «Биласэк» — серебряные кольцы на пальцы. «Буга», «бугубчи» — серебряные браслеты.

Кроме того каждый монгол носит с собою чётки из дерева или стекла, а богатые — из кораллов, бирюзы, янтаря и прочее.

Жилищем для цайдамского монгола служит серая войлочная юрта (гэр) на месте, в районе кочевок, и белая или синяя, из бумажной ткани, палатка (майхан), разбиваемая для ночлега или временного отдыха в дороге.

Живя таким образом на открытом воздухе, летом в горах, зимою в равнине, цайдамские монголы чувствуют себя в физическом отношении довольно удовлетворительно, и нередко, дожив до преклонного возраста, ещё сохраняют способность крепко держаться верхом на лошади или верблюде и переносить далекие поездки в караване. Местные кочевники чаще всего жалуются на болезнь глаз, происходящую, по всему вероятию, от соленой пыли, всюду проникающей во время ветров или бурь. По словам монголов болезнь глаз проходит только в горах при естественном улучшении гигиенического состояния.

Лечением больных здесь занимаются местные ламы или знахари из Лхасы, случайно приезжающие в Монголию. Из лекарств общеупотребительными служат различные порошки, изготовляемые главным образом в Тибете из цветов и листьев горных трав и кустарников и принимаемые больными внутрь.

Глубокие раны и порезы монголы лечат простыми перевязками, производимыми крайне небрежно и грязно.

Теперь несколько слов о домашней утвари.

«Домбо» — деревянное ведро разных величин, круглое или овальное, стянутое деревянными или железными обручами; служит для носки воды. Существует и другой вид «домбо» — для чая и ку-

мыса; высота такого домбо около полуаршина; дно у него широкое, горло более узкое; мастерится из дерева, украшается снаружи рисунками белой или красной меди и обтянуто такими же обручами.

«Чжарга» — деревянная кадка высотою от 1 до $1^1/_2$ аршин (от 70 до 100 *см*), стянута железными или деревянными обручами; дно несколько шире отверстия, которое приспособлено для крышки; в этой последней, в свою очередь, проделано круглое отверстие для палки, на нижнем конце которой находится деревянный круг (иногда его заменяет сшитый из войлока шар). В это же отверстие вливается кумыс или молоко; и то и другое взбалтывается палкой для получения кумыса или масла; палка называется «булюр».

«Таха» — лагун, деревянное ведро, круглое или овальное, разных величин; имеет глухую крышку (как у бочёнка). Служит для хранения вина и растительного масла.

«Хайсэ» — большие котлы и чаши, которые ставятся на очаге (тулуга); отливаются из чугуна и не имеют ручек.

«Гунчжи», или «хасраг», — чайник желтой меди, имеет форму кувшина.

«Танха» — маленький, красной меди, чайник, по форме очень похожий на наш фарфоровый.

«Нюдур» — деревянная ступка, выдолбленная из обрубка дерева, разных величин; большие служат для обдирания ячменного зерна, средние — для разбивания кирпичного чая, малые — для соли и для лекарств (у лам). Для обдирания зерна употребляется пест деревянный, а в прочих случаях — каменный.

«Шанага», или «шаныг», — разливательная ложка, железная, медная или деревянная.

«Мар-суй» — бурак для масла с крышкой; иногда употребляется точеный, чаще же гнутый. Монголы и тангуты обязательно имеют марсуй при себе в дороге.

«Баг-бар» — точеная из дерева и раскрашенная чаша для дзамбы.

«Дэрэм», или «дэрмэ», — деревянные блюда и тарелки разных величин, грубой работы.

«Сава» — всякая глиняная посудина, с узким отверстием наверху, затыкаемым тряпицей или травою; служит для водки и кумыса.

«Цуцугэ» — всякая деревянная чашка для чая, кумыса, дзамбы и водки; у богатых нередко отделывается в серебро.

«Шацзун», или «шацзын», — всякая фарфоровая чашка.

«Хундуга» — маленькая деревянная, около 1 вершка (4,4 *см*) в диаметре, чарка для вина; богатые отделывают её серебром.

«Тэрмэ» — ручная мельница для дзамбы, диаметр — около 30 *см*.

Главное занятие цайдамских монголов — скотоводство, подспорьем которого служит также и земледелие.

Из скота монголы держат верблюдов, лошадей, коров, домашних яков, баранов и коз. Избыток своего скотоводческого хозяйства цайдамцы сбывают в ближайших китайских городах Донгэре и Синине, играющих роль меновых рынков. Если цайдамские монголы порядочные скотоводы, то нельзя сказать того же относительно их второстепенного занятия — земледелия.

Это последнее стоит на самой низкой ступени; цайдамцы сеют ячмень преимущественно при устьях горных ущелий или неподалеку от них, в равнине, чтобы легче справиться с поливкою полей, производимой посредством оросительных каналов. Земледельческие орудия также примитивны. Осенью, в сентябре месяце, сжатый и обмолоченный хлеб прячут подле пашен в специальные ямы или пещеры, откуда, по мере надобности, и берут зерно. Особых мельниц для перемола зерна, за исключением ручных, цайдамцы не имеют. Обыкновенно небольшое количество ячменя поджаривается в чугунной чаше или котле над огнем, в юрте, а потом поджаренные зерна пропускаются через жернова.

Полученная таким образом сухая мука, под названием «дзамба», есть главный предмет питания не только местных монголов, но и всех вообще номадов Центральной Азии и Тибета. Богатые кочевники едят кроме того мясо, молоко, масло: летом и осенью пьют в большом количестве кумыс. Обыкновенным же повседневным напитком служит кирпичный чай, приправленный солью, молоком, маслом и прочим, который служит и главным предметом угощения. На этом же чае замешивается до густоты крутого теста дзамба, часть которой съедается на месте, часть же частенько прячется в виде колобка за пазуху, в дорогу.

Присмотр за скотом лежит главным образом на обязанности женщин или девушек, тогда как мужчины позволяют себе или предаваться отдыху, сидя дома, или же, скуки ради, сев на лошадей, всегда заседланных и привязанных у юрты, разъезжают по соседним стойбищам для приятного времяпрепровождения. Здесь ходьба пешком в крайнем пренебрежении, в особенности у мало-мальски зажиточных людей, не говоря уже о чиновниках.

Охотники-монголы предпринимают экскурсии в горы иногда за сотню и более верст от своих кочевий; в такие экскурсии собираются обыкновенно значительными партиями.

Гостеприимство у цайдамцев, вообще говоря, развито так же, как и у халхаских монголов. Кто бы ни вошел в юрту цайдамца, он может быть уверен, что его не отпустят хотя бы без чая. Не угостить, или, по крайней мере, не предложить, случайно вошедшему чашку

чая, кумыса или молока, считается в высшей степени неприличным (эвэ-угэ). Этот обычай угощать вошедшего распространяется и на бедняка и на богатого, на простого хошунца и на князя. Если в юрту князя войдет постороннее лицо, по делу или без дела — безразлично, ему непременно будет предложен чай и дзамба.

Гостя обыкновенно встречают вне юрты. Затем, если он является очень почетным — князь, хомбо-лама, родные князя, — то перед ним поднимается и забрасывается дверь (на верхнюю часть юрты), а если он младше хозяина, то сам открывает двери — левую её половину левою же рукою — и входит в юрту. Там ему указывают место налево от входа; гость садится на войлочную подстилку. Чем старше и почетнее гость, тем выше — ближе к бурханам — усаживают его.

Хозяин дома, а если его нет, то его брат, сын или жена, ставят перед гостем прежде всего столик или заменяющий его отрезок доски; затем на столик ставят две деревянных чашки (баг-бар): одна «горкой» наполнена дзамбой, другая — чурой. На вершине горки дзамбы кладутся крестом кусочки или ленточки сливочного масла. В то же время хозяин спрашивает гостя о его здоровьи, о доме, о скоте, о кормах и прочем. Хозяйка же готовит чай и после того, как на столик будет выставлена дзамба и чура, берет фарфоровую или деревянную чашку, наполняет её чаем, ковшом из котла, и передает её хозяину, а тот ставит чашку чая (с дзамбою на дне, которую сначала кладет туда хозяйка, прежде чем наливать чай) перед гостем. Чашка подается, поддерживаемая обеими руками; в обе же руки принимается чашка и гостем. Подать гостю чашку одною рукою — значит показать ему неуважение или презрение; точно так же как и принять ее одною рукою — обидеть хозяина.

Если гость лицо обыкновенное или он очень молод — ему даже не ставят баг-бар, а подают чай с дзамбой, наложенной в чашку рукою прямо из мешка: этим чаем для такого гостя и ограничивается все угощение. Другое дело с гостем почётным. После чая его угощают кумысом, вином и даже мясом. Прежде чем подать гостю кумыс, человек, разливающий его, берет из ведра или чаши кумыса в разливательную ложку и, капнув его сначала на столик перед гостем, чтобы «особенно почтить его исполнением этого старинного монгольского обычая», брызгает кумысом на юрту, в сторону двери. Делается это для того, «чтобы счастье не оставляло дома, чтобы кумыс никогда не переводился». После этого кумыс наливается уже в чашку, и хозяин передает его гостю. Тот должен только пригубить из чашки и передать её сидящему рядом. Этот тоже только пригубит и передает чашку следующему и так далее, пока чашка не обойдет всех присутствующих. Это называется «дэчжильнэ», или «амсына», то есть попробовать всем или пригубить раньше, чем начать пить.

Если в доме в это время нет вина, то гостю подают кумыс; если же есть вино, то кумыса не пьют, — ставят его перед гостем, а подают вино. Вино наливают в глиняный горшок, «сава», горло которого покрыто кусочками масла. Хозяин или самый младший, конечно не дитя, из родни этого дома или вообще из присутствующих берет горшок обеими руками и, наклонившись всем корпусом вперед, подносит его сначала гостю. Последний, поддерживая дно горшка левой рукой, берет безымянным пальцем правой руки кусочек масла и либо бросает его в сторону бурханов, или кладет его в рот, или мажет им свой лоб (только тайчжинэрцы), или же, наконец, сбрасывает его в очаг или на стенку юрты. Человек же с горшком, сделав поклон, опуская до земли одно колено и приложив ко лбу в то же время большой палец правой руки, подходит к следующему и так далее, пока не обойдет всех, безразлично — мужчин и женщин. Каждый из них проделывает то же самое, то есть сначала прикладывает палец ко лбу, а затем берет масло с горлышка.

После этого хозяин убирает масло с горлышка и наливает вино в чашку, которую и подает гостю. Тот только должен пригубить вино, смочивши сначала в нем безымянный палец и брызнув с него на бурханов или на юрту, а затем обязан передать чашку следующему. Когда пригубят все, то чашку вновь наполняют и подают гостю, который и выпивает вино все разом или в несколько глотков. Чашка тогда вновь наполняется и передается следующему и так далее, пока очередь опять не дойдет до гостя.

Виночерпий (суньчи) должен сидеть, «ради уважения к вину», на одном месте, не выходя из юрты и не выпуская из обеих рук горшка, пока гости не уйдут. Он не встает даже и тогда, когда почетный гость — князь или лама — встает и уходит.

Затем, когда вино выпито и гость собирается уходить, хозяин снова наливает ему чашку кумыса, который считается более почетным напитком, на прощанье. Чашка опять обходит всех присутствующих, начиная с гостя и кончая хозяйкой. Лишь только гость поднимается с своего места, встают и все присутствующие и начинают выходить вон; сначала выходят дети и женщины, затем младшие гости и уже последним выходит из юрты почетный гость.

Вне юрты ему подводят его лошадь, поддерживают её под уздцы и за стремя и, наконец, подсаживают гостя на седло.

Отношения полов во времена шарагольских ханов были очень строги, но с течением времени, после китайского завоевания, стали постепенно падать. После же знакомства монголов с тангутами и, наконец, особенно под влиянием всевозможных пришельцев из Халхи и Китая, проходящих через Цайдам в Лхасу и обратно, — отношение между полами стало настолько свободным и явным, что обратило

на это внимание покойного Н. М. Пржевальского; таковым нашли его и мы.

Свобода в половых сближениях вкоренилась и охватила все слои монгольского населения и даже все возрасты, начиная с 12-летнего. Монголы совершенно спокойно рассказывают, что дети — девочки и мальчики — уже в 12 лет, с целью сближения, ищут друг друга обыкновенно во время пастьбы скота. В 13—14 лет девочки имеют уже постоянных поклонников 16—20-летних мужчин, а в 15—16 лет в Цайдаме, по признанию монголов, уже нет ни одной девушки-девственницы. Родители положительно не обращают внимания на это и делают вид, что не замечают, как их 13—15-летняя дочь не особенно осторожно приводит ночью к себе своего поклонника. Поэтому случаи рождения детей у девочек довольно нередки, и родители такой дочери, обыкновенно без всяких упреков и наказаний, принимают ребенка и воспитывают его у себя.

Девушки в Цайдаме выходят замуж обыкновенно в возрасте от 16 лет. Молодые же люди женятся с 18-летнего возраста. И только сыновья князей и самых крупных и богатых чиновников женятся с 14 лет на девочках 13-летнего возраста.

Молодые люди вступают в любовную связь с девицами, и если девица особенно понравится парню, то он и имеет её в виду для женитьбы. Парень выказывает своей возлюбленной свою привязанность и постоянством и какими-нибудь ничтожными подарками, вроде медных или серебряных колец и браслетов, или несколькими аршинами бязи или далембы на рубашку, на оторочку шубы. Девица одаривает своего близкого друга вышитыми ею мишурою чехлами на огниво или кисетом под табак.

Не всегда родители приневоливают сына жениться на той, которая им нравится. Обыкновенно и мать и отец заявляют сыну, что собираются его женить, и спрашивают его: желает ли он ту или вот ту или другую, называя по имени девиц или их родителей. Сын конфузится, но если имя его возлюбленной не названо родителями, то он в таком случае отказывается от женитьбы под каким-либо предлогом, стыдясь прямо назвать при них милую ему девушку. Когда же родители настаивают на своем, то сын подсылает к ним одного из своих приятелей, которому и наказывает сказать отцу и матери, что не женится ни на какой другой, кроме своей возлюбленной, и поручает ему назвать её им по имени. Тогда родители, уже не возобновляя разговора, засылают сватов к родителям возлюбленной их сына.

Но бывает и так, что родители не обращают внимания на выбор сына и настаивают на том, чтобы сын их женился на девице, указанной ими. И, конечно, сын, любящий своих родителей, уступает им. Иногда, впрочем, когда любовь к девушке пересиливает, влюбленные

сговариваются бежать (бегут исключительно к тангутам), и действительно довольно часто бегут, уворовав для бегства несколько лошадей у своих соседей (у родителей воруют редко).

Люди богатые, особенно же чиновники, уговариваются поженить своих сыновей и дочерей уже в то время, когда дети еще не достигли и десятилетнего возраста. Родители мальчика и девочки, которых они решают между собою поженить, по достижении ими совершеннолетия, утверждают сговор обменом хадаков и подарков. Такой сговор имеет силу, и молодые люди, по достижении совершеннолетия, непременно должны пожениться, если бы они и ненавидели один другого.

Остановившись на той или другой девице, с согласия или против воли сына — безразлично, родители молодого человека посылают к родителям девушки двух сватов, избираемых из среды своей родни или соседей. Эти два свата, люди обыкновенно пожилые, везут к родителям девицы два хадака, две посудины водки и одну — кумыса. Сваты входят в юрту, где их встречают и, за обычными приветственными фразами, расспросами и ответами о скоте, о кормах и прочем, угощают чаем или кумысом (летом).

Наговорившись о постороннем, сваты начинают осторожно приступать к выполнению возложенного на них поручения. Они сначала говорят вообще о том, что «молодым парням и девушкам, по обычаям — да-ёсытэ байна — следует жениться и выходить замуж. Вот, например, у вас есть дочь, которую пора выдать замуж». Вслед за этим сваты вынимают и подают родителям девушки привезенное ими вино, кумыс и хадаки и говорят при этом: «Эти подарки посылает с нами вам такой-то; он желает женить своего сына на вашей дочери и послал нас просить вас отдать дочь его сыну. Он ждет от вас хорошего, то есть желательного, ответа и думает, что вы не откажете». Они объявляют лета претендента, причём, хотя бы ему и было 30—35 лет, его называют ребенком — кукус. «Вам известна эта семья, и мы много о ней вам не будем говорить».

Родители девушки серьезно или только из вежливости стараются отклонить предложение, упрямятся, возвращают сватам хадаки и говорят: «Как можно! наша дочь еще ребенок, — хотя бы ей было 17—20 лет и она имела близких друзей, — ничего ещё не понимает! Пусть подрастет, тогда мы и будем говорить об этом деле». Сваты снова передают родителям девушки хадаки и снова стараются красноречивыми словами вытянуть у них слово, могущее подать хотя бы слабую надежду на окончательное соглашение. Поэтому-то этот первый акт сватовства и называется у цайдамцев «амы-татаха», то есть вытянуть слово, получить предварительное согласие; амы — рот, татаха — вытянуть, тянуть.

Этот первый акт сватовства — амы-татаха — является решающим. Если слово «вытянуто», — дело считается бесповоротно решенным; если нет, — оно или возобновляется впоследствии, или же и совсем не возобновляется. Но раз слово дано, то родители жениха, в сопровождении нескольких родственников, через неопределенный промежуток времени, отправляются к родителям невесты — «поймать у них слово» — «амы-асхул». Они везут на этот раз с собою пятнадцать посудин вина и кумыса, вареного барана и столько хадаков, сколько родственников у невесты.

Приезжие, войдя в юрту, заявляют, что они получили благоприятный для них ответ и вот теперь явились поймать вытянутое слово — амы-асхул — и закрепить поимку его обычным небольшим хуримом, или пиршеством. В это время собираются сюда же и все родственники невесты, которые живут поблизости, и начинается это пиршество — хурим. Приезжие угощают родителей и родственников невесты водкою, кумысом, мясом и раздают всем присутствующим хадаки. Разговоров о предстоящей свадьбе, о женихе и невесте, не бывает. Пьют, едят и говорят о вещах совершенно посторонних.

Третий акт сватовства называется «цзуса» — клей. Этим актом как бы склеивают навсегда жениха и невесту. На этот раз к родителям невесты снова приезжают отец, мать и несколько родственников жениха и привозят с собою: один хадак с кусочком клея, одну посудину водки и моток красного шёлка (нитки). Отец жениха, говоря, что «привез клей по установленному обычаю», кладет хадак с кусочком клея, вино и моток шёлковых ниток перед бурханами. Клей и прочее имеют каждый свое символическое значение: клеем как бы склеивают жениха и невесту навсегда; посудина с водкою служит синонимом колышка, а хадак — веревки, на которую должны быть нанарканены или привязаны на всю жизнь молодые. Моток красных шёлковых ниток должен связать собою души молодых. Вино это выпивается тут же, а все остальное лежит перед бурханами в течение трех дней, после чего прячется в ящик отцом невесты.

Наконец, наступает последний, четвертый, установленный обычаем день сватовства. Он называется «шагайто», то есть так же, как и нижняя часть бараньей задней ляжки.

С раннего утра в дом невесты собираются её близкие родные, а в дом жениха его родственники. Когда все будут в сборе, везут жениха к невесте. Вместе с женихом едут его родители и все собравшиеся родственники. При женихе безотлучно состоит женщина — или жена старшего брата жениха, или какая-либо молодая женщина, ближайшая его родственница; она называется «бэргэн». Её обязанности состоят в том, что она должна во-время предупреждать жениха, что требуется говорить или делать, где садиться и так далее.

Приезжающих гостей сначала угощает хозяин дома и его родня чаем, хлебом, дзамбой, мясом, вином и кумысом. Затем и родственники жениха достают свои посудины с водкой, кумысом и прочим и угощают родных невесты. Вне юрты гости перемешиваются; здесь и родственники жениха и родственники невесты — и дети и женщины, старые и малые, мужчины и мальчики — все едят, пьют, громко говорят. Песен не слышно, их монголы во время пирушек на свадьбах не поют.

В самый разгар попойки один из родственников жениха, на которого возложена обязанность раздавать хадаки, подносит отцу и матери невесты по хадаку и тут же передает им коня, играющего роль калыма за невесту. Потом он же раздает хадаки тем из родни невесты, которые не получили хадаков раньше — во время «амы-асхул». Родители невесты тщательно следят за тем, чтобы при раздаче хадаков со стороны родственников невесты никто, даже грудные дети, не был обойден. Поэтому в этот день расход на хадаки огромный; их раздается по нескольку сотен!

Перед концом дня собирают остатки водки из всех недопитых посудин и наполняют ею чашу на очаге в юрте родителей невесты. Затем родители её и родители жениха подают по хадаку кому-либо из более опытных и умеющих красно говорить гостей с просьбою сказать «славу» пиршеству и вину. Эта слава, или похвальное слово вину, называется «сун-ёроны». Приглашенный сказать её говорит сидя, повернувшись лицом к очагу. Прежде всего он, по возможности стихами, хвалит вообще пиршество, а затем переходит к восхвалению водки и кумыса, веселящих сердце человеческое [1].

«Кумыс и вино изобретены Чингис-богдо-ханом; добыты они из молочных родников — Усун-булык-экитэ, из озёр с маслом — Тосо-нор-экитэ. Это в высшей степени высокие напитки наших предков и наши! Они оживляют пир и увеселяют пирующих! Вот теперь вино здесь в чаше! Оно развеселило нас, заставило забыть горе. Оно вселило в каждого из пирующих веселие и радость! Пусть же и потомки, которые будут в этой юрте пользоваться этим очагом и чашею, пьют из неё всегда эти напитки! Пусть эти напитки не переводятся никогда в этом доме, на радость людей. Пусть наши потомки пьют их и будут ими богаты»! И так далее.

Спустя некоторое время в юрте, у самой двери, расстилается невыделаная баранья шкура, шерстью вверх, и из другой юрты приглашается сюда, в юрту жениха, невеста, сопровождаемая своей «бэргэн». На шкуру становится жених, справа от него невеста, а по

[1] Ёроль — слáва. Всего ёроля мы не можем здесь привести, а приведем из него более характерные части.

сторонам их, вне шкуры, становятся их бэргэни. Тогда родители невесты, передавая хадак «ёрóльчи» — мастеру говорить похвальное слово, просят его высказать стихами добрые пожелания жениху.

Приведем характерные отрывки из таких стихов:

«...Да будешь ты всегда счастлив и долголетен; да будешь всегда здоров и силен. Пусть никакая болезнь тебя не коснется, и будешь ты влиятельным, славным и мудрым нойоном! Пусть в делах твоих во всю жизнь шея твоя будет толста [1]. Пусть ты будешь всю жизнь богат во всем. Ездить бы тебе на хороших лошадях». И так далее.

Окончив ёрóль, он передает заранее приготовленные родителями невесты хадак и мешок с чашкой, — в чашке, в узелке, зерна хлеба [2] — бэргэн жениха, которая набрасывает хадак на шею жениха и опоясывает его новым поясом, с привешенным к нему вышитым чехлом — мешком — и чашкой [3].

Вслед за этим и родители жениха с хадаком просят того же ёрóльчи высказать и их пожелания невесте. Ей говорится в общем то же самое, лишь с небольшой разницей. Кроме пожеланий богатства, долголетия, счастья, разума и прочего, ей желают: «Иметь тебе всегда длинные волосы; иметь тебе много скота и ухаживать за ним без устали! Вставать бы тебе как можно раньше и ложиться спать — как можно позже!» В заключение речи ёрóльчи, обращаясь уже к обоим вместе, говорит: «Благославляем мы все вас на доброе дело!».

В продолжение этих речей жених и невеста стоят на шкуре и повидимому чувствуют себя очень неловко. Жених потеет, обтирается и не поднимает глаз, невеста тоже; она старается закрывать глаза руками, и как только ёрóльчи кончит говорить и ей позволено будет уйти, она быстро убегает и скрывается в своей юрте.

Назначается, наконец, по совету с ламами, и день свадьбы. Как свадьба, так и «шагайто» обыкновенно происходят летом, потому что в это время года особенно много добывается водки и приготовляется кумыс. Сватовство же происходит иногда и зимою, но «шагайто» — заключение сватовства — всегда летом.

Накануне свадьбы рассылаются приглашения всем родственникам и знакомым. Приглашенные жениха собираются у него накануне свадьбы, а родные и знакомые невесты собираются накануне же в её доме.

В доме или, вернее, в ставке — по-монгольски айль — жениха идут приготовления к следующему дню: ставится новая юрта,

---

[1] То есть чтобы выносить всякую трудность и легко ее разрешать.

[2] Чтобы был богат.

[3] Чехол или мешочек с чашкой называется «хамгага».

предназначаемая для молодых, устанавливается в ней всевозможная утварь, чаши, котлы, столик-жертвенник для бурханов и постель из войлоков, на которую сверх того кладутся другие войлочные матрацы — приданое невесты.

В этот день родственники невесты привозят ей посильные подарки — кто шубу, или халат, из цветной материи, кто дарит серебряные кольца, кто браслеты, кто вышитые чехлы на косы и так далее.

В этот же опять-таки день и жених, в сопровождении двух-трех сверстников, должен посетить юрту родителей его невесты для того, чтобы «потрясти юрту» — «гэрхуньдуху». Ясного объяснения этого обряда нам монголы не дали, но из их темных рассказов можно вывести заключение, что жених является в целях «растрясти, разорить семью», то есть отнять у неё одного ее члена (девушку). Являясь в юрту, жених однако не трясет её, а ограничивается только прикосновением пальцев к двери или войлоку. Разговоров жених здесь не ведет, а коротко лишь отвечает на вопросы о его здоровье, о здоровье его родителей и на другие обычные вопросы. Его угощают чаем, вином и кумысом, но он старается поскорее отделаться от этого и собирается уезжать. Лишь только он поднимется с места, как присутствующие здесь «бэргэн» невесты и другие молодые женщины ухватываются за его руки и платье и уговаривают его остаться «ночевать», причём хохочут и очень не двусмысленно подмигивают и гримасничают. По обычаю и родители невесты просят его остаться «переночевать», но все это делается только для того, чтобы выполнить обычай. Оставаться же ночевать он не должен и поэтому рвется из рук молодых женщин, которые ухватываются ещё крепче и ещё усерднее, со смехом и подмигиваниями и довольно ясными намеками на возможность весело и приятно провести в их обществе ночь, уговаривают его остаться ночевать. Но он, сконфуженный, покрасневший и растерянный, наконец вырывается и, вскочив на коня, быстро, без оглядки, удирает домой.

Следующий день — день самой свадьбы. Родители невесты ещё заранее получили указания от лам, в какого цвета платье — красном, желтом, синем, белом или черном — ехать невесте в дом жениха, каких лет мужчина должен вести за повод лошадь невесты, каких лет мужчина должен нести рисунок жабы, с какой стороны подъехать к юрте жениха и, наконец, в какой из двенадцати цаков, на которые монголы и тибетцы делят сутки, следует прибыть к юрте жениха.

Если у невесты нет указанного ламами цвета одежды, то ограничиваются небольшим куском материи того цвета, который пришивается на спине халата, которым она покрывается с головы до ног во время пути к дому жениха.

До означенного цака в доме невесты идет попойка. Потом все садятся на коней и везут невесту и все её девичье имущество, а также вино, кумыс, баранью грудину и вареное мясо и прочее. Впереди поезда несут изображение — на полотне или бумаге — жабы и кушуг — занавес для жертвенника перед бурханами.

Между тем и в доме жениха в этот день идут приготовления. Заранее уведомленные о времени прибытия поезда невесты, перед новой юртой расстилают большой новый войлок. Посреди войлока ставится мерка с хлебным зерном, в которую воткнута стрела, обвешанная хадаками; по сторонам этой мерки ставится по лонхону кумыса и рядом с последними по лонхону водки. До приезда невесты на этом войлоке садятся приглашенные ламы и отправляют богослужение, которым испрашивают у неба ниспослания счастья и благополучия новому дому, а также чтобы во время свадьбы не случилось несчастья, которое могло бы омрачить не только пиршество, но и всю жизнь молодых. После богослужения они уходят с войлока, оставляя на нем все поставленное. Подле юрт стоят двое сильных молодых людей, держа в поводу выхоленных быстрых лошадей. Им предстоит, как увидим ниже, сыграть очень опасную роль. С ними же, подле юрты родителей жениха, стоит, в ожидании своего дела, ловкий и сильный мужчина, которому, в свою очередь, предстоит также применить свою ловкость и силу, чтобы удачно снять с седла быстро скачущую верхом невесту. Жених, с находящейся при нем безотлучно бэргэн, сидит всё время в своей новой юрте.

Лишь только родственники жениха увидят вдали приближающийся тихим шагом поезд невесты, как немедленно же высылают навстречу двух верховых с лонхонами кумыса и водки для приветствия поезжан. Вслед за ними едут двое других на лучших лошадях. В рукавах этих последних спрятаны чашки, наполненные мясом, дзамбой, кумысом, водкой и прочей снедью, вмещающейся в одной общей чашке. Первые двое угощают первых встречных поезжан, окружающих невесту, и, не ожидая приближения других, возвращаются обратно к юртам. Тогда вторая пара быстро наскакивает на невесту и ещё быстрее выбрасывает на голову её коня всю дрянь из чашек и скачет в карьер обратно. Вслед за ними в погоню несется из поезда невесты с десяток молодцов, вооруженных нагайками, и горе первым, вылившим снедь на голову коня невесты, если их лошади не успеют донести беглецов до юрты: они будут беспощадно избиты нагайками по лицу, по голове, по чем попало!

Обычай выливать на голову лошади невесты чашку, наполненную всевозможными напитками и едою, очень древний. Делается это для того, чтобы с поездом невесты, в образе гостя, не явился на пир в дом жениха «читкур», то есть чорт, злой дух, а с ним и несчастье.

По верованию монголов, читкур и вообще все злые духи должны непременно наброситься на выброшенную еду и, следовательно, не попадут на пир к жениху. Подозрение в том, что в поезде невесты, в образе человека, может оказаться читкур, оскорбляет поезжан, и они стараются поймать и жестоко наказать обидчиков, что нередко им и удается. Но ссоры от этого произойти не может, да и обидчики не имеют права защищаться иначе, как только бегством.

Тем временем невеста приближается к юрте родителей жениха и, остановившись на одно мгновение против дверей, начинает быстро скакать на коне вокруг юрты — по солнцу. В то время когда она, объезжая в третий раз юрту, поровняется с дверью её, ожидающий этого момента мужчина должен быстро бросить хадак ведущему в поводу коня невесты и снять или, вернее, сорвать девушку с седла. Если бы это ему не удалось, то дому жениха ужасный срам. Поэтому-то для такого поручения выбирается из родни или знакомых самый сильный и ловкий мужчина.

Как только невеста будет снята, подбегает её бэргэн и усаживает её на войлоке у новой юрты, лицом к мерке с зерном и стрелою, то есть на восток, спиною к двери юрты. В то же время из юрты выходит и жених в сопровождении своей бэргэн. Он усаживается на том же войлоке, рядом с невестой, по правую ее руку. Обе бэргэн придавливают полы одежды жениха и невесты камнями, чтобы молодые люди, стыдясь своего положения и сотен устремленных на них глаз, «не вскочили бы как малые дети и не убежали бы в юрту». Затем им выдают кусок вареной баранины, шагайто, обвязанной хадаком.

Шагайто держат одновременно и жених и невеста — первый левой рукой, вторая правой, причём жених держит толстый её конец, а невеста тонкий, нижний. В это время ёрольчи произносит за них клятву в верности друг другу: «Клянемся и берем солнце, луну, небо в свидетели, что не оставим друг друга; так, как теперь держимся мы за шагайто, мы будем держаться друг друга». И жених и невеста, при произнесении ёрольчи слов «солнце», «луна», «небо», должны сделать по одному поклону светилам и небу; не выпуская из рук кости, они, сидя на одном колене, одновременно склоняют головы.

После произнесения этой клятвы обе бэргэни, сидящие во все время этого обряда по сторонам жениха и невесты, разом снимают с обоих шапки и бросают их через двери в юрту. Туда же торопливо уводят жениха и невесту их бэргэни.

После угощенья обе бэргэни, сидящие по сторонам невесты, берут её заплетенные косы и вновь переплетают их уже в две женские косы и одевают на них чехлы. Этот обряд называется «обращением в женщину». После уборки кос на невесту одевают старинную длин-

ную монгольскую безрукавку, с разрезом сзади и сборками впереди, в тальи. Она называется «цэгэдэк».

Когда таким образом девушка не будет уже отличаться от женщины по наружности — по платью, молодых ведут на поклонение родителям их в юрту отца жениха.

В юрте, скрытые занавесом от взоров вошедших, сидят слева при входе отец и мать молодой и её старшие родственники. По правой стороне от входа юрты сидят родители и старшие родственники молодого. Подле бурханов, впереди на самом почетном месте, сидит ёрольчи, который во все время этой церемонии читает ёроль, в котором испрашивается богатство, счастье, долголетие дому родителей и молодых конечно. Молодые слушают за занавесом ёроль и когда ёрольчи упоминает об очаге, «чтобы огонь никогда не потухал, то есть, чтобы потомство рода не вымирало», молодые одновременно делают один земной поклон очагу. Для этого бэргэни поднимают временно занавес настолько, чтобы молодые могли видеть очаг. Обыкновенно, прежде поклона огню, молодые молятся бурханам, но это не входит в круг церемонии, так как это обязательно всегда и во всякое время при входе в юрту. После этого ёрольчи упоминает о посудине для кумыса или водки, «чтобы она всегда была полна и поила бы вечно потомство», и этой посудине молодые кладут земной поклон. Затем ёрольчи упоминает отцов молодых. Сначала кланяется молодой отцу невесты, после него — молодая отцу жениха. Потом следуют поклоны матерям, и тоже — сначала молодой кланяется своей теще, а после него молодая своей свекрови — хадам. После поклонов тестю и теще, свекру и свекрови, кладутся поклоны всем, находящимся в юрте, по старшинству, родственникам. Молодой делает поклоны родне тестя, а молодая родне своего мужа. Каждый раз бэргэн приподнимает угол занавеса, чтобы указать лицо, которому следует кланяться; после поклона занавес опускается.

Когда поклонение кончится, молодые выходят из юрты свекра и направляются в свою юрту. Туда приносят занавес и вешают его снова перед постелью, на которой в том же порядке садятся молодые и их бэргэни.

Молодые встречают гостей, стоя у дверей, там, где сложена домашняя утварь, то есть справа при входе. С ними стоят и бэргэни. Как только гости займут свои места, одна из бэргэн подает ёрольчи хадак и просит его от имени молодых сказать ёроль на разливательную ложку — шанага. Ёрольчи говорит приблизительно следующее: «Пусть эта ложка наполняется угощением — вином, кумысом, чаем и молоком, всегда так же, как и сегодня; пусть пища, налитая ею, будет здорова, обильна и приносит всегда счастье и долгоденствие как её хозяевам, так и их гостям сегодня, завтра и всегда в будущем».

После этих слов он обвязывает ложку хадаком и передает ее бэргэни, а эта последняя молодой, которая подходит к очагу и начинает разливать ею в чашки чай из котла, стоящего на очаге. Чашки с чаем, по указанию бэргэни, подносит гостям молодой.

После возвращения из юрты молодых, во время попойки, известное лицо из родственников молодой громко перечисляет всё приданое, привезенное ею в дом мужа. Перечисление начинается со скота — «уньчи». Обыкновенно называют у богатых по нескольку десятков голов лошадей и рогатого скота, равно баранов и коз; бедные же дают только по нескольку штук баранов или коз. Затем следует перечисление имущества — «инцзэ»: столько-то шуб, столько-то шапок, столько-то халатов — и из каких материй; столько-то рубашек, сапог; такие-то кольца, серьги, браслеты, ожерелья.

По окончании этого перечисления, родители молодого подносят матери молодой какой-либо материи на халат, бедные — на рубашку, а отцу хадак.

После этого родители молодого дарят матери молодой или кобылицу с жеребенком, или корову с теленком у богатых, или же козу с детёнышем у бедных. Это называется «платою за материнское молоко», иначе говоря — «за воспитание».

Уже в конце дня кто-либо из родственников молодого объявляет: «цулбурин-гила-дэчжи цацочжи байным-ди», то есть: «теперь подаем прощальный кумыс-вино». Вслед за этим приносят одну или несколько посудин кумыса и водки и разливают напитки гостям; когда все будет выпито — гости собираются и разъезжаются по домам.

На третий день после свадьбы к молодым приезжают обе бэргэни и некоторые близко живущие родственники с целью «снять занавес», то есть сделать новую семью всем доступной, чтобы молодые вошли в обычную семейную жизнь, и, никого не стесняясь, могли бы выходить куда угодно и принимать кого угодно.

Занавес снимают бэргэни и передают молодой, которая прячет его в сундук. Затем родители молодого подносят обеим бэргэням по хадаку за службу и помощь. Гостей угощают вином, кумысом и чаем с дзамбой.

В заключение всего просят лам указать счастливый день, через один или несколько месяцев, в который молодые должны отправиться в гости к отцу и матери молодой. В указанный день они собираются: берут с собою две или больше посудин кумыса и водки и вареную баранью тушу и, завьючив все это, вдвоем, верхом на лошадях, едут к юрте родителей молодой.

Там они проводят весь день, угощая родителей привезенными напитками и мясом. Вечером молодой уезжает домой один, а молодая остается у своих. Погостив здесь несколько дней, она уезжает к мужу.

Обыкновенно её провожает домой брат или сестра, которые также остаются погостить день-два в доме молодых.

Этим свадебные торжества и пирушки заканчиваются.

Имя ребенку дается через год после рождения самими родителями, без всяких торжеств по этому случаю.

Спустя же три года или семь — по совету с ламами, родители назначают день острижения волос у ребенка — девочки или мальчика безразлично. К этому дню готовятся усиленно. По обыкновению приготовляют много вина, а если торжество происходит летом, то и кумыса; кроме того — чаю, дзамбы, хлеба и масла. Рассылают приглашения на торжество и родным и знакомым.

Когда гости соберутся, то родители в их присутствии остригают волосы ребенка ножницами, по возможности «догола». Затем начинается попойка, во время которой раскутившиеся и подпившие гости делают остриженному ребенку подарки. Дарят обыкновенно лошадей, коров, баранов, коз, монеты, огнива, ножи и прочее, кто что может. Некоторые же ограничиваются обещанием подарить лошадь или корову, когда ребенок достигнет возраста жениха или невесты и будет устраивать свадебное торжество. Обещания, конечно, строго выполняются в свое время. Этот пир, по случаю острижения волос, называется «урюль-буг-ен-хурим» [1].

Теперь о похоронах [2].

Умершего раздевают догола и кладут в той же юрте на обнаженную земную поверхность, во избежание скорой порчи, на спину и в том именно положении рук и ног, которое принято было им в момент смерти, подложив под голову небольшой, с кулак величиною, и непременно белый камень. Лицо покойника покрывается хадаком, а тело шубой или халатом, в котором он умер.

При этом покойника кладут в известном месте, смотря по его полу и положению. Так лам-покойников кладут на почетной половине, при входе в юрту налево, ближе или дальше от бурханов, в зависимости от того положения, которое занимал покойный в кумирне или монастыре. Хозяина дома, сына, отца, брата кладут обыкновенно на хозяйской, при входе направо, половине, ближе к бурханам. Если умрет проживавший у хозяина юрты какой-нибудь бедный родственник или работник, его кладут на почетной же стороне, налево от входа, но ближе к дверям. Умерших женщин помещают подле домашней утвари вблизи дверей, справа от входа, но сама утварь обыкновенно выносится вон, пока в юрте находится покойник.

---

[1] Об участии лам на свадьбах, при родинах, острижении см. Позднеев. Очерки, стр. 412—426, 433—441.

[2] Об обрядах «на исход души» и при похоронах, см. там же, стр. 457—474.

Перед умершим вешают занавес, скрывающий его от взоров присутствующих. В тот же день приглашают ближайших лам, родственников и посторонних, а также и главного в хошуне ламу — хамбо-ламу, которые отправляют установленное на этот случай богослужение до дня похорон, происходящих через несколько дней со времени смерти.

Хамбо-лама, прослужив в юрте покойника несколько часов, с наступлением вечера или ночи уезжает обратно, назначив заблаговременно день самих похорон.

Зимою ламы служат в той же юрте, где лежит покойник, а летом, когда труп от разложения издает дурной запах, для них ставится подле палатка или другая юрта.

В назначенный день — через 2—5 дней — должны состояться похороны.

Покойника завёртывают на том месте, где он лежал, в войлок, или в то платье, в котором он умер, и выносят тело из юрты не в дверь, так как «покойники не должны выходить тем ходом, которым выходят живые», а отвязывают от двери решетку — хана или тэрмэ — и в образованное таким образом отверстие выносят тело. Для мужчин отнимают решетку налево от двери, а для женщин или девиц направо. Выносят головою вперед и обыкновенно родственники, а если их нет, то нанимают для этого посторонних мужчин.

Затем покойника вьючат на лошадь, причём тело составляет полувьюк, которому противовесом на другом боку лошади служит мешок с землею. Вьюк этот везут на указанное ламою место и там кладут его головою на запад, а ногами на восток. Тело оставляется обнаженным и лишь на лицо покойника кладется хадак. Одежда же, в которую был завернут покойник, если она еще годна для ношения, отдается тут же ламе или постороннему лицу, помогавшему везти умершего.

Лошадь, на которой было привезено тело, отдается хамбо-ламе, но в том лишь случае, когда семья умершего живет в достатке; иначе, вместо лошади, хамбо-лама получает теленка или барана.

От юрты перебрасывается к дереву или скале бечевка, на которой навязываются лоскутки бумаги или материи, покрытые надписью «ом-ма-ни-пад-мэ-хум». Такие же «мани» протягиваются близ того места, где был положен покойник и где он находился вначале.

У цайдамцев еще и до сих пор сохраняют силу некоторые законоположения, данные когда-то гэгэном Гуши-ханом. Мы приведем здесь два таких сохранившихся законоположения; вообще же говоря, монголы Цайдама в юридических обычаях слабы, и большинство из них не в силах отличить свои старинные законы от таковых же маньчжурских или тибетских.

Закон «Хара-цаган дэ курнэ», то есть «достигнуть обеления или очернения», установлен Гуши-ханом с целью разом покончить старое, сложное дело, в котором власти не в силах самостоятельно разобраться.

«Хара-цаган» заключается в следующем. Судьи сами предлагают сторонам представить решение дела провидению, на что обыкновенно и изъявляется согласие. Обе стороны дают подписку на согласие и в назначенный день собираются во главе с князем и судьями в условленное место. В юрте или в фанзе помещаются власти, вне — тяжущиеся стороны. Судьи отыскивают два небольших одинаковых круглых камня, черного и белого цветов. Камни взвешивают на дынцзах или весах и только тогда пускают их в дело, когда оба камня будут иметь одинаковую тяжесть. Каждый камень в отдельности обертывается в кусок одинаково окрашенной материи, причём обязательно и совершенно одинаковое расположение на том и другом камнях складок и узелков ниток, прикрепляющих материю к камню. Затем кладут оба камня, предварительно припечатанные печатью князя, на одинаковых же местах, на столики перед бурханами.

Тем временем в большой железной чаше, наполненной до верха водой, разводят глину и, помешивая ее палочкой, кипятят воду. Воде однако не дают кипеть, но непременно нагревают её настолько, что держать в ней не только руку, но и палец можно только одно мгновенье. Когда вода готова, — приглашают жалобщика и ответчика и предлагают им помолиться бурханам, чтобы они указали правого и виноватого. После молитвы князь опускает оба узелка в котел с горячею водою, и кто-либо из сторон, по жребию, должен вынуть из котла свой приговор. Жалобщик или ответчик, чья выпадает очередь, засучив рукав правой руки, по команде «бери»! быстро опускает в котел с горячей водой руку, схватывает попавшийся под руку узелок и вынимает его. За ним следует другой и вынимает таким же образом свой камень. Вода нагревается почти до кипения для того, чтобы вынимающий камень не мог выбирать, а сразу брал бы то, что попадется.

Вынувшие камни в присутствии князя и судей развертывают каждый свой узелок и узнают приговор и решение судьбы. Кому достался белый камень, тот обелен, выиграл дело; кому — черный, тот проиграл. До вынутия же камней сторонам объявляют ту кару, которая должна постигнуть вынувшего черный камень.

С ворами поступают не одинаково, смотря по важности преступления, а также и по тому, новичёк он или неисправимый рецидивист. В первом случае виновный, кроме штрафа, за одно украденное животное платит десять голов или за одну вещь — девять предметов и наказывается плетью. Если же вор неисправим и, несмотря на

телесные наказания и штрафы, всё-таки продолжает упорно воровать в своем хошуне, то у него конфискуют лошадей и оружие и подрезают сухожилья выше пятки, чтобы лишить его возможности ходить.

Редко бывает, чтобы такого вора казнили, хотя право на это и имеют князья. Было впрочем несколько случаев казни в хошуне Барун-цзасака. По большей же части князья уклоняются от подписания смертных приговоров, а предоставляют хошунцам «самим избавиться от вора». В таком случае цайдамцы неожиданно нападают на жилище однохошунца-вора, схватывают его и, увозя в горы или степь, отпускают и либо стреляют по бегущему, либо, преследуя на конях, рубят преступника саблями или колют пиками, стараясь, конечно, не оставить его живым.

Небезынтересно также будет привести здесь несколько монгольских «примет» и «пословиц».

Приметы. Резать ножом или саблей, держа их острием к себе, — нажить врага или опасность.

Брать что-либо, поданное соседом одною рукою, не прикрывши ее рукавом, — поссориться с подающим.

Примерно показывать человеку, как кто-нибудь кого-либо колол, стрелял или бил, указывая при этом на слушателе и места, получившие укол или удар, — к худу.

Женщина не должна брать рукою саблю или ружье, особенно перед охотой или сражением — не будет успеха, так как оружие этим прикосновением оскверняется, портится и лишается силы и меткости.

Женщина, несущая воду в ведре, не должна переходить дороги проезжему — не будет пути; он преградится водою.

Если вошедший в юрту проезжий или странник найдет в ней только-что вскипевший чай — это предвещает ему удачу и счастье.

Еще лучше, если проезжий войдет в юрту в тот момент, когда хозяйка вынимает из посудины только-что сбитое масло — его весь путь будет сопровождать счастье.

Если кость «шагайто» окажется белой — успех, и наоборот — если она будет чёрной. В день нового года белая шагайто обещает успех и счастье на целый год.

Встретить покойника — ожидать большое счастье.

Встретить поезд с невестою — ожидать крупного несчастья.

Если в пути несколько раз подряд вьюк сваливается с вьючного животного на одну и ту же сторону — жди успеха и богатой добычи.

Пословицы. Знакомому богу помолиться в шапке — простит.

У себя на голове не видит рогов, а замечает на отдаленной сопке веточку.

Сам ходит без панталон, а у другого видит прорванное у колен.

Этот человек гордится своим именем, а павлин своим хвостом.

Не говори человеку дурного прежде, чем больно не ущипнешь самого себя.

Не говори тайны одному: от одного узнают сто человек.

Сто незавязанных мешков можно завязать; сотню ртов людей нельзя заставить молчать.

Сторонись начальника, сторонись и собаки.

Думаешь расходясь, что не встретишь этого человека, а выйдет — встретишь его ещё три раза.

Не хвастай, что знаешь сотню известных людей, а лучше подружись с одним.

В Цайдаме нет постоянных монастырей или кумирен; женатые [1] и не женатые ламы живут в собственных юртах или у знакомых и родственников. Кумирни заменяются в каждом хошуне большими палатками и юртами, выставляемыми в степи на короткое время (3—10 дней) для отправления богослужения.

Поэтому здесь праздникам Нового года и печати не предшествуют, обычные в Монголии и Китае, богослужения. И тот, и другой праздники проходят одинаково как в Цайдаме, так и в Халхе, и продолжаются в течение трех дней.

Накануне Нового года («Цаган-сара») цзасак — в данном случае хошуна Барун — приезжает с семьей в хырму, куда также собираются и ламы, и чиновники, и многие простые однохошунцы. Все монголы одеваются по-праздничному; цзасак наряжается в парадную форму, наследник также; жена князя имеет на голове чиновничью, соответствующую чину мэйрэн [2], форменную шляпу.

По приезде на место ламы, числом около 15 человек, идут в часовню и здесь одни из них во главе с хамбо-ламой служат хурал; другие же, завязав себе рты тряпицами, приступают к лепленню из крутого теста — дзамбы и масла — кумира Будды и так называемого дорма [3]. Рты завязываются для того, чтобы во время работы не выпустить согрешений.

По изготовлении всего сказанного хамбо-лама относит вновь сделанного Будду к престолу часовни и устанавливает его здесь, на месте старого, подобного же кумира, целый год покоившегося на престоле; старое изображение Будды передают князю. Балины ламы размещают на престоле же, перед бурханами, предварительно поставив их на металлические блюда и чаши. Ламы-повара присоединяются

---

[1] Женятся лишь ламы-красношапочники — староверы; желтошапочники же, принадлежащие к секте «гелюк-па», не женятся и не употребляют опьяняющих напитков.

[2] Который жалуется жене цзасака только по рождении ею сына-наследника.

[3] Дорма, или балин, также «сор» халхаских монголов. См. Позднеев. Очерки, 1887, стр. 325—327, 380—384.

к ламам, непосредственно отправляющим богослужение. Громкие голоса молящихся, звуки ламских бубнов, труб и морских раковин порою сливаются в общую дикую гармонию, разносящуюся по окрестной равнине.

В первый день «Цаган-сара» чиновники в полном составе являются к цзасаку с кувшинами вина и по одному подходят к князю, который, омочив пальцы (указательный и средний) в вине, брызжет им в воздухе; затем чиновник, отлив немного вина в тазик, остальное выливает в большую чашу. По окончании подобной процедуры с вином последнего из присутствующих, цзасак направляется в княжеское парадное помещение, предварительно приказав одному из чиновников взять тазик, и за стеной хырмы покропить воздух; остальные же чиновники следуют за князем, неся и чашу, наполненную вином.

Вслед затем князь достает из ящика печать и ставит её на возвышение. Каменная, темносерой окраски печать состоит из нераздельных квадратного пьедестала и полусидячей фигуры тигра; под основанием печати вырезаны китайские письмена. Этот символ власти заменяет отсутствующего богдохана, с мыслью о котором чиновники, начиная с самого цзасака, по старшинству, соблюдая строгую благопристойность, подходят к печати, прикасаются к ней лбом, вешают хадаки и подносят дары их страны — вино, дзамбу и одну, общую от всех чиновников, тушу барана. Жена князя принимает участие в отдании этих почестей лишь в том случае, если она подарила князю наследника и имеет следовательно чиновничий — мэйрэнский — шарик.

Принеся новогодние поздравления богдоханской печати, чиновники, имея во главе князя и его семью, не исключая и малолетних детей, усаживаются, опять-таки соблюдая старшинство, вокруг чаши с вином и вареных кусков бараньего мяса и начинают пировать. В роли виночерпия, или «суньчи», состоит один из чиновников, назначенный заранее самим цзасаком. Чашка с вином всё время переходит из рук в руки пирующих. Сначала обыкновенно пирушка мало оживлена и тиха, так как монголы усердно заняты едой, но по мере насыщения, а главное — обильного возлияния, лица цайдамцев краснеют, глаза становятся бессмысленными, языки развязываются. От времени до времени голоса людей заглушаются звуками молитвенных бубнов, труб и раковин, приводимых в действие ламами часовни. До поздней ночи монголы, как говорится, «пьют, едят, речи гуторят...». Наконец, князь тяжело поднимается, идет к печати, берет её в руки и возлагает на голову каждого из смиренно подходящих к нему чиновников. Затем князь прячет печать на прежнее место, и торжество оканчивается.

На второй день Нового года монголы-хошунцы обмениваются хадаками и угощаются между собою; теперь и чиновники и нечиновники — все перемешиваются друг с другом, составляя большие и ма-

лые компании. И этот день, как и два предыдущие, для монголов проходит быстро, незаметно. Общее празднество оканчивается принесением жертвы — сожжением дорма [1].

Обыкновенно вечером процессия монголов — князь, ламы, чиновники и простые хошунцы — направляется из укрепления в открытое поле, к месту, где уже заранее сложен большой костер. Хамбо-лама торжественно несет дорма, изредка позванивая колокольчиком; прочие ламы громко читают под еще более громкий аккомпанемент бубнов, труб и раковин. Придя к костру, хамбо-лама устанавливает дорма на стол. Здесь, кроме лам, князя и человек 20 монголов, расположившихся с ружьями вокруг костра, никто из прочих монголов не присутствует. Они стоят на почтительном расстоянии, откуда и наблюдают за действием главных лиц. Между тем костер разгорается все ярче и ярче, свет сильнее борется с тихим, холодным мраком ночи. Монголы-стрелки застыли в своих позах. Внимание всех напряжено до крайности. Среди общей тишины голоса лам и звуки духовых инструментов усиливают впечатление. Наконец, колокольчик хамбо-ламы смолкает. Хамбо-лама берет в руки дорма, поднимает его вверх и, обнеся несколько раз вокруг головы, бросает его под грохот ружейного залпа в костер... Князь, а за ним и стрелки монголы бегом, без оглядки, удирают в хырму, вслед за исчезнувшими уже прочими монголами. Ламы бегут не так быстро и, пробежав несколько десятков шагов, останавливаются, повертываются лицами к костру с горящим дорма и вновь читают молитвы; затем следуют безостановочно в укрепление.

В сожжении на костре дорма и рассеянии невидимых его остатков выстрелами из ружей, монголы склонны видеть с одной стороны искупление грехов минувшего года, с другой же — избавление от всех зол и напастей, которые иначе могли бы явиться и тяготеть над хошуном в наступившем году. Удаленные от хошуна всевозможные бедствия не должны возвратиться обратно в хошун, подобно тому как не оглядывался назад и сам управитель его, когда убегал от костра в хырму.

Что же касается до изображения Будды, то это последнее хамбо-лама передает князю, который со своей семьей съедает его как выражение благодарности старому году.

В июле месяце ежегодно, на избранных давно уже местах, в каждом хошуне Цайдама выставляются палатки и юрты для отправления богослужений. Со всего хошуна сюда съезжаются ламы, все чиновники и толпы простых монголов. В палатке или юрте усаживаются по старшинству ламы и простые монголы — грамотные по-

[1] W. W. Rockhill. The Land of the Lamas, p. 113—115.

тибетски — и отправляют установленные богослужения. Среди лам не редко можно встретить какого-либо простого монгола или цзангина, еще накануне одетого в обыкновенную широкую баранью шубу с саблей за поясом или ружьём за плечами — теперь нарядившегося в ламское платье. После богослужения, тут же у палатки, какой-либо лама снимает с себя ламское одеяние, передает его жене и детям, а сам набрасывает на себя прежнюю шубу, засовывает за пояс саблю и отправляется в ближайшие юрты пьянствовать.

Рядом с местом настоятеля в походной кумирне устраивается одинаковой высоты и богатства место для цзасака — будь он лама остриженный или с косою («хара»).

В дни хуралов с населения хошуна собирается чай, дзамба, мясо и масло для угощения лам и богомольцев. Для этого еще заранее производится раскладка; конечно не возбраняется внести из означенных предметов и гораздо больше, нежели сколько причитается согласно расписанию, хотя, впрочем, делается это крайне редко и неохотно. После окончания хуралов в том же месяце происходят в каждом хошуне военные смотры: упражнения в стрельбе на месте с лошади или с земли, на скаку и прочее. Начинаются смотры в указанный ламами счастливый день. Из каждой юрты хошуна на означенное место собираются взрослые воины, а за неимением таковых — и подростки, и цзасак с чиновниками прежде всего осматривает оружие и боевые припасы.

Воин с ружьем должен иметь не менее трех лан[1] пороха, 15 штук пуль и пяти четвертей фитиля, в Курлыке — вдвое больше. При ружье запаса: пять лан пороха, 30 штук пуль и полторы кулачных сажени фитиля, спрятанные в узел, опечатанный печатью князя.

Бедные воины являются на смотр с пикой или саблей; но и их обязывают иметь небольшой запас пороха, пуль и фитиля на случай недостатка этих припасов во время войны у кого-либо из вооруженных ружьём. Запасы эти также запечатываются и передаются владельцу, который на следующий год обязан представить их на смотр нераспечатанными. Если же случится, что воин не привезет этих боевых запасов с собой, а продаст или потеряет, то такого жестоко наказывают плетьми тут же, на смотру. Здесь же исправляются списки лиц, имеющих известное оружие и запасы: вносятся имена подрастающих воинов с указанием, чем молодой «цэрик» должен быть вооружен и какое количество припасов обязан представить на следующем смотру, вычеркиваются имена умерших или обедневших воинов и так далее.

После этого приступают к стрельбе в цель на различных расстояниях с сошек и с лошади. Стреляют по чучелу на скаку. Затем

[1] 11 лан весят один фунт (400 *г*).

выступают вооруженные саблями и пиками и на скаку колят и рубят то же чучело. После упражнений с оружием выступают борцы, а потом производятся и скачки на лучших лошадях.

Все это происходит чисто по-азиатски — не торопливо, с отдыхом — согласно укоренившемуся убеждению, что «спешат лишь воры и разбойники». Для смотров выставляются юрты, свозится со всего хошуна масса снеди, равно и питий — кумыса и водки; таким образом смотры являются рядом празднеств, во время которых и дело делается и пьянство не прекращается. До последнего дунганского восстания в 1895—1896 годах смотры в Курлыке продолжались по десяти и более дней и проходили настолько пышно и весело, что на них съезжались князья и чиновники не только из Цайдама, но и из области Кукунорской. Но после восстания мусульман, во время которого Курлык особенно сильно пострадал, веселые смотры были здесь сокращены до двух дней. Все монголы решили, что, сколько ни готовься, сколько ни запасай оружия и снарядов, — так же будет худо, и поэтому на смотры не стали обращать должного внимания.

Если же смотровые празднества продолжаются и теперь иногда дольше чем два или три дня, то это происходит потому, что в период смотров стараются заканчивать всевозможные тяжбы, так как сюда собираются все мужчины хошуна. Здесь же производится раскладка повинностей; здесь же награждают заслуженных монголов или разжаловают провинившихся.

В заключение очерка скажем о хамбо-ламе.

У Эркэ-бэйлэ, в хошунах Цзун- и Барун-цзасак и в Шане, издавна находится по одному хамбо-ламе, присылаемых из Тибета. Хамбо-лама в хошун Цзун-цзасака присылается из монастыря Галдань главным гэгэном Галданя-Туби; хамбо-лама Баруна и Шана — из Шигадзе от Баньчэнь-Рембучи и хамбо-лама Эркэ-бэйли — из Галданя.

Ламы эти присылаются по просьбе хошунов на трехлетний срок, по истечении которого их обязывают вернуться назад в свой монастырь. Проезд хамбо из Тибета в монгольский хошун и обратно, содержание его в течение трех лет в хошуне хошунцы берут на себя.

На обязанности хамбо лежит главным образом «отчитывание» или отпевание умерших, богослужения по случаю несчастий — падежа скота, неурожая трав, повальных болезней и прочее. За все эти требы хамбо, конечно, получает плату, — кто что может, придерживаясь обычая, — и обязан поэтому представить в Тибет своему патрону, раз в три года, не менее 15—20 больших ямб серебра. Кроме того хамбо-лама удерживает порядочную часть доходов в свою пользу и небольшую часть для раздачи милостыни ламам своего монастыря в Тибете. Серебро это он представляет в Тибет либо самолично, либо, если его удержат полюбившие его хошунцы, с посланцами из хошуна. Эти

последние, отвозя серебро хамбо-ламы в Галдань, Галдань-Туби или Баньчэнь-Рембучи в Шигадзэ, просят гэгэнов разрешить понравившемуся хамбе остаться еще на одно трехлетие, на что и следует по обыкновению согласие, так как такой хамбо-лама обещает и бо́льшие выгоды. Бывает таким образом, что любимый народом хамбо-лама проживает в хошуне по несколько трехлетий подряд.

При отправлении из Тибета эти ламы снабжаются от гэгэнов паспортами и бумагами, удостоверяющими их личность и звание.

Довольно часто в Цайдаме встречаются странствующие ламы из монастырей Амдо и из У-тай-шаня, известные под именем «буудэд». Эти ламы являются сюда с китайскими паспортами и охранными листами за сбором подаяний на построение храмов, на возобновление их, на приобретение изображений Будды и прочее. Подъезжая к стойбищу монголов, они трубят в трубы, читают у дверей юрты молитвы и, подавая хозяину хадак и пачку изюма или сахара, просят пожертвовать что-либо в их монастырь. Они обыкновенно получают, кроме снеди, живьем барана, лошадь, корову и прочее. Путешествуют они летом, в пору лучшего состояния пастбищ, и, собрав к осени порядочное стадо баранов, рогатого скота и лошадей, возвращаются домой, подобно торговцам, променивая скот на серебро, которое и представляют в свой монастырь.

КАМ
И ОБРАТНЫЙ ПУТЬ

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

ВОСТОЧНЫЙ ТИБЕТ И ЕГО ОБИТАТЕЛИ

Общий взгляд на Тибет. — Административное деление его восточной части. — Подчиненные Синину тибетцы; их подразделение. — Хан Нанчинчжалбо. — Периодические посещения Кама сининскими властями. — Этнографические заметки о тибетцах. — Наружный тип, одежда, вооружение, жилища, пища. — Занятия кочевого и оседлого населения. — Монастыри. — Пути сообщения. — Денежные знаки. — Нравственные качества тибетцев. — Состояние боевой готовности. — Грабежи. — Войны с соседями. — Некоторые из обычаев и обрядов: угощение, свадьба, рождение, похороны.

Тибет, высокий и заветный край, привлекающий внимание европейцев-путешественников малоизвестностью своей оригинальной природы и едва ли не более всего замкнутостью своих главных центров и монастырей, явился — в восточной своей части — предметом посильного исследования нашей экспедиции, проникшей с севера, через его суровую, холодную, высокоподнятую над уровнем моря окраину до глубоких, теплых долин и каменистых теснин верхнего Меконга.

Тибетское нагорье, где находятся колыбели Инда, Брамапутры, Меконга, Голубой, Желтой, раскинулось на громадное пространство. Доступное приблизительно в средней своей части, в направлении от извилины Брамапутры на Куку-нор, влиянию юго-западного муссона Индийского океана, оно в этом районе летом богато атмосферными осадками. Далее на запад, нагорье ещё более возвышается и выравнивается, сухость климата прогрессивно увеличивается, и травянистый покров высокого плато сменяется щебне-галечной пустыней, справедливо названной М. В. Певцовым «мертвой землей». По мере же удаления от упомянутой климатической диагонали на восток, по мере того как реки, стремящиеся в эту сторону, вырастают в могучие водные артерии, нагорье Тибета все больше и больше размывается, переходя последовательно в горно-альпийскую страну. Долины рек, мрачные ущелья и теснины чередуются здесь с водораздельными гребнями гор. Дороги или тропы то спускаются вниз, то ведут вновь на страшные

относительные и абсолютные высоты. Мягкость и суровость климата, пышные и жалкие растительные зоны, жилища людей и безжизненные вершины величественных хребтов часто сменяются перед глазами путешественника. У ног его развертываются или чудные панорамы гор, или кругозор до крайности стесняется скалистыми боками ущелья, куда путник спускается из заоблачной выси; внизу он слышит неумолкаемый шум, по большей части голубых пенящихся вод, тогда как наверху тишина нарушается лишь завыванием ветра и бури...

В исследованной нами части Тибетское нагорье переходит в типичную альпийскую страну тотчас за водоразделом бассейнов рек Желтой и Голубой.

К северу от этого водораздела далеко убегает высокое, холодное плато, по которому новорождённая Хуан-хэ плавно катит свои воды, местами заполняя его впадины огромными озёрными бассейнами. Спокойный мягковолнистый рельеф, прикрытый характерной травянистой растительностью, изобилует оригинальными представителями животного царства: дикими яками, антилопами оронго и ада, дикими ослами и другими, приспособленными к разреженному воздуху и климатическим невзгодам. Кочевники-тибетцы, появляющиеся здесь лишь изредка в виде охотников, золотоискателей или просто грабителей-разбойников, не нарушают привольной жизни млекопитающих. Путешественнику в этих местах нужно быть крайне осмотрительным, чтобы не подвергнуть себя неприятной случайности.

В летнее время погода в рассматриваемой части Тибетского нагорья характеризуется преобладающей облачностью, обилием атмосферных осадков, выпадающих в виде снежной крупы, снега и дождя. Не только главные отдаленные горы, но и ближайшие к долинам холмы бывают часто убелены снегом. Ночной минимум температуры частенько ниже нуля, иногда до —10°. Днем, реже ночью, дуют переменные ветры то от юга, то от севера с незначительными уклонениями в стороны. Однако, несмотря на все это, местная флора, веками приспособленная к борьбе за существование, произрастает сравнительно успешно и в теплые солнечные проблески ласкает взор своими колерами.

В другие времена года погода северо-восточного Тибетского нагорья выражается господствующими с запада сильными бурями, в особенности весной; кроме того соответственно низкой температурой, несмотря на столь южное положение страны, и крайнею сухостью атмосферы. Результатом этой сухости воздуха является почти полное отсутствие снега в долинах даже зимою, когда иначе было бы невозможно существование здесь многочисленных стад диких млекопитающих. К югу, за хребтом, разграничивающим бассейны обеих великих рек Китая, характер местности круто изменяется: к голубой выси неба

поднимаются высокие скалистые цепи гор, между которыми глубоко залегает лабиринт ущелий с стремительно бегущими по ним ручьями и речками.

Чем ниже спускается путешественник, тем более и более восторгается он красотами природы; появляется, наконец, и человек сначала в образе кочевника, а затем и земледельца. Голубое небо и высоко поднимающееся солнце дают себя знать, в особенности после пребывания на северной окраине Тибета.

Еще более размытым представился на нашем пути бассейн верхнего Меконга. Здесь гребни главных хребтов и второстепенных гор лежат сравнительно недалеко от окаймляющих их рек и речек, которые по большей части заключены в глубокие ущелья или живописнейшие теснины, наполненные вечным шумом вод. В замечательно красивую, дивную гармонию сливаются картины диких скал, по которым там и сям лепятся роскошные рододендроны, а пониже ель, древовидный можжевельник, ива; на дно к берегам рек сбегают дикий абрикос, яблони, красная и белая рябина; все это перемешано массою разнообразнейших кустарников и высокими травами. В альпах манят к себе голубые, синие, розовые, сиреневые ковры цветов из незабудок, генциан, хохлаток, Saussurea, мытников, камнеломок и других.

В глубоких, словно спрятанных в высоких горах ущельях водятся красивые пестрые барсы, рыси, несколько видов кошек, медведи, волки, лисицы, большие и малые летяги, хорьки, зайцы, мелкие грызуны, маралы, или олени, мускусная кабарга, китайский козел, или джара (Nemorhoedus) и нигде раньше нами не замеченные обезьяны (Macacus lasiotis), живущие большими и малыми колониями нередко в ближайшем соседстве с тибетцами. В прозрачных реках и речках, обильных рыбой, водятся выдры.

Что касается пернатого царства, то среди последнего замечено еще большее богатство и разнообразие. Особенно резко бросаются в глаза белые ушастые фазаны (Crossoptilon thibetanum), зеленые всэре (Ithaginis geoffroyi), кулюны, или кундыки (Tetraophasis szechenyi), рябчики (Tetrastes sewertzowi), несколько видов дятлов и порядочное количество мелких птичек из отряда воробьиных. Но наиболее ценным сокровищем для науки служат уже установленные новые формы птиц, вывезенных из бассейна Меконга, а именно: галка (Coloeus dauricus), овсянка (Emberiza kozlowi), жаворонок (Eremophila alpestris khamensis), камская пищуха (Certhia khamensis), новый вид Janthocincla kozlowi из семейства Timeliidae, ястреб (Accipiter nisus ladygini) и завирушка (Laiscopus collaris thibetanus).

В ясную, теплую погоду в красивых уголках бассейна Меконга натуралист или вообще отзывчивый к природе человек одновременно услаждает и взор и слух. Свободно и гордо расхаживающие по

лужайкам стаи фазанов или плавно, без взмаха крыльев, кружащиеся в лазури неба грифы и орлы невольно приковывают глаз; пение мелких пташек, раздающееся из чащи кустарников, ласкает ухо.

Летом погода в Восточном Тибете непостоянная: то ярко светит солнце, то падает дождь; иногда неделями густые свинцовые облака окутывают горы почти до их подошвы. Выглянувшее солнце жжет немилосердно в разреженной атмосфере.

Лучшее время — сухое, ясное — наступает осенью.

В течение трех зимних месяцев, проведенных экспедицией в окрестностях Чамдо, в селении Лун-ток-ндо, констатирована мягкость климата: почти бесснежие, сравнительная сухость, довольно прозрачная атмосфера, отсутствие ветров по ночам и утрам и систематическое ежедневное их появление с запада-юга-запада после полудня. Ясное состояние неба было чаще в конце ноября и в течение всего декабря; в январе преобладала облачность; в феврале же облачность снова стала уменьшаться. Самый низкий минимум был с 5 на 6 января —26,5°. В декабре, в час дня, температура спускалась ниже нуля только четыре раза; ровно столько же раз термометр в означенное время показывал мороз и в январе, причём наименьшее показание было —0,1°, а наибольшее —4,8°, последовавшее за низким минимумом ночи.

Речка Рэ-чю, на которой стоит селение Лун-ток-ндо, совершенно не знала ледяного покрова, но её боковые притоки — незначительные речонки и ручьи — в декабре и январе были прочно скованы льдом, хотя в полдень на солнце и в это самое холодное время года лед всё-таки таял энергично.

Редко выпадавший снег или таял по мере своего падения или же испарялся к вечеру следующего дня; словом, южные скаты гор были всегда свободны от этого осадка, и только северные склоны или верхний пояс гор чаще покрывались слоем снега, хотя и незначительным по толщине. Вслед за выпадавшим снегом атмосфера, и без того прозрачная, ещё более прояснялась, а небо принимало густую синеву, особенно перед закатом солнца. По ночам планеты и звезды ярко блестели.

В феврале температура стала быстро повышаться: горные ручьи громко зажурчали, франколины и кулюны начали токовать, ягнятники бородатые — подниматься на страшную высоту и там ликовать, потрясая воздух своими весенними любовными голосами.

Не стану касаться административного деления всего Тибета. Остановлюсь лишь на делении той его части, которую посетила наша экспедиция.

Северный Тибет, занимающий огромное пространство — от кочевий цайдамских и нголокских на севере до реки Нах-чю, которая

ниже называется Джи-чю, на юге и до границы владений Дэргэ-тусы на востоке — подчинен непосредственно китайским властям в Синине. Светская власть в этом Тибете принадлежит цин-цаю, а духовная — далай-ламе; власть последнего ограничивается однако только назначением и перемещением крупнейших лам в монастырях Северного Тибета.

Восточный Тибет, управляемый 42 тусы, на западе граничит с округами собственно Тибета, на севере — с кочевьями нголоков, которые номинально лишь входят в состав Восточного Тибета, а на востоке и юге с оседлым населением китайцев Сы-чуани и Юнь-нани. Из 42 округов Восточного Тибета мы назовем лишь известные нам Дэргэ, Лхадо, Лин-гузэ, Хор, Батан и Литан. Последние два округа хотя и не входят в состав Сычуаньской провинции Китая, но оседлое население этой части Восточного Тибета подчинено тем не менее китайским властям Сы-чуани, назначающим и смещающим управителей округов — тусы. В округах, ближайших к землям собственно Тибета, власть китайцев, считающих себя верховными владыками всего Тибета, однако только номинальна, в чем сами мы имели случаи убедиться; здесь уже власть далай-ламы не только духовная, но и светская, можно сказать, почти неограничена.

Подчиненные Синину тибетцы, населяющие исследованную нами горную область бассейнов Голубой и Меконга, и вообще жители Восточного Тибета слывут у тибетцев других областей под общим именем «кам-ба», то-есть жители Кама или Восточного Тибета (китайское кама-бава). Название Кам произошло по объяснению более сведущих тибетцев от слова кам-ба, то-есть дом, земледелец. Впрочем тибетцев, не подчиненных ведению Синина, чаще называют по месту пребывания их властей и управлений, как например, Чамдо, Дэргэ, Лин-гузэ и другие.

Тибетцы-кам, коими ведает губернатор Синина, делятся на северных и южных.

Северные, или «намцо-кава-дэмцун-ниши-цзарна», то-есть пришельцы (в числе 25 хошунов) с берегов Небесного озера Намцо, более известного под монгольским названием Тенгри-нор, сосредоточены, главным образом, в бассейне Голубой реки и лишь отчасти переступают за водораздел ее, в левые притоки верхнего Меконга.

Сменилось уже 32 поколения с тех пор, как прибыли сюда эти тибетцы с берегов озера Намцо, лежащего к северу от Лхасы, присвоив название озера своему северному или коренному хошуну Намцо, от которого к нашему времени образовалось свыше 30 хошунов.

Хошуны образовались и продолжают образовываться таким образом: обыкновенно несколько семейств, укочевав куда-либо в отдаленное ущелье, через известный промежуток времени образуют

свой отдельный хошун под названием или того места, куда переселились, или же того лица, которое стоит во главе переселенческой партии.

В настоящее время северные тибетцы насчитывают у себя за 30 хошунов, хотя прежнее название «Намцо-кава-дэмцун-ниши-цзарна» сохранилось и как таковое известно всем обитателям Кама. Окраинные хошуны рассматриваемых тибетцев следующие: северный хошун Намцо по речке Хичю, южный хошун Сурман по правому берегу реки Дзэ-чю, бассейна Меконга; на востоке, по южному склону гор Солома, рядом с нголоками, кочует хошун Амнэ-рало-ро, а самым удаленным на западе считается хошун Яграй (Еграй), который ставит свои черные шатры по ущельям гор Куку-шили, у слияния двух больших рек, образующих верховье Янцзы-цзяна.

На нашем пути от севера к югу мы проследовали через области следующих 11 хошунов: Намцо, Гуцэ, Амчӧг, Аюн, Хаши, Чжицзон, Дэт-та (в котором французский путешественник Дютрейль-де-Рэнс нашёл преждевременную смерть от рук вероломных туземцев), Чжаву, Рада, Бучун, Сурман. Восточнее нашего переднего пути располагаются семь хошунов под такими названиями: Юн-ша, Канар, Дзачю-ка, Дуб-чжу, Тэнду, Лаб, Монголчжин, а западнее — следующие: Дзан-чжу, Гэр-чжи, Раши, Юй-шу; последний тибетцы делят на две части или хошуна. Крупный хошун Дэт-та делится на три: Дэт-та, Рхомбо-дома (верхняя) и Рхомбо-мима (нижняя).

Северные тибетцы-кам, фактически делясь на 30 с лишком хошунов, официально, по китайским данным, полученным нами от китайских чиновников, сборщиков дани, представляют лишь 12 подразделений, имея столько же и родовых старшин — бэй-ху, жалуемых чиновничьими белыми шариками. В помощь старшинам придаются так называемые бэй-чуны, украшаемые сининским цин-цаем медными шариками; такими; же шариками награждается и низший чиновничий класс, называемый гембу. В каждом хошуне состоят налицо один бэй-ху, один или несколько бэй-чунов и, наконец, всегда по несколько гембу; последние имеются почти во всех селениях. Бейчуны обыкновенно ведают второстепенными, разделенными на участки хошунами.

Ни один из этих чиновников не получает жалованья от китайцев. Они вознаграждаются исключительно своими хошунцами, причём или непосредственно всеми или большей или меньшей частью их, смотря по положению чиновника. На долю самого бэй-ху хошунцы ежегодно доставляют 24 барана, 24 кирпича чаю, 24 меры голосемянного ячменя, 24 кхи [1] масла и столько же соли; бэй-чун получает

[1] Мерка весом около 6 фунтов (2,5 *кг*).

ровно половину всего того, что отмечено для бэй-ху; гембу служат безвозмездно.

Официальные или платящие богдохану дань хошунцы, согласно китайским записям, значатся под следующими названиями:

Хошун	Рхомбо	Хошун	Юн-ша
»	Гар-чжи	»	Дэт-та
»	Сурман	»	Монголчжин
»	Сан-цза-во	»	Юй-шу
»	Тэнду	»	Намцо
»	Гуцэ	»	Амчöг

Численность населения отдельных хошунов далеко не одинакова; старейшие, богатые хошуны имеют до 500 палаток, тогда как вновь образовавшиеся хошуны едва насчитывают 70—80 палаток; приблизительная же цифра населения всех северных тибетцев-кам не превышает 35 тыс. человек.

Южные тибетцы-кам не выходят за пределы бассейна Меконга; их соседями являются северные тибетцы — с одной стороны, и обитатели Центрального или «Превосходного» Тибета — с другой. Из непосредственно соприкасающихся хошунов последнего мы отметим Риучи, Багшоу и Сого́-дэмэ, или Сог.

Граница Центрального Тибета проходит по правому притоку верхнего Меконга, Ному-чю, через который в трех-четырех местах устроены висячие железные мосты; в этих местах проходят большие дороги и сосредоточены тибетские военные посты для оказания противодействия всем тем, кто не терпим на «дэвашунской» территории.

Южные тибетцы-кам имеют у себя ханом нанчин-чжалбо, который номинально считается главою всех подведомственных Синину тибетцев, известных у китайцев вместе со страною, которую они населяют, под общим названием Юй-шу или Юй-фу. Тибетцы сининского Кама известны у китайцев также и под кличкою хун-мао-эр. На самом же деле власть нанчин-чжалбо распространяется только на южных тибетцев-кам; но даже и в таком случае владения этого хана считаются одними из самых обширных во всем Восточном Тибете. Общая численность нанчинских тибетцев достигает 30 тысяч человек.

Звание нанчин-чжалбо наследственное и отличено китайским правительством коралловым шариком. Символом, или знаком, власти у хана служит также и печать с вырезанною на ней небольшой квадратной рамкой, по середине которой выделяется иероглиф, произносимый как «на».

В распоряжении нанчин-чжалбо имеются четыре главных советника, или да-бэй-ху, восемь обыкновенных бэй-ху и 24 бэй-чуна, составляющие в общей сложности штат в 36 человек. Каждый из этих чиновников ведает бо́льшим или меньшим хошуном, в зависимости от

своего положения при хане, и награждается китайцами, подобно тому, как у северных тибетцев-кам, белым или желтым (металлическим) шариком.

Всеми делами по управлению южными тибетцами-кам, как прежде, так и теперь, ведают ближайшие к нанчин-чжалбо советники, один из которых поочередно дежурит при особе хана. Кроме того при ханской ставке, на речке Бар-чю, постоянно находятся, также соблюдая очередь, несколько человек чиновников и писарей из разных хошунов чжалбо. По смерти кого-либо из да-бэй-ху хан жалует этим званием одного из наиболее заслуженных и достойных бэй-ху, которые, равно как и бэй-чуны, должны быть наследственны; однако в некоторых случаях нанчин-чжалбо отступает от обычных правил и сажает на места провинившихся и изгнанных родовитых чиновников не только родственников опальных, но и простых однохошунцев.

Южные тибетцы-кам, в частности, известны под названием «нанчин» или «нанчин-дэ-шог-сумчи-сорна», что значит нанчинские 35 хошунов, хотя последних в действительности не 35, а 36. Второй пространный эпитет нанчинцы употребляют нередко, когда речь идет об их боевых подвигах, а также о богатстве и славе нанчин-чжалбо. Однако, при виде халхаского седла у Бадмажапова, собравшаяся компания тибетцев на вопрос моего спутника: «есть ли у кого-нибудь из них такое седло», ответила: «такого седла нет не только ни у кого из здесь присутствующих, но его не найти даже и во всех нанчинских 35 хошунах!».

Собственных, раз навсегда принятых названий для каждого отдельного нанчинского хошуна нет. Хошуны принято называть по именам их хошунных начальников, как, например, хошун Шэраб-Чумпыра — одного из четырех главных советников хана, хошун Бима-Дачжи (сокращение Бадма-Дорчжи) и так далее.

Не только чиновники ханского управления, но, кажется, и сам хан не получает жалованья от китайцев; все они во главе с нанчин-чжалбо содержатся на счет своего народа. Каждый из 36 хошунов ежегодно вносит хану по восьми лан серебра, что в общей сложности дает 288 лан, или 576 рублей. Кроме того, обитатели хошунов, занимающих район лучших пастбищ, обязаны вместе со своими стадами пасти и стада, принадлежащие хану, представляя в ставку последнего продукты его скотоводческого хозяйства: масло, сухой творог (чюра) и прочее. Другие кочевые хошуны обязаны доставлять в известном количестве масло и чюру от их собственных стад, подобно тому, как оседлое или земледельческое население заготовляет для ханских лошадей сухую репу. На обязанности оседлых тибетцев лежит и доставка нанчин-чжолбо соломы, равно и отправление всех полевых работ на ханских пашнях, расположенных главным образом по доли-

не Дза-чю или верхнего Меконга, в окрестностях урочища Гартутука.

Во время посева, жатвы и молотьбы хлебов, производимых на ханских полях, наблюдение за общим ходом этих работ вверяется двум-трем чиновникам, разъезжающим в районе ханского земледельческого хозяйства. На высоко поднятой над морем узкой и очень приветливой долине-ущелье речки Бар-чю кочевники собирают «джюму» — корешки гусиной лапчатки (Potentilla anserina) и также преимущественно для доставления ко двору своего главного начальника; наконец, те из тибетцев, которые ютятся по соседству соляных залежей, привозят хану соль, которую вообще тибетцы считают наиглавнейшим пищевым продуктом. Всякому тибетскому чиновнику особенно приятно, и он положительно счастлив, получив в дар какое бы то ни было количество соли.

Теперь о вознаграждении ханских чиновников. Последние, подобно тому, как и у северных тибетцев, получают содержание натурою, причём бэй-ху и бэй-чуны в той мере, какая установлена для соответствующих чиновников северных тибетцев. Что же касается до четырех советников нанчин-чжалбо, то они вознаграждаются ровно вдвое больше нежели бэй-ху, взимая одну половину из всего причитающегося им содержания с управляемого хошуна, а другую со всех южных хошунов вообще.

Занимая сравнительно обширный район, подчиненные Синину тибетцы делятся, применяясь к характеру местности, на кочевых «бок-ба» и оседлых «и-ба». Первые переносят свои черные шатры в области альпийских лугов, верхняя граница которых местами поднята на версту и более над крайним пределом земледелия; вторые занимают своими жилищами и фермами ущелья и долины от 12 000 футов (3 600 *м*) над морским уровнем и ниже, где мягкость климата способствует культуре хлеба.

Говоря вообще, кочевники преобладают над оседлым населением, в особенности по отношению к северным тибетцам, хотя и среди южных обитателей оседло живущих насчитывается не более одной трети, остальные же — исключительно кочевники-скотоводы.

И северные и южные тибетцы однажды в три года платят китайцам около 5 тыс. лан серебра, или, переводя на наши деньги, 10 тыс. рублей. За сбором дани командируются из Синина в Кам два вэйюаня, или чиновника особых поручений, в сопровождении конвоя. Общее число сининских китайцев простирается до 30 человек, кроме монголов или тибетцев, сопровождающих посольский караван. Местом жительства приезжие чиновники всегда избирают селение Чжэрку, лежащее неподалеку от правого берега верхнего Янцзы-цзяна, который здесь называется китайцами Тун-тянь-хэ. Сюда, во время

пребывания китайцев, являются старшины хошунов и вносят известную дань. В таких случаях все северные тибетцы-кам фиктивно соединяются в 12 хошунов, что представляет для них своего рода выгоду.

Помимо сбора дани старшему чиновнику, или дзаргучею, как его называют цайдамские монголы, немало беспокойств приносит разбирательство тяжб и всевозможных недоразумений одного хошуна с другим. Последнее обстоятельство, насколько можно было заметить из наших личных наблюдений, всего больше сдерживает тибетцев от посягательства на независимость, подобную той, которою пользуются нголоки. Отсутствие единодушия, разрозненность, крайнее подозрение друг к другу, даже у однохошунцев, в значительной степени ослабляет местных жителей и облегчает китайцам управление краем.

В сборе дани и разбирательстве тяжб китайцы, при их сильной склонности к медлительности, проводят в Каме около года, тем более, что и тибетцы, не отличаясь в этом отношении особенной подвижностью, с этим свыклись и узаконили 13-месячный срок, в течение которого обязаны беспрекословно доставлять по расчету полное содержание на всех сининских китайцев. По истечении же означенного времени китайцы должны продовольствоваться на свой счет. Однако, судя по словам тибетцев, алчные китайские чиновники до этого себя не допускают. Сама выдача содержания производится частью натурою, частью деньгами три раза в месяц, или, что то же самое, однажды через каждые десять дней. Таким образом, северным и южным тибетцам-кам каждое пребывание китайского посольства в их стране обходится около полутора тысяч рублей сверх обязательной дани.

Являясь судьей между тяжущимися хошунами, дзаргучей, конечно, прежде всего заботится о собственной выгоде. Кроме всякого рода обычных приношений — хадаков, звериных шкур и прочего, он берет за каждое дело, с той и с другой стороны, ещё и деньгами от десяти до ста лан, а иногда и того больше, причём строго и вразумительно говорит: «столько-то цин-цаю, столько-то мне, столько-то начальнику конвоя, такая-то часть на канцелярию, переводчиков и прочее». Разрешая же спор о принадлежности перебежчика-тибетца тому или другому хошуну, вэй-юань сверх подарков и взяток категорически требует 25 лан серебра, которое он будто бы обязан по приезде в Синин положить на стол цин-цая, как законное воздаяние за водворение человека на его прежнее местожительство.

Китайские тун-сы, или переводчики, всегда сомнительной благонадежности, обходятся тибетцам также не дёшево, хотя при командировании этих лиц в ставки хошунных начальников, с пакетом или

Хребет Амнэн-кор с севера

иным поручением, тибетцы для вида, согласно обычаю, выдают им только по одному лану серебра.

Для обратного следования китайцев в Синин северные и южные тибетцы-кам, вместе с выдачей месячного продовольствия на всех участников посольства, снабжают последнее еще и перевозочными средствами, то-есть лошадьми, быками-яками, считая первых по одной, а вторых по два на каждого из китайцев, независимо от их положения; кроме того тремя лошадьми и пятнадцатью быками на доставку казенного богдоханского серебра, канцелярии и печати. Если бы китайцы пожелали за часть животных получить деньгами (серебром), то тибетцы всегда соглашаются на подобного рода сделку или уступку, руководствуясь в таком случае местными справочными ценами.

Вот и все, чем выражается фактическая зависимость тибетцев-кам по отношению к Синину.

Сининский вэй-юань, сидя в Чжэрку, видит лишь одних хошунных начальников и, получив от них следуемый оброк, скорее думает о благополучном отъезде домой, нежели о страшно рискованной поездке по землям подведомственных тибетцев в целях большего ознакомления с истинным положением дел. Тибетцам же это и на-руку, так как, по их откровенному признанию, их ближайшие начальники-собраты — бэй-ху — собственно и есть действительные управители народом. Только бэй-ху и своя община и приходит на выручку в тех сложных делах и обстоятельствах, которые неизбежно являются при баранта-чествах в чужих хошунах.

Строго говоря, у тибетцев-однохошунцев преступления сравнительно редки, в особенности среди оседлого населения; главною причиною тому служит, во-первых, широкая власть, какою облечены бэй-ху, во-вторых — жестокие, беспощадные наказания, налагаемые хошунным начальником иногда за малейший проступок, не говоря уже про такие преступления, как, например, воровство, измена и прочее. Согласно тибетским обычаям в числе репрессивных мер довольно видную роль играет штраф «гуцен», заключающий в себе список нижеприведенных девяти предметов, а именно: лошадь, як или бык, корова, баран, кусок тибетского сукна, кусок простой серой шерстяной материи, лан серебра, «шанам», или материал на шапку, и хадак. Если приговоренный к штрафу окажется человеком несостоятельным, то в таком случае гуцен ему заменяют тремястами ударов розог, точнее плетей, или лишением одного или обоих глаз.

Разбирательство судебных дел происходит чаще в ставке бэй-ху, реже на месте преступления; в последнем случае едет туда или сам хошунный начальник или его помощник. Не всегда однако тибетцы жалуются своим непосредственным или ближайшим начальникам;

изредка они прибегают к защите бэй-ху соседнего хошуна, и тот, конечно, не отказывается разобрать спорное дело, длящееся несколько лет, и дать тяжущимся сторонам тот или иной приговор. Случается и так, что известные семейные недоразумения или ссоры у однохошунцев, по просьбе родственников, разбираются и улаживаются простыми хошунцами, снискавшими любовь и уважение соседей. Иногда такие люди постепенно завоевывают симпатию всего хошуна и становятся авторитетом во всём, что касается до жизни тибетцев, в ущерб прямому или официальному бэй-ху, который, таким образом, невольно оттесняется от дел не только юридических, но и по управлению хошуном вообще.

И официальные и неофициальные, но одинаково играющие видную роль хошунные начальники при поездках по хошунам по делам службы пользуются правом взимать на станциях так называемый «уртон» [1]. Предоставление уртона начальникам или должностным лицам у тибетцев-кам введено в обычай издавна и строго исполняется до сего времени, причём у южных тибетцев чиновники большею частью едут на своих лошадях, пользуются услугами собственных людей, продовольствуются также из своих запасов; поэтому они получают уртон деньгами и тем больше, чем командированное по службе лицо выше по своему положению при ханском управлении. Ближайшим советникам хана полагается за каждый уртон или ночлег восемь индийских рупий; одному из восьми бэй-ху, на тех же основаниях, четыре рупии и бэй-чуну — две.

У тех и других тибетцев в обычае также, до или после разбирательства дела, подносить судье или начальнику подарки, кто что может. Конечно тибетцы стараются умилостивить судей лучшими приношениями, чтобы быть обеспеченным за желанный результат веденного процесса. Каждая служебная командировка для чиновников весьма прибыльна в материальном отношении, в особенности для тех из них, которые направляются в роли судей одного хошуна с другим; в таком случае они получают двойной уртон — с той и с другой стороны.

Таким образом, тибетцы-кам смело могли бы обойтись без номинального покровительства сининских китайцев; по крайней мере сами тибетцы такого мнения.

Из неоднократных бесед с сининским вэй-юанем, во время моего с ним пребывания в Чжэрку, о тибетцах-кам, об их подчинении Синину я вынес такое впечатление: китайскому правительству кроме известного материального расхода тибетцы-кам ничего не доставляют,

---

[1] Монгольское «орто», то-есть помещение для остановки, продовольствие, корм животным, сменные подводы, проводники и прочее.

так как собранная с них дань дальше сининского цин-цая уйти не может. В продолжающихся же периодических посылках китайских отрядов в Кам правительство богдохана склонно видеть некоторую зависимость означенных тибетцев от Пекина; в противном случае этот своенравный народ может счесть китайцев бессильными и позволить себе тем или другим способом наносить сынам Небесной империи более ощутительный вред, нежели те несколько тысяч лан серебра, которые вносятся в расход сининским цин-цаем.

Виденные нами тибетцы по их наружному типу в общем подходят под описание Н. М. Пржевальского, который о кочевом населении Намцоского хошуна говорит следующее: «...рост средний, реже большой, сложение плотное, коренастое; глаза большие, но не косые и всегда черные; нос не сплюснутый, иногда даже орлиный; скулы обыкновенно не слишком выдаются, уши средней величины. Таких безобразных по величине ушей, как у тангутов по верхней Хуан-хэ, к югу от Гуй-дуя, мы нигде здесь не видали; волосы черные, грубые, длинные, спадающие на плечи; подстригаются эти волосы лишь на лбу, чтобы не лезли в глаза; косы вовсе не носят. Усы и борода почти не растут, притом вероятно их выщипывают; зубы отличные, белые, но не так безобразно спереди посаженные, как у тибетцев за Тан-ла [1]. Череп в общем более удлинённый нежели округлый; цвет кожи, как у всех других хара-тангутов, грязно-светлокоричневый, чему отчасти способствует и то, что тело никогда не моется. Замечательно, что описываемые тангуты (как быть может и другие их собратья) издают сильный, противный запах» [2].

Что же касается до оседлых тибетцев-кам, то они крупнее ростом, значительно благообразнее и чище кочевников, в особенности среди достаточного класса, в котором можно встретить довольно приличных молодых мужчин и грациозных, стройных, румяных девушек; еще более интересными представляются дети с живыми, блестящими черными глазёнками и густыми, часто вьющимися, хотя и коротко подстриженными (у мальчиков) кудрями. Глядя на компании резвящихся детишек тибетцев, я невольно задавал себе вопрос: на кого бы они походили, будучи одеты в соответствующий возрасту европейский костюм? — и не задумываясь отвечал: на южных европейцев или цыган.

Одежда кочевого населения, как мужчин, так и женщин, состоит из овчинной нагольной шубы «дзакпа» и шерстяного халата «тог-ла» [3].

[1] См. «Третье путешествие», стр. 252, и там же на рисунке. Прим. автора.

[2] «Четвертое путешествие в Центральной Азии», СПб., 1888, стр. 183.

[3] Под словом «тог», или «лог», тибетцы подразумевают вообще серую шерстяную материю местного производства; под словом же «туг» — тибетское сукно, изготовляемое в окрестностях Лхасы, а под словом «ла» — халат.

Последний надевается только в летнее время, да и то не всеми и не всегда; в главном же употреблении первый костюм, который мужчины, подобрав высоко, подпоясывают таким образом, что вокруг тела образуется нечто вроде большого мешка, куда складываются чашка, запасы курительного или нюхательного табаку и прочее. Подобный мешок набивается всевозможными мелочами особенно плотно в дороге, когда сверх шубы или халата тибетцы одевают еще войлочный серый плащ — «чингоу».

Тибетки же поднимают свои длинные шубы или халаты при опоясывании лишь настолько, чтобы они не очень затрудняли движение и не касались земли.

И мужчины, и женщины привешивают к поясному ремню «гирок» — связки ключей; мужчины кроме того огниво — «кетэ», печать, нож, а спереди носят заткнутую за пояс саблю.

Оба пола, если позволяет достаток, надевают под шубу или халат короткую цветную рубашку «нан-ла», чтобы не оставлять тела совершенно обнаженным в тех случаях, когда от излишнего тепла или просто для большего удобства в движениях они освобождают одну или обе руки из рукавов верхней одежды, сбрасывая последнюю до пояса. Такую привычку наследуют маленькие дети, не говоря уже о подростках; впрочем, детей сплошь и рядом приходилось видеть, как и в Монголии, совершенно нагишом.

Со штанами знакомы лишь очень немногие тибетцы. Сапоги же — «хам» — из цветной шерстяной ткани, с подошвою из сыромятной кожи, носят все.

Теперь о волосах и головном убранстве. Большинство тибетцев-простолюдинов никогда не чешет своих длинных волос, отчего шевелюра нередко походит на плотно сбитые пряди хвоста дикого или домашнего яка, и голова обыкновенно остается совершенно непокрытой не только летом, но даже и зимой. Лишь в дороге некоторые из таких тибетцев обматывают голову куском красной шерстяной или полушелковой материи — «кати»; иные же одевают на голову войлочную, с белой матерчатой покрышкой, шляпу — «ярша», которая имеет высокую тулью и широкие поля. Подобную шляпу тибетцы носят преимущественно летом, но бедняка можно встретить в ней и зимою, когда зажиточный класс обыкновенно покрывает голову лисьей шапкой, напоминающей китайскую — «лапоцза». Иногда на головах тибетцев встречаются и целые лисьи шкуры, снятые мешком и связанные у головы и хвоста. Такие оригинальные — большие с болтающимися хвостами — шапки при нужде расправляются в прежние шкурки-мешки и выручают владельцев при их торговых сделках или в случаях неизбежных подношений почетным гостям или чиновникам.

Последние, как равно и многие из состоятельных обитателей

Тибета, в особенности молодёжь, довольно внимательно относятся к своим волосам, расчесывая их большим деревянным гребнем и заплетая в целый ряд тонких косиц, сходящихся на затылке в одну большую общую косу, которая украшается солидным кольцом слоновой кости и несколькими обыкновенной величины серебряными кольцами, со вставленными в них цветными камнями. Имеющие подобную косу тибетцы обматывают ею голову таким образом, что украшения косы ложатся выше лба в виде кокошника.

Только женщины заплетают свои волосы в тонкие многочисленные косицы, которые за спиною разделяются на две равные части, скрепленные по середине и по концам нитками стеклянных бус. Наверху головы к волосам тибетки прикрепляют куски янтаря и коралла, которые располагают на голове в виде венка из цветов, причём в центре его помещают небольшую искусственную серебряную или медную раковину.

При одинаково длинных волосах, одинаково подстригаемых только над глазами, а еще больше одинаковыми косицами у висков мужчины нередко походят на женщин, тем более, что усы и борода плохо растут у тибетцев, которые к тому же, на досуге, постоянно выдергивают эту растительность по одному волоску специальными щипцами, носимыми при поясном ремне вместе с ножом, ключами, печатью и прочими мелкими принадлежностями.

На шее тибетцы и тибетки носят ожерелье из цветных камней, а к ожерелью привешивают амулеты и ладанки, или «гау», сделанные из серебра или меди. Об этих «гау» подробно говорит мой сотрудник А. Н. Казнаков в своем отчете, составляющем II том настоящего труда. Очень немногие женщины носят на своих большею частью грязных руках серебряные кольца и браслеты, а в ушах серьги; такие же серьги, но более массивные и тяжелые, носят и мужчины, обыкновенно в левом ухе.

Курящие тибетцы имеют при себе огниво и металлическую трубку, с длинным деревянным чубуком и каменным или стеклянным мундштуком, хранимую за пазухой в мешочке с табаком; за пазуху же тибетцы прячут и табакерку с нюхательным табаком.

Тибетские табакерки значительно отличаются от монгольских: во-первых, они изготовляются из рога, отделанного металлом, и общим видом скорее походят на охотничью принадлежность — пороховницу, нежели на табакерку; во-вторых, сам табак перед его употреблением добывается встряхиваньем табакерки и ударами её узкого конца по ногтю большого пальца левой руки, куда собственно и насыпают табак через небольшое всегда открытое отверстие. По истощении нюхательного запаса в табакерке последняя вновь наполняется табаком, но уже с другого, широкого ее конца, запираемого деревянною

крышкою, отделанною серебром или медью с цветными камнями; последние, впрочем, чаще украшают самоё табакерку по окружности её широкой части, где располагается красивая филигрань.

У пастухов-подростков изредка можно встретить двойные дудочки, сооружаемые из сычуаньского бамбука, с девятью прожженными круглыми отверстиями по одной стороне и одним прямоугольным, вырезанным на противоположной стороне, вблизи верхнего конца каждой из дудочек. Этот музыкальный инструментик служит конечно для развлечения.

Другое дело сабля, праща («урду») и кнут, которыми неизменно бывают вооружены тибетские пастухи при исполнении своих обязанностей. Первая — вечная спутница тибетца — носится в видах всегдашней готовности постоять за себя; последние же две — как средство для управления скотом. Тибетцы большие мастера в метании камней из пращи, которая между прочим входит в состав вооружения тибетских воинов низшего разряда. Часто приходилось наблюдать как пастухи перебрасываются друг с другом речной галькой с одного ската гор на другой, через ущелье. Быстро пролетающие камни свистят подобно пулям, и мне кажется, что этот-то самый звук и заставляет животных быть послушными воле их пастухов. Иногда пастухи на большие расстояния перекликаются своими звонкими высокими голосами.

Кроме сабли тибетцы располагают и другим холодным оружием — пикой, а из огнестрельного — фитильным ружьём («мимда») [1] с сошками; боевые принадлежности тибетцы сберегают в такой же кожаной сумке, в какой хранят их и цайдамские монголы, вооружение которых вообще близко подходит к вооружению тибетцев. У цайдамских монголов недостает пращи и укороченной, для пехотинцев или действия в пешем строе, пики, древко которой сплошь обвито толстой железной проволокой и снабжено у основания прочным грубым острием, служащим для втыкания пики в землю.

Как женщины гордятся своими бусами и янтарём, так одинаково, если только не больше, гордятся мужчины своими воинскими доспехами, в особенности ружьём и саблей, на украшение которых серебром и цветными камнями тратится не мало денег. Боевым видом, молодечеством, удалью в Тибете, как и вообще в Центральной Азии, главным образом и оцениваются достоинства людей, способных быть начальниками. Резвые кони, с хорошим звонким убранством уже издали привлекают внимание придорожного населения или встречного каравана. Пестрый — темнокрасный, синий, желтый — наряд очень

[1] Под этим термином ружье известно среди тибетцев Кама за исключением округов Дэрге, Хор, Лин-гузэ, где его называют по-монгольски — «бу».

красит гордых тибетских всадников, в особенности чиновников, перед которыми, как и перед каждым повелительным словом бэй-ху, местные простолюдины смиренно и низко склоняют головы.

К сказанному об одежде тибетцев следует еще добавить, что начальники хошунов, старшие ламы, местные торговцы и другие зажиточные камцы всегда имеют по нескольку богатых шуб — «царцак», шитых из тибетских белых мерлушек и крытых сукном или шерстяной материей. Не менее нарядны у подобных господ и халаты — «рила», которые шьются не только из местных тибетских сукон и тибетской же тонкой шерстяной материи — «тэрмэ-коу», но и из привозных китайских шелков «чуй-дзэ-ту-коу». Мужчины зачастую одновременно одевают на себя по нескольку таких халатов, но женщины всегда по одному, причём женский «ри-да» отличается от мужского своей пестрой по бортам отделкой. Люди состоятельные постоянно носят короткие, до талии, рубашки и штаны; первые шьются из различных тонких материй, последние же только из сычуаньской «бури». Поверх рубашек щеголи тибетцы иногда одевают похожую на жилет безрукавку — «кинчар», с блестящими китайскими или индийскими пуговицами, украшенными короной; еще более шикарными, по представлению тибетцев, считаются серебряные пуговицы-монеты с портретом покойной английской королевы Виктории.

По части обуви чиновничий класс, помимо своих хамов, носит также и китайские плисовые сапоги, привозимые торговцами из Дарчэндо, а поверх обыкновенного тибетского поясного ремня — «гирок» — одевает нарядный кушак — «чанго»; кроме того через правое плечо, на левую часть груди, привешивает связку дорогих серебрянных гау. Многие тибетцы, не только дома, но и в пути, не расстаются ни с «хурдэ» — вращаемыми от руки цилиндрами, заключающими писанные на бумажках молитвы, ни с чётками.

В заключение можно упомянуть о китайском белом или синем зонте, употребляемом тибетцами от дождя и солнца, и о переднике «бантин», изредка, преимущественно в дороге, носимом тибетками поверх шуб или халатов.

Жилищем для кочевого тибетца служит черная шерстяная палатка — «банаг», формой представляющая несколько удлиненный квадрат. Вверху, вдоль всей палатки, находится отверстие не шире полуаршина для средней величины жилища и вдвое большее в огромных палатках хошунных начальников. Это отверстие одновременно служит и окном и для выхода дыма. Посередине палатки, поближе ко входу, складывается печь из каменных плит, обмазываемых глиной. Печь как бы делит жилище на две части. При входе в палатку налево сваливается топливо (аргал), а направо, в углу же, у самого входа, спят хозяева. Вдоль левой стенки палатки складывается

всевозможное старье, а вдоль задней, противоположной входу, на каменной или деревянной настилке — все лучшее и дорогое: платье, зерновой хлеб, чай, дзамба и прочее. У зажиточных тибетцев этот скарб иногда покрывается пологом из шерстяной материи. В углу левой и задней стенок палатки обыкновенно помещаются старики. Вдоль стенки, направо от входа в жилище, начиная от хозяйского угла до следующего, занятого постоянно ягнятами и телятами, устанавливается домашняя утварь: деревянные ведра, кадки, медные или железные кувшины, котлы, чаши, чайники, ковши и прочее.

Земляной пол в палатках никогда ничем не покрывается, а потому он очень грязен, в особенности в дождливое время. Люди спят в палатке либо прямо на земле, либо подостлав под себя короткие, жалкие седельные войлоки.

Палатки тибетцев располагаются большими или меньшими группами то в долине, то в ущельях гор и непременно на покатости. В сухую, ясную, теплую погоду кочевник и его незнающие крова стада чувствуют себя превосходно, другое дело в холодное ненастье или в зимний снежный шторм; впрочем обитатели Тибета большие мастера выбирать наиболее подходящие места для каждого отдельного времени года. Зимою они сосредоточиваются на дне глубоких долин, по мере же наступления весны и развития свежей растительности радостно стремятся в горы выше и выше — до границы россыпей; затем снова постепенно спускаются в нижние зоны, и так из года в год.

Несколько иначе и по-своему лучше живут оседлые тибетцы, устраивающие постоянные жилища из тонких, реже толстых бревен или просто из жердей и ветвей, обмазывая стены толстым слоем глины. Изредка тибетские дома возводятся и из дикого камня, в два или три этажа, с галлереями, балконами и крепостными стенками, с башенками над воротами. Нижний этаж дома тибетца служит исключительно для загона скота, а верхние для жилья самих хозяев и склада их домашнего скарба; тут же всегда хранится на подвешенных жердях необмолоченный хлеб и сено. Хлеб молотят на плоской кровле нижнего этажа, который для этой цели строится значительно шире верхних. Сама молотьба производится деревянными цепами, напоминающими наши. Заготовленное на зиму сено свивается в длинные жгуты и вешается на изгороди и на ветви ближайших к дому высоких деревьев.

Местом для постройки одиночных или сгруппированных по нескольку домов служит или дно более просторных долин и ущелий, или ровные площадки на скатах и даже на вершинах передовых уступов гор. К жилищам непосредственно примыкают участки полей и небольшие огороды.

Относительно пищи как кочующие, так и оседлые тибетцы довольствуются преимущественно продуктами молочного хозяйства с значительным прибавлением дзамбы и кирпичного чая. Оседлые тибетцы едят также репу в печеном виде, но мясом лакомятся очень редко, нисколько притом не брезгая животными, задавленными пантерой или другим каким-либо зверем. Тибетцы едят мясо не только впросырь, но даже и в совершенно сыром виде. Нам приходилось не раз наблюдать местных обитателей за трапезой и удивляться, с какою жадностью члены тибетской семьи съедают куски мяса даже потемневшего от времени.

За отсутствием каких бы то ни было овощей, кроме репы, туземцы копают корешки «джюмы» — гусиная лапчатка (Potentilla anserina), которая растет в изобилии по долинам речек. В сухом виде этот продукт сохраняется прекрасно; в Тибете мы лично также охотно питались им, и мне с товарищами неоднократно приходила мысль: почему бы у нас, в России, где это растение также обыкновенно, не сделать попытку добывать и заготовлять корешки Potentilla anserina в подспорье к ржаному хлебу; мне кажется это нововведение было бы вообще полезно, не говоря уже про времена периодических голодовок, когда, как известно, голодным людям приходится питаться бог весть чем.

Из горячительных напитков в Каме известно вино «чан», или «чун», приготовляемое туземцами из распаренного голосемянного ячменя, а из сластей — нечто вроде нашего сахарного песка и так называемой «пром», то-есть мучнисто-медовой твердой массы в виде маленьких хлебцев, привозимой торговцами из Сы-чуани. Высшее духовенство и чиновники предлагают гостям вместе с прочим угощением и эти лакомства.

Занятия кочевых тибетцев заключаются главным образом, конечно, в скотоводстве; многие зажиточные «бок-ба» обладают огромными стадами яков, баранов, понемногу держат также лошадей, хайныков и коз. Тибетские лошади, сильные и выносливые, ценятся довольно дорого, несмотря на свой небольшой рост и некрасивые стати; хорошими иноходцами тибетцы так же гордятся, как и лучшим оружием. Как и в Монголии, здесь лошадь служит исключительно для верховой езды. В качестве же вьючного животного является неизменный як, который в жизни тибетца вообще играет такую же важную роль, какую у монголов верблюд.

Оседлые тибетцы держат немного скота и засевают свои небольшие поля ячменём, реже пшеницей, произрастающей не выше 11 000 футов (3 350 *м*) над морем, а крохотные огороды — только репой. Во многих местах владений нанчин-чжалбо, но преимущественно по долине реки Дза-чю, местные тибетцы эксплоатируют богатые

залежи соли, которая успешно сбывается не только ближайшему населению, но даже и обитателям отдаленных хошунов. Нанчинская соль проникает в Чжерку, Чамдо и в более южные пределы Дэваншунского района.

Среди кочевого населения подчиненных Синину тибетцев развита также и охота за зверями в целях добычи шкур и мяса; последнее тибетцы сушат впрок. Более или менее значительные по численности охотничьи партии часто примыкают к золотоискателям, работающим на севере и западе своих областей.

Как в Монголии, так и в Тибете все тяжелые домашние работы возложены на женщину. И здесь мужской элемент при каждом удобном и неудобном случае норовит составить компанию для праздных разговоров. В лучшем случае тибетцы едут на охоту или на грабёж. Домашние же работы, как-то: уход за скотом, обработка полей, молотьба, заготовление сена, сбор топлива, водоношение и многое другое, короче — все — ложится на женщину. В то время как женщина в течение дня трудится, что называется, не покладая рук, мужчина скучает от бездействия и идет к ней на помощь только тогда, когда женщина физически не в состоянии с чем-либо справиться. Тибетская пословица: «кто не спит по ночам подобно лошади — разбогатеет в три года» основана на высоком трудолюбии женщины, и рядом другая: «кто спит по утрам как корова — разорится в три года» всецело относится к главе дома — мужчине. Мало того, что тибетка и ткёт материи, и шьёт одежду, и большею частью пасет стада и служит мужу или мужьям в роли куафера, она же обязана сопровождать, и притом всегда пешком, важного чиновника-всадника, ведя в поводу его лошадь, часто на расстоянии 15—20 и более вёрст. В качестве носильщика багажа является также женщина. Не надо забывать, что все эти работы исполняются в разреженной атмосфере на 12—15 тыс. футов и выше (3 700—4 600 *м* и выше) над морем. Мы сами часто бывали свидетелями подобных напряженных трудов тибетской женщины и в душе восхваляли её силу, энергию и постоянную веселость. Верхом на лошади тибетка так же ловка, как и тибетец: поймать из табуна любую лошадь, ухватиться рукой за гриву и, быстро вспрыгнув на спину неоседланного животного, лихо нестись в желаемом направлении — в привычке каждой молодой тибетки; справиться с упрямым яком при вьючке или развьючке — также. Мне кажется, что и в бою и в воровских набегах тибетки не отстанут от своих, в этом отношении лихих, мужей.

В конце марта в Каме приступают одновременно и к вспахиванью поля и к обсеиванью его зерном. Туземцы выезжают на поля семьями и, пристроившись своим походным лагерем где-либо на берегу ручья или речки, приступают к работам. Тибетец, идя с зерном по

полю, разбрасывает его подобно тому, как это делает наш крестьянин-сеятель; по мере разбрасывания зерен по полю последнее запахивается. Вслед за пахарем медленно двигаются двое-трое подростков, которые разбивают комья земли и выравнивают пашню. На этом и оканчиваются весенние полевые работы.

Из земледельческих орудий тибетцы-кам знакомы только с одной примитивной деревянной сохой, с железным сошником парной или одиночной запряжки; пашут здесь на быках-яках или на хайныках, реже на лошадях.

Сколько приходилось видеть, туземцы всегда старались производить обработку полей в то время, когда в воздухе преобладала влажность, обусловливаемая хотя бы даже выпадением мелкого быстро растаивающего снега. К искусственной поливке хлебов здесь прибегают только в крайности.

Интересно, что в период весенних земледельческих работ в Каме в каждом селении раздаются звонкие голоса детей, хором взывающих к богу о ниспослании на землю хороших урожаев.

Сами поля располагаются уступами и разграничены оросительными канавками, которые в местности, пересеченной оврагами, чередуются с желобами; эти желоба, служащие для проведения воды на орошаемые поля, или прикреплены к карнизам, или перекинуты поперёк оврагов. Во избежание порчи хлебов стадами, поля ограждают стенками, слагаемыми чаще всего из каменных плит.

В конце августа приступают к уборке хлеба; при жатве употребляют нечто вроде нашего серпа. Сжатый хлеб почти тотчас же свозят к жилищам и, по мере просушки его на плоских кровлях, или обмолачивают или складывают под навес.

Для перемола зерна имеются ручные, реже водяные мельницы.

В наиболее красивых, приветливых и вместе с тем уютных уголках Кама устроены кумирни или монастыри, а при этих последних нередко и управления начальников, и дома их приближенных. При монастырях же имеют квартиры и торговцы китайцы и тибетцы, каждый со складами своих товаров, словом — монастыри играют роль общественных и религиозных центров и заменяют собою города, которых здесь вовсе нет.

Главные монастыри привлекают к себе в настоятели достойнейших из лам лхасских монастырей с разрешения настоятелей этих последних. При этом староверы, последователи красного толка — «нинмаву» (ньин-маба) и «сарчаво» (сакияба) — всегда обращаются в монастырь «Сарча-ванчин», последователи господствующего в Тибете учения Цзонхавы, или желтошапочники «гардинба» (гелюгба) — в монастырь Галдань и последователи отшельников Марба и Миларайба, толка «гарчжива» (гарчжутба) — в монастырь Цорвогомба.

Надо вообще заметить, что по отношению к последователям той или иной секты тибетцы противоположных лагерей не проявляют антагонизма; антагонизма не обнаруживается также и среди лам разных толков, случайно проживающих вне отправления монастырских служб под одной общей кровлей. Слабые телом тибетцы всегда предпочитают обращаться к ламам белого толка в надежде скорее и успешнее у них именно излечиться от какого бы то ни было недуга.

Время пребывания лхасских лам в монастырях северных и южных тибетцев-кам строго не определяется; все зависит от того обстоятельства, как часто и в каком количестве эти ламы или гэгэны доставляют денежные жертвы в Лхасу, в свои непосредственные монастыри: чем богаче, ценнее подобные приношения, тем более увеличиваются и сроки для таких гэгэнов.

Названия монастырей или кумирен тибетцы связывают с именами их гэгэнов или же с названием тех хошунов, в которых они расположены.

Грамотность в Тибете, как в былые времена и у нас на Руси, доступна лишь духовному классу, который составляет 10—15% всего населения.

За советом к ламам тибетский тёмный народ обращается во всех более или менее важных случаях жизни.

Дороги, пересекающие Тибет, исключительно вьючные, пролегают не только по долинам рек и речек, но и через разделяющие их хребты и горы. В области оседлого населения через горные ручьи и речки устроены мосты; в районе же кочевых обитателей переправы производятся в брод.

Для переправы через главные реки Кама — Голубую и Меконг — служат оригинальные лодки, похожие на кузов саней. Деревянный остов тибетской лодки, связанный из нескольких обручей, прикрепленных к деревянной раме, обтягивается шкурой яка; при спуске на воду швы её каждый раз смазывают салом. Такая лодка при двух гребцах поднимает сравнительно мало. Нам для перевоза багажа и самих себя постоянно требовалось около суток времени; животные же наши, за исключением баранов и собак, отпускались вплавь. Нагруженная лодка отчаливала от берега и тотчас же, подхваченная быстрым течением, уносилась вниз, но благодаря извилине реки, имеющейся при каждой переправе, в то же время приближалась и к противоположному берегу; гребцы, насколько хватало сил, помогали лодке пристать к берегу в известном месте. Каждый раз переезд лодки сопровождается громким гиканьем, подобным тому, какое издают тибетцы при их атаках на неприятеля.

Главные или большие дороги, которые связывают Сы-чуань с Лхасой, постоянно оживлены бычачьими караванами, везущими в сто-

лицу Тибета сычуанский чай, шелк и прочее и вывозящими обратно шерсть, маральи рога, мускус, тибетские сукна, ткани, предметы культа и немногое другое..

Вдоль всяких дорог, во многих местах, сложены из сланцевых плит более или менее длинные валы «мэньдоны», или «мани»; так же часто можно видеть высеченную огромными буквами на отшлифованных самою природою выступах скал мистическую формулу: «ом-мани-па-дмэ-хум», а иногда даже и поясное изображение самих богов буддийского пантеона.

При монастырях или иных местах собраний тибетцев всегда находятся мастера-художники, которые высекают или пишут красками на плоских камнях всевозможные молитвы и напутственные благопожелания. Следующим через эти места путникам, в обычае тибетцев, подносить одну или несколько таких плит в надежде получить за них добровольное пожертвование. Из подобных камней и вырастают со временем грандиозные мэньдоны. На перевалах же, как и в других местах Центральной Азии, сооружены «обо», а по горным ручьям — молитвенные мельницы — «хурдэ», приводимые во вращательное движение, подобно мельничным жерновам.

Среди обитателей Центральной Азии вместо денег, как их представляют себе европейцы, вращается ямбовое китайское серебро в больших и малых кусках, а также изредка и медные круглые монеты — «чохи», с отверстием по середине. В Тибете же в ходу преимущественно индийская серебряная монета — рупия, которая чеканится англичанами в Калькуте и которую, главным образом, признают тибетцы. Поэтому будущим посетителям Кама необходимо запастись, помимо китайского ямбового серебра, также индийской монетой. Мы, не будучи знакомы с этим обстоятельством, должны были много потерять на своем ямбовом и плиточном гамбургском серебре, променивая то и другое на индийские рупии, да и сам обмен могли произвести исключительно благодаря совместному пребыванию в Каме с китайцами — сборщиками дани, которые объявили туземцам, что взятое ими от русских какое бы то ни было серебро они охотно примут при взносе дани, чем значительно облегчили наши торговые сделки с тибетцами по заготовке продовольствия на предстоящий путь экспедиции. Только однажды, у чиновников нанчин-чжалбо, я встретил несколько экземпляров небольших серебряных китайских ямбочек, представляющих, как ни странно, совершенно особенный тип денежных слитков.

В Центральном Тибете, по словам туземцев, нередки тибетские серебряные монеты — «дхамха», («танка», или «транка»), фабрикуемые в Лхасе. На нашем пути эти монеты встречались редко; еще реже попадались нам непальские. Академик С. Ф. Ольденбург,

любезно взявший на себя определение этих монет, сообщил о них данные. Желающим ближе ознакомиться с вопросом о тибетских серебряных монетах С. Ф. Ольденбург указывает на статью Terrien de la Couperie: The silver coinage of Tibet. Num. Chr. 3.I, 340—353.

Затерянные среди труднопроходимых гор, находясь под влиянием невежественных лам, тибетцы сильно отстали в своем развитии. Путешественнику бросается в глаза их беспечность и грубость, а также лицемерие, ханжество и суеверие. Барантачество в Каме сильно развито. Все эти отрицательные стороны наиболее присущи тибетскому кочевому населению, оседлые же тибетцы отличаются более мягким характером и некоторым понятием о гостеприимстве. На языке таких людей ещё понятна тибетская пословица: «как в тенистой глубокой воде рыбы больше, так и у хорошего человека больше друзей»[1].

Общей характерной чертой у тибетцев, служит, между прочим, крайняя подозрительность и недоверие, основанные на применении народом древнего обычая избавления от ненавистного и преграждающего дорогу человека при посредстве яда, секретно вводимого в еду и питье, обыкновенно в местное вино. В силу этого тибетец решается вступить в дружбу не иначе, как только исполнив известный обряд «братанье», основанный на обмене гау и принесении клятвы перед бурханами.

В Тибете не существует китайских колоний. Здесь нет и китайских гарнизонов, если не считать небольшого сравнительно отряда, расквартированного частью по дороге от Дарчэндо (Дацзян-лу) до Лхасы, частью в самой столице далай-ламы для представительства китайских резидентов. Фактически заветная страна предоставлена самим тибетцам.

В целях поддержания внутреннего порядка и гарантии безопасности извне, северные и южные тибетцы-кам, подобно тому, как и другие малоподчиненные китайцам обитатели Тибета — лин-гузэ, дэргэ, хор, или даже совершенно неподчиненные — нголок, сэрта, дунза, — хотя и не имеют постоянного войска, как мы его понимаем, но тем не менее, по первому требованию своих начальников, скоро выставляют необходимый по численности отряд в полном боевом снаряжении и походной готовности.

В таких случаях северные тибетцы-кам из каждой семьи выставляют по одному человеку в возрасте от 18 до 55 лет, хотя в крайности

---

[1] Любопытно сравнить эту характеристику с данной Минь-чжыл-хутухтой на стр. 48 его «Географии Тибета»: «Камские люди по природе прямы, отличаются мужеством, привязаны к своим владельцам; отличаются перед другими тибетцами благочестием и большой верой; привязанность к своей школе чрезмерная». Но зло в том, что они прославились своей чистой видимостью» (лицемерием?) прибавляет в скобках переводчик «Географии Тибета» В. П. Васильев.

призываются и 12-летние мальчики и 70—80-летние старцы. Две последних категории воинов обыкновенно остаются при лошадях во время самих стычек.

Состоятельные тибетцы являются на войну с ружьем, тремястами зарядов, саблей, пикой и пращей; те, которые победнее, имеют только часть указанного вооружения. Лучшим стрелкам, которые располагают нередко двумя ружьями, придают помощников, на обязанности которых лежит только заряжение ружей и подавание их батырям.

У южных тибетцев-кам военная организация несколько иная. Здесь хошунные начальники ежегодно представляют списки воинов самому хану для проверки. Общая численность наньчинских воинов простирается до 8 тыс. человек, делящихся на три категории или разряда. Первая категория в 2 тыс. человек ежегодно представляется на смотр в полном боевом вооружении — при ружьях, саблях, пиках и трехстах зарядах. Вторая категория четырехтысячного состава является слабее вооруженной; одни из её воинов располагают ружьём и пикой, другие ружьём и саблей, иные же исключительно холодным оружием; наконец, третья категория, равняющаяся первой по числу воинов, выезжает на смотры только с саблей или пикой и пращей. Для воинов нанчин-чжалбо возраст не установлен, хотя и здесь в роли коновожатых являются, по большей части, старые и малые.

Предводителями отрядов назначаются испытанные в боях хошунные начальники, которые бывают вооружены лучше других.

Тибетцы по-своему смелы и воинственны. Они счастливы, когда располагают хорошим конём и отличным вооружением. Превосходные, неутомимые наездники, тибетцы имеют привычку подтягивать стремена так высоко, что верхняя часть ноги лежит у них совершенно горизонтально; седла камцев, изготовляемые в Дэргэ и Литане, не хуже, скорее даже лучше монгольских.

Летом, как только лошади успеют откормиться, тибетцы организуют партии для воровских набегов в соседние или отдалённые хошуны. Чаще воруют в чужих округах, причём предметом самого воровства являются скот до баранов включительно. Нередко воровство переходит в открытый разбой. Уворованную и доставленную на место добычу делят приблизительно таким образом: половину из всего награбленного отдают в пользу своего хошунного начальника, а из остального одна половина поступает предводителю партии, а другая всем остальным её членам.

Случается однако и так, что воры бывают пойманы или на месте преступления, или настигнуты и схвачены где-либо в дороге. Пойманных воров часто сажают под арест и взимают штраф — гуцен — за каждое уворованное животное; затем провинившихся отпускают восвояси. Иногда, впрочем, без дальностей воров, лишив всего их

имущества и порядком поколотив, угоняют прочь от стойбища; но бывает довольно нередко, что поимщики не только обирают воров, как говорится, до нитки и более или менее жестоко бьют, но озлобленные на них ещё и убивают одного-двух человек — вот и причина для войны между хошуном, жаждущим отомстить за своих убитых хошунцев, и хошуном, убившим воров и ожидающим, следовательно, мести.

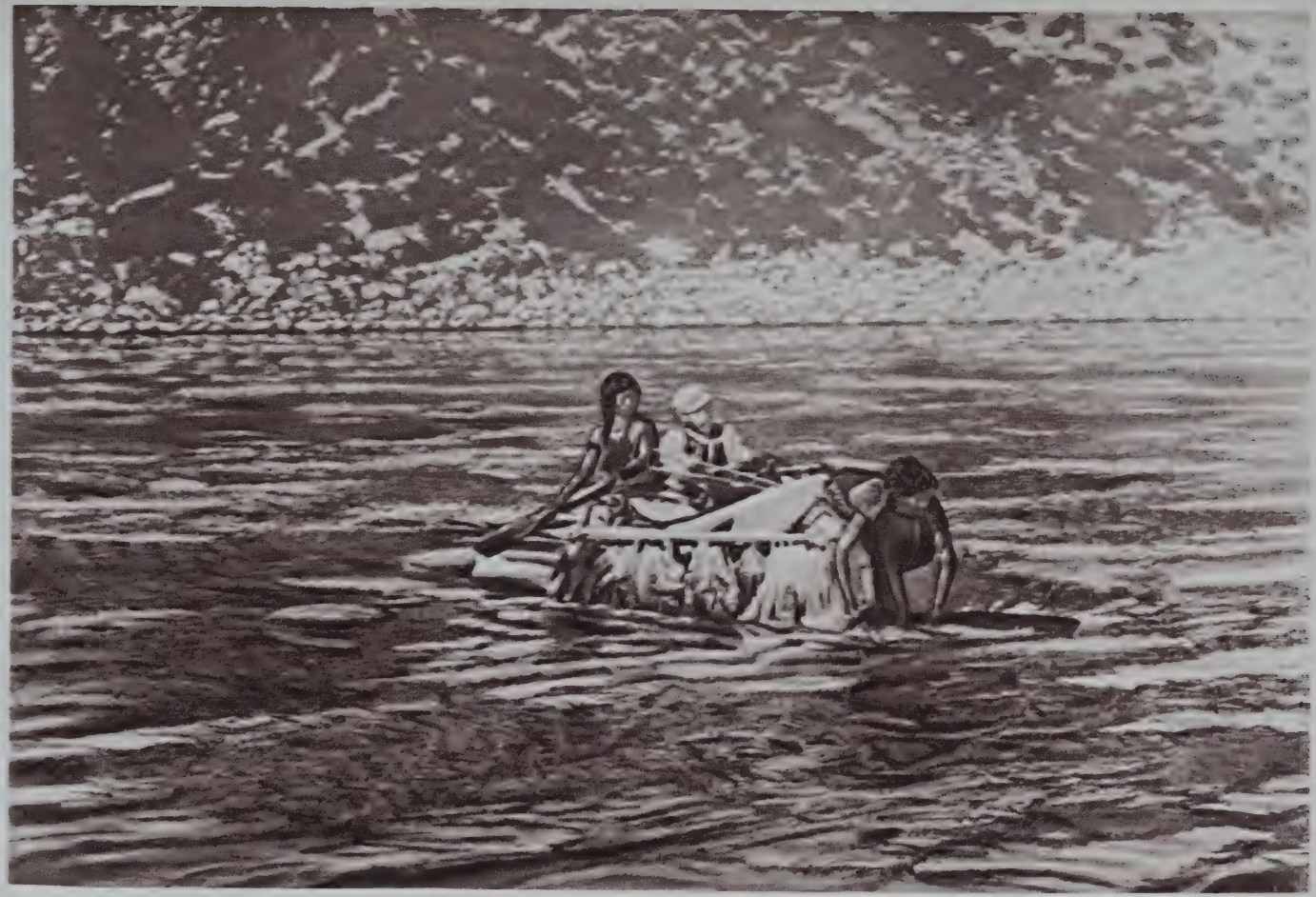
Лишь только неудачники-воры по возвращении в свой хошун сообщат однохошунцам об убийстве кого бы то ни было из их товарищей жителями такого-то хошуна, как тотчас же начинается деятельное приготовление к войне: рассылают гонцов во все стороны хошуна, точат оружие, приготовляют порох, пули, фитили. Все это, конечно, делается гласно, и посторонние соседи, точно так же, как население того хошуна, против которого готовятся к войне, немедленно же об этом узнают. Посторонние, согласно установившемуся обычаю, являются к обеим сторонам с предложением не начинать войны, а кончить дело миром и предлагают им свои услуги в качестве посредников. Иногда таким образом дело и кончается миром, причём за убитого вора взыскивается известный «кун». Но случается нередко, что та или другая сторона уклоняется от переговоров и продолжает готовиться к войне.

Собирается человек 100—300 воинов того хошуна, из среды которого был убит вор, и направляется к границе враждебного хошуна, рассылая в стороны свои разъезды. То же самое делает и хошун, ожидающий мести за убитого. Он также созывает войско и высылает его вперед к границе, по возможности подальше от населённых пунктов. Встретившись где-нибудь, эти два войска располагаются друг против друга на почтительном расстоянии и начинают перестрелку. Расстояние, разделяющее две враждующих партии, настолько однако значительно, что пули из их фитильных ружей редко долетают по назначению, чаще же ложатся ближе цели. Постреляв друг в друга часа два-три, враги расходятся и, переночевав где-либо, главным образом на вершинах увалов гор, на другой день снова начинают ту же историю, продолжающуюся несколько часов.

Иногда случается, что одна сторона убивает или ранит двух-трех врагов, и тогда немедленно же возвращается домой с чувством удовлетворения.

Посредники однако не оставляют своего дела и во время войны. Они уговаривают одну сторону обождать немного стрелять и бегут к другой с такой же просьбой. Уговаривают, умоляют не ссориться и не проливать крови, а кончить дело миром. Но лишь только возобновилась перестрелка, они уходят прочь, чтобы снова начать свои попытки помирить врагов после перестрелки.

Случается иногда, что нападающая сторона собирается быстро и



Тибетская лодка на верховье Янцзы-цзяна

успевает прибыть раньше к какому-либо стойбищу из 10—30 палаток врага. Обыкновенно ранним утром нападающие останавливаются шагах в пятистах от жилищ, слезают с лошадей и, как говорят, чтобы показать жителям, что они не обыкновенные проезжие, а явились сюда для войны — открывают огонь по домашнему скоту. В женщин и детей вообще не стреляют, как вначале не стреляют и в мужчин. Напуганные выстрелами жители начинают угонять скот, собирать палатки и скарб и увозить его.

Одновременно жители посылают гонца к своему начальнику и к этому месту собираются воины хошуна. Когда стойбище снимется для перекочёвки в другое безопасное место, а также удалятся женщины и дети, начинается перестрелка, описанная выше.

До рукопашной дело доходит очень редко; в таких случаях дерутся на саблях и пиках и в результате оказывается очень много раненых и убитых. Схватка в рукопашную производится по большей части верхами на конях.

По окончании враждебных действий, в результате которых является несколько человек убитых и раненых с обеих сторон, или только с одной — безразлично, посредники снова начинают свои попытки уговорить стороны покончить недоразумение, что им обыкновенно и удается после двух-трех схваток или стычек.

Так или иначе, но вражда тянется иногда несколько лет, прежде нежели обе стороны окончательно примирятся, обязуясь уплатить хошуну за убитых его воров или воинов, павших на поле брани, известный, раз навсегда установленный обычаем кун.

Кун, или пеня, существует трех родов, так же как и люди у тибетцев делятся на три разряда. Первый разряд — люди, отличающиеся своею храбростью, умом, ловкостью, известностью между своими и богатством; второй разряд — люди, во всех тех отношениях уступающие первым, и третий — люди обыкновенные, ничем не выделяющиеся из среды своих однохошунцев.

Если дело не доходит до войны между хошунами, если посредникам удастся во-время уговорить обе стороны, то убившие вора выясняют положение, то-есть разряд убитого, и уплачивают за него кун.

За убитого вора, отнесенного к людям первого разряда, уплачивают: 50 лан серебра, 20 ружей и лошадей и 400 кирпичей чаю; второго разряда: 25 лан серебра, 10 ружей и лошадей и 200 кирпичей чаю, и наконец третьего разряда: 5—6 ружей и лошадей и 40 кирпичей чаю.

Если же дело оканчивается всё-таки войной и во время перестрелки окажутся убитыми только люди нападающей стороны, то таковая пени за убитых не получает, а получает только за своего убитого вора. Если же убитые окажутся в обеих партиях, то посредники убитых по разрядам присуждают какой-либо стороне доплатить

за убитых, относимых к высшим разрядам против убитых низшего разряда. Случается таким образом, что сторона, считавшая себя обиженной и начавшая поэтому войну, доплачивает по окончании её кун за убитых своих врагов.

Бывает однако и так, что между враждующими партиями не оказывается посредников; тогда вражда и перестрелки продолжаются ежегодно по нескольку раз до тех пор, пока или одна сторона не будет сильно побита и не оставит попыток заводить ссор, или же пока и той и другой стороне не надоест враждовать, и враги, сговорившись, не бросят нападать и грабить друг друга.

В заключение общего очерка коснемся еще других обычаев тибетцев; начнем с приема гостя.

При входе гостя в палатку его немедленно усаживают направо от входа у самой печи на войлок, если он есть, или просто на землю и вскоре подают ему в глиняном или медном кувшине чай с молоком и маслом. Затем перед гостем ставят низенький длинный ящичек с двумя отделениями для дзамбы с маслом и чуры. Хозяин берет кувшин с чаем и протягивает его гостю, который достает в это время из-за пазухи свою чашку и подставляет её под горло кувшина. Но прежде чем налить в неё чаю, хозяйка собственной рукой накладывает в чашку (до половины) дзамбы с маслом и уже тогда только поверх дзамбы наливает чай.

Лишь только гость глотнет немного чаю, как хозяин тотчас же доливает чашку. И так продолжается, пока гость не напьется чаю. По окончании чаепития гость пальцами размешивает дзамбу, причём подсыпает еще сухой муки и добавляет масла; затем приготовленный колобок крутого теста он съедает или целиком, или, съев одну часть, другую прячет за пазуху, в дорогу.

Сколько бы гостей ни было — пред каждым из них непременно ставится особый кувшин с чаем. Если же семья бедна и у нее нехватает кувшинов для каждого гостя, то таковые ставятся перед более важными, а остальным хозяйка наливает в чашки ковшом прямо из котла, кипящего на очаге.

У тибетцев вообще не принято пить из чужой чашки, а поэтому каждый, будь то взрослый или мальчик, имеет при себе собственную чашку, с которой никогда не расстается. Если случится какому-либо мужчине войти в чужую палатку, не имея при себе своей чашки, то он отказывается от предлагаемого хозяевами чая; хозяева же в свою очередь не предлагают ему своей посуды.

После чая гостям предлагают кислое молоко, но это делается только у кочевников; оседлые же жители вслед за чаем с дзамбой угощают гостя сырым мясом. Почетного гостя тибетцы угощают кроме того и джюмой — корнями гусиной лапчатки, сваренными в воде. Это

местное лакомство подается горячим, в чашечках, без воды; поверх корешков хозяйка дома кладет кусочек свежего масла.

В семейном быту тибетцев практикуется многомужие — полиандрия. Иногда у одной женщины бывает до семи мужей, которые должны быть непременно братьями; лица посторонние в такой союз не допускаются. Ребенок, происходящий от такого полиандрического брака, считает своим отцом того, на кого мать указала ему, как на отца, прочие же мужья матери считаются дядями ребенка. Фамилии в смысле именно семьи в Тибете неизвестны; про детей говорят, что они дети такой-то женщины, а имя отца вряд ли когда и упоминается. Случается также, что более состоятельные тибетцы имеют не только одну, но и две жены.

Самые свадьбы у тибетцев-кам устраиваются почти так же, как и у тангутов Кукунорской области. Обыкновенно родители или братья молодого человека посылают в дом намеченной ими девушки знакомого старика с целью завязать переговоры о предстоящем деле. По приезде на место старик между самым обыденным разговором изредка вставляет и фразы, касающиеся прямой цели своего посещения, так например: «сколько лет вашей дочери? Знаете ли вы сына или брата таких-то, там-то живущих? Это большая, богатая семья, состоящая из стольких-то братьев, имеющая столько-то скота или столько-то полей!». На все это хозяева дома отвечают по большей части утвердительно, или: «мы лично не знакомы с ними, но слышали от своих родных то же, что и вы говорите». Далее старик опять говорит: «так вот они, эти люди, хотят его женить на вашей дочери и намереваются по этому случаю приехать к вам».

Если предложение старика приятно родителям девушки, то они дают ему понять об этом такими же намёками, добавив на прощанье, что им предварительно всё-таки необходимо посоветоваться со своими родными и только потом они будут в состоянии согласиться на приезд в их дом родственников молодого человека для дальнейших уже официальных переговоров.

Вслед за получением приятного извещения родные жениха отправляют, в известный день, в дом избранницы несколько человек почетных родственников, снабжая их вином для угощения и хадаками для раздачи на месте. О дне прибытия настоящих сватов родители девушки оповещают своих родных и вместе с ними готовятся к встрече сватов. Встреча всегда бывает дружественная, предупредительная, так же как и следующее за нею угощение. На этой первой пирушке, по выяснении степени калыма или точнее приданого — «нори», присутствующие объявляют акт сватовства совершённым.

У тибетцев размер нори зависит также от благосостояния семей, пожелавших женить своих детей или братьев. Состоятельная семья

жениха вносит родителям невесты деньгами, скотом и тибетскими тканями, примерно, переводя на наши деньги, около тысячи рублей; семья средней руки — только половину указанной суммы, а люди с малым достатком могут ограничиться не только одной третью, одной пятой, но и даже и одной десятой. Со своей стороны родители невесты, чтобы соблюсти добрые отношения и приличия, должны доставить в дом жениха нарядов, домашней утвари, а также и скота на стоимость, по меньшей мере, в два раза бóльшую таковых нори жениха.

В заблаговременно назначенный ламами день родители жениха снаряжают посольство, состоящее из четырех, восьми и большего числа лиц, на которых возлагают доставление к ним в дом невесты их сына. Невеста покидает родителей, которые её не провожают, в сопровождении своих родных и знакомых, причём в состав поезжан невесты обязательно входит одна молодая женщина, назначенная состоять при невесте в роли бэргэн цайдамских монголов. Таким образом свадебный поезд невесты представляет порядочную компанию, которая к тому же бывает очень часто веселой и оживленной.

Обряд венчания происходит одинаково, как и у цайдамских монголов.

Если новожёны зажили хорошо, то по истечении приблизительно месяца родители молодого справляют пир, на который съезжаются и родные жениха и родные невесты, иногда человек до 200. Свадебный пир отличается обилием еды — мяса и питий — водки, или чана; водки вообще выпивается неимоверное количество; поэтому, несмотря на ее слабость, гости бывают сильно пьяны. Для мяса же закалывают около 10 быков и штук 30—40 баранов. Во время пира, продолжающегося около трех дней, гостей одаривают хадаками. Менее состоятельные тибетцы предлагают гостям и менее обильное угощение.

На свадьбе матери невесты преподносится подарок — «н'урин» в виде лошади, быка, барана или небольшого куска серебра; бедняки могут ограничиться одним хадаком. И здесь, подобно тому, как у цайдамских монголов, подарок матери невесты мотивируется платою за «материнское молоко».

Если у поженившегося тибетца имеются младшие братья, то они, конечно, по мере достижения половой зрелости, примыкают к общему семейному союзу. Даже и среди богатых тибетцов отец, имеющий трех или более сыновей, женит только одного, самое большее двух, заблаговременно условливаясь с детьми — сыновьями, что одна или две жены должны быть общими женами всех братьев. Каждый из братьев в отдельности не обзаводится семьей не только в силу экономических соображений, но ещё и потому, что, согласно старинному обычаю, сыновьям не подобает покидать родительский очаг, что конечно трудно избежать при устранении полиандрических начал.

В случае же противоположного характера, то-есть когда в известной богатой семье нет сыновей, а есть только одни дочери, — родители этих последних принимают жениха или женихов к себе в дом; молодые парни, вступив в новую семью, становятся младшими её членами, подчиняясь во всем главным распорядительницам в доме — молодым женщинам, которые со своей стороны считают своих мужей общими по отношению каждой из них.

Бедняки тибетцы организуют новые семьи очень часто без соблюдения каких бы то ни было обычаев или обрядов.

Если поженившиеся по истечении некоторого времени (полгода-год) обнаружат полное несогласие, семейный раздор, то они оставляют друг друга, расходятся: женщина возвращается в дом родителей.

Та и другая стороны обязаны возвратить приданое по принадлежности; кроме того главный виновник разлада семьи вносит обычный в таких случаях штраф, а именно: барана, кусок местной ткани, хадак с присоединением или хайныка, если виновник муж, или же коня, если виновница женщина.

Из сказанного о семейных началах тибетцев не трудно заметить, что в Тибете женщины пользуются большой свободой.

По признанию самих тибетцев, ни одна из тибеток не в состоянии сохранить свою девственность до выхода замуж, на что, впрочем, и не принято обращать внимания, как равно для родителей девушки не есть огорчение, если их еще незамужняя дочь принесет им дитя. В подобном случае тибетцы не приневоливают провинившихся парней жениться, но их обязывают явиться в дом родителей девушки и служить им во всё время, пока молодая мать не будет в состоянии этого делать; заставляют также виновников нести и те материальные издержки, которые неизбежны при отправлении родов и на первых днях появления на свет ребенка.

Женатых же людей за такие проступки по отношению к замужним женщинам приговаривают к штрафу — гуцен.

Акт деторождения у тибетцев-кам сопровождается следующим обрядом. За несколько дней до разрешения женщины от бремени к ней призывается лама «чжа-нан», который молится, испрашивая больной у известного божества благополучия в предстоящем акте. Во время же самого отправления его при роженице присутствуют тот же чжанан и старик или старуха в качестве акушера — «аи». Теперь лама молится о том, чтобы женщине не помешал злой дух.

Если роды женщины тянутся долго, с осложнением, острыми мучительными болями, то приглашают ещё несколько лам для совместного служения; принято также в подобных случаях обращаться и к ламе «бомбо», или шаману, который уверенно берется облегчить страдания роженицы и ускорить роды. Бомбо читает молитвы и шама-

нит, устраивая из масла небольшие, довольно правильной формы, кубики, которые затем дает женщине внутрь. Тибетцы верят не только в целительное действие подобных кубиков, но даже и в такое чудо бомбо [1], что масляный кубик выносится ребенком на верху головы при появлении своем на свет, чему подтверждением может служить белое или светлое пятнышко, сохраняемое некоторыми детьми долгое время на волосах, в месте, где якобы находился при их рождении чудесный кубик. К испугу страдающих роженицы, для ускорения родов, как это практикуют монголы, тибетцы-кам не прибегают.

Родившемуся дитяти «аи» перевязывает сухожильем пуповину и отрезает её; орудием для отрезания пуповины служит нож — «кир», который напоминает собой кинжал и который тибетцы употребляют главным образом для стрижки баранов. Далее новорожденного завертывают в заранее приготовленную мягкую баранью овчинку. Ни дитя ни мать — «ама» — святой водой не обмывают.

Первый день после рождения дитяти мать умеренно питается местным вином с маслом, а также и мучной болтушкой; со второго же дня ей начинают давать понемногу мяса. В течение целого месяца роженица-тибетка не должна покидать дом или палатку, равно и садиться верхом на лошадь. Спустя же означенное время, по понятиям тибетцев, она становится совершенно здоровой и по отношению к хозяйским работам и по отношению к мужу.

Акушеру или акушерке дарят за труды белого барана и такого же цвета хадак при следующих словах: «этими белыми подарками очищаем ваши руки от крови».

У тибетцев принято давать имена своим новорожденным через год, два или даже три — как придётся, причём наречение имени сопровождается небольшим угощением ламы или простого мирянина-старика, смотря по тому, кто из них приглашён для этой цели. При выборе того или другого имени тибетцы руководствуются обыкновенно планетами и звездами, их взаимным расположением в небе в день рождения ребенка. Слабоватые или хилые дети, конечно, редко доживают до наречения имени, чаще же умирают.

Умершего ребенка тибетцы относят в соседние горы и бросают на съедение хищникам. Надо заметить, что бросают исключительно на скаты, обращенные к востоку или югу. Если в течение трех дней труп не уничтожен зверями или птицами, то ламы говорят, что душа покойного ещё не успела отлететь к богу и необходимо помолиться. Но стоит только действительно ламам открыть свои рты и огласить окрестные горы молитвами, как привычные хищные птицы, грифы,

[1] Вера «бомбо», или «бондо», также «бӧндо» (анимизм, шаманизм и демонолатрия), представляет древнюю, первобытную веру тибетцев, из примеси которой к буддизму и образовался ламаизм.

тотчас появляются и почти на глазах лам уничтожают покойника. На местах похорон ламы устраивают «мани».

В тех случаях, когда в известных тибетских семьях новорожденные дети не выживают, а один за другим, к огорчению родителей, умирают, — трупики таких последующих покойников относят на самые высокие вершины, чем, по уверению лам, достигается прекращение смертности будущих малюток.

Теперь несколько слов о похоронах взрослых тибетцев.

Для молитв по исходе души умершего в дом, где находится покойник, призываются ламы, которые и отправляют положенные требы в течение одного или нескольких дней. Затем родные и близкие знакомые, в сопровождении духовенства, уносят покойника в горы, в скалы, и там кладут его на поверхности земли. Снятая с покойника одежда или раздается беднякам, или же остается на руках близких родных. Во все это время ламы громко читают молитвы, положенные на этот случай.

По прошествии трех дней со времени «похорон», если последнее выражение здесь допустимо, те же родственники и ламы вновь посещают место упокоения умершего, причём на этот раз относят туда и каменные плиты, исписанные молитвенными формулами. От покойника остаются к этому времени лишь крупные кости, но если бы случайно сохранился цельный скелет, то таковой ламы сжигают, а пепел, смешанный с красной глиной, служит материалом для приготовления бурханчиков «цаца», которыми украшают придорожные мани или заброшенные фанзы.

Общий процент смертности в Восточном Тибете не велик, не считая, конечно, неизбежных периодических повальных болезней, как, например, оспа, случающихся сравнительно редко; тем не менее прирост населения в этой стране крайне ограниченный, что надо приписать главным образом существованию в Тибете полиандрии и присутствию многочисленного класса безбрачного духовенства с одной стороны и междоусобным войнам с другой.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

ПУТЬ ПО СЕВЕРО-ВОСТОЧНОМУ ТИБЕТУ

Несколько слов о перевозочных средствах Тибетского нагорья. — Наш караван в Тибете. — Хребет Бурхан-Будда. — Экскурсия по берегам озера Алык-нор. — Хребет Амнэн-кор. — Нголоки. — Пребывание экспедиции на озёрах верхней Хуан-хэ. — Долина Джагын-гола и водораздел Желтой и Голубой рек. — Вступление в Кам — встречные тибетцы хошуна Намцо; их старшина Пурзек. — Переправа через верхний Янцзы-цзян. — Долина речки И-чю и горы Дютрейль-де-Рэнса. — Бивуак экспедиция на берегу Рхомбо-мцо. — Селение и монастырь Чжэрку. — Свидание с китайским посольством.

С приходом экспедиции в Цайдам первый акт её деятельности мог считаться оконченным. Целый год экспедиция провела главным образом среди мирных, добродушных монголов, изучая их страну, знакомясь с их бытом и пользуясь для передвижения верблюдами, обхождению с которыми в путешествии русские люди скоро выучиваются, в особенности под руководством опытного старшего. Умело заседлать, или, как чаще говорят, захомутать и завьючить животное, не обременяя его через силу, во-время отпустить его на пастьбу, во-время напоить и должным образом приготовить сухую ровную мягкую площадку для укладывания на ночь, облегчить усталого или хромого, не допускать появления на его боках и спине ран или пронашивания на ступнях мозолистого нароста, для чего необходимо тотчас же накладывать заплаты из сыромятной кожи, прикрепляя её к краям ступни ремешками с помощью специальных «верблюжьих» игл, летом, в жаркую пору, своевременно удалять из носа личинок мух — вот, в общих чертах, те несложные приёмы, которыми необходимо руководствоваться при уходе за верблюдами на стоянках. Во время же самого движения каравана надо быть внимательным к тому, чтобы правильно регулировать шаг передового испытанного верблюда как при переходе по равнине, так и при пересечении гористой местности, в особенности

на спусках и подъёмах, чтобы вьюк лежал равномерно на обоих боках животного и чтобы верблюды были прикреплены или привязаны друг к другу — с помощью веревочного повода (бурундук) и деревянной носульки — сравнительно слабо, во избежание разрыва носовых отверстий и так далее.

В Цайдаме с этим незаменимым в пустыне животным мы должны были расстаться. Его сменили быки-яки или хайныки, обитатели гор и высоких плоскогорий Тибета.

Обладая диким нравом, бык-як в пути, на бивуаке, при пастьбе, норовит всегда и всюду боднуть соседа: быка, лошадь, человека — безразлично; особенных драчунов не трудно отличить по отпиленным концам рогов.

Быки двигаются по горам крайне медленно, от 3 до 3,5 вёрсты в час, иногда и того меньше, неся на спине тяжесть, на половину уступающую таковой для среднего верблюда. При всем том быки-яки чаще подвергаются повальным болезням — чуме, хасе, нежели верблюды, отчего и путешествие на этих животных обходится нередко значительно дороже, не говоря уже о физических трудностях, которые являются минимальными только при путешествии на справедливо прославленном «корабле пустыни».

В личный состав тибетского отряда экспедиции, помимо меня и моих ближайших сотрудников, вошло 12 человек гренадер и казаков, в подспорье к которым по уходу за непривычными вьючными животными — быками — были взяты в Цайдаме еще четверо местных монголов: двое — Дадай и Чакдур — из хошуна Цзун-цзасака и двое других — Гардэ и Джэрой — из хошуна Барун-цзасака.

Кроме цайдамских монголов сининским ямынем был откомандирован в экспедицию китаец Ли, знающий тибетский язык. Таким образом тибетский отряд был доведен до 20 человек, долженствовавших следовать на лошадях с ружьями за плечами.

В половине мая мы закончили наше тибетское снаряжение. Наступило и 17-е число этого приятного весеннего месяца, когда назначено было и само выступление в далекий и малоизвестный путь.

С раннего утра мы все были на ногах; крепостной двор весь заполнился вьюками, быками и людьми. Русская речь перемешивалась с монгольской и китайской. Помимо отъезжающих набралось не мало и постороннего люда. Одни хлопочут, работают; другие праздно толкаются, мешают. Началась вьючка быков, но как она непохожа на вьючку верблюдов: многие упрямцы-быки ложатся, иные прыгают и, освободившись из рук людей, выделывают козла, пока не избавятся окончательно от вьюка. Долго мы провозились с вьючкой в тесном, запертом помещении и только в полдень, в самое жаркое время дня, оставили хырму и вышли на простор долины. Тут можно было

свободнее вздохнуть и осмотреться. Через два-три часа караван быков, разделенных на три партии, пошёл надлежащим порядком, держа направление к югу. Оглядываясь назад, мы все прощались с хырмой, которая теперь стала и для нас очень близка и дорога.

Название Бурхан-Будда, приуроченное со времени первого путешествия Н. М. Пржевальского, относится к сравнительно небольшой по протяжению части гор [1], ограничивающих восточный Цайдам с юга. Со стороны внутреннего замкнутого центрально-азиатского бассейна эти горы производят впечатление массивного однообразного вала, поднимающего свой довольно плоский гребень до 17 тыс. футов (более чем на 5 тыс. *м*) над морем, но тем не менее только местами касаются они линии вечного снега, который поддерживает речки, стремящиеся из гор в две противоположные стороны. В то время как северная подошва гор имеет около 10 500 футов (3 200 *м*) абсолютной высоты, южная едва спускается до 13 500 футов (4 120 *м*), не удаляясь притом от гребня более 12 вёрст. Ущелья обоих склонов хребта каменисты, дики, местами крайне узки и мрачны и, благодаря скудному орошению, довольно пустынны и унылы. Немногие и сравнительно маловодные речки по выходе из гор, в большинстве случаев, скрываются в землю, чтобы затем обнаружиться на дне долин в виде ключей или источников.

Хребет Бурхан-Будда слагается из светлых гранитов с примесью плагиоклаза, кварца, бисиликатов и эпидота; кроме того из тоналита, гнейсо-гранита, гнейса, диорита, известняка с вкрапленностями пироксена и эпидота, известкового шпата, кварцевых и глинистых песчаников и сланца.

В рассматриваемых горах из млекопитающих были встречены дикие яки, аргали, или каменные бараны, куку-яманы, олени, антилопы, ада, сурки, зайцы, хорьки, лисицы, волки, рыси, барсы и тибетские медведи, а из птиц — снежный и бурый грифы (Gyps himalayensis et Aegypius monachus), бородатый ягнятник (Gypaëtus barbatus), орёл-беркут (Aquila chrysaëtos), соколы (Cerchneis tinnunculus, Falco cherrug), совы, филины, изредка даже и коршуны; кроме того, черные вороны (Corvus corax), альпийские галки или клушицы (Pyrrhocorax graculus, P. pyrrhocorax), каменные голуби (Columba rupestris), два вида горной индейки (Tetraogallus thibetanus, T. kozlowi), каменные куропатки (Alectoris graeca), вьюрки, сойки (Pseudopodoces humilis), каменные дрозды (Monticola saxatilis), завирушки, плиски, водяные сляпки, чекканы, краснохвостки, пеночки, стенолазы, горные ласточки, стрижи и немногие другие.

---

[1] Не превышающих в длину 100 км, иначе — от речки Номохун-хото на западе до реки Еграй-гол на востоке.

Что касается флоры, то последняя в начале лета начала лишь зацветать: так, при входе в горы, по ущелью Номохун, по узеньким полянкам яркой зелени, среди густой щётки не цветущих ещё злаков, бросались в глаза кульбаба (Leontodon), гусиная лапчатка (Potentilla anserina) и еще два вида того же рода; у берега речки выделялся Lagotis, а несколько подальше от воды, на оголенной сухой каменистой почве, зацветал мышьяк (Termopsis); рядом с ним — крошечная Malcolmia; на тех же полянах, ближе к скалам, нагреваемым солнцем, цвел красивый касатик (Iris).

Верстах в десяти выше по ущелью, в боковых отвершках, гербарий стал быстро пополняться последовательно обнаруживаемыми белой Potentilla, полынкой (Artemisia), твердочашечником (Androsace), розовой сухоребрицей (Draba) и яркожелтым душистым гусятником (Gagea); еще выше, на более влажных полянах, цвела осока (Carex), а среди нее маленькая голубая Gentiana; там и сям желтели лютики (Ranunculus) и три вида касатиков — два лиловых или синих и один желтый.

На следующем переходе, в более привлекательных боковых ущельицах, было замечено следующее: по луговым мочежинам группами красиво пестрела очень маленькая примула с розовыми цветами; кое-где среди этих карликов попадалась и другая — высокая, сочная, с серовато-зелеными листьями и розово-лиловыми душистыми цветами; здесь же часто встречались несколько видов крестоцветных, злаки, вновь лютики и Polygonum, только что расцветший; все это по дну ущелий. По глинистым же бокам их прибавились: три вида Astragalus, приземистый молочайник (Euphorbia), покрывающий собой невысокие, рыхлые бугорки земли, выброшенной из нор сурков.

Все перечисленные виды встречались в большом количестве на солнечной или юго-юго-западной стороне; среди же скал, в теснинках, найден первый и единственный в цвету экземпляр ревеня (Rheum spiciforme) и Gnaphalium leontopodium.

В верхнем поясе гор ласкали глаз вполне цветущие Przewalskia tangutica, прежние прелестные касатики, красивый желтый мытник (Pedicularis), лютики, две-три камнеломки (Saxifraga); последние три, то-есть мытник, лютики и камнеломки, произрастали вблизи воды; по глинисто-каменистым обрывам начали зацветать желтая хохлатка (Corydalis), рядом с нею хвойник (Ephedra) и светлолиловый астрагал. По мягким лугам, среди ярких примул, раскрывался голубой уголёк в огне (Adonis coerulea). Часто перепадавшие холода задерживали развитие генциан и фиалок, которые однако набрали цвет и готовы были в скором времени распуститься.

Флора южного склона рассматриваемых гор выглядела ещё беднее и под влиянием холодного нагорного воздуха ещё менее

отрадной в смысле развития; только у южного подножья гор, в теснине, найдены были один-два цветочка очень душистого левкоя (Cheiranthus).

В северное предгорье хребта Бурхан-Будда мы вступили в первый же день, а на второй — уже достигли ключа Нойон-булыка, где заранее было назначено свидание с Барун-цзасаком. Здесь мы окончательно снарядились, приобрели между прочим небольшое стадо баранов, голов до 70, и двинулись дальше. Миновав кочевников-монголов, экспедиция прибыла в средний пояс хребта, в область богатых пастбищ, где при урочище Яматын-бельчир, в целях большего ознакомления с горами и выкормки животных, мы прожили около недели.

Такая сравнительно продолжительная стоянка была кстати ещё и для постепенного приспособления к разреженному воздуху наших организмов, в особенности новичков-спутников, более слабые из которых тут же, на высоте 13 500 футов (4 120 *м*) над морем, поболели день-два, затем всё миновало благополучно, и все мы с успехом могли экскурсировать в окрестных безлюдных ущельях.

27 мая на заре мы двинулись вперед с целью перевалить хребет Бурхан-Будда, что и удалось сделать к девяти часам морозного ясного утра. Подъём на седловину хребта был крут и каменист и в верхней части был укрыт плотным, толстым слоем снега. На вершине перевала Номохун-дабан, у большого обо, я барометрически определил высоту его над морем в 16 030 футов (4 890 *м*); соседние вершины, громоздившиеся одна над другой, поднимались относительно до тысячи футов (300 *м*) и касались вечного снега.

Дальнейший путь экспедиции лежал в юго-западном направлении, к озеру Алык-нор, из которого вытекает река того же названия и стремится к востоку, до впадения слева в Еграй-гол. Поднявшись на соседний увал, мы увидели обширную долину и ближайшие к нам полоски воды, блестевшей на солнце; немного позднее показалось и само озеро, а за ним, в сероватой дали, горы Бурла-абгай; на юго-востоке горизонта выделялся хребет Амнэн-кор; те и другие горы, как равно и пройденный хребет Бурхан-Будда, в верхнем поясе были покрыты снегом. Между главными горами теснились второстепенные, убегавшие к югу и заполнявшие всю даль Тибета, поднятого здесь над уровнем моря на 13—15 тыс. футов (4—4,5 тыс. *м*).

Часа через два затем мы прибыли на северо-восточный берег Алык-нора и расположились бивуаком среди мягкой зелени. Озеро было пересечено с севера на юг в восточной половине, причём наибольшая глубина — 15 сажен (32 *м*) — обнаружена у южного возвышенного берега, а наименьшая у низменного северного; отсюда глубина постепенно увеличивалась на протяжении 7—8 вёрст и только за одну версту от южного берега стала быстро уменьшаться.

Конвой экспедиции охотился за антилопами оронго (Pantholops hodgsom) и ада (Gazella picticauda), пасшимися там и сям на открытой долине; за речкой, против нашего бивуака, держались табуны хуланов (Equus kiang); на противоположном берегу озера темнело многочисленное стадо диких яков. Баснословное обилие диких млекопитающих вообще в северо-восточной окраине Тибета обусловливается почти полным отсутствием в нем их главного врага — человека.

При полной тишине вечернего воздуха на озере стали обнаруживаться плавающие и голенастые пернатые: серые и индийские гуси, утки-нырки, кряквы, шилохвосты, красноноски, хохлатые гагары, крачки-мартышки (Sterna hirundo), красивые турпаны, крохали, белые цапли, зуйки (Charadrius mongolus), улиты-красноножки (Tringa totanus), кулички-песочники (Erolia temminckii) и черношейные журавли (Grus nigricollis); в ближайшем же соседстве озера или речки замечены: орланы-долгохвосты, скопы, соколы, черноухие коршуны, во́роны, жаворонки, сойки, вьюрки (Pyrgilauda ruficollis и Onychospiza taczanowskii), белые и желтые плиски, ласточки и немногие другие.

На второй день пребывания на Алык-норе я отправился с раннего утра для глазомерной съёмки озера. Начав объезд последнего с северного берега, я должен был возвратиться на бивуак по восточному.

Низменный берег озера, по которому мы вначале следовали, носит однообразный характер: илистые отмели выделялись полуостровками или островками, служившими пристанищем для птиц; кое-где залегали родники, окаймленные свежей зеленью, на которой паслись хуланы и антилопы. Но больше всего нас интересовали медведи, свежие следы которых были замечены вскоре по выступлении с бивуака; казалось, что звери, переночевав на возвышенной площадке, с наступлением утра отправились тем же берегом и в ту же сторону, куда держали направление и мы. В то время как я наблюдал за очертанием берегов и оттенками красок поверхности озера, а также за плававшими на нём птицами, мои спутники развлекались стадами зверей, бродивших в ближайшей окрестности Алык-нора. Показались наконец и медведи; не только в бинокль, но и простым глазом можно было различить крупного самца и значительно меньших размеров самку, следовавших вместе. Соблазн поохотиться за зверями увеличивался, тем более, что медведи были как раз на нашей дороге. По мере приближения к зверям стало выясняться, что последние были заняты любовною игрой и что поэтому подойти к ним в меру выстрела не представит особого труда.

Оставив лошадей, я с Бадмажаповым направился к медведям, соблюдая, конечно, охотничью сноровку. В воздухе всё еще стояла обычная утренняя тишина: подброшенная вверх тонкая пыль возвращалась

на то же место или едва заметно относилась в противоположную сторону; следовательно, не было основания опасаться того, что звери нас учуют. Достигнув, однако, ровной площадки, на которой находились медведи, мы были тотчас ими замечены. Мишка мгновенно остановился и поднялся на дыбки, пристально глядя в нашу сторону; медведица приблизилась к мишке и также насторожилась; оба зверя превратились словно в изваяние. Настала минута общего напряженного внимания. Условившись заблаговременно, кому стрелять в того или другого зверя, мы одновременно пустили в медведей две пули. Мой мишка грузно свалился наземь, медведица также последовала было его примеру, но вскоре поднялась и почти незаметно отползла в ложёчек, а затем совершенно скрылась; когда же мы подошли к убитому наповал медведю, то медведица была уже на значительном расстоянии; бинокль обнаруживал её быстрое движение и временные остановки, когда напуганный зверь напрасно оглядывался в нашу сторону.

Остальную часть озера мы также обошли, держась в непосредственной близости береговой линии. Западный берег сильно изрезан разветвлениями впадающих в Алык-нор речек и залегающих между ними озерков и луж, отчего здесь движение затрудняется, а вследствие этого и замедляется. Миновав болото, наш разъезд вступил на проторенную зверями дорожку, которая извивается по хрящеватому грунту и незаметно поднимается на береговые высоты, откуда наблюдатель видит прилежащую долину во всей красе. В блестящей, подобно зеркалу, поверхности озера резко отражалась массивная стена хребта Бурхан-Будда.

Поохотившись за береговыми ласточками (Riparia riparia), витавшими у скалистых берегов, мы последовали дальше. Вскоре из соседних гор вышел к нам навстречу табун диких ослов; звери были настолько доверчивы, что приблизились к нам на расстояние 50 шагов. Внимательно следя за ними в бинокль, — можно было улавливать в их глазах одно лишь крайнее любопытство. Однако стоило нам спешиться, как хуланы тотчас насторожились, подняли головы, громко фыркнули и, повернувшись в другую сторону, быстро умчались, по временам лягая друг друга; во время побежки хулан несет голову высоко, гордо и помахивает коротким хвостом из стороны в сторону.

Озеро Алык-нор расположено в открытой долине, граничащей на севере с хребтом Бурхан-Будда, а на юге горами Ундур-куку. Несмотря на то, что этот пресноводный бассейн занимает в окружности около 40 вёрст, он кажется сравнительно очень небольшим — так грандиозен масштаб общего построения Тибетского нагорья. Абсолютная высота озера простирается до 13 370 футов (4 080 *м*). Наибольшая длина его, приходящаяся по северному низменному берегу, 15 вёрст; отно-

сительно же ширины и глубины рассматриваемого бассейна уже было замечено выше.

Цвет водной поверхности Алык-нора был крайне непостоянен: даже не всегда наблюдалась одинаковая окраска, которая зависела от освещения озера и состояния его поверхности: чем спокойнее озеро, чем глаже его поверхность и чем безоблачнее небо, тем наряднее была окраска — голубовато-стального цвета; в противном же случае преобладал однообразно серый цвет с более или менее темным оттенком.

Что касается до ихтиологической фауны Алык-нора, то она не богата разнообразием, по крайней мере судя по нашим данным, но зато поражает количеством. Баснословное обилие рыбы в этом озере, как и вообще во всех озёрах, реках и речках Тибетского нагорья, объясняется тем обстоятельством, что, за исключением хищников её, вероятно, с сотворения мира никто здесь не ловит. В нашей спиртовой коллекции из Алык-нора имеются маринки (Schizopygopsis thermalis, Sch. malacanthus) и гольцы (Diplophysa kungessanus, Nemachilus crassus), среди которых последний, по исследованию профессора Харьковского университета А. М. Никольского, оказался новым видом.

Прибрежье озера одето главным образом травянистой растительностью: по низменностям особенно ярко выделялись луговые площадки, на которых некоторые виды уже цвели, другие ещё только зацветали — мелкие осоки, синий и желтый касатики, Primula и Saussurea; между прочим встречен и типичный для Тибетского нагорья кустарничек (Myricaria prostrata).

Гораздо богаче и разнообразнее флора, прослеженная севернее озера Алык-нор, в одном из загроможденных валунами ущелий нижнего пояса соседних гор, где там и сям проглядывал малиновый астрагал (Astragalus scythropus); рядом с этим другой, отвоевавший себе больший район, проникает в горы глубже и часто представляет сплошные куртины фиолетового или лилового тонов; кое-где стал попадаться также и душистый левкой (Cheiranthus), а в более узких, стесненных обрывами местах пестрела указанная выше для долины стелющаяся по земле Myricaria prostrata, зелень которой была наполовину парализована морозом и осыпалась при малейшем прикосновении к её стеблям. Из зарослей этого кустарничка пробивался мытник (Pedicularis), готовившийся цвести; по соседству с Myricaria выделялись словно разбросанные зеленые розетки Saussurea, прошлогодние высохшие экземпляры которых еще уцелели; по вершинам обрывистых склонов цвела хохлатка (Corydalis), ниже молочайник (Euphorbia); резче же других бросалось в глаза оригинальное растение Przewalskia tangutica с желтыми цветами; по сухим глинистым скатам гор замечены каменный чай (Statice) и белолозник (Eurotia).

Из северо-восточного угла Алык-нора выбегает речка Алык-норин-хол, которая имеет почти западно-восточное направление, согласно протяжению хребтов и долины, заключенной между ними. Вначале узкая, окрашенная в желтовато-глинистый цвет, речонка эта, по мере удаления к востоку, расширяется и становится прозрачной от впадающих в нее быстрых серебристых речек, текущих главным образом от соседнего хребта Амнэн-кор, который представляет собой западное продолжение еще более массивного хребта Амнэ-мачин («Седой дедушка»). Общая длина речки Алык-норин-хол, до впадения её слева в Ёграй-гол, простирается до 80 вёрст. Течение воды в речке довольно стремительное: падение ее на одну версту определилось приблизительно в 10 футов (3 *м*).

Местами суживающаяся до 5 вёрст, местами вдвое расширяющаяся, долина Алык-норин-хол изобилует пастбищами, на которых привольно пасутся дикие млекопитающие. Цайдамские монголы приезжают сюда ежегодно охотиться за хуланами, антилопами и дикими яками.

Растительность низовья долины мало отличается от таковой приозёрной её части. По мере удаления к востоку стали чаще попадаться Statice, Przewalskia tangutica, белолозник (Eurotia); по речкам, вытекающим из Амнэн-кора, густо поросли облепиха (Hyppophae rhamnoides) и курильский чай (Potentilla fruticosa); к прежним касатикам, желтому и лиловому, стал вначале примешиваться, а затем и окончательно вытеснять их Iris tigrida, с красивыми крупными цветами, срываемыми пищухами (Ochotona); по мокрым прибрежным лужайкам виднелись сплошь Lagotis, повыше — мышьяк (Thermopsis alpina); там и сям показывалась Myricaria prostrata, хотя и значительно реже нежели прежде, но зато более пышным кустарничком; попадались также и зеленовато-желтый молочайник, и мелкий низкорослый хвойник (Ephedra), и дэрэсун (Lasiagrostis splendens); последний по бокам долины, ближе к горам. Среди зарослей облепихи обнаруживался ломонос (Clematis orientalis) и крошечная, с душистыми, красивыми цветами, жимолость (Lonicera), а по руслам речек — ревень (Rheum spiciforme), у южного подножья Бурхан-Будда цвел левкой (Cheiranthus), с желтыми и краснобурыми цветами, глубоко внедряющий среди камней свой корень, по ключевым же болотцам, расположенным у северного подножья Амнэн-кора, — несколько видов злаков и других травянистых растений, среди которых выделялись Primula и золотисто-желтый лютик (Ranunculus).

В месте слияния речек Алык-норин-хола и Ёграй-гола впервые встречены были кочевники-тангуты, принадлежащие к аймаку Ранган, в небольшом числе баныков (тибетцы говорят «банаг»).

Проследовав почти на всем протяжении долины Алык-норин-хол,

мы затем её оставили и вблизи ключа Куку-булык втянулись в одно из ущелий Амнэн-кора, с целью перевалить означенный хребет и двигаться дальше опять в южном направлении. Вначале довольно приветливое ущелье это, по мере нашего движения вверх, становилось диче, каменистее, круче и теснее; тропинка то появлялась, то исчезала. Один из наших монголов-спутников, Джэрой, незаменимый как пастух караванных животных и никуда негодный как проводник, в роли какового он был дан нам Барун-цзасаком, вскоре по вступлении в горы вынужден был сознаться, что он не знает дороги. Приняв это обстоятельство к сведению, я перевел добродушного Джэроя из авангарда в арьергард, а по отношению к направлению пути стал доверяться собственному соображению, приобретенному за время моих продолжительных странствований.

Первый день пребывания в горах Амнэн-кор, 6 июня, ознаменовался страшным холодом, в связи с обильным снегом, падавшим хлопьями с раннего утра до полудня и покрывшим землю толстым, свыше фута, слоем. Пернатые — вьюрки (Leucosticte brandti haematopygia), обитатели верхнего пояса гор, спустились в средний и с пискливым криком перелетали с одной стороны ущелья на другую, усаживаясь порой вблизи проходящего каравана. Среди голосов указанных птичек я начал улавливать иные — тонкие, нежные, совершенно незнакомые мне звуки, что заставило меня быть более внимательным. Действительно, через несколько минут я был порадован появлением на ближайших скалах, а также и на луговых кочках, очень нарядных птичек, в которых не трудно было узнать ту интересную форму — Leucosticte roborowskii, которая была найдена в последнее путешествие покойного Н. М. Пржевальского в горах Бурхан-Будда и которую я давно уже ожидал встретить в этом районе Тибетского нагорья.

Экспедиция Н. М. Пржевальского добыла эту птичку всего в одном экземпляре, несмотря на специальные экскурсии, предпринимавшиеся тогда с целью добыть хотя бы одну самочку, так как самец уже имелся. И вот, наконец, спустя 16 лет, я снова увидел эту птичку и в одиночках и в стайках, среди которых были помимо красных самцов и очень скромные серенькие самочки; сначала я любовался этими птичками только издали, а через полчаса уже держал в руках двух убитых неделимых и невольно вспомнил нашего известного орнитолога В. Л. Бианки, который, прощаясь со мною, желал мне между прочим добыть и эту птичку, наперед предсказав серый наряд её тогда ещё загадочной самочки. Серия таких птичек, привезенных в Зоологический музей Академии наук, дала возможность упомянутому зоологу установить новый род — Kozlowia roborowskii. Обрадованный таким дорогим приобретением, я совершенно позабыл о климатических невзгодах. Обильный снег о одной стороны затруднял движение,

с другой же — давал возможность прокладывать сближенные зигзаги, и мы достигли наконец самой точки перевала, абсолютная высота которого определилась в 15 990 футов (4 880 *м*). Главнейшие вершины поднимались еще на 700 или на 1 000 футов (200 или 300 *м*).

Виды по сторонам перевала были закрыты с севера не переставшим падать снегом, с юга — второй цепью хребта. Обычного на перевалах обо здесь не было, следовательно, этим проходом туземцы не пользуются; дорога же была проторена, по всему вероятию, зверями — дикими яками и хуланами.

Спуск с безымянного перевала северной цепи оказался круче подъёма, но зато скорее вывел нас на луговое дно ущелья, несмотря на то, что быков приходилось местами проводить по одному и поддерживать от возможного их падения в пропасть. С погасанием вечерней зари мы устроились бивуаком и могли, таким образом, отдохнуть от перенесенных невзгод.

9 июня, ранним утром, я и А. Н. Казнаков почти одновременно оставили бивуак. Вначале я ехал тем же ущельем, каким мы пришли сюда, а затем направился по одному из более пологих, ведущих на вершину южного гребня. По обыкновению я ехал, внимательно следя за соседними скалами и располагающимися между ними лужайками; на последних паслась кабарга, которая, заметив людей, тотчас же исчезла в скалы; немного подальше в долине бегали хуланы; от времени до времени высоко над горами проносились в воздухе снежные грифы. Солнце, лениво поднимаясь в горах, исподволь освещало боковые ущелья; взамен серебристого инея, на лугу появились блестящие капли росы; у каменистых стен ютились нарядные крупные вьюрки (Pyrrhospiza punicea), Carpodacus rubicilloides, завирушки (Prunella fulvescens, P. rubeculoides) и другие птички, оживлявшие своими голосами летнее утро в горах.

Между тем перевал приблизился еще больше; змееобразная тропа извивалась по крутому скату или пересекала более доступные лога, по которым ютились знакомые уже нам красивые вьюрки (Kozlowia roborowskii). Не надолго остановившись, я застрелил парочку из них, спеша скорее на вершину гребня. Еще полчаса, и мы уже были на перевале, подле большого обо, откуда радостно смотрели на широкий горизонт, открывавшийся в южную сторону. Туда уходило типичное Тибетское нагорье, спуск на которое был значительно короче нежели подъём. Приблизительно в середине открывшегося пространства, среди зеленовато-желтых мягких холмов, блестела поверхность довольно большого озера Орин-нор; за ним, в синеющей дали, темнел в основании и белел по гребню валообразный хребет, водораздел Желтой и Голубой рек. Разреженный воздух был замечательно прозрачен и способствовал обманчивому приближению озера, на ко-

тором без особенного труда можно было различить его береговые очертания. Долго я не мог оторваться от наблюдения этой своеобразной картины. Совсем иное впечатление получалось при взгляде на север: в эту сторону ниспадали глубокие дикие ущелья, разделенные острыми гривами и гребнями с торчащими на них пиками и плоскими скалами.

Измерив высоту перевала — 15 780 футов (4 810 *м*) над морем, — мы, довольные за разысканный путь, стали спускаться по знакомой тропе, извивающейся среди узкой полосы снега, залегавшего в верхнем поясе северного склона гор.

Хребет Амнэн-кор, с которым, таким образом, нам удалось познакомиться, составляет, как это и замечено выше, западное продолжение Амнэ-мачина. Простираясь от запада к востоку до сотни верст, а в ширину около тридцати, этот хребет в западной половине состоит из двух цепей, переходящих за линию вечного снега, нижняя граница которого выразилась, по определению в западной окраине гор со стороны долины Алык-норин-хол в 16 170 футов (4 930 *м*) над морем. Со стороны Тибетского нагорья, по отношению к рассматриваемому хребту, вечный снег нами наблюдался только в западной части гор, на их командующих вершинах. Говоря вообще, хребет Амнэн-кор выглядит с юга несравненно менее внушительным нежели с севера.

Рассматриваемый хребет в верхнем поясе слагается из розовато-зеленого гнейсо-гранита, серо-зеленого гранита, темнофиолетового мелафира с многочисленными прожилками белого кальцита, светло-розового кристаллического известняка, с красными пятнами и красно-желтыми налетами, светлорозового плотного известняка с зеленовато-серыми прожилками и пятнами, серого слюдисто-глинистого песчаника, отличающегося крайней мелкозернистостью, и зелено-серого неравнослоистого глинисто-слюдистого песчаника; в среднем же поясе северного склона гор — из розово-бурого кварцевого порфира, хлоритизированного роговообманкового порфирита, розово-бурого и зеленовато-серого песчаника (известково-слюдисто-глинистого) и брекчии из мелких обломков зеленого сланца, серпентина, кварца, эпидота и венисы в кварцево-кальцитовом цементе и, наконец, в нижнем поясе — из серого сланца (кварцево-глинистого с охрой), черного змеевика, серо-зеленой неравнозернистой породы из змеевика, кварца, хризотила и диапсида, грязнобелого мелкозернистого гранита с соломками черного змеевика и вкрапленностями диапсида и волластонита; что же касается до соответствующих зон противоположного склона, то они обнаруживают преимущественно известково-слюдисто-глинистый песчаник (зеленовато-серый, грубослоистый, мелкозернистый).

Северный склон Амнэн-кора, будучи богат снегом, дает питание нескольким речкам, принадлежащим внутреннему цайдамскому

бассейну, южный же образует одну или две, воды которых стремятся в Хуан-хэ, а эта последняя уже в бассейн Великого, или Тихого, океана. Относительно неопределенного выражения «одну или две речки» необходимо заметить, что одна речка нами прослежена и нанесена на карту; она зарождается в западной, более возвышенной части Амнэн-кора и на пути в Желтую принимает слева несколько речонок, текущих по другим более восточным ущельям гор; о существовании же другой речки можно лишь догадываться, так как дальнейшее к востоку пространство Амнэн-кора осталось неисследованным.

Что касается флоры и фауны рассматриваемого хребта, то они в общих чертах очень близки к таковым соседних к северу гор Бурхан-Будда.

13 июня в 10 часов утра экспедиция раскинула свои белые шатры в месте выхода или истока знаменитой реки Китая из многоводного озера Орин-нор, зеленовато-голубые волны которого гулко ударялись о его песчано-галечные берега.

Накануне прихода на озеро мы встретили разъезд тибетцев племени нголок, численностью в четыре человека, которые были приняты нами с обычным гостеприимством. Нголоки сообщили нам, что они составляют маленький авангард многочисленного нголокского каравана, бивуакующего на северо-западном берегу соседнего озера — Мцо-Хнор. Общее число паломников, возвращавшихся из Лхасы в извилину Желтой реки, или Ма-чю, нголоки нам определили в 600 человек — мужчин, женщин и детей, разделенных на 80 огней, или групп, следовавших во главе с одним из своих начальников — Ринчин-шямь — на двух тысячах животных — быках, лошадях — при небольших общих стадах баранов, шедших в хвосте каждого из эшелонов. На другие наши вопросы нголоки или совсем ничего не отвечали, или же отвечали крайне сдержанно, несмотря на щедрые подарки, предложенные нами нголокам и взятые ими охотно. Суть нашего разговора как при этой, так и при последующих встречах с нголоками сводилась к следующему: какой характер имеет долина Желтой реки на своем дальнейшем протяжении к востоку? как живут нголоки? их внутреннее управление и прочее. По поводу же нашего желания направиться долиною Желтой реки и личного знакомства с бытом этих независимых тибетцев нголоки выразили с своей стороны большое неудовольствие и старались перейти на иной разговор.

Во время посещения наших палаток нголоки украдкой смотрели на наше вооружение, стараясь скрыть настоящее впечатление. Заметив это, мы показали им свою новую трехлинейную винтовку с магазином. «Несмотря на вашу малочисленность, — говорили нголоки, — вас никто не обидит; ваши драгоценные ружья всегда спасут вас; если многие из нас были того же мнения и раньше, то естественно,

что теперь еще больше укрепятся в таком взгляде. Нам, нголокам, можно победить вас только хитростью, коварством: пробравшись в ваш лагерь под видом продавцов съестных продуктов, партией человек в 30, и по известному сигналу, внезапно обнажив сабли, наброситься на вас, чтобы в минуту-две перерубить весь ваш отряд. Вести же с вами сражение, в особенности в открытой долине, как например здесь, совершенно безрассудно». Увидев затем револьвер последнего образца, нголоки пришли в ещё больший восторг, заметив: «Пожалуй и наш затаённый план при наличности у русских подобного вооружения ни к чему не приведет — они вынут из карманов такие маленькие мим-да — ружья — и перебьют нас прежде, нежели кто-либо из нголоков попытается лишь обнаружить свой заговор». «Я помню, — продолжал говорить один из нголоков, — как мы попытались было в свое время воевать с такими же людьми, как вы, в Амнэ-мачине, но ничего не вышло — нам порядочно попало...» [1]. «Ну, приятель, — подумал я, — с тобой мы уже давно знакомы». Заинтересовавшись сообщением нголока, я предложил ему вопрос: «Куда же направлялись те люди, о которых он нам рассказывает?». Нголок, нисколько не задумываясь, ответил: «В монастырь Рарчжа-гомба, куда они вероятно и дошли бы, если бы у одного из начальников или чиновников не повернулась голова, почему русские и принуждены были возвратиться за Тосо-нор» [2].

Рассчитывая провести значительную часть лета в извилине верхней Хуан-хэ и по возможности поработать там в географическом, этнографическом и естественно-историческом отношениях, мною было принято за правило держаться дружественных отношений с номадами вообще, в особенности же с нголоками, с которыми русским экспедициям приходилось уже по необходимости, в видах самозащиты, вступать в более или менее серьезные вооруженные столкновения. Поэтому, при встрече с нголоками, направлявшимися домой во главе с одним из их главных управителей, мы были обрадованы, надеясь путем дружбы и знакомства расположить его к себе и, таким образом, обеспечить экспедиции свободный путь вниз по неведомому уголку верхней Хуан-хэ. Лишь только мы успели устроить наш бивуак при озере, в стрелке, обеспечивающей нам отличную и выгодную в боевом отношении позицию, как к нам прибыло трое нголоков. Один старик монгол-нголок [3], помощник Ринчин-шяма, и два других монгола же, не считая человек семи молодежи, составлявшей эскорт

[1] Намек на нападение нголоков на экспедицию В. И. Роборовского в горах Амнэ-мачин.

[2] В. И. Роборовского сразил паралич незадолго до нападения на нас нголоков.

[3] Таким монголов-нголоков или просто монголов в извилине реки Ма-чю имеется четыре хошуна.

старика-чиновника. В числе молодежи были и 14-летние мальчуганы, старавшиеся показать нам умелое обращение с оружием и молодецкую лихую езду верхом на лошади. Все монголы-нголоки уже давно отибетились, слились с нголоками, составляя с ними известную часть округа, отлично говорят по-тибетски и имеют общий облик с нголоками. Вооруженные монголы-нголоки, сойдя с лошадей, непринужденно направились в нашу палатку, при входе в которую, только по нашему требованию, расстались с ружьями; затем, заняв обычное для гостей место и коротко приветствовав нас, они спросили: «Кто мы такие и куда направляемся?». Я ответил, что — русские, пришли издалека, познакомились со многими странами и людьми и в скором времени надеемся также посетить и их землю, почему очень рады представившемуся случаю познакомиться с храбрыми из тибетцев, для начальника которых имеем хорошие подарки. Надеюсь, заключил я, что мое желание завязать хорошие отношения с их начальником не встретит препятствий, как одинаково мне не будет отказано и в проводниках для дальнейшего следования вниз по реке Ма-чю. На последний вопрос старик, без предварительного доклада Ринчин-шяму, энергично, не колеблясь, ответил: «Проводников вам не дадут, хотя он и доложит своему начальнику как об этом, так и том, примет ли Ринчин-шямь одного из моих помощников, командируемого с подарками и для личных переговоров». После часовой беседы монголы-нголоки уехали обратно, охотно отведав предложенного им чая и сластей.

На следующее утро секретарь князя совсем не показался в наш лагерь, что навело нас на очень грустные размышления, так как, согласно уговору, в неприезде к нам секретаря мы должны были видеть нерасположение к нам нголоков и допускать возможность вооруженного столкновения.

Таким образом, к сожалению, нам не удалось посетить кочевий нголоков ни в передний путь экспедиции, ни во время обратного её следования в Цайдам.

Как давно существует и известно племя нголок, нам не удалось узнать. Нам лишь рассказывали, что через земли нголоков некогда проходил Лин-гэсур, или Гэсур-хан, и что в очень давние времена один из далай-лам проклял нголоков одновременно с другим тибетским племенем, живущим где-то на юге, вблизи границы Индии, за то будто бы, что эти два племени не принимали буддизма и не хотели признать власти далай-ламы. Проклятие это и до сих пор тяготеет над нголоками, хотя теперь они и буддисты, но власти далай-ламы над собою не признают, как не признают над собою и власти Китая. Ограбят ли они кого, украдет ли кто-нибудь у них скот, они в переговорах по таким делам всегда заносчиво заявляют

прежде всего: «Нас, нголоков, нельзя сравнивать с прочими людьми. Вы — кого бы это из тибетцев ни касалось — подчиняетесь чужим законам: законам далай-ламы, Китая и всякого своего маленького начальника; боитесь каждого человека; каждому человеку, страха ради, вы подчиняетесь; вы боитесь всего! Не только вы, но и деды и прадеды ваши были таковы. Мы же, нголоки, с незапамятных времен подчиняемся только своим собственным законам и побуждениям. Каждый нголок родится уже с сознанием своей свободы и с молоком матери познает свои законы, которые никогда не были изменены. Каждый из нас чуть не рождается с оружием в руках; наши предки были воинственны, храбры, такими же являемся и мы — достойные их потомки. Чужих советов мы не слушаемся, а следуем лишь указаниям своего ума, с которым каждый нголок родится непременно. Вот почему мы были всегда свободны, как и теперь, не подчиняемся никому — ни богдохану ни далай-ламе. Наше племя одно из самых достойных, высоких в Тибете, и мы вправе с презрением смотреть на всех остальных соседей и не только на тибетцев, но даже и на китайцев». Что они действительно не признают власти далай-ламы и Китая, нголоки доказывают тем, что грабят гэгэнов и разносят богдоханские войска.

Пятый перерожденец Таранаты, направлявшийся в Лхасу под охраной конвоя из маньчжуров, на пути был ограблен нголоками, причём они вырезали бóльшую часть его конвоя. Часть конвоя и сопровождавшие Таранату монгольские князья должны были голодные пешком вернуться в Цайдам. Тараната успел ускакать раньше. Нголоки постоянно подкарауливают на дороге караваны богомольцев, отправляющихся в Лхасу, и грабят их, что называется, до нитки. Дзачюкавасцы полагают, что всех нголоков более 50 тыс. семейств. Проверить этого мы не могли. Показания тех же кочевников относительно численности нголоков, занимающих район по обоим берегам верхней Хуан-хэ, известный под названием Арчун, также подлежат проверке в будущем. Обитателей Арчунского округа, называющих себя нголок-арчун-как-сум, насчитывается около 26 800 семейств, подчиненных семи крупным начальникам.

Главным из них ныне считается Норбу-дандэр, возвысившийся и завладевший властью после того, как недавно вымер один из знатнейших и сильных княжеских родов нголоков — род Канрсэн-сэна. В собственном хошуне Норбу-дандэра число семейств простирается до тысячи. Этому начальнику подчинено кроме того 20 хошунов нголоков. Численность населения каждого хошуна, подвластного всем вообще старшим начальникам, мы принимаем в среднем в 100 семейств; следовательно, в 20 хошунах Норбу-дандэра можно считать приблизительно 2 тыс. семейств.

В прежнем, так называвшемся собственном, Канргэнсэнском хошуне, считавшемся и считающемся теперь самым обширным, имеется 11 тыс. семейств, с прибавлением же сюда 15 хошунов, с населением в 2 тыс. семейств, бывших в ведении исчезнувшего рода — 13 тыс. семейств. В числе последних упомянутых 15 хошунов входит между прочим самый западный хошун нголоков, носящий название Хорчи. Это второстепенный хошун, кочевий которого экспедиция коснулась на обратном пути, в области речки Серг-чю, правого притока верхней Хуан-хэ, хошун, стоящий так сказать на-страже, имеет около 600 семейств.

Кроме главных семи начальников, которых нголоки сравнивают по значению и важности с синийским и лхасским цин-цаями, в каждом из подчиненных им хошунов имеется свой хошунный начальник. Как главные, так и второстепенные, или хошунные, начальники — наследственны; помощниками же для тех и других служат лица, избираемые и назначаемые по усмотрению самих начальников.

Особенно крупные дела решаются советом семи главных начальников. Младшие — хошунные — начальники решают лишь дела маловажные, а более важные передают тому из семи старших, которому они подчинены.

Четыре первых начальника — Норбу-дандэр, прежний Канргэн-сэн (ныне брат Норбу-дандэра), Кансыр-сэн и Ринчин-шямь имеют очень красивые постройки, одну вблизи другой, на границе оседлого и кочевого населения нголоков Арчуна. Говорят, что вообще все семь главных начальников завели очень строгий этикет: никто из подчиненных не имеет права беспокоить их по маловажным делам, никто не смеет войти в их помещение без доклада и прочее. Живут они или в своих красивых постройках, сооруженных из камня, глины и дерева, или же в палатках, или даже в монгольских юртах, известных у них под названием «урго».

Каждый хошун вносит раз в год своему главному начальнику известную подать. В чем она заключается — осталось для нас неизвестным.

Треть населения округа Арчун занимается земледелием и живет оседло по берегам Ма-чю, или Желтой реки, до Рырчжа-гомба включительно; остальные — кочевники-скотоводы, промышляющие, кроме того, грабежом.

Среди населения нголоков, да и во всем Тибете вообще, существует легенда о том, откуда берется и держится в нголоках воинственный дух и чем обусловливается их успех в грабежах и войнах. Говорят, что Лин-гэсур, проходя через Арчун, потерял в этой местности свой чудодейственный нож и не нашел его. Этому-то ножу, который так и остался ненайденным, с тех пор как пропал, и при-

писывают воинственный дух и успехи нголоков. Независимо от сего поддержание богатства и обеспечение успехов в каких бы то ни было предприятиях нголоков приписывается также и святым горам Амнэ-мачин, или иначе Мачин-бумра; последнее название, вероятно, принадлежит одной из главнейших вершин общего хребта Амнэ-мачин, который в восточной окраине, омываемой с трех сторон рекою Ма-чю, особенно высоко поднят над морем и вследствие этого богат колоссальными ледниками, производящими своеобразное зрелище при солнечном и лунном освещении. На горе Мачин-бумра, где много небольших кумирен, нголоки летом приносят жертвы и отправляют богослужение. Гора эта настолько чтима, что ни один нголок, утром собираясь есть дома или в пути, или наконец, отправляясь на грабёж, не решится прикоснуться к еде и питью, не бросив предварительно несколько ложек в воздух, по направлению к горе, принося ей таким образом с молитвою жертву.

Грабят и обворовывают нголоки исключительно чужих, так как не только за грабёж своих, чего, надо сказать, никогда не бывает, но и самую незначительную покражу, сделанную у своего же нголока, хотя бы и из отдаленнейших мест, налагается ужасное наказание. Вора, пойманного на месте преступления, лишают обоих глаз, кисти рук и, кроме того, разрезают жилы, идущие от пятки вверх до голени. Делается это для того, чтобы лишить вора возможности ходить.

В случаях обнаружения вора в хошуне непосредственный хошунный начальник представляет уличенного в воровстве старшему своему начальнику. Сам же не имеет права наказывать вора.

Таким же образом и такое же наказание налагается на всякого нголока, который укрывает воров или указывает пути для воров, не нголоков, в своих местах.

Если обнаружится, что какой-либо нголок задумал бежать с родины на житьё в другое место, конечно не к нголокам же, то его лишают обоих глаз, обоих кистей рук и разрезают жилы выше пяток у обоих ног.

Отправляясь на грабежи и разбои на большую караванную дорогу в Лхасу или к соседним тибетцам, нголок никогда не испрашивает на это разрешение своего начальства. Последнее же не взыскивает с грабителей, даже если их предприятие не только не увенчается успехом, но и потерпит неудачу и часть разбойников будет перебита. Если грабители возвратятся с добычею — со скотом, то для своего хошунного начальника, будь он маленький или один из семи главных — безразлично, выделяют либо одну лучшую лошадь, либо яка, либо лучшую из вещей, независимо от малого или большого количества награбленного.

Перейдем снова к прерванному рассказу о путешествии.

Вскоре после того, как последний нголокский эшелон прошёл мимо нашего лагеря, долина озера Орин-нор опустела; временное оживление её кочевниками сменилось обычной тишиной, царящей над многими частями Тибета. Наш маленький и одинокий бивуак среди обширного Тибетского нагорья представлялся чем-то сказочным.

Как сейчас помню нашу стоянку на берегу этого высокогорного озера, темноголубая или зеленоватая поверхность которого красиво изрезана обрывистыми мысами и заключенными между ними заливами; живо представляю себе также, нередко украшенные барашками, волны Орин-нора, с монотонным гулом разбивающиеся о берега, или порою совершенно зеркальную гладь его вод, отражающую прибрежные высоты и кучевые облака, тихо проносящиеся над озером.

Пришлось усилить ночные дежурства, иметь на руках каждому участнику экспедиции полный комплект патронов — 100 штук — и спать не раздеваясь, чуть не с ружьем в объятиях. При пастьбе скота постоянно находились двое вооруженных казаков или гренадер и монголы, острое зрение которых лучше всякого бинокля открывало по вершинам восточных прибрежных холмов нголокские разъезды, ежедневно сторожившие нас.

Тем не менее с известной осмотрительностью мы экскурсировали по окрестностям, стреляли зверей и птиц, а на бивуаке свободные от очередных служб люди занимались ловлей рыбы на удочку. Рыбы в реке и в озере очень много; кроме орланов, скоп, бакланов, крохалей и чаек её здесь никто и никогда не ловит, а поэтому наши любители-рыболовы постоянно вознаграждались успехом.

Как рыба, так и большинство жвачных млекопитающих, убиваемых нами, шло в подспорье нашего продовольствия.

Напомнив ещё раз отряду о нашем положении в соседстве с многочисленным разбойничьим племенем, я рискнул оставить бивуак на несколько дней. Персонал разъезда состоял из меня, А. Н. Казнакова, двух гренадер, двух казаков и двух туземцев — монгола и тангута. Цель моей поездки заключалась в съёмке и обозрении западного берега Орин-нора и протока, идущего от юго-восточного угла верхнего озера в юго-западный угол нижнего. Задача же А. Н. Казнакова состояла в продолжении моей работы, то-есть в обходе озера Джарин-нор от места выхода протока по восточному и северному берегам озера до впадения в него речки Солома, то-есть верхней Хуан-хэ, только что зародившейся на «Звездной степи» — Одоньтала.

Намеченный план вполне удался: я возвратился на бивуак на четвертый день, А. Н. Казнаков на седьмой. По прибытии в лагерь мне посчастливилось определить астрономически географическую широту места, откуда Желтая река вытекает из Орин-нора.

Озёра верхней Хуан-хэ — Орин-нор и Джарин-нор монголов вообще, или Цэге-нор — Озеро прозрачной воды — и Цэке-нор — Озеро просвечивающихся отмелей, как называют эти водоёмы цайдамские монголы — известны ближайшим тибетцам под наименованием Мцо-Хнора и Мцо-Хчара, а нам русским ещё и под именем озёр — Русское и Экспедиции, как окрестил эти озёра первый исследователь природы Центральной Азии Н. М. Пржевальский. Оба эти пресноводных бассейна, отделенные один от другого лишь горным перешейком, шириною до 10 вёрст, лежат на абсолютной высоте 13 900 футов (4 240 *м*). Восточное, или Русское, озеро, имея в окружности, по береговым очертаниям, около 120 вёрст, вытянуто от севера к югу, тогда как озеро Экспедиции, достигающее в окружности 100 вёрст, вытянуто с запада на восток. Каждое из этих озер обставлено возвышенными утесистыми берегами, нередко в виде узких мысов, врезающихся в воду. Береговые утесы, в большинстве случаев, слагаются из глинистого песчаника, близкого к глинисто-кварцевому сланцу, и лишь кое-где из известняка, хотя в северо-западном углу верхнего озера замечены и обнажения гранита в виде скал и крупных обломков. Заливы озёр местами отделены плоскими косами или перешейками от главных или проточных вод бассейнов, образуя отдельные реликтовые озерки, по большей части солёные.

Оба озера имеют острова. Верхнее, судя по низкой волне и просвечивающим на солнце отмелям, не глубоко, в особенности в западной части, где из воды выступает остров, как бы оторванный от мыса и составляющий его продолжение; между мысом и островом и далее через озеро на южный берег ходят бродом дикие яки, когда им нужно избежать более круговой обход по материку. Нижнее же озеро довольно глубоко: промеры, произведенные В. Ф. Ладыгиным вдоль длинной оси этого озера, на расстоянии 10 вёрст к югу от выхода из него Желтой реки, дали 15 сажен (32 *м*). Глубина увеличивалась по мере удаления от берега и достигла 15 сажен (32 *м*) в конечной точке. Температура воды на дне (7,8—8,2°) была 23 июня немногим ниже таковой на поверхности (6,7—12,1°).

Цвет прозрачных вод рассматриваемых бассейнов зеленовато-голубой или темностальной, часто впрочем изменявшийся в зависимости от освещения и облаков. Волны нижнего бассейна во время южного ветра бывали солидные и производили внушительный гул, разбиваясь о берега. Последние, как и дно, по большей части галечные, хотя с наибольшей глубины озера Русского добыт красный ил, в котором, по определению К. С. Мережковского, оказалось не мало разных известных диатомовых. Прибой выбрасывает массы водорослей, образующих, в особенности по берегам неглубокого верхнего озера, вал значительной высоты и ширины.

Оба озера связаны между собою протоком, текущим, как уже замечено выше, из юго-восточного угла верхнего в юго-западный нижнего озера и имеющим до 15 вёрст длины при ширине, колеблющейся от 15 до 50 сажен (от 32 до 100 с лишним метров); в последнем случае проток дробится на сеть рукавов; там же, где проток идет одним руслом, ширина его не превышает 30 сажен (около 60 *м*). Вода протока, в наше там пребывание, имела желтую окраску и быстро неслась среди низменных болотистых берегов; мутный цвет воды передавался и прилежащему району нижнего озера, где осаживался ил и где вследствие этого было неглубоко и обнаруживались водоросли.

Из рыб, водящихся в озере, нам удалось добыть в коллекцию: Schizopygopsis extremus, Gymnocypris leptocephalus, Nemachilus stoliczkae, Diplophysa kungessanus, Nemachilus robustus.

Прибрежье озёр холмисто, за исключением двух широких плоских долин, примыкающих к северному берегу верхнего озера и открывающих вид на дальние горные цепи на севере — Мунку-цасатӧула и Хатын-хара. Нижний бассейн открыт к северу и юго-западу.

Реки Джаган-гол и Разбойничья обогащают проток, или, точнее, прилежащее болото, впадая в него с юга. Северного же протока, который до сих пор можно видеть на старых картах, где он показан прорывающимся через горный перешеек, слагающийся из сланца и аплита, не существует вовсе.

Растительность по берегам озёр богатая в смысле привольных пастбищ; животная жизнь также. Во время поездки по берегу озера я убил семью медведей — медведицу с двумя детёнышами, а А. Н. Казнаков одного огромного медведя; мелкие звери — сурок, кярса (Vulpes ferrilata Hodgs) послужили добавлением коллекции, добытой в разъездах.

Дальнейший путь наш лежал не на восток, как предполагалось раньше, а на юг — в Кам.

27 июня, переправившись через реку Хуан-хэ в брод, немного ниже её выхода из озера Русского, караван двинулся в юго-западном направлении по перешейку, за которым раскидывалась площадь западного или верхнего озера, все время скрытого от нас. Вид же на восточный, более изрезанный и более красивый бассейн ежедневно доставлял большое удовольствие, в особенности когда приходилось подниматься на его береговые увалы, богатые травянистой растительностью. Плескавшиеся рыбы, плавающие бакланы, чайки, крохали или пролетавшие орланы и сарычи приятно разнообразили и оживляли путь.

Нголокские разъезды сторожили нас, показываясь то в близком, то в далеком расстоянии. Дадай частенько ворожил на бараньей лопатке, докладывая нашим казакам, например, что в скором времени

вблизи нас проедут нголоки и в нашем караване заболеет хайнык, что счастье нам покровительствует, или, примерно, что завтра наш нойон — начальник — убьет медведя и многое другое в этом роде.

На четвертый день нашего пути мы переправились через проток, слившийся с водами речки Джагын-гол и, миновав затем достопамятное место, где произошло первое нападение нголоков на экспедицию незабвенного учителя, вскоре расположились бивуаком.

Расставшись с озёрами, мы направились, продолжая прежний курс, вверх по Джагын-голу, по временам переправляясь с одного берега его на другой.

В целом Джагын-гол по протяжению не уступает новорожденной Хуан-хэ, с которой и сливается вскоре по выходе её из верхнего озера; по количеству же воды, несомой Джагыном, последний много превышает первую. Общая длина описываемой речки, считая и извилины, доходит до 150 вёрст, причём верхнее течение имеет восточное направление, среднее же и нижнее уклоняются к северо-востоку. Имея значительное падение, Джагын-гол шумно несет свои воды, то прозрачные, то окрашенные дождевыми потоками в грязножелтый цвет, по малоизвивающемуся ложу. Местами речка проходит по широкой долине, где иногда дробится на рукава; местами же её теснят подошедшие увалы и горные кряжи, ниспадая к её водам песчаниковыми[1] скалами или глинистыми крутизнами, преграждающими дорогу. Суженная горами, речка всегда бешено катит свои волны и в подобных местах совершенно непроходима в брод, тогда как в местах расширения долины, на переправах, её глубина всего 3—4 фута (1—1,2 *м*). Впрочем, во время дождей уровень речки повышается чуть не вдвое, когда Джагын выступает из берегов и затопляет низины.

Долина Джагын-гола подобно тому, как и долина верхней Хуан-хэ, была одета прекрасной щеткой ковыля (Stipa orientalis), среди которого выделялась на взрыхленных площадках Przewalskia tangutica, уже отцветшая, с довольно крупными плодовыми коробками; в широких частях долины залегают на порядочные протяжения мотоширики (Cobresia thibetica), составляющие характерную принадлежность Тибетского плато; немного выше, по сторонам, виднелись горицвет (Abonis coerulea), молочайник (Euphorbia), Astragalus с красивыми фиолетовыми цветами и реже Hedysarum; но всего больше привлекала глаз своими пышными розовыми цветами Incarvillea compacta. По холмам цвели карликовые генцианы, голубая и белая, палевый мытник (Pedicularis), крупноцветный одуванчик, а среди скал курильский чай (Potentilla fruticosa) и многие другие растения.

[1] Песчаник слюдисто-глинистый, зелено-серый, мелкозернистый, с белыми прожилками кварца и кальцита.

Что касается маммологической фауны, то она здесь та же, что и на всем пространстве рассматриваемого нами нагорья; разница только в количестве тех или других крупных млекопитающих. Больше всего нам попадали навстречу стада диких яков, которых мы часто убивали для еды.

Вскоре, по вступлении в долину Джагын-гола, в одно раннее утро, когда экспедиция двигалась у подножья высоких холмов, ниспадавших многочисленными выступами или гривами, я, едучи как всегда впереди, обнаружил на скате такого выступа небольшую группу диких яков. Зачуяв нас, звери насторожились и стали потихоньку удаляться, за исключением одного старого быка, который круто повернул в нашу сторону и, сделав несколько напряженных шагов, в нерешительности остановился; в быке не замедлило обнаружиться крайнее раздражение, проявляемое боевой позой головы и поднятым вверх мохнатым хвостом, которым зверь помахивал словно султаном.

Отделившись от лошадей в сторону, я опустился на колено и открыл пальбу по могучему животному. Четвертый выстрел свалил быка, покатившегося было по откосу, но удержавшегося на разрыхленном выступе или карнизе; як приподнялся на передние ноги, задние же бездействовали, так как позвоночный столб был перешиблен. Огромное животное было беспомощно, но вместе с тем озлоблено до крайней степени: глаза налились кровью, передние ноги инстинктивно переступали, голова энергично двигалась — казалось, зверь тотчас бросится и раздавит своею большою тушею, но это только казалось; на самом деле як был поражен смертельно и, чтобы прекратить его страдания, пришлось выпустить в упор по сильному зверю ещё три пули, прежде нежели дикий як окончательно свалился и стал бездыханным трупом.

Результат стрельбы русского трехлинейного ружья по зверям замечательный: пуля дробит кости и рвет мускулы и тем с бо́льшим осложнением, чем глубже проникает, в особенности же когда ещё срывается оболочка.

Кроме диких яков в долине Джагын-гола держалось много хуланов; не редки были также и антилопы, за которыми охотились волки. На взрыхленных пищухами (Ochotona ladacensis) местах бродили тибетские медведи. Наша коллекция обогатилась шкурами этих пищухоедов всевозможных возрастов и цветовых оттенков, от светлого до темного, редко так варьирующих на каких-либо других зверях Тибетского нагорья.

Замечательно, что растения в борьбе за существование приспособились переносить без особенного вреда некоторую крайность климата: днем, при повышении температуры, они развиваются, ночью же или вообще в холодное время словно засыпают; трудно верится, что

в один и тот же июньский день в одном и том же месте долины в Северо-восточном Тибете путешественник может наблюдать утром зимний пейзаж, а в полдень или немного позже картину настоящего лета: действительно, выпавший ночью снег иногда парализует растительную и животную жизнь на несколько часов, земная поверхность закрывается снегом, не видно ни пищух, запрятавшихся в норки, ни соек, ни вьюрков (Pyrgilauda ruficollis и Onychospiza taczanowskii), следовавших их примеру; не слышно также ни голосов жаворонков, ни жужжания насекомых, будто все исчезло, вымерло. Но вот из-за облаков стало проглядывать горячее солнце, снег тает, мало-по-малу открываются лужайки, растения поднимают головки и раскрывают цветы; пищухи выскакивают из своих норок, вылетают вьюрки и сойки, и один за другим выползают жуки, шмели и другие насекомые, — словом, природа вновь оживает.

Что касается до средних и крупных млекопитающих Тибетского нагорья, то они достаточно защищены от климатических невзгод густой, длинной шерстью, в особенности самое большое животное — дикий як, который снабжен подбрюшным мохнатым украшением, служащим животному своего рода подстилкой или ковром.

В период дождя, правильнее было бы назвать — дождя и снега, вьючные принадлежности, палатки, войлоки и многое другое пропитывалось влагой насквозь, почва разминалась в невылазную грязь, обувь быстро изнашивалась. Особенно тяжела была в это время служба конвоя экспедиции, по преимуществу отбывавших очереди пастухов, поваров и ночных дежурных. Пуще всего донимала последних варка утреннего чая; чтобы вскипятить воду в котле или чайнике на сыром аргале (топливе), требовалось усилие обоих очередей дежурных: первоочередной успевал лишь высушить топливо, второй, также не расставаясь ни на минуту с раздувальным мехом, разжигал огонь. Но так как главное внимание часового, по отправлению прямых обязанностей, именно и было ценно на утренней заре, когда, как известно, тибетцы, да и все вообще народы Центральной Азии, производят набеги или нападение, то ко времени варки чая вставал обыкновенно еще один из двух старших заслуженных урядников — Телешов или Жаркой — поочередно.

Не легко было также управиться и со сборами естественно-исторических коллекций, в особенности с гербарием, нуждавшимся в хорошей, сухой погоде.

Один из верхних правых притоков Джагын-гола вывел нас на мягкий, луговой перевал Чжабу-врун, поднятый над морем на 4 630 *м*; это был хребет-водораздел Желтой и Голубой рек.

Южный склон этого хребта в среднем поясе, по размытым ручьями и речками ущельям, обнажает песчаник слюдисто-глинистый,

серый, очень мелкозернистый, слоистый, а в нижнем — тоналит рогово-обманковый, зелено-белый, среднезернистый, хлоритизированный; кроме того, сланец глинисто-кварцевый, зелено-бурый с блёстками белой слюды и прожилками охры, выветрелый; тоналит зелено-белый, среднезернистый; известняк кварцевый мелкокристаллический, серый, тонкослоистый, с пироксеном, хлоритом, эпидотом и конгломерат буро-серый, мелкозернистый, из угловатых обломков серых сланцев в известковом цементе. Последние четыре породы найдены на значительном удалении от первых, в области среднего и нижнего течений речки Хи-чю. Отсюда к северу и западу убегает гигантскими волнами нагорье Тибета; к югу же представляется полный контраст рельефа: в эту сторону открывались глубокие ущелья и, красиво отражаясь на голубом фоне неба, гордо стояли остроконечные вершины, принадлежащие снеговой группе Гату-джу.

Вступив в бассейн Голубой реки, мы были словно обласканы природой; прежние климатические невзгоды остались за перевалом. Здесь же с каждым днем нашего движения вниз по ущелью становилось теплее, суше и общий вид местности представлял более приятные для глаз пейзажи.

Гербарий и энтомологическая коллекция стали быстрее пополняться, так как везде кругом пестрели ковры цветов, над которыми порхали бабочки (Parnassius) или быстро проносились с цветка на цветок пчелы, осы, шмели и другие насекомые, нарушавшие тишину жужжанием. В шумно-бурливых прозрачных речках держалась рыба — гольцы (Nemachilus bombifrons) и маринка (Schizopygopsis thermalis), а на прибрежных холмистых полянках интересный новый вид полевки (Microtus kaznakowi). Но зато крупные млекопитающие, свойственные нагорью, отсюда исчезли; их вытеснил человек — северный тибетец, которого мы вскоре и встретили.

Первые встречные обитатели, ютившиеся по речке Хи-чю, были северные тибетцы хошуна Намцо, заранее предуведомленные Синином о нашем движении в их страну. Поэтому, как только узнали сыновья отсутствовавшего старика бэй-ху, что прибыла русская экспедиция, тотчас же оставили производимый ими смотр боевой готовности своих подчиненных и прискакали в наш лагерь вместе с посланными Бадмажаповым и Дадаем и полусотней своих вооруженных с ног до головы воинов.

Знакомство и хорошие отношения с обитателями Намцоского хошуна у нас завязались быстро; старший сын бэй-ху, заменявший отца, очень извинялся, что, не зная, когда именно прибудут русские, не встретил нас ещё на перевале.

На другой день мы раскинули наш лагерь вблизи стойбища начальника хошуна. В тот же день, 16 июля, по установке бивуака,

Скалы Ниэрчи. Западная окраина гор Дютрейль-де-Ренса

я с А. Н. Казнаковым, имея при себе Бадмажапова и Дадая в качестве переводчиков, отправился с визитом в дом отсутствующего начальника, в сопровождении его старшего сына. Войдя в обширную уютную палатку, разделённую на две части, из которых в одной принимались гости, а в другой помещались женщины и домашний скарб, мы расположились в первой, заняв обычные места. Против нас дымился огромный очаг с уступами, на которых стояло до восьми медных или чугунных посудин разных величин; повар и хозяйка дома усердно хлопотали подле очага. Тут же, поодаль, её молодая дочь и слуга в огромных кадках сбивали масло.

После известных обычных приветствий нам был предложен чай и «джюма», то-есть корешки гусиной лапчатки, о которых я уже упоминал в предыдущей главе, а затем в огромном количестве мясо барана, убитого для нас специально. Мне и товарищу все время прислуживал будущий старшина, или бэй-ху, а нашим переводчикам его советник; хозяйка с дочерью не переставали разглядывать нас до самого ухода. Поблагодарив за угощение, что впрочем здесь не принято, мы собрались уходить, и тогда молодой хозяин поднес мне хадак и лисицу — обычный подарок почетным гостям.

По возвращении нашем на бивуак к нам отовсюду стали стекаться туземцы — мужчины, женщины и дети. Тибетцев привлекали наши европейские вещи или предметы, в особенности электромагнитная машина, прослывшая вскоре в Тибете за «чудодейственную». Немного позднее прибыли также и хозяйки дома хошунного начальника, причём дородная жена его под зонтом, а миловидная дочь, от излишнего тепла, вместо шубы нарядилась в шерстяной красный халат, не забыв придать матовому загоревшему лицу искусственный румянец. Прочие молоденькие тибетки также принарядились, каждая по-своему, и все они держали себя непринужденно. Жена начальника часто улыбалась со всеми девушками и довольно прозрачно поощряла их к сближению. Женщины и девушки так смело заглядывали и вообще осаждали нашу палатку, что А. Н. Казнакову не представилось труда снять с них несколько фотографий. Говорят, что здесь нравы слабы и женщины держат себя весьма свободно, в особенности по отношению к проезжающим через эти места сининским посольским китайцам, которым родители сами приводят своих дочерей. Когда мои молодцы гренадеры или казаки под звуки гармоники плясали «русскую», туземцы приходили в восторг и старались подражать нашим украинцам; затем местные красавицы, по желанию дородной жены начальника, начали петь песни. Их напевы и манера пения носят общеазиатский характер. В песнях, исполненных тибетками в нашу честь, нельзя было не заметить намека — столь же лестного, сколько и прозрачного — на нашу щедрость.

Вечером возвратился из поездки по хошуну и сам начальник его Намцо-Пурзек-Намчже, высокий, седой, несколько сгорбленный 77-летний старик.

Ровный, последовательный в разговоре и очень сдержанный при виде всего окружающего, Пурзек произвел на нас хорошее впечатление. Он принес мне в подарок также лисицу и хадак, извиняясь, что не встретил нас на границе своего хошуна. В заключение Пурзек пожелал видеть наше новое ружье и боевую стрельбу одновременно всем отрядом, что тотчас и было показано на общее удивление и восторг старика и его многих подчиненных. Перед отходом домой Пурзек получил от нас в подарок револьвер. Бодрой походкой старик направился к дому, заметив: «это не китайский шарик, вручаемый надменным вэй-юанем; такой подарок я не променяю на 800 лан серебра».

Под вечер, накануне нашего выступления, Пурзек по нашей просьбе устроил смотр своего войска.

Вначале нам была показана примерная атака на неприятеля одиночками; выехав вперед шагов на 30—40 от линии прочих тибетцев, мальчик-всадник, изображая врага, по сигналу «вперед» сразу скакал в карьер, преследуемый также быстро одним из тибетцев, снимавшим на всем скаку свое фитильное неуклюжее ружье довольно красивым приемом и производившим выстрел. Проскакав шагов 300—400, оба всадника повертывали лошадей в нашу сторону и, держась прежнего порядка, мчались на оставленное место, с тою на этот раз разницею, что теперь нападающий уже не стрелял, а увертывался в свою очередь от неприятельских пуль, прикрываясь тем или другим боком лошади, в зависимости от того, с какой стороны грозила большая опасность. Некоторые тибетские воины, в особенности будущий старшина, который и скакал в первую очередь, джигитовали довольно ловко, касаясь шапкой поверхности земли.

Последующие выезды состояли в том же. Чаще других показывал свою ловкость сын Пурзека, надевавший иногда по два ружья и успевавший на прежней дистанции выстреливать из обоих, не забывая проделывать предварительно разные приемы каждым ружьём отдельно. Всякая подобная скачка сопровождалась обычным гиканьем, издаваемым тибетцами, стоявшими на месте, и каждый раз, в особенности если выезжал сын Пурзека, старик своим голосом покрывал все остальные. Потом одновременно поскакали восемь тибетцев, по четыре человека на прежнем интервале; на этот раз зрелище вышло полнее и интереснее, будучи сопровождаемо выстрелами в передний и обратный путь, так как стреляли обе партии. Широкие одежды, длинные, рассыпанные по плечам волосы, ужасные физиономии усиливали общее впечатление. В миниатюре тибетский военный смотр живо напомнил мне прежние атаки нголоков-разбойников, дважды

нападавших на экспедицию покойного Н. М. Пржевальского. В заключение была показана одиночная и залпами боевая стрельба тех же воинов; результат получился неважный, несмотря на то, что в дело было пущено огромное и тяжеловесное ружье, требовавшее заряд в три-четыре раза больше обыкновенного.

Вернувшись на свой бивуак в сопровождении Пурзека и его сыновей, мы уже начали готовиться к дальнейшему пути.

Мы все сохраним о Пурзеке и об его хошуне самое приятное воспоминание. Он первый в Тибете принял экспедицию самым радушным образом: он в значительной степени обеспечил и наше последующее движение, дав отличных проводников и письма к своим друзьям-старшинам. Другими словами, старик, пользующийся далеко за пределами своего хошуна репутацией умного и толкового человека, своим примером воздействовал и на других туземцев, проживающих на нашей дороге.

Распрощавшись с Пурзеком, мы 19 июля, по обыкновению рано утром, двинулись в путь вниз по реке Хи-чю.

Немного ниже по Хи-чю, как раз против того места, где речка особенно стремительно несется по валунам и сильно сдавливается скалистыми боками, высится святая гора Гату-джу [1], покрытая блестевшим на солнце вечным снегом. В размытой части своего пьедестала она приютила монастырь Сикар-гомба, который, как и многие другие на пути экспедиции по Восточному Тибету, ламы ревниво оберегали от нашего посещения. В этом монастыре насчитывают до 300 лам, при двух гэгэнах Чжику и Цэма, из которых первый, старший, имеет второе перерождение. По словам Пурзека монастырь Сикар-гомба очень древний, богатый и поддерживается главным образом жителями собственного Намцоского хошуна.

Временно оставив речку, мы поднялись на лучеобразный горный придаток по перевалу Сади-лаха, поднятому приблизительно на тысячу футов (300 *м*) относительной высоты. Отсюда открывается красивый вид по всем направлениям; всё видимое с перевала пространство заполнено горами. Вершины, составляющие южное продолжение горы Гату-джу, виднелись также; они сливаются с прилежащею к Голубой реке скалистою цепью. Очень крутой спуск с перевала вывел нас вновь в ущелье Хи-чю, где ниже, в расширенной его части, виднелись серо-желтые глинобитные постройки земледельческого населения, — это на юге. Стоило же только оглянуться в обратную сторону, как снова можно было видеть гору Гату-джу с рельефно выделяющимися конусами, куполами, языкообразными осыпями и белыми пятнами

[1] Под этим названием гора известна местным обитателям; отдаленные же тибетцы ее называют Амнэ-цокчин-донра.

вечного снега. Вблизи, по сторонам, пестрели пышные травы, перемешанные вначале только с кустарниковой, а пониже и с древесной растительностью.

Прибрежье нижнего течения бурливой речки Хи-чю и горы главного и второстепенных ущелий обогатили наш гербарий свыше ста видами растений.

В верхнем поясе гор найдены, кроме уже отмеченных для верховья Желтой реки, следующие: очень душистая Stellera, розовый Androsace, Anemone, маткина душка, или фиалка (Viola) с семенами, Euphorbia, Chrysantheum, Pedicularis, Gentiana и др.

Средний пояс изобилует кустарниками: ивой, Caragana, жимолостью и Spiraea; а из травянистых во множестве виднелись касатики, Isophyrum grandiflorum, Hyppocrepis, хохлатка, крупная Parnassia, лук (Allium), высокий, изящный мытник (Pedicularis), с пурпурными цветами, ютившийся в густых кустах ивы, горечавка и два вида папоротников (Aspidium).

Что касается нижнего пояса, то его можно разделить приблизительно на две части: верхнюю и нижнюю границы земледелия. По мере опускания из среднего пояса гор к культурной зоне, в особенности незадолго до её приближения, уже начинают поражать наблюдателя величина трав и их формы. Выше пашен нами взято: зонтичное, два вида Saussurea, столько же колокольчиков (Campanula), очень красивый желтый мытник (Pedicularis), покрывающий собой сплошь небольшие мокрые луговины по берегам речки, Cusinia, тмин (Carum), горошек (Vicia), Brassica, Rheum, Gallium, Malva borealis, Polygonum и молочайник (Euphorbia). В самой же области пашен, у более или менее крутых скатов, ютятся заросли барбариса, смородины, крыжовника, с крупными ягодами, а между ними редкие, чахлые деревца древовидного можжевельника. Среди зарослей ягодных кустарников особенно резко бросались в глаза сильно цветущая герань (Geranium), с лиловыми и белыми цветами, чудная голубая незабудка (Myosotis) и весьма жгучая гималайская крапива (Urtica hyperborea). Огромные стебли яркозеленого огурника (Atropa) покрывали межи, мусорные кучи, старые стойбища и фундамент построек настолько густо, что среди неё трудно было пробраться. Каменные стенки, отделяющие дорогу от пашен, также обросли роскошными кустами уже отмеченных кустарников, корни которых проникали в почву через довольно тесную кладку булыжника или плит и укреплялись под стенами в почве, на глубине 2—3 футов (60—90 *см*). По пашням ячменя всюду виднелось немало сорных трав, но резче других выделялись своими яркими цветами: Thlaspi, Erysimum, Carum, Pedicularis синий и зеленый Aconitum, Myosotis, Geranium, Aster, Lactuca, Brassica, Borraginea, два вида генциан (Gentiana) и столько же крестоцветных; по межам полей най-

дены: Sedum, Valeriana, петушки (Gymnadenia), Gnaphalium, Saussurea, Euphorbia и около шести видов злаков.

Небольшое селеньице Кабчжа-камба сбито в один квадрат маленьких каменных и глинобитных домишек. Над этими лачугами высится большой новый дом Пурзека, построенный из окатанной гальки, по-местному ничего не оставляющий желать лучшего. В случае необходимости в нем могут засесть осажденные и отбиваться от неприятеля, прикрываясь стенкой, венчающей дом со всех сторон.

В этом селении мы были встречены сыновьями Пурзека, уехавшими сюда раньше, чтобы сделать нужные распоряжения относительно нашего прохождения. Тут же отчасти были пополнены продовольственные запасы экспедиции. Явились также и те два брата проводника, которых рекомендовал хошунный начальник для сопровождения нас в Чжэрку. Тибетцы-проводники редко соглашаются вести в одиночку, да и то лишь в районе своего хошуна; по землям же соседних или отдаленных общин могут взяться в качестве провожатых не менее двух человек, причём исключительно лихие тибетцы, которые сумеют при необходимости крепко постоять за себя.

Расставшись с сыновьями бэй-ху, мы покинули приветливое ущелье Хи-чю, так как дорога к переправе через Голубую реку уклонилась на юго-запад, пересекая высокую, крутую окраинную цепь гор. С филлитового гребня этой цепи, с её крутого перевала Пучегла, поднятого над морем на 14 810 футов (4 514 *м*) открывается лишь часть глубокой тесной долины до её береговых террас; самой же реки, омывающей подножье скал, не видно, хотя шум её волн иногда доносится попутным ветром. Вершины гор, ограничивающих реку с юга, загораживали отдалённый горизонт.

К полдню мы наконец вступили на левый берег реки Янцзы-цзян, здесь в верховье называемой тибетцами Нды-чю. Её воды стремительно неслись по каменистому, прихотливо извивающемуся ложу. Вскоре затем началась и переправа на двух лодках, связанных своими кормами.

По мере того, как производилась переправа вьюков и баранов, — быки же и лошади переправились вплавь, — наш бивуак устраивался на возвышенной террасе правого берега, рядом с небольшой, небогатой кумирней Согон-гомба.

Последняя довольно древняя, хотя и не пользуется известностью; ее штат состоит всего лишь из 30 лам, мужчин и женщин, при одном перерожденце Дурку-римбучи. Несмотря на совместное пребывание монахов и монахинь (последние также коротко стригут свои волосы), Согон-гомба славится хорошей репутацией в отношении чистоты нравов. Гэгэн этого монастыря уклонился от знакомства с нами, тогда как его братия не один раз перебывала в нашем лагере.

Река Нды-чю в ближайшем районе переправы имеет направление с северо-запада на юго-восток, согласно простиранию горных цепей, сдавливающих её своими скалистыми подножьями. Ширина реки колеблется от 50 до 60 сажен (100—120 *м*) при глубине в 3—4 сажени (6—8 *м*).

На всем верхнем течении Голубой реки тибетцы добывают золото.

Берега Голубой реки в урочище Нручю или в окрестностях переправы были не менее привлекательны, как и по низовью речки Хи-чю, так как и здесь не только долина, но и прилежащие глубокие ущелья очень густо поросли кустарниками. Помимо отмеченных уже ранее барбариса, крыжовника, смородины, боярышника, спиреи, караганы и жимолости, на Нды-чю встречены также заросли мирикарии, кусты которой достигают почти двухсаженной (четырехметровой) высоты при толщине или диаметре стволов у корня до 7 дюймов (17 *см*). К кустарникам присоединяется, кроме того, можжевеловый лес[1], покрывающий собою склоны правого берега, обращенного к северу. Ячменные поля, расположенные в долине террасами, выглядели порядочно; луговые травы также. Кроме взятых на Хи-чю здесь вошли в гербарий следующие травянистые растения: красивый астрагал, Tanacetum, зонтичное, высокий нарядный ревень, сиреневая Gentiana, Orchis, Avena и другие злаки; на песчаном берегу реки — солянка, голубой лук, Scorzonera, мелколепестник (Erygeron) и Saussurea с лиловыми, душистыми цветами, а на возвышении, среди ломоноса (Clematis), Orobanche, Euphorbia, Polygonum, Convolvulus, отцветший подорожник (Plantago), Astragalus, и мелкоцветная герань. В можжевеловом лесу не трудно было отыскать лиловый латук (Lactuca), голубую веронику (Veronica), два вида лука и немногие другие.

Что касается животной жизни рассматриваемой нами части долины Нды-чю, то она бедна и млекопитающими и птицами. Среди последних отмечены, кроме крупных и мелких хищников, ещё и следующие виды: даурская галка (Coloeus dauricus), удод (Upupa epops), сойка (Pseudopodoces humilis), дрозд (Turdus kessleri), кукушка (Cuculus canorus), горихвостка (Phoenicurus ochruros phoenicuroides), чеккан (Pratincola torquata maura), завирушка (Prunella fulvescens), вьюрки (Carpodacus rubicilloides, Montifringilla alpicola? Pyrgilauda ruficollis), дубонос (Mycerobas carneipes), ласточки (Delichon urbica, Riparia riparia), стриж (Apus apus), чечётка (Acanthis flavirostris), каменный воробей (Petronia petronia), пеночка (Phylloscopus affinis), белая и желтая плиски (Motacilla, Budytes citreola), каменный голубь (Columba rupestris) и немногие другие.

[1] Деревья которого простираются в высоту свыше 70 футов (20 *м*), при толщине у корня до 20 дюймов (50 *см*).

Бабочек и жуков здесь собрано немного, зато интересных моллюсков больше нежели ожидали.

Отсюда нам предстояло подняться на южную, ещё более крутую и высокую цепь гор, чтобы затем вновь спуститься в полосу земледелия, в долину И-чю — правого притока Голубой реки. В подспорье нашим вьючным животным по распоряжению Пурзека дано было 15 быков-яков, и мы сравнительно легко осилили этот очень трудный путь по перевалу Чаму-дуг-ла, который поднимается над морем на 4 900 *м*; тем не менее при подъёме на эту цепь гор по скатам узкого и каменистого ущелья, бока которого слагаются из гранита и гнейса, у нас скатился вниз один из вьюков и разбился вдребезги; по счастью, эта неприятность случилась не с коллекциями. С перевала, немногим уступающего по высоте скалистым сланцевым вершинам гребня, открывается на юге глубокая пропасть, в которой узкой, блестящей змейкой вьется И-чю, — это вблизи; вдали же, через лабиринт гор, заграждают горизонт скалистые высокие горы Ниэрчи и другая горная цепь, более отдаленная, безымянная, отливающая красноватым оттенком пород, её слагающих.

В пройденных ущельях высокой приречной цепи гор наш гербарий пополнился палевой примулой, губоцветным с светлолиловыми цветами мытником, тремя видами генциан, синим красивым Aconitum, хохлаткой (Corydalis), Pyrola, а на самом перевале — оригинальными Saussurea, другой Primula и крупноцветником Delphinium.

Вступив в долину И-чю и пройдя по ней ещё несколько километров, мы достигли третьей на этой речке кумирни — Ачжак-гомба — с 20 ламами «белого» толка. В наше здесь пребывание монашествующая братия отсутствовала в целях сбора пожертвований на монастырь.

Следующим переходом экспедиция достигла горы Ниэрчи, составляющей оконечность обособленной горной группы, которую я позволил себе назвать заслуженным в географической науке именем известного французского путешественника по Центральной Азии Дютрейль-де-Рэнса, погибшего от необузданности тибетцев в восточной окраине этих гор. Характерные скалы «гор Дютрейль-де-Рэнса» — Ниэрчи слагаются из светлосерого кварцевого песчаника и серого очень мелкозернистого известняка; далее к востоку, вдоль южного подножья гор, прослежены и взяты в коллекцию образчики роговообманкового гранита, темносерого тонкослоистого филлита, несколько форм известняка, светлосерого сланца, гнейсов, твердого буро-розового мергеля, буро-красного конгломерата из мелких обломков кристаллических сланцев и гобийского глинистого песчаника.

Небольшая речка И-чю имеет общего протяжения около 130 *км*; её нижнее течение осталось влево от нашего пути, среднее же и верхнее лежали как раз по дороге. Горы Дютрейль-де-Рэнса заставляют

описывать рассматриваемую речку как чрезвычайно интересный дугообразный путь, вначале идущий на северо-запад, а затем — на юго-восток. Её истоки — озеро Рхомбо-мцо — лежит уже на плато, носящем здесь характер отличных луговых степей, обитаемых кочевниками.

Долина речки И-чю дала нам возможность пополнить ботанический сбор следующими видами: крупноцветным Tanacetum, несколькими Astragalus, красивой Gentiana, двумя формами папоротников, новым видом Orobanche, фиалкой (Hesperis), двумя-тремя Saussurea, многими злаками, ковылём и, наконец, само озеро Рхомбо-мцо, лежащее на 4 190 *м* над морем, совершенно неожиданно — нашей обыкновенной пузырчаткой (Utricularia) и осокой.

У Ниэрчиских скал, омываемых серебристо-прозрачными водами речки И-чю, мы встретили куликов-серпоклювов (Ibidorhyncha struthersii), водяных кашмирских оляпок (Cinclus kashmeriensis), белых и желтых плисок, вьюрков — Pyrgilauda ruficollis, Pyrrhospiza punicea, Carpodacus rubicilloides, прежних стрижей и ласточек, к которым прибавился горный вид — Biblis rupestris; многочисленные ласточки своим парящим полетом и нежным щебетаньем, а равно и изящная родственница горихвосток — Chaemarrhornis leucocephala, впервые встреченная нами и ютившаяся то у воды, то высоко по отвесно-ниспадающим скалам, вносили приятное оживление в нашу красивую стоянку. По временам в наш лагерь доносилось монотонное воркование каменных голубей и громкий отрывистый свист красноносых клушиц; на фоне синего неба мелькали неизменные снежные грифы, бородатые ягнятники и орлы-беркуты.

Из млекопитающих мы здесь добыли альпийского хорька (Mustella), державшегося небольшой колонией у подножья скал и по россыпям.

В долине верхней И-чю, где слева в нее впадает речонка Дунчжон, высится характерный холм, называемый тибетцами Вакхэ-лхари. Предание гласит, что этот холм, поросший травою и увенчанный обо, некогда служил знаменитому Гэсур-хану любимым местом отдыха во время его военных походов. Вокруг холма располагался стан Гэсур-хана; гигантская же шапка вождя, по словам предания, всегда лежала на его вершине. Подле исторического холма и большого мэньдона при нем, во время движения нашего каравана, стояла походная кумирня, из которой неслись звуки молитвенного бубна.

Озеро Рхомбо-мцо, бывшее в недавнее сравнительно прошлое довольно порядочным водным бассейном, ныне представляет собой лишь болото, поросшее, как замечено выше, осокой; в наше пребывание, среди яркой зелени осоки, там и сям, блестели бóльшие или меньшие площадки пресной и довольно прозрачной воды; в окружности это болотистое озеро простирается до 20 вёрст, будучи более

вытянуто по длине долины; глубина доступных наблюдению мест не превышала 2—3 футов (60—90 *см*); дно илистое, топкое. Абсолютная высота описываемого бассейна, измеренная барометрически, 13 730 футов (4 190 *м*).

Из птиц на озере держались: черношейные журавли (Grus nigricollis), привлекавшие наше внимание своими плавными, грациозными танцами, устраиваемыми этими птицами здесь почти ежедневно в часы утреннего или вечернего отдыха, обыкновенно после покормки; далее следуют индийские гуси, кулики или улиты-красноножки (Tringa totanus); вдали, на озерных открытых площадках, плавали какие-то утки и часто из стороны в сторону пролетали крачки-мартышки (Sterna hirundo). Тут же, на болотистых кочках, сидели орланы — долгохвост и белохвост (Haliaëtus leucoryphus и H. albicilla). По мото-ширикам гнездились большие жаворонки (Melanocorypha maxima), в ясные проблески утра нарушавшие окрестную тишину своим звонким пением. Изредка в воздухе быстро проносились стрижи, горные и земляные ласточки. В соседних горах можно было встретить чернолобых жаворонков и каменных воробьев.

Что же касается зверей, то, за исключением антилоп-ада, выходивших пастись по утрам на луговые увалы противоположного берега, мы здесь ничего не заметили. Причиною тому были конечно кочевники, везде кругом расставившие свои черные палатки, подле которых бродили большие стада баранов и яков; изредка встречались и табуны лошадей, зорко оберегаемые владельцами от злых намерений собратьев.

Отсюда, с берегов Рхомбо-мцо, А. Н. Казнаков съездил на съёмку соседнего озера Чжома-ин-мцо, отстоящего в 35 верстах (37 *км*) к юго-западу и покоящего свои солоноватые воды в замкнутой котловине. Вокруг открытой площади прозрачной воды, до 30 вёрст в окружности, расстилаются прибрежные мото-ширики, с извивающимися по ним речками, питающими этот бассейн. Дно озера галечное, по крайней мере у берегов, и на нем виднелись водоросли. На поверхности воды плавали гуси и бакланы; судя по пребыванию последних, можно заключить о присутствии в озере рыбы.

Следующими четырьмя небольшими переходами, держась юго-восточного направления, экспедиция прибыла в селение Чжэрку, спустившись вновь в культурную зону — 12 090 футов (3 690 *м*) над морем. Здесь опять горизонт суживается сближенными цепями гор и относительной глубиной долин и ущелий, заключенных между ними. В близком соседстве с Голубой рекой мы почувствовали веяние теплого и сравнительно сухого воздуха. Дождливая погода и некоторая свежесть остались за перевалом Цза-ла — 14 650 футов (4 470 *м*) абсолютной высоты, откуда нас привела небольшая речонка Дза-чю,

слившаяся в Чжэрку с Ба-чю, прорывающей ближайшие с юга горы [1]. Кочевники являлись сюда в качестве временных посетителей, обменивающих сырье на предметы повседневных нужд номада.

Рассчитывая прожить здесь порядочное время, с целью обстоятельного выяснения с местными властями вопросов относительно нашего дальнейшего пути, а также имея в виду свидание с китайцами, передовой эшелон которых уже был в Чжэрку, мы устроились бивуаком у самого селения, на берегу речки, а караванных животных отправили вверх по Дза-чю, в приветливое урочище Дарин-до, замечательное своим периодическим водопадом Гочинда, подле которого экспедиция имела последний ночлег перед приходом в монастырь.

В урочище Дарин-до, на наш пастушеский лагерь, охраняемый шестью гренадерами и казаками, однажды, на утренней заре, было произведено шайкой человек в 30 разбойников нападение, выразившееся обычной у тибетцев атакой с гиканьем. По счастью, грабители во-время были замечены и успешно отражены огнём винтовок. Каким хошунам принадлежали разбойники — для нас осталось неизвестным.

Чжэрку порядочное селение — около сотни глинобитных домов, удобно расположенных на южном скате восточной оконечности гор Дютрейль-де-Рэнса. Со стороны долины оно окаймлено полями, засеваемыми ячменём, который в дни нашего пребывания, с 9 по 20 августа, окончательно созрел, и его начали понемногу жать.

С восточной стороны Чжэрку, на вершине крутой горы, замечательно красиво приютился местный богатый монастырь Кегудо с 500 лам, последователей староверческого учения. Чжэркуский монастырь поддерживается девятью прилежащими хошунами и состоит в непосредственном подчинении лицу, одновременно ведающему и местным хошуном — Рада. В роли фактических деятелей по управлению последним при гэгэн-бэй-ху состоят два ближайших помощника, из которых один заведует кочевым населением, другой же — оседлым. Оба они, по вечерам, втихомолку от народа, являлись в наш лагерь, но в разговорах всегда старались быть очень сдержанными; наша попытка разъяснить этим тибетцам разницу или отличие англичан, владеющих землею на юге, от русских — живущих далеко на севере, повидимому ни к чему не привела; кажется, они, как и все прочие обитатели Восточного Тибета, нас отождествляли с англичанами, точно так же как многие монгольские племена именуют англичан русскими, когда англичане случайно проезжают где-либо в пределах Монголии, Восточного Туркестана, Куку-нора и Цайдама.

Благодаря положению при большой сычуаньско-лхасской дороге, Чжэрку постоянно оживлено проходящими караванами, купцы кото-

[1] Эти две речки образуют одну общую, под названием Цзан-да, впадающую справа в Нды-чю.

рых имеют здесь склады товаров, преимущественно чая. Через этот пункт ежегодно проходит товаров свыше нежели на 100 тыс. лан, причём из Сы-чуани в Лхасу везут, кроме чая, составляющего 70% отпускной торговли Китая в Тибет, вообще, бязь, далембу, шёлк, красное сукно, сахар, юфть и фарфор; обратно же вывозят: шерсть, меха, мускус, оленьи рога, курительные свечи, статуэтки, золото и немногое другое. Почти ежедневно приходилось наблюдать в долине речки новые бивуаки путников, привлекавших внимание местного населения; с другой стороны, приезжие тибетцы посещали селение или монастырь, — словом народ двигался постоянно в ту или другую сторону, нередко с целью лишь поделиться новостями: в Тибете, да и вообще в Центральной Азии, караваны играют роль газет.

В прозрачных и очень стремительных водах чжэркуской речки мы несколько раз довольно успешно ловили неводом рыбу, которая принадлежит к отмеченным выше формам маринок (Schizopygopsis thermalis); в нашу коллекцию вновь прибавился отсюда один, да и то уже известный вид гольца (Nemachilus stoliczkai).

В день прихода в Чжэрку мы получили со склада от Иванова известие, доставленное нам китайским посольством. В наше отсутствие из Цайдама, куда Иванов благополучно возвратился 1 июля, на людей, пасших экспедиционный скот — верблюдов, лошадей и быков, было произведено разбойниками-тангутами, вероятно хошуна Ранган, нападение с целью грабежа. К счастью, двое моих юных спутников, Телешов второй, или младший, и Афутин, не растерялись, несмотря на многочисленность разбойников, и во все время их дерзких подступов — с вечера до утра — молодцами отстреливались. Утром же грабители отступили.

На третий день пребывания нашего в Чжэрку приехали китайские чиновники, сборщики дани — ма-гун. Их въезд в селение, несмотря на дождливую погоду, по распоряжению гэгэна-бэй-ху, сопровождался некоторой церемонией: выстроенные вдоль дороги и по кровлям домов ламы трубили в трубы и раковины, махали флагами, простой народ глазел и здоровался с знакомыми писцами, переводчиками и солдатами. Китайские чиновники явились к нам с визитом.

Через день и мы навестили представителей посольства или чиновников особых поручений, с которыми у нас с первого же дня свидания завязались отличные отношения. Оба чиновника маньчжуры старались оказать экспедиции посильное содействие, но, к сожалению, по их признанию, они здесь бессильны в чем-либо, выходящем за рамки их специальной миссии. Единственно, в чем китайское посольство помогло нам, это в обмене их ямбового серебра, которым экспедиция располагала, на индийские рупии и в предоставлении возможности скорее разрешить вопрос о приобретении продовольствия

и опытных проводников на дальнейший путь во владение хана Нанчин-Чжалбо.

Во время 12-дневного пребывания экспедиции в Чжэрку мы несколько раз были в гостях у китайцев; последние в свою очередь также нередко навещали нас, постоянно жалуясь на предстоящую скуку и томительное выжидание отъезда в Синин. В высшей степени склонные к семейной жизни, китайцы обзаводятся и здесь, как везде на окраинах, временными женами из местных тибеток, которые иногда сопровождают своих мужей на обратном их пути в Донгэр или Синин, где обыкновенно обманутые тибетки покидаются китайцами на произвол судьбы.

Ни мы ни китайцы сведений из своих стран не получили; поэтому совершенно ничего не знали о китайско-европейской войне, завязавшейся на Дальнем Востоке, иначе крайне не уместны были бы наши общие скромные обеды с провозглашением тостов, приличествующих представителям великих наций дружественных держав.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

В БАССЕЙНЕ МЕКОНГА

Последние дни в водах „Сына океана"[1]. — Хребет Русского Географического общества. — Река Дзэ-чю и прилежащие монастыри. — Верхний Меконг.—Встреча с советником Нанчин-Чжалбо. — Хребет Будвиль Рокхиля. — Бивуак экспедиции в живописном ущелье Бар-чю. — Экскурсия на птиц. — Страна, лежащая к югу от Бар-чю.— Обезьяны. — Следование в Чамдоский округ. — Долина реки Ному-чю. — Преграждение пути: неожиданное вооружённое столкновение. — Переговоры с чамдоскими властями и приход экспедиции на зимовку в округ Лхадо.

Время пребывания экспедиции в селении Чжэрку прошло замечательно скоро.

21 августа мы оставили сининское посольство, снабдившее экспедицию проводниками. Отдохнувшие караванные животные бодро переправились через рукава слившихся речек и, вступив на левый берег Ба-чю, зашагали в полуденном направлении. Наш караван втянулся в извилистое ущелье и вскоре стал невидим для обитателей покинутых селений. В месте высокоподнятых и сближенных гнейсо-известняковых берегов был переброшен деревянный мост, ведущий в кумирню Тангугомба.

За мостом поля ячменя прекращаются, взамен их раскидываются богатые пастбища. Относительно животной жизни здесь замечена сравнительная бедность; из зверей чаще всего наблюдались в кустарниках кабарга (Moschus moschiferus), а на открытых луговинах — сурок (Marmota), звонко свистевший в горах; затем зайцы, скалистые пищухи и другие более мелкие грызуны. Что касается птиц, то, помимо обычных для Тибета хищников, в ущелье Ба-чю в это время можно видеть крачку-мартышку, пролетавшую над водою в целях излавливания рыбёшек, кулика-серпоклюва, озабоченно бегавшего по

[1] Янцзы-цзян в переводе означает «Сын (Тихого) океана».

гальке, белых и желтых плисок, щеврицу, завирушку, горихвостку и постоянно витавших по ущелью неутомимых белоспинных и береговых ласточек (Delichon urbica et Riparia riparia) и стрижей (Apus pacificus).

Переночевав в урочище Тан-чюнги, экспедиция на следующий день вышла в поперечную просторную долину, граничащую на юге с колоссальным хребтом — водоразделом Голубой и Меконга, укрытым по главным вершинам снегом. В прилежащей к нему долине, благодаря превосходным пастбищам и обилию источников, везде чернели стойбища тибетцев, поодаль которых свободно резвились небольшие группы стройных антилоп — ада.

У окраины пройденных гор мы встретили опять монастырь — Бэнчин-гомба, придерживающийся учения, кажется, исключительно белого толка, при 300 человеках братии с двумя гэгэнами во главе. Внешний вид этого монастыря очень красив, в особенности вид главного храма, выкрашенного в кирпичный цвет и имеющего золоченый купол, ярко блестевший на солнце; еще живописнее лепились по скату гор так называемые ритоды — убежища лам-отшельников. Ритод — место молитв аскета. Одни ритоды со временем разрастаются в целые монастыри; другие, наоборот, создаются в соседстве уже существующих монастырей для добровольного уединения кого-либо из старейших лам. Некоторые ритоды имеют вид обыкновенных пещер, у иных бывает или только сужено входное отверстие или пристроен домик, порою выдающийся в виде балкона. Проживание в ритодах есть удел монахов-отшельников, подобных нашим схимникам. Как и Тангу-гомба, рассматриваемый монастырь покровительствуется двумя теми же хошунами.

Завидев русских, расположившихся лагерем у журчащего источника, ламы тотчас заперли двери храмов и жилищ и частью попрятались, частью, разделившись на группы, приготовились энергично охранять монастырь, на случай нашего посещения.

Подле монастыря протекает небольшая речонка, в которой мы наловили гольцов (Nemachilus stoliczkai) и маринок (Schizopygopsis), а в кустарниках, одевающих ближайшие холмы, добыли в орнитологическую коллекцию светлого большого сорокопута (Lanius giganteus) и кукушку.

На утро, 23 августа, оставив в покое монастырь и его чересчур трусливых лам, экспедиция направилась на пересечение долины к водораздельному хребту, а следующими двумя переходами, по одному из ущелий его северного склона — Гонон, уже поднялась на самый хребет. Перевал Гур-ла, лежащий на нашей дороге, имеет 15 700 футов (4 785 *м*) над морем. Отсюда к югу начинается бассейн Меконга, той великой реки, которая несет свои воды в Великий океан. У самого

перевала, к западу от него, высится колоссальная гора Гаик-ган-ри с характерно взъерошенной конусообразной вершиной, прикрытой снегом. Абсолютная высота этой горы, служащей, по поверью туземцев, пристанищем духа — покровителя скотоводов, простирается до 18 тыс. футов (5 500 *м*). Немного ниже проходит граница вечного снега, которого более или менее касаются и отдалённые на западе вершины, как, например, Дори-кунга. Подъём и спуск перевала очень удобные. Дважды мы располагали свой бивуак в виду горы Гаик-ган-ри, любуясь ею и с севера и с юга. Отовсюду она производит впечатление величественного конуса, поднимающегося своей шероховатой вершиной высоко к небу.

Этот хребет — один из самых величественных хребтов, виденных нами в Восточном Тибете, — у тибетцев не имеет названия; названия имеют лишь отдельные выдающиеся вершины.

По праву первого русского исследователя, проникшего в бассейн Меконга и поработавшего в нем в течение полугода, благодаря доверию и широкой поддержке Русского Географического общества, я позволил себе назвать этот хребет хребтом Русского Географического общества, и как таковой он справедливо напомнит каждому европейцу о деятельности нашего родного учреждения.

Геологическое строение хребта Русского Географического общества в этом западном пересечении его экспедицией следующее: северный склон слагается из сине-серого глинисто-кварцевого сланца, гребень — из светлосерого плотного известняка с неясными микроскопическими органическими остатками и южный склон — из зеленоватого биотитово-роговообманкового гранита в ближайшем увале и серого биотитового гнейса в следующем, немногим уступающем по высоте гребню главного хребта; первую из этих последних двух пород следует отнести к среднему поясу гор, вторую же к верхнему. На дальнейшем пересечении того же южного склона водораздела, до реки Дзэ-чю, в последовательном или перемежающемся порядке обнаружены различные известняки (темносерый плотный доломитовый, серый, плотный с неясными микроскопическими органическими остатками, светлый буровато-серый — плотный — и другие), песчаники (буро-лиловый твердый глинистый, зелено-серый известково-глинистый, серый слюдисто-глинистый, серо-лиловый твердый глинистый) и серый или темносерый глинистый сланец.

В день нашего вступления в горы 23 августа в час дня, на стоянке при речке Го-чю, ощущалось землетрясение, выразившееся гулом и толчком, шедшими от юго-востока.

Рассматриваемый хребет шлет от себя много больших и малых речек, размывающих горы на сложнопереплетающуюся сеть довольно красивых ущелий, по которым нередки пенистые каскады и водопады,

в особенности в северном склоне хребта, в окрестности гор Морто, где вода стремительно несется отовсюду, ниспадая более или менее круто; спокойные бассейнчики, обыкновенно расположенные уступами, встречались только изредка. Словом, проходя в этой очаровательной местности, мы положительно ничего другого не слышали, кроме оглушительного рёва каскадов или шума плавных падений ровных лент водопадов или же своеобразного рокота скрытно бегущих ручейков.

Исполинским валом тянется этот водораздельный хребет от юго-востока на северо-запад километров на 700, а то и более, давая — от скалистого гребня до подножий того и другого склонов — приволье кочевникам с их многочисленными стадами баранов и яков.

В нижнем и среднем поясах хребта к отмеченным уже в предыдущей главе кустарникам добавляется роскошный рододендрон, среди зарослей которого встречен пальмовидный ревень (Rheum palmatum), несколько форм Cladonia, Aconitum и кое-какие злаки, а по ущелью речки Гонон-чю — камыш (Calamagrostis) и около четырех-пяти видов генциан (Gentiana), одна другой прелестнее: синяя, голубая, белая, розовато-сиреневая и палевая.

Из млекопитающих, кроме маралов, кабарги, волков, лисиц, зайцев, сурков и небольшого ряда самых маленьких грызунов, других зверей мы здесь не встретили. Что касается птиц, то и среди последних в этой части хребта обнаружена крайняя бедность, так как временно пребывающие или гнездящиеся виды начали отлетать на юг, число же местных или оседлых птиц довольно ограничено; тем не менее на первых шагах в области бассейна Меконга, у южной подошвы хребта Русского Географического общества, мы добыли новый вид овсянки (Emberiza kozlowi).

Вступив в бассейн Меконга, мы среди первых обитателей хошуна Бучун, дружелюбно встретивших экспедицию, устроили дневку. Здесь нам охотно продавали баранов и масло, а потому, пользуясь случаем, мы пополнили запасы продовольствия более нежели на месяц. Кочевые тибетцы здесь выглядели грязными, лохматыми и несколько дикими. Когда однажды, засидевшись у нас на бивуаке, они неожиданно услышали пение нашего конвоя, то просили поскорее отпустить их домой, так как их будто бы пугают ужасные русские голоса, от которых волосы на голове поднимаются дыбом. Переводчик старался им объяснить, что в пении русскими людьми своих национальных песен худого ничего нет. — «Нет, это не песни, — продолжали стоять на своем туземцы, — это вызывание духов, живущих на горе Гаик-ган-ри; особенно делается страшно, — заметили они, — когда во время пения слышится громкий свист!».

Тут будет кстати упомянуть, что эти туземцы и теперь, как и в прошлые путешествия, пренаивно спрашивали нас, что скрыто

Да-бей-ху Шэраб-Чумпыр

в наших ящиках. «Правда ли, — спрашивали дикари, — что тут хранятся солдаты в яйцах и что, в случае необходимости, они вылезают оттуда драться?» То же мнение разделял впрочем и чамдоский чиновник, да-лама, впоследствии встретивший нас на реке Н'ому-чю, на другой день после вооруженного столкновения экспедиции с тибетцами; он, кроме того, был уверен, что в этих ящиках мы везем и наших жен, которых по ночам выпускаем в палатки к мужьям, утром же снова прячем в ящики. Более или менее дружелюбным отношениям, установившимся у нас с бучунцами, помогли, между прочим, наши молодые проводники, тибетец и тибетка, сопровождавшие экспедицию в течение последних трех дней, в которые мы успели перевалить через главную ось водораздела.

Дальнейший путь экспедиции в течение нескольких дней шел в юго-западном направлении, поперек горных цепей и многих больших и малых речек, стремительно несшихся к юго-востоку и скрывавшихся там среди более расчлененных гор, принадлежащих всё той же системе водораздельного хребта. С вершины второстепенного луча последнего, с перевала Лани-ла, или «Двойного», поднятого также на 4 780 *м* над морем, открывается более широкий вид на южную сторону, где на расстоянии 60 вёрст от перевала тянется высокая стена гор, с резко выделяющимися снеговыми вершинами Дабчжи и Бэчжи; за этой цепью гор непосредственно уже протекает верхний Меконг или Дза-чю, как говорят тибетцы. Вблизи Лани-ла, в прилежащих долинах, залегают роскошные пастбища, по которым, там и сям, пестрели стойбища кочевых тибетцев и по обыкновению бродили стада баранов и яков.

За третьим более низким луговым перевалом Чжонни-ла караван уже начал спускаться к многоводной реке Дзэ-чю, по одному из её левых притоков — Чок-чю. На этой последней мы были очень порадованы первым еловым лесом и густыми зарослями разнообразных кустарников. Наша орнитологическая коллекция стала быстро пополняться не только знакомыми мне видами птиц, но и такими, которых я никогда и нигде не наблюдал. Белый ушастый фазан, зеленый всэре, Janthocincla maxima, гималайский клест, дубонос, самые разнообразные вьюрки, краснохвостки, синицы, пеночки, Janthia cyanura, мухоловка (Poliomyas hodgsoni), новая камская пищуха (Certhia khamensis) и многие другие составили предмет сборов наших препараторов; лично же мне этот пернатый мир помимо охоты доставлял большое удовольствие или своим пением, или украшением тех уголков, где мы располагали свой бивуак. Одно из самых красивых мест лагеря экспедиции были скалистые ворота на Чок-чю, недалеко от впадения её в Дзэ-чю. Нависшие скалы, густой лес, шум бешеной речки делали эту часть дикого ущелья чрезвычайно живописной.

Река Дзе-чю, на левом берегу которой мы теперь стояли, есть один из значительных притоков верхнего Меконга, в который впадает в 80 верстах к юго-востоку. Ширина ее прозрачноголубых или зеленоватых вод достигает 25—30 сажен (50—60 *м*), при глубине в это осеннее время от 10 до 15 футов (3—4,5 *м*). Течение стремительное, а на порогах и очень бурливое; в таких местах гребни волн покрываются барашками. Река переходима в брод только позднею осенью у кумирни Дорч-желинг, где в широкой долине её песчано-каменистое русло расширяется до 40 сажен (80 *м*) и где глубина в то время не превышает 3—4 футов (0,9—1,2 *м*). В высокий же уровень реки пользуются деревянным мостом, устроенным ниже, в 20 верстах при монастыре Кгардин-гомба.

Время, проведённое экспедицией у горы Болонго, прошло незаметно. Целыми днями мы экскурсировали по горным склонам, изрезанным быстрыми ручьями. В первый же день в береговых зарослях, окаймляющих скалистые выступы, мы добыли очень интересную новую птичку из семейства Timeliidae — Janthocincla kozlowi.

Эта бурая юркая кустарница, как её мы окрестили на месте, которая между прочим известна тибетцам-кам под названием «дюсэ», величиной с черного дрозда, с длинным, широким хвостом. Janthocincla kozlowi никогда не покидает кустарниковой зоны, ютясь по ущельям рек и речек, но не избегает соседства жилищ оседлых обитателей. Птичка просыпается с зарёю и подаёт из чащи кустарников сначала тонкий писк, а позднее и громкое трещанье, напоминающее голос маленьких сорокопутов — а иногда и голос дрозда Кесслера; затем молчаливо спускается вниз, к корням кустарников, и там, перемещаясь от куста к кусту, исчезает, не обнаруживаясь человеку. Бурая кустарница, вообще говоря, очень строга и, зачуяв опасность, забивается в глушь, откуда показывается не скоро, становясь молчаливой и неподвижной. Спустя известное время, убедившись, что опасность миновала, кустарница показывается или на вершине ветвей, или на лугу под нависшими кустами. Добыть её не легко, для этого нужно иметь помимо терпения ещё и уменье охотника-наблюдателя.

Зимой по утрам я наблюдал эту птичку у дворов туземцев, где она совместно с полевыми воробьями и завирушками прыгала по соломе.

Полёт рассматриваемого вида низкий, ровный и обыкновенно непродолжительный как по времени, так и по пространству: переместившись с берега на берег или через открытую поляну, птичка опускается снова в кустарник.

Помимо этой новой птички здесь было не мало и других, обогативших орнитологическую коллекцию. Соседние бивуаку туземцы были заняты уборкой ячменя, который для просушки расставляют в снопы,

подобно тому, как это делается у нас в России. По мере того как снопы просыхали, их увозили вьюком к жилищам.

7 сентября, лишь только забрезжила заря и вершины гор позолотились косыми лучами солнца, а в глубине ущелья ещё лежала холодная тень, мы оставили монастырь и направились вверх по реке. Через пять вёрст пути до Дзэ-чю экспедиция вышла на её первый приток Ю-чю, пришедший с северо-запада. Эта небольшая прозрачная речонка вскоре привела нас к главному монастырю Сурманского хошуна — Сурман-намчжи-дзэба-гомба, во главе которого стоит лицо, управляющее вместе с тем и всем хошуном.

Богатый и обширный Сурманский монастырь свободно раскинут на пологом скате открытой долины, носящей характер лугового плато. Главный храм превосходит размерами все прочие кумирни, виденные мною в Восточном Тибете. Не менее того нас поразило своим внешним видом и одно из ламских общежитий, напомнившее собою европейский четырехэтажный дом. Поодаль от главного храма, на ближайшие высоты, поднимаются кельи отшельников. Этот староверческий монастырь вмещает кроме своих еще и последователей белого толка; всех лам здесь насчитывается до 500 человек, состоящих в ведении гэгэна-бэй-ху.

Миновав на своем дальнейшем пути священную гору Амнэ-дотэ, мы оставили речку Ю-чю, круто уклонившись к юго-западу, по одному из её правых притоков — Мок-чюну, и ночевали подле одинокого домика, ютившегося ввиду самих истоков этой горной речонки. Здесь, почти в верхнем поясе гор, произрастала чахлая редиска, на которую мы с жадностью набросились, поедая ее и в отдельности, и вместе с неизменной бараниной, в виде салата.

Эта ночёвка памятна для нас ещё и тем, что здесь мы добыли новый вид хомяка (Cricetulus khamensis) [1], державшегося в разрыхленной почве, на луговом скате.

Пересекши гриву увала, караван очутился в глубоком ущелье речки Дозон и, следуя вверх по ней, достиг северной цепи скалистого хребта, в месте перевала Ланну-ла, в 14 940 футов (4 550 *м*) над морем. С вершины этого перевала открывается вид на гору Дорикунг, отстоявшую далеко на севере в хребте Русского Географического общества. К югу же вид загораживается следующей параллельной горной цепью, до которой раскидывалось луговое плато, носившее следы глубокой осени. Ночной минимум здесь был —8,6°, хотя днем на солнце пригревало порядочно, в особенности в тихую погоду.

С соседних скал, громоздившихся в красивом беспорядке по обе стороны дороги, порой доносились звонкие голоса тибетских улларов,

[1] K. A. Satunin. Neue Nagetiere aus Centralasien. Оттиск из Ежегодника Зоологического музея Академии наук, т. VII, 1902, стр. 28—29.

а по лужайкам, там и сям, держались вьюрки, краснохвостки, альпийские синицы (Parus superciliosus, Leptopoecile sophia), сифаньские куропатки (Perdix sifanica); реже сарычи и соколы. Из зверей кое-где в горах, по словам проводников, бродят медведи, волки; обычнее других — кярсы, зайцы, а из жвачных — маралы, кабарга и кукуяманы (Pseudois nahoor).

Южная цепь скалистого хребта так же высока, как и предыдущая, и здесь перевал Ментон-ла поднимается около 15 160 футов (4 620 *м*) над морем. Верстах в 20—30 к югу опять встают высокие горы, сопровождающие долину верхнего Меконга — Дза-чю, которая отсюда кажется узкой, серебряной змейкой, извивающейся по широкому руслу. Подъём на перевал с севера удобный, невысокий, спуск же к югу, помимо страшной крутизны и глубины, затрудняется ещё массой камней, особенно в верхнем поясе.

В общем северная и южная цепи гор представляют один хребет, граничащий на юго-востоке с слиянием рек Дзэ-чю и Дза-чю, в обратную же сторону уходящий на более значительное протяжение. Командующим вершинам в южной или главной цепи хребта местные туземцы придали названия: Гэчжи, Ланну и Дабчжи.

Рассматриваемый скалистый хребет слагается почти исключительно из известняков[1] с незначительным сравнительно включением серо-зеленого твердого песчаника, залегающего в среднем поясе северного склона. Гребни цепей состоят из одних серых известняковых скал, которые нередко тянутся в виде правильных, отвесно ниспадающих стен с довольно большими брешами, образовавшимися по всему вероятию от периодических ветров и бурь, достигающих и в этой части Тибета большого напряжения.

По этому скалистому хребту проходит между прочим граница северных и южных тибетцев-кам, подчиненных сининскому цин-цаю.

Спустившись на километр по вертикали, мы вступили в теплую долину Дза-чю в том месте, где река катит свои воды сравнительно спокойно, дробясь на много рукавов; затем, пройдя вниз около двух километров, экспедиция прибыла к месту переправы, в урочище Гарту-тука.

---

[1] В северном подножье хребта, по правому берегу реки Дзэ-чю, обнаруживается известняк железисто-глинистый темномалиновый, очень твердый; по речке Ю-чю — известняк плотный, темносерый неяснослоистый и с неясными микроскопическими органическими остатками. В гребне северной цепи — известняк серый с белыми гнездами кальцита, с члениками криноидей; по гребню южной — известняк буровато-белый кристаллический, с микроскопическими органическими остатками; между гребнями, в верхнем поясе гор — известняк брекчиевидный, ноздреватый от выветривания, и наконец у восточной окраины горы Дабчжи — известняк плотный светлобурый, с фораминиферами.

В месте переправы экспедиции через Меконг нас ожидал один из четырех советников Нанчин-Чжалбо — Шэраб-Чумпыр, который в ответ на приветствие, принесенное им от имени своего начальника, получил от экспедиции пекинский и синийский паспорты для представления их в возможно непродолжительном времени в ханскую ставку, запрятанную в одном из ущелий на речке Бар-чю.

Нам удалось установить прочное знакомство и с южными тибетцами, в чем конечно видную роль сыграл Шэраб-Чумпыр, довольный назначением состоять при экспедиции на её дальнейшем пути к лхасским владениям.

Личность Шэраб-Чумпыра, одного из четырех главных советников хана, довольно интересная. Получив от своего отца бэй-ху в управление хошун, он располагал в то же время и порядочным наследственным или личным состоянием, что ставило молодого старшину на видное место и давало возможность в большей степени проявлять свою самостоятельность. Будучи в душе великим воином, Шэраб-Чумпыр не только не стеснял в грабежах своих подчиненных, но даже и сам часто принимал в них главное участие, правда так несчастливо, что вскоре дошел до разорения и устранения от должности, а затем и до заключения в кандалы... И только война, ведённая Нанчин-Чжалбо с некоторыми хошунами Центрального Тибета, помогла Шэраб-Чумпыру вновь подняться. Ему и двум другим опальным бэй-ху хан решился доверить командование отрядами для одержания победы, столь долго не дававшейся прежним его ставленникам. И действительно, в роли исключительно воина Шэраб-Чумпыр блестяще одерживал победу за победой и вскоре вернул все земли, отошедшие было к соседним хошунам, чем и восстановил прежнее влияние своего известного чжалбо. Обрадованный хан простил ему все проступки и постепенно возвел его до настоящего положения — ближайшего советника, однако предварительно потребовав от него клятвенное обещание не возвращаться к прежним грабежам однохошунцев.

Верхний Меконг, согласно общему простиранию хребтов и долин, заключенных между ними, стремительно катит свои голубые волны в юго-восточном направлении. Зародившись из обильных ключей, эта река, по словам туземцев, вначале течет на восток по открытому высокому, холодному плато Центрального Тибета, затем, постепенно склоняясь к югу, всё более и более стесняется сближенными между собою цепями гор, образующими довольно нередко теснины и пороги, по которым, бешено низвергаясь, оглушает шумом своих вод, сбивающихся у каменных прибрежных стен в блестящую пенистую массу. Боковые ручьи и многочисленные речки, напоминающие собой по быстроте течения горные потоки, увеличивают дикость и своеобразную прелесть Меконга; там и сям, в капризно-извилистых его расширениях,

приютились селения тибетцев, к крохотным полям которых обрываются скалы, убранные рододендронами, диким абрикосом, белой и красной рябинами. Тёмный лес из могучих елей, лиственниц и можжевельника располагается с одной стороны, светлые березовые рощи — с другой; на дно самих долин, к берегам вод, спускаются густые кустарники — ива, жимолость, барбарис, боярышник, так называемые ягодные кусты — крыжовник, смородина, малина и множество всевозможных высоких и низких трав. Выше лесной и верхне-кустарниковой зон пестрят самыми разнообразными цветами альпийские луга, где на просторе пасутся стада кочующих обитателей, в свою очередь мало стесняющие диких млекопитающих, не говоря уже про птиц, в большинстве случаев держащих себя совершенно безбоязненно и по отношению к стадам и по отношению к туземцам.

Урочище Гарту-тука находится на границе перехода верхнего Меконга из широкой мягкой луговой долины в каменистое лесное ущелье или даже теснину. Ширина Дза-чю в этом характерном месте простирается до 40—50 и более сажен (до 80—100 и более метров); дно главной реки, равно и второстепенных побочных речек, галечное. Прибрежные террасы отведены человеком под земледелие, которое вверх по течению невдалеке сравнительно и оканчивается, так как абсолютная высота местности здесь уже достигает 12 тыс. футов (3 700 *м*). Прилежащие горы оживлены кочевым населением, поднимающимся вверх по долине Дза-чю на расстоянии пятнадцати переходов, где проходит западная граница Нанчин-Чжалбо, тогда как устье Бар-чю определяет её на востоке с округом Чамдо, а долина реки Ному-чю или Джи-чю на юге — с дэвашунской территорией.

Здесь ихтиологическая коллекция экспедиции обогатилась между прочим новыми формами маринок или карповых — Schizathorax kozlowi, Ptychoborbus kaznakowi; из известных же видов нам удалось добыть Nemachilus thermalis, Schizopygopsis güntheri и Gymnacypris eckloni.

Так как наш лагерь был расположен у самой переправы, то мы имели возможность лишний раз видеть проезжих тибетцев, направлявшихся в ту или другую сторону.

Однажды таким образом наше внимание было привлечено самой разнородной компанией, среди которой находился и нищенствующий лама; главное отличие его от прочих лам заключается в чашке, прикрепленной за спиной, и оригинальном посохе, носимом ламой всегда и всюду.

Являлись сюда также и молотобойцы и художники кистью для фабрикации мани. За время нашего пребывания на берегу Меконга соседнее обо-мэньдон значительно обогатилось.

19 сентября караван экспедиции оставил Меконг и постепенно втянулся в мягкие холмы широко расплывшегося северного склона гор.

С вершин холмов открывались приветливые глинобитные домики, подле которых блестели змеевидные ручьи и речки. На прилежащих волнистых увалах темнели огромные стада яков, на значительно же большем расстоянии паслись бараны. Все говорило о довольстве и зажиточности нанчинских обитателей.

На третий день пути от Меконга, вскоре по выступлении из селения Дуру, мы оставили большую дорогу восточнее; в том же направлении отошли от нас кумирня Сева-гомба и селение Бийцза, которое славится богатейшими залежами соли, эксплоатируемой туземцами. Наш же путь направился к югу, к месту раздвоения хребта на северную и южную горные цепи, из которых первую туземцы считают за главную, уступающую однако по высоте второй — южной, с перевалом Радэб-ла, поднятым над морем на 14 550 футов (4 440 *м*). В то время как северный склон хребта довольно пологий и простирается в ширину верст на 25, противоположный — страшно крутой и оканчивается всего через 5 верст, у дна глубокого и действительно живописнейшего ущелья Бар-чю. Долго я стоял на перевале и не мог налюбоваться этим ущельем, гармонично сочетавшим в себе отвесные каменные кручи, густые леса ели и древовидного можжевельника и темную извилистую речку, положительно тонувшую среди причудливо нависших над нею гигантских скал и цеплявшихся по ним хвойных зарослей.

Вначале мы спускались по мягкому альпийскому лугу, затем вступили в область можжевелового леса; крутизна тут была такая, что едва допускала возможность движения по ней бычьего каравана. В подобных местах предпочитаешь итти пешком, ведя в поводу лошадь.

Хребет, у южной подошвы которого приютилась экспедиция, своею восточной окраиной простирается до Чамдо, где вершиной Зачжи касается вечного снега, в противоположную же сторону убегает еще дальше, вглубь самого нагорья Тибета. С севера его омывает верхний Меконг, с юга — правый приток последнего — Ному-чю с своей данницей Бар-чю. Этот хребет нам удалось проследить на порядочном протяжении и пересечь дважды, не считая третьего второстепенного пересечения, исполненного лишь в области одного южного склона.

Несмотря на свои значительные размеры до 400 верст (более 420 *км*) в длину, рассматриваемый хребет, подобно многим таковым Восточного Тибета, не имеет у туземцев общего названия; я назвал его именем Вильяма Вудвиль Рокхиля (William Woodville Rockhill), желая тем самым почтить путешественника, которого я уже не раз упоминал на страницах моего труда и который является в Каме моим предшественником, столь много поработавшим по географии Северо-восточного Тибета и в области его этнографии давшим первые обстоятельные сведения об обитателях Кама в своих классических трудах:

«The Land of the Lamas», 1891, и «Diary of Journey through Mongolia and Tibet», 1894.

Хребет Вильяма Вудвиль Рокхиля слагается в месте нашего первого пересечения главным образом из плотных известняков (буро-серых или глинистых зеленовато-серых), кроме того из мергелей (бурокрасного песчанистого или светлосерого пористого), залегающих в окраинных холмах северного склона; на восточном пересечении этого хребта, у самого гребня, обнаружен трахит (грязно-белый с пиритом и охрой) исключительно в виде больших и малых обломков, сползающих на обе стороны перевала Мо-ла; а пониже гребня, приблизительно футов на 200 (метров на 60), на северном склоне выступает в виде отдельной скалы, треснувшей по всем направлениям, бурый биотитовый трахит с многочисленными крупными выделениями плагиоклаза и санидина и мелкими — биотита; на южном же склоне, в области среднего пояса гор, при урочище Бамару, замечен известковый, ноздреватый, светлокрасно-бурый туф, покрывавший ложе небольшого ручья, сбегавшего по последовательно расположенным уступам.

Между западным и восточным пересечениями хребта Вудвиль Рокхиля, по южному склону этих гор, в теснинах Бар-чю и Цатима, преобладающей породой является опять-таки известняк, причём в первом случае — серо-бурый, с прожилками кальцита, или глинистый, плотный, темносерый, а во втором — серый, плотный, глинистый, с очень неясными микроскопическими органическими остатками. В Цатимской теснине этот известняк переслаивается с мергелем (бурым, песчанистым, тонкослоистым). Мягкие береговые террасы, занятые туземцами под пашни, состоят из красно-бурого известковистого суглинка; наконец, значительно выше Цатимской теснины, в нагорной котловинке, обнаруживается красно-бурый или розовато-жёлтый песчаник, равно как и ниже теснин, по выходе в долину Ному-чю, вдоль берегов, тянутся еще более разнообразные типы этой породы.

Горная речка Бар-чю, стремительно неся свои дивно прозрачные воды по галечному ложу, местами суживается до 4—6 *м*, местами расширяется до 24—30, имея в длину около 100 *км*. На всем означенном протяжении она только перед впадением слева в Ному-чю круто склоняется к югу, изменив общему юго-восточному направлению. Глубина её в месте брода, при урочище Ярчюн, в осеннее время — около 0,5 *м*; летом же, конечно, уровень речки значительно повышается.

С обеих сторон ущелье Бар-чю запирается мрачными теснинами, а с восточной — кроме того и высоким каменным порогом, с которым река яростно сражается, превращаясь при этом в одну сплошную пенистую массу, играющую на солнце цветами радуги. Рёв и шум Барчюской стремнины был в состоянии заглушить самый громкий люд-

ской голос. Обаятельной дикой прелести каскада способствовали также девственные заросли, нависшие с отвесно ниспадавших береговых стен. Это было любимейшее место моих охотничьих экскурсий.

По целым часам я просиживал в соседстве стремнины, наблюдая под её монотонный гул за жизнью местных пернатых. Чуть только блеснут солнечные лучи по скалистым стенам ущелья и вершинам хвойных дерев, как уже просыпаются птицы и покидают места ночевок. Снежные грифы, ягнятники бородатые и орлы-беркуты дозором понеслись над вершинами гор, коршуны и во́роны нетерпеливо закружили над бивуаком у места заклания баранов, тогда как сороки (Pica p. bottanensis) и черные воро́ны (Corvus macrorhynchus Levaillanti), повидимому, спокойнее выжидают той же добычи, сидя на соседних деревьях; высоко над елями парит вновь открытый ястреб (Accipiter nisus Ladygini), которого по временам беспокоят попутно пролетавшие соколы, сарычи, галки (Coloeus dauricus) и крикливые клушицы; сверху ущелья волнистым полетом прилетел зеленый дятел (Picus canus Guerini) и с размаха уцепился за пень; на другом берегу речки долбит высокое стройное дерево другой его собрат — золотистоголовый (Picoides tridactylus funebris); в двух-трех шагах от наблюдателя невидимкой поднимается по стволу камская пищуха (Certhia khamensis); в гущине кустарников перелетают или прыгают по ветвям Janthocincla ellioti, Janthocincla maxima, бурая кустарница (Janthocincla kozlowi) и дрозд Кесслера (Turdus kessleri); рядом с ними можно было нередко вспугнуть рябчика (Tetrastes sewerzowi); повыше — цепляются в хвое всевозможные синицы: хохлатые — Parus rufonuchalis Beawani, Parus dichrous dichroides, маленькие изящные — Leptopoecile sophiae, Lophobasileus elegans, Poecile songara, несколько видов пеночек и золотистолобый королек; изредка, в стайках, перелетали с одной стороны ущелья на другую гималайские клесты (Loxia curvirostra himalayana) и каменные голуби (Columba rupestris); там и сям перемещаются на скалах или на деревьях, помахивая хвостиками, красивые горихвостки; Chaemarrhornis leucocephala, Phoenicurus schisticeps, Ph. ochruros phoenicuroides; реже показывалась на глаза Tarsiger cyanurus; в гущине можжевельников запрятались дубоносы (Mycerobas carneipes) и нарядные розовые вьюрки (Carpodacus thura dubius, C. roseus); у прибрежных, обмытых водой, корней ютился крапивничек (Troglodytes t. neglectus), а по речным валунам — водяная оляпка (Cinclus cashmeriensis), часто спрыгивавшая на воду.

К полдню птички становятся менее энергичными и, напившись воды, незаметно скрываются в кустарники и скалы. Пора и охотнику возвращаться к бивуаку. Тихо бредешь по знакомой тропинке, порой на минуту остановишься, прислушаешься и в то же время посмотришь в бинокль на ближайшие скалы. Среди тишины вдруг польются, словно

из свирели, нежные тонкие звуки зеленого красавца всэре (Ithaginis geoffroyi), усевшегося где-либо на бугорке подле стайки этих птиц, спустившихся к речке напиться; по мере того как умолкает одна приятная трель вблизи, за поляной раздаётся новая, там дальше ещё и ещё; мелодичные переливы звуков доверчивых всэре и замечательно нарядное их оперение часто совершенно обезоруживали меня, и я ограничивался одними прицеливаниями в этих птиц. Истый охотник-коллектор и любитель природы меня поймет...

По временам я заглядывал и в область среднего и в область верхнего поясов гор, где часто встречал белых ушастых фазанов (Crossoptilon thibetanum) и так называемых кундыков, или кулюнов (Tetraophasis szechenyi). Первые из этих крупных «охотничьих» птиц по образу жизни и голосу сильно напоминают близкого им собрата Crossoptilon auritum. Подобно последнему, рассматриваемый вид держится большими или меньшими табунками в ущельях, обильных всякого рода растительностью; в течение всего дня, но чаще по утрам и вечерам, можно слышать его голос, похожий на отрывистое, последовательно повторяемое выражение шагыр... шагыр... шагыр..., послужившее туземцам поводом к названию самой птицы этим звукоподражательным словом — «шагыр». Несмотря на свой крайне выделяющийся нежнобелый наряд, обнаруживающий ушастого фазана на далекое расстояние и часто повергающий его в когти крылатых хищников, шагыр довольно обыкновенен в Каме, так как туземцы, за весьма редкими исключениями, на него не охотятся. Следуя лесистыми скалистыми ущельями в области земледельческого населения Кама, мы чуть не ежедневно могли любоваться на стаи этих птиц, доверчиво относящихся к людям. Наблюдаемые с близких расстояний, по соседству с селением, шагыры напоминают домашних породистых птиц, всего больше, конечно, изящных белых петухов. Самки белых ушастых фазанов отличаются от самцов главным образом несколько меньшим ростом и отсутствием на ногах шпор.

Кулюны — обитатели почти исключительно среднего пояса гор, хотя нередко их можно встретить и в верхнем, до пределов рододендронов и древовидных можжевельников. Охотнее всего, однако, Tetraophasis szechenyi держится в хвойном еловом лесу, где в утренние и вечерние часы эти птицы ходят по земле парами или обществами, в зависимости от времени года. Ночуют кулюны на деревьях, усаживаясь в гущину ветвей, ближе к стволу, куда прячутся и будучи кем-либо напуганы, после перелета. Весной, в феврале, самцы гоняются за самками, припадая к земле распущенными крыльями и помахивая хвостом словно веером, в то же время издают оригинальный звук, который в начале игры птицы походит на крук... крук... крук..., а затем, постепенно вместе с повышением, иногда слышным на расстоянии

четверти километра, переходит в отчетливое кулюн... кулюн... кулюн... Мясо этой птицы нежное, белое и по вкусу не уступает мясу рябчика.

Благодаря разнообразию и богатству птиц вообще в Барчюском ущелье, мы здесь успешно пополняли свою орнитологическую коллекцию; другое дело по отношению к сборам или охотам на зверей; этот отдел оставлял желать много лучшего, несмотря на то, что в местных лесах и скалах иногда можно встретить обезьян (Macacus lasiotis), промышляющую за ними пантеру или леопарда, рысь, тибетского медведя, волка, лисицу, хорька, сурка, залегшего уже спать, пищух, барсука, оленей и кабаргу.

Ботанические экскурсии вознаграждались теперь главным образом семенами, собираемыми как с трав, так еще более с кустарников.

Кумирня Га-гомба, или, как она ещё называется, Гэрчжи-гомба, отстоит от Бар-чю к юго-западу всего лишь на два небольших перехода и расположена в долине реки Чжи-чю, на правом возвышенном её берегу, будучи, таким образом, отделена от нашего главного лагеря высоким сложным хребтом, залегающим между двумя соседними речками Джи-чю и Бар-чю. Означенная кумирня следует учению Цзонхавы и вмещает в своих красивых постройках до 200 лам, с двумя гэгэнами во главе.

От кумирни к реке ведет крутая дорожка, которая спускается к железному висячему мосту, довольно прочно устроенному через Джичю в месте сужения реки до 60 *м*, там, где оба берега её значительно возвышены над водой, в особенности правый берег, в направлении к которому мост несколько приподнят. По словам тибетцев, мост при кумирне Га-гомба очень давнего сооружения и составляет гордость дэвашунцев. К ночи движение по качающемуся мосту прекращается: дверь, ведущая на лхасскую землю, запирается на замок, а в крайнем случае оберегается и стражей. Подобных пропускных постов на этой пограничной дэвашунской реке устроено, говорят, три или четыре.

Характер южного притока Меконга — Джи-чю — в общем тот же, какой имеют и другие соседние реки, а именно в своем верховье река течет на просторе, а затем по мере удаления к востоку — постепенно погружается всё в более тесные каменные ущелья с периодическими расширениями, дающими приют земледельческому населению. Как кажется, эта многоводная и быстрая река отстоит своими истоками на значительное отсюда расстояние, внутри Тибетского нагорья.

Вблизи кумирни Га-гомба долина Джи-чю, имевшая перед тем до четырех верст ширины, незаметно переходит в ущелье с мрачными нависшими скалами, более или менее густо прикрытыми лесами ели, кустарниками и увядшими или посохшими травами. Ближайшие селения, лежащие здесь на 12 190 футов (3 720 *м*) над морем, успешно

возделывают поля, засеваемые, как и виденные нами раньше, ячменем, а крохотные огороды — репой.

Хребет, высоко поднимающийся над ограничивающими его с севера и юга реками Бар-чю и Джи-чю и пересеченный А. Н. Казнаковым в восточной окраине, довольно далеко простирается в северо-западном направлении. Оба склона этого хребта заняты кочевниками-скотоводами, которые, благодаря богатым, привольным пастбищам и здоровому климату, живут по-своему в полном достатке. Помимо пастбищ, горы в восточной части изобилуют девственным лесом, до сих пор не знающим в человеке своего врага. Этот хребет, окаймляющий ставку Нанчин-Чжалбо с юга, как не имеющий туземного именования, я называю Нанчинским.

Нанчинский хребет слагается в главной своей оси из темносерого известняка, нередко с фузулинами и членами криноидей, а в вершинах северных отрогов из типичного для гор бассейна Меконга известняка с прожилками белого кальцита и фораминеферами с добавлением, там же, вблизи гребней отрогов, лилово-серого твердого или просто серого глинистого песчаника с охристыми налетами, по склонам же, обращенным преимущественно к югу, — темносерого глинисто-известкового сланца; у южного подножья хребта, по руслу ущелья и его берегам, вблизи теплых ключей Чю-ни, температура которых была 12 октября в час дня 28,5°, обнаружен ноздреватый известковый розовато-бурый туф, с раковинами ныне живущих наземных моллюсков.

Нанчинский хребет А. Н. Казнакову пришлось пересечь четыре раза, по одной и той же дороге, при двух поездках в кумирню Га-гомба.

С вершины главного перевала Нанчинского хребта — Санху-ла, который поднимается над морем на 15 470 футов (4 720 *м*), открывается вид на следующий к югу хребет, окаймляющий долину Джи-чю с полуденной стороны. Высокой, однообразной, темносерой стеной тянется эта окраинная с севера цепь гор, составляющая официально начало таковых, подлежащих административному ведению Лхасы. Как здесь, так одинаково и на дальнейшем пути экспедиции на восток — к Чамдо, эти горы, одетые в среднем и южном поясах густым хвойным лесом, сбегают на дно долины широкими последовательными уступами. Хребет, послуживший вместе с тем конечным южным пределом наших исследований в Каме, я предложил бы назвать именем «Всеведущего предмета веры» — Далай-ламы.

На обратном пути из кумирни Га-гомба, на южном склоне Нанчинского хребта, моему сотруднику удалось встретить обезьян, которые держались компанией, особей в 20, вблизи гребня гор, по склонам, одетым можжевеловым лесом. Умные, забавные зверьки беззаботно резвились на южном теплом солнце, не боясь близкого соседства че-

ловека-тибетца, вселившего в них уверенность в том, что он для них не опасен. На глазах моих удивленных спутников одни из обезьян ловко прыгали по деревьям, другие с неменьшим искусством и проворством цеплялись по скалам, в то время как прочие зверьки, усевшись на выступы камней, спокойно наблюдали за всем окружающим или же кувыркались один через другого. Вследствие особенной подвижности обезьян они то и дело меняли свои места и невольно подолгу привлекали к себе всеобщее внимание. Крайне интересными зверьки бывали на деревьях, когда они старались свалить друг друга наземь: вот один из них быстро поднялся на самую вершину можжевельника и приготовился взглянуть по сторонам, как другой, тотчас догнав его, начал усердно трясти вершинку дерева; там, на скалах, один другого наделяет пощечинами, или же наоборот, после таких недоразумений, зверьки трогательно оказывают друг другу внимание и ласку. Обезьяны вообще вели себя свободно и безбоязненно, словно не замечали людей, устремивших на них свои пытливые взгляды.

Здесь будет уместно вообще сказать несколько подробнее о камской обезьяне (Macacus lasiotis).

Этот зверь, называемый тибетцами «аргэ», довольно обыкновенен в бассейне верхнего Меконга, в особенности в окрестностях Чамдо, преимущественно выше по долинам и ущельям рек и речек, которые богаты скалами и лесами.

Обезьяны бродят стадами по сотни и более особей. Облюбовав известный район, звери держатся его более или менее продолжительное время, затем исчезают, передвигаясь в скалы соседних ущелий. При встрече речки звери успешно её переплывают, за исключением детенышей их, которые при таких передвижениях взрослых помещаются на спины родителей. Обсиженные места обязьян видны по их лежкам, помету и по разрытой рыхлой почве.

Летом звери ищут более прохладных мест, поднимаясь до верхнего предела лесов; зимой, наоборот, спускаются ниже, выбирая солнечные пригревы у скал. Ночи обезьяны проводят в выемках скал, в пещерах; чуть же пригреет солнышко, они оставляют ночёвку, вылезают на скалы; позднее прыгают по ветвям древовидного можжевельника, собирая его семена. Обезьяны охотно питаются кроме того корнями гусиной лапчатки (Potentilla anserina), многими ягодами, а при случае летом приходят на поля, засеянные репой, и немилосердно их вытравляют.

Туземцы, усматривая в обезьянах некоторое подобие людей, их не стреляют, боясь греха, равносильного убиению человека. Поэтому описываемый зверь нисколько не боится тибетцев. Мне не один раз приходилось видеть, как зимой обезьяны стадами кормились по пашням или лужайкам, вблизи тибетских жилищ, иногда даже в стогах

их соломы, и как близко взрослые люди и обезьяны проходили друг от друга, повидимому, не обращая никакого внимания один на другого. На мальчишек же, пытавшихся прогнать этих зверей, в особенности с полей, засеянных репой, обезьяны жестоко нападают, сваливают с ног и безжалостно колотят передними ногами. Другое дело, если появлялся кто-нибудь из нас: мирное состояние всего стада обезьян тотчас нарушалось, и все они скоро исчезали в скалы или в лес. Вожаками бывают по большей части взрослые самцы.

Определенного любовного периода у обезьян не существует, поэтому дети появляются на свет во всякое время года. Мать заботливо скрывает родившееся дитя в ямочку, предварительно выстлав её мягкой травой и замаскировав веточками. В таком гнездышке обезьяна-мать держит малютку дня три, и тогда стадо ютится поблизости. Затем, мать берет дитя в охапку, точнее — подмышку, следуя в пути на трех ногах. При отдыхе или срывании корма обезьяна кладёт детёныша рядом с собой. По истечении двух недель молодые уже в силах держаться на спинах родителей, ловко там усаживаются, крепко держась за длинную мягкую шерсть. Замечательную забавную картину представляет стадо рассматриваемых зверей, идущее гуськом по гребню гор, когда некоторые из них, имея на спинах малышей, шествуют словно лошади под седоком. Мой юный спутник-забайкалец находил впрочем другое сравнение для детенышей, ехавших верхом на взрослых обезьянах; он выражался: «маленькие завьючены на больших». Этот же препаратор, Мадаев, на одной из своих охот за обезьянами должен был первоначально отступить от них, так как звери, находясь выше охотника, дружно стали бросать в него камнями, которые по крутому косогору катились очень быстро; иные пролетали в воздухе со свистом.

Обезьяны между собой также нередко серьезно дерутся; недоразумения, повидимому, рождаются очень быстро, из-за пустяков. Так, наряду с большой дружбой и внимательностью друг к другу, выказываемыми в особенности при взаимных услугах в отыскании паразитов, можно видеть, как те же обезьяны щедро наделяют одна другую пощечинами. Пострадавшая громко кричит от боли.

Тибетцы иногда ловят детёнышей обезьян и держат их у себя в домах для забавы. В неволе этот зверёк быстро осваивается и привыкает к людям. По мнению туземцев приручаемым обезьянам следует отрубать хвосты, что нередко они безжалостно и проделывают с ними, в целях будто бы проявления большого разума этими человекоподобными существами. Во избежание бед, которых при всяком удобном случае немало натворит обезьяна, её держат на привязи, отпуская ежедневно на час-другой в соседний лес или в скалы. Привязывать этого зверя следует очень искусно, иначе он всегда сумеет развязать

даже довольно сложный узел. Движения обезьян как по деревьям, так и по скалам замечательно быстры, ловки и изящны.

В октябре, в ущелье Бар-чю, благодаря его довольно высокому поднятию над морем —3 980 *м* — вместе с сильным падением температуры и большой облачностью стал чаще перепадать обледенелый дождь или крупа, а вершины гор укрывались настоящим снегом. Невольно чувствовалось приближение зимы.

Между тем, в указанный тибетцами срок, была получена через Нанчин-Чжалбо бумага, в которой нас просили не переступать границу дэвашунской земли, так как из Лхасы будто бы получено было строжайшее приказание не пускать кого бы то ни было из европейцев в далайламские владения. За неисполнение же подобного распоряжения лхасские власти угрожали постам на проходах смертной казнью.

Я решил двинуться в Чамдо, где рассчитывал с китайцами выяснить шансы на дальнейшее движение к югу: вправе ли тибетцы задерживать наше движение по Каму, которое обеспечивалось экспедиции китайским паспортом, выданным из Цзун-ли-ямыня, и не окажут ли в этом должного содействия высшие чамдоские тибетские власти под давлением чиновников богдохана.

С плосковершинного здесь хребта Рокхильских гор, разграничивающих воды Бар-чю и Джи-чю, мы увидели в северо-восточной дали знакомую уже нам конусообразную вершину Гаик-ганри, в хребте Русского Географического общества, дивно блестевшую на солнце яркой белизной снега. В сторону Чамдо также высоко взгромоздились к небу остроконечные седые пики окраинных на юго-востоке вершин все того же хребта Вудвиль Рокхиля, на котором находились мы теперь. В соседстве с нами прыгали грациозные антилопы — ада (Gazella picticauda), а из птиц характерным представителем нагорья являлся камский жаворонок (Eremophila alpestris khamensis), который держался небольшими стайками и издавал однообразный пискливый звук.

С хребта караван экспедиции начал постепенно спускаться в очаровательную по красоте и богатую растительным и животным миром теснину речки Цатим, по которой движение затруднялось с одной стороны его девственными зарослями могучих елей и лиственниц, с другой же — присутствием высоких, узких карнизов, а ещё более — сближенными до крайности отвесными боками ущелья. По дну каменного русла-дороги струилась во всю ширину её порядочная речка, с прозрачной и крайне студёной водой. В подобную теснину солнечные лучи заглядывают лишь на самое короткое время, а в её в высшей степени характерных боковых выемках, провалах и ответвлениях, исписанных между прочим громадными цветными мани, царят вечный мрак и холодная, пронизывающая сырость, свойственная большинству настоящих буддийских храмов. По счастью, в этой теснине, мы ни с кем из

проезжих туземцев не встретились, иначе я не знаю, как бы мы вышли из неудобного положения при разъезде; но самым большим несчастьем, могущим обрушиться на долю случайных путников, следующих через эту теснину, бесспорно служит ливень, который в течение нескольких минут в состоянии превратить небольшую речонку в могучий временный поток и унести или уничтожить на своем пути все, что ни встретится.

За главной теснином следуют второстепенные, иногда наподобие каменных ворот, чередующихся с многими карнизами и луговыми скатами. Дорога, или вернее тропа, часто открыто перебегает с одного берега речки на другой, порой же прячется в чаще леса, пока не минует места слияния речек Цатима и Бар-чю и не вступит на возвышенный полуостров, образуемый следующей стрелкой — Бар-чю и Джичю, или Ному-чю, как она называется ниже. Только придя сюда, в урочище Цзедоси, мы могли свободнее вздохнуть и удобнее разместиться с караваном: здесь горизонт расширяется. С северо-запада на юго-восток проходит мягкая приветливая долина южного притока Меконга, воды которого имели в это время серовато-дымчатую окраску и с оглушительным шумом прыгали по каменистому, порожистому ложу, с пеной у гребней волн. С севера круто впадает сине-зеленая красавица Бар-чю, ещё более стремительно низвергаясь по валунным нагромождениям. От самой воды начинались густые заросли леса и кустарников, взбегающих на вершины приветливых гор; только местами встречались неприятные для глаз участки леса, погибшего от пожара. Ширина Ному-чю простирается от 20 до 30 сажен (от 40 до 60 *м*) при глубине в 15—20 футов (5—7 *м*). Со дна долины, по сторонам реки, встают каменные обрывистые берега, имеющие на вершинах последовательно расположенные террасы, засеваемые где повыше только ячменем, а пониже и пшеницей, так как абсолютная высота здесь значительно понизилась — до 11 700 футов (3 570 *м*).

От туземцев мы уже знали, что в Чамдо ведут две дороги по обоим берегам Ному-чю, причём путь по правому берегу удобнее, и что в 5 верстах ниже по реке существует мост, по которому удобно переправиться на противоположный берег и по нему следовать к намеченной цели.

С таким расчетом, оставив место слияния рек, мы направились вниз по Ному-чю в сопровождении старшины. Пока шли по левому берегу до моста, все обстояло благополучно, но лишь только мы хотели вступить на него, как скрывавшиеся в овраге тибетцы быстро подбежали к мосту с противоположной стороны и приготовились стрелять в нас. Я через проводника спросил, в чем дело. Получив в ответ, что за мостом уже начинаются лхасские владения, куда лхасскими же властями не приказано пускать нас, я попытался было вызвать к себе

Ущелье Бар-чу. Нанчинский хребет

для объяснения начальника стражи, но напрасно: на наш зов никто не явился. Зная, что по левому берегу также существует дорога в Чамдо, я оставил тибетцев в покое и направился дальше.

Не знаю, за что сочли туземцы нашу вторую уступку, но, думаю, не за великодушие, а за слабость, чему подтверждением может служить встреча с ними на другой день, 28 октября при селении Согторо. Здесь, на нашей последней дороге в Чамдо, я был ещё более удивлен неожиданно стеной вставшим передо мной тибетским отрядом, начальник которого Нинда-Гунчюк, подняв саблю, крикнул: «Стой, ни шагу дальше!.. Выслать переводчика!». Пока шли переговоры, тибетцы держали себя крайне вызывающе, то и дело бросая на сошки свои длинные фитильные ружья и прицеливаясь в нас. Отпустив переводчика, Гунчюк, охорашиваясь, стал прохаживаться впереди своих подчиненных и ободрять их.

От переводчика мы узнали, что тибетцы приготовились сейчас гнать нас, как собак, огнем своих ружей; на доводы же, приводимые переводчиком относительно того, кто мы, какие у нас паспорта и куда мы идем, Гунчюк совсем не отвечал, гордо отвернувшись от посредника.

Тем временем наш караван стянулся в одно место; гренадер Шадриков, сопровождавший первый эшелон, передал мне, что в него по дороге тибетцы бросали камнями, смеялись и злобно показывали рукой вперед, по направлению к засаде тибетцев. Теперь ещё больше стало ясным, с кем мы имеем дело, — против нас, маленькой горсти русских людей, в глубине Тибета нежданно-негаданно восстали его обитатели, подстрекаемые ламами многочисленных монастырей, но главным образом Чамдо и его верховным представителем Пакпалой.

С большой поспешностью удалось счастливо сплотить свой караван и, заняв удобную позицию, очистить себе дорогу. Скоро стрелки вернее всякого китайского паспорта обеспечили лучший для нас исход дела. Тибетцы бросились бежать частью в селение, частью к реке, прикрываясь её обрывистыми берегами; часть же воинов засела в легком строении и продолжала стрелять в наш маленький отряд, перешедший теперь в наступление. Чтоб вполне обеспечить себе проход, нам пришлось поджечь постройку, занятую разбойниками, откуда они и стали выбегать группами и поодиночке. В течение полуторачасовой перестрелки мы израсходовали 300 патронов. Тибетцы были рассеяны и, как впоследствии выяснилось, понесли тяжелые потери: убитыми 23 человека и тяжело и легко ранеными 17. Мы все, по великому счастью, уцелели.

По окончании стычки мы привели караван в порядок и решили скорее оставить это тяжелое по воспоминанию место, продолжая двигаться в прежнем направлении. Вскоре, поднявшись на высокий косогор

и оглянувшись назад, мы увидели тибетцев, шедших с разных сторон к месту, где лежали их павшие в бою товарищи.

Выбирая более широкую часть долины для своей остановки, мы принуждены были двигаться до сгущенных сумерек, когда, наконец, дали и себе и животным отдых. Но какой мог быть нам отдых, когда нравственное состояние было так потрясено.

На другой день ранним утром мы двинулись дальше. Вскоре на дороге показалась фигура тибетца, высланного к нам навстречу местным гембу в качестве проводника. По дороге тибетец стал нас уверять, что его маленький начальник — гембу — страшно скорбит о вчерашнем происшествии, тем более, что он ни в чем неповинен, так как с нами воевали другие тибетцы, они же все узнали о стычке только вечером, при паническом бегстве пострадавших воинов.

Общий характер долины Ному-чю оставался прежний; река капризно извивалась и местами совершенно терялась среди густых зарослей леса, но открытые террасовидные уступы левого берега в то же время давали возможность свободно следовать каравану и наблюдать впереди себя, по направлению к югу-востоку. Вскоре, на командующем скате, у заповедного леса, показалась кумирня Момда-гомба, и окаймляющее её с запада боковое ущельице, в котором был сосредоточен небольшой конный отряд тибетских воинов, очевидно, наблюдавших за нами. За полверсты до нашего прихода к ним тибетцы быстро исчезли.

У самой кумирни река Ному-чю описывает своим течением ещё более прихотливые зигзаги, что в связи с высокими каменными берегами, с их выступами, карнизами и нишами представляло красивейший вид, от которого глаз не в состоянии был оторваться. Скат противоположного берега ютил, на стрелках ручьёв и небольших речек, обособленные домики — фермы. Рамкой долины служили иглы хвойного леса, исчезавшего за ближайшими гребнями гор.

Невдалеке за кумирней Момда-гомба мы встретили трех нарядно одетых всадников, выехавших к нам из Чамдо для ведения дипломатических переговоров в качестве представителей местной тибетской администрации. Старший из них, в звании да-лама, высокий брюнет, с черными проницательными глазами, был в темнокрасных одеждах и парадной шляпе, украшенной синим шариком. Через плечо этого чамдосца, подобно генеральской ленте, висела связка серебряных гау, а в левом ухе — наградная массивная золотая серьга, художественно отделанная бирюзой и кораллами. Двое других меньших чиновников составляли его свиту. При встрече с нами чамдосцы тотчас сошли с своих богато убранных лошадей и вежливо приветствовали нас; мы ответили тем же. После этого да-лама стал просить меня не заходить в Чамдо, согласно будто бы желанию находившихся там лхасских

чиновников, привезших из резиденции далай-ламы такого рода распоряжение. Умоляюще складывая руки и устремляя глаза к небу, да-лама продолжал настоятельно просить о том же. «Пожалейте мою голову», — показывая пальцем на шею, повторял представитель чамдоской власти, и каждый раз, в ожидании перевода фразы, его испуганное лицо страшно бледнело. С своей стороны я выразил да-ламе большое удивление, что чамдоская администрация решила заговорить с нами позже, нежели следовало, иначе такого сложного недоразумения не могло бы произойти. Во всяком случае поступок тибетцев, действовавших по наущению главы великого монастыря и окрестных ему кумирен, переполненных монахами, послужит большим укором совести для того, кто благословил воинов поднять против нас оружие и кто теперь, потеряв голову, командировал его к нам для улаживания этого неприятного дела. На мои доводы хитрый чиновник ничего не ответил, и, чтобы не дать прочесть выражения своего лица, низко склонил голову. После этого я предложил чиновнику проследовать вниз по долине реки до места бивуака, где можно будет обстоятельнее выяснить этот тяжелый вопрос.

Селение Бэноп для экспедиции было последним, которого она могла достигнуть на пути по долине Ному-чю, так как, в конце концов, я уступил просьбе да-ламы, исходящей непосредственно из Лхасы.

2 ноября экспедиция вновь поднялась на хребет Вудвиль Рокхиля, в восточной, еще более величественной его части, где перевал Мо-ла, поднятый на 15 400 футов (4 700 *м*) над морем, открывает бесконечный лабиринт гор по всем направлениям. Командующими блестевшими на солнце вершинами того же Рокхильского хребта были снеговые вершины Моди и Зачжи, на которые, по словам нашего чамдосца-спутника, старейшие ламы их богатого монастыря часто обращают взоры, так как, при созерцании последних «чистых» ступеней земного мира, человек в состоянии скорее отрешиться от житейской суеты и приблизиться к познанию нирваны... Гребни гор по большей части состояли из обнаженных серых скал, бока же их в это осеннее время темнели зарослями леса, среди которого змейками извивались серебристые ленты многочисленных ручьев и речек, с шумом низвергавшихся в долину. При слиянии речек, там и сям, ютилось земледельческое население с своими обособленными или сгруппированными по нескольку вместе домиками, резко выделявшимися на золотом фоне посохшей травянистой растительности. Очень крутой спуск затем вывел нас на речку Шопа, а эта последняя в ближайшее соседство кумирни того же имени — Шопа-гомба, расположенной уже в долине Меконга, еще более богатой и еще более живописной и приветливой, нежели долина Ному-чю.

Многоводный Меконг стремительно несется по широкому (от 40 до 50 или даже до 60 сажен) (от 80 до 120 *м*) галечному руслу, обставленному желто-бурыми или буро-лиловыми песчаниковыми [1] берегами. Его зеленовато-голубые волны, скрывающиеся зимой подо льдом лишь на самое ограниченное время, да и то в местах плавного течения, пестрят барашками, разбивающимися на порогах в мельчайшую водяную пыль, играющую на солнце нежными цветами радуги. Местами же река катится величаво-спокойно и представляет собой стальную или зеркальную гладь, красиво отражающую прилежащие скалы и леса. Глубина верхнего Меконга, по определению туземцев, варьирует от 3 до 7—8 сажен (от 6 до 16 *м*), а уровень — от 7 до 20 футов (от 2 до 6 *м*).

Долина Меконга богата лесами. К прежним высокоствольным елям, лиственицам и древовидному можжевельнику здесь во множестве примешиваются рододендроны, береза, красная и белая рябина, акация, абрикосовые деревья, дикие яблони; кроме того несколько видов жимолости, барбарис, боярышник, ива и многие другие кустарники.

По части птиц, в ближайшем к бивуаку районе, помимо отмеченных на Бар-чю, добавляется кривоноска (Pomathorhinus gravivox), держащаяся в чаще кустарников и показывающаяся на глаза человеку лишь случайно, подобно бурой кустарнице, с которой она во многом и схожа; и ту и другую птичку не трудно пропустить совсем не замеченными. Далее следуют: серенькая скромная синичка (Proparus striaticollis) и очень красивый вьюрок (Carpodacus trifasciatus), никогда раньше мною также не наблюдавшиеся, обыкновенный краснокрылый стенолаз (Tichodroma muraria), пищуха Пржевальского (Sitta leucopsis Przewalskii), тёмный сарыч (Buteo plumipes) и сифаньская куропатка (Perdix sifanica). Все вообще птицы в это время были наряжены в прочную зимнюю одежду, и оба наши препаратора, Телешов и Мадаев, успели их собрать здесь около 50 экземпляров один лучше другого.

Тем временем посланный да-ламой из селения Бэноп в Чамдо успел прибыть сюда, доставив экспедиции купленное там продовольствие и кое-какие другие предметы, необходимые при сборах естественно-исторических коллекций.

Чамдо, которого нам таким образом видеть не удалось, представляет собой однако большой интерес, а потому здесь я привожу те сведения, которые мы добыли как от тибетцев, так и от китайцев, постоянно там живущих. Основан город Чамдо и его монастырь, говорят, давно,

[1] Песчаники — глинистый, твердый, мелкозернистый или с тонкими прожилками кварца. Такие песчаники встречаются и по низовьям второстепенных речек, впадающих в Меконг.

ещё во времена Ландарма-хана, то-есть в IX или X веке нашей эры [1]. Город представляет собой главный центр торговли в Каме; он расположен на стрелке при слиянии Меконга с его правым или южным притоком Ному-чю; через ту и другую реки имеются мосты, выводящие на сычуанскую и юнаньскую дороги.

Население Чамдо, за исключением монастыря, насчитывающего в своих стенах около 2 тыс. лам, достигает 5 тыс. человек обоего пола и состоит главным образом из тибетцев. Китайцев и дунган, проживающих в этом городе по службе и торговцев, считается не менее 500 человек, в том числе и 100 семейств китайцев, поженившихся на тибетках.

Как самый город, так и весь округ управляется главным ламой, перерожденцем Пакпала, получающим ежегодно от пекинского двора около 400 лан серебра и 54 куска шелковых материй в жалованье. Ближайшими помощниками этого великого перерожденца являются Даин-хамбо, ведающий монастырем, и три других светских больших чиновника, в ведении которых находятся город, земледельцы и кочевники. В давние времена, когда именно — туземцы не помнят, вся земля, подведомственная Чамдо, была разделена по числу семейств земледельцев, по столько-то борозд на семью, и определено раз навсегда количество мер ячменя, причитающегося с каждой семьи. С тех пор число душ населения, конечно, изменилось, изменилось и число семейств, но подати с каждой семьи остались те же. И только в позднейшее время новая семья, отделившаяся от родителей, платит половину того, что взыскивается с родительской семьи.

Размер самой подати не одинаков: наибольшая степень — это 20 мер ячменя, около 8 пудов (130 *кг*) весом, один баран, два ведра местной хлебной водки или две меры зерна; кроме того с семейства по полчжина масла с каждой души.

При взимании податей, конечно, происходит не мало злоупотреблений: так, состоятельный плательщик всегда может съездить в Чамдо и заплатить крупному начальнику небольшую взятку, взамен которой он получает квитанцию в том, что уплатил всё, следуемое с него. Квитанцию эту он предъявляет сборщику податей; последний, зная отлично — в чем дело, с него ничего уже не берет, а раскладывает недостающую сумму на остальных. Таким образом случается, что небогатые тибетцы платят вдвое или втрое более, нежели с них полагается.

Кочевники и те из жителей, которые земли не пашут, платят подати несколько иначе: с каждой головы крупного скота по пяти лан масла и три чашки чуры или сушеного творогу, а с каждых десяти

---

[1] Хан Ландарма, то-есть хан Лан-скотина — Юлиан отступник и гонитель буддизма — вступил на престол, по одним данным, в 838-м году н. э., по другим — в 899-м, 902-м или 914-м. Царствовал года три.

баранов одну мерлушку. Все то, что причитается с отсутствующих, находящихся в отъезде или укочевавших в другой хошун, раскладывается на оставшихся налицо жителей. Количество подати с незапамятных времен одно и то же и взыскивается по стародавним спискам семейств, хранящимся в Чамдо.

Ламы, составляющие около 20% населения вообще в Тибете, а в чамдоском округе и более, разумеется, ничего не платят; только те из них, которые живут в селениях, вносят то или другое количество продуктов непосредственно в тот монастырь, в котором числятся.

Вся вообще подать, взимаемая сборщиками, идет на содержание многочисленных монастырей рассматриваемого округа и чиновников администрации. Кроме подати, в случае приезда в Чамдо чиновников из Лхасы для разбора какого-либо дела, все жители доставляют по три вьюка сена. Последнее доставляется и в монастыри по требованию лам, но это не обязательно.

Для управления китайским населением города Чамдо сюда на три года присылается из Чэн-ду-фу китайский гражданский чиновник лян-тай, которому вменяется в обязанность также следить не только за обитателями чамдоского округа, но и за ближайшими хошунами тибетцев вообще. Кроме того в Чамдо же проживает и военный китайский чиновник, вышеуказанный тун-лин, солдаты которого расквартированы по станциям, расположенным на большой лхасской дороге, для пересылки почты и конвоирования чиновников.

Китайская торговля, находящаяся в руках шаньсиских фирм, достигает солидной цифры в 500 тыс. лан в год. Торговцы привозят шелка, бумажные ткани и прочие предметы, необходимые в обиходе лам и кочевников. За свои товары они берут, кроме золота и серебра, сырье, мускус, маральи рога и лекарственные травы.

В городе же китайцы забрали и все промыслы: мельничный, кузнечный, столярный, портняжный; там существуют заводы водочный и уксусный и несколько кухмистерских.

Во время нашего путешествия в Чамдоском районе глава этого великого и пользующегося большой славой монастыря, молодой 33-летний Пакпала, вел борьбу с местной тибетской администрацией или, иначе говоря, с своими подчиненными, выступившими вместе с престарелым отцом перерожденца ярыми обличителями его поведения, позорящего монастырь.

Малодушный, лицемерный Пакпала притворился, что хочет исправиться, и торжественно обещал избранным чиновникам оставить порочащий его образ жизни, объявив всем им о своем намерении отправиться в Лхасу, с целью замолить свои грехи. Обрадованный народ быстро собрал большую сумму денег и таким образом предоставил своему главе возможность с подобающей пышностью направиться в

столицу Тибета — Лхасу. Приехав в резиденцию далай-ламы, Пакпала стал не столько думать о молитве и раскаянии, сколько о том, каким бы образом приговорить к наказанию всех тех, кто осмелился осуждать его поступок. Приближенные далай-ламы за известную мзду помогли осуществлению его планов и повели дело так, что в Чамдо экстренно помчались судьи с заранее намеченными приговорами жестоких наказаний как для отца святителя, так и для трех главных чиновников округа. Престарелый отец перерожденца был мучительно казнен, чиновники же — ослеплены и лишены всего их имущества. Подобные репрессалии готовились и другим видным чамдосцам; однако последние себя до этого не допустили и в одну ближайшую мрачную, глухую ночь, в числе 60 человек, бежали к нголокам, захватив с собой оружие, деньги и все важные бумаги-грамоты, хранившиеся в управлении.

Описанное событие, достоверно нами дознанное, случилось в Чамдо за полгода до нашего посещения этого округа, то-есть в начале лета 1900 года, когда недовольство народа достигло крайнего напряжения и когда чамдосцы во всех своих неудачах готовы были видеть наказание, ниспосылаемое свыше.

Слух о приближении русского отряда к Чамдо, в такое тревожное время, вызвал в обитателях этого округа опасение за новое испытание; всех больше появления русской экспедиции в чамдоский монастырь боялся конечно главный виновник скандала — Пакпала, именем которого, но главным образом именем далай-ламы немногочисленные приверженцы чамдоского хутухты во главе с Даинхамбой успели собрать военный отряд, который и благословили сражаться до последней капли крови, чтобы только не впустить в свой округ пилинов — иностранцев, могущих оглашением скандала с Пакпалой омрачить многовековую славу чамдоского монастыря. Начальство над отборными храбрыми воинами, охотно вызвавшимися охранять Чамдо от экспедиции, принял на себя известный своими боевыми качествами батырь Нинда-Гунчю.

Только после всего этого нам стала ясна настоящая причина того враждебного отношения, которое так ожесточенно было проявлено по отношению к экспедиции встреченными на Н'ому-чю тибетцами.

Переправа экспедиции на трех плотах, специально для нее сооруженных по распоряжению да-ламы, была произведена вполне благополучно, и мы, познакомившись с левым прибрежьем Меконга, 15 ноября, в обществе да-ламы, адъютанта тун-лина и многочисленной их свиты, отправились в дальнейший путь, держа направление к северо-востоку — к месту зимовки. До последней, по берегу речки Рэ-чю, левому притоку Меконга, было не более двадцати верст, тогда как по нашему маршруту, описавшему крутую дугу на север от этой речки, местами сдавленной скалами, вышло около пятидесяти.

С Меконга мы поднялись на крутой выступ массива, с двух сторон отвесно ниспадающего к долине этой реки и речки Рэ-чю; с вершины этого выступа, сложенного из бурого бескварцевого биотитового цератофира, я в последний раз любовался Меконгом, его меридиональной долиной, по дну которой темноголубой блестящей лентой картинно извивался этот многоводный данник Южно-Китайского моря. В северной части горизонта теснились угрюмые скалы, на юге река терялась в гигантских каменных воротах, за которыми в синеющей дали словно облака граничили с голубой полоской неба снеговая восточная окраина Рокхильского хребта и вершины более отдаленных Далайламских гор. Ближайший к нам сонм боковых скалистых отрогов темнел многочисленными складками сплошной заросли хвойного леса; ручьи и маленькие речки терялись на дне глубоких оврагов или второстепенных ущелий. У прибрежных террасовидных полян группировались серые домики тибетцев.

Летом долина Меконга несомненно представляет ещё более очаровательную картину.

За речкой Рэ-чю, через которую мы переправились по легкому, гибкому мосту, экспедиция имела остановку у селения Тог-ла-ндо, за которым, взяв направление круто к северу, поднялась на двойной перевал Цара-ла, имеющий 15 780 футов (4 810 *м*) над морем и обнажающий, в виде более или менее высоких и правильных стен, светло-буро-серый известняк, с микроскопическими, неясными органическими остатками в западной цепи и известняковую брекчию в восточной. С вершины этого перевала рамки кругозора опять значительно раздвигаются, и в какую бы из сторон горизонта наблюдатель ни бросил взгляд, всюду он видит горы, горы и горы — то белые снеговые или темносерые обнаженные, то скалистые острые, то луговые закругленные, а в глубине гор, в их ущельях всё тот же прежний бесконечный лес.

Взглянув еще раз на обширную панораму примеконгских гор, мы начали спускаться по крутой, узкой тропинке, убегавшей в долину речки Рон-чю, впавшей затем в Рэ-чю. На последнем своем ночлеге, памятном по обилию обезьян, мы были встречены обитателями лхадоского округа, а на следующий день, 20 ноября, в 8 часов утра, в их обществе уже вступили в селение Лун-ток-ндо, где экспедиция основалась на зимовку.

В заключение нескольких слов об осеннем пролете птиц.

Первые единичные отлетные пернатые стали обнаруживаться в Каме, как и в других местах Тибета, в половине августа, причём за отсутствием болот или озёрных бассейнов, почти не было отмечено ни плавающих, ни голенастых. Большинство пролетных птиц принадлежало к отряду воробьиных. Сам пролет, вообще очень бедный, про-

шел, можно сказать, незамеченным. Только благодаря значительному району, который охватила экспедиция, и постоянным наблюдениям и экскурсиям, предоставлялась возможность уследить за немногими отбывавшими пернатыми странниками. Все заметки нынешней осени в этом отношении сводятся к следующему.

16 августа, при речке Ба-чю, стали группироваться в небольшие отлетные стайки серые плиски (Motacilla alba Hodgsoni), а на другой день уже начали её оставлять и направляться к югу; 20-го замечены улиты-черныши (Tringa ochropus), 21-го стрижи (Apus pacificus), ласточки (Delichon urbica) и прежние серые плиски; на следующий день ласточки каменные (Hirundo daurica); 24-го розовые щеврицы (Anthus rosaceus), Chaemarrhornis leucocephala; 29-го пеночки (Phylloscopus) и краснохвостки (Phoenicurus schisticeps).

1 сентября медленно подвигались к югу изящные пеночки-корольки (Phylloscopus affinis), 6-го галочки стали табуниться, 7-го и 8-го, периодически стаями, неслись жаворонки (Calandrella brachydactyla dukhunensis). 11-го летели бакланы (Phalacrocorax carbo), 15-го кулички песочники (Erolia temminckii), 16-го, одиночками, коршун черноухий (Milvus migrans), 19-го удод-пустошка (Upupa epops), серые и желтые плиски (Motacilla alba Hodgsoni, Budytes citreola); с 22-го по 30-е, по временам, в бóльших или меньших обществах, только и давали о себе знать указанные выше серые плиски.

В начале октября фазаны спустились с гор в глубокие долины. 6-го летели на юг орланы-белохвосты (Haliaëtus leucoryphus), 20-го запоздавшие плиски, 24-го рыжегорлые дрозды (Turdus ruficollis); последние отчасти, по всей вероятности, зимуют в теплых долинах верхнего Меконга.

В ноябре (6-го) случайными, запоздалыми пролетными птицами были: крохали (Mergus menganser) и утки-кряквы (Anas platyrhyncha). В долине Меконга и его притоках собралось много зимующих галок (Coloeus dauricus), которые однажды долго преследовали бородатого ягнятника, несшего что-то в когтях.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

ОКРУГ ЛХАДО И ЗИМОВКА ЭКСПЕДИЦИИ

Граница землевладельческого района. — Историческое прошлое Лхадо. — Народонаселение и администрация; лхадог-чжалбо. — Подати с населения округа. — Занятия, пища, одежда. — Ламы и монастыри. — Новый год у чжалбо. — Некоторые из обычаев: рождение ребенка, наречение имени, воспитание. — Обычай девушек и женщин не входить в чужой дом. — Селение Лун-ток-ндо. — Жизнь и деятельность участников экспедиции на зимовке. — Поездки А. Н. Казнакова в Дэргэ-Гончен и вверх по Меконгу. — Животный мир прилежащей окрестности. — Сношения с Чамдо.

Сравнительно небольшой округ Лхадо строго ограничен еще со времен своего основателя Эрхэ-тайчжи районом, заключающимся между речками Рэ-чю и Гэ-чю, от их истоков и до впадения их слева в Меконг. Слышанное нами на месте предание говорит, что там, где ныне находится Лхадо, во время царствования в Лхасе монгола (?) Срон-цзань-гамбо [1], жили шарайголские монголы и хара-монголы, то есть монголы желтые и черные. Управлял ими тогда Эрхэ-тайчжи, происходивший из рода шарайголов.

В настоящее время округ известен вообще у всех тибетцев под названием Лхадо; так его называют и сами лхадосцы. Правильное же его название — Лха-дог (Лха — буран, дог или тог — верх).

---

[1] Срон-цзань-гамбо царствовал в Лхасе в VII столетии н. э. (род. в 617 г., умер в 650 г., судя по китайским летописям, и в 698 г., судя по тибетским источникам), женатый на двух принцессах, непальской и китайской, исповедывавших буддизм, последователем и ревностным покровителем которого стал и сам царь. Наша легенда, должно быть, монгольского происхождения, впервые говорит, что Срон-цзань-гамбо был монгол.

Срон-цзань-гамбо считается перерожденцем Авалокитешвары и по тому самому одним из предшественников тех иерархов ламаизма, которые лишь с конца XVI века стали титуловаться «далай-лама».

Коралловый шарик, перо, печать и указ богдохана, утвердивший Эрхэ-тайчжи и его потомство в Лхадо, а равно указ далай-ламы хранятся в Лхадо и поныне. Хранится в Лхадо поныне и собственная печать основателя Лхадо — Эрхе-тайчжи. Потомки его считают своим долгом прикладывать на бумагах сначала печать Эрхэ-тайчжи, а затем уже и печать китайскую.

Лхадо — незначительный по населению в настоящее время, прежде был густо населен монголами, смешивавшимися с пришлыми тибетцами. Коренное население, шарайголы, вело долгие и упорные войны с тибетцами Дэргэ и особенно с населением округа Гончжур, и благодаря этим войнам оно уменьшилось, смешалось с тибетцами и утратило свой язык и обычаи.

Тем не менее лхадосцы до сих пор считают себя монголами, а не тибетцами. С соседями своими, с Дэргэ, Чамдо и Гончжур, вследствие этой племенной разницы, они живут не дружно. Дружат же только с населением Нанчин-Чжалбо, которое считают родственным по происхождению, то-есть шарайголами же. С нанчинским населением лхадосцы никогда не вели войн и всегда поддерживали, как продолжают поддерживать и теперь, родственные связи посредством браков.

Всего теперь в округе Лхадо насчитывается лишь около 600 семейств или приблизительно около 3 тыс. человек. Пятая часть населения живет оседло и занимается земледелием; остальные — кочевники, живут исключительно скотоводством.

Округ подчинен китайцам, но влияние Лхасы в настоящее время в нем преобладает. Подчинение Китаю выражается только взносом раз в год известной подати, собираемой самими китайцами, приезжающими за сбором ее из Чэн-ду-фу.

Весь этот небольшой округ делится на четыре хошуна. Во главе управления стоит лхадог-чжалбо, потомок Эрхэ-тайчжи. Сколько чжалбо или ханов сменилось со времени основателя Лхадо, теперешние лхадосцы сказать не могут, но все они утверждают, что род Эрхэ-тайчжи не прерывался и власть чжалбо переходила от одного потомка знаменитого монгола к другому до настоящего времени.

Нынешний лхадог-чжалбо, по имени Норво-даши, имеет от роду 48 лет; это родной племянник предшествовавшего чжалбо.

Сам чжалбо определенного жалованья с населения не получает. Живет же исключительно доброхотными приношениями своих подданных. Последние, в разное время года, приносят в подарок чжалбо, вместе с хадаками, кочевники — масло, чуру, шкурки зверей, а оседлое население, обыкновенно осенью — хлеб в зерне, дзамбу, солому и репу. Делает эти подарки или каждый сам от себя, или же собираются целым участком и подносят продукты своего хозяйства и охоты, так сказать, коллективно.

Кроме этого каждый житель округа в новый год отправляется в ставку чжалбо принести ему новогоднее поздравление; при поздравлении чжалбо подносят с хадаком подарки. Каждый приносит то, чем богат; оседлые — хлеб, солому, репу, изредка и шкуры леопарда, рыси, кошки, выдры и лисицы; кочевники же — кроме обычных масла и чуры, ещё живых баранов и яков, реже лошадей, а более бедные — просто туши баранов.

Лхадоскому чжалбо, в былое время, присылалось ежегодно от богдоханского двора определенное количество различных шелковых материй. Чжалбо в Лхадо каждый год получали таких материй на сумму 50 лан серебра. Но вот сменилось уже десять поколений лхадоских чжалбо с тех пор, как такие присылки шелковых материй прекратились. Лхадосцы догадываются, что материи всё-таки посылаются, но не доходят по назначению, так как, по их характерному выражению, «вероятно пожираются китайским начальством, через руки которого проходят».

За чжалбо следуют восемь чжисунов — чиновников, играющих в округе важную роль. Четверо из них назначаются самим чжалбо для управления хошунами, а другие четверо состоят при чжалбо в качестве его советников. Всех вообще чжисунов избирает чжалбо лично и представляет их на утверждение в этом звании китайским властям в Чэн-ду-фу. Утверждает их сычуаньский цзун-ду, или генерал-губернатор.

Чжисуны не имеют шариков на шляпах; те из них, которые назначаются для управления хошунами, считаются старшими, другие же четверо — младшими; но в силу того, что последние постоянно состоят при чжалбо и являются его советниками, они пользуются у населения бóльшим влиянием и значением, чем первые четверо. Чжисуны не получают никакого жалованья и, как и их чжалбо, живут доброхотными приношениями населения. За их службу они избавлены только от отбывания подводной и других повинностей. «Конечно случается, — как-то раз заметил наш знакомый Юн-ди, — что все мы восемь чжисунов берем, правда редко, взятки при разбирательстве тяжб».

За чжисунами следуют 30 человек хондо (хундэ), назначаемых и смещаемых по личному усмотрению чжалбо. Эти хондо разделены на три очереди, по 10 человек. Каждые 10 хондо обязаны находиться в течение четырех месяцев при чжалбо, который нередко командирует их для доставления ему всевозможных сведений из того или другого участка округа; хондо же сопровождают по дороге проезжих лхасских или китайских чиновников, равно состоят в таких поездках по округу и при чжисунах. Хондо жалованья не получают. В четырех хошунах округа кроме того имеется довольно много мелких старост — гембу, в ведении которых находится по нескольку дворов или палаток.

Вот и вся несложная администрация округа Лхадо.

С рассматриваемого округа ежегодно взимается китайцами подать в размере 44 лан серебра. В октябре или ноябре китайцы, сборщики податей, прибывают из Сы-чуани в Дэргэ. Оттуда они не едут в Лхадо сами, а отправляют с предписанием к чжалбо какого-нибудь дэргэского тибетца-чиновника, которому лхадог-чжалбо и сдает под расписку следующие с населения округа 44 лана серебра. Кроме денежной подати, сдаваемой китайцам, население Лхадоского округа ежегодно доставляет в Чамдо 150 кирпичей чая на содержание станций по южной дороге. Эта подать введена здесь взамен подводной и других повинностей ввиду невозможности, вследствие удаленного от большой дороги расположения хошуна, взимать с населения его обязательных сборов на содержание проезжих китайских и лхасских властей, равно и пользоваться прислугой. Далее, лхадосцы каждый год обязаны представлять в округ Ньярун 200 гинов (гин равен приблизительно 800 *г*) масла на содержание там одного лхасского чиновника и состоящего при нем конвоя из 100 человек, назначенных из ближайших к Ньяруну округов сычуаньских тибетцев.

Четыре пятых лхадосцев занимаются исключительно скотоводством и ведут поэтому кочевой образ жизни. Кочевники разводят главным образом яков и баранов, понемногу лошадей и хайныков. Остальная часть населения Лхадо живет оседло, ютясь по нижнему течению речки Рэ-чю и при устье Гэ-чю и занимается преимущественно земледелием. Скота разводят очень немного, — столько лишь, сколько это необходимо для земледельческих или полевых работ, причём такой скот, как лошадь, осел, мул, или лоза, хайнык, як и очень редко баран.

Земледельцы сеют из хлебов только ячмень, из которого приготовляют дзамбу, и из овощей — одну лишь репу; последняя хотя и заготовляется главным образом для лошадей, но её нередко едят и сами тибетцы.

Запашки начинаются в Лхадо с конца апреля; землю же унаваживают в конце января и в феврале. Зерна бросаются вслед за первой работой пахаря, который, проезжая по полю вторично, тем самым заменяет его боронование. Жнут по обыкновению в первой половине августа. По высушке хлеба на солнце зерно вымолачивается на плоских крышах домов цепами, как это делают северные и южные тибетцы сининского Кама. Солома тщательно сберегается и идет на корм скота зимой. Урожай ячменя бывает сам-3—4, редко больше. Последние три года в Лхадо был вообще порядочный урожай, но до этого периода ощущался значительный недород, обусловливаемый ранними заморозками.

Состоятельные земледельцы сеют от 30 до 40 мерок зерна; мерка эта, называемая туземцами «сола», вмещает в себе ячменя

приблизительно около 20 фунтов (8,5 *кг*). У землепашцев этой категории урожай значительно выше, так как они имеют возможность давать отдых своим полям на третий год; бедняки же засевают ежегодно одно и то же поле.

Вымолоченное зерно лхадосцы сохраняют в кожаных мешках или деревянных ведрах и расходуют его на дзамбу, по мере надобности.

Женщины поджаривают ячмень в чугунных чашах, покупаемых лхадосцами у сычуаньских торговцев, и смалывают его на ручных мельницах. Мельницы эти представляют из себя два круглых плоских камня (в миниатюре жёрнов наших водяных мельниц), имеющих в диаметре от полутора до двух четвертей (от 25 до 35 *см*), и изготовляются исключительно в городе Чамдо, откуда и распространяются по соседним округам за плату 5—7 рупий.

Подобная ручная мельница имеется у каждого домохозяина, не только оседлого, но и кочевника, конечно за исключением крайних бедняков, которые готовят для себя дзамбу, занимая ручную мельницу у своих ближайших родственников; в чужой же дом за мельницей никто не обращается, так как, согласно поверью, дать свою мельницу чужому человеку значит накликать на себя беду: лхадосцы убеждены, что если дать мельницу чужому, то свой скот начнет страдать головокружением, от которого неминуемо погибнет.

Водяных мельниц в Лхадо нет. Есть таковая только в Чамдо, да и та принадлежит китайцам.

После уборки хлеба, а иногда и раньше этого времени, оседлое население Лхадо усердно занимается сбором сена по скатам гор и по ущельям. Сено срезают либо китайскими серпами, либо ножами и саблями и тут же на месте связывают из него толстые плетенки или жгуты до четверти аршина (18 *см*) в диаметре, при длине в сажень (2 *м*). Жгуты эти развешивают в лесу настолько высоко, чтобы скот не мог их достать. При хороших травах один ловкий и трудолюбивый работник может изготовить в день от пяти до семи таких плетенок.

Таких лиц, которые отдавались бы исключительно охотничьему промыслу, в Лхадо нет, но в известное время года все свободное мужское население в состоянии иногда неделями рыскать по горам за зверями: за маралами, джагу, куку-яманами, кабаргой, пантерой, рысью, лисицей и немногими другими; в горных речках добывают выдру. Годовая добыча шкур зверей при посредстве ружей, капканов, деревянных щитов и силков едва ли достигает одной сотни экземпляров. Лхадосцы успешнее всего добывают рысей и кабаргу; последнюю исключительно из-за мускуса, дорого ценимого тибетцами и китайцами. Еще дороже ценятся здесь, как и везде в Центральной Азии,

рога оленя, но этот зверь настолько редок в Лхадо, что его убивают не каждый год.

Птиц лхадосцы не стреляют, равно не ловят и рыбу.

Вследствие незначительности населения самого округа и расположения его в стороне от торговых и караванных путей, ведущих в сердце Тибета, в Лхадо нет и торговых дорог. Сюда весной приезжают лишь мелкие торговцы, хорва, преимущественно с чаем, и, раздав свой товар населению в кредит, за порукой начальства, уезжают дальше. Осенью же, возвращаясь к дому, купцы заезжают к лхадосцам за долгами. Обыкновенно хорва продают свой чай по три рупии за кирпич на наличные деньги и по четыре рупии в кредит. Почти весь охотничий промысел, всю пушнину и сырье, торговцы получают в обмен на чай и различные товары, необходимые в жизни лхадосца, как-то: далембу, бусы, четки, бубенчики, иглы, нитки и другую мелочь. Впрочем мелочные товары главным образом развозят агенты китайских купцов, оперирующих в Чамдо, Дэргэ-Гончене и Хор-гамдзэ.

Приезжающие в Лхадо торговцы прежде всего являются к лхадог-чжалбо и приносят ему в подарок что-либо из своих товаров: чай, материи, прром. Чжалбо снабжает их билетом на право свободной торговли в его округе. Если же торговец не сделает этого, то рискует поплатиться большей частью своего товара, который конфискуется в пользу чжалбо. Самого же торговца, за несоблюдение обычных правил, изгоняют из округа, в который он уже не может явиться вторично.

Благосостояние оседлых жителей Лхадо выражается не только землей, но и количеством скота. Богатым считается из земледельцев тот лхадосец, который кроме полей имеет: 3—4 ослов, 2—3 мулов, 5—6 лошадей, 10—12 хайныков, 30—40 яков и до 50 баранов. Бедняк же, кроме небольшого клочка пахотной земли, имеет: яков 5—10 голов, хайныков 2—3 головы, лошадей 1—2 и до 10 голов коз, которых держат исключительно ради молока.

У кочевников, не располагающих запашками земли, всё богатство заключается в скоте. Здесь зажиточность номада определяется общей цифрой в 1 тыс. голов скота, причём почти исключительно яков и баранов, тех и других приблизительно по 500 с добавлением голов 10 хайныков и 20—30 лошадей. Тех же кочевников, которые имеют скота раз в десять меньше, нежели то указано для зажиточных обитателей Лхадо, относят обыкновенно к разряду бедных.

Ремесленников, за исключением ткачей и неважных кузнецов, в Лхадо не имеется. Сюда, от времени до времени, заглядывают приезжие мастера китайцы из Сы-чуани. Лучшими плотниками и кузнецами являются также китайцы. Китайские кузнецы приготовляют в Лхадо и ружейные стволы за цены от 10 до 40 лан серебра, без ложа

и отделки. Здесь же они куют сабли, ножи, сошники, серпы и топоры из железа, привозимого с собой из Сы-чуани.

Среди самих лхадосцев, впрочем, развито гончарное производство: гончары, точнее гончарки, так как это занятие преимущественно женщин, делают из глины различные горшки, кувшины, большие и малые чаши и чашки и обжигают их. Произведение свое лхадосцы продают не дорого, но и не дешево: горшок, чаша или кувшин стоит такое количество зерна, какое в него вмещается.

Питаются лхадосцы по-своему удовлетворительно, но на наш взгляд совсем дурно. Обычная их еда — это дзамба с маслом, да и то лишь среди зажиточного населения; бедняки же едят дзамбу без масла или сала, и вместо чая обыкновенно пьют отвар из ячменной муки. Мясо у них, вообще говоря, большая редкость; даже богатые кочевники и те специально ради мяса убивают свой скот лишь в исключительных случаях. Лхадосцы едят мясо преимущественно состарившихся животных, или задавленных зверем; не брезгуют они также и мясом издохшей скотины или тем более мясом убитых и изловленных зверей — каменных баранов, антилоп, оленей, джара (Nemorhoedus), сурков или даже хищников, вроде лисиц, леопардов, рысей и других диких кошек, причём какое бы то ни было мясо, лхадосцы едят его в совершенно сыром виде. Описываемые туземцы избегают лишь употребления в пищу «человекоподобных» тварей — обезьян.

Одеваются лхадосцы так же, как и другие обитатели Восточного Тибета; маленькая разница замечается только в головном убранстве женщин, в распределении их связок янтарей, искусственных серебряных раковин и числе более или менее широких матерчатых лент, в свою очередь различно приспособляемых на головах и спинах богатых туземок.

От множества различных бус, янтарей и раковин, от связок ключей, нацепленных на женщин или девушек, от своеобразных звуков, издаваемых всем этим убранством во время движения, лхадоскам положительно невозможно пройти не замеченными. По части раскрашивания лиц обитательницы Лхадо такие же мастерицы, как и прочие тибетки. Более интересным представляется между прочим следующее явление, наблюдавшееся нами среди чамдоских модниц, — это намазывание зимой щек упомянутым раньше прромом, который будто бы предохраняет наиболее нежную кожу женщин от ветра и холода в дороге.

Обычай намазывания тибетскими женщинами себе лиц с точки зрения отрицательного кокетства введен был, говорят, в этой стране издавна и продолжает существовать как пережиток до настоящего времени в Лхасе и тех областях Кама, где сосредоточены монастыри, а следовательно и многочисленная монастырская молодежь. Дабы не

Лхадосцы (мужской пол)

вводить лам в искушение, тибетки обязаны кроме того избегать встречи с ними, в крайних же случаях должны, по меньшей мере, «потуплять взор долу...».

Нравственные качества лхадосцев мало чем отличаются от таковых вообще обитателей Восточного Тибета. Удаленные от культурных центров они сильно отстали в своем развитии, и такие качества как лень, грубость, лицемерие, низкопоклонство, ханжество и суеверие здесь широко распространены.

При встрече с почетными ламами или чиновниками лхадосцы заранее слезают с лошадей, а при ещё большем приближении приседают и одновременно с приседанием высовывают язык, часто оттягивая правой рукой соответствующую щеку, а затем произносят «дэму», или «тэму», равносильное нашему «здравствуй!». В разговоре со старшими лицами простолюдины молчаливо и почтительно стоят и только изредка одобрительно кивают головой и покорно повторяют «лаксу, лаксу», то-есть «да, да», даже выслушивая жестокий приговор над собой. В знак одобрения тибетцы поднимают вверх большой палец, тогда как поднятый мизинец определяет собою низшее качество; промежуточные же пальцы указывают на соответствующую их расположению степень; два больших или два малых пальца, поднятых или выставленных одновременно, выражают или высшую похвалу, или крайнее порицание. Как и у других обитателей Тибета, у лхадосцев принято встречать и провожать гостей до лошади. О всяком постороннем или чужом человеке, направляющемся в дом тибетца, или проходящем мимо, но вблизи жилища, во-время дают знать своим неистовым лаем огромные злые собаки.

Треть населения лхадоского округа — ламы, но только третья часть из них настоящие, грамотные и пользующиеся уважением со стороны своего народа; остальные же, как говорят лхадосцы, зря носят ламскую одежду, так как их почти никогда не приглашают в дома, для отправления тех или других треб и молитв.

Кумирен в Лхадо насчитывают семь, из коих пять постоянные и две временные, или, точнее, переносные. Первые из них построены из дерева, вторые, как и походные жилища-палатки, — из шерсти яка. Главная из всех кумирен — Мцзоцзэ-гомба — расположена неподалеку от ставки лхадог-чжалбо, на живописном горном скате, среди векового елового леса; эта кумирня считается самой лучшей, богатой и превосходит другие по численности — в ней живут до 100 лам, принадлежащих к желтому и красному толкам.

Всё мужское население Лхадо в первый день нового года, который в 1900 году пришелся на 7 февраля, является в ставку чжалбо с новогодними поздравлениями. Всякий по своему состоянию несет лхадог-чжалбо, кроме обычного хадака, подарки, состоящие из

звериных шкур и прочего. Чжалбо принимает каждого, берет от него хадак и подарки и тотчас же отдаривает его хадаком и тоже какой-либо шкуркой, но уже низшего достоинства.

Приняв новогодние поздравления, хан отправляется к месту собрания народа, обыкновенно на ровную площадь против своей ставки, где ежегодно в этот день происходит стрельба из ружей в цель, причём лхадосцы стреляют и в пешем строю и в конном. В новый же год чжалбо жалует лучших своих людей в хондо, или из хондо переводит или обещает перевести в чжисуны и так далее, напоминая прочим, чтобы и они старались также отличиться в течение предстоящего года. Здесь же производятся несколько раз в лето военные ученья, смотры и репетиции боев, заканчивающиеся обыкновенно общей праздничной пирушкой.

Обычаи лхадосцев не только в общих чертах, но даже и в деталях напоминают таковые восточных тибетцев, в особенности же — обычаи обитателей сининского Кама. И в Лхадо женятся по большей части несколько братьев на одной девушке или женщине. Случаев же многоженства здесь никто не знает.

Рождение ребенка никаким торжеством не сопровождается.

Спустя неделю после рождения ребенка снова приглашается лама, который на этот раз отправляет краткое богослужение, обмывает родительницу и новорожденного освященной водой и дает последнему имя. Нередко однако наречение имени происходит через несколько месяцев и даже через год. Лама называет ребенка или днем его рождения или, например, таким лестным эпитетом, как Церен — «Долголетний», Намед — «Безболезненный», Ринчин — «Великодрагоценный» и так далее.

Родители, братья новсрожденного или другие родственники кроме такого имени дают новорожденному свои клички, считающиеся по-своему «ласкательными»; к числу подобных кличек относятся: «топор», «нож», «молоток», «бык-пороз», «бегунец» или «иноходец» и многие другие. Некоторые лхадосцы имеют по нескольку имен, даваемых ламами. Происходит это вот каким образом: случится какому-нибудь тибетцу трудно заболеть и долгое время не выздоравливать — приглашенный для молитв «о здравии» лама заменяет прежнее имя новым, но так как больной, известный до того времени в народе под старой кличкой, с таковой и остается, то к ней ещё добавляется и новая. Иногда таким путем лхадосец имеет по нескольку имен — по два-три и более, не считая имени, полученного им при рождении и следующего за ним, так называемого ласкательного. Обитатели Лхадо в получении нового имени склонны видеть могучее средство для избавления не только от болезней, но даже и от всевозможных бед и напастей.

Пока ребенок не начнет ходить, мать обращает на него очень мало внимания: дитя часто валяется на мокрой, покрытой нечистотами, шкуре барана и громко воет; тогда, выведенная из терпения его плачем, мать подходит к малютке, берет его голенького за пазуху, а отвратительную овчину вытряхивает и развешивает на солнце или у очага, для просушки. По мере же того, как подрастает ребенок, его одевают в баранью шубку, реже в шерстяной халатик. И тот и другой костюм дети носят до тех пор, пока не выйдут из него по возрасту или окончательно его не износят.

Среди обитателей лхадоского округа женщина является главной исполнительницей домашнего труда, тогда как мужчина — глава дома — часто предается лени до крайности. Впрочем, на мужчинах-лхадосцах лежит специальная обязанность шить одежды; поэтому в Лхадо портняжному искусству обучают не девочек, а мальчиков.

Сыновей, в особенности когда их имеется два-три и более, отец и мать стараются обучить грамоте, если не всех, то по крайней мере хотя бы некоторых из них. У грамотного отца дети получают первоначальные уроки дома, а затем, смотря по их способностям, или совсем прекращают учение, или пристраиваются к знакомым ламам для дальнейшего совершенствования. Самые даровитые мальчики непременно попадают в монастыри. Лхадосцы из двух сыновей одного непременно постригают в ламы, а из четырех — двух. Такое огромное число монастырей и лам, какое я наблюдал в окрестностях Чамдо, Дэргэ, Хор-гамдзэ, по словам восточных тибетцев, можно найти лишь подле Лхасы.

Для лхадоских девушек, начиная с 13-летнего возраста, равно и для молодых женщин, считается в высшей степени неприличным войти в чужой дом или даже во двор (у оседлых). Ни одна девушка и женщина, за исключением старух, не рискнет этого сделать из боязни, чтобы люди не заподозрили её в любовной связи с мужчинами чужого дома.

В одном из селений лхадоского округа — Лун-ток-ндо — экспедиция прожила ровно три месяца: с 20 ноября 1900 года по 20 февраля 1901-го. Означенное селение отстоит от Чамдо к северо-востоку километрах в 40, короче — лежит под 31° 30′ 55″ северной широты и 97° 18′ 59″ восточной долготы от Гринвича. Поднятое над морем на 11 960 футов (3 650 *м*), оно вместе с тем, по отношению к окружающим его горам, словно спрятано на дне глубокого каменистого ущелья речки Рэ-чю, там, где ущелье это заперто с обеих сторон почти недоступными теснинами, сложенными главным образом из плотного буро-серого известняка, переполненного неясными микроскопическими остатками организмов, и темносерого глинистого сланца.

Общее протяжение быстрой прозрачной речки Рэ-чю едва

достигает одной сотни верст, считая в том числе и ее прихотливые зигзаги. В своем нижнем течении, от впадения в Меконг до Лун-ток-ндо, Рэ-чю всего многоводнее, однако ширина её и в этом районе незначительная — всего 7—8 сажен (14—16 *м*), редко более; в теснинах же, говорят, суживается до 2 *м*. Также колеблется и ее глубина — от 2—3 футов (0,6—0,9 *м*) до 1,5—2 сажен (3—4 *м*) в омутах. Дно речки галечное, местами порожистое и очень крутое, где водяная масса разбивается порой на несколько белых пенистых потоков. Прилежащие горы шлют в неё от себя звонкие прозрачные ручьи и речки.

Северные склоны гор почти сплошь одеты еловым лесом, южные — во многих местах зарослями древовидного можжевельника; там и сям стелются разнообразнейшие кустарники с уцелевшими на некоторых из них красными ягодами. Увядшие и засохшие стебли травянистых растений давали повод предполагать богатство лугов местной альпийской области.

Богатому растительному покрову соответствует и богатый животный мир, в особенности в отделах млекопитающих и птиц. Надежды наши на интересные и разнообразные сборы в этом отношении вполне оправдались, как оправдался и предполагаемый сухой, мягкий климат зимы и невраждебное отношение к экспедиции туземцев вообще и лунтокндосцев в частности.

Ровная площадка, находившаяся выше дома, занятого экспедицией, сослужила хорошую службу для установки астрономических инструментов.

Вставали мы на зимовке также сравнительно рано — конвой около шести часов, а мы, члены экспедиции, около семи, ко времени утреннего метеорологического наблюдения. После утреннего чаепития каждый принимался по обыкновению за своё дело. В целях большего ознакомления с местным животным миром оба препаратора ежедневно экскурсировали в окрестностях Лун-ток-ндо; от времени до времени охотились также и люди отряда, соблюдая между собой строгую очередность.

Первой моей заботой после устройства на зимовке было составление отчета о полугодовом странствовании нашем по Тибету и предоставлении возможности моему ближайшему сотруднику А. Н. Казнакову поездки в монастырь Дэргэ-Гончен, отстоящий в 200 *км* к востоку-северо-востоку от зимовки.

Так как монастырь Дэргэ-Гончен лежит в бассейне Янцзы-цзяна, то моему сотруднику удалось на своем пути сделать второе интересное пересечение хребта Русского Географического общества. Перевал Раджун-лаучи, измеренный А. Н. Казнаковым гипсометрически, поднят на 15 435 футов (4 700 *м*) над морем. В области южного склона этого водораздельного хребта мой сотрудник следовал по речке Рэ-чю,

в области же северного — по верхнему течению Мдор-чю, минуя по дороге три сравнительно небольших кумирни. Таким образом А. Н. Казнаков шел и среди оседлого и среди кочевого населения. В верхнем поясе гор было холодно и чувствовалось приближение зимы. В долине же Голубой реки, которая у места переправы, при кумирне Вэна-гомба, имеет всего только 10 085 футов (3 080 *м*) над морем, что для Тибета уже не считается высоким положением, хотя и превышает на 0,75 *км* перевал Гудаур через Кавказский хребет по Военно-грузинской дороге, — на такой высоте, повторяю, в Каме мои спутники почувствовали рёзкий переход к теплу.

Голубая река здесь течет в просторной безлесной долине, имея в ширину, в начале декабря, около 40 сажен (80 *м*); по её поверхности в это время неслось ледяное сало, и у более плавных мест течения образовывались забереги, хотя река в течение зимы, по словам дэргэсцев, не замерзает.

Переправившись в тибетской ладье на левый берег, А. Н. Казнаков пересек высокий и крутой отрог и прибыл в Дэргэ-Гончен, расположенный по горному скату левого берега речки Сы-чю, на 10 725 футов (3 270 *м*) над морем. Итак, следовательно, первыми европейцами, посетившими один из больших монастырей Восточного Тибета — Дэргэ-Гончен, являются мои ближайшие сотрудники Казнаков и Ладыгин. На картах, вышедших в свет до опубликования наших съёмок, этому видному пункту отводилось место на правом берегу Голубой реки.

Дэргэский округ граничит на севере и отчасти на северо-востоке с кочевьями нголоков, на востоке — с Хор, на юго-востоке и юге с округами Гончжур и Таяк, на юго-западе и западе с округами Чамдо и Лхадо и, наконец, на северо-западе и отчасти на севере с восточными хошунами северных тибетцев синин ского Кама.

В памяти нынешних дэргэсцев сохранилось следующее предание о происхождении Дэргэ. Не указывая времени, дэргэсцы рассказывают, что «давно-давно» на месте нынешнего округа жили шарайголы, большая часть которых откочевала куда-то к северу. Оставалось их однако еще довольно много ко времени прибытия в их страну Лингэсура (Гэсур-хан). Воевал ли здесь Лин-гэсур, покорил ли он страну и подчинил ли её себе — тибетцы об этом ничего не знают, говорят только, что «он был в их земле». Из 33 богатырей Лингэсура, по преданию, в Дэргэ осталось, одни говорят, 13, другие — 17 человек. Эти-то богатыри образовали вместе с коренными жителями, шарайголами, несколько хошунов, население которых с течением времени разрослось настолько, что соседние округа называли Дэргэ — Нам-Дэргэ и Са-Дэргэ, то-есть «Небо-Дэргэ» и «Земля-Дэргэ», сравнивая Дэргэ по населению с двумя мирами, с бесчисленным множеством

звезд в одном из них и корнями растений в другом. Названия эти сохранились за Дэргэ до сих пор, несмотря на то, что население округа довольно значительно уменьшилось к настоящему времени, благодаря войнам с соседними округами, особенно с Ньяруном и нголоками, истребившими множество дэргэсцев, а также и вследствие выделения большего числа обитателей Дэргэ в самостоятельные хошуны и целые округа, как, например, Лхадо, Лин-гузэ и другие.

В настоящее время оседлое население дэргэского округа ютится главным образом по долинам рек Голубой, её левого притока Дзачю и по другим речкам, впадающим в верхний Янцзы-цзян, и составляет две трети общего числа обитателей Дэргэ, достигающего 85 тыс. человек, или около 20 тыс. семейств. Остальная же треть — кочевники, живущие по горам и нагорным долинам не только в означенном бассейне, но отчасти даже и в бассейне Меконга, например по речке Гэ-чю; особенно много их обитает в области бассейна Янцзы-цзяна, вверх по долине Дза-чю, откуда вероятно и само название Дза-чюкава, приуроченное ко второй обособленной части округа Дэргэ.

Весь дэргэский округ управляется потомственным князем — тусы, утвержденным пекинским правительством и подчиненным властям в Чэн-ду-фу. Резиденция тусы, или, как его называют тибетцы, дэргэчжалбо, находится в монастыре Дэргэ-Гончен. Собственно Дэргэ в административном отношении делится на 25 хошунов, а каждый хошун в свою очередь представляет от 7 до 12 мелких подразделений или старшинств, заключающих в себе, в отдельности, до 40—120 семейств кочевников или оседлых.

Для управления отдельными хошунами тусы назначает по одному цзунпону, вероятно с ведома и согласия китайских властей. Цзунпон, или цзонпонь — слово тибетское, означает начальник замка или округа. Цзунпоны проживают в районе подведомственных им хошунов. Назначение же и смещение мелких старшин зависит от хошунных начальников.

Во всем округе Дэргэ насчитывается свыше 100 больших и малых монастырей с ламами всех толков — желтого, красного и белого. Монастыри расположены главным образом в южной части округа и особенно густо по Голубой реке, среди оседлого населения. Главным монастырём, служащим вместе с тем и резиденцией дэргэского тусы, считается, как то и было замечено выше, — Дэргэ-Гончен.

Основан этот монастырь был задолго до покорения Тибета китайцами. Дэргэ-Гончен — один из самых древних и известных своею святостью монастырей в восточной части Тибета. Он не без основания сравнивается во многих отношениях с монастырями Чамдо и Гамдзэ, и в нем с давних времен печатается Ганчжур и Данчжур, чего нет ни в одном из этих двух монастырей, что ставит Гончен уже выше их.

Книгопечатни Дэргэ-Гончена славятся как лучшие во всем Тибете, не только Восточном, но и Центральном. Даже в Лхасе не режут досок так красиво и четко, как здесь. Печатание священных книг в Дэргэ-Гончене началось позже, но ими теперь снабжаются все монастыри Восточного Тибета.

Собственно Дэргэ-Гончен представляет собой селение в 400 дворов и монастырь, имеющий 9 кумирен или храмов со множеством прилежащих к ним монастырских построек, вмещающих до 2 тыс. лам. Среди населения тибетцев в Дэргэ-Гончене проживают свыше 10 китайцев, торгующих шелком, чаем, серебряными изделиями и вывозящих в Сы-чуань шерсть, пушнину, мускус, тибетские материи и немногое другое.

Место самой зимовки, как теперь уже хорошо выяснилось, было выбрано очень удачно. Глубокое ущелье Рэ-чю, богатое скалами, лесами, ягодными кустарниками, альпийскими лугами и населенное оригинальными представителями маммологической и орнитологической фауны, превосходило многие другие в ближайших окрестностях. Лхадосцы, узнав, что мы покупаем шкуры зверей за выгодные для них цены, стали нести нам на продажу всё, чем богата страна. Только благодаря этому мы могли узнать, что здесь водится очень интересный новый зверь джара или джагур (Nemrhoedus khamensis sp. nov.), описанный мною ниже; затем большая летяга, речная выдра, кошки лесная и степная. Превосходные шкуры нескольких леопардов были также приобретены у лхадоских охотников, которые вообще старались доставлять нам добытых ими зверей в тушах, за что, конечно, получали надбавку. Нам же это было выгодно в том отношении, что мы, кроме шкуры зверя, получали и скелет его да вдобавок могли брать размеры зверя непосредственно по туше и препарировать его надлежащим образом.

Китайский леопард (Felis fontanieri), или «зэг», как его называют лхадосцы, очень распространен в системе верхнего Меконга, по крайней мере в той её части, которую удалось посетить нашей экспедиции. Здесь он ходит чаще в одиночку, но во время любовной поры, которая бывает осенью, в последней трети сентября и первой трети октября, бродит парами, реже по три (два самца). Матери с одним или двумя детенышами показываются на глаза туземцам в апреле. У самки, добытой нами 30 января, внутри найдено два детеныша величиной с крысу.

Леопард наносит тибетцам ощутительный убыток, давя их скот, главным образом небольших коров, телят и коз; не брезгует также и собаками. Так, однажды ночью этот зверь прокрался к одиноко стоящему в нашем селении жилищу, откуда слышался громкий лай собаки, и, задавив пса, понес свою добычу в лес. На утренней заре

хозяин дома, могучий по сложению и слывущий в округе за отличного стрелка, втихомолку направился вслед за зверем. В недалеком расстоянии от дома, в овраге, поросшем высоким кустарником, лхадосец застал леопарда, пожирающего остатки его собаки. Осторожно приблизившись на расстояние не более 10 сажен (20 *м*), счастливый охотник метким выстрелом в голову уложил леопарда на месте. Больше всего описываемый зверь однако охотится, говорят лхадосцы, на многочисленных обезьян, которых мастерски скрадывает, притаившись в скалах, в то время, когда обезьяны предаются отдыху или забавам. Раздирающий душу крик, по словам местных охотников, всегда служит явным признаком, что пестрый хищник напал врасплох на обезьян и душит или грызет их. В первый момент обезьяны словно теряются, чем и пользуется леопард, успевающий иногда умертвить трех-пятерых из этих безобидных тварей, прежде нежели они успеют опомниться и удрать в скалы.

Днём зэг показывается редко, отдыхая в это время где-либо в укромном месте. С закатом же солнца, а в пасмурные дни и раньше, этот красавец-зверь покидает свое логовище и идёт на промысел или к недоеденной ранее добыче, какой-нибудь задавленной скотине. В последнем случае туземцы-охотники сторожат зверя. На такую охоту неуверенные в себе стрелки идут по два или по три человека, так как раненый зверь всегда бросается на охотника и мнет его подобно тигру. Здесь, в Лхадо, мне назвали трех таких охотников, которые были более или менее серьезно поранены леопардами.

Лхадосцы предпочитают устраивать на зэга западню, которая мастерится в лесу из десятка, а то и более тяжелых бревен, связываемых наподобие щита. Последний ставится по возможности на ровную поверхность земли под небольшим углом, оставляющим впрочем достаточно свободный вход для зверя, которого манит внутрь засады голос привязанного к стойке, поддерживающей щит, козленка. Испуганный неожиданным появлением леопарда, козленок бросается в глубь западни, прячась в ямку, нарочно для него устроенную, и тем самым роняет стойку и щит, давящий леопарда.

Большая, хорошая шкура зверя ценится на месте около 10 лан серебра и идёт главным образом на отделку шуб богатых и знатных тибетцев. Подобные шкуры у тибетцев вообще играют большую роль при обмене подарками. Мясо же леопарда многие лхадосцы едят с удовольствием, считая его очень вкусным.

Выдра (Lutra), или «саам», как называют её лхадосцы, нередка в реках и речках Восточного Тибета, хотя и предпочитает держаться особенно прозрачных вод, глубоких омутов и соседства нагроможденных на берег или даже в самое русло валунов и скал, равно и древесных зарослей.

Лхадосцы излавливают выдру при помощи капканов или сторожат её из засады и стреляют наверняка из своих фитильных ружей.

Летяга (Pteromys melanopterus), или «тэмзи», называя её потибетски, раза в три-четыре превосходит своими размерами подобного или родственного ей европейского зверька; её темная, длинная шерсть, пушистый хвост и широкие летательные перепонки производят в высшей степени внушительный вид, в особенности когда тэмзи перелетает с дерева на дерево. Способность перемещаться у камской летяги замечательная: она летит и в наклонном и в горизонтальном положениях, причём хвост, повидимому, способствует регулированию полета как руль.

По сведениям туземцев описываемая летяга живет парами в дуплистых деревьях, где устраивает себе гнезда подобно птице. Течка у этих зверьков происходит в первых двух третях января месяца; молодые же, по два или даже по три, появляются на свет в конце марта.

Питается тэмзи, судя по желудкам, вскрытым у препарированных экземпляров, семенами древовидного можжевельника, хотя лхадоские охотники уверяли нас, что летяга также охотно поедает мелких птичек и мышей, которых мастерски излавливает.

Следующий зверь, заставляющий всего дольше остановиться на себе, есть «джара», или китайский яман (Nemorhoedus khamensis sp. nov.) — среднее между антилопой и козлом.

Характерные признаки джара следующие: массивное телосложение, сравнительно небольшая голова, длинные уши, щетинообразная длинная шерсть, переходящая на шее в ещё более грубую — настоящую гриву, и присутствие на брюхе и боках мягкого густого подшерстка.

В целом Nemorhoedus khamensis представляет собой довольно нарядного зверя, особенно когда быстро несется по опушке леса: голова его в это время слегка приподнята вверх, а серебристая грива, ниспадая по сторонам, заметно выделяется от раздувания встречным ветром.

По сведениям, добытым от туземцев, а также отчасти и согласно нашим личным наблюдениям, весною джагур держится одиночками и в весьма трудно доступной местности. Природные балконы, карнизы, крутые обрывающиеся лога дикого каменистого ущелья Рэ-чю — вот обстановка, среди которой живет и где можно встретить описываемого зверя; притом, крайняя осторожность джара к малейшему шороху и его большая выносливость на рану делают очень трудной успешную охоту на него.

Летом джагур поднимается в верхний пояс гор, от 13 500 до 15 000 футов (4 000—4500 *м*) над морем, держась гребня хребта или даже его главных скалистых вершин; в это время года звери встречаются

по два, самое большое — по четыре экземпляра. Днем они отдыхают где-либо в прохладе нависших скал, у верхнего предела леса или кустарников, с вечернею же зарею выходят на кормежку.

Любовный период у Nemorhoedus khamensis проходит через последнюю треть октября и первую треть ноября месяцев; самцы в гоньбе за самками издают голос, подобный голосу домашних коз; самцы же из-за права обладания подругами ожесточённо дерутся между собою; бой заключается в бодании или сшибании лбами и тогда, по словам тибетцев, всего легче скрасть и убить зверя. По окончании течки самцы снова отделяются от самок до следующего года. Детеныши, по одному, рождаются в апреле или в мае.

Поздней осенью и зимой, когда туземцы спускаются на дно ущелий или долин, звери также покидают вершины гребня и вступают в область оставленных тибетцами кочевий; здесь нередко джара подбирается к складам сена и, поднимаясь на-дыбы, достает его; полакомившись раз-другой, зверь продолжает ходить систематически почти каждую ночь, прокладывая тропинки; подобные же дорожки можно наблюдать также и к месту водопоя.

Этот интересный новый вид зверя из рода Nemorhoedus описан мною как Nemorhoedus khamensis потому, что мы его встречали только в Каме.

Кроме перечисленных млекопитающих, окрестностям нашей зимовки свойственны: рысь, куница, альпийский хорёк, медведь, волк, лисица, корсак, барсук, сурок, заяц, скалистая пищуха, домовая мышь (Rattus nitilus), кутора, или землеройка, марал и кабарга.

Что касается пернатого царства, то среди последнего замечено здесь ещё большее богатство и разнообразие, несмотря на то, что наши наблюдения касаются только оседлых и зимующих птиц; несравненно полнее получился бы список последних за круглый год, так как окрестные места, повторяю, представляют для них самые выгодные условия, особенно в период гнездовья.

Из 62 видов птиц, отмеченных мной на зимовке и подразделяющихся по отрядам и по образу жизни согласно нижеследующей таблице, можно указать лишь на характерных из их оседлых представителей.

	Оседлые	Зимующие
Хищные (Accipitres)	6	3
Воробьиные (Passeres) . . .	33	4
Лазящие (Scansores)	5	—
Голубиные (Columbae) . . .	2	—
Куриные (Gallinae)	5	—
Голенастые (Grallatores) . . .	1	1
Плавающие (Natatores) . . .	—	2
	52	10
ВСЕГО	62	

Снежный гриф (Gyps himalayensis) и бородатый ягнятник (Gypaëtus barbatus) целыми днями носятся в воздухе, то поднимаясь на страшную высоту, то опускаясь в соседство жилищ человека; наиболее доверчиво к людям держит себя второй из этих царственных пернатых; оба они к ночи всегда улетают в скалы. В течение зимы в лесных и кустарных зарослях, в особенности в ясную и тихую погоду, можно слышать голоса и видеть перелетающих с дерева на дерево, или прыгающих и ползающих по их ветвям или скалам Janthocincla maxima, кривоноску (Pomatorhinus gravivox), бурую кустарницу (Janthocincla kozlowi), Janthocincla ellioti, сороку (Pica p. bottanensis), дятлов — зеленого (Picus canus Guerini), черного (Dryocopus martius) и золотисто-голового (Picoides funebris), гималайских клестов (Loxia curvirostra himalayana), изящных, маленьких синичек — Leptopoecile sophiae, Lophobasileus elegans, Parus dichrous dichroides, Parus rufanuchalis Beawani, Proparus striaticollis, синицу малую (Parus minor), поползней (Certhia familiaris khamensis et Sitta leucopsis Przewalskii), красивых вьюрков (Carpodacus thura dubius, C. roseus, C. trifasciatus, C. rubicilloides), завирушек, держащихся или верхнего предела леса — Laiscopus collaris thibetanus, Prunella immaculata или нижней границы — Prunella strophiata, P. rubeculoides, P. fulvescens, которая своей оживляющей песней первая дает знать о приближении весны в Каме.

По скатам гор, на опушке леса, часто позволяют любоваться собою белые ушастые фазаны, зеленые всэре или франколины; в густых зарослях, по ручьям, с шумом вспархивает испуганный рябчик. Высоко и не всегда доступно человеку живет в скалах тибетский уллар (Tetraogallus thibetanus), тогда как другой его собрат — кулюн (Tetraophasis szechenyi) — ютится ниже, у верхнего предела древовидного можжевельника; другие обитатели верхнего пояса гор, вьюрки (Fringillauda nemoricola) и белоспинные голуби (Columba leuconota) с выпадением снега всегда спускаются на дно долин и смело кормятся у жилищ оседлых тибетцев.

Местная зима характеризуется мягкостью климата: почти бесснежием, сравнительной сухостью, довольно прозрачной атмосферой, отсутствием ветров по ночам и утрам и систематическим ежедневным их появлением с западо-юго-запада после полудня.

Переход от прекрасной осенней погоды к зимней совершается почти незаметно; бесснежная зима мало разнообразит общий пейзаж местности; незначительный снег наблюдается только во время его падения [1], реже в течение одного или двух последующих дней; лишь по склонам гор, обращенных к северу и покрытых лесом, эти осадки

[1] Первый раз в 1900 году — 8 декабря.

сохраняются более продолжительное время. В самый холодный период зимы, в последней трети декабря и первой трети января, по ночам температура хотя и падает до —26,5°, но днем на солнце настолько тепло, что лед, лежащий по горным ручьям и небольшим речкам, заметно тает; главная же речка Рэ-чю, в Лун-ток-ндо и ниже, до впадения в Меконг, в течение всей зимы не имеет ледяного покрова. В конце того же месяца, отличающегося наибольшей облачностью, лхадосцы удобряют свои поля навозом. Февральское солнце греет ещё более по-весеннему и успешно будит к деятельности жуков и мух. Согретый и холодный воздух часто нарушает равновесие атмосферы, выражающееся в ветрах различных направлений. Свободное от облаков, южное небо манит к себе постоянно: днем — лазоревой прозрачностью, ночью — дивным блеском светил.

В течение всего ноября и первой трети декабря месяцев в ясные ночи по небу проносились блестящие метеоры, или болиды, из которых один, своей величиной и эффектным падением, привлек внимание многих и служил долгое время предметом самых различных толков.

Позволю себе привести дословно выписку из метеорологического журнала, ведённого мною в течение всего экспедиционного времени.

«4 декабря 1900 года в 8 час. 10 мин. вечера местного — чамдоского — времени некоторые из людей отряда экспедиции были поражены и вместе с тем очарованы дивным зрелищем, какое представилось им на северной части небосклона, где от Млечного Пути, против Polaris, вспыхнул значительной величины яркоогненный метеор и быстро понесся, направляясь к северо-востоку, немного севернее созвездия Aurigae. Великолепный метеор во время своего полета осветил всю окрестность, подобно полной луне в безоблачном небе. За улетавшим болидом на мгновение оставался огненный хвост и эффектно исчезали отпадавшие части; больших и малых искр от космического тела отделилось до пяти; само же оно, исчезнув за горы, своим падением среди отдаленных скал или разрывом произвело громообразный гул, который мы все сочли или за действительный гром или за орудийный выстрел. За этим ударом последовало продолжительное, потрясающее воздух, эхо. Услышав ужасный гул, сидевшие в палатке монголы и тибетцы думали, что начинается землетрясение. От начала вспышки метеора до его исчезновения за горы прошло три четверти минуты и еще столько же до того времени, когда последовал громообразный гул. В ту же ночь, в два часа, приблизительно из того же участка неба упал отвесно на юго-запад без звука также порядочной величины метеор, на мгновение оставивший за собой радужный след; в течение же всей ночи в различных частях неба проскользнуло по небесному своду около 30 небольших и малых болидов».

Первый день нового, XX столетия экспедиция отметила некоторой торжественностью, так как у нас всё еще существовали предметы роскоши: сардины, консервированное молоко и кофе, всевозможные леденцы, коньяк, ликеры, сигары и прочее, тщательно сберегаемое про такие исключительные праздники или другие дни, чем-либо знаменательные в нашем далеком и продолжительном странствовании.

Сардины и сласти — эти «вкусные заедочки и усладеньки», выражаясь словами незабвенного Н. М. Пржевальского, также получали и нижние чины и почти в той же мере, какая полагалась и по отношению к любому из главных членов экспедиции, не позволявших себе никакого излишка и комфорта, наоборот, — с первого дня путешествия с караваном расставшихся с привычками цивилизованной обстановки, до сна на кроватях или койках включительно: все члены экспедиции спали прямо на земле, лишь подостлав под себя войлоки. Короче — мы жили братьями.

По поводу наших праздников и торжеств туземцы заметили, что скоро и у них настанут такие же дни и что они теперь уже приглашают нас к себе в гости. Лхадосцы к своему Новому году в 1901 году, к 7 февраля — готовились за несколько дней: все чистилось, мылось, прибиралось. И мужчины, и женщины, и взрослые и дети — все приводили в порядок свои лучшие одежды и наряды. Накануне же самого праздника у каждого дома, на открытом теплом воздухе, можно было видеть чуть не поголовное мытье туземцев. В роли куаферов являлись по большей части женщины, на долю которых вообще выпадало много всевозможных хлопот. Кажется, они в течение всей новогодней ночи не смыкали глаз и не покладали рук. Даже ленивые мужья их — и те встретили этот праздник на ногах, при громком чтении молитв, а наш хозяин Церен, молотобоец, успел кроме того приготовить несколько мани и заблаговременно отнести их на соседний горный выступ. Чуть же забрезжила заря первого дня Нового года, как население Лунток-ндо оставило жилища и сошло на берег речки к заранее приготовленному большому костру можжевельника, который не столько пылал огнем, сколько разносил густой дым, клубами стлавшийся по долине-ущелью. Можжевеловый дым — тот же фимиам, воскуриваемый буддистами своим божествам. Подле жертвенника толпилось особенно много женщин и детей, оживлявших берега речки звонкими голосами. Из хозяев многие еще накануне уехали в ставку своего князя для принесения ему обычных новогодних поздравлений. С восходом солнца нарядные лхадосцы возвратились в дома и принялись за праздничную трапезу.

В первые дни Нового года родные и знакомые обыкновенно навещают друг друга. Наши монголы-спутники в этот праздник также побывали кое у кого из соседей лхадосцев, в другое же время они

предпочитали сидеть дома или уходить со скотом в ближайшее ущелье. Джэрой, бессменный пастух, забравшись куда-нибудь на вершину скалы, так громко читал молитвы о сохранении животных и общем нашем благополучии, что распугивал зверей и птиц, находившихся поблизости. Этот добродушный человек попрежнему был любимцем всего отряда. По вечерам у экспедиционного костра, продолжавшего служить клубом, он потешал моих спутников всевозможными рассказами, но больше всего воспоминанием о совместном с нами странствовании по Тибету. Мы все немало удивлялись, до каких мелочей развита наблюдательность этого, повидимому очень ограниченного, монгола.

Большим развлечением для наших монголов служили тибетские странники, шедшие в Лхасу или обратно и по дороге почти всегда заглядывавшие в наш лагерь, иногда на несколько дней.

Всё необходимое в дороге тибетские паломники несли в котомке за плечами, опираясь на длинный посох, служивший им вместе с тем и защитой от злых собак.

Наши минуты досуга попрежнему разделял Мандрил [1], который, по мере надвигания весеннего тепла, чаще и чаще отпускался на свободу. Забравшись по обыкновению на соседнее экспедиционному дому дерево, ловкий зверек подолгу проводил там время в удивительных прыжках с ветви на ветвь, нередко в погонях за приставшими к нему воронами. Соображая о будущем своего невольного спутника, я попытался было его пристроить одному из местных тибетцев, но Мандрил на пятый день вновь прибежал в наш лагерь и в таком жалком, несчастном виде, что у всех нас вызвал глубокое сожаление, усилившееся под впечатлением той радости, которую проявил бедный зверек при виде всех нас: в глазах и движениях обезьяны нельзя было не видеть выражения просьбы не покидать её. Пробовал я также отпускать Мандрила в стадо его диких собратий, но ничего хорошего не вышло: наш зверек получил несколько пощечин, которыми его щедро наделили дикие обезьяны. После того мы решили больше не расставаться с Мандрилом.

Гренадеры в заботах о предстоящей дороге сшили для него теплый шерстяной костюм, в котором Мандрил выглядел замечательно комичным: серая курточка с кушаком и колпачек, казалось, парализовали всякое свободное движение зверька, и он превращался в настоящую мумию. Стоило же только, бывало, дать понять Мандрилу, что он может освободиться от одежды, как умный зверек тотчас сбрасывал её долой и возвращался к прежнему оживлению.

Таким образом наша жизнь на зимовке шла вполне удовлетворительно во всех отношениях. Туземцы, после одного-двух случаев

---

[1] Прирученная камская обезьяна (Macacus lasiotis).

удачного излечения их экспедиционным «лейб-медиком», как в шутку мы называли нашего фельдшера Бохина, стали часто приходить к нам за лекарствами и советами. Из особенно распространенных болезней среди небогатых лхадосцев известны ревматические, происходящие от неблагоприятных условий жизни. Лучшим средством для лечения этих болезней, по словам местных обитателей, служат чамдоские горячие воды, на которые больные ездят купаться.

Благодаря недалекому расстоянию от Чамдо нас несколько раз навестил, по поручению Даин-хамбо или ближайшего помощника главного чамдоского перерожденца — Пакпалы, наш хороший знакомый, да-лама, давший экспедиции много интересных и ценных сведений.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

ОТ ЗИМОВКИ ДО СЕЛЕНИЯ БАНА-ДЖУН

Выступление. — Движение по лхадоским владениям. — Опять на высоком плато. — Встреча с дэргэсцами. — Долина речки Гэ-чю. — Хребет Русского Географического общества. — Бивуак на Голубой реке. — Свидание с послами далай-ламы. — Заметка о Лхасе и ее верховном правителе. — Округ Лин-гузэ. — Хребет пандита А-к. — Пересечение северных гор.

Последняя неделя пребывания экспедиции в селении Лун-токндо прошла в неустанных хлопотах по снаряжению каравана и приведению его в походный порядок: сортировке багажа, переукладке коллекций, пополнении запасов продовольствия и в лечении вьючных и верховых животных. Общее число последних было доведено до 65 (45 хайныков и 20 лошадей), на что потребовалось немало труда и денег.

Знакомые соседи-туземцы приходили в наш лагерь, уже расположенный вне жилищ лунтокндосцев, и приносили в дар обычные предметы продовольствия — местную «хлеб-соль», сопровождая её своеобразными напутствованиями в дорогу.

Эти же лхадосцы, накануне нашего выступления с зимовки, устроили в нашу честь хоровод — круговой танец с песнями. И мужчины, и женщины, и взрослая молодежь, разделившись на две равные группы, человек по 12, открыли танцы мерным притопыванием ног, под такт песен, двигаясь то в ту, то в другую сторону. На флангах поместились более опытные танцоры и танцорки, руководившие общим хороводом. Во время ускоренного, оживленного темпа танцоры стройно подвигались на несколько шагов в одну из сторон, во время же его замедления исполняли танец на месте, приподнимая довольно высоко правую или левую ногу, в зависимости от того, в какую из сторон направлялись танцующие. Танец на месте заканчи-

вался общим поворотом танцующих и новым плавным движением в другую сторону или навстречу другому полукругу. Таким образом круг несколько раз смыкался и размыкался. Лучшие исполнители хоровода, получив громкое одобрение со стороны зрителей, входили в экстаз. Лица танцоров и танцорок то краснели, то бледнели, черные глаза загорались блеском, острые взгляды устремлялись куда-то вдаль. Неутомимые дирижеры доводили танцующих до полного изнеможения, и танец оканчивался.

20 февраля, в 10 часов утра, наш большой караван потянулся вверх по ущелью Рэ-чю.

Дикое каменистое ущелье постепенно выводило нас на простор, сначала по главной своей речке, а затем по правому её притоку Ю-чю, при котором, за последним прорывом скал, была скрытно расположена ставка лхадог-чжалбо. Местный князь жил, подобно великим ламам богатых монастырей, в просторном деревянном доме, выкрашенном в густой кирпичный цвет. По сторонам, вблизи ставки, виднелись субурганы, а вдоль дороги, извивающейся по долине речки, — булыжные мэньдоны.

Расположив свой бивуак между ставкой князя и его главным монастырем Мцзоцзе-гомба, у окраины заросли облепихи (Hippophäe rhamnoides), мы имели случай обменяться, хотя и заочно, прощальными приветствиями и подарками. Князь, конечно, дипломатически выразил сожаление, что болезненный недуг не позволил ему принять «дорогих гостей» у себя дома. Совсем иначе отнеслись к нам монахи при следовании экспедиции на другой день подле монастыря Мцзоцзе-гомба, красиво расположенного на скате гор. Здесь наиболее фанатичные из лам, поднявшись на кровлю монастырского храма, махали черными флагами в нашу сторону и трубили в берцовые человеческие кости, давая тем понять их явное недружелюбие по отношению к пришельцам. Это обстоятельство навело на откровенную мысль одного из многих туземцев, сопровождавших нас до дэргеской границы. Умный лхадосец заметил: «В вас ламы вполне естественно видят недругов, потому что в недалеком будущем, через вас же, таких людей, роль этих дармоедов утратится, взамен чего простые смертные свободнее вздохнут». Этим самым либеральный туземец желал сказать, что, какое бы ни было будущее, но оно, во всяком случае, не может оказаться хуже современного административного строя, созданного или непосредственно ламами или при их ближайшем участии.

Вскоре за монастырём мы оставили и вторую речку, вступив на третью — Ро-чю, по ущелью которой успешно поднялись на луговой мягкий перевал Ванго-ла, имеющий 14 810 футов (4 520 *м*) над морем и в это время занесенный снегом, в особенности на северном

склоне. Полуденный же склон перевала, под влиянием пригревающих лучей солнца, стоял по большей части открытым, что давало возможность кочевникам пользоваться лучшими пастбищами и проживать неподалеку от самого высокого плато, ютясь в боковых ущельицах. Свои черные банаги кочевники на зиму обставляют вспомогательными стенками, сложенными из толстых ветвей можжевельника. С вершины перевала открываются виды на западную и восточную стороны, заполненные горами, в первом направлении — острыми скалистыми, во втором — мягкими закругленными, тянущимися с северо-запада на юго-восток в виде настоящего хребта, омываемого с северо-востока речкой Гэ-чю. С обращенного же к нам юго-западного ската этих гор извивались речонки, составлявшие верховье хорошо нам знакомой речки Рэ-чю.

По одной из тех речонок на следующий день, 24 февраля, мы поднялись на соседнюю цепь гор, возвышающихся в месте удобного перевала Джам-ла на 16 300 футов (4 970 *м*) над морем и еще футов на тысячу в главных командующих вершинах. И та и другая цепи на нашем пути слагаются из песчаников [1], к которым, впрочем, у северо-западного подножья главных или северных гор примешиваются: выветрелый охристый сланец, пестрая брекчия биотитового дацита и дацитовый слоистый мелкозернистый туф. Эта лхадоская восточная цепь гор, будучи отделена с северо-запада от хребта Русского Географического общества лишь речкой Гэ-чю, на юго-востоке осложняется его массивным меридиональным хребтовым лучём, типично выраженным на всём своем протяжении между реками Голубой и Меконгом. Вообще лхадоский округ, да вероятно и соседний с ним ньярунский представляют очень сложный рельеф, в котором топографически правильно разобраться довольно затруднительно. Среди общего высокогорного района частным кульминационным пунктом нагорья является перевал Гэлэ-гон-ла и окрестные горы, откуда по всем четырем главным направлениям стремятся второстепенные речки, распределяющиеся на два соседних бассейна.

В этом месте нагорья, на перевале Джам-ла, мы вынесли на себе ужасные невзгоды зимы, так как снежный шторм, начавшийся с утра, не прекращался до полудня. Виды с перевала хребта, занесенного глубоким снегом, были конечно закрыты, и мы подвигались вперед чуть не ощупью. Сильные порывы бури относили в сторону и людей и животных, кренившихся под её ударами. Всем было тяжело, но больше других выстрадал, разумеется, бедный Мандрил, который

[1] В западной цепи, в области всего пересечения, обнаружен охристый песчаник (серо-бурый, мелкозернистый), в верхнем же поясе восточной — песчаник кварцевый сланцеватый (светлосерый, мелкозернистый), а в нижнем — песчаник известково-слюдисто-глинистый (серо-лиловый очень мелкозернистый).

сам попросился к одному из вблизи следовавших казаков, Жаркому, под защиту его широкой теплой груди, где благополучно и просидел до остановки каравана при урочище Джа-джун.

В более сносную погоду и по лучшему пути — вниз по долинке речки Джам-чю, наш караван успешнее двигался к границе округов Лхадо и Дэргэ — речке Гэ-чю, на левый берег которой мы вскоре и вступили, миновав по дороге большой мэньдон и часовню. Кругом нас открывался довольно широкий горизонт. На юго-востоке, к верховью Гэ-чю, прилегали мягкие холмы, отливавшие на солнце яркой желтизной уцелевших лугов. Там и сям виднелись стойбища тибетцев и их многочисленные стада яков и баранов. По левому берегу Гэ-чю группировались лхадосцы, по правому дэргэсцы. По просьбе первых мы расположили свой лагерь на лхадоской территории. Чиновники соседних округов, прилежащих к границе хошунов, приступили к предварительным переговорам о дальнейшем движении экспедиции, принимая в соображение наше желание следовать через монастырь Дэргэ-Гончен.

Речка Гэ-чю в верховье была скована льдом, ярко блестевшим своею серебристой поверхностью, более и более расширявшеюся по мере простирания к северо-западу. Размер и общий характер этой речки близко подходят к таковым Рэ-чю; и здесь, по мере приближения к долине Меконга и её многоводного притока Дзэ-чю, описываемая речка глубже погружается в каменное тесное ущелье, где в это время, днём, довольно тепло и по южным склонам начинает пробиваться молодая растительность. Из птиц на верховье Гэ-чю к прежним или отмеченным для нагорья добавляются: орел бурый (Aquila nepalensis), маленький сокол, похожий на дербника, сарыч, вьюрок Тачановского (Onychospiza taczanowskii), большой тибетский жаворонок (Melanocorypha maxima), крохаль и одинокий турпан, по всей вероятности пролетный.

Дэргэсцы, заранее познавшие о времени и направлении движения экспедиции, выставили на своей границе отряд силой до 150 человек, в целях воздействия на лхадосцев, чтобы те, с своей стороны, уговорили русских избрать северную дорогу на Хоргамдзэ, а не среднюю, как того желали русские, или южную, проходившую в трудно доступной местности.

Не желая навлекать на экспедицию нареканий, я согласился следовать северным путём тем охотнее, что пересечение горной страны в этом направлении было совершенно новым, а поэтому и более интересным.

После такого решения воинственный пыл дэргэсцев исчез. Высоты правого берега Гэ-чю, занятые их сторожевыми разъездами, стали освобождаться; из оврагов, там и сям, начали показываться

спешенные воины и разъезжаться или расходиться восвояси. Жилища, державшиеся словно в осадном положении, вдруг обнаружили обычную деятельность, стада потянулись на пастбища, тибетки побрели за топливом, словом — всё вошло в мирную обстановку, и дэргэсцы вместо врагов сделались весьма доброжелательными, спеша с разных сторон в наш лагерь с предложением купить у них баранов, масла и прочих жизненных продуктов. Под таким приятным впечатлением мы окончательно расстались с вполне успокоенными лхадосцами.

Дальнейшими нашими спутниками являлись дэргэсцы, которые, став в дружелюбные отношения, просили нас показать им наше вооружение. Опять, как и прежде, повторилась показная стрельба из трехлинейных винтовок, а также и стрельба дробовыми ружьями. Туземцы при виде наших ружей приходили в недоумение и вместе с тем в дикий восторг. Меткость винтовки, дальность полета пули и её страшное разрушительное действие совершенно отуманивали головы тибетских номадов, рассказывавших потом про русские мим-да всевозможные чудеса.

Два дня экспедиция двигалась по долине речки Гэ-чю, обогащавшейся притоками с той и другой стороны. Горы теснились и вырастали в более массивные формы. В середине пути от Гэ-чю, между правым притоком Сим-да и левым Бом-да, поднимается на водораздельный хребет Русского Географического общества дорога в Дэргэ-Гончен. Кочевое население попрежнему ютится в боковых ответвлениях. На каждом шагу встречались большие стада довольно зажиточных тибетцев.

1 марта мы достигли правого притока Гэ-чю — небольшой речки Го-чю, где в устье и устроили дневку. Здесь, с понижением местности до 12 710 футов (3 880 *м*) над уровнем моря, опять появились высокие травы, почему-то уцелевшие до сего времени, различные кустарники и древовидный можжевельник. Вместе с изменением флоры изменилась и фауна, в особенности орнитологическая; опять появились белые ушастые фазаны, дрозды Кесслера, красные вьюрки и другие непременные посетители бивуака — сороки, воро́ны и черные во́роны, которые, как и всегда, предпочитали держаться вблизи нашей кухни и не упускать случаев поживиться её отбросами. Интересно, что среди черных во́ронов нам не раз приходилось наблюдать в Каме таких, которые имели на шеях красные тесемочки или снурки с кисточкой, повязанные на манер тибетских священных снурочков «цзангя».

Речка Гэ-чю, которую мы теперь оставляли, здесь уже имеет в ширину до 20 сажен (40 *м*) при глубине в месте брода в 2 фута (около 60 *см*) и катится стремительнее, будучи в это время свободной от льда, по крайней мере по середине русла. Насколько хватал глаз, Гэ-чю направлялась к северо-западу, теряясь в прорываемых ею горах,

среди которых, по словам туземцев, эта речка, последовательно склоняясь к западу и юго-западу, впадает наконец в реку Дзэ-чю, немного выше её слияния с Меконгом. Общее протяжение Гэ-чю, считая и извилины, доходит до 150 *км*; по верхнему и среднему течению её ютятся кочевники, в низовье же обитает оседлое население.

Наш бивуак ежедневно посещался многими дэргэсцами; эти тибетцы то и дело приезжали и уезжали, внося своего рода оживление. Местный чиновник также являлся несколько раз, выразив экспедиции обычное внимание подношением шкуры лисицы и хадака. С главным же чиновником — Бдуйму-Гачи — мы уже успели завязать прочное знакомство, ведя беседы и в дороге и на бивуаке.

Из дальнейших откровенных разговоров с тонкором мы пришли к общему заключению, что простые обитатели округов Восточного Тибета в основе своей имеют много добропорядочного, но беда в том, что они страшно забиты произволом чиновников и лам. В большинстве случаев ни семья ни имущество простолюдина-тибетца не гарантированы: приказа влиятельного чиновника выдать для него одно, прислать другое, принять в дом, слывущий красавицей хозяйкой, предвестника почетного ночлежного гостя — его богато отделанную саблю или иную вещь, — не должен никто ослушаться, иначе жестокое наказание ожидает всякого из тибетцев, дерзнувшего противиться желанию властного и надменного бэй-ху. Последний в исключительных случаях не задумается даже пригласить в себе такого несчастного собрата, ясно понявшего совершившийся над ним приговор, и предложить ему, под видом «приятельской» чашки вина, проглотить отравленный напиток... Местным начальникам ничего не стоит подвести под телесное наказание любого ненавистного тибетца; о чувствах общечеловеческого достоинства здесь не имеют понятия: все основано на силе и богатстве, причём очень часто первая подчиняется второму.

Всю последующую неделю, с 3 по 10 марта, экспедиция провела в области третьего или среднего пересечения хребта Русского Географического общества, а именно — в той его части, где этот могучий водораздел, не менее могучих рек Голубой и Меконга, разделен на две высоких скалистых цепи, поднимающихся в главных вершинах до 18 000 футов (5 490 *м*) над морем, и простирается в ширину по кратчайшему расстоянию около 70 *км*. Подъём на ту или другую цепь с юга, где снеговой покров обнаруживался лишь в верхнем поясе гор, более или менее доступен; спуски же на северную сторону ужасно круты, каменисты и по причине глубокого снега стоили нам неимоверных усилий и трудов, помимо холода и прочих связанных с ним невзгод.

Хребет Русского Географического общества слагается: в южной цепи из зелено-розоватого фельзитового порфира (с прожилками

кварца), развитого по гребню, светлосерого плотного известняка с белыми прожилками кальцита в верхне-среднем поясе и серого глинистого, местами известковистого сланца и лиловато-серого туфа и брекчий биотитового дацита в нижнем, одного и того же южного склона; кроме того в нижнем же поясе рассматриваемого склона, при теплом ключе Пэ-чюни, температура которого 3 марта в 8 часов утра была 34°, обнажаются, в виде обособленного холмика, буро-желтый натечный известняк с охрой, жеода известкового шпата и светложелтый волокнистый известковый натёк; что же касается северной цепи, то последняя развивает красно-фиолетовый известково-слюдисто-глинистый сланец и таковой же мелкозернистый песчаник по гребню, а пониже, в пределах верхнего и среднего поясов северного склона гор, — розовато-белый неясно-зернистый кварцит и различные известняки, в нижнем поясе мелкозернистый глинистый песчаник и буро-желтый охристо-глинистый сланец. Предгорье и прилежащие береговые террасы верхнего Янцзы-цзяна слагаются в основе своей из галечника, последовательно переходящего в серо-бурый слоистый известково-слюдисто-глинистый песок, а этот последний в пористый известково-слюдистый супесок.

В сентябре 1896 года, по словам туземцев, в кумирне Чункор-гомба и её ближайших окрестностях произошло сильное землетрясение, разрушившее как сам монастырь, так и соседние селения и завалившее многие ущелья каменными глыбами и осыпавшейся почвой.

Особенно дикое и подавляющее впечатление производят горы в тесном промежутке между двумя высокими цепями хребта Русского Географического общества, где небольшая по протяжению, но многоводная речка Бар-чю, с крутым падением и бешеным стремлением вод, ведёт борьбу со скалами и порогами, нагроможденными в хаотическом беспорядке в теснине северной цепи, не предоставляющей никакой возможности для движения каравана. Бешеная речка Бар-чю словно стальная змея разрывает передовые горы, шумно клокочет и пенится на дне темной расщелины и далее, по направлению к долине Янцзы-цзяна.

Не менее дика и величественна картина вообще в верхнем поясе этого хребта, обильного мощными скалами и высокоствольными хвойными лесами, нередко сочетающимися в своеобразную прелесть. Множество высоких и низких густых и разреженных кустарников лепится, там и сям, по карнизам и сопкообразным выступам отрогов или поднимается по крутизнам, изрезанным каменистыми руслами, местами прерываемыми шумными каскадами. В летнюю или раннеосеннюю пору года здесь найдут богатую добычу и зоолог и ботаник, в особенности последний; для зоолога же не малый интерес может предста-

вить и зимняя фауна в отделах млекопитающих и птиц. Последних в лесной и кустарниковой областях почти такое же богатство и разнообразие, какое было прослежено нами на зимовке экспедиции.

Туземное кочевое население ютилось в это время в районе нижне-среднего пояса гор того и другого склонов хребта, в затишье, где вовсе не было снега или где он лежал тонким, быстро испаряющимся слоем и где уже чувствовалось веяние весны. В области же верхнего пояса этого грандиознейшего хребта ещё парила настоящая зима и пустынное безмолвие, нарушавшееся лишь завыванием ветра и бури. Поэтому окраины, или, точнее, нижние зоны хребта, мы могли исследовать с большей полнотой, нежели его высокий скалистый гребень, засыпанный глубоким снегом. Местами на нашем пути свежий, рыхлый снег был так глубок, что скрывал все неровности, и быки или лошади, уклонившись с заметенной тропинки, нередко проваливались и исчезали под его поверхностью, словно в глубоком омуте. Местами же сохранились старые проторенные дорожки вроде узких траншей, где нашим большей частью громоздким вьюкам приходилось преодолевать значительное затруднение.

Самыми трудными переходами для нас были третий и четвертый, то-есть те дни, в которые мы пересекали горные цепи хребта, поднимаясь и спускаясь с седловин их гребней свыше километра по вертикали. В южной цепи перевал Го-ла-ларги возвышается на 16 210 футов (4 940 *м*) над морем, в северной перевал Сэнкэ-ла — на 16 600 футов (5 060 *м*). Последняя цифра может служить вместе с тем показателем самой высшей точки, которой коснулся караван нашей экспедиции за все время 2,5-годового движения по Центральной Азии и Тибету.

В середине, между цепями хребта Русского Географического общества, в урочище Бачам-да, нам пришлось устроить невольную дневку, так как в течение ночи, с 5 на 6 марта, выпал снег, глубиной от полуфута до целого фута (от 15 до 30 *см*) и по временам проглядывавшее сквозь более или менее густой туман солнце, с одной стороны, согревало нас, с другой же болезненно ослепляло глаза, не давая возможности без сетчатых очков ступить шагу или хоть на минуту покинуть палатку.

Эта же стоянка ещё более омрачилась для нас гибелью на только что пройденном перевале нашего спутника Мандрила, умершего под тяжелым вьюком, свалившимся на него вместе с быком, одновременно везшим и несчастного Мандрила. Сознаюсь, что мне лично очень тяжело было перенести смерть обезьяны, детски привязавшейся к нам и отлично знавшей каждого из участников экспедиции.

Ненастная погода — перемежающийся ветер, снег и холод — всего чувствительнее доняла нас на перевале Сэнкэ-ла. Серые тучи

набегали одна за другой, проносясь то над гребнем хребта, то у его скатов. Виды не только вдаль по ущельям, но даже до ближайших изломов их были закрыты. По временам ветер дул с силой бури и обдавал нас тончайшей снежной пылью. Тяжело было подниматься на перевал, но еще тяжелее был его крутой обледенелый спуск, обильный острыми камнями, залегавшими по скату. При подъёме на перевал, на дне узкого ущелья, мы видели лежавшую большую глыбу, недавно свалившуюся с утеса, круто ниспадавшего — футов около тысячи (метров около 300) относительной высоты. Огромнейший, величиной в палатку, отторженец ещё носил следы свежих изломов при падении, равно зияла и та светлосерая рана утеса, откуда оторвался этот гигант, глубоко избороздивший песчано-глинистую почву ложа ущелья. По словам очевидцев, нечто ужасное происходит в том месте гор, где рушится скала и падают её обломки.

Спустившись по ущелью Сэн-чю в зону густого леса, мы вместе с тем вышли из области снега и на террасовидных лужайках у подножья горы Таву-голэ, в соседстве одинокой тибетской палатки, с радостью разбили бивуак на несколько дней. И люди и животные были сильно утомлены последним перевалом.

Ранней утренней зарей 10 марта мы покинули тибетцев и соседство горы Таву-голэ. Караван бодро направился вниз, оставляя последовательно лес, кустарники, луга. Взамен скал стали чаще и чаще обнаруживаться супесчаные пласты, прикрывающие нижний пояс гор и их подошву, почти совершенно лишенную какой бы то ни было растительности, поеденной стадами долинных или оседлых обитателей.

Предуведомленный о нашем приходе монастырь Чункор-Гомба приготовил людей, и мы в тот же день благополучно переправились на левый берег Голубой реки, которая в это время имела низкий уровень и отличалась дивной прозрачностью своих голубых вод, отражавших словно в зеркале прибрежные обнажения. Галечное дно реки также хорошо виднелось; поэтому, стоя на возвышенных береговых террасах, не трудно было отмечать наибольшие темные глубины и просвечивающиеся отмели. Местами со дна реки выступали огромные валуны, обдаваемые пенистыми брызгами стремительных волн. Монотонный шум последних разносился далеко по сторонам долины, занятой земледельческим населением.

К западу, в сторону долины верхнего Янцзы-цзяна, горизонт открывался на большое расстояние; к востоку, наоборот, теснились в беспорядке второстепенные многочисленные мягкие горы, скрывавшие реку, которая вскоре круто уклонилась к югу, прорывая окраинную цепь, входящую на западе в состав хребта Русского Географического общества. Последний своими острыми гребнями обеих цепей поднимается на страшную высоту и на далеком расстоянии к западу всё ещё вид-

неется массивной стеной, в верхне-среднем поясе укрытой снегом. В противоположном же направлении северная одиночная цепь разрастается в самостоятельный хребет, убегающий за меридиан Хор-гамдзэ и прорезающий таким образом дэргэский округ, почему я и назвал её Дэргэским хребтом.

На севере к Янцзы-цзяну подходит один из нескольких массивных лучей хребта Водораздела Голубой и Желтой рек; означенный хребет-луч на противоположном скате омывается речкой Гэр-чю и на значительном — до 300 *км* — протяжении, в виде самостоятельного хребта, тянется параллельно хребту Водоразделу, то-есть в северо-западном — юго-восточном направлении, граница с одной стороны хошуном Намцо, с другой — Хор-гамдзэ. В начале 1882 года у южного подножья этих гор впервые прошел с обстоятельной съёмкой тот великий путешественник по Тибету, который известен в географической литературе под кличкой пандита А-к [1]. Было бы только справедливым — воздать должное этому скромному труженику науки, окрестить помянутый хребет его именем, что я и делаю, называя этот безымянный хребет — хребтом пандита А-к.

Геологическое строение хребта пандита А-к нами прослежено на юге и востоке, в местах проложения маршрута экспедиции, где оно выражается следующим образом: в первом случае более или менее мощно развиты грязно-зеленый диабаз (мелкозернистый, выветрелый), граниты — мусковитовый, светлосерый, мелкозернистый и биотитовый, белый или розовато-желтый, крупнозернистый; слюдисто-глинистый песчаник (серый, твердый, мелкозернистый); сланцы — глинисто-кремнистый, лилово-серый, неясносланцеватый, с прожилками кварца и кварцевый туфовидный, зелено-серый, очень мелкозернистый — и бурый, ноздреватый известковый туф с раковинами ныне живущих моллюсков. Развитие известкового туфа обусловливается присутствием в данной местности горячих ключей, — температура которых, в 8 час. 30 мин. утра 19 марта, была в одном из них 52°, в другом 47, в третьем 56,3, в четвертом 60 и, наконец, в пятом 63°.

Все сказанное о геологическом строении описываемых гор относится к южному склону их нижнего пояса; при переходе же в средний пояс обнаруживается серо-зеленый известково-хлоритово-глинистый сланец, а в верхний — известняк, типичный для большинства гребней камских хребтов, то-есть известняк светлобуро-серый, плотный, с неясными микроскопическими органическими остатками. Что же касается до второго случая или полного пересечения рассматриваемых гор на

---

[1] Настоящее имя пандита А-к — Кишен Синг (Козлов, повидимому, ошибался: правильно Кришна — Krishna. — *Ред.*) долгое время скрывалось англо-индийским правительством по политическим соображениям.

восточной окраине, то там замечено развитие светлобурого мелкозернистого глинистого песчаника в верхнем поясе и серо-зеленого, сланцеватого (раздавленного) авгитового порфирита, с светлозелеными и лиловыми пятнами на южном склоне и серого, несколько слюдистого, глинистого сланца — на северном, с присоединением к последнему, у подножья хребта, серых мелкозернистых глинистых песчаников, с мелкими вкрапленностями кубиков пирита, и конгломерата [1].

В западной части хребта пандита А-к ютится кочевое население, в южной же и восточной, по устьям речек, — оседлое или земледельческое. Флора и фауна этих гор в общих чертах близки к таковым соседних хребтов.

Наш бивуак, свободно разместившийся на береговой террасе Голубой реки, в ближайшем соседстве с часовней Чжума-лхаган и прилежащих селений, постоянно был оживлен народом, так как к нам заглядывали не только местные обитатели, но даже и некоторые из сычуаньцев, направлявшихся с торговыми караванами или в Чжэрку и далее по направлению к столице Тибета или же шедших обратно в Сы-чуань.

На второй день нашего прихода на Голубую реку, 11 марта, мы были радостно удивлены неожиданным приездом вслед за нами лхасского посольства, которое, не застав нас на зимовке, ускоренным маршем направилось в догонку экспедиции. Лхасское посольство состояло из двух старейших лиц: посредника между членами управления «дэвашун» и главой его далай-ламой — дзэ-нчжонир Джам-ин-Шэраб-Усура и личного казначея далай-ламы — дзэ-нирцан Дондуб-Чундэна и многочисленной свиты, следовавшей частью непосредственно с главными членами посольства, частью при их громадном караване. При лхасском посольстве между прочим состоял и дэргэский тонкор, наш старый знакомый. Послы решились прибыть в наш лагерь и начать с нами переговоры лишь после того, как убедились в том, что мы русские.

«В последнее полугодие, — говорил главный посол, — далай-лама, получая о вашей экспедиции довольно часто самые разноречивые сведения, решил наконец командировать нас, меня и товарища, для выяснения вопроса, кто вы такие — русские или англичане. Если русские, то приказано тотчас же познакомиться с вами и передать от далай-ламы привет, а если англичане, то, не заводя никаких разговоров, ехать обратно с донесением в Лхасу».

«Прежде всего далай-лама великодушно просит извинения у сильного русского государя за то, что его экспедицию не пустили в Лхасу,

---

[1] Конгломерат новейший — зелено-бурый, мелкий, из гальки и щебня песчаника в известковом цементе.

но это сделано только в силу основных древних законов и заветов лхасских, обязывающих всех и каждого из тибетцев свято охранять Буда-лху от посещения чужеземцев».

К нашим драгоманам Бадмажапову и Дадаю члены тибетской миссии относились с доверием, в особенности после того, как они окончательно убедились и досконально узнали о местожительстве того и другого. При этих обоих моих спутниках тибетское посольство, стан которого был расположен на правом или противоположном берегу Голубой реки, подле Чункор-гомба, не стеснялось производить суд и расправу между своими подчиненными — как духовенством, так и мирянами. Нирва чункорского монастыря и его помощник были наказаны плетьми, свыше 50 ударов каждый, после которых и тот и другой едва были в состоянии подняться с земли.

Само наказание производилось следующим образом: виновных клали на землю, спиной кверху, держа за голову и ноги, и по обнаженному низу ударяли в две плети. Роль палачей с увлечением отправляли юные спутники главных членов посольства. Орудием наказания служили обыкновенные плети — тонкие, упругие, с короткими основательными рукоятками, возимые в ящиках. Для большего удобства действия во время экзекуции палачи сбрасывали с себя верхние одежды и освобождали правые руки.

В числе приговоренных к плетям находился и дэргэский тонкор, которого моему Бадмажапову, однако, счастливо удалось отстоять как старого нашего знакомого, служившего интересам экспедиции во время движения по долине речки Гэ-чю. Бдуйму-Гачи был несказанно рад и благодарен влиятельному заступничеству русских и впоследствии несколько раз старался доказать мне, что подобного великодушия с нашей стороны он никогда не забудет.

Собственно Тибет, граничащий на юге с Индией, на западе с Кашмиром и Ладаком, а на севере и востоке с подчиненными Синину и Сы-чуани северной и восточной частями Тибета, делится на три главных части: западную, северную и восточную. Западная часть собственно Тибета, простирающаяся к западу от Лхасы по реке Цан-по (Брамапутре), известна под названием До-нариг-гок-сум и разделяется опять же на три больших округа. Северная часть собственно Тибета, лежащая к северу от Лхасы до владений Нан-чин-чжалбо и включающая в себя район озер На-мцо (Тенгри-нор) и других, называется Чжан-рак-дэ-чжи. Население этого округа достигает 40 тыс. семейств исключительно кочевников, занимающихся скотоводством, и наконец восточная часть собственно Тибета, известная под названием Бöди-нирна, заключает в себе 25 округов с чисто тибетским населением, занимающимся только земледелием и живущим оседло. Из крупнейших округов восточной части собственно Тибета нам

назвали следующие: Нарьян, Гончжур-дэва, Таяк, Манкам, Чамдо, Риучи, Багшоу, Сого-дэмэ.

Собственно Тибет, состоящий из трех частей — До-нарги-гок-сум, Чжан-рак-дэ-чжи и Бöди-нирн, подчинен как в духовном, так и в светском отношениях далай-ламе, который стоит во главе обширного управления, известного под наименованием «дэвашун».

Дэвашун состоит из четырех главных помощников далай-ламы — хутухт-перерожденцев: Дэмо-хутухты, Дагса-хутухты, Дэчжук-хутухты и Редэн-хутухты. Все они по очереди пожизненно ведают светскими делами, и тот, который получает светскую печать, считается ханом собственно Тибета. После смерти такого хана светская печать переходит к следующему. Так было до наступления совершеннолетия нынешнего далай-ламы, который сам взял несколько лет тому назад светскую печать, а с нею и светскую власть в свои руки; поэтому он теперь считается не только духовным главой Тибета вообще, но и светским управителем собственно Тибета. При хане собственно Тибета, будь то сам далай-лама или один из поименованных выше четырех хутухт, состоит один полномочный советник дзэ-джиб-хамба для решения и обсуждения дел светских. Власть его настолько значительна, что очень много дел он решает единолично, не докладывая о них хану.

После него следуют ещё четыре советника хана, равные по положению китайским ванам; они известны под именем «шапэ» у тибетцев или под именем «габлун» у монголов. За этими четырьмя шапэ следуют четыре письмоводителя дониг; затем — казначей управления дэвашун, именуемый нирцан-дэва. При настоящем хане — далай-ламе — состоят еще два сойбона: сойбон-чимбу старший и сойбон-чуна младший, пользующиеся большим влиянием как в духовных, так и в светских делах. Они присутствуют в советах по важным делам. Посредником между членами управления и главою его является важное лицо, докладчик исключительно по светским делам — дзэ-нчжонир (у монголов донир). Доклады управления далай-ламе передает дзэ-нчжонир, и распоряжения и приказания далай-ламы как хана членам управления передает он же. Власть его и влияние на дела светские значительны.

При нынешнем далай-ламе обязанности докладчика исполняет Джам-ин-Шэраб-Усур, который и послан был далай-ламой в сопровождении его личного казначея дзэ-нирцан-Дондуб-Чун-дэна на зимовку экспедиции, но догнал её уже на обратном пути — подле кумирни Чун-кор-гомба на Голубой реке.

Как прежде, когда далай-ламы не брали на себя светской власти, так и теперь, когда в лице далай-ламы соединена и та и другая власть, он является главой и единственным распорядителем и судьёй в делах религии. Он сам по своему усмотрению смещает и назначает

лам настоятелями и в отдаленные монастыри всего Тибета и в монастыри лхасские.

Очень важным лицом в духовной иерархии при далай-ламе является чойбон-хамбо, который, во время богослужения, совершаемого самим далай-ламой, состоит при нем и следит за правильностью и порядком богослужения. При далай-ламах вообще всегда состоял и состоит большой шгат лам с известными, строго ограниченными обязанностями. Одни ламы исполняют обязанности ворожей, другие — цзурухайчи (астрологов), гурумчи. Есть ламы, которые молятся только о здравии и долгоденствии богдохана; есть ламы, молящиеся только о спокойствии в самой Лхасе и о том, главным образом, чтобы в неё и другие большие монастыри как-нибудь не проникли пилины-европейцы. Иные, наконец, молятся только о большем распространении ламаизма во всем свете и так далее. Ламы эти по требованию далай-ламы назначаются к нему настоятелями трех больших монастырей в окрестностях Лхасы — Брайбун (Дайбун), Сэра и Галдань — на неопределенный срок.

Лхаса — «страна богов» — представляет собой самый обширный населенный пункт в Тибете как по пространству, занятому постройками, так и по количеству его населения. Среди многочисленных построек, принадлежащих тибетцам-мирянам, торговцам-хачи и китайским купцам, особенно выделяются Буда-лха, ямыни, дворцы и кумирни.

Буда-лха построена на вершине невысокой горы, привезенной, подобно горе Чжагбо-ри, по преданию, на вьюках из Индии. Буда-лха — это дворцы и кумирни, резиденция самого далай-ламы; на горе же Чжагбо-ри красуется кумирня и монастырь Маньба-дацан, в котором живут ламы, главным образом для изучения медицины.

В центре города расположена большая кумирня Чжово-кан, в которой находится наиболее чтимая святыня Лхасы — изображение Будды Шакьямуни, называемого тибетцами «Чжово».

Среди кумирен построено много зданий, между прочим и то, которое служит помещением для управления — дэвашун. Это помещение известно под названием Нанцза-шаг. Здесь происходят заседания членов управления, разбирательство дел и приведение в исполнение телесных наказаний, между которыми известны — смертная казнь, ослепление, отрезание пальцев, вечные кандалы и колодки и битье плетьми; здесь же находится тюрьма и квартиры мелких чинов управления.

В городе же на окраине проживает в своем ямыне китайский посланник Чжу-цза-да-чень со своим конвоем в 500 человек солдат.

Особенную славу Лхасы составляют три больших монастыря, расположенных в окрестностях её. Эти три монастыря носят общее

название Сэр-брай-гэ-сум и принадлежат одной господствующей секте гелюг-па, основанной Цзонхавой в начале XV века. Самый большой из них Брайбун, затем следует Сэра и наконец Галдань. Брайбун ведает семью, расположенными вблизи него, монастырями и знаменит прорицателями; второй, Сэра, ведает тремя монастырями и известен «ритодами» — кельями аскетов; Галданю, богатому разными чудесными останками, подчинены в свою очередь два монастыря. Во всех этих монастырях считается до 25 тыс. лам.

3-го числа первой луны ежегодно указанное число лам собирается в Лхасу для отправления богослужения, известного под названием «лхаса-моньлам». После богослужения всем этим ламам раздается в дар: тибетская серебряная монет «дхамха», чай, дзамба, масло и прочее, как от самого далай-ламы, так и от мирян и богомольцев пришлых.

В окрестностях Лхасы к трех больших монастырей есть бесчисленное множество всевозможных предметов, признаваемых священными: деревьев, камней, скал, сопок, горок, ключей и ручейков и мелких кумирен или часовен. На каждом шагу встречаются молящиеся, многие из которых ещё заранее ставят себе в священную обязанность не только совершение кругового обхода «лингор» пешком, но нередко и растяжными поклонами.

Нынешний далай-лама, «всеведущий предмет веры», родился по слухам недалеко к западу от Лхасы, в бедной семье. Его родители и старшие братья существовали тем, что с утра уходили по дорогам и улицам собирать скотский помет, продажей которого и жили. Нередко случалось, что ребенок оставался в ожидании возвращения матери с едой голодным целый день. Так как за ним некому было присматривать, то мать, уходя на работу, привязывала малютку на веревке к столбику на террасе дома. Однажды, вернувшись домой уже поздно вечером к голодному ребенку, она увидела, что столбик, к которому он был привязан, треснул вдоль и из трещины текло молоко, а ребенок его пил. Это чудо дало знать семье ребенка, что он не обыкновенный смертный. Действительно, через некоторое время из Лхасы, где все хутухты и ламы ворожили об указании места, где переродился далай-лама, явились в дом этого ребенка ламы и, признав в нем переродившегося «чжямгонь-тамчжад-чэньба», как принято называть далай-ламу, увезли его в Буда-лху. Вместе с ним туда же была перевезена и его мать и братья. Отца его в это время уже не было в живых.

В 1905 году, далай-ламе исполнилось 29 лет, родился он в год Мыши (1876 г.). По свидетельству близких к нему лиц — вышеупомянутых членов посольства — характер он имеет мягкий, открытый и веселый. Вне молитв, в кругу своих приближенных и родственников,

далай-лама нередко громко и весело смеется; жизнь ведет скромную, не пьет, не курит и сторонится женщин. Достигнув, приблизительно, 20 лет, он решил взять на себя и светскую власть в собственно Тибете, которая до того времени принадлежала регенту Дэмо-хутухте, и привел это намерение в быстрое исполнение.

Штат лам в Буда-лхе при далай-ламе значителен; всех их при нем насчитывается до 500 человек. Кроме того при далай-ламе состоят семь лам шабдэн-хамбо, обязанность которых состоит только в том, что они круглый год изо дня в день освящают воду, которой раз в месяц поочередно омывают лицо, руки и ноги далай-ламы. Затем следуют четыре казначея дзэ-нирцан, заведующие личным состоянием далай-ламы, его продовольствием, хозяйством и раздачей милостыни ламам и наград чиновникам управления и его приближенным. При далай-ламе безотлучно находится один лама, Сэмбун-хамбо, который ведает гардеробом далай-ламы и вместе с тем помогает ему каждый день одеваться и раздеваться.

Все ламы в Буда-лхе живут и одеваются на собственный счет далай-ламы. Этих лам сразу можно отличить от прочих, так как далай-лама не только одевает их роскошно — сравнительно конечно — в шелковое платье, но сам выбирает в свой штат людей статных, красивых и приличных.

Сам далай-лама, следует при этом заметить, высокий, стройный и красивый; носит длинные черные усы и небольшую бородку; одевается всегда чисто и нередко очень просто.

День свой он проводит или в чтении книг, или выслушивает уроки своего воспитателя, который продолжает давать их ему и до сих пор, или же занимается разговорами с приближенными. Каждый день, кроме того, раз или два он принимает и благословляет паломников, являющихся с приношениями и без приношений.

На прощанье послы далай-ламы снабдили нас до Хор-гамдзэ своими людьми, вроде хондо, с приказанием последним быть во всем послушным нашей воле. Дэргэсцу Бдуйму-Гачи также вменялось в обязанность сопровождать нас до селения Бана-джун.

Путь к этому последнему почти на всем 150-километровом расстоянии проходит попрежнему в горном районе, сначала между хребтами Дэргэским на юге и пандита А-к на севере, по их сходящимся предгорьям или по долинкам верхних течений речек Ном-чю, Рок-чю и И-чю, затем поперек восточной окраины северного хребта пандита А-к, иными словами — в области округа Лин-гузэ.

Округ Лин-гузэ считается третьим по значению округом в Восточном Тибете. Образован он со времени Гэсур-хана (Лин-гэсура) из остатков шарайголов одним из 33 богатырей Лин-гэсура, по имени Лин-гузэ, давшим свое имя всему округу. Во главе управления округа

с самого образования его и до сего времени стоят потомки этого богатыря.

Население этого округа, когда-то значительное, теперь не велико и достигает лишь скромной цифры — тысячи семейств или около 5 тыс. человек. Обитатели округа Лин-гузэ — наполовину оседлые или земледельцы, наполовину же кочевники-скотоводы — занимают довольно большое пространство, вдавшееся клином с востоко-северо-востока на запад-юго-запад в дэргэский округ — от устья речки Дэнчю вверх по реке Ялун-цзян, или Дза-чю, как называют эту реку тибетцы, до устья речки Гон-чю и от устья речки Нам-чю вверх по её течению, по соседним горам до левого берега Янцзы-цзяна, против кумирни Чункор-гомба.

Округ Лин-гузэ, как и все прочие округа Восточного Тибета сычуаньского Кама, управляется потомственным князем — тусы. Тусы имеет коралловый шарик от богдохана. Все население округа разделено на 25 хошунов, во главе которых стоят управители, назначаемые и сменяемые по усмотрению тусы.

33-летний тусы постоянно живет в монастыре Гузэ-гомба. Делами он совсем не занимается, предоставив решения их своим цзунпонам. Женат он на двоюродной сестре нынешнего дэргэского тусы. Лин-чжалбо породнились с домом дэргэского тусы лет 50 тому назад и этим прекратили постоянные войны между округами.

Население округа Лин-гузэ известно своей храбростью и дерзостью. Оно является грозой для соседних мелких округов, и даже нголоки не решаются приезжать к ним на грабеж. Лингузцы ведут постоянную войну с северными хошунами хорского округа — Дунза, Тангу и Шанга, также известных воинственностью и грабежами.

Оружие лингузцев, как и оружие в Дэргэ и прочих местностях Восточного Тибета, состоит из длинного фитильного ружья на сошках, сабли, пики и пращи. Ружья, или, правильнее, ружейные стволы, сабли и наконечники для пик изготовляются на месте приезжими мастерами китайцами и тангутами из Сун-пан-тина и Мяо-чжоу в Сы-чуани.

Пика имеет древко из бамбука, обвитого проволокой или, точнее, тонкой полоской железа, меди или, очень редко, серебра.

Порох почти каждый тибетец сумеет приготовить из селитры, горючей серы и березового или елового и арцового угля.

Селитра добывается в округе Гончжур, а сера на юге дэргэских владений. Свинец добывается также на юге Дэргэ в местности, лежащей южнее Дэргэ-Гончена, на левом берегу Голубой реки, где находятся богатые свинцовые залежи. Ввиду дороговизны этого металла тибетцы часто сооружают пули, содержащие внутри круглую речную гальку соответствующих размеров.

Хребет Русского Географического общества

Праща делается дома из шерсти или из кожи.

Полное вооружение лучшего местного воина должно состоять из ружья, двух сабель — одной пристегнутой сбоку и другой заткнутой спереди за пояс, пики и пращи. Среди обитателей лингузского округа подобных воинов немало. Правила обязывают каждую семью поставлять, по требованию начальства, одного воина, непременно конного и с своим продовольствием на указанный срок.

Теперь о торговле в крае. Для этой цели сюда являются китайцы, притом в восточную часть округа из Хор-гамдзэ, в западную — из Дэргэ-Гончена, и привозят далембу, бязи и прочие бумажные ткани, а также ножи, иглы, нитки, всевозможную посуду, фарфор, табак и чай. Товары свои китайцы променивают на мускус и маральи рога или продают на индийские рупии. Каких-либо торговых лавок и складов товара в рассматриваемом округе не имеется.

Через юго-западную часть округа Лин-гузэ проходит большая торговая дорога из Дарчэндо через Хор-гамдзэ в Чжэрку, касаясь у монастыря Гузэ-гомба и ставки местного чжалбо.

Кроме торговцев, в округе проживают иногда китайцы-ремесленники: слесари, кузнецы, столяры, плотники, портные и прочие.

Так как в округе Лин-гузэ не для всех кочевников хватает пастбищных угодий, то более 200 лингузских семейств скотоводов вынуждены арендовать на весеннее, летнее и осеннее время пастбища, лежащие по обоим берегам реки Дза-чю, вверх от впадения в нее слева речки Гон-чю, то есть в пределах владений Дза-чю-кава.

По взиманию непосредственных или податных повинностей в пользу лин-чжалбо нам удалось собрать сведения лишь о кочевом населении лингузского округа; что же касается до оседлого, то этот вопрос остается ещё не разрешенным. Среди лета тусы командирует чиновников в кочевья своих подчиненных за сбором ячьего масла. Самая бедная семья — или, как здесь чаще говорят, палатка — обязана внести не менее 8 фунтов свежего масла, богатая — фунтов 20.

Осенью тусы заготовляет и отправляет кочевникам «в подарок» по одному вьюку соли на 10 палаток. За это каждая палатка, которой приходится получить соли, между прочим, очень немного, так как вьюк обыкновенно ничтожен, обязана отдарить тусы 8 фунтами масла, уже не разбирая состояния, бедная семья или богатая — безразлично, так же как и получает одинаковую при дележе часть соли.

Грабежом занимаются в лингузском округе почти исключительно кочевники, делающие набеги на соседние округа, а также промышляющие и на большой торговой дороге, идущей через их земли, из Хор-гамдзэ в Чжэрку. Лингузцы грабят и в одиночку, и собираются для того же в большие партии — до 40—50 человек. Такие партии поджидают торговые караваны китайцев и тибетцев-хорва и грабят

их. Разрешения на грабеж они не испрашивают, а ограничиваются лишь советами какого-нибудь старшины. Добычу они делят между собой поровну, выделяя для коновода две части. Кроме того они выделяют часть добычи для того монастыря, в приходе которого они считаются, а также и часть тому ламе, который гадал и молился об успехе предприятия. Удачна ли окажется поездка на грабеж или неудачна, грабители обязаны донести об этом своему тусы через чжисунов или сами лично. Правила эти заведены ввиду того, что пострадавшие или ограбленные не упускают случая принести жалобу своему начальству, которое сносится по таким делам с начальством грабителей. Тусы лингузцев всегда отстаивает подчиненных, так как считает грабёж молодечеством, обогащающим население округа. Ему, однако, грабители никогда не подносят части из награбленного, да он её и не требует.

Среди оседлых грабежи редки. Недавно, впрочем, один оседлый обитатель, проживавший при устье речки Нам-чю, в урочище Нам-до, стал сильно беспокоить грабежами не только чужих, но и своих однохошунцев, что считается уже страшным преступлением. Это был старейший в роде, заключавшем в себе около 30 семейств, частью оседлых, частью кочевых — таких же молодцев, как и он сам. Его много раз наказывали, даже ослепили на один глаз, но храбрец не унимался; наконец тусы, выведенный из терпения, но не желавший потерять очень умного и ловкого грабителя, предложил ему звание чжисуна с условием оставить грабёж в своем округе. Но грабитель-батырь отказался и вскоре же вновь ограбил одного из своих однохошунцев; тогда тусы решил не только лишить его последнего глаза, но и конфисковать всё его имущество. Познав об этом, грабитель со всеми своими родственниками, в числе 30 палаток, бежал к дзачюкавасцам, среди которых и проживает в настоящее время.

Лин-чжалбо требует у дэргэского тусы выдачи перебежчика, но, говорят, хлопоты его будут безуспешны, так как вообще среди тибетцев не принято выдавать перебежчиков, особенно если таковые отличаются умом, храбростью и ловкостью.

Редко случается, чтобы жители одного и того же хошуна, в данном случае хошуна из округа Лин-гузэ, грабили или воровали у своих же однохошунцев. За воровство и за грабёж своих налагаются жестокие наказания. Так, например, за покражу ничтожного ножа, чашки и прочей мелочи полагается отрезать два сустава указательного пальца правой руки или весь большой палец. Последнее наказание, впрочем, чаще налагается на охотников, позволивших себе стрелять зверя или птицу в лесах или горах, находящихся под охраной монастырей или считаемых почему-либо святыми. Отрезают указательный палец правой руки и такому писцу, который решился в невежливых

или непочтительных выражениях составить для кого-нибудь письмо на имя высших лам и начальства.

За покражу козы или барана виновного прежде всего держат в кандалах в течение трех месяцев в резиденции тусы, в тюрьме, причём кормить осужденного обязывают его родственников. По истечении времени тюремного заключения виновному отрезают один палец или лишают одного глаза и, наконец, взыскивают с него за одного украденного барана 9 баранов; при этом одного барана отдают пострадавшему, а остальные 8 поступают в пользу тусы.

За убийство человека в своем хошуне наказывают таким образом: преступника доставляют к тусы, где его до окончания разбирательства дела держат в тюрьме в ручных и ножных кандалах. Если возводимое на него обвинение подтвердится, то преступника лишают всего его имущества, вынимают глаз и отрезают всю кисть правой руки. Конфискованное имущество, по обыкновению, поступает в пользу тусы и монастырей.

Благодаря таким строгим наказаниям воровство и убийства или вообще какие бы то ни было преступления среди однохошунцев чрезвычайно редки.

В течение первых трех дней движения экспедиции к юго-востоку мы все ещё могли наблюдать за горами, окаймлявшими долину величественного Янцзы-цзяна и только за ставкой Лин-чжалбо распрощались с ними. С другой стороны Дэргэский хребет с каждым днем выделялся рельефнее своей массивной стеной, белевшей по гребню и темневшей по крутому северному скату, одетому в среднем и нижнем поясах древесной и кустарниковой растительностью. Совершенно иной характер имели горы пандита А-к, обращенные к нам большей частью своими южными луговыми склонами, скрывавшими почти на всем протяжении их однообразную плоскую вершину.

Как на пройденном расстоянии, так равно и на дальнейшем пути наш маршрут змееобразно извивался по предгорьям то одного хребта, то другого, по временам, впрочем, спускаясь и на дно продольных речек. По оврагам и логам видны были следы сравнительно недавнего землетрясения, выражавшиеся в разорванных скалах или утесах и свалившихся больших и малых глыбах и их обломках.

Везде на пути заметно было оживление со стороны, главным образом, оседлого населения, красиво распланировавшего свои пашни и селения. Еще красивее и живописнее ютились на холмах или среди холмов, у заповедных лесов, буддийские храмы. Поодаль селений пасся исхудалый скот, умевший распознавать ядовитые травы, которые резко выделялись на оголенной поверхности, совершенно так же, как это было в прошлом году в Гань-су, в окрестностях монастыря

Чортэнтана, где многие из наших верблюдов сильно поплатились за доверчивое отношение к подобной горной растительности.

Миновав небольшой и невысокий перевал Ми-ла, откуда отделилась первая с северо-запада тропа на Дэргэ-Гончен, пересекающая Дэргэский хребет по перевалу Марун-ла, мы, спускаясь по небольшой речонке вниз, ещё издали заметили горячие ключи Гузэ-чудун, дававшие о себе знать выделением густого пара, стлавшегося подобно облачку. По мере приближения к этим источникам резче и резче выделялась яркая свежая зелень, приятно гармонировавшая с серебристыми струйками воды, подле которых грациозно бегали плиски (Motacilla alba hodgsoni). Измерив температуру ключей, я с Бадмажаповым и проводниками направился вслед за караваном, который, пройдя селение Чудун-ру, свернул на речку Ном-чю и невдалеке от кумирен и ставки Лин-гузэ расположился бивуаком.

Лин-чжалбо обменялся приветствиями и вел с экспедицией переговоры через своих чиновников, доставивших нам уже на следующую стоянку экспедиции, при урочище Номин-кунг, хорошего вьючного хайныка и шкуру леопарда. Эти же чиновники, на мое желание простоять лишний день на хорошем пастбище, у святой горы с заповедным лесом, а также и поохотиться в этом лесу, дали полное согласие, заметив, что их ламы помолятся о наших грехах за убийство зверей и птиц, обитающих в этой местности.

В первый день мне посчастливилось здесь добыть две кабарги, а препараторам превосходного орла-беркута и несколько штук мелких птичек. На следующий день погода ещё более благоприятствовала экскурсии, хотя кабарги на этот раз мы уже не встретили, но зато зайцев было больше нежели достаточно и мы, убив одного́ для коллекции, на прочих только любовались, когда они пугливо выскакивали и пробирались среди кустарников, стараясь быть незамеченными. Из птиц же, помимо прежних, указанных для заповедного леса трех пройденных кумирен, здесь было немного.

Первая наша охота загоном была устроена вечером, вторая ранним утром, когда чаще случается лучшая погода. Мы во-время успели обойти лес и занять свои места. Воздух был тих и прозрачен. Небо из темносинего постепенно переходило в более нарядный и живой яркосиний оттенок; позднее от южных высоких гор стали отделяться тонкие облачка и медленно неслись в нашу сторону. Там, в вышине, среди облачков, в лазоревых пространствах, мелькали точками снежные грифы и бородатые ягнятники; здесь, внизу, вдоль святой горы, быстро, с шумом, пролетала пара благородных соколов и беркут, осиротевший накануне. Первые птицы вероятно не терпели соседства орла, ожесточенно нападая на него с разных сторон, но гордый, сильный хищник спокойно следовал вперед и лишь порой опрокиды-

вался спиной вниз или проделывал другие эволюции. По удалении орла, соколы на свободе занялись любовной игрой, спиралью поднимаясь в высь, в которой и скрылись совершенно. Рядом, в лесу перелетали мелкие птички, одни молчаливо, другие, наоборот, со звонкой, веселой трелью. В восточном направлении открывалась долина, по которой змеилась речка, блестевшая ледяной поверхностью. На севере, по луговым откосам гор, пестрели стойбища тибетцев-скотоводов. В бинокль отлично было видно, как женщины возились с барашками, отнимая их от матерей, спешивших к удалявшимся стадам. Окрест святой горы паслись наши караванные животные. На юге ослепительной белизной сияли и искрились снега Дэргэского хребта. Стоя на своем номере, в ожидании загонщиков, пригреваемый теплым весенним солнышком, я невольно восхищался величием окружавшей меня природы. Между тем голоса загонщиков сделались более громкими.

Вдруг грянул выстрел, красивым эхом откликнувшийся в хвойном лесу, ветер пахнул дымом, и всё стихло. Охота кончилась.

На дальнейшем пути к востоку мы поднимались вверх до мягкого лугового перевала Ланцзэ-кари в 13 930 футов (4 250 *м*) абсолютной высоты, обитаемого выходцами нголоками, назвавшими себя «нанчин-допа», вероятно по месту прежнего их жительства.

Эта группа в 40 банагов, или черных палаток, независимых тибетцев кочует по верховью речки Нам-чю и поселилась здесь издавна, не утратив своих привычек грабить проходящие караваны. Накануне нашего прихода сюда большой чайный караван благополучно выдержал осаду нголоков-разбойников в течение всей ночи. «У этого воровского народа, — говорили наши проводники, — сердце болит, если он долгое время никого не пограбит». К коренным же местным обитателям, по словам дэргэсцев, нголоки относятся очень хорошо и, в случае нужды, беспрекословно выставляют для начальства необходимое число подвод.

В окрестности Ланцзэ-кари от большой дороги отделяются ещё две узенькие тропы в Дэргэ-Гончен по перевалам Дунцэ-ла и Лэ-ла. Эти проходы лежат рядом в очень близком один от другого расстоянии и делят Дэргэский хребет на две характерные части: западную — более доступную, и восточную — дикую, скалистую, ставящую большое затруднение даже в единственном месте прохода, расположенного между вечноснеговыми вершинами, и только на восточном крыле хребта, западнее крутого излома Ялун-цзяна, имеется понижение, вероятно, допускающее проложение более удобных дорог.

Между перевалами Ланцзэ-кари и Мири-ла, лежащими также на нашей дороге и поднятыми на 15 140 футов (4 620 *м*) над морем, в середине, образуется глубокая выемка с речками, составляющими верховье Нам-чю, правого притока Ялун-цзяна. Против этой выемки

и прорыва хребта пандита А-к находится первая с запада вечноснеговая вершина Дэргэского хребта, у крутого подножья которой уединенно приютился монастырь Чжокен-чомла, насчитывающий до 200 человек лам толка гарчжива с хутухтой во главе.

Ниже по речке, в одном километре от монастыря, расположено небольшое селение, состоящее из ряда глинобитных домишек. За этим селением дорога втягивается в ущелье речки Мур-чю, и монастырь вскоре скрывается; только по соседним снеговым пикам, блестевшим на ярком южном солнце, и можно было определить его месторасположение. Змееобразное ущелье постепенно вывело нас наверх, в область ещё слишком холодную для конца марта, в особенности по ночам; днем же солнце топило ледяную поверхность речки, и весенние воды громко журчали, струясь не только подо льдом, но и поверх его. Бока ущелья были одеты густым ковром низкорослого тальника, среди которого оригинально и красиво выделялись рододендроны. В нижнем поясе гор, на солнечном пригреве, уже ласкала глаз розовая Primula и кое-где показывалась приземистая Caltha еще с недоразвитыми, скрытыми в земле листьями. Со стороны пернатых ущелье было оживлено криком воронов, трещаньем дроздов, монотонным воркованьем каменных голубей, более или менее приятным пеньем снегиревидной стренатки (Urocynchramus pylzowi), рыжегорлой завирушки (Prunella rubeculoides), различных вьюрков и сорокопутов и дребезжащим в воздухе полетом могучих бородатых ягнятников и снежных грифов.

Вид с перевала Мири-ла, с этого высокогорного узла, связывающего два соседних хребта, прекрасный. Далеко к юго-востоку тянется серебристая полоска воды речки И-чю, скрывающаяся затем второстепенными, изогнутыми к северу горами, через которые лежит прямой путь на Хор-гамдзэ. Справа высится массивная стена Дэргэского хребта, сплошные леса и снеговые вершины которого были окутаны нежной фиолетовой дымкой, придававшей долине очаровательный вид. Хребет пандита А-к также принял более солидный вид, но попрежнему значительно уступал в грандиозности своему южному соседу. У самого подножья горного узла и почти в том же направлении покоится озеро Юлюн-мцо, питающееся речками соседних снеговых вершин.

По очень крутому, хотя в то же время и удобному мягкому скату наш караван без особого труда спустился в долину озера и вдоль речки, впадающей в северо-западный залив Юлюн-мцо, коснулся его чуть-чуть открытых прибрежных вод. Это озеро, расположенное у подошвы Дэргэского хребта, вытянуто согласно направлению гор и имеет до 6 *км* в окружности. Излишек воды озера сбегает по речке Юлюн-мцо-чю в общую долину И-чю.

При нашем приближении к озеру с его открытых вод поднялись крохали, утки-кряквы и чайки; последние, впрочем, более многочисленным обществом отдыхали на ледяной поверхности озера, вдали от берегов; на ещё большем расстоянии от нас расхаживали по болотцу черношейные журавли, издававшие мелодичные звуки. В густых кустарниках, одевающих прибрежные скаты, ютились прежние розовые снегиревидные стренатки, овсянки, чекканы (Pratincola maura Przewalskii) и альпийские синицы, а по луговым площадкам — земляные вьюрки (Pyrgilauda ruficollis) и сойки (Pseudopodoces humilis); в воздухе, на солнце, красиво мелькали сарычи, поднимавшиеся спиралью на значительную высоту. Из зверей продолжали показываться стройные антилопы-ада, зайцы и более мелкие грызуны — мыши-полевки.

Дэргэский хребет, который теперь мы оставляли, имеет свыше 200 вёрст северо-западного — юго-восточного простирания. Приблизительно в средней части, в окрестностях озера Юлюн-мцо, он достигает наибольшего поднятия, блестя на солнце вечноснеговыми вершинами, известными у туземцев под общим названием «Мцо-сэтан-уй-цэ-чжюбчжи», то-есть «Восемнадцать вершин при холодном озере». К трем отмеченным выше проходам, ведущим в монастырь Дэргэ-Гончен через Дэргэский хребет, здесь при кумирнях прибавляется четвертый по перевалу Тог-ла, по всей вероятности поднятому над морем около 17 000 футов (5 200 *м*). По словам проводников этот перевал очень трудный, каменистый и один из самых высоких в Восточном Тибете, благодаря чему он зимой бывает нередко закрыт для движения; в лучшее же время года этот горный путь довольно оживлен проезжающими из Хор-гамдзэ в Дэргэ-Гончен и обратно.

Вблизи последних постоянно сновали путники в ту или другую сторону, по большой торговой дороге, ведущей из Сы-чуани в Лхасу. Эта дорога значительно кружнее средней или южной, но тибетцы ею широко пользуются ввиду того, что она одна из самых удобных в смысле движения вьючных караванов. Действительно, мы ежедневно наблюдали многочисленные караваны, везшие в Лхасу чай, лес, посуду, фарфор и прочие товары, а в обратную сторону — тибетские ткани, маральи рога, мускус, статуэтки, курительные свечи и немногое другое. Помимо тяжелых караванов нам попадали навстречу или обгоняли нас и легкие нарядные кавалькады богатых паломников или купцов.

На женщинах и девушках начали встречаться мерлушковые шапки на манер мужских, носимых нередко и в других частях Тибета; говорят, что в такие же шапки иногда наряжают свои головы и нголокские женщины.

По мере нашего приближения к Хор-гамдзэ наш переводчик Дадай с бóльшим и бóльшим усилием применялся к местному наречию,

значительно отличавшемуся от так называемого лхасского, или чамдоского, тогда как сопровождавшие нас люди тибетских послов легко справлялись с ним и в течение двух-трехнедельного времени помогли Дадаю освоиться и более или менее свободно разбираться в нем.

Теперь нам предстояло пересечь хребет пандита А-к, что мы и исполнили в два перехода через перевал Гон-ла, поднятый на 15 680 футов (4 780 *м*) над морем.

Пересекши долину И-чю, по которой местами ютилось смешанное население — оседлое и кочевое, мы достигли окраины северных гор и по речке Гон-чю стали подниматься к перевалу. При входе в горы нас встретил местный начальник с многочисленными погонщиками и проводниками для оказания экспедиции услуг. Путь в горах был довольно трудный, так как мокрый травянистый скат был очень скользкий, к тому же ещё начал падать снег, и мы принуждены были остановиться на крайне неровной кочковатой местности, в трех верстах от вершины перевала. Только утром 28 марта мы двинулись дальше. Сам перевал был вскоре нами достигнут. Выглянувшее было солнце осветило на несколько минут высокую белую стену Дэргэского хребта, затем снеговые тучи закрыли всё — и солнце и горы.

Вместо обычного спуска на северную или противоположную сторону мы встретили плато, укрытое толстым, свыше фута (30 *см*), слоем снега, придавшим картине зимнюю окраску. Несколько разрушило, впрочем, иллюзию зимы превосходное пение больших хохлатых тибетских жаворонков, немногие из которых, побуждаемые сильным чувством любви, поднимались даже в высь с своей звонкой песней, а затем пологой или крутой дугой спускались вниз к подруге, сидевшей нахохлившись на вершине снежной кочки. Вдали на белом снежном плато мелькали будто призраки стройные быстроногие антилопы-ада. Прокладывая в снегу путь для каравана, передовые лошади сильно уставали. На всем 7—8-километровом движении по плато нас обдувал холодный пронизывающий юго-западный ветер, и только при крутом спуске на север мы стали попадать в область большего и большего затишья и тепла, снег постепенно исчез, открылись проталины, а затем и сплошные альпийские луга, сменившиеся вскоре кустарниковой, а пониже и древесной растительностью, за которой уже виднелись и пашни банаджунцев.

Какое резкое колебание температуры наблюдалось нами в течение последних суток: вверху была зима, а внизу, ниже чем на версту по вертикали — весна. Зимний пейзаж и стужа пронеслись словно во сне. Теперь мы радостно двигались к селению Бана-джун, на южной окраине которого, в ущелье, под защитой северных отпрысков хребта пандита А-к, и расположились бивуаком.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

В ОБЛАСТИ ВЕРХНЕГО ЯЛУН-ЦЗЯНА

Селение Бана-джун. — Двухнедельная стоянка экспедиции. — Поездка Бадмажапова в Хор-гамдзэ: река Ялун-цзян; женский монастырь Аниг-гомба; необузданное городское население; подразделение Хорского округа; город и главный монастырь. — Путь экспедиции вверх по Ялун-цзяну. — Преграждение дороги. — Разбойничий хошун Дунза. — Открытое нападение лингузцев. — Следование во владения Дза-чю-кава. — Весенний пролёт птиц.

Селение Бана-джун, красиво расположенное на 12 020 футов (3 663 *м*) над морем под 31° 59′55″ северной и 99° 22′2″ восточной долготы от Гринвича, ютится по подножью южного склона гор, на левом берегу речки Сэр-чю, в 3,5 *км* выше ее впадения справа в Ялун-цзян. С севера приходит маленькое ущельице с можжевеловым лесом, в гущине которого скрывался отшельник, буддийский монах; с противоположной стороны — другое ущелье, значительно бóльших размеров, при входе в которое белели палатки нашей экспедиции. Вдоль речки Сэр-чю и при устьях боковых ущельиц земля отведена под пашни, местами обнесенные каменными стенками, местами же канавами, обросшими густым колючим кустарником. По дну ущелья или долины видны также посадки тополей, среди которых возвышается и одинокое вековое дерево, считающееся в глазах тибетцев святым, хотя оно и начало уже засыхать.

Дома, числом до 20, прочно сложены из речной гальки, сцементованной глиной, и сгруппированы в два длинных прямоугольника, образующих узкую улицу, за исключением двух-трех домов, прицепившихся к крутизнам того и другого скатов ущелья. Общий характер здешних построек тот же, какой указан выше, то-есть дома имеют по нескольку этажей, из которых нижний служит помещением для скота, а верхний — жильем самих хозяев и для склада их имущества до

запасов хлеба, сена и соломы включительно. В домах зажиточных тибетцев красиво выделяются веранды-балконы, открытые на полуденную сторону, где местные обитатели часто проводят время за домашним делом или угощением родных и знакомых. На этих же верандах в летнюю пору тибетцы и ночуют, нередко оставляя открытыми двустворчатые цветные ставни.

Внутри домов тибетцев по большей части царит полумрак; в небольшие окна вместе со слабым светом проникает и наружный воздух — теплый или холодный — безразлично; тибетцы с оконными рамами и стеклом для защиты от непогоды не знакомы, как не знакомы и с занавесками. Дым с беструбных очагов поднимается к потолку и выходит наружу в отверстие, специально устроенное для этой цели в плоской кровле. Во время ветра и дождя сидеть в таком помещении не особенно приятно; дым, не имея выхода, ест глаза, дождь брызжет словно под открытым небом. Впрочем чиновники и знатные ламы устраиваются практичнее: у них в зимнее время ставни запираются наглухо, в помещение же вносится таз с горячими углями и ставится у низкого стола, стоящего просто на полу или на некотором от пола возвышении. Содержатся дома вообще довольно чисто, даже имеются и те приспособления, правда курьезно устроенные[1], о которых в наших деревнях сплошь и рядом не имеют понятия как о специальных пристройках или помещениях.

В административном отношении селение Бана-джун подчинено Дэргэ и управляется одним из многочисленных в округе хондо. Так как мы прибыли сюда в обществе дэргэского тонкора и лхасских хондо, то население отнеслось к нам далеко не враждебно, а вскоре затем даже и дружелюбно, получая деньги за все доставляемое нам по части продовольствия и фуража.

С восходом весеннего солнца, скоро согревавшего нашу палатку, лагерь возобновлял свою дневную деятельность. В то же время из жилищ тибетцев поднимался дым, стада прогонялись на пастьбу, женщины спускались за водой; часов около 10 утра тибетцы тащились на поля, а около пяти пополудни уже возвращались обратно. Полуденному отдыху туземцы предавались на полях, пока животные, оставаясь под ярмом, съедали корм, привозимый из дома. Пашут здесь преимущественно на хайныках, считающихся незаменимыми животными и для этой тяжелой работы. С пригоном стад домой и погасанием вечерней зари селение погружалось в дремоту; смолкали и детские звонкие голоса, хором взывавшие к небу о ниспослании на землю обильных урожаев.

---

[1] В виде открытых балконов, сооружаемых обыкновенно на стенах, обращенных в противоположную сторону от улиц или дорог.

Ко дню прихода экспедиции в Бана-джун здесь уже были следующие прилетные птицы: коршуны черноухие, краснохвостки (Phoenicyrus ochruros phoenicuroides, Ph. schisticeps), ласточка горная (Biblis rupestris), удод (Upupa epops), чеккан (Pratincola maura Przewalskii), плиска (Motacilla alba Hodgsoni), грач (Corvus frigilegus Pastrinator) и турпан (Casarca ferruginea). Из оседлых заслуживают упоминания кроме бородатого ягнятника и снежного грифа ещё и гриф-монах (Aegypius monachus), державшийся крайне строго, тогда как его гималайский собрат был настолько смел и нахален, что не боялся схватывать куски мяса или внутренности барана положительно из-под рук поваров. Наши казаки упражнялись в ловле на крючок этих гигантов-птиц, чем со стороны зрителей-туземцев вызывали большой смех и удивление. Что касается до прочих оседлых, то сюда относятся: сарычи, сокол-пустельга, черные во́роны, воро́ны, сороки, клушицы, галки (Coloeus dauricus et C. monedula), державшиеся там и сям в окрестности; из соседнего леса неслись голоса белых ушастых фазанов, сифаньской куропатки, дрозда Кесслера, дубоноса, каменного голубя, а из ближайших кустарников — Janthocincla ellioti, маленькой изящной синички, красных вьюрков (Carpodacus rubicilloides), полевых воробьев, чечёток, завирушек (Prunella rubeculoides, P. strophiata), овсянок; над бивуаком, порой, проносились большими стайками тёмно-серые вьюрки, типа Montifringilla или Fringillauda, перемещавшиеся с одной стороны ущелья на другую, и небольшими стайками жаворонки, которые днем кормились на полях, а вечером улетали в горы; в заключение следует упомянуть соек, наблюдавшихся по луговым откосам, и водяную оляпку, нередко выдававшую себя превосходным пением, приютившись где-либо на камне, у прозрачного звонкого ручья. По части зверей окрестностям Бана-джуна свойственны: медведи, волки, лисицы, хорьки, сурки, зайцы, пищухи, кабарга, антилопа-ада и козули. Последние на общий взгляд отличаются от сибирских коз сравнительно меньшими размерами и более светлой окраской. Рога местной козули в это время были покрыты шерстью, что привлекало тибетцев-охотников стрелять этих зверей для сбыта их рогов китайцам за плату от рубля и выше, считая на наши деньги. Тибетцы этого зверя называют «кашаг» — «внук оленя».

Ввиду довольно позднего развития свежих кормов в горах мною было решено, ещё до прихода в Бана-джун, приютиться лагерем где-либо на границе кочевого и оседлого населения, с тем, чтобы недели на две дать отдых животным перед тяжёлым долгим переходом к Цайдаму и в то же время организовать поездку Бадмажапова в Хор-гамдзэ в обществе лхасских и дэргэского хондо и двух наших цайдамских монголов — Дадая и Чакдура. Только такой состав лиц поездки к непокорному хорскому населению, по мнению лхасских

главных послов, с которыми вопрос о посещении Хор-гамдзэ принципиально был решен и мог ещё служить гарантией в достижении намеченной цели; о принятии же участия в ней кого бы то ни было из русских, не только членов экспедиции, но даже и конвоя, не могло быть и речи. Помимо знакомства с Хор-гамдзэ я мотивировал поездку Бадмажапова необходимостью сдать китайским властям последнюю тибетскую корреспонденцию и при их содействии пополнить всевозможные запасы до Цайдама, так как в скором будущем мы должны были покинуть сначала оседлое, а затем и кочевое население. Из таких соображений я исходил, при первых моих мыслях о посещении Хор-гамдзэ, в разговоре с главными членами тибетской миссии.

В последний день истекавшего марта месяца пестрый и нарядный разъезд с Бадмажаповым во главе был направлен в Хор-гамдзэ.

После отъезда Бадмажапова я в сопровождении банаджунского хондо совершил поездку на берега Ялун-цзяна. Эта река, стремительно пробегая по каменистому галечному руслу, обставленному высокими мягкими берегами, далеко разносила по сторонам свой шум. Серые некрасивые волны пестрели по всей видимой поверхности реки, имеющей в ширину от 30 до 40 сажен (60—80 *м*) при глубине, по словам туземцев, около 10 футов (3 *м*), при теперешнем сравнительно низком уровне и раза в полтора более в период наибольшего поднятия воды. Общее направление реки шло от северо-запада к юго-востоку и, насколько хватал глаз, вся прилежащая долина была занята земледельческим населением: серые дома одиночками и группами чередовались с разграничивающими их полями, носившими такой же серый, безжизненный печальный вид, какой имели в это время и ближайшие и отдаленные горные скаты, по которым кое-где виднелись маленькие участки леса и кустарника. Стада крупного и мелкого скота паслись там же по неприветливым луговым увалам. Свежая травка ещё боязливо выглядывала из земли, и нужно было пристально всмотреться, чтобы обнаружить её присутствие. Несколько обыкновенных мельниц, расположенных в ряд по речке Сэр-чю, молчали, некоторые же из водяных мельниц-молелен, или хурдэ, пристроенных на боковых ручьях, вертели молитвенные цилиндры.

Вернувшись из поездки на Ялун-цзян, я привел в порядок свои дневники и журналы, астрономически определил географические координаты Бана-джуна и приступил было к составлению отчета, согласуясь с приблизительным двухнедельным отсутствием Бадмажапова, но внезапное появление последнего, на пятый или шестой день, прервало это занятие. Светлые мечты не оправдались.

Из селения Бана-джун Бадмажапов направился по речке Сэр-чю к долине Ялун-цзяна; далее, следуя вниз по этой реке, сначала правым берегом, до Дэбджу-повран, а затем и левым, он через 90 верст,

на третий день движения, достиг Хор-гамдзэ. Привожу некоторые сведения из путевых наблюдений Бадмажапова.

Верстах в шести севернее большой дороги, на правом берегу Ялун-цзяна[1] на скалистом мысу, живописно приютился женский монастырь Аниг-гомба. Это первый женский монастырь, встреченный нами в Тибете. В нем считается 50 монахинь желтого толка; основан он не особенно давно, лет около 70 тому назад одной старухой, выстроившей себе вначале на этом месте небольшую хижину и часовню. Вскоре образовалась община, постепенно затем разросшаяся до размеров нынешнего монастыря. Сюда принимаются молодые женщины и девушки, изъявившие желание постричься, равно не отказывают в допуске в монастырские стены всевозможным несчастным: калекам, уродам и вообще неспособным к труду. Несколько монахинь в роли учительниц занимаются обучением вновь поступивших грамоте и чтению священных книг.

Правила в этом монастыре настолько строги, что, по словам тибетцев, правила мужских монастырей несравненно мягче. Молодые монахини могут отлучаться из монастыря только днем, на ночь же обязаны возвращаться в его стены. Мужчины допускаются в Аниг-гомба тоже только днем и на время, достаточное лишь для того, чтобы успеть помолиться богам и сдать свои приношения. Эти правила распространяются и на лам, которые вообще редко заглядывают в женский монастырь. Вечером уже ни один мужчина не смеет подняться к монастырю по двум узким, крутым дорожкам — монахини неминуемо побьют его камнями сверху.

Буддийские монахини бреют голову и одеваются почти так же, как и ламы-мужчины, но они несравненно чистоплотнее последних. Бадмажапов, дважды проезжая вблизи Аниг-гомба, видел молодых монахинь моющимися на реке. Здоровье их не оставляло желать лучшего: они выглядели округлыми, румяными и несравненно белее своих сестёр-мирянок. Нрава они были, повидимому, довольно веселого, так как встречали и провожали моего спутника улыбками и звонким смехом.

Служба в женском монастыре происходит совершенно так же, как и в мужских монастырях. Чины и администрация в Аниг-гомба носят такие же названия, как и у последних. Во время службы кафедру занимает настоятельница, а монахини по старшинству садятся в два ряда, как и ламы в мужских монастырях. Трубы, бубны и

---

[1] Ялун-цзян имеет общего протяжения более 1 200 верст и впадает в Янцзы-цзян слева, в месте южной извилины этой великой реки Китая.

Абсолютная высота долины Ялун-цзяна у селения Чжон-ро 11 600 футов (3 540 *м*).

тарелки употребляются по положению, принятому также в мужских монастырях.

К югу от этого женского монастыря расположен большой мужской — Дарчжи-гомба, в котором, как передавали моему спутнику его провожатые, имеется не менее тысячи лам, следующих учению Цзонхавы, с двумя хутухтами во главе; монастырь расположен в открытой долине, имеет много красивых построек, которыми справедливо гордятся ламы одного из богатейших монастырей в окрестности Хор-гамдзэ.

Когда мои посланные поднялись на последний увал, то с вершины его им открылся сначала огромный монастырь, — собственно и носящий название Хор-гамдзэ, — красиво расположенный по скату большого холма и занимающий своими постройками лёссовые террасы. Внизу, у подножья холма, расположен город, серые, высокие каменные постройки которого очень скучены; улицы узки, глубоки и страшно пыльны. Своего посланца, который должен был встретить Бадмажапова ещё за городом, он не встретил и без него въехал во внутрь этого многолюдного пункта, в надежде, что кто-нибудь из тибетцев проводит его куда следует. Вскоре однако ему повстречался лхасский хондо, смущенный, растерянный и на ходу проронивший: «дело плохо, нас решено не пускать в город!» Что было делать?..

Так как в городе находился в это время какой-то лхасский чиновник-лама, то Бадмажапов и решил остановиться у него и выяснить свое положение. Мой спутник думал найти содействие у китайцев, но не знал, где находится их ямынь или управление, а розыскивать его было не время. У дома же, где проживал лхасский чиновник, Бадмажапов оставил свой караван и людей, за исключением Дадая и обоих лхасских хондо, с которыми прошел через двор, окруженный постройками, и по лестнице поднялся во второй этаж, в комнату, где жил лама-лхасец. После приветствий Бадмажапов объяснил ему свое дело и попросил его повлиять на местных властей, чтобы ему отвели какое-нибудь помещение, добавив в заключение, что не только русские, которых так боялись хорцы, не придут сюда, но даже и он пробудет здесь самое ограниченное время, достаточное лишь для приобретения на базаре самого необходимого из предметов продовольствия и снаряжения. Лхасский лама ответил моему спутнику следующим: «Ни местные власти ни он не в состоянии сговориться с городской чернью, требующей одного — изгнания русских из города!». Но он надеялся всё же, что при содействии китайского чиновника, проживающего в городе, ему удастся устроить моих людей, хотя бы на одну ночь или в ямыне у китайцев или у него в доме; поэтому он вежливо предложил Бадмажапову обождать его несколько времени здесь, пока он сходит к китайцам, и вышел; больше его Бадмажапов уже не видел.

Между тем на улице происходил ужасный шум, и Дадай с одним из лхассцев отправился туда, чтобы присмотреть за своими вещами. Лишь только они вышли из двора, как туда ворвалась толпа вооруженных саблями тибетцев, а минуту спустя она уже заняла всю лестницу и коридор, равно и плоскую кровлю нижнего этажа, куда выходило единственное окно из комнаты ламы-лхасца. В комнату толпа однако не вошла, а расположилась от порога её по всему коридору. Передние грубо спросили: «Что вы за люди и зачем сюда явились?». Бадмажапов, как мог, при посредстве остававшегося с ним в комнате лхасского хондо, немного говорившего по-монгольски, объяснил возбужденной толпе, что прислан сюда за покупками, имеет при себе паспорта от китайского богдохана и от лхасских властей. Но несдержанная толпа галдела без умолку, мешая Бадмажапову говорить, а передние на его заявление о паспортах грубо ему ответили: «Паспорта твои для нас ничего не значат; мы плюем на далай-ламу и знать его не хотим, так как он сам в Лхасу вас не пустил и требовал того же от нас, а между тем теперь посылает пилинов к нам, да ещё в сопровождении своих людей. Богдохана мы презираем ещё более; он выдает пилинам паспорта, а сам пешком удирает от них из столицы в Си-ань-фу. Изменники оба — и далай-лама и богдохан — и мы ещё раз плюем на них и бросаем им в глаза пепел. Вы же немедленно убирайтесь, если хотите остаться живыми, иначе будете перерублены!». Толпа, повидимому, озверела и пришла в неистовство, требуя от передних рядов скорее прикончить Бадмажапова и его спутника, а тела их выбросить к ним на осмотр.

Предчувствуя недоброе, Бадмажапов потихоньку спрятал за пазуху револьвер и не вынимал оттуда правой руки, невольно сжимавшей рукоятку его, в левой же руке держал пачку патронов. Сидевшим впереди, на их требование немедленно уйти, мой спутник ответил: «Обождите немного и дайте мне возможность переговорить с посланным в китайский ямынь: выяснив дело, я немедленно уеду!». Толпа вняла было вежливой просьбе Бадмажанова и удалилась во двор, очевидно, для совещания. Полуторачасовой напряженный разговор утомил моего спутника и не столько физически, как нравственно. Не успел он вздохнуть свободнее, как толпа, ещё более многочисленная и ещё более возбужденная, ворвалась в коридор и заградила выход, крича и всячески понося моего спутника и требуя немедленного удаления его из Хор-гамдзэ. Бадмажапов продолжал стоять на своем, надеясь, что посланный к китайцам, наконец, явится; но последнему, как оказалось впоследствии, не было возможности протискаться к нему через огромную толпу черни, занявшей не только все ближайшие улицы, но и крыши домов. Самая же отчаянная компания с зверскими, налитыми кровью глазами, то приходила в коридор, то

его оставляла и наконец явилась в последний раз и, подойдя к порогу, уже не уходила, а грозила схватить Бадмажапова, если он, на их последнее требование немедленно удалиться, останется в комнате.

Неизвестность того, что происходит с остальными людьми на улице, где шум увеличивался, невозможность сговориться с дикой разбойничьей толпой не оставляли моему спутнику другого исхода, как уехать из Хор-гамдзэ, о чем он и объявил ближайшим тибетцам; при этом попросил их оставить коридор, битком набитый туземцами, и дать ему дорогу. Но толпа озверевших тибетцев предложила Бадмажапову итти между нею, иначе говоря, она решила схватить его в тесноте, где мой спутник не мог бы и руки освободить из-за пазухи, или просто заколоть его мечами. Тогда он вынул револьвер и объявил тибетцам, что если они не очистят коридора, то он половину их перестреляет. Это заявление подействовало, и толпа быстро освободила дорогу из дома, но заняла весь двор. Выйдя с своим спутником на лестницу, он и здесь с револьвером в руке потребовал удаления толпы из двора, что она также исполнила. Со двора Бадмажапов направился к воротам и на улицу, где были его люди с караваном. При его появлении в воротах толпа отхлынула, и глазам Бадмажапова представилась следующая картина: Дадай, Чакдур, лхасец, проводники и избитый дэргэский хондо стояли, прижавшись к стене, с лицами, почерневшими от ужаса. Как потом Бадмажапов узнал, они натерпелись страха, да и было от чего. Толпа в буквальном смысле приперла их к стене и не давала им покоя в продолжение шести с половиной часов, проведенных в свою очередь Бадмажаповым без движения в тесном помещении, и всячески над ними издевалась. Особенно набрался страху Чакдур, на которого точил зубы один отъявленный разбойник; последний говорил, обращаясь к нему: «Ты монгол! а... это хорошо! да какой же ты молодой и толстый! Вот эта моя сабля ещё никогда не рубила монголов, и я теперь очень радуюсь, что она поработает на твоей круглой шее». При этом негодяй вынимал клинок и, посматривая на Чакдура, пробовал пальцем лезвие сабли. — «Вы, — обращаясь к толпе, говорил тибетец, — оставьте мне этого монгола, я его убью, а сами займитесь другими...».

Однако, при появлении Бадмажапова на улице, толпа и здесь отступила и он с своими спутниками, пользуясь замешательством тибетцев, вскочил на своих лошадей и направился вон из города. Теперь он был уверен, что его маленький караван спасен и благополучно выберется от недругов, начавших бросать в них камнями, глиной, сопровождая все это площадной бранью. Летели в моих людей камни и сверху, с крыш домов; все, за счастливым исключением Бадмажапова, были побиты; особенно серьезно пострадал дэргэский хондо, который был жестоко избит ещё тогда, когда Бадмажапов сидел в фанзе; его,

Гора Таву-голэ. Хребет Русского Географического общества

несчастного, били беспощадно и таскали по земле за длинные волосы; в конце концов отняли саблю и шаль, повязываемую вокруг головы.

Таким образом толпа хоргамдзэсцев провожала моих посланных за черту города и только там стала частями отставать от них, но зато отряд конных тибетцев следовал за ними до селения Тэвунго, где Бадмажапов расположился на ночлег.

Итак, моему спутнику не только не пришлось выполнить поручений, но не удалось даже видеться с местными властями и познакомиться с городом. Некоторые сведения о Хор-гамдзэ, о населении, торговле и административном делении Хорского округа Бадмажапов собрал лишь на обратном пути. Сведения эти не полны, конечно, но всё же могут дать некоторое понятие об этой интересной стране.

Хорский округ, или Хор-карна-шог, как его называют сами туземцы, граничит на востоке и юго-востоке с областью Ньярун, на юге — с хошуном Таяк, на юго-западе, западе и северо-западе — с Дэргэ и, наконец, на севере и северо-востоке — с кочевьями нголоков. Хор-карна-шог делится на пять хошунов: Кансар, Мансар, Бэрэ, Дэву и Дза-хог. Жители первых двух хошунов проживают частью в городе, частью в его окрестностях. Начальник хошуна Кансар, проживавший также в городе, был убит во время ссоры, перешедшей в вооруженное столкновение тибетцев двух городских хошунов, враждовавших между собой; результатом этих происшествий и явилась неурядица в городе. Бóльшая часть обитателей этих двух хошунов живет оседло, и только незначительное число их ведет кочевой образ жизни, перенося свои черные банаги на севере в горах, и занимается исключительно скотоводством. В рассматриваемых двух хошунах считается до 1 400 семейств. Хошун Бэрэ, численностью в 550 семейств, состоит главным образом из кочевников, живущих в горах по левому берегу Ялун-цзяна; и наконец хошуны Дэву и Дза-хог, в числе от 1 200 до 1 300 семейств, живут частью оседло по обоим берегам Ялун-цзяна, вверх от Хор-гамдзэ, частью кочуют в горах, расположенных по его левому берегу.

Каждый хошун управляется своим хошунным начальником, не зависящим ни от кого, за исключением будто бы китайского чиновника, власть которого однако номинальна. Звание хошунного начальника наследственно.

Монастырь и город Хор-гамдзэ расположены среди лёссовых холмов, сбегающих от гор к левому берегу Ялун-цзяна. По словам тибетцев в монастыре считается по штату до 5 тыс. лам-желтошапочников, тогда как налицо их состоит не более половины. В этом числе значится, по показаниям одних, 18 хутухт, по показаниям же других — 13. Храмы монастыря, повидимому, очень богаты, красивы, и

некоторые из них имеют на кровлях небольшие золоченые «ганчжиры». Все монастырские постройки приличны и обнесены каменной стеной, имеющей в высоту до 4 аршин (3 *м*), при толщине в 2 фута (более 0,5 *м*), и обмазанной снаружи белой глиной.

Этому монастырю подчинены все вообще монастыри и кумирни округа Хор-карна-шог; число их достигает солидной цифры — 60. Бóльшая часть монастырей, расположенных в окрестности Хор-гамдзэ, населена ламами, исповедующими учение Цзонхавы; значительно меньшая часть — толков красного и так называемого гарчжива. Главный контингент лам, живущих в монастыре Хор-гамдзэ, состоит не только из уроженцев собственного округа, но среди них немало лам родом из Дэргэ, Ньяруна, Таяка и других мест Восточного Тибета.

В городе числится до 700 домов с населением в 2 500 человек, включающихся в состав двух упомянутых выше хошунов — Кансар и Мансар. Из городских построек особенно выделяются два больших дома, принадлежащие начальникам этих хошунов. И здесь дома построены из дикого камня при посредстве глины и дерева, в два-три и более этажей, и обнесены высокими каменными стенами. В городе и окрестностях очень часто встречаются постройки китайской архитектуры; особенно много их в главном монастыре.

Помимо тибетцев, в городе проживают до 150 человек китайцев, принадлежащих главным образом торговцам и ремесленникам: кузнецам, оружейникам, серебряных дел мастерам, столярам, плотникам, портным и другим; постоянного местожительства они, однако, здесь не имеют, а разъезжают из Хор-гамдзэ по всему хорскому округу, имея для этой цели на руках паспорта из управления Цзун-и.

Всех китайских лавок в городе считается до 20, принадлежащих трем-четырем более или менее солидным фирмам, которые имеют здесь склады товаров, распространяемых среди тибетцев при посредстве пришлых со всех концов Китая бедняков-китайцев. Последние, являясь в Хор-гамдзэ без всяких средств, обращаются к богатым ламам, ссужающим им серебро по 14% в год, за порукой разбогатевших соотечественников тех, которые занимают деньги.

Китайский ямынь Цзун-и невелик; чиновник маленького ранга присылается сюда для «видимого» управления тибетцами на установленный срок согласно распоряжению сычуаньских властей. При чиновнике находится переводчик и конвой в шесть человек солдат.

Главное занятие тибетского городского населения Хор-гамдзэ — земледелие, подспорьем которому является разведение свиней и кур, составляющих между прочим предмет торговли для местных или, точнее, коренных обитателей. Так как через Хор-гамдзэ проходит большая караванно-торговая дорога из Сы-чуани в Лхасу, по которой также провозят необходимые в обиходе кочевников предметы и в пределы

обитателей северного сининского Кама, то среди хоргамдзэсцев и прилежащих к дороге поселян вообще хорского округа многие занимаются извозом. Первостатейным предметом, провозимым здесь в громадном количестве, является, конечно, кирпичный чай, которым почти ежедневно пополняются склады в Хор-гамдзэ, Чжэрку и других придорожных пунктах, откуда новые подрядчики грузят свои караваны для дальнейшего отправления.

Обитатели округа Хор-карна-шог одеваются так же или почти так же, как и прочие тибетцы. Кроме шубы или халата из шерстяной, а нередко и из шелковой материи, городское население носит штаны и китайские сапоги. Женщины поверх шубы, в месте талии, застегивают широкие до четверти аршина (около 20 *см*) пояса, покрытые снаружи красной или синей материей и украшенные раковинами, бусами и серебряными или медными бляхами. Помимо этой особенности в женском наряде мой спутник отметил ещё более частое применение хорскими женщинами и девушками белого квадратного платка, обшитого по двум противоположным углам красной материей, приспособляемого в виде пояса, связываемого спереди отмеченными углами.

Мужчины или стригут свои волосы, или заплетают их в длинные одиночные широкие косы, не имеющие однако тех убранств, которые мы видели на косах нанчинцев, чамдосцев, лхадосцев, дэргэсцев и других. Длинных, распущенных волос, нечесанных и лохматых, здесь уже не встречается. Среди хорских женщин также не принято украшать волосы, заплетаемые, впрочем, одинаково с тибетками прочих округов Восточного Тибета.

Между городскими женщинами Бадмажапов видел и таких, которые были одеты по-китайски, то-есть в матерчатые халаты китайского покроя с широкими рукавами, обшитыми по краям лентами и позументом; это были, по словам тибетцев, местные китайские жены или просто наложницы.

После приобретения всего наисущественнейшего для экспедиции, а также и промена наиболее усталых хайныков и лошадей, мы отпустили дэргэского тонкора и лхасских хондо, одарив их всех отечественными предметами на память и снабдив деньгами и продовольствием на время их пути к местам службы.

С отъездом чиновников наш бивуак не утратил оживления, так как местные обитатели нас посещали попрежнему, равно заглядывали и проезжие, и многочисленные нищие, промышлявшие одиночками или группами. Камские нищие, как и везде эти болезненные отпрыски человечества, в большинстве случаев поражали своей худобой, грязью, рубищем и побирались подаянием на ходу от селения к селению, от палатки к палатке. Некоторые из них одевают на головы маски,

изображающие домашних животных или зверей и пляшут перед жилищами под такт своих песнеобразных прославлений и всевозможных лучших пожеланий. Однажды нам пришлось увидеть, здесь же в Бана-джуне, двух нищих с отличительным нищенским атрибутом, называемым монголами «дулдуй». Орудие это, вращающееся с нанизанными на стережень побрякушками, есть достояние таких нищих, которые состоят под непосредственным покровительством кумирен. Каждый тибетец может пожертвовать на убранство дулдуя, что пожелает: один дает монету, другой раковину, третий четки, иной кольца, бусы и прочее. Нищие с дулдуем громко поют, правильнее было бы сказать — кричат, произнося отрывки из первоначальной истории жизни Будды, чем дают возможность последователям буддизма лишний раз вспомнить о том, что и их первый учитель имел такой же образ, как и они, проповедуя свое учение [1].

Между тем весна надвигалась все больше и больше: солнце грело ощутительно, берега речек отрадно зазеленели, над журчащими ручьями, в затишье, порхали бабочки, почти ежедневно с начала апреля стали появляться прилетные птички. То были: Chaemarrhornis leucocephala, краснохвостка (Phoenicurus frontalis), соловей Чебаева (Calliope pectoralis Tschebaiewi), вертишейка (Jynx torquilla), розовая шеврица (Anthus rosaceus), желтая плиска (Motacilla citreola citreoloides), сорокопут (Lanius schach tephronotus) и другие.

Днем преобладала облачность, по ночам ясность и свежесть, так как температура все еще спускалась ниже нуля, до —6,6°.

15 апреля сборы в дальнейший путь были закончены, и на следующий, серенький, день экспедиция направилась вниз по речке Сэрчю. Как всегда, первый переход после продолжительной стоянки был совсем маленький, всего лишь около 5 верст, но зато мы в тот же день и переправились через Ялун-цзян.

Общий характер долины Ялун-цзяна оставался прежний, в частности же произошло небольшое изменение: выше переправы на протяжении 10 верст эта река несется почти в меридиональном направлении, прижимаясь к подножью восточных склонов гор; далее круто уклоняется в широтном; затем вновь принимает северо-западное — юго-восточное простирание. Местами Ялун-цзян плавно проходит в просторной долине, местами яростно прыгает и оглушительно шумит, ударяясь о пороги и береговые сланцевые [2] скалы или конгломератовые и глинистые обрывы.

Северные и южные притоки — многочисленные речки, речонки и ручьи — ещё стремительнее катятся по каменистым крутым руслам.

---

[1] О дулдуе см. Позднеев. «Очерки быта», стр. 94—95.

[2] Сланец кварцево-глинистый, несколько слюдистый, черный.

Боковые ущелья прилежащих гор покрыты на южных склонах преимущественно луговой растительностью, на северных — древесной и кустарниковой. Долина же Ялун-цзяна, по крайней мере до кумирни Энток-гомба, отведена под культуру хлеба и поэтому ютит сплошное земледельческое население. Довольно порядочно возделанные поля чередуются с серыми каменными или глинобитными жилищами, расположенными группами и поодиночке. Кое-где виднелись развалины, которые туземцы делят на две категории: более древние они относят ко времени владычества монголов-шайголов, новейшие же приписывают вторжению в их область воинственного Ньяруна, временно водворившего здесь своих подчиненных, которых, однако, не потерпели и изгнали не менее воинственные нголоки и хорцы.

До селения Санка, расположенного при впадении речки Дэн-чю, экспедиция отметила две кумирни — Бэнгэ-гомба и Дэнчин-гомба. Первая небольшая, всего лишь в 40 человек лам, принадлежащих толку гарчжива, стоит на правом берегу Ялун-цзяна; вторая, вмещающая в своих стенах до 100 лам-красношапочников с хамбо-ламою во главе, красуется в отдалении левого берега, на высоком горном скате.

В соседстве Дэнчин-гомба и на окраине селения Санка, у векового тополя-великана, имевшего свыше двух обхватов вблизи основания, мы простояли бивуаком два дня, в течение которых наши переводчики вели непрестанные разговоры с тибетцами. Дело в том, что именно здесь проходит граница дэргэсцев, лингузцев и дунзасцев, так или иначе желавших скорее избавиться от нас. Более несговорчивыми и даже враждебно настроенными по отношению к экспедиции оказались лингузцы, которые, по словам знакомых нам дэргэсцев, приготовились врасплох напасть на наш караван в месте первой теснины Ялун-цзяна с целью не только воспрепятствовать проходу, но и ограбить нас.

Пока шли длительные, разноречивые и в высшей степени скучные переговоры, мы познакомились с местной орнитологической фауной. По низменному прибрежью речки Дэн-чю, перед впадением её в Ялун-цзян, обильно росла облепиха и другие кустарники, среди которых, там и сям, выдавались луговые зеленые площадки с родниками и болотцами. В этой местности держались краснохвостки, соловьи, пеночки, завирушки, синицы; над прозрачными водами Дэн-чю осторожно пролетала речная скопа (Pandion haliaëtus), ни разу не подвернувшаяся под выстрел. По утрам, в кустарниках, звонко голосил зеленый дятел (Picus canus guerini), в особенности после того, как пара этих птиц была разрознена препаратором.

Последний значительный лес на нашем пути, по ущелью Ло-чю, отстоявшему в 3—4 верстах от бивуака, привлек нас также с целью охоты. В этом лесу мы наблюдали в последний раз белых ушастых

фазанов, зеленых всэре, кулюнов и рябчиков. Из мелких птичек, частью добытых, частью только замеченных нами, можно указать следующих: золотистоголовых дятлов (Picoides tridactylus funebris), пищух-пополэней, хохлатых синиц, красных вьюрков и немногих других. В недоступных человеку скалах противоположного склона ютилась пара бородатых ягнятников, занятых воспитанием птенцов. Что касается до зверей, то из числа последних прослежены лишь серый волк, заяц и кабарга; некоторые из местных охотников говорили нам, что в ущелье Ло-чю встречаются и джара, и олени, и козули, но мы этих зверей здесь не встретили.

Ввиду получения более достоверных слухов, подтверждавших явно враждебное отношение к нам лингузцев, которые сосредоточивали значительные силы в месте теснины Ялун-цзяна, я решил следовать восточнее, вверх по Дэн-чю, через владение дунзасцев, с тем, чтобы, по миновании опасного для движения каравана сужения долины, вновь вступить на Ялун-цзян и держаться заранее намеченного пути, ведущего по направлению к озерам верхней Хуан-хэ, а следовательно и к Восточному Цайдаму.

Хошун Дунза расположен по берегам речки Дэн-чю и в прилежащих к ней с востока горах, ничего определенного не знает о времени образования своего и о событиях, сопровождавших начало его существования. Дунзасцы говорят, ссылаясь на показания стариков, что хошун их известен очень давно и основание ему положили выходцы нголоки, дзачюкавасцы и хорцы.

Этот разбойничий хошун, насчитывающий в себе 850 семейств, никогда не считал себя подчиненным кому-либо. Он не признает ни власти китайцев, ни власти Лхасы и живет или, по крайней мере ещё 80 лет тому назад, жил совершенно обособленно. Сами дунзасцы разделяют свои владения на три района: верхний, средний и нижний и поэтому называют их «Дунза-кон-вар-иок-сум», то-есть «три соединенных Дунза». Верхний Дунза состоит из 200, средний — из 300 и нижний — 350 семейств. Обитатели первых двух районов ведут кочевой образ жизни и занимаются скотоводством, нижний же Дунза населен земледельцами; и кочевники-скотоводы и оседлые дунзасцы проводят свой досуг в поездках на охоту или грабеж.

Около 80 лет тому назад дунзасцы воевали с одним из хорских хошунов — Мансар, и хотя были им побиты, но всё же власти Мансара не признали, как не признают её и теперь, и не только не платят ему никаких податей, но не несут и подводной повинности, если случится кому-либо из хорских начальников проезжать по дунзаским владениям.

Главного начальника над всем Дунза нет, но имеются три равноправных наследственных управителя, по одному на каждый

район, которые и ведают с одной стороны делами частного характера, с другой — делами общими, касающимися всего хошуна. Каждый район или отдел хошуна носит название своего начальника: «кон», или верхний, — Сочжам, «вар», или средний, — Идам и, наконец», «иок», или нижний, — Манида. При начальниках каждого отдела состоят по 3—4 советника и от 7 до 10 простых исполнителей приказаний.

Обитатели этих самостоятельных отделов Дунза живут между собой дружно и в важных случаях собирают совет, решению которого беспрекословно подчиняются все дунзасцы.

Проходя по местностям с оседлым населением, мы нигде не видели столь хорошо вооруженных тибетцев, как Дунза; здесь даже старики имеют кроме ружей длинные пики и по две сабли — одну подвешенную сбоку, другую заткнутую спереди за пояс. Даже во время пастьбы скота мужчины не расстаются с ружьем. В Дунза же между прочим мы не замечали обуви, сшитой из материй; здесь её приготовляют из кож маралов и других зверей, за которыми при случае охотится все мужское население.

Язык дунзасцев настолько не сходен с языком или наречием дэргэсцев, лингузцев и нголоков, что наш Дадай, хорошо говоривший со всеми указанными тибетцами, совсем не понимал обитателей описываемого хошуна. Говорят, что и обычаи дунзасцев сильно разнятся от обычаев соседей, но вследствие очень непродолжительного времени, проведенного нами среди этих интересных тибетцев, собрать и записать их нам не удалось. Народ выглядит здоровым, жизнерадостным, смелым и воинственным. Многие из обитателей этого хощуна с гордостью показывали нам свои огнестрельные и колотые или рубленые раны, полученные ими в стычках с соседними тибетцами. Длинных, растрепанных волос и кос среди мужского населения дунзасцев мы не видели. Гордые всадники, стройно проезжавшие вблизи нашего лагеря, на небольших, но крепких и сытых конях, бряцая оружием и седельным убранством, всегда вызывали с нашей стороны похвалу и одобрение, а со стороны моих цайдамских спутников удивление и зависть.

В дунзаском хошуне имеется, по словам одних, три, а по словам других — четыре кумирни; но эти кумирни не постоянные; как и кочевые обитатели, местные ламы с наступлением лета поднимаются с низовья долины в горы, к определенным местам, где и расставляют огромные палатки, убирая их церковной утварью, бурханами, книгами, и открывают богослужение. В зимнее же время кумиренные палатки со всеми их принадлежностями хранятся у старших лам.

Как уже говорено было выше, дунзасцы особенно дружат с нголоками и вероятно от них-то и заимствовали привычку грабить. Всякий, попавший сюда, действительно, рискует быть ограбленным, если

не достаточно вооружен и малочислен, чтобы постоять за себя. Кроме того дунзасцы исключительно для грабежа нередко предпринимают отдаленные поездки на северо-запад к границам сининского Кама и в кочевья Дза-чю-кава. Для таких поездок партия дунзасцев в 5—20 человек предварительно испрашивает разрешение своего начальника, который никогда в таких случаях не отказывает. Если грабительский разъезд возвратится домой с добычей, то лучшая часть её добровольно подносится начальнику своего района или отдела.

В том случае, когда можно ожидать мести, начальник отдела хошуна, принимая подношение, делает тотчас же распоряжение среди своих подчиненных об охране проходов на границе и о надлежащей встрече мстителей.

Речка Дэн-чю, по берегам которой обитают дунзасцы, является одним из многочисленных левых притоков верхнего Ялун-цзяна. Простираясь от северо-северо-запада на юго-юго-восток до 80 вёрст, Дэн-чю только в нижнем течении достигает в ширину 8 или самое большее 10 сажен (16—20 *м*), при глубине в местах бродов около полутора футов (0,5 *м*) в весеннее время и значительно более в летний период; по мере же удаления вверх размеры её постепенно сокращаются. Благодаря крутому падению каменистого русла эта речка течет очень быстро, громко бурля своими грязными волнами. Описываемая речка местами извивается по широкой долине, местами прорывает сужение, слагающееся из серых глинистых сланцев.

Как долина, так и окаймляющие её горы очень богаты всякого рода растительностью, характеризующей вообще бассейн верхнего Ялун-цзяна и могущей прокормить многочисленные стада кочевых обитателей этого хошуна. Оседлое население проникает со стороны главной реки всего лишь на расстояние 10 вёрст.

Медленно двигаясь вверх по низовью Дэн-чю до правого её притока Гэ-чю и этим последним до урочища Гикок, мы таким образом провели в дунзаских владениях около недели, располагая тремя стоянками. С первого дня вступления в этот разбойничий хошун к нам смело заглядывали его обитатели и обитательницы, с одной из которых удалось снять и фотографию. Многие дунзаски по долинам речек собирали джюму, разрывая землю полудеревянной, полужелезной трехзубчатой копалкой, напоминающей собой небольшие грабли. Мужской же элемент или пас стада, или праздно слонялся от одного соседа к другому.

Убедившись в нашей постоянной бдительности и готовности постоять за себя, эти тибетцы вскоре оставили свой затаённый план напасть на нас; наоборот, стали уверять в своем лучшем расположении и доверии к нам, доказательством чего могло служить их своевременное уведомление об опасности, грозившей экспедиции со сто-

роны лингузцев. Действительно, по мере нашего большего знакомства с дунзасцами и по мере приближения к новому отвороту пути на реку Дза-чю, стало выясняться, что лингузцы всерьез готовятся воевать с нами, для чего, убедившись, что мы направились в обход их укрепленной теснины, передвинули свой отряд выше, для оказания противодействия нашему движению с другой стороны, на перевале Биму-ла, отстоявшем от последней нашей стоянки среди дунзасцев в 7 верстах.

На этой стоянке, в области отличных альпийских пастбищ, мы устроили днёвку, чтобы покормить своих животных перед дальнейшей более трудной горной дорогой. Сюда же втихомолку от нас приезжало двое лингузцев, в целях, через дунзасцев, запугать нас известием, что они уже заняли наш перевал и что будто бы их отряд поклялся умереть, но не пустить нас в их владения. Передавая нам всё это, дунзасцы удивлялись непроявлению никем из нас страха перед таким храбрым и многочисленным войском и нашему решению принять бой и начать готовиться к нему — протиранием своих ружей и пополнением боевого комплекта патронов. Надо было видеть, с каким глубоким вниманием дунзасцы следили за разборкой и сборкой винтовок. Целыми часами они просиживали в застывших позах, глубокомысленно смотря на нас, на наши манипуляции с ружьями. Открытая решительная готовность с нашей стороны, конечно, способствовала устрашению дунзасцев, а через них косвенным образом и наших неприятелей, так как первые постоянно сносились со вторыми, стараясь быть примирителями враждующих сторон.

Мое предварительное знакомство с северным скатом перевала Биму-ла заставляло предполагать, что тибетцы отлично защищены гребнем и что нам будет очень затруднительно штурмовать их по причине открытой местности, круто спускавшейся к речке, по которой мы должны были следовать к перевалу. К тому же значительная абсолютная высота — 14 — 15 тыс. футов (4—4,5 тыс. *м*) потребует значительного напряжения физических сил.

Тихая, полуясная ночь прошла довольно спокойно, как равно и слегка морозное раннее утро 25 апреля, когда экспедиционный караван медленно, но в то же время и бодро двигался вверх по Гэ-чю, держась сосредоточенно. Мелодичное пение соловья долго не прерывалось, между тем солнце уже осветило вершины соседних гор, тонкоперистые облачка медленно плыли к востоку, сбиваясь в сплошную пелену, тогда как на западе небосклон прояснялся все больше и больше. Сдержанный людской говор давал понять, что отряд глубоко проникнут предстоявшим событием. Все внимательно следили за соседними горами, но всего больше, разумеется, за той частью гребня, где расположился неприятель. Наконец показался и он сам: почти

одновременно на трех соседних плоских вершинах Биму-ла заволновались тибетцы в развернутом конном строю. Громкие голоса местных воинов, мастерски выводивших своеобразные высокие трели, слились в общий дикий концерт, нарушивший тишину утра в горах. Минут через пять голоса тибетцев смолкли, затем повторились ещё и ещё. Мы продолжали двигаться до подошвы главного ската перевала, отстоявшего своей вершиной на расстояние одной версты, где временно остановились, чтобы подтянуть потуже подпруги, самим полегче одеться и ещё раз осмотреть оружие. Тем временем на гребне северной цепи гор показалась партия человек в 25 других тибетцев, оставшихся для нас неизвестными. Число же лингузцев простиралось от 250 до 300 человек. На сей раз наши недруги покрикивали или одновременно с двух сторон, или же поочередно, словно переговариваясь о чем-то.

Так как между нами и лингузцами на первом уступе гор залегали скалистые обнажения, за которыми могла находиться неприятельская засада, то я, приказав каравану осмотрительно двигаться на перевал, сам с А. Н. Казнаковым и Бадмажаповым, постоянно при мне находившимся, поехал налегке вперед с целью возможно скорее обогнуть каменистую преграду. К нашему благополучию лингузцы не воспользовались этим естественным передовым укреплением, и мы, миновав его, были снова на открытом луговом скате, обеспечивавшем свободное движение каравана. Едва мы показались здесь, как тибетцы ещё грознее завопили на всевозможные лады и тотчас же, несмотря на довольно большую для их ружей дистанцию — в 600 шагов, одновременно с трех вершин открыли огонь из своих фитильных ружей. Благодаря их командующему положению тибетские пули по инерции долетали до цели, шумя и свистя то тут, то там. Наши лошади испуганно озирались, всхрапывали, и мы принуждены были их отпустить к каравану, сами же, разделившись поодиночке, в свою очередь, открыли огонь по тибетцам. Я обстреливал восточную вершину, Бадмажапов среднюю, А. Н. Казнаков правую или западную; наша единственная боевая линия вначале состояла из трех человек и должна была противодействовать дикарям, которые в данный момент были почти в сто раз многочисленнее нас.

Медленно двигаясь вперед, мы по временам присаживались и пускали в тибетцев пули. Как уже и говорено было выше, стычку пришлось вести на высоте около 15 тыс. футов (4 570 *м*) над морем, где разреженный воздух давал себя чувствовать даже и привыкшим организмам. По мере нашего приближения к перевалу и по мере того, как наша боевая линия усиливалась людьми, прибывавшими от каравана, а следовательно усиливался и наш огонь, тибетская пальба стихала; разбойники показывали одни лишь головы; ещё же через пол-

часа или час, когда мы уже в числе 10 человек благополучно поднялись на гребень, последний был свободен. Разбойники со страхом, подобно горному потоку, бежали по крутым ущельям на юг, по направлению к Ялун-цзяну. Мы не скупились на выстрелы и далеко проводили негодяев огнем наших винтовок.

После временной остановки на перевале, откуда были отпущены проводники, боявшиеся следовать по лингузским владениям, мы направились в сторону убежавших грабителей и — как всегда при обыкновенном движении каравана — совершенно тихо, спокойно, обеспечив на случай оба фланга разъездами. Внизу, по главному ущелью, там, где слева впадало другое — в стрелке, разбойники вновь засели, условившись, как впоследствии выяснилось, с прибывшим в подкрепление отрядом в 100 человек, засевшим ещё на версту ниже, ударить на нас одновременно с двух сторон; кроме того часть грабителей разместилась в промежуточных скалах, намереваясь произвести ещё больший беспорядок в нашем караване, спуская по крутизнам каменные глыбы. Как видно, тибетцы не лишены понятия о приспособлениях к местности и сумели устроить для нас хорошую ловушку. По счастью экспедиции засада их была открыта во́-время нашим разъездом, ехавшим по командующим гребням гор. Верхние разбойники, ожидавшие, что караван экспедиции направится по главному ущелью, были вполне разочарованы неожиданным огнем, открытым по ним со скалистых вершин нашим передовым отрядом. Нижний же отряд лингузцев на раздавшиеся выстрелы тотчас выскочил из засады и поскакал к месту действия, но, встретив на пути, вместо ожидаемых русских, своих собратьев, неудержимо стремившихся вниз по ущелью, примкнул конечно к общему отступлению.

Итак, во второй стычке участвовал лишь передовой или вернее боковой разъезд, тогда как наши главные силы — 10 человек! — удачно соразмерив движение и во-время подоспев к огню с фланга, не могли принять участия в отражении разбойников, так как навстречу нашего каравана выехало двое лам-посредников, чтобы упросить меня прекратить стычку с их единоверцами. Едучи вместе с посредниками, мы были свидетелями, в каком паническом страхе бежали разбойники. Громкое эхо скорострелок, крик тибетцев и ржанье их лошадей — всё смешалось в общий гул, стоявший в ущелье долгое время.

Условившись с ламами-посредниками о мире, я велел одному из них немедленно скакать вслед за лингузцами с приказанием последним нигде, на нашем дальнейшем пути, не показываться вооруженными, иначе мы будем стрелять в каждого из таких туземцев. Предписанное условие лингузцы строго исполнили, и мы благополучно миновали третье и последнее заграждение, где разбойники намеревались

было ещё раз попытать счастья, но после конной атаки, произведенной на них небольшой частью нашего отряда, во главе с А. Н. Казнаковым, тибетцы вынуждены были, наконец, признать себя побеждёнными.

За оба раза всеми нами было выпущено около 500 патронов. По словам тех же лам-посредников и некоторых местных воинов, приходивших потом на наш бивуак, под видом мирных обитателей, тибетцы понесли значительные потери людьми и лошадьми, но выяснить их более или менее определенно, благодаря крайней скрытности лингузцев, не удалось. Курьезно, что и эти тибетцы верили в чары русских, отвлекавших от себя неприятельские пули, в чем будто бы убедились их лучшие стрелки, стрелявшие в нас из засады чуть не в упор, но тем не менее дававшие промахи. Русское же ружье, по мнению тибетцев, бьет ужасно далеко и от его пули ни камни, ни земля, ни деревья не защищают — она все разрушает. Слава нашей трехлинейной винтовки пронеслась по Восточному Тибету и обеспечила успех экспедиции.

Перевал Биму-ла, поднятый над морем на 14 980 футов (4 570 *м*), делит северноялунцзянскую цепь, или точнее её отдельное звено, заключенное между речками Дэн-чю на востоке и Гон-чю на западе, на две равные части. Северный склон этих гор, примыкающих к плато, не так крут и широк, как южный склон, обрывающийся к глубокой долине Ялун-цзяна. Отмеченная высота перевала очень немногим уступает высоте общего гребня гор, имеющего мягкие очертания. С вершины перевала Биму-ла открываются далекие виды в северо-восточном и юго-западном направлениях. В первом из них выделялись горы, чуть-чуть запорошенные снегом, названные нам дунзасцами «Хорскими горами», во втором ярко блестели вечноснеговые вершины Дэргэского хребта, той его части, которая прилегает к альпийскому озеру Юлюн-мцо.

Зверей на перевале мы не видели, так как они были распуганы многолюдством и пальбой; из птиц же замечены одни грифы, кружившие над местами, обагренными кровью убитых и раненых тибетцев. Трупов последних на самом гребне однако не оказалось, но пониже, кое-где, среди высокой кустарниковой и травянистой заросли, они были обнаружены, благодаря тем же грифам и черным во́ронам.

Богатейшие пастбища тянутся от самого гребня до реки Ялунцзян. Узкое, крутое ущелье речки Амук-сэрлон-чю по мере удаления от главных вершин обогащается водой на счет боковых притоков, обнажающих серый, мелкозернистый, глинисто-слюдистый песчаник в среднем и нижнем поясах гор и зелено-серый тонколистый кварцево-глинистый сланец с отпечатками, напоминающими водоросли, исключительно в нижнем, подле кумирни Энток-гомба, где кроме того

встречается и песчаник, уже прослеженный нами в северном подножье хребта пандита А-к, а именно в ближайшей окрестности Бана-джуна — песчаник серый, мелкозернистый, глинистый, с мелкими вкрапленностями кубиков пирита. Как долина Ялун-цзяна, так и ближайшие горные склоны прикрыты мощным пластом буро-желтого, несколько пористого известковистого суглинка с мелким щебнем и серого известкового ила, содержащего также мелкий щебень, развитого по прибрежным террасам, отведенным под окраинные ялунцзянские пашни, засеваемые ячменём.

В низовье речки Амук-сэрлон-чю, в 1,5 *км* от её впадения в Ялун-цзян, дорога поднимается на горный мыс по невысокому, но очень крутому перевалу Лаги-ла, который, подобно восточному ущелью Гузан-да и прилегающим к нему частям главного, был искусно забаррикадирован большими и малыми каменными обломками, готовыми при слабом прикосновении к ним упасть и раздавить караван. С другой же стороны эти нагромождения служили тибетцам прикрытиями, из-за которых они обыкновенно стреляют в неприятеля.

С вершины горного мыса открывается красивый вид на долину извилистого Ялун-цзяна, с шумом катившего свои серые блестевшие воды. Отдаленный гребень южных гор местами был покрыт снегом. Долина Ялун-цзяна, вообще говоря, не широка, скорее узка, будучи местами сдавливаема подножьями тех и других гор. Прибрежные террасы пестрели распланированными полями и отдельными домами-фермами. Из жилых построек, напоминавших крепостцу, резко выделялось белое здание кумирни Энток-гомба, приютившейся на крайнем выступе горного массива.

Спускаясь по змееобразной тропинке в долину и проходя среди домов тибетцев, мы нигде не видели самих туземцев, за исключением нескольких женщин и детей, почтительно кланявшихся нам и с любопытством и страхом смотревших на наш караван.

Впоследствии лингузцы неоднократно говорили нашему переводчику Дадаю, что они были очень глупы, открыв с нами военные действия, и что небольшому пилинскому отряду никакой многочисленный состав тибетских воинов не должен быть страшен.

Характер реки Ялун-цзяна оставался прежним; и здесь она неслась стремительно, как и при селении Санка, и в этом месте ее окаймляли высокие обрывистые берега, подмываемые волнами. Уровень Ялун-цзяна даже в наше короткое пребывание колебался чуть не на целый метр; прибыль воды обусловливалась таянием снега в вершинах боковых речек и выпадением дождя [1]. Береговые террасы

[1] На основании показаний туземцев, Ялун-цзян, выше впадения правого притока Нам-чю, замерзает сплошь на два самых холодных месяца, а ниже — только участками и на меньший срок.

отрадно зеленели всходами хлеба. Местное население жило, повидимому, в достатке; на ближайших косогорах везде паслись стада домашнего скота — яков, баранов, небольшие косяки лошадей, мулов, ослов. Из птиц у местных лингузцев содержались только куры, яйца которых тибетцы так высоко ценили, что мы отказывали себе в удовольствии лакомиться ими.

Небольшая и небогатая лингузская кумирня Энток-гомба, подле которой мы бивуакировали, принадлежит последователям толка гарчжива и насчитывает всего лишь около 15 лам, находившихся в разъездах за сбором подаяний. Верстах в двух-трех ниже по Ялун-цзяну на том же левом берегу расположен монастырь Мэнчжи-гомба того же толка, что и первый, но уже с 150 ламами, подчиненными дэргэскому хутухте. Один из заслуженных лам этого монастыря гэцкуй Гасан Дорджи и прибыл к нам навстречу, в день стычки с лингузцами, в сопровождении младшего товарища для переговоров.

На другой день, 26 апреля, по приходе в долину Ялун-цзяна, я отпустил обоих лам на честное слово, с тем, чтобы старший из них в течение двух последующих дней приготовил обещанные им подводы и проводников для дальнейшего пути экспедиции по направлению к дзачюкавасцам, граница которых проходила в 50 верстах выше по Ялун-цзяну. Пока же Гасан Дорджи распорядился доставкой в наш лагерь фуража и топлива и обеспечил вообще дружелюбное отношение к нам ближайших обитателей.

Впоследствии я узнал от дзачюкавасцев, что виновником такого решительного нападения на нас лингузцев был старший лама монастыря Мэнчжи-гомба, предсказавший им блестящую победу над пилинами. После первого же поражения лингузцев на перевале, когда некоторые из них предались постыдному бегству, посылая раненых в монастырь с проклятьем его настоятелю, обманувшему «храбрых» воинов, ламы спохватились и решили немедленно явиться примирителями.

Незадолго до сумерек, ввиду нашего бивуака, занесенного снегом, прошло небольшое стадо козуль. Стройные, красивые звери резко выделялись на чистом откосе гор, выжженном пожаром. Тибетцы с целью ускорения появления молодой растительности нарочно поджигают сухие прошлогодние травы. Дикие жвачные млекопитающие охотно посещают подобные места, но, по словам лингузцев, держат себя крайне строго, во избежание опасности привлечь к себе внимание человека. В последний день апреля мы миновали памятный для экспедиции перевал и вступили вновь на высокое холодное нагорье.

Дальнейший наш путь шел в области плато и верховий небольших речек, одна из которых — Гон-чю — и привела нас через несколько дней на Ялун-цзян, к юго-восточной границе Дза-чю-кава.

Оставив долину, мы вместе с тем оставили и благодатную теплую погоду; на нагорье, которое находится на высоте между 14—15 тыс. футов (4 200—4 600 *м*) над морем, первая майская утренняя заря встретила нас морозом в —14,3°; верхний пояс гор был покрыт снегом, ручьи скованы льдом. Несмотря на это, проглянувшее солнце скоро согрело воздух и вызвало к жизни животное и растительное царства. На взрыхленной пищухами глинистой почве отпечатались следы только что прошедшего медведя; там и сям пробегали робкие антилопы-ада. Из птиц же, помимо крупных хищников, чаще других давали о себе знать тибетские уллары, красноклювые клушицы, земляные вьюрки и снегиревидные стренатки. Неподалеку от плоского болотистого перевала Налисун, поднятого около 15 тыс. футов (4 600 *м*) над морем, В. Ф. Ладыгину, собиравшему при речке Раби-чю цветковые растения, посчастливилось между прочим добыть и китайскую саламандру (Batrachyperus sinensis) — единственную за все время нашего странствования по Тибету; это хвостатое земноводное тибетцы зовут «чури», или «чуджур», что значит «водяная змея».

До перевала Гэни-ла — 14 810 футов (4 520 *м*) абсолютной высоты — наш путь описывал слабую волну, так как проходил по верховьям маленьких речек, вблизи плоскообразных вершин соседних гор. Обнажения горных пород встречались изредка и выражались по речке Раби-чю серым твердым мелкозернистым известково-слюдисто-глинистым песчаником, по речке же Гон-чю бурым слоистым, ноздреватым известковым натеком в верховье и серым мелкокристаллическим тонкослоистым кварцевым известняком с более мягкими светлосерыми бескварцевыми прослоями, обусловливающими при выветривании глубокие, до 5—6 *м*, желобки в среднем течении.

Тем временем Гасан Дорджи съездил на Ялун-цзян и удовлетворительно выяснил вопрос относительно подвод на нашем дальнейшем пути. Дзачюкавасцы явились в наш лагерь на смену лингузцам, которых мы теперь вознаградили деньгами и подарками и отпустили домой.

В заключение этой главы коснемся весеннего пролета птиц.

Пробуждение органической жизни вообще и некоторое весеннее движение пернатых в частности, в этом 1901 году, стало обнаруживаться с февраля месяца, с места зимовки экспедиции, с самого, так сказать, южного пункта нашего пребывания в Восточном Тибете или Каме, и продолжало привлекать внимание до конца, до северной границы этой интересной страны, или, выражая во времени, до половины мая, причём наибольшие отметки касаются исключительно низких, теплых долин, как Меконг, Янцзы-цзян и Ялун-цзян, служащих определенными путями для пернатых странников.

И в эту весну, подобно тому, как и в предыдущую, первой пролетной птицей был коршун черноухий (Milvus migrans), отмеченный

14 февраля при долине речки Рэ-чю. 25-го, на высоком нагорье, показался серый лунь (Circus), впрочем может быть и зимующий здесь; на следующий затем день — турпан (Casarca ferruginea); 27-го вновь замечены коршуны; на этот раз сильно проголодавшиеся птицы в нескольких местах кружились, с целью разыскать себе пищу.

Начало марта было холодное, ненастное: голосов птиц не было слышно. Лишь 5-го числа этого месяца показался краснокрылый стенолаз (Tichodroma muraria); 10-го, при долине Голубой реки, тянули: большие бакланы (Phalacrocorax carbo), чирки (Querquedula), индийские гуси (Anser indicus), хохлатые нырки (Fuligula cristata) и белые плиски (Motacilla alba Hodgsoni).

11 марта появился полевой жаворонок (Alauda arvensis inopinata), давший о себе знать приятной песней; над рекой пронеслась черноголовая чайка (Larus); 13-го прилетела вестница тепла — береговая ласточка (Riparia riparia), а на следующий день черноголовая краснохвостка (Phoenicurus ochruros rufiventris); одновременно напомнили о себе и серые журавли (Grus grus), пролетевшие высоко в небе; 15-го неслись к северо-западу утки-кряквы (Anas platyrhyncha) и уже отмеченные хохлатые нырки и индийские гуси; 16-го — серые цапли (Ardea cinerea) и горная ласточка (Biblis rupestris).

23 марта прилетел удод-пустошка (Upupa epops); 24-го — снегиревидная стренатка (Urocynchramus pylzowi); 25-го — чеккан (Pratincola maura Przewalskii); в этот же день впервые наблюдались черношейные журавли (Grus nigricollis) и опять черноголовые чайки, но в большем количестве нежели прежде; 26-го — улит-травник (Tringa ochropus); 28-го — лунь коричневый (Circus); 29-го — краснохвостка (Phoenicurus hodgsoni).

Следует, однако, оговорить, что с конца марта до половины апреля пролет птиц наблюдался в Бана-джуне, в непосредственной близости долины Ялун-цзяна.

3 апреля, на берегу речки Сэр-чю, показалась изящная белоголовка (Chaemarrhornis leucocephala); а через день, 5-го, её близкая родственница, не менее изящная краснохвостка (Phoenicurus frontalis), последняя, впрочем, была очень худа и утомлена; 8-го, в один и тот же день, прилетели соловьи Чебаева (Calliope pectoralis Tschebaiewi) и розовые шеврицы (Anthus rosaceus); на следующий день, 9 апреля, — вертишейка (Jynx torquilla).

13 апреля, вблизи нашего бивуака, показалась желтая плиска (Motacilla citreola citreoloides); 15-го — парочка сорокопутов (Lanius schach tephronotus); 16-го — опять большие бакланы (Phalacrocorax carbo) и крохали (Mergus); 17-го — речная скопа (Pandion haliaëtus); 18-го, из соседних бивуаку кустов, раздалась звонкая трель пеночки (Phylloscopus affinis), по ущелью пролетали и реяли земляные или

Тибетка Хошуна Дунза

береговые ласточки (Riparia riparia); в этот же день наблюдалась и Tarsiger cyonurus.

В последней трети апреля солнце пригревало ощутительнее и в согретом воздухе чаще нежели прежде слышалось жужжание мух, шмелей и других насекомых; не замедлили пробудиться также летучие мыши и появиться стрижи (Apus pacificus) — 26 апреля; еще через день — 28-го — внесла не малое оживление варакушка-синешейка (Cyanecula suecica), одновременно с которой появился и серый береговик (Actitis hypoleucus). Песнь соловья теперь можно было слышать по несколько раз в день.

Месяц май, по случаю вступления экспедиции на высокое холодное нагорье, не порадовал ничем особенным.

1 мая быстро пронеслась по долине какая-то крупная черношекая овсянка (Emberiza); 2-го отрадно прозвучал впервые в этом году голос кукушки (Cuculus canorus); 3-го с Ялун-цзяна на наш бивуак прилетел орлан-долгохвост (Haliaëtus leucoryphus) и, продержавшись здесь около суток, исчез к северу; 5-го, вверх по Ялун-цзяну, пролетела пара черных аистов (Ciconia nigra); в тот же день отмечены крачки-мартышки или крачки-ласточки (Sterna hirundo thibetana), бекас-отшельник (Capella solitaria), песочник малый (Erolia temminckii) и улит-красноножка (Tringa totanus); 6-го, над зеленью ключевого родника, витала кашмирская ласточка (Delichon urbica) [1].

15 мая последним пролетным в эту весну можно было считать монгольского зуйка (Charadrius mongolus). Высокое угрюмое нагорье Тибета изредка оживлялось песней жаворонка.

[1] Одновременно наблюдались сидящими на гнездах индийские гуси и сарычи (Buteo).

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

ДЗА-ЧЮ-КАВА

Происхождение этой обособленной части Дэргэского округа. — Административное деление. — Подводная и другие повинности. Занятия. Перекочёвки. — Преступления и наказания. — Монастыри. — Обычаи и обряды: полиандрия; умыкание невест; калым; случаи многоженства; положение вдовы; особенности похорон. — Физико-географический характер страны, обитаемой дзачюкавасцами. — Наш путь в области северо-восточных кочевий этих тибетцев. — Чамдоские и литанские беглецы.

Говоря о Дза-чю-кава, приходится лишний раз коснуться и Дэргэ, некогда игравшего более видную роль нежели теперь. Весьма вероятно, что в прошлом этот округ занимал громадный район, граничивший на юго-востоке с округами Литан, Батан и Чамдо, противоположной же стороной вдававшийся, как вдается и по настоящее время, в суровую негостеприимную часть нагорья, где берет свое начало Ялун-цзян. С течением времени вклинились или иным путем создали свою самостоятельность на дэргэской территории округа Лхадо, Лин-гузэ, Дунза, Таяк и Ньярун, подобно тому, как в недалеком будущем, без сомнения, совершенно выделится в округ Дза-чю-кава. По крайней мере сами дзачюкавасцы такого мнения; среди обитателей этой интересной страны недостает лишь предприимчивости и солидарности: область всё еще ждет появления объединителя всех дзачюкаваских хошунов. Последнему обстоятельству в значительной степени мешает Дэргэ-Гончен, как меновой рынок произведений скотоводческого хозяйства на хлеб и все остальные потребности в обиходе исключительно кочевого населения Дза-чю-кава. Частые посещения своего рода столицы и свидания более влиятельных дзачюкавасцев с дэргэским тусы или его ближайшими помощниками также немало затрудняют скорейшее осуществление подобного плана. Тем не менее о Дза-чю-кава, среди тибетцев соседних округов, уже составилось представление как о самостоятельном округе.

В районе кочевий Дза-чю-кава ещё сохранились монгольские названия нескольких речек; так, например, к западу от речки Рго-чю, левого притока Ялун-цзяна, есть речка с монгольским названием — Нарин-усу; затем сохранилось, правда, исковерканное название другой речки — Кундур-чю (Кундулюн) и чисто монгольское название речки Куку-усу, составляющей уже правый приток верхней Хуан-хэ.

В последнее время Дза-чю-кава пополнялось пришельцами из Дэргэ, сининского Кама, из кочевий нголоков и других местностей. С другой стороны и коренные жители Дза-чю-кава нередко оставляют свои кочевья и уходят или в Дэргэ, или к нголокам, или же в северные хошуны, подчиненные сининскому цин-цаю.

Когда-то, очень давно, Дза-чю-кава действительно делилось на 37 хошунов, отсюда и сохранившееся поныне название «Дза-чю-кава-бон-сум-чи-соб-дун». В те давние времена и население было значительно гуще. Главными причинами уменьшения населения считают былые войны с соседями и периодические внутренние смуты, вынудившие бо́льшую часть населения оставить прежние кочевья и уйти к нголокам; впрочем, и теперь население Дза-чю-кава достигает солидной цифры — в 4 430 палаток, или около 18 тыс. человек. В настоящее время Дза-чю-кава делится не на 37 хошунов, а лишь на 27, так как 10 хошунов или совсем оставили свои кочевья и ушли к нголокам, или же целиком вошли в состав своих других хошунов после того, как потомство известного хошунного начальника вымирало, а население не желало себе другого.

Каждый хошун, за исключением двух — Сэршю и Бумсар, о которых скажем ниже, управляется своим начальником — «бон». Власть переходит от отца к сыну или ближайшему родственнику по мужской линии. Хошуны же Сэршю и Бумсар управляются лицами, назначаемыми дэргэским тусы из числа четырех его главных советников или, реже, из числа 30 младших — тонкор. Чиновники эти назначаются по личному усмотрению тусы на неопределенный срок и могут быть смещены во всякое время тем же дэргэ-чжалбо; их обыкновенно называют «нирба́».

Эти два чиновника нирба́ пользуются большим влиянием и значением, хотя и не имеют права распоряжаться делами в других хошунах Дза-чю-кава. Но так как они назначаются самим тусы из лиц, так сказать, могущих влиять на своего патрона, то все прочие хошунные начальники обращаются к ним в важных случаях за советами и указаниями, что и доставляет им влияние и уважение по отношению к народу вообще.

Когда хошунный начальник умирает, то наследник его считает своей обязанностью искать поддержки у этих двух ставленников тусы на утверждение в должности хошунного начальника. Нирба в таких

случаях пишет письмо в управление, в Дэргэ-Гончен; в письме сообщает о смерти хошунного начальника и удостоверяет личность его наследника. Письмо это наследник, будь то сын, внук или правнук умершего, везет в Дэргэ-Гончен лично для представления в управление тусы. При этом наследник везет в подарок самому тусы или лучшего яка, или хайныка, или же хорошую шкуру леопарда — обычай, установленный с давних времен, — которые и передаются тусы с хадаком.

Управление делает доклад тусы о смерти начальника хошуна и о прибытии в Дэргэ-Гончен его наследника, ищущего утверждения в должности. Утверждение в должности заключается в следующем: тусы принимает новичка у себя в помещении и в разговоре с ним о делах хошуна и прочем испытывает его умственные способности; затем делает новичку строгое внушение о том, как лучше управлять хошуном; требует, чтобы в хошуне его не было безобразий и несправедливости, не было воровства и грабежей и так далее, и отпускает его. После этого собственное имя нового начальника хошуна вносится в списки, и он уезжает на родину, к месту службы. Ни титула, ни звания эти хошунные начальники не имеют; точно так же им не выдается из управления и свидетельства на право управления хошуном, да этого никто и не требует.

В тех случаях, когда всё потомство хошунного начальника по мужской линии вымирает, то тот или другой нирба предлагает хошуну указать ему лицо, которое хошунцы желали бы иметь своим начальником, и если таковое найдется, то нирба представляет его в Дэргэ-Гончен.

Каждый хошунный начальник избирает себе из среды старейших и опытных однохошунцев несколько человек, с которыми он совещается при решении дел и прочем. Лица эти не официальные, но в своем хошуне, как приближенные начальника, пользуются влиянием и уважением. Начальник хошуна даже посылает их иногда к тусы с бумагами и поручает им лично на словах докладывать управлению о нуждах хошуна, приносить жалобы хошунцев на другие хошуны и так далее.

Кроме этих, так сказать, главных помощников хошунный начальник назначает и смещает своей властью сельских управителей — гембу, обязанности которых состоят в том, что они приготовляют помещения, подводы и продовольствие для приезжающих дэргэских чиновников. Они следят за правильностью ведения очереди в поставке подвод, а также исполняют и обязанности рассыльных.

Хошунные начальники никакого жалованья не получают; живут же они приношениями и подарками жителей своего хошуна.

Раз в три года дэргэский тусы командирует в кочевья Дза-чюкава трех своих чиновников за сбором податей. Чиновники следуют

в сопровождении значительного числа помощников, о чем дэргэгонченское управление своевременно уведомляет хошунных начальников, заботящихся, в свою очередь, о приготовлении должного количества подвод. По заранее составленным спискам все хошуны Дза-чю-кава разделяются на три района, а эти последние распределяются между командируемыми чиновниками. По прибытии на место сборщики податей при помощи хошунных начальников и их помощников прежде всего приводят в известность количество скота, принадлежащего каждой семье в хошуне.

Основной единицей принимается як, и к нему приводится весь остальной скот с таким расчетом: лошадь приравнивается трем якам, хайнык — двум, десять баранов — одному яку.

Семья, которая владеет стадом яков, превышающим 300 голов, как сумевшая разбогатеть, совершенно освобождается не только от платы податей, но и не несет никаких повинностей. Зато такая семья, в случае обеднения тусы, или главного дэргэгонченского монастыря, обязывается притти на помощь и скотом и деньгами.

Обычай этот установлен со времени разорения Дэргэ-Гончена Ньяруном, когда тусы приказал тем из жителей Дза-чю-кава, которые владеют стадами яков свыше 300 голов, внести в его казну для устройства и возобновления как монастыря, так и прилежащего селения и ставки дэргэ-чжалбо, от 50 до 80 рупий с палатки, что и было беспрекословно исполнено. В благодарность за такую готовность помочь тусы он раз навсегда и сделал вышеприведенное распоряжение.

Таким образом плательщиками податей и повинностей являются семьи, владеющие стадами скота — баранов, яков, хайныков, обыкновенных коров и лошадей — равными 300 и менее голов яков. Размер подати не одинаков. Семьи, владеющие стадом от 200 до 300 голов яков, вносят 6 пудов 10 фунтов (100 *кг*) масла, 20 английских рупий и 15 мерлушек; имеющие стада яков от 100 до 200 голов: 1 пуд 5 фунтов (18 *кг*) масла, 8 английских рупий и 4 мерлушки, и, наконец, семьи, располагающие стадом менее 100 голов (хотя бы даже и единственной скотиной), вносят около 5 фунтов (2 *кг*) масла, 2 рупии и 2 мерлушки.

Подать эта, как уже сказано было выше, вносится раз в три года. Одна часть из всего собранного чиновниками поступает в казну тусы, другая часть идет на содержание членов управления в Дэргэ-Гончене, третья же и последняя — на содержание лам главных монастырей дэргэского округа.

Население Дза-чю-кава занимается исключительно скотоводством; земледельцев среди них совсем нет. Из скота дзачюкавасцы разводят главным образом яков, баранов, понемногу лошадей и хайныков. Половина всего населения Дза-чю-кава владеет стадами яков от 300 и до

1 500 голов. Впрочем таких, которые имеют около 1 500 яков, сравнительно немного; семьи, владеющие стадами в 700—800 голов, считаются также богатыми, и таких уже значительное количество. Подобные богачи кроме яков располагают ещё и стадами баранов до тысячи и больше голов и косяками, штук до 120, лошадей. Остальные обитатели с средним достатком также вполне обеспечены и живут не менее удовлетворительно, как и первые; приблизительная норма среднего достатка такова: от 10 до 300 голов яков, от 50 до 500 баранов и от 3 до 20 лошадей. Хайныков и коз разводят вообще немного, да и не все жители.

Продукты скотоводческого хозяйства дзачюкавасцев, сбываемые оседлым жителям, обитающим по долинам рек Голубой и Ялун-цзяна, а также в Хор-гамдзэ и Дэргэ-Гончен тибетцам и китайцам-торговцам, следующие: масло, чура, выделанные кожи, всевозможные ремни, шерстяные и волосяные веревки и шерсть. Взамен этого дзачюкавасцы получают от оседлого населения и торговцев хлеб в зерне и всё необходимое в обиходе своего кочевого хозяйства, как-то: чай, различные бумажные и шелковые материи, посуду, фарфор, серебряные и каменные предметы роскоши и украшения и прочее.

Подобные торговообменные сделки обитатели Дза-чю-кава производят осенью, когда они большими караванами направляются в вышеозначенные пункты и районы. Каким образом происходит сам обмен скотоводческих продуктов на зерно — узнать подробно не удалось. Наиболее существенный предмет сбыта кочевников — шерсть — и самый необходимый в приобретении — зерно — стоят в одинаковой цене: четырехпудовый вьюк первого променивается на четырехпудовый вьюк второго. Такие торговые операции среди тибетцев не сложны и обыденны. Совсем обратное происходит у дзачюкавасцев с торговцами-китайцами — этими выжигами и проходимцами, эксплоатирующими номадов. Такой же четырехпудовый вьюк шерсти китайцы оценивают в восемь рупий, или около пяти рублей, переводя на наши деньги, но платят кочевникам не монетой, а товарами, за которые не стесняются брать — или, правильнее, назначать цену, — как говорится, втридорога.

Зажиточная семья в Дза-чю-кава заготовляет для себя ежегодно от 30 до 40 пудов ячменя, который жарится и перемалывается на дзамбу уже на месте, дома. Средняя семья удовлетворяется на тех же основаниях 20 или 30 пудами зерна, а бедная обходится небольшой разовой покупкой готовой дзамбы или тоже зерна от своих богатых хошунцев.

Помимо этого в кочевья Дза-чю-кава каждый год летом из Сунпан-тина, Хэ-чжоу и Тао-чхоу приезжают торговцы «шарва» — окитаившиеся тибетцы или тангуты — с товарами, заключающимися в кирпич-

ном чае низкого достоинства, в различных цветах бумажных материй, в небольшом количестве далембы, котлов, кувшинов и другой более мелкой посуды, литой из желтой меди, с рисунками драконов или восьми буддийских символов счастья [1], реже фарфоровой посуде и прочей мелочи — табаке, иголках, ножах, нитках и тому подобном. Товары свои шарва выменивают отчасти на слитки серебра и английские рупии, преимущественно же берут баранью шерсть, мускус, маральи рога, пушнину (шкуры рысей, лисиц, кошек) и хайныков.

Излишек своего скота дзачюкавасцы сбывают главным образом оседлому населению Дэргэ, Лин-гузэ и обитателям хорского округа. Цены за жирного или откормленного на мясо яка колеблются от шести до девяти рублей. Независимо от этого к этим кочевникам ежегодно приезжают за покупкой рогатого скота тангуты из юго-западной части Кукунорской области и из Амнэ-мачина. Эти номады покупают яков уже исключительно на серебро и берут только молодых самцов и самок, расценивая каждое животное в отдельности от четырех до восьми рублей, смотря по возрасту.

Большинство свободных дзачюкавасцев промышляет также и охотой. Для этой цели кочевники собираются партиями в пять или десять человек и отправляются к северу и к северо-западу, за пределы своих кочевий, где и охотятся за дикими яками, хуланами, антилопами, маралами и другими зверями. Охотники берут с собой запас продовольствия на полмесяца или даже на месяц; таким образом организуется небольшой караван из яков и лошадей; первые везут запасы продовольствия и охотничью добычу, вторые служат охотникам под верх, посменно, так как лошадей берется двойной комплект, по две на человека. По возвращении домой участники охотничьей экскурсии делят добычу — шкуры и мясо зверей — совершенно поровну, независимо от того обстоятельства, кто охотился наиболее успешно и кто был так несчастлив, что ни разу не выстрелил.

Нередко случается, что охотники, пользуясь превосходством сил, нападают на караван или на подобную себе охотничью компанию и грабят встречных, или, наоборот, подвергаются сами воровскому нападению и, будучи обобраны чуть не догола, пешком возвращаются восвояси. Подобные грабежи всегда происходят по ночам и обходятся без кровопролитий, чему способствует покорность слабейшей партии, предпочитающей остаться без ничего, но зато вернуться в свои кочевья всем, и если не по-добру, то во всяком случае по-здорову.

---

[1] Символы эти следующие: 1) золотая рыба (собственно две рыбы), 2) зонт (белый), 3) раковина (победная труба), 4) диаграмма удачи, 5) победное знамя, 6) сосуд с цветами, 7) цветок лотоса, 8) колесо. Изображения этих символов, «Аштамангала» по-санкритски, есть в книге W a d d e l l. «The Buddism of Tibet or Lamaism», 1895, стр. 392.

Других занятий, кроме скотоводства и охоты, среди дзачюкавасцев мы лично не наблюдали. Эти тибетцы при наличности материала, рабочих рук и досуга тем не менее не развили даже такого простого обрабатывающего промысла, как тканье материй. На какой бы то ни было физический труд кочевник смотрит с презрением. Только крайние бедняки, почти совсем не располагающие скотом, живущие подле кумирен и монастырей, имеют ткацкие станки, на которых ткут шерстяную материю для себя, реже по заказам своих однохошунцев. Впрочем нечто в этом роде можно наблюдать и среди дзачюкавасцев-скотоводов, живущих бок о бок с оседлым населением лингузского округа.

Все население Дза-чю-кава зиму проводит со всеми стадами по обоим берегам Ялун-цзяна, от границы Лин-гузэ на востоке до кочевий тибетцев синицского Кама на западе.

Случается, что как раз в это время года по долине Ялун-цзяна для многочисленных стад корма или вообще нехватает, или же выпадает глубокий снег, скрывающий своей толщей растительность долины, — тогда беспечные дзачюкавасцы принуждены собирать для поддержания мелкого скота до весны прошлогодние сухие травы в среднем и верхнем поясах гор. Ни серпов ни кос они не имеют, поэтому срезают траву с помощью обыкновенных ножей и сабель.

Весной и осенью они кочуют по высоким нагорным долинам и в верхнем поясе гор, там, где в летнее время бывает очень сыро, благодаря обилию болот, или, как говорят монголы, «мото-шириков» — травы-дерева. В жаркую же пору лета дзачюкавасцы ютятся в среднем поясе гор.

Что касается жилищ и домашней обстановки рассматриваемых номадов, равно и их общей характеристики, культа, обычая приёма гостей и их угощения, причин войн и состояния боевой готовности, то все то, что изложено по этому вопросу в главе VIII «Восточный Тибет и его обитатели», почти целиком применимо и к этим тибетцам.

Собственные хошуны Дза-чю-кава между собой никогда не воюют, а дерутся лишь с соседями: с нголоками, синицскими камцами, лингузцами, хорцами и дунзасцами. Убийство среди хошунцев Дза-чю-кава, вообще говоря, явление чрезвычайно редкое. Для решения дела тусы назначает чиновников, которые чинят правосудие дома или на месте преступления.

Благоприятные показания влияют однако только на смягчение телесного наказания и тюремного заключения, которые налагаются сверх куна. Кун, или пеня, в Дза-чю-кава сильно разнится по составу входящих в него предметов от куна, налагаемого в синицском Каме и нами уже описанного. За убитого дзачюкавасца взимается в пользу его семьи следующие девять предметов: лошадь, ружье, по одной

шкуре леопарда, рыси, волка, лисицы, корсака или той же ценности шкурки дикой кошки, кусок китайской бумажной материи, около 20 аршин (15 *м*) длиной, и хадак. Убийце, впрочем, разрешается внести в пользу семьи убитого, вместо перечисленных девяти предметов, кусок или слиток серебра в 50 лан. Кроме того в пользу дэргэского тусы с убийцы взимается самая лучшая лошадь и самое лучшее ружье. Помимо этого штрафа, если показания свидетелей будут благоприятны для убийцы, его присуждают к заключению в тюрьме на время от 3 до 6 месяцев и единовременно 300 ударам розог. Если же показания свидетелей неблагоприятны, то преступника сажают в тюрьму, заковывают в ручные и ножные кандалы сроком от 3 до 10 лет, причём присуждают давать ему через 10 или 20 дней, а иногда и через месяц, 30—50 ударов розог за всё время заключения в тюрьме. Ещё более тяжелое наказание грозит тому преступнику, против которого все обвинения налицо и нет ни одного смягчающего вину обстоятельства: его присуждают к заключению в тюрьме на всю жизнь с присоединением или ежедневной более или менее тяжелой порки, или через несколько дней, или недель; другими словами — к самой продолжительной и гнусной казни.

Во время заключения в тюрьме, которая, между прочим, находится в Дэргэ-Гончене, кормить и одевать убийцу обязана его семья; если же семья его по бедности откажется от этого или если её совсем нет у преступника, то содержание его в тюрьме ложится на весь хошун, обязанный доставлять таковое в Дэргэ-Гончен до истечения срока заключения или до смерти преступника.

Жители одного и того же хошуна почти никогда и ничего не воруют друг у друга; также редки воры, промышляющие воровством в соседних хошунах Дза-чю-кава, но всё же они имеются. Разнохошунцы чаще всего воруют скот, причём крупный по одной-две головы, мелкий же, как, например, баранов — до десятка и более штук.

Потерпевший, не поймав вора на месте преступления, и только впоследствии, по слухам, догадавшийся о своем враге, старается отплатить ему тем же — уворовать у него то же количество скота, если конечно не удастся больше. Если же вора поймают на месте, то немедленно представляют его к его хошунному начальнику, который, по установленному обычаю, взыскивает с вора в пользу потерпевшего за одну голову украденного скота пять голов, за одну вещь — саблю, ружье, пику, нож и прочее — пять однородных вещей или серебром пятерную стоимость известного предмета. Затем, в свою пользу бон отбирает у вора его лошадь; ружье же виновника поступает к тому хошунному начальнику, которому непосредственно подчинен наказуемый. Из всех 27 монастырей Дза-чю-кава лишь в одном — Омбу-гомба, считающемся одним из самых древних монастырей, настоятелями

назначаются ламы из Лхасы. Дзачюкаваские монастыри все без исключения принадлежат последователям господствующего в Тибете учения Цзонхавы. О семейных отношениях можно сказать почти то же самое, что уже сказано при описании тибетцев Кама или обитателей Лхадо.

В большинстве случаев семьи не делятся, и сыновья живут вместе с родителями, имея одну общую жену, отправляющую свои супружеские обязанности с каждым из мужей-братьев по очереди, которая ведется ею очень строго. И только сыновья наиболее богатых семей или семей начальников имеют каждый отдельную жену. В таких случаях отцовская палатка служит для всей семьи днем, где члены её объединяются за трапезой или среди работ и общих разговоров; на ночь же уходят в небольшие палатки, расположенные рядом с отцовской.

В тех семьях, где старший брат уже на возрасте, а все другие братья ещё совсем малыши, родители откладывают женитьбу старшего сына до возмужалости подростков. Бывает и так, что старший сын, соскучившись ожиданием поднятия младших братьев до состояния половой зрелости, женится. Жена такого старшего сына не всегда обязывается стать впоследствии женой других сыновей или братьев, для которых родители обыкновенно берут уже другую жену.

Однако и полиандрические начала не менее нежели обыкновенные среди номадов Центральной Азии делают половые сближения вообще довольно свободными. Услугами одной жены, её привязанностью пользуются в достаточной мере лишь старшие братья; младшие же, благодаря простоте нравов, ищут взаимности и дружат с прочими женщинами или девушками. Точно так же и жена их нередко имеет по несколько поклонников и близких друзей, что совсем не считается предосудительным и конечно не преследуется. И среди дзачюкавасцев также существует обычай уступать свою жену приятелю или просто проезжему, в последнем случае за подарок.

Сватовство, порядок его, те же самые, что и для прочих тибетцев, описанных нами выше. Но в Дза-чю-кава в обычае и умыкание невест. Братья, принадлежащие к бедной семье, намечают какую-нибудь девушку и решают сообща украсть ее. Один из братьев старается завести с нею связь и уговаривает её стать женой его с братьями. Кроме этого братья стараются склонить на свою сторону её соседей, которые в свою очередь также уговаривают девушку согласиться бежать из родной семьи. Всё это делается по возможности в тайне, чтобы не проведали родственники девушки.

Девушку-невесту воруют чаще всего на пастьбе, в то время, когда она появляется со стадом баранов где-либо в укромном, известном братьям месте. Похитители являются на лучших лошадях с одной

запасной, предназначенной для невесты. Похищение последней происходит иногда и от самых палаток, но тут уже помогает соседка-женщина, искусно отводящая девушку в сторону от стойбища.

На другой день после увоза невесты братья посылают своего отца или другого старейшего родственника с хадаками и вином к родителям уворованной девушки, так сказать с повинной. Родственник братьев действует примиряющим образом, просит родителей похищенной не сердиться, а принять хадаки и вино, назначить степень калыма или нори и день для начала свадебной пирушки. Родители невесты, посердившись немного скорее для вида нежели на самом деле, прощают и дочь и братьев, уворовавших ее. Сама свадьба происходит совершенно так же, как это было описано и для тибетцев сининского Кама.

Выше мы упоминали, что особенно богатые или знатные дзачюкавасцы берут или имеют каждый по одной жене; к этому можно еще прибавить, правда как редкое исключение, о неизбежных случаях повторения брака и прибавления в дом второй жены с целью обеспечения рода, то-есть когда первая жена бесплодна. В таком случае обе жены живут вместе с мужем в общей палатке. Положение их одинаково, хотя муж и отдает предпочтение младшей, в особенности если она подарит ему вскоре ребенка.

И в бедных и в богатых семьях, где несколько братьев берут одну жену, вдовы конечно редкость. Если жена переживает всех мужей, то она совершенно освобождается не только от уплаты податей, но и от несения каких бы то ни было повинностей, если при этом она остается бездетной; если же она имеет детей, то освобождается от податей и повинностей до той поры, пока её сыновья не женятся или дочери не приищут себе в дом мужей. Такие освобожденные от податей и несения повинностей вдовы известны под названием «тдархан».

Далее несколько слов о похоронах среди дзачюкавасцев.

Как только умрет человек — мужчина, женщина или ребенок — его переодевают в лучшее платье и кладут в небольшой палатке, нарочно поставленной для этой цели рядом с жилым подобным помещением. Покойника укладывают на определенное место — справа от входа, на заранее разостланный войлок и всегда на правый бок.

По истечении девяти суток покойника выносят из палатки, но не в дверь, а под правую полу палатки и усаживают верхом на оседланную лошадь; затем один из родственников или знакомых берет лошадь под уздцы и ведёт её, а двое других, идущих по сторонам лошади, поддерживают труп, чтобы он не свалился; так поступают только со взрослыми; трупы же детей всадники берут прямо в руки и везут к кумирне, где того или другого покойника, то-есть взрослого или

ребенка, сжигают на дровах, купленных у лам. Прежде чем покойника положить на костер, с него снимают нарядное платье и передают его ламам, на него же одевают прежнее старое, в котором тибетец умер и в котором таким образом он предается и сожжению. Бедные люди ограничиваются для своих покойников костром из аргала, устраиваемым, по обыкновению, не в соседстве кумирни, а подле своих жилищ, так как более сложные церемонии с отвозом трупов к кумирням стоят довольно дорого.

После того, как труп сгорит и жертвенный костер погаснет, родственники покойника тщательно собирают пепел, золу и пережженные кости умершего и отвозят или относят их домой, где, измельчив в порошок и смешав с глиной, делают «цаца», или небольшие конусы в виде субурганов. Последние складываются где-нибудь в пещере, в углублениях скал, подле мэньдонов; впрочем, для цаца иногда строят и специальные деревянные или каменные чортэны.

На том же месте, где умер дзачюкавасец и где он был сожжен, складывают мани — каменные плиты, исписанные мистическими формулами и сложенные одна на другую в большем или меньшем количестве. Кроме мани высекаются и изображения буддийских божеств, раскрашиваемых в красный, желтый и белый цвета, хранимых среди тех же мани или обширных мэньдонов.

Независимо от этого, в память покойников, и богатые и бедные дзачюкавасцы устраивают так называемый «сэтэр», то-есть посвящение богу большего или меньшего числа баранов.

Описанные нами похоронные обряды известны не только среди обитателей Дза-чю-кава, но и между другими кочевыми тибетцами соседних областей, как-то: Дунза, Лин-гузэ и отчасти Намцо.

Такова в общих чертах характеристика северных кочевых обитателей Восточного Тибета — дзачюкавасцев, явившихся на нашем обратном пути последними представителями этой высокогорной страны.

Дзачюкаваская территория ограничивается верховьем Ялун-цзяна на протяжении 300 *км* от северо-запада к юго-востоку и приблизительно в два раза меньше в поперечном направлении. К югу от этой реки, параллельно её течению, тянутся приялунцзянские горы, довольно круто обрывающиеся в долину её правого берега. К северу хребет Водораздел своим мягким гребнем отстоит на значительном, раза в два-три большем расстоянии, заполняя пространство до левого берега Ялун-цзяна луговыми увалами, изрезанными в нижнем поясе полуденного склона северными притоками этой реки. Истоки второстепенных речек, из которых и образуется Ялун-цзян, берут начало на луговом плоском хребте Водоразделе, в котором подобная особенность резче всего выражена к западу от горы Намка-рамжям. Обнажения

горных пород в верхнем поясе означенного хребта крайне редки, но по ущельям речек присутствие их обнаруживается в большей степени, в особенности вблизи Ялун-цзяна, где притоки разрезают более мощные материковые толщи.

На всем пересечении дзачюкаваской территории в области её северо-восточных кочевий, от долины левого берега Ялун-цзяна до гребня хребта Водораздела, нами прослежены следующие типы песчаников: во-первых, песчаник бурый твердый, слоистый, мелкозернистый, известково-слюдисто-охристо-глинистый; во-вторых — серый или зелено-серый твердый, мелкозернистый известково-слюдисто-глинистый; в-четвертых — серый твердый, мелкозернистый, известково-глинистый; в-пятых — лилово-серый, очень мелкозернистый, охристо-глинистый и, наконец, в-шестых — такой же песчаник, как и предыдущий, но с включением тонких и толстых прожилок белого кварца. Кроме песчаников в том же хребте Водоразделе, на его южном склоне, но исключительно в нижнем поясе, развиты и серый филлит, и таковой же окраски тонколистовый слюдисто-глинистый сланец, и сланец буро-серый мягкий глинистый; затем, там и сям вдоль речных русел поднимаются крутые берега, сложенные из конгломератовых толщ, характеризующих или новейший конгломерат, из мелких обломков и гальки серого и красного песчаника и известняка в розовато-буром известково-глинистом цементе, или конгломерат мелкозернистый, твердый, буро-красный из мелких обломков серых песчаников и сланцев. В заключение можно отметить белый кварц с гнездами и вкрапленностями желтой охры, в виде более или менее мощных прослоек в песчанике, и кирпично-красный известковистый суглинок, прикрывающий холмы, расположенные среди второстепенных складок.

Климат верховья Ялун-цзяна, как и климат Северного или Северо-восточного Тибета, вообще суровый: не только зимой, но даже и летом здесь зачастую бывает очень прохладно, в особенности по ночам, когда почти постоянно температура падает ниже нуля. Атмосферные осадки в эту пору года также нередки и выражаются то в виде дождя и града, то в виде снежной крупы и снега. Осенью устанавливается несравненно лучшая или приятная погода — ясная, сухая и относительно более теплая. Зима же характеризуется крепкими морозами, бесснежием или, правильнее, малоснежием, а весна — северо-западными бурями, поднимающими тучи пыли, омрачающей воздух.

Относительно флоры рассматриваемой местности можно сказать то же, что было уже говорено при посещении экспедицией более западного района, населяемого тибетцами северных 25 хошунов; и там и здесь преобладают травянистые формы растительности, приспособившейся переносить резкие климатические явления. Из наиболее

обыкновенных для Тибетского нагорья цветковых растений нами отмечены различные генцианы, Saussurea, мытники, Przewalskia tangutica, горицвет, молочайник, тибетская осока; повыше — красивая Incarvillea compacta, касатики, ковыль, различные злаки и многие другие. По крутым склонам глубоких долин или боковых ущелий нередки курильский чай и тальники, растущие более или менее высокими сплошными коврами.

Что касается фауны, то последняя ещё более однообразна нежели флора, как в отделе млекопитающих и птиц, так, вероятно, и в небогатом отделе пресмыкающихся и земноводных. Среди рыб в Ялун-цзяне и его левом притоке Го-чю мы не встретили ничего нового, так как добытые здесь экспедицией экземпляры маринок (Gymnocypris eckloni et Schizopygopsis malacanthus) и гольцов (Diplophysa kungessanus) характеризуют общую и уже известную для верхнего бассейна Янцзы-цзяна ихтиологическую фауну. По части жуков, бабочек и других насекомых здесь обнаружена та же сравнительная бедность, обусловливаемая впрочем, главным образом, несколько ранним периодом времени, в которое мы следовали по этой части нагорья. Малое разнообразие энтомологической фауны вознаграждалось относительным богатством новых форм, в особенности по отношению к Coleoptera — Carabus (Neoplesius) khamensis Sem., C. (Neoplesius) insidiosus Sem., Aristochroa kaznakowi Tschitsh., Elaphus (Elophroterus) trossulus Sem.

В общем физические условия страны, населяемой дзачюкавасцами, удовлетворительны. Несмотря на разреженный воздух местные тибетцы чувствуют себя хорошо и живут по-своему счастливо; большинство встреченных нами дзачюкавасцев выглядит мужественными, рослыми, с крепким телосложением. Как и у прочих тибетцев, у дзачюкавасцев нравственные качества на наш взгляд оставляют желать много лучшего.

Их умственный кругозор очень ограничен: дальше своих гор и долин и многочисленных стад, не знающих ни изнурительной жары, ни докучливых оводов и комаров, дзачюкавасец ничего не видит и ничего не знает. Все свое довольство, благосостояние он черпает только в скоте и в состоянии его пастбищных угодий. Здоровый скот, пышные травы веселят душу номада. Радостно садится он на коня и скачет к стадам, чтобы полюбоваться теми или другими животными. Считая богатство и ничегонеделание верхом всяких благ, тибетец может не сдвинуться с места целыми неделями и месяцами. Он совершенно машинально перебирает четки и бормочет обычную мистическую формулу: «ом-ма-ни-па-дмэ-хум»; в богатых жертвах на монастыри и монашествующее сословие тибетец, помимо успокоения совести, склонен также видеть и избавление от прегрешений.

Наша встреча с дзачюкавасцами под впечатлением поражения лингузцев была несколько странной, необычной. Большинство этих тибетцев ещё до прихода экспедиции откочевало с границы вглубь страны, меньшинство же хотя и осталось на старых стойбищах, но держало себя также настороже. И только после нескольких дней нашего пребывания здесь туземцы убедились в безопасности и стали чаще показываться на нашем бивуаке.

Дзачюкавасцы сильно интересовались нами, их занимал каждый наш шаг, каждое движение, равно — что мы едим и даже как едим, а главное, — что нас спасает от тибетских пуль, почему мы неуязвимы?

Дзачюкавасцы в подводах нам почти никогда не отказывали, хотя скорее давали в тех случаях, когда мы двигались в районе густого населения; стоило же нам бывало уклониться в сторону, как они уже пытались протестовать, ссылаясь будто бы на возможность нападения на экспедицию нголоков и могущих произойти от того неприятных последствий не только для нас, но и для дзачюкавасцев. Один же хошунный начальник, кажется хошуна Таршю, даже позволил себе спросить у нас документы, удостоверяющие, как он заметил, наше «почетное» звание.

Первые два дня в области дзачюкаваской территории, экспедиция двигалась долиной самого Ялун-цзяна; затем, оставив эту реку, уклонилась по её левому притоку — Омь-чю и верховьям других, к северо-северо-западу, и таким образом постепенно выбралась из глубокого лабиринта ущелий на плоскогорье, по которому уже свободнее могла держать более правильный путь к вышеозначенным озерам.

Ялун-цзян, прослеженный нами до кумирни Омбу-гомба, имеет тот же характер, какой имел и ниже. Долина его местами расширяется, местами суживается; всего больше теснят реку южные крутые горы, тогда как с севера в большинстве случаев не всегда добегают даже мягкие предгорья второстепенных хребтов или увалов. Сама же река капризно извивается и в весеннее время, будучи окаймлена яркой зеленью, приятно ласкает глаз путника, в особенности, когда последний смотрит на Ялун-цзян с вершин береговых скал или утесов и то время дня, когда солнце бросает свои лучи на его стальную поверхность.

По долине главной реки кочевников почти не наблюдалось, её оживляли одни лишь пернатые. На возвышении, там и сям, сидели угрюмые орланы, вдоль реки пролетали черные аисты, турпаны, крохали, крачки-ласточки; в более укромных местах, в выемках скал, гнездились индийские гуси и мохноногие сарычи; высоко в небе кружили грифы, а внизу, подле обрывистых берегов, проносились из стороны в сторону береговые ласточки. По боковым, более прозрачным

речкам, ютились кулики: серпоклюв, улит-красноножка, песочник малый и немногие другие.

Оставив Ялун-цзян вблизи развалин кумирни и огромного — до 200 *м* в длину, 6 *м* в ширину и 2 *м* в высоту — мэньдона, известного под названием «Дэнбу-мани», выложенного вдоль речки Омь-чю, наш караван направился на пересечение многочисленных горных увалов, кряжей, грив и залегавших между ними речек и ручьев, стремившихся к главной реке. С вершин бесконечных перевалов, увенчанных обо, нередко открывались красивые далекие виды, заполненные всё теми же горами; при спусках в долины или ущелья горизонт вновь сокращался. В верхнем поясе гор было, конечно, холодно, и растительность едва пробивалась из земли, тогда как в долинах и по низким холмам стада уже наедались досыта.

По одной из таких долин — Кундур-чю — мы круто уклонились к северу и при урочище Югин-до основались почти на три дня. Здесь мне удалось произвести астрономическое определение географической широты, а А. Н. Казнакову съездить на Ялун-цзян, чтобы измерить гипсометрически высоту его долины — 12 930 футов (3 940 *м*) над морем — и вообще познакомиться с характером местности нижнего течения речки Кундур-чю. Тем временем Бадмажапов и Дадай, благодаря хорошим отношениям местных тибетцев, прикупили продовольственных запасов и променяли наиболее усталых караванных животных. Дружелюбным отношениям с туземцами и их некоторому доверию к нам помог один престарелый дзачюкавасец, по имени Болу, случайно попавший в наш караван в качестве проводника.

Относительно проводников вообще можно заметить следующее: они бывают крайне сдержанны вначале и среди населенных мест в присутствии собратов; совсем иное дело в безлюдной местности, где они невольно сближаются с переводчиками, а нередко и со всем персоналом экспедиции и при таких условиях действительно часто рассказывают много интересного.

На дальнейшем своем пути экспедиция миновала приветливую долину с порядочной, быстрой и прозрачной рекой Лам-ик-чю, берущей начало в горе Намка-рамжям, и вскоре затем, пересекши горный мыс, вступила в ещё более приветливую и ещё более многоводную долину речки Го-чю, или Рго-чю, как ее называют некоторые из тибетцев. В урочище Экши-матан, где мы имели первый ночлег в упомянутой долине, неожиданно для нашего проводника оказались жители.

Здесь же, между прочим, экспедиция имела случайное свидание с чамдоскими чиновниками, вынужденными оставить Чамдо и бежать к нголокам. Чамдосцы резко выделялись среди дзачюкавасцев своим общим видом, одеждой, манерами.

При общении с чамдосцами мы убедились, что они хорошо осведомлены о нашем путешествии по Каму. Всякого рода известие им то и дело доставляют их посредники-чамдосцы; кроме того у этих чиновников существует и письменный обмен с Чамдо и Лхасой исключительно по поводу недоразумений, происшедших из-за образа жизни Пакпалы.

Наши знакомые энергично требуют удаления из Чамдо этого великого перерожденца и его ближайшего советника Даинхамбо. Последний независимо от сего склоняет чиновников к миру и просит возвращения в Чамдо. С своей стороны беглецы-чиновники отправили уполномоченных духовных лиц к далай-ламе лично, с изложением причин их всеобщего недовольства и с просьбой немедленно оказать им полное удовлетворение, иначе они принуждены будут поднять против Чамдо нголоков, чтобы свергнуть виновника несчастья и разрушить монастырь.

В крайнем случае чамдосцы рассчитывали прибегнуть за помощью к ургинскому хутухте, так как, по их словам, у них имеется грамота Таранаты, которая будто бы гласит, что ургинский монастырь обязан в известных случаях приходить на помощь Чамдо.

«Не можем мы привыкнуть к таким холодам, ветрам и снегам, — говорили мне чамдосцы: — наш благодатный край несравним с этой страной по мягкости климата, красоте и обилию леса; здесь мы непроизводительно проживаем свои средства и должны часто скрывать свое происхождение, боясь открытых грабежей и насилий».

К благополучию чамдоских тибетцев, Лхаса во-время вняла настоянию и решительности этих чиновников и избавила Чамдо от Пакпалы, применив вероятно свой обычный способ — отравление.

Одновременно с чамдосцами мы встретили и литанцев, проживавших с своими стадами на землях, принадлежащих дзачюкавасцам, примерно в полосе высокогорного района между командующими вершинами Намка-рамжям и Маму-тушюк-гунгу в верховьях левых притоков Ялун-цзяна. И литанцы также пришли в Дза-чю-кава искать обетованной земли; и эти тибетцы, подобно чамдосцам, должны были оставить насиженные места по недоразумениям с своими главными окружными начальниками.

По рассказам дзачюкавасцев осенью 1898 года литанцы явились сюда с своим хошунным начальником вот по какому случаю.

В округе Литан насчитывается более десяти хошунов. Два из них, известные под названием Дэчжун и Барин-ма, в течение семи лет, предшествовавших означенному событию, враждовали между собой. Дэчжунцы, ведущие исключительно кочевой образ жизни, нападали на баринмасцев, живущих оседло. В свою очередь и баринмасцы также не упускали случаев пограбить дэчжунцев. Отсюда

неизбежно являлись ссоры, драки, кончавшиеся нередко убийствами друг друга.

Начальники хошунов, тусы и китайские власти никак не могли прекратить беспорядков и водворить мир между хошунами; мало того, весной 1898 года эти хошуны объявили друг другу войну, которая впрочем фактически продолжалась лишь одни сутки. Дэчжунцы выставили около 400 воинов против 250 человек баринмасцев. В происшедшей стычке кочевники-дэчжунцы одержали значительный перевес над оседлыми баринмасцами, которые понесли потери в числе 46 человек убитыми, кроме раненых. Помимо всего этого дэчжунцы в течение суток успели разрушить и разграбить несколько поселений, принадлежащих их недругам. Дальнейшему наступлению лихих кочевников на побежденных баринмасцев воспротивился не только литанский тусы, но и китайские власти.

Главное начальство Литана потребовало от хошуна Дэчжун помимо возмездия за убитых баринмасцев и уплаты за разорённые постройки, разграбленное имущество, ещё и их полного подчинения тусы, который в свою очередь должен был строго наказать всех чиновников в этом непокорном хошуне. Литанские власти действительно намеревались произвести строгие репрессалии среди обитателей хошуна Дэчжун: одних лишить глаз, других рук, кого заковать в кандалы, кого посадить в тюрьму и так далее. Дэчжунцы не только не изъявили согласия что-либо заплатить или отдать свое начальство в руки местных властей Литана и китайцев, но не согласились даже и на перемирие с Барин-ма. Драк, однако, более не происходило, и в таком положении дело оставалось в продолжение двух-трех месяцев после сражения.

Тем временем дэчжунцы от своих соседей и друзей узнали, что главный начальник Литана секретно разослал всем хошунным чиновникам округа предписание немедленно собрать возможно большее число воинов с каждого хошуна и напасть на дэчжунцев. При этом отдано было приказание не щадить никого и по возможности истребить все население хошуна Дэчжун. Еще ранее этого известия дэчжунцы намеревались оставить свои кочевья и уйти куда-нибудь, и поэтому, не подавая особенных причин к подозрению, понемногу выбирали из собственных складов, находившихся при кумирнях, самые дорогие свои пожитки, серебро, цветные камни и прочее, и ко времени получения такого известия почти все их имущество было свезено в кочевья, домой. Как только дэчжунцы узнали про коварное намерение главных властей Литана, они немедленно сговорились уйти из округа к северу и, действительно, быстро собрались и направились со всеми своими стадами через земли Дэргэ в кочевья Дза-чю-кава, куда и прибыли через полгода, проведенные в пути.

Власти Литана, боясь больше всего, что беглецы перейдут к нголокам и, собравши из них большую шайку головорезов, явятся к ним мстить за прежние несправедливости, которых, кстати сказать, за администрацией Литана накопилось немало, стараются всеми силами склонить дэчжунцев вернуться обратно, обещая полное прощение, но пока всё это напрасно, и дэчжунские беглецы продолжают жить среди дзачюкавасцев.

Здесь уместно будет сказать несколько слов вообще о перебежчиках и беглецах из одного хошуна или округа в другой.

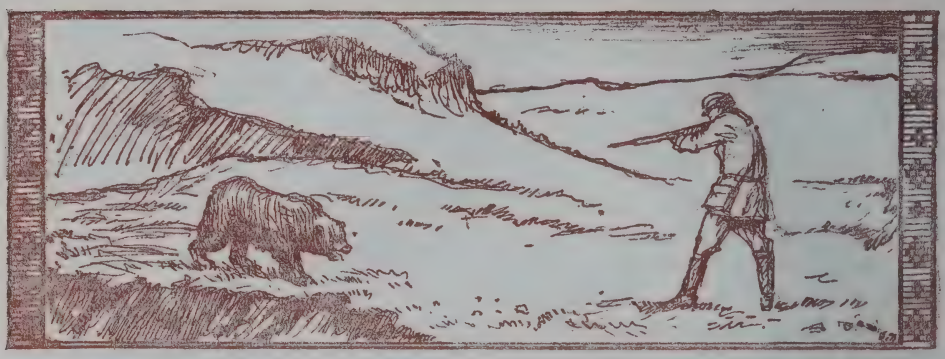
Беглецы из оседлых или кочевых хошунов собственно Тибета, равно и из всех тех областей, где только существует власть Лхасы, бегут обыкновенно на север, в кочевья 25 хошунов Намцо-кава, избирая для жительства один из самых отдаленных и сильных хошунов. Так, например, из окрестностей самой Лхасы бегут в хошун Яграй; из восточных областей собственно Тибета — в Намцо-кава или Дза-чю-кава или, наконец, к нголокам.

Сычуаньские перебежчики часто также направляются к нголокам, хотя бегут и в Дза-чю-кава или даже в Намцо-кава, в его ближайшие восточные хошуны.

Из северной части сининского Кама тибетцы эмигрируют в соседние более или менее отдаленные хошуны Дза-чю-кава, реже к нголокам; к последним также довольно охотно направляются и недовольные своими чиновниками или по другой какой причине обитатели дзачюкаваской территории, хотя последние иногда уходят и к своим западным соседям — намцокавасцам.

Таким образом, не трудно заметить, что обитатели той или другой части Тибета, повидимому, без особенного труда переходят или меняют свои прежние места жительства на новые, перемещаясь из южных областей в северные, а из этих последних передвигаясь к востоку или западу, но не бывает случаев, чтобы, например, беглецы из Сы-чуани, Дза-чю-кава, Намцо-кава уходили к югу, в области, подчиненные Лхасе, так как там их неминуемо выдадут, чего никогда не сделают северные тибетцы. Поэтому в районе так называемой дэвашунской территории или в собственно Тибете, подчиненном Лхасе, перебежчиков из одного хошуна в другой не бывает: они эмигрируют только на север.

На этом основании мы встречали беглецов из округов Сы-чуани в хошуне Пурзека, беглецов из Чамдо — во владениях хошуна Гуцэ — северного сининского Кама, лингузцев — в Дза-чю-кава; в Дза-чюкава же встретили мы и отмеченных выше чамдоских и литанских эмигрантов.



ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

В ЦАЙДАМ

Общий характер хребта Водораздел и прилежащего нагорья. — Долина речки Сэрг-чю. — Встречные тибетцы округа Сэрта. — Обилие медведей; наша охота за ними. — Озеро Русское. — Сомкнутие маршрутной съёмки. — Бивуак на истоке Хуан-хэ. — Обратный старый путь. — Встреча с Ивановым. — Получение почты. — Хребет Бурхан-Будда. — Приход в Цайдам и полуторамесячная стоянка в ущелье Хату. — Заметка А. А. Каминского о климате по данным цайдамской метеорологической станции.

Теперь, когда экспедиция оставила последние кочевья тибетских номадов, мы могли рассчитывать с большою вероятностью, что следующих местных обитателей встретим только в Цайдаме, так как промежуточный высокогорный район на протяжении около 500 верст не обитаем благодаря крайней суровости климата и постоянному рысканью нголоков-разбойников.

Самой большой неприятностью в настоящее время для нас было тибетское ненастье, выражающееся в виде дождя, чаще же снежной крупы и снега. Вообще говоря, значительные атмосферные осадки, сопровождающиеся довольно низкой для конца весны температурой, были весьма нежелательны, так как причиняли много хлопот, в особенности при естественно-исторических сборах, ведении маршрутной съемки, движении каравана, варке пищи и прочем.

На этой части Тибетского нагорья держались дикие млекопитающие: медведи, волки, рыси, лисицы, корсаки, сурки, зайцы и пищухи; среди же птиц: грифы, орлы, сарычи, соколы, вороны, тибетские чернолобые и большие хохлатые жаворонки, вьюрки, монгольские зуйки и немногие другие. Обилие травоядных привлекает охотников тибетцев, показывавшихся там и сям по гребням гор или холмов и зорко следивших, чтобы самим не сделаться жертвами грабежа со

стороны более многочисленных и сильных грабительских разъездов, иногда также постреливающих антилоп и яков.

В районе маршрута нашей экспедиции хребет Водораздел в верхнем поясе имеет замечательно плоский характер. Здесь напрасно искать массивной скалистой стены[1] и более или менее крутых спусков и подъёмов: как главный перевал Чацан-ла, поднятый над морем на 15 070 футов (4 600 *м*), так и второстепенные, стоящие к северу и к югу от него, едва превышают общий уровень нагорья на одну, самое большое две или три сотни футов (30, самое большое 60—90 *м*). Непосредственно на вершинах перевалов часто залегают характерные для всего плоскогорья Тибета ширики, или болота, со множеством луж и мелких озерков, разбросанных в беспорядке. Только внимательное наблюдение даёт возможность путнику правильно провести водораздельную линию и не смешивать истоков речек одного бассейна с истоками или верховьями речек другого. В этом отношении, то-есть в правильном разграничении бассейнов, несомненно вносит громадное осложнение второстепенная горная группа, заключенная между отмеченной уже доминирующей горой Маму-тушюк-гунгу на западе и горой Лам-лунг на востоке, а именно верховья наибольших левых притоков Ялун-цзяна — Рго-чю и Маг-муг-чю, которые зарождаются именно в этой горной группе и стремятся к северу и только впоследствии, встретив мягкие высоты водораздела, круто склоняются влево и вправо, чтобы принять направление к югу и вывести из заблуждения исследователя, по два раза на своем пути пересекающего одну и ту же речку. Подобного рода осложнения представляются вероятно и со стороны гор Го-рогрын, стоящих несколько севернее главной или водораздельной оси хребта; на нашем пути при переходе в бассейн Хуан-хэ не встречается такой запутанности среди речек, чему препятствием служит главным образом значительная глубина долины речки Сэрг-чю, первой справа данницы Желтой реки по выходе её из Орин-нора, и дальнейшая к северу одинокая гряда, отделяющая этот пресноводный бассейн.

Как на самом водоразделе, так равно и по сторонам от него раскидывается плоскогорье, видимое на большее или меньшее пространство в зависимости от положения наблюдателя: чем выше он находится и чем менее волнисто плоскогорье, тем более широкий горизонт представляется обозреванию и наоборот: спокойная прозрачная атмосфера способствует яркому отражению многочисленных речек и озерков,

[1] На южном луговом склоне перевала кое-где виднелись значительных размеров гранитные куски и глыбы, иногда глубоко погруженные в болотистую почву.

С вершины соседнего к югу от Чацан-ла увала открывается вид по всей вероятности на хребет пандита А-к, отстоящий в юго-юго-западном направлении и в это время запорошенный снегом.

вдоль которых нередко красиво синеют отдаленные цепи гор или только одни их вершины. Там и сям перемещаются стада диких яков, косяки хуланов и группы антилоп или характерной точкой выделяется косолапый представитель Тибета — медведь, спокойно разрывающий норки бесчисленных пищух (Ochotona). Откуда бы ни наблюдал путешественник — с вершин тех или других холмов или гор — картина животной жизни представляется одинаковой, изменяются только детали.

Движение нашего каравана по безлюдному Тибетскому нагорью шло в общем удовлетворительно: ежедневно мы проходили от 15 до 20 верст, стараясь выполнить самый переход до полудня; таким образом остальное время караванные животные могли отдыхать на хороших пастбищах.

Таким образом в течение 4—5 дней, считая с 19 мая, экспедиция продвинулась около 80 вёрст, минуя грань водораздела, и с вершин поперечных холмов, принадлежащих системе хребта. Водораздел, увидела довольно обширную долину речки Сэрг-чю, которая извивается среди мягких зелёных площадей и окаймляющих долину гор, протянувшихся в северо-западном и юго-восточном направлении. Западнее означенной долины резко выделялись горы Го-рогрын.

Спустившись с холма, мы очутились на правом берегу речки Сэрг-хорог-чю, которая направляется к северо-востоку и впадает слева в главную речку Сэрг-чю, предварительно обогатившись двумя небольшими притоками: Толи-чю слева и безымянным справа. Следующим затем переходом экспедиция пришла на другой левый маленький приточек Го-чю, который на другой день, 25 мая, привел нас наконец на самоё Сэрг-чю, шумно катившую свои сероватые волны по галечному ложу. Болу быстро поскакал вперед и вдруг остановился; нетрудно было догадаться, что проводник стоял подле дороги, извивающейся вдоль левого берега речки, и радостно сообщал нам об этом.

Речка Сэрг-чю имеет общего протяжения до 150 *км*, беря начало в непосредственной близости горы Намка-рамжям, к северо-западу от нее, подобно тому как следующий правый приток Хуан-хэ — Куку-усу берет начало вблизи той же горы, с севера. На протяжении верхнего и среднего течений описываемая речка стремится на северо-запад и только затем круто склоняется к северо-востоко-востоку, разрывая горы. В Сэрг-чю довольно много рыбы, относящейся преимущественно, если не исключительно, к семейству карповых (Schizopygopsis malacanthus).

Кроме отмеченных уже притоков Сэрг-чю принимает перед отворотом и в месте самого отворота, слева, ещё несколько притоков, не отмеченных нами названиями, текущих от северного склона гор

Го-рогрын по очень интересной циркообразной долине, по всему вероятию бывшей некогда дном озера. Незначительные по протяжению, но довольно многоводные притоки эти доводят размеры Сэрг-чю до 20 и более сажен (до 40 и более метров) ширины, при 1—2 и 3 футах (30—60 и 90 *см*) глубины.

Пройденная нами большая часть Сэрг-чю необитаема; нижнее же течение, равно и прилежащая долина Желтой реки, занята кочевьями западных нголоков-хорчи, на этот раз нигде на нашем пути не встретившихся с нами.

Но зато, с первого дня вступления на левый берег речки Серг-чю, экспедиция стала встречать караваны с солью, направлявшиеся вверх по долине.

Небольшие караваны не превышали сотни яков. От численности животных в караване зависит, конечно, и состав людей: чем больше караван, тем многочисленнее и отряд или партия, его сопровождающая; обыкновенно на десять быков приходится один погонщик.

Сэртасцы ехали в полной боевой готовности с ружьями за плечами, саблями у пояса и пиками в правой руке.

Еще раньше, проходя по землям Дэргэ, мы слышали о существовании племени или округа Сэрта.

Сэрта состоит из 13 хошунов с приблизительным населением около 5 тыс. человек или более тысячи палаток, кочующих на севере и северо-востоке от Дунза; на западе же их владения примыкают к землям нголоков Анчин-допа, а на востоке и отчасти на севере к другим хошунам нголоков. Вероятно поэтому, а затем и потому, что разбойничий округ Сэрта не подчинен никому — ни китайцам, ни Лхасе, ни даже нголокам, — дэргэсцы, хорцы и лингузцы называют их «нголок-сэрта». Между тем это не нголоки, как рассказывают дзачюкавасцы да и сами сэртасцы. Выяснить однако происхождение этого интересного племени нам не удалось.

Сэртасцы — все кочевники-скотоводы, хотя охотно занимаются и грабежом. За хлебом они ездят к оседлому населению, обитающему по Ялун-цзяну, а также на Желтую реку к нголокам. Сэртасцы получают хлеб, главным образом, в обмен на соль, которую добывают из озер На-мцо-цага и Га-чжун-цага, расположенных, по сведениям тибетцев, недалеко от правого берега Хуан-хэ и от выхода её из озера Русского. Вообще же за товарами сэртасцы ездят не только в Хоргамдзэ, но проникают даже на восток до Сун-пан-тина.

Округ Сэрта управляется одним главным начальником Сэрта-бон. Власть эта наследственна. Кроме того каждый из 13 хошунов, носящих в отдельности свое собственное название, управляется наследственным же начальником, подчиненным Сэрта-бону. Все население рассматриваемого округа кочует по обоим склонам хребта Водораздела,

между реками Голубой и Желтой, к юго-востоку от верховья речки Куку-усу — притока Хуан-хэ.

Как здесь, в долине Сэрг-чю, так и южнее и севернее её, на всем нашем пути по безлюдному нагорью, но в особенности в районе бассейна речки Сэрг-чю, нам ежедневно приходилось наблюдать от 5—6 до 10—12 и более медведей.

Обилию медведей в Тибете, конечно, способствует то обстоятельство, что туземцы их не стреляют, за исключением охотников, желающих воспользоваться шкурой как ковром или подстилкой во время охотничьих экскурсий за травоядными. Что же касается нашей экспедиции, то мы, наоборот, редко упускали случай, чтобы не поохотиться на этого зверя. Всеми нами в общей сложности за две весны было убито до 40 медведей, из которых 15 пришлось на мою долю.

В большой маммологической коллекции экспедиции, поступившей в Зоологический музей Академии наук, имеются пищухоеды всяких возрастов и всевозможных оттенков шерсти: в ней найдете и довольно темных с белым ошейником, и однообразных темнобурых, и чалых или пестрых, и даже очень светлых с совершенно белым передом. Таких медведей, однако, встречается немного: по заключению туземцев — по одному на тысячу. Во всяком случае, делая подбор коллекции Ursus arctos pruinosus, нам удалось добыть три экземпляра с более или менее светлой окраской шерсти, под стать четвертому, наиболее светлому, которого я добыл ещё в минувшее путешествие в среднем Нань-шане.

Охота на медведей здесь, в Тибете, производится в «открытую», если можно так выразиться. Действительно, заметив медведя ещё издали, охотник смело идет к нему поближе, затем начинает рассматривать и сообразоваться, с какой бы из сторон всего удобнее его скрасть, то-есть приблизиться на выстрел незамеченным, считаясь с отличной способностью медведя далеко чуять по ветру. Зрение же у этого зверя сравнительно довольно слабое. Всего удобнее подходить к медведю в то время, когда он занят ловлей пищух или предается отдыху, и наименее подходящее время, когда зверь направляется скорым «ходом», будучи напуган. Если же медведь спокойно разрывает грызунов, то обыкновенно норовят итти к нему ускоренно, останавливаясь во время поворотов зверя в сторону охотника. Если на пути к медведю имеются хотя мало-мальские прикрытия, то не трудно приблизиться к цели на сотню шагов, а то и ближе. Подойдя к зверю, охотник с колена или лежа стреляет в медведя. В большинстве случаев опытный охотник и умелый стрелок одним-двумя, самое большое тремя выстрелами из обыкновенной винтовки уложит зверя.

Из многочисленных охот на медведей, ведённых мной и моими спутниками в последнюю весну в Тибете, я остановлюсь лишь на

некоторых из них, почему-либо наиболее интересных и поучительных. Первый случай имел место на речке Шур-чю, южном склоне хребта Водораздела 20 мая. Мы успели сделать переход и расположиться лагерем в глубокой, узкой долине, окаймленной луговыми скатами. Некоторые из людей отряда отправились на охоту, я же прилег вздремнуть. Вдруг слышу голос тибетца Болу (который, надо заметить, был в свое время страстным охотником): «Пэмбо, джэму эджери!», то-есть: «Господин, медведь идет!». Действительно, стоило мне только приподняться, как я уже увидел медведя, медленно шедшего по косогору. Зверь, повидимому, не обращал внимания на наш большой бивуак. Не долго думая, я взял свою винтовку, вложил в нее все пять патронов — два разрывных и три обыкновенных — и направился на пересечение пути медведя. Однако высота около 15 тыс. футов (4 580 *м*) над морем дает себя чувствовать: горло пересыхает, ноги подкашиваются, сердце учащенно бьется. Садишься. Невольно смотришь в сторону медведя и не спускаешь с него глаз; мишка попрежнему то движется вперед, то разрывает землю. Опять идешь; солнце пригревает, ветерок освежает. Наконец, зайдя навстречу зверю, я прилег за бугорком. Жду. Медведя нет и нет. Я осторожно приподнялся, тревожное сомнение охотника исчезло: медведь невдалеке прилег. Ползком продвинувшись десятка два шагов, я достиг второго бугорка. В бинокль отлично было видно, как ветерок колышет длинную блестящую шерсть медведя; кругом тихо, спокойно; могучие пернатые хищники зачуяли добычу и кружат на фоне неба; наш бивуак словно замер: внимание всех приковано к медведю и охотнику. Раздался выстрел, медведь сердито зарычал и тяжело приподнялся на ноги; глухо щелкнула вторая пуля — зверь грузно свалился наземь. Не меняя положения, я взглянул в бинокль: медведь лежал не шевелясь. Встаю и направляюсь к обрыву, находившемуся от меня шагах в 200, поодаль от медведя, чтобы оттуда взглянуть по сторонам. Тем временем двое препараторов-казаков уже покинули бивуак и шли к медведю. Подойдя к обрыву, я от усталости невольно тяжело вздохнул, медведь вскочил, словно ужаленный, потряс своей мохнатой головой и с страшной стремительностью направился ко мне, неистово рыча и фыркая. Подпустив разъяренного медведя шагов до 10, я выстрелом в грудь свалил его; зверь кубарем через голову свалился вниз. Последний решающий момент, когда озлобленный мишка несся с окровавленной пастью, надолго запечатлелся в моей памяти; в нем, в этом моменте, и заключалось то особенное чувство, которое так дорого и привлекательно охотнику...

После того, как от нас уехали тибетцы-проводники, мы 27 мая направились одни вниз по долине Сэрг-чю. Дорога была отличная, ровная, без подъёмов и спусков и в течение всего перехода извивалась

вдоль левого берега речки. Справа и слева виднелись цепи гор, спускавшиеся в долину мягкими луговыми увалами. Под гребнями гор, в падях[1], местами темнели стада диких яков. На самой же долине зверей почти не встречалось; здесь ежедневно продолжали проходить караваны с солью все тех же тибетцев — сэрта.

От некоторых из сэртасцев мы узнали, что нголоки-хорчи кочуют по всему нижнему течению Сэрг-чю и что первые или ближайшие банаги этих желтореченских обитателей уже видны с вершин горных увалов, в месте крутого поворота речки к северо-востоку.

При выходе в расширенную часть долины или того характерного цирка, который по дну изрезан болотистыми речками и пресными или горькосолёными озерками, блестевшими на солнце своей гладкой поверхностью, мы расположились бивуаком. С востока наш лагерь граничил с речкой, с запада горным увалом, выдавшимся в долину. Северные скалистые вершины Го-рогрын к нам несколько приблизились. В воздухе чувствовался приятный аромат душистых палевых и голубых касатиков и низкорослого стелющегося по земле кустарничка (Reaumuria prostrata), украшавших зеленое прибрежье шумной, быстрой и многоводной речки. Над лужайками порхали красивые бабочки (Parnassius). Впервые после Ялун-цзяна мы здесь имели такую отличную стоянку.

В следующие два перехода экспедиция приблизилась к северной окраине циркообразной долины, справедливо названной нами «долиной медведей». Здесь их было действительно так много, как нигде. В два-три дня мы их видели до 30 штук. Теперь медведей мы почти не стреляли. В этой же долине нам нередко попадались на глаза и волки, отличавшиеся крайне светлой шерстью; к сожалению таких волков нам не удалось добыть: они были слишком строги и ловки, чтобы попасть под выстрел. Помимо медведей, волков, лисиц, корсаков, сурков и зайцев, в долине Сэрг-чю часто встречались антилопы-оронго, антилопы-ада, хуланы, державшиеся преимущественно по высоким плоским холмам, одетым ковылём. По всему нагорью Тибета пестрели норки пищух, издающих в низинах противный мышиный запах. Из птиц же, кроме отмеченных выше, стали попадаться орланы, чайки, крачки, сновавшие вдоль прозрачных вод речек, изобилующих рыбой.

30 мая, по обыкновению на восходе солнца, наш караван оставил последнюю из значительных речек долины Серг-чю и стал постепенно подниматься в гору.

При взгляде на юг оставляемая нами долина выделялась резче и резче; это своего рода Одонь-тала, или «Звездная степь»

---

[1]Падь — восточно-сибирское выражение, обозначающее ответвление ущелья.

со множеством блестящих озерков, луж и затейливых очертаний ручьёв и речек, извивающихся по болотам[1]. Отмеченные выше командующие группы вершин хребта Водораздела также выделялись рельефно.

Вскоре затем экспедиция поднялась на вершину невысокого безымянного перевала, откуда действительно могла радостно приветствовать голубую, зеркальную поверхность знакомого бассейна озера Русского.

Еще час-другой, и наш бивуак уже красовался на возвышенном берегу, о который гулко ударялись высокие, прозрачные озёрные волны.

Два дня экспедиция шла по восточному берегу озера, прежде нежели достигла своей прежней стоянки на его северном берегу, при истоке Хуан-хэ.

Высокий нагорный берег озера состоит из луговых увалов, более или менее полого спускающихся от гребня главной гряды и круто обрывающихся к озёрной поверхности. Очень удобная дорога проходит самым берегом и с наиболее высоких береговых мысов, отмеченных обо, открывает превосходные виды.

Темноголубая поверхность озера в большинстве случаев пестрела волнами, плавно катившимися на просторе и гулко разбивавшимися о скалистые или песчано-галечные берега. Южные и западные береговые мысы вырисовывались слабо, так как над озёрным бассейном висела туманная дымка, сокращавшая горизонт. Полуострова и острова, по мере нашего движения, меняли очертания. С береговых утесов и скал то и дело снимались гнездившиеся на них индийские гуси, турпаны, бакланы; на волнистой поверхности дивно прозрачных вод, словно поплавки, качались чайки, крачки, крохали, гоголи и другие плавающие птицы. Вблизи берега, в глубоких омутах, стояли стаи крупных рыб. Пышные прибрежные пастбища ютили стройных антилоп-ада, рогатых оронго, реже аргали и хуланов; медведей не встречалось вовсе. Людей нам также не попадалось, хотя свежие очаги и свидетельствовали о их здесь появлениях.

Прожив почти три дня у северной оконечности озера Русского, экспедиция 4 июня двинулась в дальнейший путь. Караванные животные после отдыха на отличных пастбищах благополучно переправились в брод через двойное русло Хуан-хэ и довольно бодро пошли

---

[1] Одонь-тала — настоящий или коренной исток Хуан-хэ с маленькой речкой, называемой туземцами Солома. «Звездная степь», несомненно, в очень недавнее прошлое представляла собой третье или самое верхнее озеро, исчезнувшее с течением времени, как исчезнет и Мцо-Хчара, ясно обнаружившее обмеление и уменьшение в размерах, а затем и Мцо-Хнора, с каждым годом повышающее дно в районе своего юго-западного залива.

навстречу покатости, сбегавшей от хребта Амнэн-кор. И общий и частный характер этой знакомой уже нам местности оставался прежний. С придорожных холмов, к востоку, открывался вид на широкую долину верхней Хуан-хэ, теснившейся, в свою очередь, к подножью южных гор. С противоположной, северной, стороны долина преграждалась величественным хребтом Амнэ-мачин, который по мере удаления к востоку всё выше и выше поднимал свои вечноснеговые вершины.

Подходя к нашей старой стоянке у скал, окаймленных тальником, мы увидели большое стадо куку-яманов (Pseudois nahoor), пасшихся по гребню гор. Дадай при этом заметил: «Здесь напрасно искать медведей, их нет, иначе куку-яманы не паслись бы так открыто; эти звери обладают великой способностью видеть и чуять медведя на порядочное расстояние». Нами ещё раньше решено было дневать в этом месте и послать отсюда на склад в Цайдам одного из цайдамских монголов — Гардэ, с письмом к Иванову, чтобы последний ехал к нам навстречу.

Ещё через день, 7 июня, вслед за Гардэ направился и весь наш караван. Перевал Джэроя в северной цепи Амнэн-кора, которую экспедиция пересекла в передний путь, мы оставили западнее, а сами прошли ущельем к северо-северо-востоку, обогнув таким образом скалистый выступ гор и вступив сначала в долину, а затем и на левый берег самой речки Алык-норин-хол. И северные и южные горы имели крайне дикий характер; там и сям темнели мрачные ущелья, обставленные гигантскими скалами, сбегающими уступами к берегам речек. Вдоль гребня южных гор ярко блестели снежные поля, тогда как хребет Бурхан-Будда только местами имел небольшие пятна вечного снега.

В долине Алык-норин-хол сильно сказывалось ближайшее соседство сухой, знойной котловины Цайдама; согретый воздух был наполнен тонкой пылью; вдоль речки часто проносились высокие столбы вихрей. Промчавшийся табун хуланов также оставил за собой большое облако пыли. Кроме хуланов, часто смело подбегавших к нашему каравану на расстояние до 100 шагов, у подножий гор паслись стада диких яков и антилоп-оронго; там и сям показывались волки, лисицы и кярсы, промышлявшие за пищухами; по зарослям низкорослой облепихи держалось много зайцев.

Из птиц же по долине речки чаще других показывались черношейные журавли, горные гуси, турпаны, чайки, кружившиеся над болотистыми родниками; по равнине кое-где взлетали монгольские зуйки, искусно отводившие охотника от гнезд, жаворонки и горные чекканы (Oenanthe deserti); у окраин гор Бурхан-Будда уже попадались кэкэлики, или горные куропатки (Alectoris graeca magna); порой,

высоко над долиной, с оригинальным криком пролетали тибетские больдуруки (Syrrhaptes thibetanus).

Мои спутники с большим интересом охотились на последних диких яков и антилоп-оронго.

В сухой, теплой и приветливой долине Алык-норин-хол движение каравана экспедиции шло очень успешно. Здесь наши быки делали максимальные переходы — 20 и более километров, благодаря чему мы очень скоро приблизились к ущелью, выводящему на перевал Номохун-дабан, где между прочим энтомологическая коллекция экспедиции обогатилась интереснейшим видом овода (Oestromyia kozlowi) [1], но для того чтобы перевалить через хребет Бурхан-Будда без отсталых животных нам всё-таки потребовалось устроить дневку.

Между тем нетерпение наше попасть в Цайдам росло с каждым днем. Мы все невольно всматривались в ту часть хребта Бурхан-Будда, откуда мог и должен был показаться наш Иванов. Последний действительно был обнаружен в ожидаемый нами день и приблизительно в намеченном направлении. Приезд Иванова оживил наш бивуак. Пошли спросы и расспросы... Прежде всего цайдамский отшельник порадовал меня докладом о хорошем состоянии склада, а затем вручением почты — первой со времени нашего двухлетнего странствования, если не считать десятка писем, полученных 15 месяцев тому назад в Синине.

В два первых перехода после днёвки экспедиция пересекла хребет Бурхан-Будда, засыпанный снегом обильнее нежели в прошлом году, а затем в два последующих — уже перенесла свой лагерь в устье ущелья Хату, в урочище Шар-тологойнын-амын, где располагался стан наших цайдамских отшельников — пастухов. Таким образом наша 13-месячная тибетская экскурсия была счастливо доведена до конца.

Перевал Бурхан-Будда был первым и последним перевалом на пути экспедиции по нагорью Тибета. Имея наиболее низкие точки на севере (Цайдам — 9 380 футов (2 860 *м*) и на юге (окрестности Чамдо — 11 170 футов (3 410 *м*), в местах, где проведено экспедицией всего несколько дней, мы все остальное время находились, принимая во внимание конечно срок лишь одной тибетской экскурсии, значительно выше — от 14 до 16 тыс. футов (от 4 250 до 4 850 *м*) над морем. Даже относительно низкая и теплая долина — ущелье Рэ-чю, где зимовала экспедиция, и та имеет около 12 тыс. футов (3 660 *м*). Средняя же высота страны, охваченной маршрутом экспедиции, имеет около 13 тыс. футов (4 тыс. *м*) над морем.

---

[1] И. Порчинский. Об оводах из рода Oestromyia и о личинках оводов из кожи сайги и джейрана. Оттиск из Ежегодника Зоологического музея Академии наук, т. VII, 1902, стр. 1—9.

Трогательно распрощавшись со спутниками-монголами и приготовив почту в Россию, я отправился на метеорологическую станцию, отстоявшую в 30 верстах к северу.

Вверенная наблюдателю Муравьеву метеорологическая станция работала непрерывно, все инструменты действовали исправно, и он лучшим образом справился не только с обычными периодическими наблюдениями, но даже и с часовыми, производимыми ежедневно с 7 часов утра до 9 часов вечера в продолжение четырех месяцев — июля, октября, января и апреля, то-есть средних из каждого времени года.

Оставшись с Муравьевым, я произвел целый ряд поверочных астрономических наблюдений, пользуясь ясным, прозрачным состоянием неба. Вообще же над Цайдамом чаще висит пыльная дымка, сокращающая горизонт. Несколько раз в лето северо-западный ветер достигает напряжения бури и поднимает пыль густой сплошной тучей или стеной, быстро подвигающейся вперед. Вслед за пронесшейся главной массой пыли обыкновенно следует разрежение небесных или атмосферических туч в виде редких дождевых капель, превращающихся на пути в земляные шарики. Лучшая погода, сравнительно тихая и ясная, наступает в Цайдаме, как и во всей Центральной Азии, осенью, даже с конца августа; в это время года нередко все окрестные горы бывают видимы отчетливо, а при восходе и закате солнца соответствующие небосклоны освещаются багряной зарей.

В растительном отношении Цайдам в мое пребывание на станции был неузнаваем сравнительно с весенним видом: даже уродливая глинисто-солончаковая почва — и та нарядилась в зелёный, волнующийся от ветра камыш, не говоря уже про прибрежья речек и ключей, где расстилались в прямом смысле прелестные мягкие лужайки, над которыми порхали бабочки, стрекозы и во множестве жужжали всевозможные мухи. Песчаные холмы были красиво увенчаны изящной зеленью листвы и не менее изящными розовыми цветами отдельных деревьев тамарикса; вдоль песчаных холмов, на большие пространства, тянулись заросли хармыка, перемешанного с высокими колючими травами. Что касается до местных пернатых певцов, то попрежнему приятнее и звонче других оживлял монотонную равнину мелодичный голос Rhopophilus albosuperciliaris, которому порой слабо вторили усатые синицы (Panurus barbatus), красно-розовые вьюрки (Carpodacus rubicilla Severtzowi), сорокопуты (Lanius isabellinus), чекканы (Oenanthe isabellina) и немногие другие птицы. В нижних слоях воздуха, наполненного комарами, из стороны в сторону носились стрижи и ласточки; вверху же, на едва доступной простому глазу высоте, гордо кружились могучие грифы и орлы.

8 июля возвратился из своей курлыкской поездки В. Ф. Ладыгин, которому, несмотря на ветренную погоду, удалось произвести с по-

мощью той же брезентно-пробковой лодки промеры глубин водного слоя Курлык-нора и Тосо-нора. Как и следовало ожидать, северный, или верхний, бассейн значительно мельче южного, или нижнего; максимальная глубина первого в юго-западном заливе достигает свыше 5 саженей (10 *м*), тогда как глубина Тосо-нора — 16 саженей (32 *м*). Уровень воды стоял настолько высоким, что проток в месте переправы его в брод был не проходим, и моим спутникам, чтобы переправиться с одного берега на другой, пришлось пользоваться лодкой. Окрест живущие монголы пришли полюбопытствовать на флотилию экспедиции, долгое время недоумевая, как можно без страха сидеть при плавании по реке, а ещё более при плавании по глубокому солёному Тосо-нору, в бурю высоко поднимающему свои голубые волны. В. Ф. Ладыгину стоило больших трудов втолковать монголам-подводчикам согласиться на переправу через проток в лодке; в конце концов монголы набрались храбрости и вступили в лодку, но, чтобы не видеть самого процесса переправы, закрыли глаза; вступая в лодку и выходя из неё, монголы в смущении и страхе перебирали чётки и читали молитвы.

По приведении в порядок дневников В. Ф. Ладыгин всецело отдался коллектированию растений и бабочек как в нижней зоне хребта, так и в верхней. По части флоры нижнему поясу, граничащему около 12 000 футов (3 660 *м*) над морем, более или менее свойственны: ломонос (Clematis tangutica), лютики (Ranunculus affinis, R. pulchellus var. pseudohirculus и var. burchanbuddensis, R. tricuspis), Oxytropis thomsoni, O. chiliophylla, Oxytropis immersa, O. Stracheyana, O. kashmiriana, астрагал (Astragalus confertus), курильский чай (Potentilla fruticosa), горькая трава (Saussurea silvatica, S. Thoroldi, S. Medusa, S. pygmea, S. phaeantha, S. Przewalskii), Mulgedium tataricum, желтуха (Senecio pedunculatus), волчьи очи (Aster altaicus, A. heterochaeta), белолозник (Eurotia ceratoides), Pleurogyne brachyanthera, горечавки (Gentiana falcata, G. straminea, G. leucomelaena, G. squarrosa), божьи ручки (Primula pumilio), проломник (Androcase tapete), Lagotis brachystachya, мытники (Pedicularis labellata, P. ternata), последний впрочем заходит в средний пояс; белозор (Parnassia viridiflora), касатики (Iris oxypatala, I. Bungei); второй вид касатика распространяется до 13 000 футов (3 960 *м*) над морем; ещё выше заходят следующие два вида лука: Allium Przewalskianum и A. chrysocephalum — в особенности последний; тмин (Carum Carvi), который, как и мытник, простирается значительно выше; Goldbachia laevigata, хармык (Nitraria Schoberi), Myricaria germanica v. alopecuroides, Reaumeria kaschgarica, R. Przewalskii), мышьяк (Thermopsis lanceolata), Triglochin palustre, T. maritimum, второй переходит в средний пояс; погремушки (Silene conodeae tenuis), колючка, или перекати-поле (Salsola Kali); лебеда (Atriplex hortensis), можжевельник (Juniperus excelsa), гусиный

лук (Gagea pauciflora), сардана (Hedysarum miltijugum); последние два растения восходят до 13 000 футов (4 000 *м*) над уровнем моря; осреп (Carex Moorcroftii), житняк (Bromus alaicus), Agropyrum longearistatum, A. imbricatum и тибетская мурава (Poa tibetica, P. attenuata).

В области альпийских кустарников от 12 000 до 14 000 футов (от 3 700 до 4 300 *м*) над морем: горицвет (Adonis coerulea), астрагал (Astragalus Kuschakewiczi), жимолость (Lonicera hispida), прорезная трава (Leontopodium alpinum), воробьиное просо (Anaphalis lactea), Werneria Ellisii, желтуха (Senecio campestris), горечавки (Gentiana siphonantha, G. barbata[1], G. glomerata var. Kozlowi, G. pseudoaquatica, G. Przewalskii), Przewalskia tangutica, божьи ручки (Primula nivalis), мытники (Pedicularis lasiophrys, P. Przewalskii)[2], медовик (Dracocephalum heterophyllum), Saxifraga tangutica[3], касатик (Iris tigridia), Polygonum bistorta, ревень (Rheum spiciforme), Cheiranthus roseus, Smelowskia tibetica, Braya rosea var. bifallora, Eutrema Edwardsii, маткина душка (Viola tianschanica), Pennisetum flaccidum, песчаный пырей (Kolleria cristata), головастик (Corydalis stricta) и осока (Kobresia Sargentiana).

И наконец, в верхнем поясе альпийских лугов и прилежащих россыпях: лютик (Ranunculus gelidus), василек рогатый (Delphinium densiflorum), горькая трава (Saussurea Medusa), Cremantodium humile, Cr. discoideum, пушник (Crepis sorocephala) и другие.

Последняя охотничья поездка в верхний пояс гор была удачна в смысле приобретения медвежьего скелета, отпрепарированного на месте. Все же предыдущие экскурсии за медведями были безуспешны, несмотря на то, что этот зверь в рассматриваемых горах довольно обыкновенен; по крайней мере монголы его часто встречают.

Мишка смело заходит по ночам на их стойбища и крадёт баранов. Незадолго же до нашего возвращения из Тибета большой медведь неожиданно появился днем и, приблизившись к открытой двери одной из юрт, остановился, разинул пасть и начал громко реветь. По счастью, в юрте оказалось двое охотников, которые тут же на месте уложили непрошенного гостя. Минувшей же осенью, в 20-х числах ноября, в ущелье Бургусутай тибетский медведь произвел настоящий погром. По словам монголов произошло следующее: одна из цайдамских семей, состоявшая из старухи матери и молодого сына с женой, со всем своим скарбом и скотом перекочёвывала из среднего пояса гор в нижний. Прибыв в намеченное для летовки урочище, кочевники приготовились устраивать своё походное жилище, как неожиданно, из ближайших кустов, к ним вышел медведь. Хозяин дома встретил

---

[1] Этот вид спускается в область нижнего пояса.

[2] Мытник Пржевальского проникает в верхний пояс альпийских лугов.

[3] Saxifraga tangutica распространяется до предела верхнего пояса.

Верхнее течение реки Ялуи-цзяна

зверя ударом сабли, не причинившим однако медведю серьезного вреда. Озлобленный мишка быстро покончил с монголом, круто изогнув его железный клинок, и напал на несчастных женщин, которые подверглись той же участи. По умерщвлении монгольской семьи зверь разорвал цепную собаку и нескольких баранов. Отведав затем мяса людей и баранов, свирепый мишка стащил все свои жертвы в одно углубленное местечко и покрыл войлоком, деревяшками и другими принадлежностями юрты; образовав таким образом груду из хлама, он расположился на нем отдыхать. Эту картину застал один монгол, не рискнувший однако выстрелить в бросившегося на него медведя; потом трое лучших местных охотников убили злобного зверя.

В последних числах июля прибыл наконец из командировки и Бадмажапов, отлично выполнивший все возложенные на него поручения. После этого экспедиция начала усиленно готовиться к выступлению в дальнейший путь — к дому. Верблюдов у нас теперь было около 60, лошадей также полный комплект. Тибетские кони всё ещё не привыкли к верблюдам, хотя уже не так ретиво фыркали и перестали взвиваться на-дыбы при встрече с этим животным.

30 июля наш большой караван оставил насиженное место и в два перехода перенес свой бивуак в соседство метеорологической станции, где при ключевом урочище Бага-тугрюк расположился на дневку. Сюда были доставлены остальные вьюки, хранившиеся на складе в хырме Барун-цзасака; сюда же прибыл и наш отшельник, заведывавший метеорологической станцией и ответственный наблюдатель Муравьев, привезший нам достаточное количество печёного хлеба, изготовленного им в течение нескольких последних дней. Расставаясь с хырмой, я опечатал метеорологическую будку, на которую прибил металлическую дощечку с надписью на русском и английском языках: «Метеорологическая станция Тибетской экспедиции Русского Географического общества». Монголы, приходившие прощаться, положительно осаждали наш лагерь; как и прежде, они угощали нас неизменным кумысом. Прибыли также Барун-цзасак и хамбо-лама — тибетец, оба подарившие мне на память по лошади. Наши подарки приходили к концу. Кроме монголов барунского хошуна ко мне приехали с прощальным приветом представители хошуна Цзун-цзасака и представители Курлык-бэйсэ. Для меня не могло быть большего удовольствия, как то, которое я теперь переживал, убеждаясь в искренности лучших к нам отношений монгольского народа.

В заключение этой главы считаю не безынтересным привести заметку служащего Главной физической обсерватории (в Ленинграде) Антона Антоновича Каминского о климате страны по данным пайдамской метеорологической станции.

«Экспедиция, снаряженная под начальством П. К. Козлова в

Монголию и Кам, доставила походный метеорологический журнал за всё время нахождения в пути, а сверх того ею была организована полная метеорологическая станция 2-го разряда в юго-восточной части Цайдама, в хырме Барун-цзасака, где наблюдения делались регулярно с конца апреля 1900 года до конца июля 1901 года; отчасти одновременно с этой станцией находилась в действии полтора месяца, а именно — с конца июня до середины августа 1901 года, другая, временная метеорологическая станция, расположенная на северном склоне хребта Бурхан-Будда, в ущелье Хату, к югу от хырмы Барун-цзасака. Так как оба указанных пункта находятся на окраине Цайдамской котловины, то выводы из метеорологических данных для них могут быть распространены на всю котловину лишь с оговорками в отношении некоторых элементов климата, в особенности ветров и атмосферных осадков. Но, с другой стороны, принимая во внимание, что дно котловины представляет из себя обширную равнину, не пересекаемую горами, можно с уверенностью сказать, что в отдельных частях равнины климат не может резко различаться. Климатические границы котловины, вообще говоря, совпадают с водораздельными хребтами, образующими эту котловину.

Цайдамская равнина расположена на высоте около 2 700—3 000 *м* (8 700—9 800 футов) над уровнем моря, а хырма Барун-цзасака находится на высоте 9 380 футов (2 860 *м*).

«Изучение общих воздушных течений в горных странах представляет вообще большие трудности ввиду существования местных ветров, в особенности так называемых горно-долинных бризов. Днём ветер дует вверх по долине и по склонам гор, ночью же наоборот — с гор вниз по склонам и долинам к равнине. Горно-долинные ветры наблюдаются и в Цайдаме, как о том особенно отчетливо свидетельствуют ежечасные записи станции в хырме Барун-цзасака; такие записи велись в течение 4 месяцев: одного зимнего, одного весеннего, одного летнего и одного осеннего, от 7 часов утра до 9 часов вечера.

«Дневной, долинный бриз в названном пункте дует от СЗ, С или СВ (преимущественно от СЗ), ночной же, горный бриз, от противоположных румбов, преимущественно от ЮЗ. Чередование ветров в указанном смысле в хырме Барун-цзасака обусловливается направлением ближайшего к ней горного хребта Бурхан-Будда, который находится к югу и к юго-западу от нее. Вообще направление как горного, так и долинного ветров зависит от того, в какой стороне от станции находятся горы: так, вблизи гор, окаймляющих Цайдамскую равнину с севера, дневной долинный ветер дует от южных румбов, а ночной горный ветер от северных румбов, как это видно из данных походного журнала П. К. Козлова. Чередование горных и долинных ветров происходит с наибольшей правильностью при спокойном состоянии атмо-

сферы. Такая правильность нарушается, когда при прохождении циклона воздушные массы нижнего слоя весьма значительной мощности устремляются из области высокого давления к барометрическому минимуму. Такие общие воздушные течения дуют в Цайдаме зимой преимущественно от румбов южной половины компаса (чаще всего от ЮВ); ветры от этих румбов в течение зимнего сезона имеют перевес над ветрами других румбов как ночью, так и днем. Летом замечается преобладание воздушных течений от северных румбов (преимущественно СЗ); весна в отношении распределения ветров образует переход от зимы к лету. Что же касается осени, то наблюдения не дают определенного указания на явное преобладание общих воздушных течений того или иного направления.

«Климат Цайдама оказывается несколько мягче, чем можно было бы ожидать, судя по географическому положению этой местности; зима в хырме Барун-цзасака (на высоте 2860 *м* над уровнем океана) имеет почти одинаковую температуру, как и Leh, расположенный на 2° южнее, но и на 340 *м* выше, средняя же температура лета в хырме Барун-цзасака на 1° выше. Средняя годовая температура в хырме Барун-цзасака получилась 3° С, средняя температура самого холодного месяца (января [1]) — 13°, а самого теплого (августа) 17° С. От августа к декабрю температура понижается довольно равномерно и притом быстрее, чем идет нагревание от февраля к июлю. Такая же средняя годовая и в общем незначительно отличающиеся средние месячные температуры, как и в названном пункте Цайдама, наблюдаются на Армянском нагорье в Карсе, который лежит на $4^1/_2°$ севернее и на 1 140 *м* ниже; но суточные колебания в Карсе значительно меньше. На небольшой высоте мы встречаем приближенно такие же среднюю годовую и средние месячные температуры в южной части Вятской губернии, где однако суточные колебания температур ещё меньше, чем в Карсе.

«Суточные колебания температуры воздуха в Цайдаме вообще весьма значительны, благодаря большой высоте над уровнем моря. Средняя амплитуда суточных колебаний (по показанию максимального и минимального термометров) достигает в марте и декабре 20° С и только в летние месяцы почти не выходит из пределов 14 и 15°. Наибольшая амплитуда наблюдалась 15 апреля 1901 года, когда суточный максимум достиг 19,5°С, а минимум оказался: — 9,4°С. Не отмечено ни одного случая, когда бы суточный максимум превысил минимум менее чем на 5°, между тем как, например, в С.-Петербурге средняя месячная амплитуда колебаний температуры в зимние месяцы почти не превышает 5° и ни в одном месяце не достигает 10°,

[1] Месяцы в этой статье-заметке везде показаны по новому стилю.

в отдельные же дни крайние температуры суток весьма редко различаются более чем на 16°.

«Самая высокая температура в хырме Барун-цзасака наблюдалась 26 июня 1901 года, а именно 33°. Вообще до 33° С термометр в термометрической будке подымался редко. Самая низкая температура записана 4 февраля 1901 года, когда минимальный термометр показал —29,9° С.

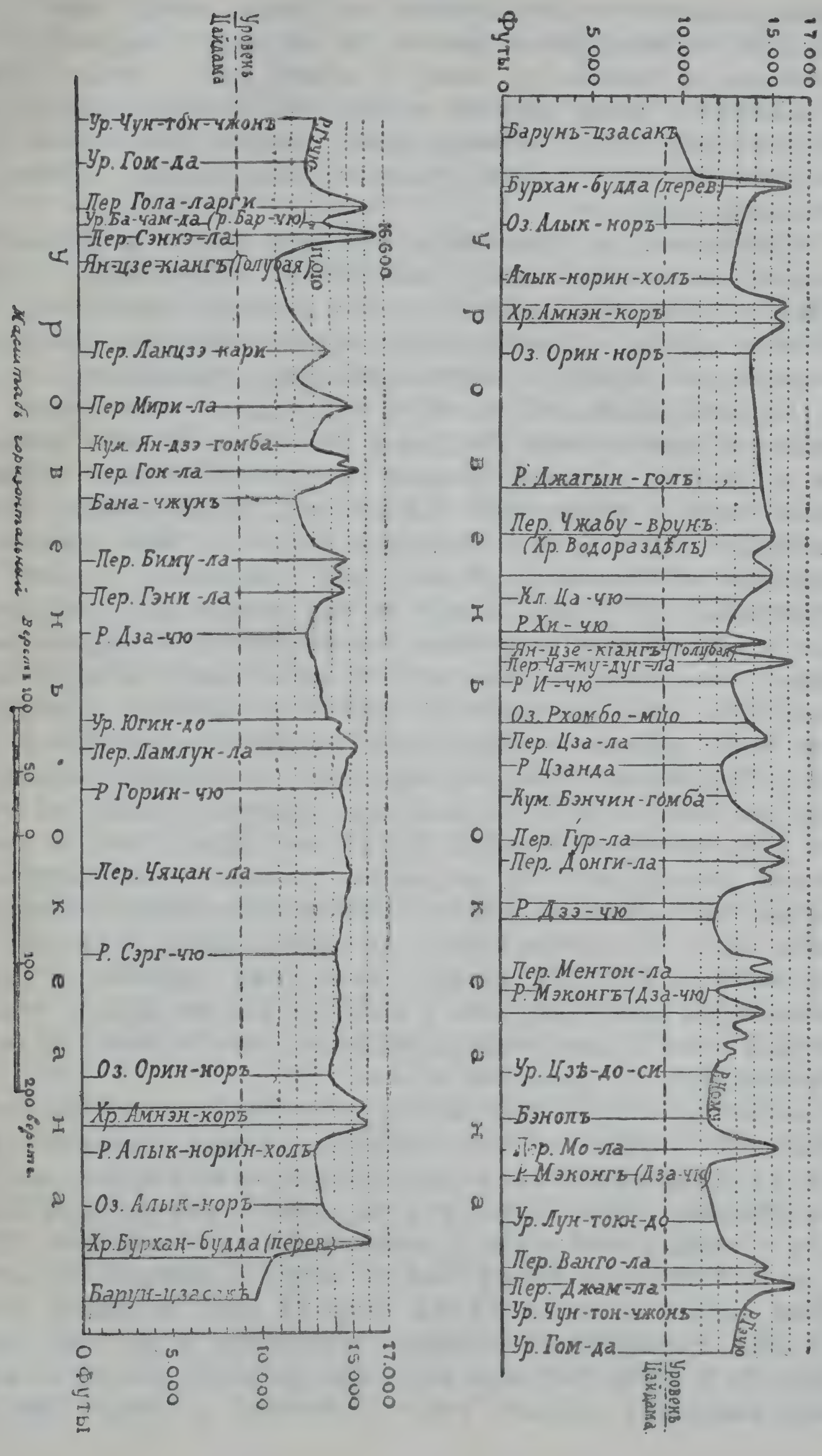
«Дней с морозом (по минимальному термометру) в хырме Барун-цзасака в течение года отмечено 226, причём последний весенний мороз записан 31 мая, а первый осенний 10 сентября. Столько же морозных дней, как и в Цайдаме, наблюдается на северо-востоке Европейской России и в Тобольске.

«Дней без оттепели в зиму 1900—1901 годов наблюдали в хырме Барун-цзасака 81.

«За все время наблюдений только раз наименьшая температура суток оказалась несколько выше 15°.

«Как и следовало ожидать, первые вполне надежные наблюдения над влажностью воздуха в Цайдаме показали, что климат этой местности отличается сухостью, но далеко не в такой степени, как климат пустыни. В январе средняя относительная влажность достигает 64%, во все же остальные месяцы она значительно меньше. Наибольшая сухость воздуха наблюдалась в марте (средняя относительная влажность — 27%); к лету влажность увеличивается (в среднем за месяцы с мая по август — 47%), а затем наступает сухая осень, причём с сентября по ноябрь средняя относительная влажность получается около 38%.

«В весенние месяцы, а также в начале марта относительная влажность иногда падает днем даже ниже 10%; замечательно при этом то, что такая сухость наблюдается почти исключительно при северо-западном ветре, который достигает хырмы Барун-цзасака, пройдя над Цайдамской равниной, тогда как высокая температура и чрезвычайно большая сухость его придают ему характер известного в горных странах так называемого «фёна», то-есть ветра, перевалившего через горы. От фёна этот сухой цайдамский ветер отличается однако тем, что он не умеряет суточных колебаний температуры; напротив, в те дни, когда относительная влажность была особенно мала, ниже 15% и даже ниже 10%, большей частью суточные колебания температуры были весьма значительны. Это-то обстоятельство и подтверждает предположение, что мы имеем дело не с фёном. Очевидно, необходимо искать другое объяснение описанным суховеям. Наблюдаются эти суховеи как при высоком, так и при низком давлении, притом чаще при низком, и поэтому далеко не всегда можно отнести их сухость на счет нисходящих токов в антициклонах. В окру-


Футы 0
5.000
10.000
15.000
17.000
Барунъ-цзасакъ
Бурхан-будда (перев.)
Оз. Алык-норъ
Алык-норин-холъ
Хр. Амнэн-коръ
Оз. Орин-норъ
Р. Джагын-голъ
Пер. Чжабу-врунъ (Хр. Водораздѣлъ)
Хл. Ца-чю
Р. Хи-чю
Ян-цзе-кіангъ (Голубая)
Пер. Ча-му-дуг-ла
Р. И-чю
Оз. Рхомбо-мцо
Пер. Цза-ла
Р. Цзанда
Кум. Бэнчин-гомба
Пер. Гур-ла
Пер. Донги-ла
Р. Дзэ-чю
Пер. Ментон-ла
Р. Мэконгъ (Дза-чю)
Ур. Цзѣ-до-си
Бэнопъ
Пер. Мо-ла
Р. Мэконгъ (Дза-чю)
Ур. Лун-токн-до
Пер. Ванго-ла
Пер. Джам-ла
Ур. Чун-тон-чжонъ
Ур. Гом-да
Уровень Цайдама.
Уровень океана
Ур. Чун-тон-чжонъ
Ур. Гом-да
Пер. Гола-ларги
Ур. Ба-чам-да (р. Бар-чю)
Пер. Сэнкэ-ла
Ян-цзе-кіангъ (Голубая)
16.600
Пер. Ланцзэ-кари
Пер. Мири-ла
Кум. Ян-дзэ-гомба
Пер. Гон-ла
Бана-чжунъ
Пер. Биму-ла
Пер. Гэни-ла
Р. Дза-чю
Ур. Югин-до
Пер. Ламлун-ла
Р. Горин-чю
Пер. Чяцан-ла
Р. Сэрг-чю
Оз. Орин-норъ
Хр. Амнэн-коръ
Р. Алык-норин-холъ
Оз. Алык-норъ
Хр. Бурхан-будда (перев.)
Барун-цзасакъ
0 Футы
5.000
10.000
15.000
17.000
Уровень Цайдама
Масштабъ горизонтальный верстъ 100 50 0 100 200 верстъ

женную высокими горами котловину воздушные массы извне приносятся лишь на значительной высоте, где они могут содержать в себе водяной пар, в особенности зимой и весной, лишь в весьма небольшом количестве; таким образом весной, пока местное испарение ещё мало обогащает воздух водяным паром, каждое значительное повышение температуры и должно сопровождаться сильным падением относительной влажности.

«Наблюдения над облачностью находятся как бы в противоречии с данными влажности: самый сухой месяц — март — имеет среднюю облачность в 94%, а в апреле и мае она достигает почти 100%; только осенние месяцы — в соответствии с ходом влажности — оказываются относительно ясными; в сентябре облачность уменьшается почти до 50%. Большая облачность весной, то-есть в самое сухое время года, объясняется присутствием как раз в это время больших количеств пыли в воздухе, с одной стороны благоприятствующих сгущению водяных паров и образованию облаков, а с другой стороны нередко омрачающих небесный свод настолько, что могут быть приняты наблюдателем за облачность. Ясных дней отмечено в течение года 37, пасмурных 201. Туман ни разу не был записан. Если изверженная вулканом мелкая пыль не остается без влияния на метеорологические условия до тех пор, пока атмосфера от неё не освободится, то нельзя не допустить, что и те огромные количества поднятой в пустыне и степях пыли, которые особенно часто омрачают нижние слои атмосферы в Центральной Азии, а в частности и в Цайдаме, не могут не влиять на температуру и на влажность воздуха, а также на облачность и на выпадение осадков. Присутствие пыли в воздухе должно сказаться прежде всего на уменьшении колебаний температуры как суточных, так и годовых. Ночное лучеиспускание почвы уменьшается облаком пыли, но и интенсивность нагревания почвы, а вместе с тем ближайшего к ней слоя воздуха днем тоже ослабляется пылью. Большое число пасмурных дней в Цайдаме, как мы видели, тоже находится в связи с запылением атмосферы, причём пыль не всегда можно отличить от сплошного облака.

«Атмосферных осадков выпало в течение года 108 *мм*, то-есть приближенно столько, сколько выпадает в степях Закаспийской области, но распределяются они здесь по сезонам не так, как там. Наиболее обильные осадки приходятся на месяц с мая по июль (свыше 20 *мм* в месяц); наибольшее суточное количество достигало 15,7 *мм* (24 июня 1900 года). Из 44 дней в году, в каждый из которых осадков выпало не менее 0,1 *мм*, было 12 дней со снегом. Больше всего дней с измеримыми осадками получилось в мае 1901 года, а именно 12. В марте 1901 года не выпало ни капли дождя, не наблюдалось измеримых осадков также в октябре и ноябре 1900 года.

В противоположность такому распределению осадков по месяцам в Закаспийской области, как известно, бездождием отличаются летние месяцы.

«В течение лета (июнь, июль, август) отмечено 16 дней с осадками, весной наблюдалось 14 дней с осадками, осенью всего только 2 дня и зимой (декабрь, январь, февраль) — 5 дней. Возможно, что приведенные числа не вполне точны; дело в том, что осадки выпадали значительно чаще, но нередко количество их при измерении оказывалось менее 0,1 *мм*; несомненно часть попавшей в дождемер воды испарялась до наблюдения, если после дождя относительная влажность значительно уменьшалась. Всего дней, в которые наблюдались дождь, снег или крупа, отмечено в течение года 67.

«Снежный покров в Цайдамской равнине появился 20 декабря 1900 года, но затем через несколько дней исчез, и к концу декабря уже совсем не оставалось снега. 15 января 1901 года опять выпал снег и на этот раз пролежал до 8 февраля. Так как за зиму 1900—1901 годов в виде снега выпало осадков всего 10 *мм*, то очевидно толщина снежного покрова не могла быть значительна; она едва ли превышала несколько сантиметров, но тем не менее в то время, когда долина была покрыта снегом, пыли в воздухе почти не замечалось. В упомянутую зиму первый снег выпал в хырме Барун-цзасака 29 сентября, а последний 23 мая. На склонах гор снег появился, само собой разумеется, раньше и исчез позже.

«Грозы в Цайдамской равнине редки; записаны 3 близкие и 2 отдаленные грозы; чаще наблюдалась зарница (11 раз), из чего можно заключить, что в горах, окружающих равнину, грозы бывают чаще.

«В заключение дадим краткую характеристику погоды в хырме Барун-цзасака по сезонам.

«Зима (декабрь, январь, февраль) имеет среднюю температуру —12° при средней относительной влажности в 57%. Суточные колебания температуры весьма значительные, в среднем выводе 19°, дней без оттепели наблюдалось 75. Осадки выпадают весьма редко и в весьма малом количестве: за всю зиму 1900—1901 годов измерено 8 *мм*. Небо большей частью закрыто мглой, сквозь которую однако нередко светит солнце.

«Весной (март, апрель, май) температура днем подымается, за весьма редкими исключениями, выше 0°, но тем не менее даже в мае наблюдалось 9 дней с морозом. Средняя температура весны 0°. Суточные колебания температуры несколько меньше, чем зимой. Часто дуют сухие ветры, причём относительная влажность ниже 20%, а иногда и ниже 10%. Средняя относительная влажность весны 37%, а в марте только 30%. В воздухе много пыли. Осадков выпадает

в марте и апреле весьма мало, но в мае начинается относительно дождливый период.

«Летом (июнь, июль, август) суточные колебания температуры хотя и меньше чем в остальные времена года, но всё же средняя суточная амплитуда за три летних месяца достигает 14,7°. Средняя температура лета 17°. Морозов в летние месяцы не наблюдали. Средняя относительная влажность 48%; она почти одинакова в отдельные летние месяцы. Осадки выпадают довольно часто, хотя и не дают значительных количеств. Пасмурных дней меньше чем зимой и весной.

«Осень (сентябрь, октябрь, ноябрь) с средней температурой в 3° и средней относительной влажностью в 39% отличается от весны несколько большей ясностью неба, хотя пыльные бури часто проносятся над равниной и осенью. В сентябре наблюдалось, как и в мае, 9 дней с морозом, дней без оттепели за всю осень было 5. Осадков в течение трех осенних месяцев измерено лишь несколько более 1 *мм*».

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

ПО ВОСТОЧНОМУ НАНЬ-ШАНЮ

Обратное следование по Восточному Цайдаму. — Невольная стоянка в окрестности Дулан-хит. — Новый путь через долину озера Далай-дабасу. — Вид Куку-нора с перевала Цзагостэнкотул. — Наш дальнейший путь вдоль южного берега этого бассейна. — Города Донгэр и Синин. — Монастырь Чойбзэн и путь в Чортэнтан; трехдневное здесь пребывание. — Хребет Северо-Тэтунгский и выход на большую дорогу. — Приход в Куань-гоучен; описание этого вновь открытого городка.

Если с приходом экспедиции в Цайдам с севера считался оконченным первый акт её деятельности, то с возвращением в эту страну с юга окончился и второй — самый важный, составлявший основную задачу путешествия. Теперь встал на очередь третий и последний акт — следование экспедиции к родным пределам.

2 августа 1901 года, чуть забрезжила на востоке заря, наш караван отправился на пересечение обширной долины Цайдама, держа северо-северо-восточное направление.

Достигнув речки Хара-усу, мы расположились бивуаком. К часу дня температура воздуха поднялась в тени до 27,2°, а поверхность песка, залегавшего кое-где отдельными бугорками, накалилась свыше 68°. Вся долина Цайдама постепенно окутывалась едва заметной серой пыльной дымкой, усиливавшей действие жара. Только к пяти-шести часам дня возвращалось лучшее состояние, которое обыкновенно продолжалось до утра следующего дня. По всей орошённой части долины Цайдама виднелась сплошная зелень, то в виде высоких и низких, густых или разреженных кустарников, то в виде пышных трав. В подобных зарослях стройная газель (Gazella subgutturosa) и охотник, не замечая друг друга, нередко сходились вплотную; впрочем, осторожный зверь, зачуяв человека по ветру, всегда во-время ретировался высокими грациозными прыжками.

Баян-гол в это время имел широкий, свыше 100 сажен (200 *м*) плёс, по краям которого быстро неслись грязные волны реки в виде двух рукавов, разобщенных песчано-глинистой мелью. Наибольшая глубина брода не превышала двух футов (60 *см*) и мы, благодаря опытности проводника Баля, благополучно переправились. Правый, или северный, берег Баян-гола отличался еще более тучными пастбищами нежели левый, или южный; с севера долину приятно разнообразят обширные болота Иргицюль и Далын-тургын с многочисленными озерками, обставленными высоким камышом. По утрам и вечерам здесь замечалось оживление среди плавающих и голенастых пернатых; вблизи слышались их разнообразные голоса, вдали виднелись бóльшие или меньшие стайки, перемещавшиеся с одного озерка на другое. Как в весеннее время, так и теперь на цайдамских болотах преобладали утки-нырки — красноноски, белоглазые, а также кряквы, чирята; кроме того попадались и турпаны, а из голенастых чаще других выдавали себя черношейные журавли, ржанки, крачки, кулики-улиты, песочники, зуйки и немногие другие. В густых прибрежных зарослях хармыка, судя по оставленным следам, бродили медведи, но на глаза нам не попадались. С той и с другой стороны Баян-гола в это время года «весенние грязи» отсутствовали, и мы могли следовать наикратчайшим путем. Тем не менее для пересечения Цайдамской долины понадобилось четыре перехода.

На предпоследнем из этих переходов нам попались навстречу цайдамские монголы, возвращавшиеся из Донгэра со всевозможными покупками, необходимыми в обиходе кочевника. Обрадованные неожиданным свиданием с экспедицией, цайдамцы откровенно говорили нам, что своему благополучию в дороге они обязаны исключительно русским, то-есть нам, кого так сильно боятся кукунорские тангуты. Считаясь с этим обстоятельством, монголам достаточно было заявить, что они везут русскую почту, чтобы вполне гарантировать свою безопасность со стороны неоднократных подступов грабителей оронгын. На прощанье находчивые монголы просили нас при случае не выдать тангутам их «военную хитрость».

За долиной Баян-гол местность на нашем пути постепенно повышается; глинисто-солончаковая почва сменяется песчаной или хрящеватой; взамен же богатых равнинных пастбищ поднимаются пустынные холмы или увалы, придающие пейзажу крайне печальную картину. Последняя ещё более омрачилась во время нашего прохождения в дождь, не перестававший падать почти весь день. Правда, наших животных не мучили оводы, и они шли бодрее, но зато мы сами промокли насквозь, сделав 44-вёрстный переход. По случаю той же ненастной погоды мы не могли видеть с командующих высот, как весной прошлого года, колоссального хребта Бурхан-Будда, чтобы бросить

этой северной грани Тибета наш прощальный взгляд. Вследствие того же дождя урочище Дам-намык превратилось в сплошное болото, и мы волей-неволей принуждены были расположиться на нем лагерем.

Утром соседние горы вновь «закурились» кучевыми облачками, картинно отделявшимися ввысь и заполнявшими собой, словно льдины в реке, свободные лазоревые пространства.

Там и сям журчали ручьи, несшие воду в общую котловину солёных бассейнов Дулан-нор и Сэрхэ-нор. Связывающий эти озёра проток Борин-хол был переполнен солёной, грязной жидкостью и поэтому осложнил переправу в брод ещё более нежели весной минувшего года при переднем нашем движении в Тибет. Скользкая, липкая грязь довершала путевые невзгоды и трудности. Наконец, благополучно выбравшись из солёной грязи и вступив в обсохшую уже полосу равнины, мы вновь принуждены были остановиться на час-другой. На этот раз нас задержал горный поток, пришедший валом с севера. По спадении этих горных вод мы кое-как добрались до передового каменистого выступа, или холма, Эрдэни-обо и здесь при «Драгоценном ключе» — Эрдэни-булык — могли удобно расположиться и высушить походные принадлежности.

Этот Драгоценный ключ, или урочище, нам посчастливилось увековечить определением его географических координат[1]. Окрест обособленной крутой горки Эрдэни-обо широко расстилались поля ячменя, окаймленные словно живой изгородью пышным, скрывавшим всадника с лошадью, дэрэсуном. Отсюда решено было вести дополнительную съёмку на южный берег Куку-нора и предпринять дальнейшее следование вдоль этой части озера, а не вдоль северного его берега, как предполагалось раньше. Причиной изменения маршрута послужили те же дожди, которые, по словам встречных монголов, бесцельно прожившие более недели на Бухайн-голе, подняли уровень этой реки настолько высоко, что об обычной переправе в брод нечего было и думать; иного же способа попасть с одного берега реки на другой здесь не существует. Нередко впрочем бывает, что смельчаки-туземцы, прождав напрасно неделю-другую, решаются переправиться через Бухайн-гол вплавь на лошади, но это не всегда проходит им безнаказанно.

Следующий затем переход вверх по Дулан-голу привел экспедицию к устью ущелья его правого притока — Карагайту-гол. До кумирни Дулан-хит караван двигался среди хлебных полей и густых, высоких трав, ласкавших глаз усталого путника. По склонам соседних гор, в особенности повыше монастыря, паслись многочисленные стада

[1] Географическая северная широта урочища «Эрдэни-обо», 36° 55′ 31″, з. восточная долгота от Гринвича 98° 24′ 17″. Высота этого пункта над морем 9710 футов (2 960 *м*).

баранов, а их хозяева монголы группировались своими юртами по дну ущелий. Необычайные ливни оставили повсюду следы разрушения; долина во многих местах была прорезана свежими рытвинами, оврагами, тогда как прежние выемки заравнялись выносами из ближайших ущелий. Жители не узнавали своих мест и ночью положительно не могли ориентироваться среди всякого рода обвалов и заграждений дороги.

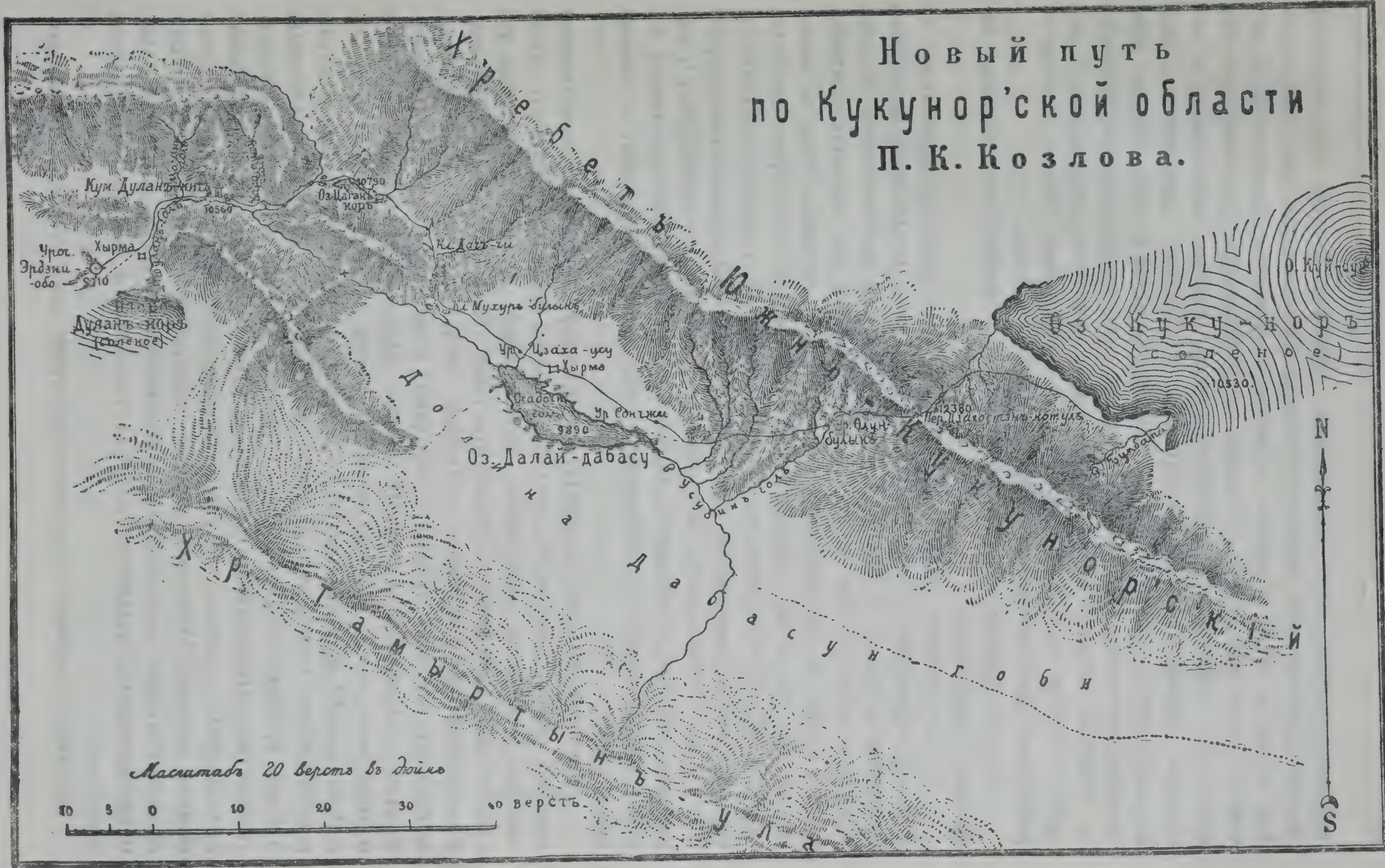
На утро 12 августа, распрощавшись с цайдамскими проводниками, мы не без труда подняли наш караван и двинулись к озеру Цаган-нор. Последнее, на счет всё тех же дождей, значительно увеличило свои прежние размеры и почти утратило солоноватый вкус. По словам нашего нового проводника-старика, хорошо знавшего вообще Кукунорскую область, озеро Цаган-нор образовалось недавно, в течение каких-нибудь 30—35 последних лет. Сам он в молодые годы свободно разъезжал по всей цаганнорской долине, имевшей тогда лишь периодические лужицы. С течением времени лужицы увеличивались, а вслед за одним необычайно дождливым летом появилось и настоящее озеро.

Наиболее отрадным уголком последнего можно считать северный берег, где у подножья красно-гранитных скал выбегает студёный, прозрачный ключ, орошающий приозёрный луг. На этом ключе мы дважды располагались бивуаком — в передний и в обратный путь.

Обогнув ближайшие к восточному берегу озера горные мысы, экспедиция направилась узкой долиной, образуемой с одной стороны хребтом Южно-Кукунорским, с другой безымянной горой, держа курс на юго-восток. Вскоре, по дороге, мы миновали характерный холм, расположенный близ ключа Даг-чи; на холме этом часто можно видеть сторожевых монголов, наблюдающих за грабителями тангутами. Те и другие кочевники проживали рядом, пользуясь превосходными пастбищами. Тангуты с яками предпочитали горы, монголы с верблюдами — равнину.

Пройдя затем ключ Мухур-булык и приблизившись к северо-западной окраине солёного бассейна Далай-дабасу, мы при урочище Цзаха-усу устроились на ночёвку.

Долина Дабасун-гоби, в которую мы теперь вступили, простирается, согласно ориентированию гор, в северо-западном — юго-восточном направлении. В наиболее глубокой её части — 9 890 футов (3 020 *м*) над морем — лежат горько-солёные воды озера Далай-дабасу, имеющего в окружности около 50 верст. Ежегодно в течение осеннего, зимнего и весеннего времени монголы трех прилежащих хошунов добывают здесь соль. Местная соль, с значительной примесью ила, сбывается в городах Донгэре, Синине и Лань-чжоу-фу. На северном берегу озера имеются отличные родниковые воды, залегающие среди


Новый путь
по Кукунор'ской области
П. К. Козлова.
Хребетъ Южно-Кукунорскій
Оз. Куку-норъ
(соленое)
10530
О. Куйсу
Кум. Дуланъ-китъ
10569
10790
Оз. Цаганъ-коръ
Хырма
Урoч. Эрдэни-обо
9710
Дуланъ-норъ
(соленое)
К. Дахъ-ци
Мухуръ-булыкъ
Ур. Цзаха-усу
Хырма
Ур. Сонгжи
9890
Оз. Далай-дабасу
Долина Дабасун-гоби
12380
Пер. Цаганъ-котулъ
Олун-булыкъ
Хребетъ Гамыртынъ-ула
Масштабъ 20 верстъ въ дюймъ
10 5 0 10 20 30 40 верстъ
N
S

широкой полосы густо-травянистых пастбищ. Общий же характер долины Дабасун-гоби пустынно-степной. Её глинистая или солончаковая почва по мере удаления к востоку сменяется каменистой и песчаной. Почти все речки, питающие этот замкнутый, солёный бассейн, приходят с соседнего Южно-Кукунорского хребта, населяемого в настоящее время почти исключительно тангутами. Прежние же владельцы монголы лишь с сожалением вспоминают о своих старых привольных кочевьях. Подобно цайдамцам, дабасунские обитатели имеют на северном берегу озера хырму для хранения имущества и для сосредоточения сил против вторжения неприятеля. Подле глиняного укрепления располагались небольшие поля ячменя.

В этой долине мы устроили дневку в целях приобретения нескольких верблюдов.

В прекрасную погоду 17 августа нам удалось подняться на Южно-Кукунорский хребет и с его седловины, называемой монголами Цзагостэн-котул, в 11 380 футов (3 468 *м*) над уровнем моря увидеть Куку-нор, или Голубое озеро. Правда, на этот раз сероватая окраска воды далеко не оправдывала монгольского названия, тем не менее общий вид озера был величественно прекрасен. За крутым северным склоном Южно-Кукунорского хребта широкой гладью расстилалась его блестящая поверхность, на которой резко выделялись полуострова и острова, в особенности большой или главный остров Куйсу[1], где имеется небольшая кумирня и проживают ламы. Противоположный же берег озера, казалось, сливался с облаками, утопавшими в волнах Куку-нора.

Спустившись по крутому, глубокому и крайне извилистому ущелью около трех вёрст, нам было очень приятно поставить наши палатки в области альпийских кустарников и лугов, так как это давало нам возможность увеличить наши ботанические и зоологические коллекции. Несмотря на конец лета, растительность всё ещё выглядела зеленой; только в верхнем поясе кое-где луга отливали желтым увядающим тоном. В общем Южно-Кукунорский хребет и в этом месте носит тот же характер, какой нами прослежен в передний путь, в 70 верстах западнее. И здесь северный склон уже и круче, южный шире и положе; и здесь верхний пояс богат альпийскими лугами, средний кустарниками, а нижний степной травянистой растительностью. Вследствие большей крутизны и большего скопления атмосферных осадков северный склон несравненно больше размыт нежели южный. Основной породой, слагающей описываемый хребет, по крайней мере в последнем пересечении, является серый, твердый, мелкозернистый слюдисто-глинистый песчаник, к которому в нижнем

[1] Куйсу, в переводе с монгольского на русский язык, буквально означает пуп.

поясе того же северного склона примешивается буро-серый плотный известняк с многочисленными прожилками белого кварца и кальцита.

По части флоры здесь нами было собрано или замечено: лук (Allium cyaneum, A. manodelphum), дубровка (Ajuga lupulina), Lancea tibetica, очень оригинальное и красивое растение Incarvillea compacta, мытник (Pedicularis longiflora), тангутская горчица (Cardamine tangutica); кроме того этому хребту, как о том указано выше, свойственно порядочное разнообразие кустарников, густо укрывающих крутые бока многочисленных больших и малых ущелий.

Несравненно беднее оказались сборы по фауне, в особенности в отделах млекопитающих и птиц, достаточно уже изученных. Среди последних нами прослежены: пеночки, соловьи-красношейки, красно-крылые стенолазы, горихвостки, снегиревидные стренатки, красные и серые вьюрки, альпийские клушицы, сойки, щеврицы; из дневных хищников чаще других показывались: коршун, орел-беркут, гималайский, или снежный, гриф и бородатый ягнятник, с дребезжащим шумом пролетавший над нашим бивуаком; из ночных же хищников можно указать, судя по крику, на филина, сову и сыча; последний, впрочем, нередко давал о себе знать в любое время дня.

В следующие четыре дня перехода, с 18 по 21 августа, экспедиция, оставив ущелье пройденных гор и взяв направление к востоку, прошла вдоль всего южного берега Куку-нора.

В течение первых трех дней пути по берегу Куку-нора мы часто видели остров Куйсу, а в первые два дня кроме того и небольшой скалистый островок, расположенный к юго-западу от главного и отстоящий в 10 приблизительно верстах расстояния от южного берега.

В юго-восточном углу Куку-нора, в одной версте от берега этого озера, мы нашли следы древнего укрепления, имевшего в квадрате около 60 сажен (120 *м*). С возвышенной площадки, сохранившей лишь один фундамент, открывается вид на воды Куку-нора. Вблизи памятника китайского сооружения имеется природное возвышение, нечто вроде холма, на котором по преданию приносились жертвы богу-покровителю вод (Куку-нора). Ныне молитвы о Куку-норе приносятся значительно восточнее, вверх по реке Ара-холин-гол, на вершине каменистой гряды, откуда также хорошо видна обширная гладь Цин-хая.

22 августа экспедиция поднялась на перевал Нара-сарэн-котул, имеющий 11 600 футов (3 540 *м*) абсолютной высоты. Покидая замкнутый внутренний бассейн, мы вступали во внешний. С вершины перевала в западном направлении можно было бросить прощальный взгляд на Куку-нор, красиво расстилавшийся своей мягкой темно-голубой поверхностью, на которой остров Куйсу представлялся небольшим желтовато-серым пятном, дрожавшим в вибрации воздуха. На востоке громоздился сонм гор Восточного Нань-шаня, скрывавшего

в своих многочисленных складках лежащие впереди культурные долины.

По мере того как мы спускались, горизонт сокращался, в воздухе чувствовалось значительно теплее, население увеличивалось, кочевники сменялись земледельцами. Дорога все более оживлялась китайцами, тангутами и помесью тех и других, так называемыми донгэр-ва, свободно владеющими обоими языками. По сторонам дороги радовали глаз полоски созревшего хлеба — ячменя, пшеницы, овса, который уже начали убирать. Работа спорилась у трудолюбивых земледельцев, приезжавших обыкновенно на поля семьями и сопровождавших свое любимое занятие звонкой, монотонной песенкой. Какой резкий контраст в природе и людях на расстоянии всего лишь 50—60 вёрст! После пребывания в пастушеской стране было приятно видеть добродушных селяков, смело и с улыбкой спрашивавших нас: «куда идете?» — взамен, например, кукунорских номадов, которые косо, исподлобья смотря на тех же самых людей, удирали без оглядки. Не верилось, что мы уже близки к жизни, напоминавшей собой и нашу всё ещё далеко отстоявшую родину.

Городишко Шара-хото нами был оставлен вправо, а кумирня Дацан-сумэ влево; таким образом наш маршрут пролегал долиной небольшой речки Да-хэ, впадающей справа в Донгэро-синингскую реку подле города Донгэра. Означенная долина местами суживалась, местами расширялась, будучи обставлена второстепенными холмами, увенчанными обо, к которым взбегали извилистые тропинки. В узких местах, поросших густым кустарником и пышными травами, Да-хэ представляла чарующие уголки. Ложе этой речки очень крутое, каменистое, местами порожистое, и течение настолько бурливое и шумное, что голоса человека нельзя было слышать. Прекрасно разделанная дорога тянулась главным образом подле реки и только изредка поднималась к карнизам или кручам, откуда можно было видеть всю дикую прелесть ущельица. Мельницы и легкие мосты, переброшенные через речку, скорее увеличивали нежели ослабляли общее приятное впечатление.

24 августа, в 10 часов утра, мы вступили в долину донгэрской речки и удобно расположились лагерем вблизи южной стены города Донгэра. Население словно по сигналу высыпало на берег реки, на крыши, чтобы позевать на пришлых людей. К чести донгэрцев они вели себя замечательно учтиво и послушно и в течение двух суток, проведенных здесь экспедицией, у нас с туземным населением не произошло никаких неприятностей, наоборот — были самые дружелюбные отношения и не только в Донгэре, но и в остальных населенных пунктах, расположенных вдоль нашего пути по Восточному Нань-шаню.

В донгэрской долине мы встретили настоящее лето; здесь, в гу-

Караван в восточном Нань-шане

стой, непроницаемой кустарниковой зелени, в течение дня не смолкали голоса птиц, из которых чаще других на глаза показывались: соловьи-красношейки, горихвостки, красные вьюрки, стренатки, крупные и мелкие синицы, подвижный, вертлявый Pterorhinus davidi и красавцы-фазаны; на прибрежном галечнике держались большие серые кулики-серпоклювы, улиты и серые и желтые плиски.

Утром 26 августа экспедиция, разделившись на две партии, оставила Донгэр. Караван, во главе с А. Н. Казнаковым, двинулся прямым путем в монастырь Чойбзэн, я же налегке, в сопровождении лишь В. Ф. Ладыгина, Бадмажапова и Беляева, направился в Синин. Моя поездка мотивировалась желанием повидаться с цин-цаем и лично принести благодарность за услуги, оказанные им экспедиции.

Для большего удобства в пути я с своими спутниками отправился верхом на наёмных лошадях. Облачное небо и периодически перепадавший дождик способствовали улучшению нашего движения по большой дороге, пролегавшей вдоль берегов сининской реки. Последняя бешено неслась по галечному крутому ложу, в особенности в местах наибольшего сближения сопровождающих её горных увалов. По скату правого берега красиво поднимался берёзовый лес, левый же берег был почти сплошь укрыт кустарником и травой. В расширениях долины волновались пожелтевшие поля хлеба. По мере дальнейшего движения горы отошли в сторону, долина раздвинулась на несколько верст. Наблюдателю открылся вид на широкую площадь возделанной земли; поля, местами наполовину сжатые, красиво поднимались на плоские сопки; сам путь кроме того разнообразился китайцами, донгэр-ва, дунганами, ехавшими или направлявшимися пешком в ту или другую сторону. Там и сям по дороге стояли селения, постоялые дворы или небольшие лавчонки, в которых дремали ленивые и апатичные курильщики опиума; разносчики и продавцы пельменей громко стучали в свои торговые барабаны; по улицам селений важно расхаживали куры, свиньи и маленькие курносенькие китайские собачки, часто украшенные гремящими ошейниками. Общее приятное впечатление несколько омрачалось многими развалинами селений, не успевших ещё возродиться после грозного мятежа магометан.

У западной крепостной башни, превосходно выложенной из серого камня, мы переправились через быструю, довольно многоводную речку[1], приходящую с юга, впадающую неподалеку отсюда в Синин-хэ, и вошли арочным входом в город. Несколько солдат, стоявших на башне, тупо-бессмысленно глядели из-за бойниц в нашу сторону.

[1] Ширина каменистого русла этой речки простирается до 10 сажен (20 *м*) при глубине в месте брода около 1—2 футов (30—60 *см*). Выше брода высится мост, пришедший от времени в ветхость, а потому конное сообщение по нему было воспрещено.

На утро, приведя себя в порядок, мы отправились с визитами, о чем В. Ф. Ладыгин уже успел предупредить цин-цая и других главных должностных лиц Синина. Средством передвижения я избрал китайскую закрытую тележку, внутри которой мне можно было спрятаться от любопытных глаз; снаружи же усаживался В. Ф. Ладыгин, свободно переносивший всякую уличную толпу в Китае. Первый, к которому мы поехали с визитом, был цин-цай Бань-ши-да-чень, бывший сылан инородческого приказа, родом маньчжур — Ко-пу-тун-и. Невысокого роста, коренастый, округлый, с небольшими темными глазами и здоровым лицом, он производил хорошее впечатление. После обычных приветствий цин-цай утонченно поблагодарил за подарок, а затем с улыбкой начал выражать свой восторг по поводу моего благополучного возвращения из Тибета.

Поблагодарив цин-цая еще раз за его предупредительность и любезность, много раз проявленные как к экспедиции, так и ко мне лично, я отправился к дао-таю, или губернатору. Во дворе и за двором меня сопровождала многочисленная толпа, державшая себя крайне прилично.

Дао-тай, тоже маньчжур, переведен в Синин из Кульджи, где занимал подобную же должность. В Кульдже он был хорошо знаком с покойным В. М. Успенским и прочими членами российского консульства. Представительный, молодцеватый, дао-тай тем не менее выглядел крайне опечаленным; причиной этой печали, по признанию самого хозяина, было то, что у него в Пекине, во время разгрома, без вести пропала 16-летняя красавица дочь. Справившись с собой, дао-тай стал забрасывать меня вопросами о путешествии, о диких племенах Тибета, о наших с ними стычках.

Расставшись с дао-таем, мы через четверть часа были у чжень-тая — командующего войсками области. По слухам чжень-тай состоял видным членом антиевропейского общества «гэ-лао-хой», что не мешало ему быть по отношению к нам не только корректным, но даже изысканно вежливым и гостеприимным. Несмотря на свои немолодые годы, чжень-тай выглядел очень хорошо: держался ровно, ходил скоро. Громкий голос и величавая осанка изобличали в нем настоящего командира. Перед отъездом чжень-тай пригласил нас к себе на послезавтра на обед.

На следующий день, 28 августа, я принимал у себя сининских представителей; старшие из них жаловали ко мне в паланкинах, младшие приезжали в тележках или просто верхом на отличных иноходцах, убранных богатыми седлами. Каждого из китайских чиновников сопровождала более или менее многочисленная свита, имевшая в хвосте немало праздных добровольцев.

Накануне оставления Синина, в два часа дня, мы отправились

на званый обед к чжень-таю. Толпа, ориентировавшаяся по извозчику, заблаговременно собралась сопровождать наш экипаж, но, как и прежде, она была крайне сдержанна: за все время мы ни разу не слышали по нашему адресу её обычного в таких случаях эпитета — «ян-гуйцзэ», то-есть «заморский дьявол». Подъехав к дому чжень-тая и миновав его первые двое ворот, мы вышли из тряской тележки и последовали пешком в третьи ворота, за которыми уже увидели предупредительного чжень-тая, окруженного блестящей свитой. После приветственных рукопожатий мы направились в тесной компании под звуки китайского оркестра в большую, открытую с боков, столовую, расположенную напротив домашнего театра. В столовой мы были представлены четырем сослуживцам командующего войсками, принимавшим участие в званом обеде. Большой круглый стол был уже уставлен всевозможными, исключительно китайскими, яствами, помещавшимися в многочисленных — больших и малых, высоких и низких — чашечках. Хозяин учтиво сделал знак гостям приблизиться к отдельному столу с закуской. Приглашенная компания чинно повиновалась, и каждый из гостей, взяв по маленькому блюдечку сладкого, принялся кушать; затем сели за обеденный стол. Мне было отведено почетное место, во главе стола; прочие гости разместились согласно их служебному рангу, и наконец сам хозяин занял стул, стоявший несколько поодаль от прочих, не имея никого против себя.

Первая часть обеда длилась около двух часов; сколько подавалось блюд — трудно сказать, но думаю: около 30 или 40. После каждого блюда хозяин дома поднимал маленькую фарфоровую чарочку, наполненную подогретым вином, и, обводя глазами гостей, призывал их то же самое сделать, чтобы одновременно всем осушить чарочки. Большинство блюд были очень вкусные, как и вообще обед, и с китайской точки зрения, по заключению В. Ф. Ладыгина, не оставлял желать ничего лучшего, хотя, конечно, чжень-тай извинялся за «скромное» содержание блюд, ссылаясь на отдаленность приморских городов, в которых только и можно достать тонкие гастрономические принадлежности китайской кухни. Не только гости китайцы, но и я с своим сотрудником были усердно заняты едой, во время которой вообще у китайцев не принято много разговаривать; по выходе же из-за стола, в течение четверти часа у гостей шёл оживленный разговор. Сосед по столу В. Ф. Ладыгина, испитой, худой, желчный китаец убедительно просил моего сотрудника добыть ему лекарства или указать иной способ избавиться от курения опиума, вконец разрушившего его организм. Вторая или заключительная часть обеда прошла сравнительно скоро; сонные, раскрасневшие лица гостей свидетельствовали о их желании отправиться по домам и отойти на час-другой в область Морфея. Необходимо добавить, что в продолжение обеда

на театральной сцене шли различные представления и играл смешанный оркестр; костюмы и грим были очень интересные. Все актеры — мужчины; женские роли исполняют молодые китайцы, имеющие женственные лица и умеющие подражать женщинам как манерами, так и голосом. Больше всех привлекал внимание гостей красивый, изящный мальчик и как актер казался несравненным, в особенности в самых трудных местах действия: его красота и плавность движений были просто очаровательны, как очаровательна и сама игра привыкшего к похвалам красавца-мальчика.

В антрактах гости посылали актерам денежные подарки, за что последние прибегали просить указаний на последующие темы.

Званный обед видимо вполне удался; по крайней мере на лице хозяина сияла неподдельная улыбка.

Само собой разумеется, что представители власти в Синине были своевременно наделены соответствующими их положению подарками. Из ответных же подарков китайских чиновников мне больше всего понравились тибетские молитвенные свечи, которых я получил от цин-цая целый ящик. Эти свечи приготовляются в Лхасе[1], откуда развозятся по всему Тибету и Монголии. В отдельности свеча напоминает круглую, тонкую, аршинной длины, бурую палочку. Зажженная и поставленная вертикально перед бурханами, она медленно курится, оставляя пепел и наполняя воздух своего рода благовонием. Для лучшего сбережения и удобства перевозки тибетские молитвенные свечи соединяются в связки числом по 100 штук, а эти последние укладываются в ящики большей или меньшей емкости.

На этом и окончилось наше пребывание в Синине. Мне стало недоставать моей экспедиционной семьи, которая теперь уже бивуакировала подле монастыря Чойбзэн, отстоявшего в 50—60 верстах к северу.

Ранним утром 30 августа мы оставили большой, шумный город, расположенный в некотором отдалении от правого берега Синин-хэ, через которую нам пришлось переправиться в брод в виду самого Синина. Означенная река стремительно катила свои серые волны в восточно-юго-восточном направлении, дробясь на три главных и ещё на большее число второстепенных рукавов.

Падение этой многоводной, быстрой и извилистой речки очень большое; в общем она сильно напоминает главную реку; и синченская долина была также хорошо возделана и густо заселена китайцами,

---

[1] Курительные тибетские свечи приготовляются также в Китае, но их воспрещается употреблять в монгольских буддийских храмах, так как они слишком дымят.

как и долина, только что нами оставленная: и здесь, по мере следования вверх, горы сближались, речка шумела громче.

На главном бивуаке царил полнейший обычный порядок. По сообщению А. Н. Казнакова, он с караваном пришел в Чойбзэн в четыре дня, сделав 99 верст. До города Син-чена караван шел в северо-восточном направлении, пересекая боковые поперечные отроги гор

и небольшие селеньица; миновав же Син-чен, он держался ближе к долине левого берега синченской речки, по которой и прибыл в Чойбзэн.

На следующее утро, 1 сентября, экспедиция выступила по направлению к Чортэнтану.

Как и в передний путь, так и теперь маршрут экспедиции пролегал по перевалам Тэпа и Шуг-лам, у подножий выделяющихся вершин Шахэр и Ртак-цан. Каравану приходилось опять то подниматься на кручи и следовать вдоль опасных карнизов, то спускаться на дно глубоких ущелий и переправляться в брод через ручьи и речки. Горы почти всё время были скрыты густыми облаками; дни были неприятные, серые, напоминавшие нашу ненастную осень. Это лето было здесь особенно богато атмосферными осадками; тропинки несколько раз размывались и вновь исправлялись. Нашему отряду в этом отношении пришлось также поработать немало, а мне лично поболеть душой при

виде, как неуверенно пробирается караван по скользкому глинистому обрыву.

Спускаясь с перевала Тэпа, мы были встречены компанией лам, среди которых оказался хутухта ближайшего монастыря Гань-чянь-гомба Ндань-ма-лама.

Монастырь Гань-чянь-гомба запрятан в живописном ущелье в глубине гор, прилежащих к Тэтунгу с запада. Монастырские постройки лепятся по крутому скату, поросшему лесом и кустарником. По дну ущелья грохочет и пенится небольшая речонка общего с монастырем названия — Гань-чянь-чю. Несколько лет тому назад часть жилых построек означенного монастыря сгорела; пожар, как говорят местные жители, начался с гэгэнских покоев, подожженных будто бы одним из влиятельных тангутов. Основан этот монастырь лет около 200 тому назад первым перерожденцем по имени Ндань-ма-срэм-джамцу, который незадолго до своей смерти[1] оставил Чортэнтан, украсившийся главным храмом Мдогун.

Современный гэгэн состоит в восьмом перерождении и считается четвертым по старшинству из всех 18 чортэнтанских хутухт. Молчаливый, сосредоточенный и крайне нервный, Ндань-ма-лама занят совершенно отвлеченной мыслью, а именно — созданием ещё более усовершенствованного типа европейской военной пятизарядной винтовки! Новейшие ружья вообще — страсть перерожденца, и он уже имеет две скорострелки германского и австрийского образцов. Куда бы гэгэн ни следовал, всюду ему сопутствуют несколько человек подчиненных лам, имеющих за плечами одно или два ружья, из которых от времени до времени хутухта постреливает.

Не знаю, как относится хутухта к своим прямым обязанностям, но, видя, с каким благоговением подходили к нему его единоверцы и молились не только самому хутухте, но и его седлу, вправе заключить, что — подобающим образом.

У этого гэгэна я также видел портрет покойного Н. М. Пржевальского, о котором, повторяю, старейшие ламы чортэнтанского района хранят самое лучшее воспоминание.

В два следующих дня, 5 и 6 августа, экспедиция перенесла свой бивуак в Чортэнтан. На протяжении большей половины пути её маршрут вновь описывал гигантскую волну, пересекая ряд горных отрогов, с которых путник мог наблюдать красивые широкие виды, заполненные богатой растительностью. С глубин ущелий в красивом беспорядке взгромождались одна на другую дикие серые скалы, по которым кое-где торчали жалкие деревца ели и можжевельника; от самых высоких или командующих вершин в свою очередь сбегали каменные

[1] Ндань-ма-срэм-джамцу дожил до 70-летнего возраста.

россыпи; выше же всего, в яркосинем небе, плавно кружились снежные грифы, бородатые ягнятники и звонко клектавшие на просторе орлы-беркуты. Верхний пояс с полуденной стороны отливал увядшим тоном альпийских лугов, средний — пожелтевшими кустарниками, в нижнем же, или лесном, поясе попрежнему преобладал темнозеленый колорит. Лесные пернатые продолжали скрываться от взоров охотников. И только на одном из многочисленных второстепенных перевалов, в ожидании каравана, мне посчастливилось заметить порядочный выводок голубых фазанов, вышедших из-лесу на освещённый солнцем луговой пригорок. В густой, высокой траве птицы хорошо скрывались, за исключением красиво изогнутых голов, по которым только и можно было их обнаружить. Прицелившись в фазанов, я выпустил в них заряд дроби; дым выстрела, громким эхом откликнувшегося в скалах, повис надолго в воздухе, и птицы незаметно улетели, кроме четырёх, поступивших в нашу орнитологическую коллекцию.

Придя в Чортэнтан, мы расположились на левом берегу красавца Тэтунга, напротив прежней нашей стоянки, в виду заманчивых лесных ущелий. Вблизи нас расстилался тополевый вековой лес, ещё ближе монотонно шумела и плескалась река.

В течение четырёх дней, проведенных в Чортэнтане, экспедиционный багаж был рассортирован и тщательно проверен. Всякий лишний вьюк был крайне обременителен. Наши «корабли пустыни», попав в невыгодные для них горные условия, болели и делались малопригодными для дальнейшей службы. Пришлось при содействии лам нанять в помощь нашим вьючным животным 12 лошадей и мулов, свободно несущих по горам на своих крепких спинах до 5 пудов тяжести. Тангуты-возчики обязались за известную плату доставить часть наших вьюков в селение Ча-коу-и, расположенное при большой дороге, куда мы, в свою очередь, заблаговременно просили пиньфаньского уездного начальника прислать экспедиции пять колесных подвод для следования с нами до начала Гобийской пустыни.

10 сентября смешанный караван покинул монастырь Чортэнтан. Ламы вышли проводить и напутствовать экспедицию, принеся ей в дар интересную тибетскую книгу «Историю царей Тибета» — сочинение пятого далай-ламы [1]. Гэгэн ганьчянского монастыря Ндань-ма-лама не утерпел, чтобы ещё раз не повидаться с нами и не предложить нам дополнительных вопросов, касающихся новейших военных ружей, бездымного пороха, штыков и вообще холодного оружия. Прощание с этим и другими тремя старейшими ламами Чортэнтана было самое трогательное. Цорчжи-лама, в звании светского управителя добровольно

[1] Эта книга передана мной, через любезное посредство академика С. Ф. Ольденбурга, в Азиатский музей Академии наук.

вызвался проводить нас до Ча-коу-и, чтобы помочь нам устроиться в дальнейший путь.

Чортэнтанский карниз всегда вызывал с моей стороны некоторое опасение за целость верблюжьего каравана, нынче же, подвергаясь частым действиям ливней, он представлялся ещё более опасным для движения на этих животных; однако мы благополучно его миновали и, свернув в первое ущелье к северу, потащились преодолевать бесконечные подъёмы и спуски.

В приветливых долинах этой части Восточного Нань-шаня группировались китайцы и оседлые тангуты, в местах же более диких проживали исключительно кочевники. Горные богатства ущелий южного склона рассматриваемых гор эксплоатировались китайцами и дунганами; первые разрабатывали каменный уголь, вторые были заняты добычей золота. По словам Цорчжи-ламы, который хорошо знаком с эксплоатацией золота вообще в Западном Китае и с местными примитивными способами его добывания в частности, этот драгоценный металл очень обыкновенен в тэтунгских хребтах. Здесь ежегодно находят самородки весом в один или несколько фунтов; зерна же величиной с горошину обыкновенное явление; главный же или основной, точнее массовый, тип добываемого в этих горах золота — тонко-пластинчатый, совершенно желтой окраски. Благодаря обильным дождям и огромным выносам, ежегодный успех добычи в продолжение многих лет, в одних и тех же ущельях, на основании по крайней мере настоящих положительных данных, очень большой. Мы лично на своем пути встретили партию человек в 20 дунган, которые работали в нижнем поясе гор на дне узловой части ущелья, при слиянии нескольких второстепенных речек; эти золотоискатели не скрывали от нас результатов своего блестящего успеха. Жизненные приспособления местных работников крайне жалкие — тесные сырые землянки, но питаются они, по-своему, хорошо.

По мере поднятия на Северо-Тэтунгский хребет дорога улучшилась, и мы без дождя, удачно, хотя и очень медленно, поднялись на перевал У-да-лин в 11 350 футов (3 460 *м* над морем), ведущий в ущелье Ярлын-гол. Спускаться же по северному склону нам пришлось иной, нежели в передний путь, более кружной дорогой, в обход крайне размытых ливнями горных тропинок; на этом добавочном боковом пути мы долгое время следовали в области альпийских лугов, осилив перевал Кир-хноп-па, поднятый над морем на 11 270 футов (3 440 *м*). С вершин второстепенных отрогов открываются красивые горные ландшафты — внизу мирно пасутся стада домашнего скота; вверху, в труднодоступных скалистых вершинах, робко наблюдают за проходящим караваном олени и куку-яманы; подле нас с дребезжащим шумом кружит бородатый ягнятник, вы видите его красивую

голову, иногда повёртываемую в ту или другую сторону. Не верилось, что с подобного рода величественными картинами природы Центральной Азии мы уже прощались. Впереди на севере нежная, голубая окраска неба переходила в серую, дымчатую, характеризующую присутствие пустыни. Наконец один из боковых логов вывел караван в ярлынское ущелье, в ближайшее соседство монастыря Ши-мынь-сы, расположенного рядом с каменистой тесниной, в которой искусно высечено одно из божеств буддийского пантеона — Майтреи. Отсюда дорога незаметно оставляет горы и выводит путника на равнину, поперечно пересекаемую большим китайским трактом, унизанным линией телеграфных столбов.

В нижнем поясе гор и прилежащей к ним полосе плоских холмов паслось множество стад курдючных баранов. По словам местных обитателей в давно прошедшие времена сюда приезжали воинственные тангуты, которые жгли селения, убивали жителей и в числе награбленных богатств угоняли и стада баранов. Таким путем курдючные бараны проникли до Цайдама, где эта порода успешно разводится монголами и по настоящее время.

Вечером 14 сентября, накануне выступления в дальнейший путь, явились ожидаемые подводы и были доставлены предметы продовольствия. Миссия Цорчжи-ламы считалась оконченной, и он, намереваясь засветло приехать в монастырь Ши-мынь-сы, пришел с нами проститься. При дружеском расставании монах растрогался: крупные слезы полились из его темных глаз, ещё минута — и он... зарыдал. Подобного рода слезы я видел у туземцев впервые; они на меня произвели глубокое впечатление. Человек, чуждый нам по религии, языку, нравам, обычаям, был тем не менее близок нам по общечеловеческим, душевным качествам. От этого чортэнтанского ламы, равно и от других приятелей, обитающих в Нагорной Азии, я периодически получаю письма, сидя у себя в России за писанием книги.

Впереди, по направлению к северу, расстилалось холмистое луговое плато, которое Н. М. Пржевальский называл Чагрынской степью, по имени одного из левых притоков верхней Хуан-хэ — Чагрын-гола. Последний звонко струил кристаллически-прозрачную воду по каменистому руслу, делясь на большие и малые рукава. Глубина брода этой реки не превышала 1,5—2 футов (45—60 *см*). В месте пересечения этой степи в северо-восточном направлении, через город Сун-шань-чен, общая картина её остается такой же, какой нам её рисует в своем живом описании Н. М. Пржевальский [1], маршрут которого проходит западнее, через другой китайский город Даджин. На нашем пути также повсюду виднелись богатые кормовые травы, среди которых

[1] «Четвертое путешествие в Центральной Азии» стр. 109—110.

резко выделялся ядовитый злак «хара-убусу» (Lolium). Среди животных нам удалось проследить здесь из млекопитающих: волков, лисиц, антилоп Пржевальского, зайцев, сусликов и пищух; из птиц — нескольких орлов, сокола Гендерсона, кобчика, сокола-пустельгу, земляных вьюрков Давида и немногих других.

Населения в Чагрынской степи мало, так как эта степь не может привлечь к себе ни оседлых ни кочевых обитателей. Проходя по степи, путешественник с грустью отмечает разорённые и заброшенные деревни, среди которых лишь изредка заметны следы нового оживления. До последнего магометанского восстания в 1895—1896 годах в рассматриваемой местности проживало не мало дунган и китайцев. Перед началом мятежа дунгане быстро собрали свой скарб и переселились к юго-востоку от Синина, в долину Ми-ла-гоу, почти исключительно населяемую дунганами и саларцами. По дороге в Ча-коу-и повстанцы осадили маленькое китайское укрепление, в котором укрывался ду-сы с 30 солдатами. Дунгане потребовали сдачи, но китайцы заперлись и попрятались; тогда магометане сожгли ворота и, заняв цитадель, произвели поголовное избиение, за исключением самого ду-сы и его молоденьких дочерей, которых победители взяли себе в жены. Ду-сы счастливо спасся благодаря находчивости преданного ему солдата-дунганина, выпачкавшего кровью лицо и одежду начальника и в таком виде выведшего его за крепость, после чего китайский офицер незаметно бежал.

Второй ночлег в Чагрынской степи мы имели подле ничтожного городишки Сун-шань-чена, имевшего тем не менее два ряда крепостных глинобитных стен, помещавшихся одна внутри другой. Между наружной и внутренней стенами в полном смысле прозябало около 20 семейств пастухов, пасших купеческие стада баранов на прекрасных окрестных пастбищах. За двумя же стенами запрятался начальник «города» с гарнизоном в семь человек солдат, вооруженных кажется пистонными ружьями.

Сун-шань-чен расположен в открытой равнине, на 8 820 футов (2 690 *м*) над морем; с северной и южной сторон его протекают небольшие, быстрые прозрачные речонки. Среди богатых трав кое-где залегают солончаки, на которые с жадностью устремились наши верблюды.

К северу от Сун-шань-чена горизонт замыкался невысокой плоской грядой, названной китайцами Лоу-ху-шань, простиравшейся от северо-запада на юго-восток. С юга горы значительно ниже нежели с севера, куда стремилось несколько ручьёв или речек, которые заботливыми китайцами тщательно отводились для наполнения глубоко вырытых бассейнов. По всему северному склону темнели леса ели, к которой более или менее часто примешивались: жимолость, боя-

рыщник, ива, таволга, золотарник, курильский чай, смородина, малина и другие. Травы поблекли и склонили свои головки. Летом здесь китайцы собирают грибы, которые охотно употребляются ими в пищу. Препараторы, экскурсировавшие в ущелье, соседнем куаньгоученскому, добыли алашаньскую краснохвостку (Phoenicurus alashanicus), завирушку (Prunella strophiata) и шеврицу (Anthus maculatus); других птиц кроме отмеченных они наблюдали очень немного. По словам местных охотников в горах держатся кабарга, козуля, за которыми нередко промышляют волки.

Зимой в Лоу-ху-шане выпадает глубокий снег, долгое время не растаивающий в лесу и оврагах северного склона.

Со стороны Сун-шань-чена подъём на эти горы очень удобный, но спуск на север довольно крутой, хотя телеги свободно двигаются во всякое время года. С вершины Лоу-ху-шаня (перевал Гань-гоу-сянь-цзы в 9 090 футов — 2 770 *м* над морем) открываются широкие виды: на юге в прозрачной атмосфере высится темная стена тэтунгских хребтов, над которыми простирались полоски голубого неба. На севере даль омрачалась желтовато-серой дымкой пыли, висевшей над широко расстилавшейся Алашаньской пустыней. Соседний окраинный хребет Ма-мо-шань и другие, разбросанные по окраине пустыни высоты и горки, представлялись в виде силуэтов.

Спускаясь с перевала по извилистому крутому ущелью, мы любовались попутно расположенным опрятным, красивым селеньицем Ту-да-дун, где наблюдались интересные пруды с запасом воды для орошения небольших горных полей. При выходе из ущелья мы свернули к востоку и, следуя вдоль окраины гор, достигли городка Куань-гоу-чена, где и разбили бивуак.

Город Куань-гоу-чень основан в третий год правления Сянь-фын, то-есть в 1853 году, и тогда же для него был выделен особый участок из уезда Хун-шуй. Официально как город, так и уезд называются Хун-шуй-фын-сянь, но у народа они больше известны под первым наименованием. Город процветал до четвертого года правления Тун-чжи, то-есть до 1865 года, когда магометане-повстанцы, руководимые Би-да-цаем и Ма-шэн-янем, разграбили и сожгли его, а жителей вырезали.

В течение нескольких затем лет он вновь отстроился и настолько густо заселился, что образовал предместье, но в седьмой год правления того же Тун-чжи, то-есть в 1868 году, новое дунганское нашествие не пощадило ни самого города ни его предместьев. В самое последнее восстание магометане очистили пригород, но город, окруженный высокой стеной, отстояли селяки, вооруженные солдатскими ружьями; большинство жителей, не доверяя больше этому несчастному городу, однако разъехалось.

В наше пребывание в пустующем городе и его предместье насчитывалось до 50 семейств, не считая администрации; все население, за исключением четырех мелочных торговцев, — земледельческое; здесь сеют: ячмень, пшеницу, просо, горох, чечевицу, бобы, гречиху; в огородах кроме того прекрасно родятся овощи: картофель, капуста, лук, морковь, редька и тыква.

Уезд подчинен лянчжоускому дао-таю.

В 12 верстах к востоку-юго-востоку от Куань-гоу-чена расположен другой в таком же роде городок Юн-тай-чен.

Благодаря ясному небу я здесь, во вновь открытом городке (Куань-гоу-чене), произвел астрономическое определение географических координат. Этот пограничный пункт расположен под 37° 59′ 45″ северной широты и 103° 21′ восточной долготы от Гринвича. Абсолютная же высота его простирается до 8 170 футов (2 490 *м*).

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

АЛА-ШАНЬ, ИЛИ ЮЖНАЯ МОНГОЛИЯ

Вступление.— Попутные селения и городок Са-янь-цзин. — Выход за Великую стену. — Алашаньская пустыня — пески Сырхэ. — Встречные паломники. — Приход в Дын-юань-ин. — Очерк Ала-шаня или Алаша: границы, население, нравы, привычки, управление, занятия, монастыри и храмы. — Наше пребывание в Дын-юань-ине. — Дальнейший путь к северу. — Свидание с разыскивавшим экспедицию таранчей Абдулвагаповым. — Характеристика поперечных горок. — Пески Ямалык и колодец Хара-сухай. — Осенний пролёт птиц.

Южная часть пустыни Гоби заполнена сыпучими песками, средняя и северная — множеством расчленённых и обособленных горных гряд, высот и холмов; наибольшей дикостью, безводьем и бесплодьем пустыня Гоби поражает в своей середине, между алашаньскими песками на юге и Гобийским или Монгольским Алтаем на севере; минимальная абсолютная высота Гоби, около 2 500 футов (750 *м*) отмечена в котловине Гойцзо, на ее восточном продолжении, а максимальная, в 7 270 футов (2 215 *м*), при пересечении одного из звеньев алтайской горной цепи — Гурбан-сайхан.

19 сентября 1901 года мы оставили город Куань-гоу-чен и через два дня следования по большой колесной дороге прибыли в богатое верблюдами селение Бай-тунь-цзы, откуда начинается настоящая пустыня. В середине пройденного расстояния залегает восточная окраина даджинских гор, известных местным китайцам под названием хребта Мачан-шань. Последний прикрыт мощным слоем лёсса, из-под которого там и сям обнажаются всевозможные мелкозернистые песчаники.

Хребет Мачан-шань, находясь под влиянием сухого гобийского воздуха, выглядит темносерым, пустынным и производит крайне печальное впечатление, в особенности на безводных окраинах. По этим горам проходит историческое сооружение Китая — Великая стена,

являющаяся здесь впрочем в виде жалких развалин. От Куань-гоу-чена до начала равнинной пустыни местность круто падает, и водные источники скрываются в землю прежде, нежели вновь обнаружат себя в местах встречи с другой покатостью, как, например, у селения Сы-эр-тань-пу, или в виде озера Янь-чы.

Укрепленное селение Сы-эр-тань-пу построено против вторжения тангутов во втором году правления Сянь-фын, то-есть в 1852 году; её цитадель несколько раз счастливо спасалась от рук восставших магометан. Ныне селение располагает 80 домами, сгруппированными на небольшом участке; в ближайших же окрестностях разбросанно проживают до 200 семейств того же земледельческого населения. Особенную прелесть селению придает сад местного старшины, небольшое озерко родниковых вод и гигантские тополи, издали манящие путника, утомленного пустынным зноем. Подле некоторых домов устроены углубления для сбережения дождевых летних вод, периодически приходящих из южных гор.

В этом селении имеется школа и учитель, занимающийся пока лишь с тремя мальчиками; остальные 12—15 учеников должны были прибыть через месяц, после уборки полей и огородов, — китайцы вообще приучают своих детей к земледельческому труду с раннего возраста.

О приходе экспедиции в Бай-тунь-цзы и о снабжении её перевозочными средствами было заблаговременно сообщено чиновником, командированным сюда из городка Куань-гоу-чена; поэтому наш караван был здесь встречен большой толпой китайцев, собравшихся поглазеть на невиданных людей. Прежде всего в Бай-тунь-цзы бросается в глаза обилие верблюдов, воздух наполнен их запахом, отовсюду несутся голоса этих животных, на каждом шагу видны отпечатки их широких лап. Действительно, песчано-солончаковая равнина с сухим, теплым климатом и характерной пустынной растительностью представляет отличные условия для разведения этих вьючных животных. Все население Бай-тунь-цзы, в котором насчитывается до 150 домов, имеет верблюдов, бедные около 2—5, богатые — до 100, и жители в большей или меньшей степени заняты прибыльной перевозкой тяжестей, направляемых в Синин, Нин-ся, Калган и другие города Китая. Главными предметами перевозки служат шерсть, верблюжья и баранья в передний путь и предметы необходимости в оседлом и кочевом хозяйстве — в обратный. Уход за верблюдами китайцы изучили довольно обстоятельно, хотя некоторые из их приемов отличаются от монгольских; независимо от сего зажиточные китайцы имеют у себя в услужении монголов, которые большей частью и сопровождают караваны.

Помимо верблюдов местные китайцы успешно разводят ещё и баранов, кроме того держат понемногу коров и лошадей. Так как

в Азии караванное движение развивается преимущественно с осени, оканчиваясь весной, то в свободное летнее время, пользуясь соседством солёного озера Янь-чы, китайцы добывают в нем соль в размере 150 тыс. пудов ежегодно. Для взимания соляного налога или пошлины в Бай-тунь-цзы находится таможенный чиновник. Означенный солёный бассейн имеет в окружности около 15 верст и лежит почти на той же абсолютной высоте, на которой и прилежащее селение Бай-тунь-цзы — 5 080 футов (1 550 *м*). Наиболее углубленная его часть занята горько-солёными водами, наиболее же возвышенная — пышными солянками и другими травами, охотно поедаемыми верблюдами.

21 сентября обновленный караван оставил богатое верблюдами селение и, пересекши солончаки, длинной вереницей растянулся по северным высотам, сложенным из темнобуро-красного туфа кварцевого порфира. Ранним утром с озера Янь-чы снимались стая за стаей серые гуси и большие кроншнепы, с громким криком или свистом отлетавшие к югу. На полуденном скате высот мы переступили южную границу Ала-шаня, отмеченную двумя песчаниковыми обелисками, которые были испещрены монгольскими письменами, знаменующими: «В четвертое лето тридцатого числа, тридцать шестого года правления Дао-Гуана земельная граница Цин-вана, высочайше утвержденная» [1].

Общая картина местности до резиденции алаша-вана представляется следующей: восточная часть горизонта заполнена горами, западная же представляет море сыпучих песков, среди которых подобно островам выступают порядочные горы Ябарай и другие значительно меньшие, там и сям разбросанные по равнине. С Чагрынской степи в Дын-юань-ин ведут три дороги: первая, восточная, самая кружная, но и самая удобная, проходящая вдоль подножья алашаньских гор, среди китайско-монгольского земледельческого населения; вторая, западная, или даджинская, изученная Н. М. Пржевальским, и третья, средняя, или куаньгоученская, кратчайшая и интересная по своей новизне; экспедиция остановилась на последней. Наш путь до соединения с путём Н. М. Пржевальского, вблизи колодца Шангындалай, проходит окраиной песков, пересекая широкие или узкие их языки, высунувшиеся в юго-восточном направлении ниже и выше Чжунвэя. С каждым днем маршрут экспедиции приближался к Алашаньскому хребту, который из-за пыльной мглы ни разу не показался нам в деталях. Приходилось ограничиваться ближайшими наблюдениями над яркожелтым мелким сыпучим песком, песчаными конкрециями, обточенными тем же песком, и незначительными обнажениями всё тех же мелко- или крупнозернистых мезозойских гобийских песчаников.

[1] В этом тексте какая-то неточность, так как Дао-гуан царствовал лишь 30 лет, с 1820 по 1850 г.

При ключе Сяо-шао-ба-шуй залегает песчаник светлорозово-зеленый, мелкозернистый, глинисто-слюдистый, довольно твердый (мезозойский); по левому обрывистому берегу сухого русла Ла-пай-цзин, в нижней, более мощной толще, — песчаник светлосеро-лиловый, мелкозернистый, довольно рыхлый, а в верхней — песчаник светлорозовато-бурый, крупнозернистый, довольно рыхлый, глинисто-известковистый, переходящий в мелкозернистый гобийский конгломерат.

Песчаные рукава, пересеченные нами, кажутся с вершин гобийских высот в виде широких блестящих лент, разложенных пышными складками на темносерой земной поверхности. Сырхэские барханные пески лежат на песчано-каменистом грунте, нередко прорезанном сухими галечными руслами, в большинстве случаев засыпанными тем же песком.

Преобладающее направление этих барханов — северо-северо-восточное, обдувающих же их ветров — или северо-восточное, или противоположное этому направлению, то-есть юго-западное, судя по крайней мере по сложному строению самих барханов. Иногда пески тянутся длинными змееобразными грядами, с резко выраженными гребнями, поднимающимися до 50—70 или даже до 100 футов (от 15 до 30 *м*). С вершин подобных барханов песчаное море представляется замечательно красивым: местами яркожелтые волны словно в настоящем море располагаются одна за другой в строгом порядке, местами, наоборот, несколько волн группируются вместе и поднимаются одна на другую, причём в конце концов образуются характерные бреши или воронкообразные углубления.

Третий по счету рукав сырхэских песков состоит из барханных гряд, значительно меньших размеров, более разрозненных, местами вытянутых в восточно-западном направлении, с округлыми плоскими гребнями и особенно рыхлыми северными склонами.

Подобно баданджарэнгским, сырхэские пески кажутся немыми, безжизненными, а порой, в особенности вначале, даже удручающими, пока глаз не привыкнет к однообразному желтому фону и скорее заметит в выемках или в воронкоообразных углублениях или деревцо саксаула, или другой какой-либо куст, свойственный пустыне, или даже небольшую площадку зелёного камыша, приятно гармонирующего с общей золотисто-желтой окраской песков. Рядом с растительной жизнью — кустарником или камышом — нередко обнаруживается и животная: из маленьких едва заметных простым глазом норок осторожно высовываются мордочки остроголовых или плоскоголовых быстрых ящериц, — вот выбежала одна, другая; обе повернули головки в вашу сторону, напряженно следя за вами и играя своими подвижными, извивающимися в кольца, хвостиками. По красивой, мелковолнистой песчаной поверхности в свою очередь наблюдаешь беско-

нечные узорчатые пути различных жуков; чаще других в это время попадались у дороги навозники, трудившиеся над тяжелыми комочками или катышками, в которых заключено будущее потомство. Из особенно интересных жуков, собранных экспедицией в песках, по исследованию известного русского энтомолога А. П. Семенова[1], оказались новые виды из рода Ahermes — Ahermes kaznakowi и A. kozlowi.

Весь путь через пустыню до Дын-юань-ина мы прошли в 11 дней, в среднем делая в день около 30 вёрст.

В середине этой пустынной дороги, при наилучшем и большом колодце «Ихэ-худук», мы встретили порядочно кочевников, группировавшихся на протяжении нескольких вёрст по направлению к монастырю Цокто-куре. Последний был дважды разгромлен мятежниками-дунганами, но ныне, отстроенный и выбеленный, он вновь производил приятное впечатление; здесь отрадно зеленело несколько десятков тополевых подсадков. Среди монастырских построек удобно приютились фанзы местных торговцев китайцев и некоторых из зажиточных алашаньских монголов, проявляющих наибольшую склонность к окитаиванию. У встреченных нами кочевников алашаньцев имелись большие стада верблюдов и баранов, с которыми паслось немало и лошадей.

Водоносный горизонт в Алашаньской пустыне, судя по крайней мере по попутным колодцам, проходит на глубине 3 или 5 футов (90—150 *см*); у всех виденных нами колодцев вода с большей или меньшей примесью соли и горечи. В местности наименьшего поднятия над морем — 4 220 футов (1 290 *м*) — при урочище Тосун, имеется ряд солёных луж, на которых держалось много гусей, уток-крякв и чирят, турпанов и чибисов; неподалеку от перечисленных птиц, между зарослей дэрэсуна, ютились степные курицы (Otis tarda); в нашу орнитологическую коллекцию из этого урочища попали: интересный вид голубя (Streptopelia tranquebarica humilis), чеккан (Oenanthe deserti), завирушка Козлова (Prunella kozlowi) и немногие другие. Сбор растений уже прекратился, наступал семенной сезон.

Утром 29 сентября мы вступили в восточное предместье Дын-юань-ина. Сам город, обнесенный стеной, имеющей по углам башни, отстоял в двух верстах от нашего лагеря, расположившегося на том самом месте, где последний раз бивуакировал Н. М. Пржевальский[2].

Пользуясь ясным состоянием неба, я в первый же вечер произвел астрономическое наблюдение, результатом которого и дополнительных данных, добытых при колодце Улан-татал, получились гео-

[1] А. П. Семенов-Тян-Шанский.

[2] «Четвертое путешествие», стр. 95—99.

графические координаты этого пункта: северная широта 38° 49′ 59″ и восточная долгота от Гринвича 105° 17′ 0″. Город Дын-юань-ин на новых картах перенесен к западу на несколько вёрст [1].

До прихода монголов в Ала-шань, или «Алаша», как говорят местные коренные обитатели, известный под этим названием район, ограниченный на востоке и юге культурной полосой китайского населения, на западе кочевьями эцзинголских торгоутов, на севере землей монголов Халхи и, наконец, на севере-востоке кочевьями уротов, оставался незаселенным, хотя через него и были проложены дороги по всем направлениям.

В начале царствования второго богдохана царствующей ныне [2] в Китае династии в Илийском крае произошли среди олöтов беспорядки, и около тысячи семейств, во главе с одним тайчжи, вынуждены были бежать с Или в Алаша. Беглецы поселились, главным образом, в горах Ябарай, откуда производили лихие набеги за Алашаньский хребет, равно к северу и западу от своего главного стана. Нападая на оседлых китайцев, они в то же время не пропускали ни одного каравана монголов или торгоутов, направлявшихся в ту или другую сторону. Подобно могучему пауку, воинственный тайчжи опутал пески сетью разъездов и быстро посылал подкрепление в нужный район пустыни. Так длилось 20 лет, в течение которых пришельцы главной массой никогда не расставались с горами Ябарай. За этот промежуток времени китайские власти пытались если не усмирить совершенно, то хотя бы наказать дерзких олöтов, но попытки не увенчались успехом. Однако тайчжи и его ближайший советник, известный под кличкой «Ганцы-нюдутэй-лама», то-есть «Одноглазый лама», видели, что рано или поздно им придется поплатиться за разбой и, чтобы обеспечить себе в будущем спокойное владение занятыми землями, решили принести повинную богдохану.

В 37 году правления настоящей манчьжурской династии, то-есть в 1681 году нашей эры тайчжи и Одноглазый лама, в сопровождении более или менее влиятельных олöтов, отправились в Пекин, где были ласково приняты богдоханом Кан-си, современником Петра Великого. Олöты «чистосердечно» сознались во всех своих проступках, в грабежах и разбоях, объяснив все это крайней нуждой, заставившей их искать себе пропитание этим путем. Но убедившись, что жить таким преступным образом нехорошо, они явились просить устроить их законным порядком на незаселенных алашаньских местах. Повинная была принята, проступки прощены и кроме того богдохан командировал с тайчжи одного сановника, которому предписано было указать

[1] Абсолютная высота Дын-юань-ина 4 970 футов (1 520 *м*).

[2] Во время работы экспедиции *(ред.)*.

район олётских кочевий. Указанные границы остаются в силе и до сего времени.

Тайчжи был награжден княжеским званием «бэйлэ» и штатом управления, соответствующим новому его положению. Монголы бросили грабежи и перешли к мирному занятию — скотоводству. Богдохан избавил население «песчаной страны» от всяких повинностей и податей. Эти привилегии стали известны в окрестностях, и в хошун бэйлэ потянулись монголы отовсюду с имуществом, стадами и население стало быстро разрастаться. К концу жизни третьего бэйлэ алашаньский хошун насчитывал уже около 10 тыс. семейств, богатых стадами верблюдов, но зато располагавших сравнительно небольшим количеством остального скота, в особенности лошадей. Во всяком случае слава алашаньского хошуна, как очень богатого, скоро достигла и пекинского двора.

Во время управления хошуном четвертого бэйлэ в провинции Гань-су вспыхнуло дунганско-саларское восстание, и алашаньские монголы должны были по повелению богдохана принять деятельное участие в подавлении мятежа.

Алашаньский бэйлэ освободил Лань-чжоу-фу и преградил движение саларов на Куку-нор устройством крепости, известной под названием Бар-хото, развалины которой мы видели в передний путь экспедиции, по долине речки Цункугин-гол. Салары были не только задержаны, но и разбиты на-голову.

За этот подвиг алашаньский бэйлэ был пожалован княжеским титулом «цин-ван», и тогда же богдохан выдал за него одну из дочерей. Все вышеизложенное произошло в 47 году правления Цянь-Луна, четвертого богдохана маньчжурской династии.

Отправляя в Ала-шань свою дочь, богдохан подарил цин-вану, кроме приданого имуществом и людьми маньчжурами, ещё 10 тыс. лан серебра на устройство дворца в укреплении Дын-юань-ин и столько же для раздачи монгольскому населению. Таким образом китайскую принцессу сопровождал огромный поезд, в состав которого вошло 40 семейств маньчжуров, прежняя прислуга дочери богдохана и целая труппа актеров со всеми принадлежностями для театральных представлений. До этого же времени алашаньские бэйлэ не имели постоянных построек и жили в юртах, кочуя с места на место со своими стадами.

К прибытию принцессы укрепление Дын-юань-ин, что значит «Отдаленный ин-фан», было расширено: возвели новую городскую стену, внутри построили дворец со службами и театральным залом и прочее. Торговля нового городка быстро увеличивалась. Но зато, с тех пор как алаша-ваны начали жениться на принцессах крови, стали увеличиваться и расходы на содержание огромного числа

прислуги маньчжуров и на прихоти и роскошь при дворе ванов. Население Алаша беднело и уменьшалось. Лучшего состояния и максимальной цифры в 10 тыс. семейств эта страна достигла при управлении ею четвертым бэйлэ. Ныне число алашаньцев сократилось до 8 тыс. человек, и, вероятно, сократится ещё больше, так как поборы с населения не уменьшаются, наоборот — растут с каждым годом. В последнее время не только сами ваны, но и все их сыновья вступают в брак с китайскими принцессами, с которыми попрежнему приезжает в Дын-юань-ин многочисленная прислуга из маньчжур. Теперь, например, при дворе алаша-вана считается 200 семейств маньчжуров, живущих по-здешнему в роскоши на счет монгольского населения.

Для проживания в Пекине ван устроил себе подворье, которое по богатству и роскоши далеко превосходит дворец в Дын-юань-ине. Содержание подворья с обслуживающими его 300 маньчжуров, равно периодические поездки князя или его сыновей в Пекин стоят огромных денег, всеми правдами и неправдами собираемых с обедневшего населения. При поездке в Пекин ван, кроме большого количества серебра, берет под провоз себе и двора около тысячи верблюдов. Эти верблюды раздариваются или продаются, а вырученные деньги также расходуются. К возвращению из Пекина население Алаша вновь отправляет за ваном и его двором не менее тысячи верблюдов; даже из этого числа владельцы животных получают обратно не более половины, остальное, по образному выражению монголов, «съедает ван». Переводя на наши деньги, каждая поездка алаша-вана в Пекин обходится его подчиненным монголам в 100 тыс. рублей, что в связи с прочими расходами на содержание алашаньского двора равносильно скорому разорению страны.

Собственно олöтов в Алаша имеется теперь не более 4 тыс. человек, то-есть половины общего населения; другие же 4 тыс. составляются из пришельцев — халхасцев, торгоутов, харчинцев и прочих монгольских народностей. В самом Дын-юань-ине население еще более смешанное: оно состоит из 200 семейств маньчжуров, почти стольких же семейств китайцев, 150 семейств монголов; кроме того человек 100 лам и около 70 кавалеристов, несущих службы при княжеском дворе.

Если путешественник захочет видеть в Восточном или Южном Алаша чистокровного монгола-олöта, в его платье и обстановке, то он едва ли удовлетворит свое желание. Алашаньцы этих частей сильно окитаились: и мужчины и даже женщины носят китайское платье, в юртах завели китайскую обстановку, едят китайские кушанья из китайской посуды, поют китайские песни, а когда нужно, то и говорят по-китайски, хотя свой монгольский язык в большей или меньшей чистоте ещё сохраняют, за исключением настоящих китаистов, вводя-

щих в разговорную речь не только отдельные слова, но даже и целые фразы. Особенно отражается китайская цивилизация на богатых и чиновных монголах, которые вместо юрт строят себе дома китайской архитектуры.

При дворе алаша-вана слышна исключительно китайская речь. Нынешний ван и его старший сын — наследник — не говорят по-монгольски, если не считать некоторых заученных фраз и отдельных слов, произносимых с китайским акцентом.

В местах наибольшего соприкосновения алашаньских монголов с китайцами кочевой быт первых понемногу утрачивается; за счет уменьшения скотоводства эта часть населения занимается земледелием и транспортировкой клади от Алаша до Калгана или Пекина. Алашаньцы охотно также перевозят и многочисленных паломников в Лхасу.

Население же более удаленных, глухих мест Алаша всё еще старается сохранить монгольский облик, занимаясь попрежнему только скотоводством. Но и здесь мужской элемент начинает одеваться в китайское платье, да и молодые модницы также не прочь принарядить свои головы в китайские платки, а ноги в мужские китайские сапоги, сшитые из плиса или ластика; пожилые же женщины еще упорно отстаивают свой национальный костюм, в особенности безрукавку — цэгэдэк, убранство головы и самоё прическу.

Кроме этих, так сказать, наружных признаков окитаивания, алашанцы и по духу, и по привычкам, и по обычаям стали почти китайцами. Они переняли от китайцев их важную осанку, манеру говорить, встречать и провожать гостя со всеми китайскими церемониями. Эти монголы уже перестали справлять праздники по-монгольски. Новый год празднуется по-китайски. Скачек, борьбы и прочего здесь нет, но зато процветает пьянство; городское население пристрастилось к опиуму и азартным играм на деньги. Постоянное общение с китайцами, с проезжими богомольцами и торговцами сделало из алашаньцев пронырливых, мелочных, жадных и наглых торгашей, превзошедших в этом отношении даже китайских торговцев.

Кстати, скажу несколько слов и о китайцах, с некоторых пор начавших селиться на алашаньских землях. С самого начала основания резиденции вана в Дын-юань-ине китайцам разрешалось приезжать сюда только с товарами, без семейств; и лишь 15 лет тому назад, когда правитель Алаша оказался в большом долгу у китайцев, последние начали понемногу перевозить в Дын-юань-ин свои семьи, на что ван смотрел «сквозь пальцы». В настоящее время все китайцы — торговцы и ремесленники — живут в городе как у себя на родине. Могущие отойти под культуру хлеба лучшие алашаньские земли, располагающиеся вдоль западного подножья Алашаньского хребта, также

начали переходить в цепкие руки китайцев. Китайцы торговцы уже не ограничиваются торговлей в одном Дын-юань-ине: их лавки разбросаны везде, где только сосредоточены кочевья алашаньцев. За право торговли в Алаша китайцы вносят вану незначительный налог, равно не обременительна плата и за арендуемые ими пахотные земли.

В первой половине минувшего столетия дунгане имели одинаковые с китайцами права на въезд и торговлю в Дын-юань-ине, но после восстания в 60—70-х годах они были изгнаны из страны, и им не разрешалось даже во время переезда оставаться на одном месте свыше трех суток. После же восстания, происходившего в 1895—1896 годах, дунганам запрещено останавливаться проездом через Ала-шань более нежели на одну ночь, затем они должны следовать дальше.

Всё алашаньское население с ваном во главе подчинено маньчжурскому чиновнику «цзурган-и-цзангину», проживающему в городе Нин-ся. Решения дел посылаются к нему на его рассмотрение и утверждение. Непосредственные власти в Алаша: ван, два тусулакчи, цзахиракчи, мэйрэн, два цзалана, восемь цзангинов, по числу восьми сотен, на которые делится Алаша, и, наконец, восемь хундэ. Все эти чиновники утверждаются высшими властями в Пекине. Кроме этого официального штата у вана имеется еще неофициальный, численностью не менее 200 человек, разных званий и положений, которых жалует и разжаловывает сам ван по собственному усмотрению.

Все чины администрации делятся на две очереди, обязанные состоять при дворе вана по шести месяцев. Ван поручает чиновникам разбирательство тяжб, ссор, драк и прочих преступлений. На обязанности дежурной части управления лежит и общий надзор за порядком как в самой резиденции вана, так и во всех владениях Алаша.

Ни один из алашаньских чиновников жалованья не получает, живут они на свои средства, пользуясь от города лишь казенной квартирой во время отбывания очередной службы.

Для удобства при сборах налогов и назначении повинностей все восемь сотен, или «сумунов», разделены ещё на 33 участка — «баг», управляемых старостами, известными под названием «дамыл». Личная ли это выдумка вана или она разрешена и предусмотрена высшими властями в Пекине, выяснить не удалось; но нам с таким делением сумунов приходится знакомиться впервые. Странно, что с дамылами сносятся уже не начальники сотен, а главное управление в Дын-юань-ине помимо цзангинов.

Восточные и южные алашаньцы, как то и замечено выше, «садятся на землю» и, работая рядом с учителями китайцами, достигают более или менее очевидных результатов. С другой же стороны близость пустыни дает возможность успешно разводить верблюдов и

в свободное время заниматься извозом. Лошадей и баранов эта часть населения Алаша держит сравнительно немного.

Что касается до остального пустынного района страны, то в нем исключительно занимаются скотоводством, правильнее было бы сказать верблюдоводством, так как Алашаньская пустыня наиболее богата верблюдами, в ущерб баранам, рогатому скоту и лошадям, для которых здесь уже не предоставляется таких удобств, как «для кораблей пустыни», хотя в числе предметов сбыта Алаша очень видное место занимают именно бараны и лошади. Верблюдов же алашаньцы держат для собственной надобности, ради прибыльного извоза и шерсти. Верблюжья и баранья шерсть — главные предметы отпускной торговли края.

Шерсть или вывозится самими монголами, или же скупается на месте китайцами, агентами английских и немецких фирм в Тянь-цзине. По приблизительному подсчету монголов ежегодное количество вывозимой из Алаша шерсти достигает 20 млн. гинов, или, что то же, 750 тыс. пудов (12 295 *т*), причем 500 тыс. пудов (8 197 *т*) приходится на долю верблюжьей шерсти, а 250 тыс. пудов (4 098 *т*) — на долю бараньей. Стоимость бараньей шерсти колеблется от 5 до 8 рублей за пуд (16 *кг*), верблюжьей же — от 8 до 12 рублей.

Помимо скота и шерсти из Алаша вывозится еще и соль, которая добывается из озёр Джаратай-дабасу и Цаган-булун. Последнее расположено в песках, к западу от Дын-юань-ина. Соль монголы сплавляют вниз по Желтой реке, китайцам, с которыми устраивают мену на хлеб. 100 лет тому назад соляные богатства Алаша принадлежали Пекинскому двору, присылавшему сюда своих специальных чиновников; но тогда добыча соли приносила китайскому правительству только убытки. После того богдохан подарил солёные бассейны населению Алаша, которое извлекает из них большие выгоды.

Пустынники алашаньцы за отсутствием культурного зерна, собирают дикое — семена сульхира (Agriophyllum gobicum). Поджаренные и перемолотые ручными мельницами, зерна сульхира дают приличную муку, или дзамбу, вполне заменяющую алашаньцам ячменную или овсяную. Из сухой сульхирной муки алашаньские монголы приготовляют толхан, или крутое месиво, — неизменную пищу кочевого населения всей вообще Центральной Азии. Каждая монгольская семья заготовляет на зиму сульхира в количестве не менее 60 мер. Сульхир собирают осенью, в сентябре месяце, и на месте же его произрастания обмолачивают на любой природной площадке, служащей током. Обилием сульхира в Алашанько-Гобийской пустыне обусловливается и огромное количество больдуруков (Syrrhaptes paradoxus), прилетающих в алашаньские пески на зимовку.

Во всех владениях алаша-вана считается девять монастырей и

храмов: Барун-хит, или Западный монастырь, и Цзун-хит, или Восточный монастырь, лежат на западном и восточном склонах Алашаньского хребта; далее, третий монастырь, или храм, расположен в самой резиденции цин-вана — в Дын-юань-ине; четвертый монастырь — Джаратай-дугун — в горах, лежащих к востоку от солёного бассейна — Джаратай-дабасу. Все перечисленные монастыри официально известны китайскому императорскому двору и пользуются поддержкой, остальные же пять — Долон-худук-сумэ, Цокто-куре, Хурестын-сумэ, Цаган-тунгы и Харунэн-агуй, или Лобун-чумбу, — расположенные там и сям по стране, этой привилегией не пользуются. Кроме этих девяти монастырей, в песках и других местах Алаша, до предпоследнего дунганского восстания, существовало немало кумирен, уничтоженных дунганами. Некоторые из них возобновлены, но большинство лежат в развалинах и возобновления в них не предвидится, так как, по словам монголов, буддизм, некогда стоявший здесь высоко, лет 60 тому назад, вследствие усилившегося окитаивания монголов, начал падать. Лам стало меньше, да они и не пользуются тем уважением, которое им оказывалось прежде.

На второй же день, приведя себя в порядок, я с своими сотрудниками, в сопровождении конвоя, отправился к цин-вану.

Управитель Алаша являл собой представительного, здорового, хотя и с некоторой бледностью в лице, китайского чиновника, умевшего держать себя с должным достоинством. Ван выразил свое удовольствие по поводу того, что видит меня второй раз и уже в роли руководителя экспедиции, или амбаня.

Впервые с цин-ваном я познакомился 18 лет назад, когда ещё, будучи юношей, участвовал в четвертом путешествии Н. М. Пржевальского, о котором алаша-ван много раз вспоминал с самой лучшей стороны. Несколько портретов великого путешественника украшало стену кабинета наряду с другими семейными или фамильными фотографиями князя.

Всеми делами по управлению ведал сам ван, которому минуло 57 лет и который, как и прежде, редко расставался с кабинетом, занимаясь чтением китайских книг и газет. Событиями мира алаша-ван интересовался гораздо больше прочих китайцев и периодически, раз в три года, совершал и совершает поездки в Пекин. В последнее время подобные поездки, по словам управителя Алаша, для него лично стали крайне необходимыми, как противодействие ужасной скуке и душевному угнетению, навеваемому близостью монотонной пустыни.

Обратно к себе на бивуак мы проехали несколько иной дорогой, через внешнюю торговую улицу Дын-юань-ина, где толпилось много приезжих из соседней пустыни монголов. Китайские лавки полны товаром, потребным для кочевого населения. Нам больше всего здесь

понравились так называемые алашаньские шерстяные ковры, изготовляемые китайцами в Нин-ся; эти, прекрасной ткани и оригинальных цветов и рисунков, изделия китайских мастеров делятся на два типа — китайский и монгольский: первый увозится в пределы собственно Китая, второй тип сбывается монголам. На дынюаньском базаре чаще всего можно найти монгольские ковры — покрывала жертвенников или бурханных столов с изображением известных восьми драгоценностей («ашта мангала»), а также ковровые убранства седел или просто коврики, подстилаемые в юртах для почетных гостей.

2 октября мы оставили шумный Дын-юань-ин с приятной мыслью об Урге и сразу очутились в тихой монотонной пустыне.

Как и всегда, первоначальный переход наш был очень небольшой, — всего лишь в 9 вёрст, приведший караван на колодец Курэтэ. Здесь мы оставили путь Н. М. Пржевальского, отошедший вправо, восточнее солёного озера Джаратай-дабасу, и направились к середине гор Баин-ула. Пустыня представляет большие удобства в смысле самого передвижения каравана, так как ей не свойственны так называемые преграждения дороги: непроходимые болота, карнизы, крутые спуски и подъёмы; здесь путника страшит одно лишь расстояние, но и то прокладывается чуть не по прямому направлению. Обстоятельно завьюченный караван обыкновенно следует в пути безостановочно, в особенности головной эшелон, по которому путешественник и соразмеряет весь дневной переход. Сухая, с весьма доступными горами и многими обширными долинами, Гобийская пустыня мало изнуряет здоровых, откормленных верблюдов, которые легко идут от утренней до вечерней зари, довольствуясь 8-часовым отдыхом ночью. Освобожденные из-под вьюков и отпущенные на пастьбу, они играют, неуклюже подпрыгивая вверх и разбрасывая по сторонам большие толстые ноги.

Нынешний год, благодаря сравнительно частым дождям, отмечен в Гоби небывалым урожаем пустынной растительности, нередко сплошным ковром залегавшей на десятки верст по сторонам дороги. Сульхир уродился также прекрасно, о чем свидетельствовали часто сложенные скирды этого дикого хлеба. По словам престарелых монголов, подобные урожайные годы случаются раз в 100 лет; поэтому не все поколения монголов могут видеть свою «пустыньку» в таком богатом убранстве. По случаю тех же обильных дождей на нашем пути по низинам то и дело попадались не только оголенные блестящие поверхности, но даже и лужи сохранившейся воды. Порой заставляли обращать на себя внимание одиночки или небольшие группы робких хара-сульт, грациозными прыжками исчезающих вдали, реже взлетали дрофы или с шумом бури проносились над головой пустынники-больдуруки. На северо-западе из отдаленных высот и гор мираж —

«этот злой дух пустыни» — строил целые системы хребтов фантастических очертаний.

Мы все были крайне поражены неожиданным приездом вслед за нами, на колодец Улан-татал, русско-подданного таранчи Касим-ахун Абдулвагапова, командированного российским консульством в Урумчи, как значилось в бумаге, переданной мне посланцем, «для разыскания членов и следов экспедиции, покинувшей Россию в 1899 году под начальством поручика Козлова». Со слов хорошо говорившего по-русски Абдулвагапова мы поняли, что в апреле 1901 года в Урумчи появился монгол с вестью о гибели нашей экспедиции где-то в Восточном Тибете. Об этом монгол открыто говорил всем встречным на базаре людям и смело подтвердил при личном допросе консулу В. М. Успенскому. Некоторое доверие к себе пришелец приобрел, согласно показанию Касима, толковыми рассказами о членах экспедиции, о их деятельности в пути, с допустимым подробным изложением о том между прочим, что во время критического положения экспедиции он, монгол, находился в двухнедельном пути к югу от нас, куда он был командирован начальником экспедиции для приискания хороших мест в смысле охоты и пастбищ, что, выполнив задачу, он возвращался в стан экспедиции, но по дороге встречным ламой — товарищем по школе, был уговорен вернуться, если ещё дорога ему жизнь, так как на экспедицию будто бы напало до двух тысяч нголоков, по всей вероятности уже покончивших с русскими.

Теперь для нас стало ещё яснее, в какой тревоге находились все те, кому были дороги интересы экспедиции и кто так или иначе был связан с нами. Некоторым облегчением путешественникам служило лишь то обстоятельство, что экспедиция возвращалась на родину с чувством удовлетворения, посильно выполнив свою трудную и ответственную задачу.

Первыми горами на пути экспедиции от Дын-юань-ина были горы Баин-ула, протянувшиеся обособленным невысоким кряжем в юго-западном — северо-восточном направлении. Баин-ула слагается из кирпично-красного мягкого гобийского песчаника, мелкозернистых гнейсов, розово-зеленого гранито-гнейса, темнозеленого мелкозернистого диорита и желто-розового среднезернистого аплита.

За горами Баин-ула, на пути к колодцу Эцзэгэ и даже далее, до гор Харан-ула, общий характер местности мало изменяется: те же гигантские волны гряд или столовидных высот и те же, залегающие между ними, сухие песчано-каменистые русла, в совокупности обнажающие: белый прозрачный пластинчатый гипс, темнорозовый крупнозернистый гранит, розовато-зеленый сиенит, зелено-серый гранито-гнейс, темнозеленый амфиболит и темносерый гнейсо-гранит. С востока дорогу сопровождают высокие барханы сыпучего песка почти на всем

означенном расстоянии. Местность, прилежащая к барханам, изобилует караганой, хармыком, можжевельником, полынкой, песью дурью, кипцом, дэрэсуном, сульхиром и другими пустынными формами растительности, также виднелись и отдельные деревья или небольшие группы ильма. Из птиц, кроме многочисленных больдуруков, чаще других попадались: жаворонки — рогатый, хохлатый и чилийский, саксаульская сойка (Podoces hendersoni), черные во́роны. Кочевое население ютилось там и сям по пустыне, группируясь однако в более или менее близком соседстве с колодцами, присутствие которых всегда определял пасшийся вразброд монгольский рогатый скот.

В последние дни, 7 и 8 октября, северные ветры понизили дневную температуру с 16,5 до 3°, а ночную до 10° мороза и наполнили воздух тонкой пылью, которая с одной стороны сокращала горизонт, а с другой — залепляла глаза, в особенности во время сильных порывов ветра; тем не менее, в эти два дня, мы всё-таки осилили свыше семидесяти вёрст.

Горы Харан-ула могут считаться непосредственным продолжением гор Ябарай, протянувшихся в том же северо-восточном — юго-западном направлении. В месте нашего пересечения наиболее массивные выходы горных пород отстояли на порядочном расстоянии; вблизи же нашего маршрута обнажались: темнофиолетово-серый сланец, белорозовый гранит, светлорозовато-серый гнейсо-гранит и светлосерый, мелкозернистый, биотитовый гранит.

Вдоль южной окраины рассматриваемых гор тянется большая караванная дорога из Гань-чжоу в Калган, открытая нами в передний путь экспедиции. Вблизи этой дороги, на нашем втором её пересечении, при отличном урочище Шара-бурду, мы встретили одинокую фанзу, в которой проживал торговец-китаец, кое-чем снабжавший караваны.

Тотчас за Харан-ула вновь расстилаются обширные барханные пески, известные монголам под названием Ямалык. В области этих песков, имевших прежний характер, экспедиция провела почти два дня, в течение которых продвинулась к северу на 80 с лишком вёрст, прежде нежели достигла лучшего гобийского колодца — Хара-сухай. У северной окраины песков Ямалык, на всем их протяжении, стелется полоса саксаулового леса, отдельные деревья которого часто достигают двухсаженной высоты. Окрестные монголы специально приезжают сюда за саксаулом на топливо. На нашем пути, среди саксауловых зарослей, отмечен колодец Дзангин-худук, но мы на нем не остановились с целью лишний день провести на следующем — Хара-сухае.

Ещё с ямалыкских барханов мы увидели на севере горизонта горы Шарцзан-шили, названные так по имени кумирни, приютившейся

вблизи их юго-западной окраины, и другие — Ульцзэ-сай-хан, отстоявшие несколько севернее. Вдоль южного подножья Шарцзан-шили темнели ильмы. По мере приближения к Хара-сухаю показалась и кумирня Шарцзан-сумэ, находившаяся в ведении старшего гэгэна Барун или Цзун-хита. В Шарцзан-сумэ в это время состояло около 40 лам во главе с да-ламой; в шестом же и десятом месяцах, во время хуралов, здесь собирается их до 100 и более человек.

Миновав затем невысокую горную грядку, сложенную из мелкозернистого известняка и светлосерого и белого кварцев, экспедиция прибыла наконец в Хара-сухай. Солнце скрылось за горизонт; на скаты отдаленных гор легла красивая красно-синяя дымка.

При двойном колодце Хара-сухай мы встретили шаньсийских китайцев, проживавших в фанзе и занимавшихся покупкой верблюжьей и бараньей шерсти.

Любители и знатоки огородничества, они сумели и в пустыне развести маленький огородик, в котором хорошо родятся кукуруза, тыква, морковь, капуста, редиска, лук, чеснок и прочее.

Теперь несколько слов о последнем осеннем пролете птиц, который мы наблюдали в эту осень частью в Восточном Цайдаме, частью в Восточном Нань-шане и частью в Южной и Средней Гоби. Ни в одном из этих мест массового, или так называемого «валового пролета» пернатых видеть не приходилось; приведенный ниже список составился преимущественно из наблюдений сравнительно небольших стай, групп или даже одиночек.

Некоторое стремление к переселению на юг обнаружено было удодами (Upupa epops) и серыми плисками (Motacilla leocopsis) еще в конце июля.

1 августа с цайдамских болот отлетали за горы ржанки (Charadrius dominicus fulvus); в течение же следующих трех дней периодически уносились стаи серых гусей, уток-нырков и куличков-зуйков (Charadrius alexandrinus), 8-го летели одиночками или небольшими стайками улиты-черныши; на следующий день, 9-го, замечен соколдербник (Alesalon columbararius regulus).

В течение второй трети августа при долинах озёр Цаган-нор, Далай-дабасу и Куку-нор почти ежедневно летели жаворонки (Calandrella rufescens kukunorensis) и вновь серые и индийские гуси, турпаны, улит-красноножка (Tringa totanus), башенный стриж (Apus apus), горные ласточки (Biblis rupestris), соловьи-красношейки (Calliope pectoralis Tschebaiewi), пеночки (Phylloscopus affinis), шеврицы (Authus spinoletta), краснохвостки (Phoenicurus alashanicus), коршун черноухий (Milvus migrans), крачки-мартышки (Sterna hirundo), кулички-песочники (Erolia temminckii), выше отмеченные ржанки, удоды и впервые наблюдаемые бакланы (Phalacrocorax carbo).

21 августа замечены желтые плиски (Rudytes citreola), варакушки-синешейки (Cyanecula suecica), 22-го — опять серые гуси, 23-го — байкальские плиски (Motacilla alba baicalensis), белоголовая овсянка (Emberiza leucocephala), 24-го — чекканы (Pratincola torquata), 30-го — камышовый лунь (Circus spilonotus) и 31-го — какие-то длиннохвостые ласточки.

Затем следует месяц сентябрь, наполовину проведенный экспедицией в Восточном Нань-шане, наполовину в Южной Монголии.

3 сентября отлетали на юг, по ущелью гор, изящные белоголовки (Chaemarrhornis leucocephala), 4-го — вновь байкальские плиски, 6-го — также отмеченные выше ласточки, 7-го — шеврицы, или луговые коньки, 8-го — опять длиннохвостые ласточки, на этот раз не в одиночку, а порядочными стайками.

14 сентября — полевой лунь (Circus cyaneus), 16-го — бекасы (Capella solitaria), 18-го — шеврицы (Anthus maculatus), 19-го — серые журавли (Grus grus), чибисы (Vanellus vanellus), серые скворцы (Spodiopsar cineraceus), 20-го — пустынные чекканы (Oenanthe deserti) и ласточки-касатки.

21 сентября — короткохвостый коршун, серые гуси, большие кроншнепы (Numenius arquatus), 23-го — речная скопа (Pandion haliaëtus), серые цапли (Ardea cinerea), снова серые журавли, 24-го — утки-нырки, 27-го — лебеди, гуси, утки-кряквы, утки-чирята, голубь (Streptopelia tranquebarica humilis), прежние турпаны, чибисы, болотные, или камышовые, луни, 28-го — отмеченные выше пустынные чекканы (Oenanthe deserti).

Наконец, в октябре: 7-го—мухоловка, 12-го—ястреб-перепелятник (Accipiter nisus), быть может зимующий в Алаша, 15-го — галочки (Coloeus dauricus) и шеврицы, и в последний день октября — 31-го — запоздалый пролетный рыжегорлый дрозд (Turdus ruficollis), который вероятно приютился на зимовку в княжеских парках Дын-юань-иня.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

СРЕДНЯЯ И СЕВЕРНАЯ МОНГОЛИЯ

Северная граница Алаша.— Опять во владениях Балдын-цзасака.— Монгольский Алтай; пересечение гор Гурбан-сайхан. — Горы Дэлгэр-хангай. — По землям Тушету-хана. — Озеро Хара-тологойнын-нор. — Урга и последние дни путешествия.

Общий характер Средней и Северной Монголии — пустынно-горный, последовательно переходящий на севере в культурно-горный. Как бы широки ни были долины, но путник при хорошей погоде всегда ориентируется той или другой высотой, тем или иным кряжем, теми или другими горами, разбросанными по всей Гобийской пустыне, не говоря уже про типично-горную страну, какою является Северная, соседняя России, Монголия.

В первые три дня после колодца Хара-сухай, который мы оставили 11 октября, экспедиция продвинулась в северо-западном направлении около 90 вёрст. Южная половина означенного пути приходилась в области более массивных гор — Шарцзан-шили и Эльцзэ-сайхан, залегавших поперечно и наиболее круто обрывавшихся на внешние противоположные стороны, куда устремлялись песчано-галечные сухие русла.

Основной породой, слагающей как южные, так и северные горы, является гранит, в первом случае — темнорозовый роговообманковый, средне- и крупнозернистый, во втором — серо-розовый роговообманково-биотитовый, крупнозернистый, с дополнением розово-бурого глинистого песчаника и грязнорозового биотитового гранита, обнажающегося в ущельях, засыпанных с боков и по дну глинистым песком, содержащим дресву и щебень розового гранита. В гранит Шарцзан-шилийских гор включаются: порфирит, порфир, мелко- и крупнозернистый, розовый аплит, светлосерый кварц и серо-розовый крупнозерни-

стый биотитово-роговообманковый гранит, с прожилками, в свою очередь, розового мелкозернистого аплита.

Относительно гор вообще можно заметить, что они крайне пустынны: лишь по краям русел, там и сям, пестрят площадки золотистого дэрэсуна (Lasiagrostis splendens); повыше, среди сильно обточенных ветром гор, лепится кустарник и кое-где, вдоль самых русел, темнеют более или менее высокие деревья ильма. Зверей мы не встречали вовсе, а из птиц изредка попадались: сокол-пустельга, черные вороны, монгольские вьюрки (Erythrospiza mongolica), жаворонки и большие дрофы.

Двигаясь по глубокому, коридорообразному ущелью Торайн-гол, мы встретили в нем одну жалкую юрту, молодая обитательница которой охотно пришла на помощь нашим проводникам и в шторм отлично провела караван на колодец Боригин-усун. Малоощутительный в горах ветер дал знать себя тотчас по выходе нашем в покатую на север долину, служащую восточным продолжением котловины Гойцзо. Последняя в месте этого пересечения экспедицией была сплошь покрыта саксаулом. Холодный северо-западный шторм пронизывал до костей, заметал тропу и поднимал пыль, сквозь которую слабо вырисовывались прилежащие к дороге высоты: Арыкшан, Аргалинтэ и Беркэин-гун.

В наиболее углубленной части Гоби водоносный горизонт проходит на 5—7 футов (1,5—2,1 *м*) ниже земной поверхности, которая, вообще говоря, представляет более или менее измельченный продукт разрушения горных пород, вынесенных из гор потоками и обточенных песком. На нашем пути по берегам русел изредка обнажался плотный глинистый известняк и далеко по сторонам виднелись на поверхности пластинчатый гипс, агатовые и халцедоновые конкреции, а также оригинально обточенные песком куски мелкозернистого кварцита.

Подле большинства гор, по руслам речек, в наиболее глубоких долинах, словом повсюду я встречал следы пребывания монголов-кочевников; то же самое, на всем поперечном пути по Гоби, мне подтверждали и проводники относительно окрестных мест. Это обстоятельство красноречиво говорит в пользу того, что абсолютно безлюдной, абсолютно безводной, пустыня Гоби на большие пространства нигде не представляется, что нет-нет да встретится колодец или родник, что нет-нет да встретится один или несколько монголов.

В северо-восточном углу Алаша нам нередко попадались личности с большими, сравнительно конечно, глазами, высокими, изогнутыми носами и даже длинными лицами. При расспросах оказывалось, что это результат пребывания на северо-восточной окраине Алашаньского хребта небольшой горсти киргизов или, как их здесь называют, «хотон», живущих, повидимому, несколько обособленно, хотя административно и входящих в состав одного из монгольских сумунов.

14 и 15 октября мы шли прямо на север, притом в течение всего первого дня по крайне пустынной, дикой местности.

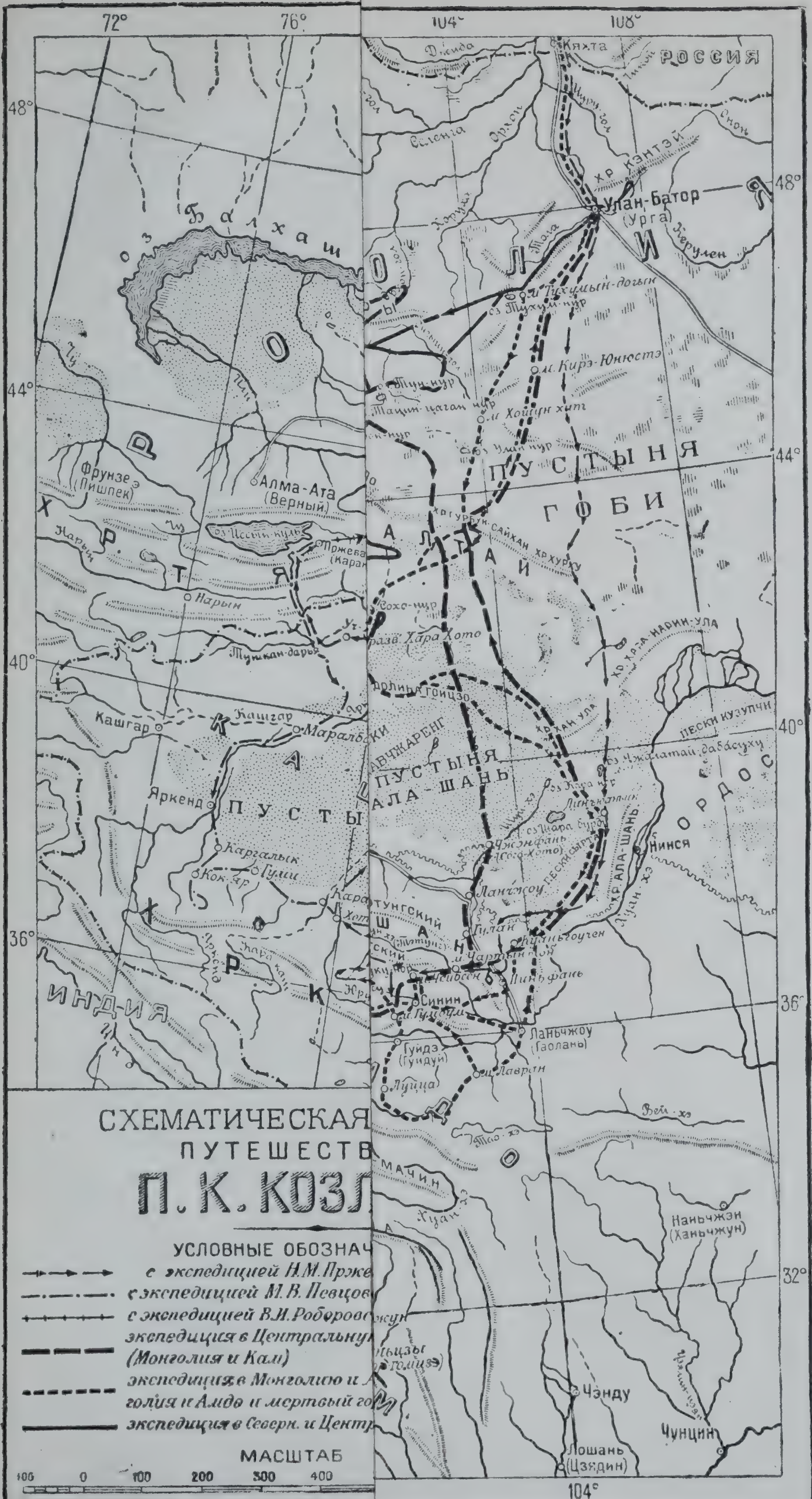
По своему геогностическому составу южная гряда гор Кэндэсын-ула значительно разнообразнее, нежели северная, хотя, конечно, главное основание тех и других гор очень близкое, однородное. Первую, или южную, гряду слагают граниты, биотитово-роговообманковые гнейсы, известняк, корунд, обнаруживающийся при разломе известняка, слоистый кварц, мелафиры; последние с включением разноцветных мелких и крупных миндалин кварца, агата, халцедона и фельзитовый туф. Вторую, или северную, гряду Кэндэсын-ула составляют: биотитовый гнейс, сланец и доломитовый известняк.

Покидая Кэндэсын-ула, мы оставляли и землю алаша-цин-вана; перед нами залегали владения Балдын-цзасака, где растительный покров Гоби значительно улучшился: дэрэсун стал встречаться чаще и изобильнее, по высотам пестрел кипец, по которому паслось много баранов, верблюдов и даже лошадей. Местность вообще значительно оживилась. Теперь, взирая на север, мы с ещё бóльшим нетерпением ожидали приближения всплывавших из-за этой части горизонта гор, чтобы с их вершин смотреть на следующие и следующие высоты или гряды. Двигаясь в лабиринте последних, между прочим, устаешь наблюдать их однообразное строение, монотонность; глаз невольно останавливается только на выдающихся вершинах, служащих путникам маяками.

Теперь о горах Цзун-цохонын-шили, общий характер которых, впрочем, оставался тот же, что и прочих гобийских гор. И эти горы слагались из гранитов гранит-порфира, порфира, порфиритов — со включением порфирового туфа, гнейса, базальта и примешивающихся на окраинах: южной — белого кварца и северной — мергельного известняка. Сюда же можно отнести и породы, слагающие несколько удаленные в северном направлении высоты Сумбур-хайрхан — известняковый сланец и глинистый песчаник, и Тасырха — брекчию и конгломерат.

Следующими тремя переходами — с 19 по 21 октября — экспедиция перенесла свой лагерь в Шины-кобэр, сделав интересное пересечение гор Ихэ-аргалинтэ и Бага-аргалинтэ, протянувшихся, как и другие гобийские складки, в северо-западном — юго-восточном направлении. Означенные горы, благодаря очень хорошим пастбищам, были населяемы местными кочевниками, нередко проносившимися верхом на быстрых лошадях в ту или другую сторону, выдавая себя громким пением.

Как те, так и другие горы слагаются преимущественно из мелафировых туфов, эпидотов, брекчии, к которым на северной окраине Бага-аргалинтэ примешиваются: порфир, белый кварц, гранит и крас-


СХЕМАТИЧЕСКАЯ
ПУТЕШЕСТВ
П. К. КОЗЛ
УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧ
с экспедицией Н.М. Прже
с экспедицией М.В. Певцов
с экспедицией В.И. Роборовс
экспедиция в Центральну
(Монголия и Кам)
экспедиция в Монголию и
голия и Амдо и мертвый го
экспедиция в Северн. и Центр
МАСШТАБ
100
0
100
200
300
400
72°
76°
104°
108°
48°
44°
40°
36°
32°
РОССИЯ
Кяхта
Улан-Батор
(Урга)
ХР. ХЭНТЭЙ
Керулен
оз Балхаш
Фрунзе
(Пишпек)
Алма-Ата
(Верный)
оз Иссык-куль
Нарын
Кашгар
Маралбаши
Яркенд
Каргалык
Гума
Кок-яр
ИНДИЯ
ПУСТЫНЯ
ГОБИ
ПУСТЫНЯ
АЛА-ШАНЬ
ОРДОС
ПЕСКИ КУЗУПЧИ
Хара Хото
Сохо-нур
Нинся
Синин
Ланьчжоу
(Гаолань)
Гуйдэ
(Гундуй)
Лавран
Чэнду
Лошань
(Цзядин)
Чунцин
Ханьчжэн
(Ханьчжун)
Вэй-хэ
Тао-хэ
ХР. ХАН-УЛА
ХР. АЛА-ШАНЬ

СХЕМАТИЧЕСКАЯ КАРТА
ПУТЕШЕСТВИЙ
П. К. КОЗЛОВА
УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ
с экспедицией Н. М. Пржевальского в 1883-85 г.г.
с экспедицией М. В. Певцова в 1889-90 г.г.
с экспедицией В. И. Роборовского в 1893-95 г.г.
экспедиция в Центральную Азию и Тибет в 1899-1901 г.г. (Монголия и Кам)
экспедиция в Монголию и Амдо в 1907-09 г.г. (Монголия и Амдо и мертвый город Хара-хото)
экспедиция в Северн. и Центр. Монголию в 1923-26 г.г.
МАСШТАБ
100 0 100 200 300 400 500 600 700 800 км
РОССИЯ
Кяхта
Улан-Батор (Урга)
Устькаменогорск
оз. Балхаш
Фрунзе (Пишпек)
Алма-Ата (Верный)
Кульджа
Урумчи
Кашгар
Яркенд
Хотан
Керия
ПУСТЫНЯ ТАКЛА-МАКАН
оз. Лоб-нор
ДЗОСОТЫН-ЭЛИСУН
ПУСТЫНЯ ГОБИ
ПУСТЫНЯ АЛА-ШАНЬ
ХР. КУРУК-ТАГ
ПЕСКИ КУМ-ТАГ
РАВНИНА СЫРТАН
ХР. ПРЖЕВАЛЬСКОГО (АККА-ТАГ)
ИНДИЯ
Ланьчжоу (Гаолань)
Чамдо
Лхаса
Чэнду
Чунцин
ОРДОС
72° 76° 80 84° 88° 92° 96° 100° 104° 108°
48° 44° 40° 36° 32°

но-бурая, пористая мелафировая лава; последняя впрочем наблюдалась и в южной окраине Ихэ-аргалинтэ, залегая на песчано-каменистой поверхности в виде больших и малых обломков.

С северной окраины Бага-аргалинтэ мы увидели горы Гурбан-сайхан во всей их пустынной прелести.

Горы Гурбан-сайхан тянутся около 100 вёрст в северо-западном — юго-восточном направлении, представляя одно из довольно видных звеньев общей цепи Монгольского Алтая. На жолобообразном пьедестале рассматриваемых гор рельефно выступают его «три хороших» вершины — Барун, Дунду и Цзун, то-есть западная, средняя и восточная, достигающая максимальной абсолютной высоты, приблизительно в 8 тыс. футов (2 400 *м*). Породы, слагающие Гурбан-сайхан, следующие: порфириты, порфиритовые туфы, известняки, сланцы, глинистый песчаник, роговик, риолит, гобийский мергель и белый кварц; кроме того в недалеком сравнительно расстоянии к северу от гор, вдоль их подошвы, там и сям обнажаются: диорит, гранит, гнейс и уже отмеченные выше белый жильный кварц, песчаник и порфиритовые туфы.

Из растительности, в смысле которой и придано название «три хороших», Гурбан-сайхану свойственны: дикий абрикос, хармык, бударгана, два вида караганы, из травянистых же форм — чернобыльник, полынка, дэрэсун, ковыль (Stipa orientalis), различные злаки, пырей, Calamagrostis и несколько видов солянок. Из животного царства, из зверей: каменные бараны, или аргали, горные козлы, волки, лисицы, хорьки, зайцы и более мелкие грызуны, а из птиц: черные грифы, орлы, соколы, филины, совы, черные во́роны, жаворонки, завирушки, вьюрки, горные голуби и каменные куропатки. Монгольское население со своими стадами ютилось в это время по обоим склонам гор, преимущественно вблизи источников и глубоких ущелий, богатых льдом или снегом. Начальник хошуна — Балдын-цзасак — проживал у южного подножья среднего, или Дунду-сайхана. В прилежащей с юга долине также не мало кочевало монголов, группировавшихся главным образом около двух первостатейных монастырей — Байшинтэн-хит и Шюлюты; первый насчитывает в своих стенах от 100 до 500 лам, в зависимости от времени года и периодических хуралов; второй значительно меньше.

Оставив Шин-кобэр 22 октября, экспедиция в три последующих дня достигла урочища Хонгыр-обо. В первый из этих дней мы ночевали у северной окраины Гурбан-сайхан, второй у южной; пересечение гор было произведено по плоскому луговому перевалу Охин-кутэль, поднятому над морем на 7 270 футов (2 220 *м*). К югу и северу с массивов Гурбан-сайхан сбегают длинные бэли — покатости, граничащие с большими кукухотоскими дорогами, и открываются широкие виды, в особенности к северу, где местность после котловинообразной

долины снова заволновалась высотами и грядами, из которых на нашем пути выделяются Онцо и Хонгыр-обо; к юго-востоку же от них стоят Хан-ула и Аргалинтэ. В долине «Белого дэрэсуна» — Цаган-дэрэс — мы встретили ещё большее оживление и населения и животного мира. Сюда проникают так называемые цаган-дзере, или монгольские антилопы (Gazella gutturosa), изредка подвертывавшиеся под наши выстрелы.

За долиной первые обособленно стоящие высоты слагаются или из порфиритовой брекчии, или песчаника, переходящего в мелкозернистый конгломерат, который вообще говоря обнаруживался здесь по сухим руслам и обрывистым берегам.

Весь горный район, пройденный в последние три дня, можно разделить на три группы: южную, или Уйцзин-уха, с горой Сучжин-хир; среднюю с вершинами — Обо, Дэритэ, Баин-боро, и северную, составляющуюся из гор Аргалинтэ и Алгой-хайрхан. Первая из групп слагается из гранитов, бледнорозового кварцевого порфира, порфировых брекчий, гнейса, гнейсо-гранита, туфа, мелафира, трахитовой лавы, белого кварца и белой, твердой, плотной глины. Вторая — из песчаника, туфов, риолитовой брекчии, роговообманкового порфирита и пузыристо-миндалекаменного мелафира; наконец, третья или северная — из сланцев, известняков, порфиритового туфа и гобийского конгломерата. Горные породы, находясь под сильным влиянием ветров, разностей температур, воды и прочих агентов, разрушающих, рвущих, продырявливающих, обтачивающих и уносящих продукты разрушения в прилежащие долины, нивелируют рельеф поверхности Гоби. Преобладающий гранит местами навален в хаотическом беспорядке, местами расположен в виде более или менее правильных пластов, или так называемых матрацов, расставленных этажами в вертикальном или наклонном положении.

С вершины Алгой-хайрхан открывается широкая долина, граничащая на севере Дэлгэр-хангаем и его непосредственным добавочным крылом, составляющимся из гор, отмеченных у местных монголов названиями: Хайлистан-хир, Хулу-хайрхан и Талы-уха. Перевалив их общую грань, слагающуюся из известняков, гнейса, сланца, доломита, гранита и кварцитов, мы вступили в котловину, поросшую дэрэсуном, где при колодце Дэрэсун-усу, поднятом на 4 130 футов (1 260 *м*) над морем, приютились на целый день, с целью произвести астрономическое наблюдение и выполнить другие чисто хозяйственные работы экспедиции.

Навещавшие нас чиновники-монголы, подведомственные Тушетухану, были в высшей степени любезны и предупредительны. Они же, между прочим, первые дали нам сведения относительно трех монастырей, расположенных по речке Онгиин-голу. Первый из этих монасты-

рей, Хошун-хит, некогда основанный на самом берегу Онгиин-гола, где теперь, по словам монголов, одни лишь развалины — следы мусульман-мятежников, ныне лежит в открытой долине, в некотором отдалении от левого берега речки; размеры этого монастыря значительные: в нем постоянно пребывают до 200 лам в шестом и десятом месяцах, и около 500 в период хуралов. Во главе Хошун-хита стоит заслуженный лама, родом монгол, получивший образование в ургинской школе и в других наиболее важных монгольских монастырях от тибетских учителей. Другие два меньших монастыря расположены верстах в 20 выше, в горах, на том и другом берегу Онгиин-гола, а именно — на правом берегу монастырь Хутухту-ламэн-хит, на левом — Хамбэн-хит; оба названия приурочены к санам настоятелей монастырей, насчитывающих каждый не более 100 человек братии.

От колодца Дэрэсун-усу до кумирни Кирэ-юнюстэ экспедиция следовала в области гор, сначала Дэлгэрхангайских, затем других — меньших, с востока и запада прилежащих к дороге. Дэлгэр-хангай представляет собой узкий, скалистый кряж, наиболее высоко поднимающий свой острый гребень по середине.

Дэлгэр-хангай на нашем пути слагается из порфиров, фельдшпатита, песчаника, гранитов, диабаза, мергеля, известняка, известкового шпата и порфирового туфа. Следующие же за Дэлгэр-хангаем высоты и горки до кумирни Кирэ-юнюстэ включительно — из гранитов, гранит-порфира, диорита, аплита; в междугорных пространствах, по поверхности, залегает более или менее крупный гравий, по которому местами встречаются миндалины агата и сердолика; впрочем, в местах наиболее углубленных виднелись блестящие глинистые площади или темные влажные «солончаковые грязи», быстро съедавшие выпадавший снег. В котловинке же, ограниченной с одной стороны подножьем Дэлгэр-хангая, с другой подножьем соседних высот, находится небольшое солёное озерко Тугрюгин-нор, а у подножья горки Баин-ула, лежащей по соседству с кумирней Кирэ-юнюстэ, покоит воды другое, ещё меньшее — Хонкыр.

Дорога была прекрасная, на первой половине полого поднимавшаяся на невысокую гряду, на второй так же полого с неё спускавшаяся к небольшому солёному озерку Хара-тологойнын-нор, лежащему на 4 410 футов (1 350 *м*) над уровнем моря у подножья высот, слагающихся из зелено-серого, мелкозернистого, глинистого песчаника. Упомянутое озерко не глубокое, с плоскими берегами; с южной стороны к нему примыкает болото, с северной — отличный пресный источник, подле которого располагались две больших юрты, приготовленные для экспедиции.

На утро — 2 ноября — с рассветом мы снова в пути, последовательно пересекая мягко-волнистые очертания поверхности. Мираж во

всей прелести: оригинальные фантастические фигуры увенчивали вершины горок, наибольшая из которых Мункутын-тӧна-ула по временам походила на гигантский корабль, колыхающийся среди высоких волн разбушевавшегося атмосферного океана. Пробегавшие в области миража монгольские дзерены казались призраками. Кроме дзеренов в этой местности мы наблюдали зайцев и пищух; первых терзали орлы, вторых сарычи — бурый и светлый; последний — Buteo leucocephalus — пополнил между прочим нашу орнитологическую коллекцию.

Оставляя обширную равнину, экспедиция приближалась к горам, обступавшим дорогу с запада и востока и сближавшимся на северо-востоке в форме острого угла, вершиной для которого могла бы служить гора Хайрхан, северная окраина гор Баин-улан.

3 ноября мы прошли 42 версты (45 *км*) и все до единого ознобили себе лица, так как вслед за снежным штормом ударил мороз в 27,5°. Накануне бурного дня сплошная облачность помешала мне произвести астрономическое наблюдение в урочище Ихэ-атацик так же, как снежный шторм помешал то же самое сделать при ещё более заметном и важном пункте — Хайрхан, где сомкнулись маршруты мой и Н. М. Пржевальского. Здесь я закончил свою съёмку.

Как западные, так и восточные горы, равно и прилежащие высоты, до высот, окрестных колодцу Чжаргалантэ включительно, слагаются из биотитовых гранитов, к которым в горах Ара-уртэ кроме того примешиваются: жильный белый кварц, кварцевый протеробаз, такой же порфир, серо-зеленый габбро и габбро почти афанитовый, переходящий в зелено-серый габбро-диорит.

По мере приближения к Урге растительный покров Монголии ещё более улучшается, а с этим вместе увеличивается и население. Всюду по сторонам виднелись монголы и их многочисленные стада; дороги были крайне оживлены пестрыми нарядными всадниками, быстро скакавшими в ту или другую сторону. Наиболее привлекали к себе внимание кортежи монгольских князей и старейших лам, одетых в желто-красные одежды. Появились и допотопные скрипучие монгольские двухколесные телеги, длинными вереницами запруживающие дороги.

Спускаясь с перевала Гангын-дабан, поднятого над морем на 5 480 футов (1 670 *м*) и сложенного из зелено-серого, очень мелкозернистого, твердого, туфовидного песчаника, мы радостно приветствовали священную гору Богдо-ула, сплошь засыпанную снегом, на белом фоне которого резко и красиво выделялись темные, густые заросли леса. На другой же день, 7 ноября, обогнув её у западного подножья и переправившись через шумную, прозрачную Толу, мы вскоре затем достигли и дома ургинского консульства.

Не берусь описывать тех радостных чувств, которыми мы были

переполнены, достигнув конца нашей трудной задачи, увидев родные лица, услышав родную речь... Чем-то сказочным повеяло на нас при виде европейских удобств, при виде теплых уютных комнат, при виде сервированных столов. Наша внешность так сильно разнилась и не подходила ко всему этому комфорту, что консул Я. П. Шишмарев не мог не подвести меня к зеркалу и не показать мне меня же самого. «Таким, как вы теперь, — говорил Я. П. Шишмарев, — некогда вступил в Ургу и ваш незабвенный учитель Н. М. Пржевальский, отдыхавший вот в этой большой комнате, которую я приготовил для вас!».

Время, проведённое в Урге, мелькнуло незаметно. 14 ноября 1901 года мы выступили прежним походным порядком по направлению к Кяхте. На этом известном пути мы заранее знали места остановок каравана, где уже ожидали экспедицию и теплые юрты, и сменные животные, и новые проводники. Если в дороге нас донимали ветры и холода — наибольший мороз был около 35° 19 ноября, то зато в местах ночёвок мы чувствовали себя превосходно, попивая чай и читая газеты, журналы, которыми в достатке нас снабдило консульство.

Кяхта своим широким гостеприимством заставила ещё более позабыть пережитые нами невзгоды и лишения, сочувствие же Петербурга укрепило нас в сознании посильно исполненного долга.

ЗНАМЕНАТЕЛЬНЫЕ ДАТЫ[1]

I. Присуждение наград П. К. Козлову

1. Серебряная медаль Н. М. Пржевальского Русского Географического общества за труды по изучению природы Центральной Азии — 1891 г.
2. Константиновская медаль — высшая награда Русского Географического общества — за Тибетскую экспедицию (1899—1901), 1902.
3. Медаль основателя Английского Географического общества 22 мая 1911 г.
4. Большая золотая медаль Итальянского Географического общества — 19 февраля 1911 г.
5. Премия Чихачева Французской Академии наук — 19 ноября 1913 г.

II. Избрание П. К. Козлова в члены научных обществ

1. Действительный член Русского Географического общества — 14 октября 1891 г.
2. Действительный член Московского общества испытателей природы — 27 февраля 1896 г.
3. Корреспондент Зоологического музея Академии наук — 16 декабря 1896 г.
4. Почетный член Ботанического сада (теперь Ботанический институт Академии наук) — 7 февраля 1902 г.
5. Непременный член Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии — 26 октября 1907 г.
6. Действительный член Русского энтомологического общества — 28 декабря 1908 г.
7. Почетный член Троицкосавского отделения Приамурского отдела Русского Географического общества — 26 августа 1909 г.
8. Почетный член Русского Географического общества — 19 апреля 1910 г.
9. Почетный член Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии — 23 октября 1926 г.
10. Почетный член Московского общества испытателей природы — 17 февраля 1927 г.
11. Действительный член Украинской Академии наук — 1928 г.
12. Почетный член Голландского Географического общества — 25 апреля 1896 г.
13. Почетный член Венгерского Географического общества — 30 марта 1911 г.
14. Почетный член Ученого Комитета Монгольской Народной Республики — 1924 г.

---

[1] Примечания. 1. Все даты поставлены на основании архивных материалов Всесоюзного Географического общества. Кроме того, по всей вероятности, П. К. Козлов был почетным членом Английского, Французского и Итальянского Географических обществ, однако, к сожалению, документов об избрании в почетные члены обществ не сохранилось. 2. В списке все даты поставлены по новому стилю.

АЛФАВИТНЫЙ СПРАВОЧНИК

А р г а л — сухой помёт, употребляемый кочевниками в качестве топлива.

Б а р а н т а ч е с т в о — захват чужого скота.

Б о л ь д у р у к (пустынник или копытка) — птица из отряда рябков, близкого к отряду голубей. Живет в степях Центральной Азии (у нас встречается в Казахстане). «Ножки этой птицы со сросшимися пальцами, которые, как и плюска, покрыты сверху пёрышками, действительно напоминают собой копытце» (М е н з б и р. Птицы России, 1895, стр. 559).

Б э р г э н — дружка на свадьбах у цайдамских монголов.

Г е м б у — низший чиновничий класс в Тибете (Каме).

Г и б е л ь Д ю т р е й л ь д е Р е н с а (см. Дютрейль де Ренс).

Во время путешествия в Тибете в 1894 году Дютрейль де Ренс допустил неосторожность: при обнаружении кражи лошадей его отряда он распорядился захватить первых попавшихся лошадей тибетцев, что повлекло за собой нападение многочисленного отряда тибетцев на спутников Дютрейля, большинство из которых не умело владеть оружием. В результате стычки Дютрейль де Ренс был убит и труп его брошен в горную реку. Его сотруднику Гренару удалось получить обратно документы экспедиции, после чего он вернулся во Францию через Пекин (Бейпин).

(См. Г р е н а р. О смерти Дютрейля де Ренса «Туркестанские ведомости», 1897 г., № 27).

Д у н г а н е — населяют Восточный Туркестан, обычно считаются китайцами мусульманами, хотя происхождение этого народа еще достаточно не выяснено.

Д у н г а н с к и е в о с с т а н и я — сильное дунганское восстание против власти Китая происходило в 60—70-х годах прошлого века. Возникало даже временное независимое государство с Якуб-беком во главе. В книге «Монголия и Кам» указывается также и другое, менее известное восстание 1895—1896 годов.

Д ю т р е й л ь д е Р е н с (Dutreuil de Rhins J. L.) — французский путешественник (1846—1894 годы). Производил исследования в Индокитае и Египте. По литературным источникам написал две большие работы о Центральной Азии, после чего предпринял экспедицию в Тибет, где и погиб (см. Гибель Дютрейля де Ренса). Путешествие описал его спутник Гренар (F. G r e n a r d. В книге Mission scientifique dans la Haute Asie, 1897—1898. 3 т.).

Д э в а ш у н — Центральное Тибетское правительство с далай-ламой во главе.

Д э р э с у н-ч и й — Lasiogrostis splendens, высокий кустистый злак, очень распространен и у нас в Средней Азии.

К у н — пеня.

Кэрэксур — древняя могила.

Кярса, или корсак (Vulpes ekloni) — степная лисица.

Лан — единица веса, равная 40 граммам, серебряная монета, равная 2 руб. 30 коп.

Мани — мистическая формула «Ом-мани-па-дмэ-хум» (см.).

Мэньдоны — валы из сланцевых плит с мистическими надписями.

Нирва — казначей в монастырях.

Н'ори — калым — выкуп за невесту.

Обо — священное сооружение, сложенное из камней и ветвей с нанизанными на них бараньими лопатками и лоскутками материи, исписанными «мани». Ставится на возвышенных местах близ дороги.

Ом-мани-па-дмэ-хум — означает «О сокровище лотоса». Лотос по индийской мифологии служит троном творцу мира и является символом земли, счастья, благоденствия и знания.

Пандит — ученый индус. Некоторые пандиты приобрели широкую известность благодаря своим географическим или археологическим исследованиям.

Пандит А-к (или Кришна — Krishna) в 1878—1882 гг. по поручению английского генерала Уокера (J. T. Walker, 1885) произвел топографическую съемку в Тибете, пройдя от Индии до Цайдама и вернувшись другим путем.

Пилин — иностранец (у тибетцев).

Рокхиль (Rockhill William Woodville, 1854—1915) — американский путешественник и дипломат. С 1888 по 1892 г. совершил два больших путешествия по Китаю, Монголии и Тибету. Служил в американском посольстве в разных странах. В 1909 г. был послом в России (см. список литературы).

Рупия — монета Британской Индии, равняется приблизительно 60 коп.

Секты — буддийские секты делятся на две большие группы, которые принято называть в литературе красношапочной и желтошапочной. Первая группа имеет общее определение «ньин-ма», то-есть старой, и делится на несколько отделов. Вторая группа называется «сарба», то-есть новая, и имеет своим главным представителем секту «гэлуг-па», или «гелюг-ба» (основатель Цзонхава) (см. Цыбиков, 1919 г.).

Субурган — буддийский памятник (в память какого-либо события или надгробный).

Тангуты — тибетское племя, живущее в северной части Тибета. Их язык принадлежит к бирминской группе (Грумм-Гржимайло, Изв. Географического общества, 1934 г., т. 66). Согласно Н. М. Пржевальскому (1875) «тангуты резко отличаются как от китайцев, так и от монголов, но отчасти напоминают цыган». «Волосы у всех без исключения черные, глаза не узко прорезанные, как у монголов. Нос прямой, губы большие и довольно часто отвороченные. Скулы выдаются не резко» («Монголия и страна тангутов»).

Тусы, или чжалбо — потомственный князь, управитель округа в Восточном Тибете, Сычуани, Каме.

Уртон (от монгольского «орто») — помещение для остановки, продовольствие, корм животных, сменные подводы, проводники и прочее. Уртон взимается чиновниками с местного населения при проезде их через данную местность по делам службы (обычай у тибетцев-кам).

Хадак — плат счастья — род продолговатого платка из шелковой или бумажной материи, обычно желтого, черного, белого или сиреневого цвета, длиной от одного до шести метров. Часто на хадаках бывают вытканы изображения божеств. Употребляется в торжественных случаях в качестве подарка.

Хайнык — помесь быка-яка с домашней коровой.

Х а к — в Монголии — пониженная часть долины, лишь периодически увлажняется; в сухое время года представляет собой сухую гладкую поверхность.

Х у б и л г а н — перерожденец (согласно буддийскому вероучению после смерти человека душа вновь воплощается).

Х у р д э — молитвенное колесо в виде цилиндра, поставленного вертикально. В хурдэ закладываются списки молитв или делаются надписи на его стенках. Буддисты считают, что вращение хурдэ (которое производится рукой или силой текущей воды) равносильно произнесению молитвы.

Х у т у х т а — титул, присуждаемый за деятельность в пользу религии хубилганам — перерожденцам (Позднеев, Очерки.)

Ц а ц а — конусы из глины и пепла умершего

Ц и н-ц а й — губернатор.

Ц э р и к (монг.) — воин.

Ч а й т ь я — небольшая (настольная) копия буддийских памятников, субурганов.

Ч ж и н — мера веса в Тибете, 600 граммов.

Ч и т к у р — чорт, злой дух.

Ч у р а — сушеный творог.

Ш а б и н а р ы — данники («крепостные») монастыря в Монголии.

Ш а р в а — торговцы — окитаившиеся тибетцы.

Ш и р и к и — болота с мелкими озерами среди них на плоскогорье Тибета.

Я м б с е р е б р а — около 160 рублей (в ценах времени путешествия).

СПИСОК ТРУДОВ П. К. КОЗЛОВА

1895 год

Вести из экспедиции В. И. Роборовского. Из писем П. К. Козлова к генерал-лейтенанту О. А. Фельдману. Сб. писем Роборовского и Козлова, напечатанных в газете «Русский инвалид» за 1895 год, 429—494 и 514—538. Изв. Русск. Геогр. о-ва, т. XXXI, 1895 г.

1896 год

Поездка на реку Конче-дарью. Рекогносцировка северного берега озера Баграш-куль. Труды Тибетской экспедиции 1889—1890 годов под начальством Певцова, ч. III, 1896 г., 93—116.

От Са-Чжоу до Зайсана. Последние шаги экспедиции В. И. Роборовского. Изв. Русск. Геогр. о-ва, т. XXXII, 1896 г., 297—329.

1897 год

Предварительный отчет о трехлетнем путешествии по Центральной Азии. В. И. Роборовский и П. К. Козлов. Доклад П. К. Козлова в Русском Географическом обществе. Изв. Русск. Геогр. о-ва, т. 33, 121—163.

1898 год

Лоб-нор. С двумя картами. Изв. Русск. Геогр. о-ва, т. 34, стр. 60—116.

1899 год

Маршрут Тибетской экспедиции М. В. Певцова (1889—1891 годов) и географическое распределение млекопитающих и птиц в местностях, исследованных ею. Ежегодник Зоологического музея Академии наук, 1899 г., 257—287.

Отчет помощника начальника экспедиции П. К. Козлова. Труды экспедиции Русского Географического общества по Центральной Азии, совершенной в 1893—1895 годах под начальством В. И. Роборовского, ч. II, 1899 г., 296 стр.

1899 — 1901 годы

Вести из экспедиции П. К. Козлова (из писем П. К. Козлова к секретарю Общества). Изв. Русск. Геогр. об-ва.

1899 г., т. 35, вып. VI, 601—614, 711—712.

1900 г., т. 36, вып. I, 18—42; вып. II, 135—153.

1901 г., т. 37, вып. IV, 233—253, 273—353.

1902 год

Памяти Михаила Васильевича Певцова. Изв. Русск. Геогр. о-ва, т. 38, вып. VI, 615—620.

Маршрут Тибетской экспедиции Русского Географического общества под начальством П. К. Козлова 1899—1901 годов. Ежегодник Зоол. музея Акад. наук 1902 г., т. VII, 1—19.

Тибет. Природа, административное деление и население. Добавление к «Сборнику материалов по Азии», 1902 г., № 7, 201—229.

1905—1906 годы

Монголия и Кам. Труды экспедиции Русского Географического общества, совершенной в 1899—1901 годах под руководством П. К. Козлова. Ч. I — По Монголии до границ Тибета, 1905 г., Ч. II — Кам и обратный путь, 1906 г., 732 стр.

1907 год

О Монголо-Сычуаньской экспедиции П. К. Козлова. Труды Троицкосавско-кяхтинского отд. Русск. Геогр. о-ва, 1907 г., т. X, вып. I, стр. 77—79.

Тибетский далай-лама. Исторический вестник, 1907 г., № 1, 230—249.

Английская экспедиция в Тибет, Исторический вестник, 1907 г., № 5, 522—539.

1908 год

Из Монголо-Сычуаньской экспедиции. Землеведение, 1908 г., т. III, 13—23.

1908—1909 годы

Вести из Монголо-Сычуаньской экспедиции под начальством П. К. Козлова. Из писем П. К. Козлова к секретарю Русск. Географического общества и в Главное управление Генерального штаба. Изв. Русск. Геогр. о-ва: т. 44, вып. 3, 1908 г.; т. 44, вып. 5, 1908 г.; т. 44, вып. 7, 1908 г.; т. 45, вып. I, 1909 г.; т. 45, вып. 7, 1909 г.

1909 год

Двухлетнее путешествие по Монголии и Амдоскому нагорью. Тр. Троицкосавско-кяхтинского отделения Приамурского отделения Русск. Геогр. о-ва, т. 12, вып. 1 и 2, 1909 г.; 65—72 (отдельн. оттиск помечен 1911 годом).

1910 год

Всеволод Иванович Роборовский (Изв. Русск. Геогр. о-ва, т. 46, вып. 8—10, 1910 г. (отд. оттиск 1911 г.), 357—367.

Памяти Всеволода Ивановича Роборовского — исследователя Центральной Азии (1879—1895 годы). Военный сборник, 1911 г., кн. 6, 169—178.

1911 год

Русский путешественник в Центральной Азии и мертвый город Хара-хото, 1911 г., 108 (автобиография).

В. И. Роборовский (1856—1910). Землеведение, 1911 г., т. I—II, 136—143.

1912 год

Николай Михайлович Пржевальский, Русская старина, 1912 г.

1913 год

Монголия и Тибет (по поводу провозглашения независимости). Военный сборник, 1913 г., т. 5, 157—160.

Николай Михайлович Пржевальский. Землеведение, 1913 г., кн. III, 57—68.

Трехлетнее путешествие (1899—1901 годы) по Монголии и Тибету. 1913 г., 233 стр., с картой (в 1911 г. — отдельными главами в «Военном сборнике»).

Мертвый город Хара-хото. Сборник в честь 70-летия Д. Н. Анучина. 1913 г., 15 стр.

Николай Михайлович Пржевальский, первый исследователь природы Центральной Азии, 1913 г., стр. 143.

Николай Михайлович Пржевальский. Военный сборник, 1913 г., кн. 10, 1—22.

Николай Михайлович Пржевальский. Изв. Русск. Геогр. о-ва, 1913 г., т. 49, вып. 4—6, 301—314.

Правда о дикой лошади Пржевальского, Землеведение, 1913 г., кн. III, 69—73.

1914 год

Памяти Николая Михайловича Пржевальского. Русская старина, 1914 г., т. 157, стр. 650—666.

Памяти Николая Михайловича Пржевальского (по случаю 25-летия со дня смерти), 1914 г., 19 стр.

В сердце Азии (памяти Н. М. Пржевальского). Вестник знания, 1914 г., № 1, 32 стр.

Николай Михайлович Пржевальский и лошадь его имени, 1913 г., 17 стр.

Аскания-Нова в её прошлом и настоящем, 1914 г., 35 стр.

1915 год

Аскания-Нова (Чапли). Первые опыты акклиматизации животных в России, 1915 г., 43 стр.

1919 год

Современное положение зоопарка «Аскания-Нова». Природа, 1919 г., № 10—12, 467—482.

1920 год

Тибет и далай-лама, 1920, 100 стр. 82 рис.

1923 год

Монголия и Амдо и мертвый город Хара-хото. Экспедиция Русского Географического общества в Нагорной Азии 1907—1909 годов. С 39 фотог. табл., 241 рис., 3 схем, карт. и отчетной картой с маршрут. 1923 г., 678 стр.

1924 год

Монгольский заповедник Богдо-ула, Изв. Русск. Геогр. о-ва, 1924 г., т. 56, вып. I, 169—173.

Письмо П. К. Козлова к председателю Общества, Изв. Русск. Геогр. о-ва, 1924 г., т. 56, вып. 2, 175—176.

1925 год

Северная Монголия. Ноин-Ульские памятники. Краткие отчеты экспедиций по исследованию Северной Монголии в связи с Монголо-Тибетской экспедицией П. К. Козлова. 1925 г.

Что скрыто в курганах Монголии. Журнал «30 дней», № 2. 1925 г., 15—18.

В песках Монгольской пустыни. Огонек, 1925 г., № 10.

1926 год

Три года по Монголии. Огонек, 1926 г., № 44.

Вести из Монголо-Тибетской экспедиции Русского Географического общества, «Хозяйство Монголии», № I, Улан-Батор, 39—53.

1927 год

Три года по Монголии и мертвый город Хара-хото (лекция, читанная в Москве и Ленинграде), с картой маршрутов, 1927 г.

Путешественник П. К. Козлов о себе. Автобиографическая заметка. Огонек, 1927 г., № 3.

Мертвый город Хара-хото. Новый мир, 1927 г., № 7, 236—239.

1928 год

Государственный заповедник «Аскания-Нова», Вестник знания, 1928 г., №№ 15 и 17, 755—761 и 843—849.

Государственный заповедник Аскания-Нова. Научный работник, 1928 г., № 1, 12—23.

Краткий отчет о Монголо-Тибетской экспедиции Государственного Русского Географического общества, 1923—1926 годы, 1928 г., 47 стр.

В сердце Азии. Вестник знаний (краткое научно-популярное изложение трудов П. К. Козлова, преимущественно по материалам Тибетской экспедиции 1899—1901 годов, 1928 г., (Природа и люди, № 1).

Государственный заповедник Аскания-Нова. Вестник знания, 1928 г.

Тибет, Новый мир, 1928 г., вып. 2.

1929 год

Личные воспоминания о Н. М. Пржевальском. Сорокалетие со дня смерти Н. М. Пржевальского. Ю. М. Шокальский, С. Ф. Ольденбург и П. К. Козлов. Изв. Русск. Геогр. о-ва, 1929 г., 61, вып. 2.

Великий русский путешественник Н. М. Пржевальский. Вестник знания, «Природа и люди», кн. 2, 1928 г., 1929 г.

1930 год

Дары Монголии. Журн. «Советская Азия», 1930 г., № 3—4.

1935 год

Кочующие реки Центральной Азии. Изв. Русск. Геогр. о-ва, 1935 г., т. 67, вып. 5 (вышло в печать по смерти П. К. Козлова).

1941 год

По Монголии. Из путевых дневников (отрывки из путевых дневников экспедиции 1923—1926 годов, отредактированные женой П. К. Козлова — Е. В. Козловой). Журн. „Наша страна", 1941 г., № 4.

ТРУДЫ П. К. КОЗЛОВА НА ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКАХ
(Переводы)

Nachrichten von der Expedition P. K. Koslows. Petermanns Geograph. Mitteil. Bd. 47, 1901, стр. 90—94, 160—163, 182—187, 205—208, 237—239 (перевод сообщений, напечатанных в Изв. Русск. Геогр. о-ва „Вести из экспедиции П. К. Козлова").

The scientific results of the russian expedition to Kham. Report of the highth Internat. Geograph. Congress, 1904, Washington, 1905 г., 737—740 (о работе экспедиции 1899—1901 годов).

The Mongolia — Sze-chuan expedition of the Russian Geograph. Society, Geograph. journal, 1909, 34, № 4 (О работе экспедиции 1907—1909 годов).

Spedizione nella Mongolia e nel Seciuan. Bollet. della Societa Geograf. Italiana. Fasc. VI. p. 758—775 e fasc. VII, p. 865—885. Rome. 1911 (Работа экспедиции 1907—1909 годов).

Mongolei, Amdo und die tote Stadt Chara-choto. Berlin. 1925, 320 стр. (Сокращенный перевод книг: „Монголия и Амдо и мертвый город Хара-хото" и „Тибет и Далай-лама").

ЛИТЕРАТУРА

1. Цитированная П. К. Козловым

Васильев В. География Тибета, перевод из тибетского сочинения Миньчжул Хутухты. 1895.

Ольденбург С. Ф. Сборник 300 бурханов. Акад. наук, 1903. № 3.

Певцов М. В. Очерк путешествия по Монголии и северным провинциям внутреннего Китая. С картой Монголии, Омск. 1883 (Записки Западно-Сибирского отдела РГО, кн. V).

Пржевальский Н. М. Монголия и страна тангутов. 1875.

Пржевальский Н. М. Третье путешествие в Центральной Азии. 1883.

Пржевальский Н. М. Четвертое путешествие в Центральной Азии. 1888.

Позднеев А. М. Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии. 1887. (Записки РГО по отделению этнографии, т. XVI).

Позднеев А. М. (перевод). «Сказание о хождении в Тибетскую страну Мало-дербетского База-бакши», 1897.

И. Порчинский. Об оводах из рода Oestromyia и о личинках оводов из кожи сайги и джейрана. Ежегодник Зоолог. музея Акад. наук, т. VII, 1902.

Потанин Г. Н. Очерки Северо-западной Монголии, в. II, Материалы этнографические, 1881.

Потанин Г. Н. Тангутско-тибетская окраина Китая и Центральная Монголия, т. I, 1893.

Satunin K. A. Neue Nagetiere aus Centralasien.

Сатунин К. А. Новые грызуны из Центральной Азии. Ежегодник Зоол. музея Акад наук, т. VII, 1902.

Цыбиков Г. Ц. О Центральном Тибете. Изв. РГО, т. 39, 1903 г.

A-k. Report on the explorations in Great Tibet and Mongolia, made by A-k in 1879—1882 prepared by J. B. N. Hennessey Dehra Dun. 1891.

Klaproth. Description du Tibet traduite du chinois. Nouveau journal Asiatique publié par la Société Asiatique, tome IV. Paris. 1829.

Rockhill W. W. Tibet, journal of the R. Asiatic Society. 1891.

Rockhill W. W. The land of the lamas. London, 1891.

Rockhill W. W. Notes on the ethnology of Tibet. 1895.

Terrien de La Couperie. The silver coinage of Tibet. Num. Chr. 3.

Waddell L. A. The buddhism of Tibet or lamaism. London. 1895.

2. По материалам экспедиции П. К. Козлова

Бернштам А. Н. Изображение быка в находках из Ноин-ульских курганов. Проблемы истории докапитал. обществ. 1935. № 5—6. 127—130.

Его же. К вопросу о социальном строе гуннов. Проблема истории докапитал. обществ. 1935. № 9—10.

Его же. Гуннский могильник Ноин-Ула и его историко-археологическое значение. Изв. Акад. наук СССР, отд. общ. наук. 1937. 947—968.

Его же. Монгольские гунны. Глава в «Истории СССР», ч. I—II, стр. 298, 1939.

Владимирцев Б. Я. Надписи на скалах халхаского Цокту-тайджи. Изв. Академии наук СССР. 1926. 1253—1280.

Восстановление первоначальных красок ковра из Ноин-Ула. Сборник. 1937. Изд. АН СССР и Гос. Эрмитаж. 15 стр.

Иванов А., Ольденбург С. Ф., Котвич Вл. Из находок П. К. Козлова в г. Хара-хото. 1909. Изв. Русск. Геогр. об-ва, т. 45, в. VIII, 463—477.

Ольденбург С. Ф. Материалы по буддийской иконографии Хара-хото. 1914. 81 стр.

Технологическое изучение материалов курганных погребений Ноин-Ула. Известия Гос. Акад. истории материальной культуры (ГАИМК). 1932, т. XI, в. 7—9, 108 стр.

Тихонов Н. П. Обработка древних тканей фото-аналитическим путем. «Сообщения ГАИМК», 1931, № 1, 17—19.

Тревер К. В. Находки из раскопок в Монголии 1924—1925 г. «Сообщения ГАИМК», 1931 г. № 9—10, 40—47.

Её же. Excavations in Northern Mongolia. (Раскопки в Северной Монголии). Записки Академии истории материальной культуры. 1932. 75 стр. + 32 табл.

Её же. Памятники греко-бактрийского искусства. Изд. АН СССР. 1940.

3. О П. К. Козлове

Отзыв действ. чл. РГО — А. В. Григорьева о трудах В. И. Роборовского и П. К. Козлова по исследованию Центральной Азии. Отчет Русск. Геогр. о-ва за 1897 г. 1898 г.

Отзывы о трудах П. К. Козлова. Отчет Русск. Геогр. об-ва за 1902 г., 1903 г., 15 стр.

Заключение П. П. Семенова о Трудах П. К. Козлова, А. Н. Казнакова и В. Ф. Ладыгина, Отчет Русского Географического общества за 1902 г.

Анучин Д. Экспедиция П. К. Козлова в Центральную Азию. Новый Восток, 1923 г., кн. 3, 399—404.

Аристов Ф. Библиография П. К. Козлова. Землеведение, т. 32, 1930 г.

Безруких П. Открывший Хара-хото. Памяти П. К. Козлова, ж. «30 дней», 12, 1935, 85—89.

Василевский В. Знаменитый русский путешественник П. К. Козлов (1863—1935). Очерк отред. и дополн. академиком В. Обручевым. Наша страна, 1938, № 3, 30—33.

П. К. Козлов — русский исследователь Центральной Азии. Русск. старина, т. 146, 1911, апр. 3—33, май 231—41.

Каратаев Н. Исследователь Центральной Азии П. К. Козлов. Вестник знания, 1936 г., № 8, 583—589.

Максакова В. П. Подорожі П. К. Козлова, під ред. ак. П. К. Козлова, 1931 г.

291 стр. с иллюстр. и картой маршрут. (Краткое изложение всех путешествий для юношества).

Овчинников Б. М. Путешественник и исследователь Центральной Азии П. К. Козлов. География в школе. 1939. № 1. 79—81.

Павлов Н. В. Путешественник и географ Петр Кузьмич Козлов (1863—1935). 1940.

Петров А. Памяти путешественника П. К. Козлова. География в школе. 1935 г. № 6. 62—63.

Семенов-Тян-Шанский А. П. Зоологические результаты экспедиций П. К. Козлова. Изв. Гос. Геогр. об-ва, 1937, № 1.

Токке Н. Путешественник и исследователь Центральной Азии П. К. Козлов, ж. «Терra» (журнал финляндского Географического об-ва). 1926 г., № 1 (на финском языке). 27 стр.

Федченко Б. А. П. К. Козлов. Советская ботаника. 1936 г. № 1. 155—156.

Федяевская В. Мертвый город Хара-хото, открытый русским путешественником П. Козловым, 1924, 36 стр.

Ходукин Я. Первые раскопки в горах Ноин-Ула. Бюллетень № 1. Всес. научн. асс. востоковедов. Иркутск. филиал. 1926 г. 47—55.

Черников А. П. К. Козлов и его экспедиции. Природа, 1939 г., № 12, 101—103.

Шокальский Ю. М. П. К. Козлов (некролог). Наука и жизнь, 1936 г. № 1, 53—56.

Якубович В. Великие русские путешественники (Пржевальский, 1839—1888, П. К. Козлов, 1863—1935). Книга и Пролетарская Революция, 1938 г., № 12,96—104.

СПИСОК

Трудов Тибетской экспедиции 1899—1901 г. („Монголия и Кам"), вышедших из печати

Том I, ч. I, *П. К. Козлов,* По Монголии до границ Тибета. 1905 г.

— » — ч. II. *П. К. Козлов.* Кам и обратный путь. 1906.

Том II, ч. I, *А. Н. Казнаков.* Мои пути по Монголии и Каму. 1907.

— » — ч. II. *В. Ф. Ладыгин.* Поездка на верховье Урунгу и пересечение Гоби. 1907.

Том III. *Н. А. Тачалов.* Астрономические наблюдения П. К. Козлова. *А. А. Каминский.* Метеорологические наблюдения и гипсометрические определения экспедиции П. К. Козлова. 1907 г.

Том IV. Не был издан.

Том V. *В. Л. Бианки.* Материалы для авиафауны Монголии и Восточного Тибета. 1907 г.

Том VI. Не был издан.

Том VII. Двукрылые и перепончатокрылые. Обработали: Т. Бекер, П. Штейн и Фр. В. Конов, 1908.

Том VIII. К. С. Мережковский. Диатомовые водоросли Тибета. 1906.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

От редактора 7
Жизнь и деятельность Петра Кузьмича Козлова — путешественника, исследователя Центральной Азии 9

ГЛАВА I. **На пути в Монгольский Алтай.** План экспедиции. Снаряжение. — По родным пределам. — Богатый Алтай: красота гор, долин и рек. — Дальнейший путь экспедиции. — Русско-китайская граница. — Бассейн Кобдо, влияние соседней пустыни. — Город Кобдо . . . . . 35—42

ГЛАВА II. **Монгольский Алтай.** Общая характеристика Монгольского Алтая и план работ экспедиции в этих горах. — Озеро Хара-усу; баснословное обилие птиц. — Поездка В. Ф. Ладыгина. — Путь через Борджон к Хулму-нору. — Местные кочевники. — Бивуак экспедиции в долине означенного озера. — Возвращение В. Ф. Ладыгина; сведения о речном бобре. — Отъезд А. Н. Казнакова. — Дальнейший путь экспедиции через Тонкиль-нор, Шаргинцаганнорскую долину и озеро Бегернор; попутные монголы и их монастыри. — Осенний пролёт птиц . . . . . 43—60

ГЛАВА III. **Монгольский Алтай.** Снова ближайшее соседство главных гор. — Ламы, паломники в Тибет. — Неожиданная встреча с А. Н. Казнаковым на озере Хутук-нор. — Бивуак при ключе Далын-туру. — Знакомство с озером Боун-цаган-нором. — Жители юго-восточных хошунов Цзасактуханского аймака. — Поездка В. Ф. Ладыгина поперек Гоби. — Массивы Ихэ- и Багабогдо. — Озеро Орок-нор и дальнейший путь экспедиции вдоль северо-восточной окраины гор Арца-богдо. — Трехнедельная стоянка при колодце Чацеринги-худук. — Возвращение Казнакова. — Совместное следование до кумирни Цзурахай-дацан. Попутные монголы Сайннойонского аймака . . . . . 61—86

ГЛАВА IV. **Центральная Гоби.** Общая характеристика Гоби и путешествия по ней. — Отъезд А. Н. Казнакова. — Путь главного каравана; хребет Цзолин и горы Эргу-хара. — Эффектное „halo" вокруг солнца. — Алашаньские монголы. — По пескам Бадан-Чжарэнг. — Озеро Куку-бурду. — Дальнейший путь че-

рез горы Ябарай и города Сого-хото и Лян-чжоу до монастыря Чортэнтан. — Описание этого последнего и свидание с товарищами . . . . . 87—104

ГЛАВА V. **От монастыря Чортэнтана до Восточного Цайдама.** В области гор, прилежащих к Тэтунгу. — Трудность пути по высоким карнизам. — Богатство пернатого царства; оживление дороги местными обитателями. — Монастырь Чойбзэн. — Погода ранней весны в горах. — Встреча с Казнаковым и Ладыгиным. — Стоянка в окрестности города Донгэра. — Путь по северо-западному берегу Куку-нора. — Местные кочевники. — Хребет Южно-Кукунорский и кумирня Дулан-хит. — Вид на хребет Бурхан-Будда. — Пребывание в Цайдаме и весенний пролет птиц . . . . . 105—122

ГЛАВА VI. **Цайдам.** Географическое положение. — История цайдамских монголов. — Гэгэн Гуши-хан. — Покорение шарайголов китайцами. — Добавление об историческом прошлом монголов Цайдама; Цокто-хан и Гуши-хан. — Административное разделение покоренных шарайголов. — Как монголы начали отангутиваться. — Табун-Цайдам. — Курлык; население, его занятия и благосостояние. — Тайчжиннэр; Цзун; Барун. — Племенной состав, администрация, скотоводство . . . . . 123—137

ГЛАВА VII. **Цайдамские монголы.** Наружный тип, одежда, жилище, домашняя утварь, пища и занятия. — Приём и угощение гостя. — Отношения полов. — Выбор невесты. — Сватовство. — Свадьба: перемена прически, подарки невесте и посещение ее дома женихом; прибытие невесты, поклонение небу, солнцу и луне — клятва в верности. — Посещение родителей новой юрты. — Роженица и новорожденный; острижение волос. — Похороны. — Юридические обычаи. — Перебежчики. — Приметы и пословицы. — Новый год, праздник печати и хуралы. — Военные смотры. — Хамбо-лама . . . . . 138—164

ГЛАВА VIII. **Восточный Тибет и его обитатели.** Общий взгляд на Тибет. — Административное деление его восточной части. — Подчинённые Синину тибетцы; их подразделение. — Хан Нанчин-чжалбо. — Периодические посещения Кама сининскими властями. — Этнографические заметки о тибетцах. — Наружный тип, одежда, вооружение, жилище, пища. — Занятия кочевого и оседлого населения. — Монастыри. — Пути сообщения. — Денежные знаки. — Нравственные качества тибетцев. — Состояние боевой готовности. — Грабежи. — Войны с соседями. — Некоторые из обычаев и обрядов: угощение, свадьба, рождение, похороны . . . . . 167—199

ГЛАВА IX. **Путь по Северо-восточному Тибету.** Несколько слов о перевозочных средствах Тибетского нагорья. — Наш караван в Тибете. — Хребет Бурхан-Будда. — Экскурсия по берегам озера Алык-нор. — Хребет Амнэн-кор. — Нголоки. — Пребыва-

ние экспедиции на озерах верхней Хуан-хэ. — Долина Джагын-гола и водораздел Желтой и Голубой рек. — Вступление в Кам — встречные тибетцы хошуна Намцо; их старшина Пурзэк. — Переправа через верхний Янцзы-цзян. — Долина речки И-чю и горы Дютрейль-де-Рэнса. — Бивуак экспедиции на берегу Рхомбо-мцо. — Селение и монастырь Чжэрку. — Свидание с китайским посольством . . . . . 200—236

ГЛАВА X. **В бассейне Меконга.** Последние дни в бассейне „Сына океана". — Хребет Русского Географического общества. — Река Дзэ-чю и прилежащие монастыри. — Верхний Меконг. — Встреча с советником Нанчин-чжалбо. — Хребет Вудвиль Рокхиля. — Бивуак экспедиции в живописном ущелье Бар-чю. — Экскурсия на птиц. — Страна, лежащая к югу от Бар-чю. — Обезьяны. — Следование в Чамдоский округ. — Долина реки Н'ому-чю. Преграждение пути: неожиданное вооруженное столкновение. — Переговоры с чамдоскими властями и приход экспедиции на зимовку в округ Лхадо . . . . . 237—265

ГЛАВА XI. **Округ Лхадо и зимовка экспедиции.** Граница землевладельческого района. — Историческое прошлое Лхадо. — Народонаселение и администрация; лхадог-чжалбо. — Подати с населения округа. — Занятия, пища, одежда. — Ламы и монастыри. — Новый год у чжалбо. — Некоторые из обычаев: рождение ребенка, наречение имени, воспитание. — Обычай девушек и женщин не входить в чужой дом. — Селение Лунток-ндо. — Жизнь и деятельность участников экспедиции на зимовке. — Поездки А. Н. Казнакова в Дэргэ-Гончен и вверх по Меконгу. — Животный мир прилежащей окрестности. — Сношения с Чамдо . . . . . 266—287

ГЛАВА XII. **От зимовки до селения Бана-джун.** Выступление. — Движение по лхадоским владениям. — Опять на высоком плато. — Встреча с дэргэсцами. — Долина речки Гэ-чю. — Хребет Русского Географического общества. — Бивуак на Голубой реке. — Свидание с послами далай-ламы. — Заметка о Лхасе и ее верховном правителе. — Округ Лингузэ. — Хребет пандита А-к. — Пересечение северных гор . . . . . 288—312

ГЛАВА XIII. **В области верхнего Ялун-цзяна.** Селение Бана-джун. — Двухнедельная стоянка экспедиции. — Поездка Бадмажапова в Хор-гамдзэ: река Ялун-цзян; женский монастырь Аниг-гомба; необузданное городское население; подразделение Хорского округа; город и главный монастырь. — Путь экспедиции вверх по Ялун-цзяну. — Преграждение дороги. — Разбойничий хошун Дунза. — Открытое нападение лингузцев. — Следование во владения Дза-чю-кава. — Весенний пролёт птиц . . . . . 313—337

ГЛАВА XIV. **Дза-чю-кава.** Происхождение этой обособленной части Дэргэского округа. — Административное деление. — Подводная и другие повинности. — Занятия. — Перекочевки. — Преступления и наказания. — Монастыри. — Обычаи и обряды:

полиандрия; умыкание невест; калым; случаи многоженства; положение вдовы; особенности похорон. — Физико-географический характер страны, обитаемой дзачюкавасцами. — Наш путь в области северо-восточных кочевий этих тибетцев. — Чамдоские и литанские беглецы . . . . . 338—355

ГЛАВА XV. **В Цайдам.** Общий характер хребта Водораздел и прилежащего нагорья. — Долина речки Сэрг-чю. — Встречные тибетцы округа Сэрта. — Обилие медведей; наша охота за ними. — Озеро Русское. — Сомкнутие маршрутной съемки. — Бивуак на истоке Хуан-хэ. — Обратный старый путь. — Встреча с Ивановым. — Получение почты. — Хребет Бурхан-Будда. — Приход в Цайдам и полуторамесячная стоянка в ущелье Хату. — Заметка А. А. Каминского о климате по данным цайдамской метеорологической станции. . . . . 356—376

ГЛАВА XVI. **По Восточному Нань-шаню.** Обратное следование по Восточному Цайдаму. — Невольная стоянка в окрестности Дулан-хит. — Новый путь через долину озера Далай-дабасу. — Вид Куку-нора с перевала Цзагостэн-котул. — Наш дальнейший путь вдоль южного берега этого бассейна. — Города Донгэр и Синин. — Монастырь Чойбзэн и путь в Чортэнтан; трехдневное здесь пребывание. — Хребет Северо-Тэтунгский и выход на большую дорогу. — Приход в Куань-гоу-чен; описание этого вновь открытого городка . . . . . 377—396

ГЛАВА XVII. **Ала-шань, или Южная Монголия.** Вступление.— Попутные селения и городок Са-янь-цзин. — Выход за Великую стену. — Алашаньская пустыня — пески Сырхэ. — Встречные паломники. — Приход в Дын-юань-ин. — Очерк Ала-шаня, или Алаша; границы, население, нравы, привычки, управление, занятия, монастыри и храмы. — Наше пребывание в Дын-юаньине.—Дальнейший путь к северу. — Свидание с разыскивавшим экспедицию таранчей Абдулвагаповым. — Характеристика попоперечных горок. — Пески Ямалык и колодец Хара-сухай. — Осенний пролёт птиц . . . . . 397—413

ГЛАВА XVIII. **Средняя и Северная Монголия.** Северная граница Алаша. — Опять во владениях Балдын-цзасака. — Монгольский Алтай: пересечение гор Гурбан-сайхан. — Горы Дэлгэр-хангай. — По землям Тушету-хана. — Озеро Хара-тологойныннор. — Урга и последние дни путешествия . . . . . 414—421

Знаменательные даты 422

Алфавитный справочник 423

Список Трудов П. К. Козлова 426

Литература 431

Редактор *Б. В. Юсов*
Редактор карт *А. А. Ульянов*
Художест. редактор *А. М. Иванов*
Техн. редактор *К. В. Крыночкина*
Обложка работы художника *С. И. Пейча*
Заставки *П. И. Павлинова*

Сдано в производство 3/VII 1946 г. Подписано к печати 20/V 1947 г. А01785. Печатных л. 27,5 + 1 7/8 вкл. Учётн.-изд. 35,8. Тираж 15 000 экз. Заказ № 6743. Цена 18 руб. Переплет 1 руб.

1-я Образцовая типография треста „Полиграфкнига" Огиза при Совете Министров СССР. Москва, Валовая, 28.

ЦЕНТРАЛЬНАЯ ГОБИ

ПО СЪЁМКѢ П. К. КОЗЛОВА.

Ноябрь 1899 – Январь 1900

и Сентябрь – Ноябрь 1901 г.

Масштабъ 20 верстъ въ дюймѣ ($\frac{1}{840,000}$)

20 10 0 20 40 60 80 100 верстъ

Высоты въ футахъ

◇ Астрономическіе пункты.

Урга
Кол. Ганты
Кол. Аршанда
Кол. Хамрхань
Кол. Улынъ-бурыкъ
Кол. Хаджю
Кол. Чжаргалантэ
Г. Бага-гашаргань-чюлу
Г. Мункутынъ-тона-ула
Ур. Барунъ хара-тологойныхъ-норъ
Ур. Санглинъ-Далай
Кол. Цаганъ-чикрымъ
Оз. Хоцтынъ-норъ
Цаганъ-обо
Кол. Кучинъ
Кол. Найцзе
Кол. Хату
Г. Номогунъ
Кол. Шабактай
Кол. Цаганъ-хашата
Г. Ахыръ
Кол. Илицынъ
Ур. Боро-залоту
Г. Хулу-хайрханъ
Г. Тага
Кол. Хуцынъ-шанда
Кол. Дэмбосынъ
Г. Баинъ-боро
Кол. Бага-Цаганъ-усу
Кол. Хатынъ-цаганъ-тологой
Г. Бугу
Г. Дуланъ-богдо
Г. Охцдъ-хубуть
Г. Халюханъ
Ур. Дулаанъ
Ур. Цзунъ-обо
Ур. Цзасынъ-сайханъ
Ур. Цзасынъ-тологой
Ур. Хонгоръ-обо
Кол. Шины-усу
Г. Хани-ула
Г. Аргалинтэ
Г. Моноль-богдо
Кол. Цзагынъ-худукъ
Кол. Халцзанъ
Горы Цзурунтай
Кол. Цанчжи
Г. Катэ
Г. Ихэ-номогунъ
Г. Ульзэйтэ-ундуръ
Г. Ухэнтэ
Г. Сэрбэнь-хайрханъ
Г. Ачагаръ
Г. Дуцзэ
Кол. Мандаль-шанда
Кол. Халонинъ-гашунъ
Кол. Халзанъ-худукъ
Кол. Халзанъ-гунъ
Г. Баинъ-нуру
Г. Бага-хонгорчжэ
Г. Ухэнъ
Г. Ихэ-цзасынъ
Г. Бага-цзасынъ
Г. Ахэгаръ
Г. Ихэ-Цзасынъ
Г. Ихэ-Цзасынъ
Г. Ихэ-Цзасынъ

ВОСТОЧНЫЙ ТИБЕТЪ
(КАМЪ)

По съемкѣ П.К.Козлова

Май 1900 - Іюнь 1901.

Пути — П.К.Козлова; А.Н.Казнакова; В.Ф.Ладыгина

Астрономическіе пункты

Высоты в футахъ.

ЦАЙДАМЪ

ТАНГУТЫ

ХОРЧИ

НГОЛОКЪ

ДЗАЧУКА

ДУНЗА

ГАУЗЭН

ЧАМДО

НЬЯРУНЪ

ТАЙКЪ

СЭРТА

Масштабъ 20 верстъ въ дюймѣ (1:840 000)

20 0 20 40 60 верстъ

Отъ Гринвича

Л 3/IV.47 г.

1й Обр. тип. Москва, Валовая, 28. Зак. 6743. Тир. 15300 экз.

Труды экспедиции П. К. Козлова. Томъ IV. Листъ 3-й (южная часть)

Нижняя граница сѣверной части карты.

А Л А Ш А Н Ь

Горы Эргу-хара

Земля Урòтòвъ

Долина (котловина) Гойцзо

Горы Арыкшанъ

Горы Зрбэгэнь-ула

Горы Харанъ-ула

Горы Ябараи

Горы Хара-ула

Горы Кэндэгынь-ула

Горы

Хр. Ма-чань-шань

Хр. Лоу-ху-шань

Хр. Алашанскій

Гобэрь

Саксаулъ

Лесъ

Граница Ала-шаня

Путь А. Н. Казнакова

Дорога в Чжунь-вей

Дорога из Ургы в Калган и Пекин

Восточная дорога в Ургу

Сого-хото

Дынъ-юань-инъ

Лянъ-чжоу-фу

Куань-гоу-ченъ

Юн-тай-ченъ

Сунъ-шанъ-ченъ

Са-янь-цзинъ

Хара-нюръ

Джаратаи-далай (Осадочной — сол.)

Кол. Халэнь-кунь

Кол. Цаганъ тологой

Кол. Шатэнъ-цзадага

Кол. Улянъ-хошу

Кол. Улянъ хада

Кол. Баинъ

Кол. Дзагнынъ

Кол. Ямынъ-усу

Кол. Арган

Кол. Хашата

Кол. Зизэгэ

Кол. Шачжинъ

Кол. Бомбого

Кол. Гашунъ

Кол. Банцзаръ

Кол. Уланъ-таталъ

Кол. Курэтэ

Кол. Яо-ба

Кол. Дарбахай

Кол. Тосунъ

Кол. Шангынъ-далай

Кол. Ла-пай-цзинъ

Кол. Ухэ-худукъ

Кол. Сухайтэнъ-худукъ

Кол. Есунъ-худукъ

Кол. Му-байшинъ

Кол. Шини-худукъ

Кол. Сухайнъ-худукъ

Кол. Цахиринъ-худукъ (Цахиръ)

Кол. Ультхунъ-гашунъ-усу

Кол. Худо-худукъ

Кол. Иликсинъ-худукъ

Кол. Дзагынъ-худукъ

Кол. Цаганъ-худукъ

Кол. Цаганъ-худукъ (разв.)

Кол. Цаганъ-да-дзинъ (разв.)

Кол. Боригина-усунъ

Кол. Баинъ-мото

Кол. Ямынъ-усу

Кол. Шаринъ-сумэ

Кол. Кудо-худукъ

Кол. Дзагынъ-худукъ

Кол. Цаганъ-худукъ

Кол. Цаганъ-худукъ (разв.)

Кол. Цаганъ-худукъ (разв.)

Кол. Цаганъ-худукъ (разв.)

ОГИЗ

при Совете Министров СССР

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ:

1. Вопросы географии. Научные сборники Московского филиала Географического общества Союза ССР. Выпуск первый, 1946. Цена 10 руб.

2. Семёнов-Тян-Шанский П. П. „Путешествие в Тянь-шань". Первое издание, просмотренное академиком Л. С. Бергом, со вступительной статьей Н. Г. Фрадкина, 1946. Цена 14 руб.

3. Рихтер Г. Д. „Север Европейской части СССР". Ответственный редактор академик А. А. Григорьев, 1946. Цена 7 руб.

4. Каманин Л. Г. „Первые исследователи Дальнего Востока". Из серии „Русские путешественники", 1946. Цена 2 руб.

5. Андреев Д. Л. и Матвеев С. Н. „Замечательные исследователи горной Средней Азии". Из серии „Русские путешественники", 1946. Цена 3 руб.

6. Баян О. А. „Первые исследователи Центральной Азии". Из серии „Русские путешественники", 1946. Цена 2 руб.

7. Козлов П. К. „Монголия и Кам", второе издание, сокращённое, под редакцией и со вступительной статьей В. П. Козлова, 1947.

ОГИЗ
при Совете Министров СССР
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ВЫХОДЯТ ИЗ ПЕЧАТИ:

1. Пржевальский Н. М. „Монголия и страна тангутов", со вступительной статьей Э. М. Мурзаева. Второе издание, 1947.

2. Берг Л. С., академик. „Географические зоны Советского Союза", т. I, 3-е издание, 1947.

3. Рязанцев С. Н. „Киргизия". Предисловие академика А. А. Григорьева, 1947.

4. Суслов С. П. „Западная Сибирь". Ответственные редакторы: академик А. А. Григорьев и доктор географических наук Г. Д. Рихтер, 1947.

5. Саушкин Ю. Г. „Географические очерки природы и сельскохозяйственной деятельности населения в различных районах Советского Союза", 1947.

6. Шумский П. А. „Энергия оледенения и жизнь ледников", 1947.

32: 03

Цена 19 руб. 4/00

UNIVERSITY OF ILLINOIS-URBANA
3 0112 070292286